UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00691582 1

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

7175
18.3
47.

ОЧЕРКЪ

ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Отпечатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

СОЧИНЕНІЕ

Кандидата историко-филологическаго факультета

Ореста Левицкаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1875.

DK
508
.7
L48

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1874 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Gesch. M. Zaliznjak 1945

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Введеніе. Постановка вопроса . . . . . Стр. 1.

Глава I.

Состояніе южно-русской общины послѣ татарскаго погрома. Состояніе ея въ періодъ подчиненія Южной Руси литовскимъ князьямъ. Люблинская унія и ея значеніе въ отношеніи къ судьбѣ южно-русской общины. Стремленіе польскаго правительства разрушить общинныя учрежденія въ южно русскомъ обществѣ и подчинить населеніе Ю. Руси преобладанію высшихъ сословій. Противодѣйствіе южно-русскаго народа планамъ польскаго правительства, сказавшееся сначала рядомъ мелкихъ волненій среди козачества и посполитства и окончившееся потомъ всеобщимъ народнымъ возстаніемъ при Хмельницкомъ и освобожденіемъ Малороссіи изъ-подъ власти Польши . . . . . стр. 6.

Глава II.

Освобожденная Малороссія нуждается въ прочной гражданской организаціи. Роль такихъ организаторовъ по необходимости принимаютъ на себя культурные слои тогдашняго южно-русскаго общества: высшіе козацкіе чины и русскіе православные шляхтичи, приставшіе къ козачеству. Характеристика ихъ. Чѣмъ объясняются ихъ симпатіи къ соціальнымъ и экономическимъ порядкамъ Рѣчи-посполитой. Разладъ оказавшійся между стремленіями южно-русскаго народа и его новыми руководителями . . . . . стр. 12.

Глава III.

Главные вопросы внутренней и внѣшней политики, въ рѣшеніи которыхъ руководящая партія старшинъ послѣ Хмельницкаго разошлась

со взглядами народа. Стремленія старшинъ и недовольство ихъ протекціею московскаго государя; причины послѣдняго. Федеративная партія въ Малороссіи и стремленія ея возобновить политическій союзъ съ Польшей на новыхъ началахъ . . . . . стр. 19.

Глава IV.

Положеніе низшихъ классовъ населенія Малороссіи послѣ смерти Богдана Хмельницкаго. Стремленія козачества выдѣлиться въ привилегированное сословіе. Запорожье въ роли представителя интересовъ простого народа. Ослабленіе »рады« и стремленіе старшинъ отстранить запорожцевъ отъ участія въ управленіи дѣлами Малороссіи. Протестъ на Запорожьи, подавленный Выговскимъ. . . . . стр. 29.

Глава V.

Мартынъ Пушкарь, полковникъ Полтавскій, и его борьба съ представителемъ федеративной партіи, гетманомъ Выговскимъ. Принципъ вѣрности союзу съ московскимъ государствомъ, объявленный Пушкаремъ въ противовѣсъ стремленіямъ Выговскаго и людей его партіи къ союзу съ Польшей; насколько популяренъ былъ этотъ принципъ среди населенія Малороссіи и на Запорожьи. Соціальная сторона дѣла Пушкаря; участіе въ немъ народа и Запорожья и побужденія къ этому участію. Низложеніе гетмана Выговскаго . . . . . стр. 38

Глава VI.

Произошли ли какія-либо измѣненія въ характерѣ и направленіи внутренней политики козацкихъ старшинъ и гетмана послѣ низложенія Выговскаго? Гетманъ Юрій Хмельницкій и руководящая имъ партія старшинъ; стремленія ея къ политической самостоятельности Малороссіи. Статьи Гадячскаго договора, какъ политическая и соціальная программа тогдашней автономической партіи въ Малороссіи. Жердевскія статьи, какъ попытка козацкихъ старшинъ къ практическому осуществленію автономическихъ стремленій. Отношеніе къ нимъ московскаго правительства и статьи втораго Переяславскаго договора. Недовольство послѣдними автономической партіи въ Малороссіи. Измѣна Юрія Хмельницкаго московскому царю . . . . . стр. 56.

Глава VII.

Событія въ лѣвобережной Украинѣ послѣ Слободищенскаго договора Юрія Хмельницкаго съ поляками: Возвращеніе лѣвобережья подъ власть московскаго царя и послѣдовавшее затѣмъ фактическое раздвоеніе Малороссіи между московскимъ и польскимъ государствами; печальныя послѣдствія этого раздвоенія въ дальнѣйшей исторіи Малороссіи. Сомко, наказной гетманъ лѣвобережной Украины, и его соперникъ нѣжинскій полковникъ Васюта Золотаренко. Характеристика ихъ борьбы изъ-за гетманства. Несостоятельность автономической партіи старшинъ въ дѣлѣ руководительства политическими и общественными дѣлами Малороссіи. Аристократически-шляхетные идеалы старшинъ, какъ главная причина неудачи ихъ автономическихъ стремленій. Оппозиція городовымъ старшинамъ на Запорожьи и нерасположенность къ нимъ простого народа въ Малороссіи; причины этой нерасположенности. Экономическое состояніе лѣвобережной Украины при Сомкѣ. Выходъ Брюховецкаго изъ Запорожья и агитація его въ Малороссіи, направленная противъ городовыхъ старшинъ. Политика Брюховецкаго, какъ претендента на гетманство. Чорная рада подъ Нѣжиномъ 17 іюня, 1663 г. стр. 65.

Глава VII.

Событія въ правобережной Украинѣ послѣ Слободищенскаго договора: Отношеніе народа къ этому договору. Недоразумѣнія между козаками и польскимъ правительствомъ по церковнымъ дѣламъ и по дѣлу о вводѣ польскихъ пановъ въ владѣніе ихъ имѣніями на Украинѣ. Долговременное пребываніе татаръ въ правобережной Украинѣ въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія. Безвыходность положенія гетмана Юрія Хмельницкаго въ виду тогдашнихъ политическихъ условій края и вступленіе его въ монастырь. Положеніе оставшейся послѣ него партіи козацкихъ старшинъ и политическая деморализація въ ихъ средѣ. Преемникъ Юрія, гетманъ Тетеря; его характеристика. Отношенія его къ татарамъ и полякамъ. Бѣдственность положенія правобережной Украины въ гетманство Тетери. Ненависть народа къ полякамъ и всеобщее стремленіе населенія края къ разрыву союза съ Польшей и объединенію обоихъ береговъ Днѣпра подъ властію московскаго государя. Паволочскій полковникъ Иванъ Поповичъ

въ роли представителя народныхъ стремленій. Характеристика Поповича. Бунтъ, произведенный имъ въ Паволочи, и трагическій его исходъ. Дальнѣйшая судьба реактивныхъ движеній населенія правобережной Украины послѣ смерти Поповича. Бѣгство Тетери изъ Украины. Избраніе въ гетманы правобережной Украины Петра Дорошенка и послѣдовавшій затѣмъ поворотъ въ положеніи дѣлъ края . . . . стр. 88.

ОЧЕРКЪ
ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ, ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII В.

Странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма печальное явленіе представляетъ собою исторія Малороссіи. »Шатости«, »измѣны«, »бунты«, »своевольства« составляютъ въ ней до такой степени обычное явленіе, что южнорусскія лѣтописи чуть ни на каждой страницѣ говорятъ о нихъ. И это не въ теченіи какихъ нибудь двадцати-тридцати лѣтъ; нѣтъ, безпорядки эти, какъ цѣльный выпуклый фактъ, проходятъ чрезъ всю почти исторію Южной Руси—отъ Хмельницкаго до времени совершеннаго слитія края съ остальной Россіей—и составляютъ ея отличительную характеристическую черту. Въ этомъ отношеніи исторія рѣдкаго народа можетъ представить аналогію.

Какой же смыслъ имѣютъ всѣ эти волненія? Гдѣ искать ихъ причинъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ указанныхъ явленій имѣютъ частный характеръ и объясняются частными обстоятельствами, каковы, напр., междоусобія претендентовъ на гетманскій урядъ, подчасъ личная вражда казацкихъ старшинъ и проч. Но кромѣ этихъ безпорядковъ исторія Малороссіи представляетъ еще безпорядки другаго рода, которые, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ уже общественный характеръ и, проявляясь въ формѣ отрывочныхъ повременныхъ волненій, проходятъ чрезъ всю почти исторію Южной Руси. Таковы всѣ »шатости«, »бунты«, »своевольства«, какъ ихъ называютъ южнорусскія лѣтописи, вообще, всѣ тѣ народныя движенія, которымъ мы привыкли давать названіе реакцій. Если явленія перваго рода, совер-

шаясь исключительно по иниціативѣ козацкихъ старшинъ, показываютъ вообще низкій уровень гражданскаго развитія, на которомъ стояли эти старшины, то явленія послѣдняго рода имѣютъ несравненно большій интересъ: они представляютъ собою народный протестъ противъ тѣхъ стремленій, которыя исходили изъ иныхъ внѣ народа стоявшихъ сферъ и оказывались чуждыми народному пониманію или даже прямо враждебными его интересамъ и его благосостоянію; вмѣстѣ съ тѣмъ, явленія эти даютъ возможность опредѣлить тѣ начала, которыя народъ стремился провести въ свою общественную жизнь, тотъ народный идеалъ, который хотѣлъ онъ воплотить въ своемъ гражданскомъ быту.

Какія же это стремленія, идеалы народные? Кто и какъ мѣшалъ ихъ осуществленію, и какъ изъ взаимнаго противодѣйствія стремленій народныхъ и отъ-инуду идущихъ возникали и слагались явленія политической и соціальной жизни Южной Руси (въ разсматриваемый нами періодъ)? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ, основныхъ вопросовъ въ исторіи всякаго народа. Такое или другое рѣшеніе этого вопроса даетъ тотъ или другой тонъ, характеръ всей исторіи даннаго общества. Это положеніе въ особенности приложимо къ исторіи Малороссіи, гдѣ народъ принималъ всегда самое дѣятельное участіе въ судьбахъ своей родины, гдѣ исторія имѣетъ по преимуществу мѣстный, домашній характеръ, гдѣ общество, благодаря слабости своего политическаго воспитанія и отсутствію прочности автономическаго положенія, какъ отдѣльнаго политическаго цѣлаго, не имѣло возможности преслѣдовать какія-либо задачи стороннія, выходящія изъ круга мѣстной домашней сферы, но должно было по необходимости направить всѣ свои силы на дѣятельность внутреннюю, на организацію гражданскихъ порядковъ въ странѣ, на рѣшеніе по преимуществу краевыхъ вопросовъ, при чемъ соціальная область привлекала къ себѣ предпочтительное вниманіе общества и даже обусловливала его дѣятельность въ сферѣ политической. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же особенности исторіи Малороссіи значительно облегчаютъ трудъ изслѣдователя, который захотѣлъ бы изучить внутреннюю сторону исторической жизни южнорусскаго народа и прослѣдить въ ней главныя руководящія нити; а это и составляетъ въ общемъ смыслѣ задачу настоящаго труда.

Такъ какъ главными дѣятелями на поприщѣ политической и общественной жизни Малороссіи въ разсматриваемый нами періодъ, кро-

мѣ самого народа, являются, съ одной стороны, Запорожье, чаще всего шедшее объ руку съ народными требованіями и интересами, а съ другой—кругъ козацкихъ старшинъ, группировавшихся вокругъ гетманскаго правительства и преслѣдовавшихъ попреимуществу свои сословныя, чуждыя народному пониманію, требованія и идеалы, то мы въ настоящемъ изслѣдованіи будемъ обозначать стремленія и дѣйствія той и другой партіи въ той, однако, мѣрѣ, въ какой эти дѣйствія оказывали то или другое вліяніе на судьбу края, на бытъ народа. Что касается внѣшнихъ историческихъ факторовъ, каковы, напримѣръ, дѣйствія и распоряженія въ Малороссіи московскаго правительства (а равно и польскаго—для правобережной Украины) и т. под., то они также займутъ мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи, но опять таки на столько, на сколько производимыя ими дѣйствія отражались въ общественной, а въ особенности въ народной жизни Южной Руси. Главнымъ же предметомъ, сосредоточивающимъ на себѣ преимущественное наше вниманіе и интересъ, будетъ служить для насъ постоянно самъ южнорусскій народъ со всѣми условіями его соціальнаго и экономическаго быта, со всѣмъ складомъ его общественныхъ понятій, стремленій и идеаловъ, на сколько ясно онъ заявилъ ихъ въ своей прошлой исторической жизни. Такъ какъ эти требованія народа не всегда находили приложеніе въ общественной жизни страны, а напротивъ, со стороны руководящей партіи козацкихъ старшинъ исходило постоянное стремленіе вытѣснить народные идеалы изъ общественнаго строя Украины и замѣнить ихъ иными, чуждыми народному пониманію и совершенно противоположными общественными началами, то мы постараемся прослѣдить ту борьбу, которая необходимо должна была возникнуть между двумя означенными направленіями, и показать, какъ подъ вліяніемъ этой борьбы слагались явленія общественной и политической жизни Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, видоизмѣнялись условія народнаго быта. Поэтому, всѣ общественныя волненія и смуты въ Украинѣ, въ разсматриваемый нами періодъ, если только они служили въ какомъ нибудь отношеніи выраженіемъ означенной борьбы, а равно судьба и дѣятельность отдѣльныхъ историческихъ личностей, стававшихъ во главѣ народныхъ движеній и служившихъ представителями народныхъ требованій, выразителями демократической идеи въ южнорусскомъ обществѣ, — все это самымъ естественнымъ образомъ займетъ надлежащее мѣсто въ нашемъ трудѣ.

Мы избрали для своего изслѣдованія вторую половину XVII в., такъ какъ этотъ періодъ исторіи Малороссіи попреимуществу отвѣчаетъ тѣмъ цѣлямъ, какими мы задались въ настоящемъ трудѣ. Во-первыхъ, это было время, когда предшествовавшія событія южнорусской исторіи, а именно рядъ долгихъ и крайне упорныхъ войнъ съ Польшей за независимость Малороссіи, вызвали къ жизни и дѣятельности всѣ наличныя силы южнорусскаго общества, и притомъ съ характеромъ такого сильнаго возбужденія и съ такою энергіей, съ какими онѣ никогда уже потомъ не обнаруживались, по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ онѣ сказались въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Возбужденныя въ такой сильной степени, силы южнорусскаго общества, естественно, не могли отстранить себя отъ дальнѣйшей дѣятельности и возвратиться въ скрытое состояніе послѣ того, когда дѣло, вызвавшее главнымъ образомъ ихъ напоръ, было окончено, т. е. когда Малороссія была освобождена изъ подъ власти Польши; напротивъ, съ этого момента силы южнорусскаго народа, равно какъ и всего южнорусскаго общества, нашли для себя приложеніе во внутренней общественной жизни Малороссіи, гдѣ для ихъ дѣятельности открывался широкій просторъ и гдѣ онѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время, дѣйствительно обнаружили весьма большую энергію; а это обстоятельство значительно облегчаетъ трудъ изслѣдователя, изучающаго характеръ и направленіе этихъ силъ. Во вторыхъ, разсматриваемое нами время есть именно періодъ наибольшей политической независимости Малороссіи а, слѣдовательно, и періодъ наибольшей самодѣятельности ея общественныхъ силъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и не стѣсняемыхъ какою либо регламентацій извнѣ; а это обстоятельство важно для насъ въ томъ отношеніи, что оно дѣлало возможною ту соціальную и экономическую борьбу между массою южнорусскаго народа и представителями его интересовъ съ одной стороны, и шляхетно-аристократическими стремленіями высшихъ слоевъ малорусскаго общества—съ другой, которая началась въ Малороссіи отчасти при жизни самого Хмельницкаго, а главнымъ образомъ сказалась послѣ него и тянулась потомъ долгое время. Такъ что въ этомъ послѣднемъ отношеніи вторая половина XVII в. дѣйствительно представляетъ собою самый важный періодъ во внутренней исторіи Малороссіи, такъ какъ означенная борьба двухъ направленій, составляющая главное событіе внутренней общественной жизни Южной Руси послѣ Хмельницкаго, не только за-

чалась и достигла высшаго развитія именно въ разсматриваемый нами періодъ, но даже успѣла привести тогда же къ извѣстнымъ положительнымъ результатамъ, такъ какъ уже въ это время изъ противодѣйствія двухъ борющихся направленій успѣли ясно обозначиться тѣ основныя начала соціальнаго и экономическаго строя Малороссіи, дальнѣйшее развитіе а равно и болѣе широкая реализація которыхъ выпали уже на долю XVIII вѣка. Такимъ образомъ, внутренняя исторія Малороссіи во второй половинѣ XVII в. заключаетъ въ себѣ ключъ, безъ помощи котораго будутъ совершенно непонятны многія событія дальнѣйшаго ея періода, такъ какъ всѣ эти событія имѣютъ корень въ разсматриваемой нами эпохѣ; а это и есть главная причина, по которой мы избрали для своего очерка именно этотъ періодъ. Что же касается эпохи предшествовавшей самому Хмельницкому, то въ этомъ отношеніи мы постараемся указать лишь тѣ главныя нити, которыя связываютъ общественно-историческую жизнь Южной Руси временъ Хмельницкаго съ событіями литовскаго и даже отчасти древне-княжескаго періодовъ ея исторіи, безъ чего, по нашему мнѣнію, было бы непонятно то общественное состояніе южнорусскаго народа, въ какомъ мы находимъ его въ разсматриваемый нами періодъ.

I.

Южнорусскій народъ болѣе чѣмъ какой нибудь другой славянскій народъ сохранилъ воспоминаній о своемъ древнемъ общинно-вѣчевомъ бытѣ. Это обусловливалось тѣмъ, что древне-вѣчевая община достигла на югѣ бо́льшаго (за исключеніемъ развѣ Новгорода) развитія, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ древне-русскаго міра. Монгольское нашествіе, нанесшее смертный ударъ политической самостоятельности кіевскаго княжества, уже черезъ это одно весьма вредно отозвалось и на судьбѣ южно-русской общины; но оно не убило въ южно-русскомъ народѣ въ конецъ общинныхъ началъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произвело даже на послѣдующую судьбу ихъ обратное вліяніе. Въ то время, когда на сѣверѣ Руси татарское иго содѣйствовало развитію и усиленію великокняжеской власти, какъ политически-объединяющаго элемента,—начала, которое впослѣдствіи въ конецъ обезсилило общину, —на югѣ нашествіе монголовъ, напротивъ, создало такія условія, которыя потомъ значительно помогли развитію общинныхъ началъ. Все, что было въ Южной Руси въ это время знатнаго, богатаго и вліятельнаго, все это или погибло въ сѣчахъ съ татарами, или пошло искать безопасности въ болѣе отдаленныя и лучше защищенныя отъ татаръ мѣста: Суздаль и Галичъ [1]); такъ что когда южнорусское населеніе, очнувшись послѣ перваго удара татарскаго нашествія, снова возврати-

---

[1]) Такъ напр., въ лѣтописи мы находимъ извѣстіе о переселеніи черниговскихъ бояръ въ галицкую Русь, чему сопротивлялся князь Даніилъ Романовичъ. Ипатьевск. лѣтоп., стр. 525.

лось изъ лѣсовъ въ свои города и села, то не нашло болѣе здѣсь того сословія, которое въ послѣднее время сильно урѣзало права общинъ и видимо грозило общинникамъ порабощеніемъ,—сословія боярскаго. Буря того же нашествія съ корнемъ вырвала и еще одно крайне вредное и совершенно стоявшее въ противорѣчіи съ племенными чертами нравовъ древней Руси учрежденіе,—именно, рабство. Въ послѣднее время передъ нашествіемъ татаръ, южно-русскіе бояре успѣли было позаводить села, осаженныя исключительно людьми не свободными, которыхъ они набирали или изъ военно-плѣнныхъ, или изъ людей кабальныхъ. Разогнанные грозой нашествія, рабы и господа не могли уже потомъ возстановить своихъ прежнихъ отношеній, и когда первые вернулись къ городской и сельской жизни, то вошли въ нее какъ равноправные общинники. Такимъ образомъ, выселеніе бояръ и исчезновеніе класса не свободныхъ людей, оба эти явленія, бывшія результатомъ татарскаго погрома, естественно, не могли не оказать весьма полезнаго вліянія на судьбу южно-русской общины [1]). Наступившій за тѣмъ періодъ литовскаго владычества въ Южной Руси былъ особенно благопріятнымъ временемъ для развитія общины южно-русской. Потомки Гедимина совершенно не вмѣшивались въ общественныя отношенія завоеваннаго края, обезопасивши его, однакожъ, отъ монголовъ.

---

[1]) Въ лѣтописи Быховца находится одно крайне важное указаніе относительно состоянія южно-русской общины въ первой половинѣ XIV вѣка, о судьбѣ которой на пространствѣ почти цѣлаго столѣтія передъ этимъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ разсказѣ Быховца о покореніи литовскимъ великимъ княземъ Гедиминомъ при-днѣпровской Руси, въ 1320 году, ясно виденъ не только фактъ существованія городскихъ общинъ въ Южной Руси въ это время, но также и то, что общины эти сохранили почти въ цѣлости свое старое вѣчевое устройство. Въ каждомъ городѣ сами горожане на вѣчѣ обсуждали вопросы о томъ, какъ быть въ виду нашествія литовцевъ, сами сносились съ Гедиминомъ, отворяли ему городскія ворота и признавали его власть; при чемъ меньшіе города ссылались съ своимъ старѣйшимъ городомъ Кіевомъ, какъ видно неутратившимъ и тогда еще своего стараго значенія какъ центра Южной Руси, и сообразно съ его рѣшеніями располагали свои поступки. Но въ цѣломъ, довольно подробномъ разсказѣ Быховца нѣтъ ни одного слова упоминанія о боярскомъ сословіи, а говорится единственно о дѣятельности свободной и совершенно самостоятелсной общины. Лѣтопись Быховца, стр. 15—16.

Мало того, нѣкоторыя стороны общиннаго южно-русскаго строя нашли у литовцевъ положительную поддержку для себя. Таково, напр., съ незапамятнаго времени существовавшее въ древней Руси, но въ до-татарское время значительно разстроенное вмѣшательствомъ княжескихъ тіуновъ, народное право самосуда. Теперь это право, въ формѣ *копнаго* суда, получаетъ юридическую санкцію отъ князей литовскихъ, которые значительно расширяютъ его юрисдикцію и нѣкоторыя изъ его постановленій вносятъ въ литовскій статутъ [1]).

Такъ шли дѣла во весь литовскій періодъ. Но вотъ въ 1569 г. между Литвой и Польшей устроена была политическая унія, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Люблинской. Въ силу постановленій этой уніи на все литовское княжество, а равно и на земли подвластныя ему, должны были распространиться тотъ общественный строй и тѣ юридическія отношенія, которыя давно уже были выработаны и утилизированы въ предѣлахъ польскаго королевства и которыя теперь признавались за норму для всѣхъ политически соединенныхъ съ нимъ земель [2]). Чтобы понять смыслъ Люблинской уніи и то громадное значеніе, какое имѣетъ это событіе въ исторіи Южной Руси, стоитъ вспомнить, что для другихъ славянскихъ народностей присоединеніе ихъ къ Польшѣ повлекло за собой роковыя послѣдствія. Не говоря о самомъ польскомъ народѣ, можно указать на судьбу жителей бывшаго Галицкаго княжества или Червоной Руси и въ особенности на судьбу жителей Бѣлорусіи. Здѣсь наблюдателя прежде всего поражаетъ та относительная легкость и быстрота, съ какою польско-шляхетскій общественный строй на всегда вытѣсняетъ и убиваетъ мѣстныя общинныя учрежденія (напр. въ Галиціи); затѣмъ, тѣ измѣненія въ характерѣ народа,—забитость, отсутствіе всякой энергіи, самоуваженія, неумѣніе отстоять даже свои національныя и религіозныя права,—которыя производитъ въ народѣ долгій и тяжелый польско-шляхетскій гнетъ. Въ этомъ отношеніи особенно поразителенъ примѣръ бѣлоруссовъ. Если въ оправданіе жителей Галиціи можно указать на то, что здѣсь и въ древне-княжескій періодъ боярскій элементъ былъ силенъ, и что Галиція была присоеди-

---

[1]) См. статью г. Иванишева »о древнихъ сельскихъ общинахъ«, помѣщенную въ изданіяхъ кіевск. Археограф. Коммиссіи, 1863 г.

[2]) Для нѣкоторыхъ южно-русскихъ земель событіе это послѣдовало нѣсколько раньше. Подолье, напримѣръ, было присоединено къ Польшѣ въ 1434 г.

нена къ Польшѣ значительно раньше, то о бѣлоруссахъ и этого нельзя сказать, такъ какъ до 1569-го года тамъ царилъ литовскій феодальный порядокъ, нисколько не враждебный общинѣ, а проведеніе аристократически-шляхетныхъ началъ совершилось здѣсь значительно позже, чѣмъ въ Галиціи, и одновременно съ остальными русскими землями, т. е. послѣ Люблинской уніи; а между тѣмъ та степень нравственнаго безсилія, безправія, забитости и матеріальнаго убожества, на которую въ непродолжительномъ времени поставилъ бѣлоруссовъ панскій гнетъ, поистинѣ поразительна.

Къ счастію для южно-русскаго народа постановленія Люблинской уніи не могли повлечь для него такихъ печальныхъ послѣдствій. Два съ половиною столѣтія (1320—1569 г.), прожитыхъ Южной Русью подъ властію потомковъ Гедимина, были временемъ весьма достаточнымъ для того, чтобы мѣстный общинный строй могъ достигнуть весьма значительной степени развитія и окрѣпнуть на столько, что могъ потомъ безопасно вступить въ борьбу съ чуждымъ ему общественнымъ строемъ. Съ другой стороны, такой долгій періодъ времени не могъ пройти безслѣдно для народа и въ другомъ отношеніи, именно—въ отношеніи выработки его характера. Та жизнь, какою прожилъ южнорусскій народъ со времени еще татарскаго нашествія, жизнь въ странѣ, совершенно открытой для нападенія со стороны татарскихъ ордъ, среди постоянныхъ опасностей, при полномъ почти отсутствіи идущихъ сверху регламентирующихъ общественную жизнь началъ, при отсутствіи въ значительной части русской территоріи высшихъ классовъ, при полномъ самоуправленіи и самоопредѣленіи [1],—такая жизнь необходимо должна была воспитать въ народѣ тѣ черты, какія дѣйствительно мы находимъ въ немъ, какъ его народныя характеристическія черты: любовь къ личной и общественной свободѣ, сознаніе своей силы и независимости, способность къ дружному и горячему протесту противъ всякаго рода насилія въ сферѣ его личныхъ и общественныхъ правъ и энергію въ защитѣ этихъ правъ; а постоянная борьба съ татарами пріучила народъ къ знакомству съ оружіемъ и воспитала въ немъ нѣкотораго рода воинственность. Притомъ, къ этому времени среди южно-русскаго общества успѣло уже выдѣлиться особое военно-служилое сословіе козаковъ, которое всю жизнь проводило въ борьбѣ съ татарами и въ услу-

[1]) См. книгу: »Avulsa Humania«. Венеція 1862. г.

гахъ котораго часто потомъ нуждалось само правительство польское. А на низовьяхъ Днѣпра образовалось настоящее военно-рыцарское братство—Запорожская Сѣчь, такъ прославившаяся своими походами въ Крымъ и Турцію. Но не одною славою своихъ походовъ Запорожье привлекало къ себѣ симпатіи южно-русскаго народа. Оно было дорого ему потому, что въ организаціи его народъ видѣлъ полное осуществленіе своихъ постоянныхъ стремленій; только здѣсь народныя стремленія, предоставленныя самимъ себѣ, развились полнѣе, и вотъ причина, почему Запорожье должно было потомъ играть такую видную роль въ исторіи Малороссіи и до конца своего существованія пользовалось большимъ сочувствіемъ въ массѣ народа.

Таковы были силы и условія жизни южно-русскаго народа въ то время, когда въ его общественной жизни началъ совершаться переворотъ, явно клонившійся къ упадку и совершенному вытѣсненію его общинно-демократическаго строя и замѣнѣ его строемъ пришлымъ и чуждымъ ему—аристократически-шляхетнымъ. Эти условія были вполнѣ достаточны для того, чтобы сдѣлать возможною ту борьбу между двумя указанными общественными началами, которая, начавшись съ этого времени, тянется чрезъ всю почти исторію Ю. Руси и составляетъ въ ней главную нить, вокругъ которой вяжутся всѣ остальныя событія. Совершаясь сначала въ формѣ національной борьбы противъ внѣшняго иноплеменнаго врага и окончившись здѣсь полнымъ торжествомъ при Хмельницкомъ, она возрождается потомъ снова, принимая видъ внутреннихъ междоусобицъ и прорываясь по временамъ въ формѣ тѣхъ »шатостей«, »измѣнъ«, »бунтовъ«, »сваволствъ«, на которыя мы уже указывали, какъ на характерныя особенности южно-русской исторіи.

Первые симптомы этой борьбы сказались первоначально въ формѣ мѣстныхъ волненій, всякаго рода безпорядковъ, и не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ [1]). Усиливавшійся всякій разъ по усмиреніи такихъ волненій гнетъ и настойчивость польскихъ властей въ проведеніи новаго общественнаго строя вызвали, наконецъ, рядъ настоящихъ народныхъ возстаній, съ попеременнымъ счастіемъ то на той, то на другой изъ воюющихъ сторонъ; но все же въ суммѣ и эти возстанія не приводили ни къ чему, кромѣ усиленія гнета. Причина

---

[1]) Мы разумѣемъ общественныя волненія въ Ю. Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

неудачи заключалась въ отсутствіи единства дѣйствій возстававшей стороны, въ отсутствіи единодушія всѣхъ слоевъ южно-русскаго общества. Польскому правительству удалось разъединить силы козаковъ и народа тѣмъ, что первымъ обѣщано было дворянство и соединенныя съ нимъ права и привилегіи. Поэтому, въ минуты возстаній, поднятыхъ самимъ народомъ, или исходившихъ изъ среды непризнанныхъ правительствомъ козаковъ (такъ называемыхъ »переестровыхъ«), реестровые козаки обыкновенно оставались въ сторонѣ, или же явно помогали полякамъ; за то, съ другой стороны, добиваясь у правительства обѣщанныхъ имъ правъ и часто поднимая изъ-за этого возстанія, реестровые козаки не находили поддержки въ народѣ, такъ какъ стояли не за интересы народа.

Но вотъ польскій гнетъ обрушивается наконецъ и на козачество. Среди него является личность, которая, не ограничиваясь больше узкими интересами козацкаго сословія, обращается къ народу и поднимаетъ знамя борьбы за народную свободу. Призывъ Хмельницкаго встрѣтилъ огромное сочувствіе въ народной массѣ и на Запорожьи, такъ какъ онъ отвѣчалъ самымъ завѣтнымъ стремленіямъ народа. Въ умѣньи Хмельницкаго угадать народныя стремленія заключается весь смыслъ а вмѣстѣ и успѣхъ его дѣла. Совпаденіе интересовъ козацкаго сословія и народныхъ создало такія силы, противостоять которымъ польское правительство оказалось не въ состояніи. Успѣхъ борьбы сразу поставилъ южно-русскій народъ въ то положеніе, къ которому онъ постоянно стремился и въ какомъ жилъ еще въ оное старое время, подъ властію своихъ князей. Древнее шумное вѣче возродилось въ формѣ *чорной рады* съ правомъ верховной власти въ краѣ; сильно пошатнутый поляками общинный строй былъ возстановленъ снова; а главное, не стало опять такъ нелюбимыхъ народомъ пановъ и еще болѣе ненавистнаго ихъ гнета; исчезла всякая сословная рознь, никогда нелюбимая народомъ; даже та тѣнь сословности, которая успѣла лечь между козачествомъ и простымъ народомъ, въ это время фактически уничтожилась: не было больше козачества и поспольства, - оставался одинъ вольный козацкій народъ, который одинаково храбро сражался за свою свободу и одинаково дорого цѣнилъ эту свободу.

Это была замѣчательная минута въ южно-русской исторіи. Народъ на всегда запечатлѣлъ ее въ своей памяти словами думы:

»Та немае лучче,
Та немае краще,
Як у нас на Вкраіні:
Та немае пана,
Та немае жида,
Немае униі« [1]).

II.

Южно-русскій народъ успѣлъ выбиться изъ польской неволи и вступилъ подъ »протекцію« единовѣрнаго московскаго государя; но это была только одна половина дѣла, начатаго Хмельницкимъ.

Оставалась другая болѣе важная и болѣе трудная. Нужно было вывести юное гражданское общество изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ оно находилось теперь, и организовать его на прочныхъ основахъ; нужно было выработать и воплотить въ надлежащія формы внутренній гражданскій бытъ Малороссіи, положивши въ основу его общинныя начала, во имя которыхъ народъ и поднялъ борьбу съ Польшей; нужно было, наконецъ, выработать и строго регламентировать извѣстныя общественныя и юридическія отношенія для новосозданнаго общества, которыя бы отвѣчали народнымъ стремленіямъ. Притомъ же, оказалось, что и въ политическомъ отношеніи положеніе края не было вполнѣ упрочено, такъ какъ Переяславскій договоръ 8-го января 1654 года не былъ въ глазахъ всѣхъ актомъ, окончательно рѣшавшимъ политическую судьбу Малороссіи, какъ это увидимъ ниже. Кто же долженъ былъ взять на себя эту трудную задачу? Самъ народъ, въ рукахъ котораго собственно и заключалась верховная власть въ краѣ, не могъ ее взять на себя; онъ слишкомъ мало былъ развитъ въ политическомъ отношеніи, чтобы взяться за такое дѣло, да и вообще его культурное развитіе было не высоко, благодаря тѣмъ неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ, среди которыхъ онъ жилъ до сего времени. Онъ могъ дать организацію выдѣлившемуся изъ него козацкому сословію; его здоровыхъ общинныхъ инстинктовъ было достаточно даже, чтобы такъ стройно и такъ послѣдовательно организовать такое оригинальное учрежденіе, какъ Запорожская Сѣчь. Но въ дѣлѣ гражданской

---

[1]) См. приложенія къ монографіи г. Костомарова »Богданъ Хмельницкій«.

организаціи цѣлаго края его роль могла лишь ограничиться яснымъ и настойчивымъ указаніемъ тѣхъ началъ, которыя должны были лечь въ основу этой организаціи, предоставивши самое дѣло инымъ болѣе культурнымъ слоямъ.

А такими культурными слоями въ Малороссіи были въ то время, съ одной стороны, православное духовенство, а съ другой, та небольшая группа людей, которая состояла изъ самихъ же »значныхъ« козаковъ и выдѣлялась изъ массы козацкаго сословія только лишь по своему образованію и довольно высокому служебному положенію въ войскѣ. Группируясь вокругъ гетмана, эти люди занимали разныя высшія должности въ войскѣ и составляли изъ себя »козацкую войсковую старшину«, начальныхъ людей. Къ нимъ же надо причислить и то небольшое число русскихъ шляхтичей, которые, въ минуту возстанія Хмельницкаго, пристали къ козацкому войску. Таковы были дворяне отдаленныхъ отъ Польши областей, напр. Сѣверской, куда католическая пропаганда и полонизація не успѣли еще зайти въ періодъ до Хмельницкаго. Вмѣстѣ съ ними къ козачеству примкнули также бояре и земяне королевскихъ замковъ, находившихся въ староствахъ Барскомъ, Овручскомъ и Любецкомъ. Эта группа людей и раньше оказывала большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Малороссіи, руководила дѣйствіями Хмельницкаго, пользовалась значеніемъ на радахъ. Она же и теперь волей-не-волей должна была взять на себя дѣло общественной организаціи края.

Теперь посмотримъ, что это были за люди, какія у нихъ были стремленія и общественные идеалы и чего могъ ждать для себя отъ ихъ дѣятельности южнорусскій народъ.

То были люди въ большинствѣ случаевъ очень образованные для своего времени, а нѣкоторые изъ ихъ числа обладали и замѣчательно широкимъ европейскимъ образованіемъ. Достаточно указать на крайне интересную личность среди этой партіи, кіевскаго подкоморія, Юрія Немирича. Сынъ богатаго и образованнаго отца, обладавшаго значительными имѣніями на Украинѣ, молодой Юрій получилъ за границей (главнымъ образомъ въ Бельгіи и Голландіи) блестящее образованіе, написалъ нѣсколько ученыхъ философскихъ сочиненій и возвратился домой, напитанный тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ то время носило общее названіе *аріанства*. За это, а также и за энергическій протестъ противъ религіозной нетерпимости въ Польшѣ, онъ подвергся преслѣдованію краковской инквизиціи и, спасаясь, присталъ

къ Хмельницкому. Принявши православіе—вѣру своихъ отцовъ, Немиричъ съ этого времени не покидалъ Малороссіи и до смерти работалъ на ея пользу. Таковъ же былъ и другой его сподвижникъ, Верещака, дворянинъ изъ Бѣлоруссіи. Остальные изъ этой партіи получали образованіе въ кіевской Могилянской коллегіи или въ другихъ южно-русскихъ а также и польскихъ школахъ. Лучшимъ памятникомъ того широкаго умственнаго развитія, на которомъ стояли эти люди, и вмѣстѣ выраженіемъ ихъ общественныхъ и политическихъ воззрѣній могутъ служить статьи Гадячскаго договора, въ которомъ, рядомъ съ политическими и общественными вопросами, принимаются во вниманіе и строго гарантируются вопросы о просвѣщеніи и интересы науки. Нѣтъ слова, что Гадячскій договоръ въ самыхъ основахъ своихъ былъ строго аристократиченъ. Но стоитъ вспомнить, что въ первой половинѣ XVII вѣка сама наука въ западной Европѣ, за малыми исключеніями, тоже была аристократична. Она не успѣла еще вполнѣ выработать для себя тотъ великій принципъ—благо человѣка и народа, который составляетъ одно изъ существенныхъ условій ея жизненности и плодотворности. Вращаясь въ высотѣ метафизическихъ тонкостей и сухой схоластической высокопарности, наука въ то время не умѣла снисходить до вопросовъ о живыхъ насущныхъ потребностяхъ человѣка, о его нуждахъ, о его человѣческомъ достоинствѣ. Такая наука могла, конечно, развивать умъ человѣка, обогащать его разнаго рода свѣдѣніями; но она не могла дать ему тѣхъ живыхъ гуманныхъ убѣжденій, которыя одни дѣлаютъ изъ него полезнаго общественнаго дѣятеля, поборника пользы и счастія своего народа. Такою была тогда наука и вездѣ въ западной Европѣ, и въ особенности такою она была въ Польшѣ, гдѣ школьное дѣло было исключительно въ рукахъ іезуитовъ, которые, изъ-за своихъ чисто корпоративныхъ и пропагандныхъ цѣлей, явно потворствовали аристократическимъ тенденціямъ польской шляхты и проводили эти тенденціи въ школьной наукѣ. Этимъ и объясняется то поразительное явленіе, что все южно-русское дворянство, едва успѣвало проходить эти школы, какъ въ ту же минуту оказывалось отступниками своей вѣры и народности и безповоротно становилось въ ряды польской шляхты, являясь особенно ревностными поборниками интересовъ этого сословія и ожесточенными притѣснителями покинутаго ими народа. Южно-русскія школы, въ видахъ противодѣйствія школамъ іезуитскимъ, видимо старались противопоставить ихъ духу другое направленіе: идею ра-

венства всѣхъ во имя вѣры. Но и этотъ принципъ, при всей своей непиротѣ, не былъ проведенъ дальше школьной организаціи, да и здѣсь онъ не могъ быть вполнѣ интензивнымъ, такъ какъ организаторы южно-русскихъ школъ, члены высшаго православнаго духовенства, сами происходили изъ дворянскаго сословія. Что же касается самой науки въ православныхъ школахъ, то вся она была сколота по образцу школъ польскихъ; самый языкъ преподаванія и ученыхъ занятій въ южно-русскихъ школахъ невольно сроднялъ ихъ съ польскими. А тѣ взгляды и убѣжденія, какія выносились воспитанниками этихъ школъ, были именно такого рода, что готовили изъ послѣднихъ вѣрныхъ гражданъ Рѣчи-посполитой. Ратуя усердно за интересы православной вѣры и церкви, ведя ожесточенную борьбу противъ уніи и религіозной нетерпимости католической Польши, южно-русская наука и литература не поднимала протеста противъ тѣхъ соціальныхъ порядковъ и тяжелаго экономическаго положенія закрѣпощеннаго простого народа, противъ которыхъ поднято было возстаніе при Хмельницкомъ. Она поддерживала это возстаніе только лишь потому, что въ числѣ другихъ его мотивовъ былъ и мотивъ религіозный; но общественные интересы южно-русскаго народа были чужды этой наукѣ; — она не знала другого гражданскаго и политическаго строя, кромѣ того, какой представлялся ей въ организаціи Рѣчи-посполитой, и на него-то она и указывала своимъ воспитанникамъ, какъ на высшій въ этомъ отношеніи идеалъ [1]).

Республиканскій строй Рѣчи-посполитой, съ безправіемъ ея королей и широкими почти не ограниченными правами и вольностями шля-

---

[1]) Ссылаемся въ этомъ случаѣ хотя бы на примѣръ современника Богдана Хмельницкаго, русскаго шляхтича Іоахима Ерлича, образъ мыслей и убѣжденій котораго извѣстенъ по дошедшему до насъ его *лѣтописцу альбо хроничкѣ*. Не смотря на русское происхожденіе автора и на исповѣдываемую имъ православную вѣру, польская республика, безъ всякаго сомнѣнія, имѣла не многихъ такъ глубоко преданныхъ ей сыновъ, какимъ былъ Ерличъ, если судить по тенденціямъ его *лѣтописца*. Напрасно стали бы мы искать здѣсь хоть какихъ нибудь слѣдовъ симпатичныхъ отношеній автора къ южно-русскому народу, хотя слабаго сознанія солидарности съ нимъ. Укрываясь, въ минуту всеобщаго возстанія на Украинѣ при Хмельницкомъ, въ Кіево-печерскомъ монастырѣ, Ерличъ занялся здѣсь составленіемъ своей *хронички*, въ которой описалъ современныя ему событія тономъ человѣка крайне вра-

хетнаго сословія, съ ея сеймами, посольскими избами, рѣчами и, наконецъ, съ ея всерѣшающимъ »veto«, привлекалъ къ себѣ вниманіе и симпатіи очень многихъ въ то время. Сами поляки никогда не пропускали случая, чтобы не похвалиться своими либеральными учрежденіями, постоянно высказывая ту мысль, что нигдѣ, ни въ одномъ изъ тогдашнихъ государствъ, нѣтъ такой широкой свободы, какою пользовались они. Иллюзія этой свободы особенно усиливалась преданіями недавняго прошлаго. Вспомнимъ, что это было скоро послѣ того времени, когда недавно еще прошелъ памятный для Польши XVI вѣкъ, вѣкъ Сигизмундовъ, золотой вѣкъ польской исторіи. Это было время, когда Польша дѣйствительно была самымъ свободнымъ государствомъ въ цѣлой тогдашней Европѣ, когда принципъ полной свободы убѣжденій каждаго вносился въ число статей, на которыхъ долженъ былъ присягать каждый новоизбранный король, когда въ польскомъ обществѣ свободомысліе религіозное достигло высшей степени развитія, когда здѣсь находили пріютъ всѣ секты и ученія, преслѣдуемыя тогда въ другихъ государствахъ Европы, начиная съ протестанства и оканчивая матеріалистическимъ ученіемъ. Конечно, въ половинѣ XVII вѣка всего этого уже не было; не даромъ же три четверти столѣтія прошло съ того времени, когда въ Польшѣ поселились іезуиты. Но традиціи недавняго прошлаго были еще такъ свѣжи, что Польша и въ данное время еще для многихъ не потеряла обаянія самаго свободнаго государства. Вотъ что говорили козацкіе послы на варшавскомъ сеймѣ, въ 1659 г., въ присутствіи короля и чиновъ Рѣчи-посполитой, явившись сюда для утвержденія статей Гадячскаго договора. »Держава вашего величества во всемъ свѣтѣ славится свободою и подобна царству Божію, гдѣ, какъ огненнымъ духамъ, такъ и человѣческому роду, даются божескіе и человѣческіе законы, съ сохраненіемъ ихъ свободной воли, безъ малѣйшаго ихъ нарушенія, на всѣ времена отъ сотворенія міра. Пусть другія государства и державы славятся своимъ теплымъ климатомъ, стеченіемъ земныхъ богатствъ, избыткомъ золота, драгоцѣнныхъ перловъ и камней, роскошью жизни; пусть красуются передъ цѣлымъ

ждебно расположеннаго къ козачеству и поднятому имъ движенію на Украинѣ. Самъ вождь поднявшагося козачества, Богданъ Хмельницкій оказывается у Ерлича не больше, какъ злостнымъ »бунтовщикомъ« противъ короля и Рѣчи-посполитой.

свѣтомъ, подобно дорогимъ камнямъ, оправленнымъ въ золотые перстни: ихъ народы не знаютъ истинной свободы; забывая, что одарены отъ Бога свободною волею, они живутъ какъ будто въ золотой клѣткѣ, и должны оставаться рабами чужаго произвола и желанія. Въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найдти такой свободы, какъ въ польской коронѣ. Эта неоцѣнимая, несравненная свобода и ничто другое — привлекаетъ насъ теперь къ соединенію съ вами: мы рождены свободными, въ свободѣ воспитались и свободно обращаемся къ равной свободѣ« [1]).

Такимъ образомъ, если предположить, что старшины козацкіе, отъ которыхъ теперь зависѣло такъ или иначе устроить общественный бытъ Малороссіи, руководились въ этомъ дѣлѣ исключительно честными патріотическими побужденіями, то и въ такомъ случаѣ окажется, что они не могли взять за образецъ ничего иного, какъ общественный строй Рѣчи-посполитой. Все направляло ихъ симпатіи въ эту сторону: образованіе, общія традиціи вѣка, твердо укоренившееся общественное мнѣніе, ихъ личные взгляды и, наконецъ, привычка,—вѣдь каждый изъ нихъ выросъ среди извѣстныхъ соціальныхъ порядковъ и сжился съ ними. Но былъ и еще одинъ очень важный мотивъ въ пользу пристрастія козацкихъ старшинъ къ польскимъ порядкамъ. Преемникъ Сигизмунда-Августа, король Стефанъ Баторій, стараясь разрѣшить озабочивавшій въ то время польское правительство вопросъ о козакахъ, которые не соотвѣтствовали ни одному изъ существовавшихъ сословій въ Польшѣ, придумалъ такой проэктъ, чтобы одну немногочисленную часть козаковъ (такъ назыв. реестровыхъ) причислить къ шляхетству, надѣливши ее всѣми правами, связанными съ этимъ званіемъ, а остальную массу ихъ превратить въ посполитство. Проэктъ этотъ встрѣтилъ большія препятствія въ своемъ осуществленіи. Само правительство польское послѣ Баторія не думало приводить его въ исполненіе. Но сами козаки, преимущественно »значные«, очень хорошо понимали, какія блага сулилъ имъ проэктъ Баторія, и постоянно добивались у правительства польскаго правъ, обѣщанныхъ имъ по этому проэкту. Въ этихъ побужденіяхъ они иногда предавали въ руки правительства своихъ же братьевъ, возмущавшихся »переестровыхъ« козаковъ; но потомъ, когда увидѣли, что нѣтъ надежды на добровольное признаніе ихъ правъ со стороны Польши, тогда они съ оружіемъ въ рукахъ стали добиваться осущест-

[1]) Историч. моногр. Костомарова, томъ 2-й, стр. 170.

вленія своихъ требованій и постоянно поднимали возстанія. Но все же, ни въ то время, ни позже, поднимая оружіе противъ польскаго правительства, козацкое сословіе, въ лицѣ своихъ представителей, не требовало отъ него ничего другаго, какъ прежде всего признанія своихъ сословныхъ правъ, возстановленія свободы гонимой православной вѣры и нѣкотораго облегченія въ положенія своего народа. Мысль объ отдѣленіи края отъ Польши никому не приходила и въ голову. Даже въ минуту грознаго возстанія Хмельницкаго, послѣ ряда одержанныхъ имъ надъ поляками блестящихъ побѣдъ, ни самъ Хмельницкій, ни кто либо изъ его сподвижниковъ, не имѣли еще въ виду того исхода, къ которому силою обстоятельствъ привело ихъ потомъ поднятое ими дѣло. Послѣ знаменитаго пораженія поляковъ у Зборова, когда разбито было все наличное войско Рѣчи-посполитой, когда козакамъ открыта была дорога на Варшаву, когда, наконецъ, самъ польскій король былъ въ рукахъ Хмельницкаго, послѣдній заключаетъ съ поляками мирный договоръ, въ которомъ, гарантируя въ широкихъ размѣрахъ права реестровыхъ козаковъ и права православной церкви, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ признаетъ существующее statu-quo и въ томъ числѣ право дворянъ на свои помѣстья и »подданство« массъ южно-русскаго народа. И только неисполненіе поляками даже такихъ благопріятныхъ для нихъ условій, а главное, всеобщій протестъ и волненія въ народѣ по поводу статей Зборовскаго и въ особенности Бѣлоцерковскаго договора [1]) заставили Хмельницкаго измѣнить свою политику и разорвать всякую связь съ Польшей. Съ этой минуты измѣняются и виды старшины козацкой. Принужденные силою обстоятельствъ, они мирятся съ фактомъ отдѣленія Малороссіи отъ Рѣчи-посполитой и даже начинаютъ соображать, что такой исходъ дѣла еще больше послужитъ имъ въ пользу. Вѣдь никто же не помѣшаетъ имъ въ ново-отдѣленномъ краѣ завести тѣ порядки, къ которымъ лежали всѣ ихъ симпатіи, пересадить сюда тѣ общественныя формы, съ которыми они такъ сжились и которыя въ данную минуту казались имъ наилучшими. А устроивши все это, они смѣло надѣялись играть въ краѣ такую роль, какая въ Польшѣ досталась на долю высшихъ магнатовъ и какой они никогда не достигли бы въ прежнемъ своемъ отечествѣ. Въ этихъ то стремленіяхъ и задачахъ козацкой старшины и заключается корень и

---

[1]) Лѣт. Граб., стр. 92—3, 107—8; Самов., 19.

смыслъ всѣхъ ея послѣдующихъ дѣйствій въ исторіи Малороссіи, начиная съ этой минуты и оканчивая прекращеніемъ автономіи края.

А народъ южно-русскій не того ждалъ отъ своихъ представителей—старшинъ; своею предшествующею исторіей, рядомъ возстаній, наконецъ, процессомъ тяжелой борьбы и блистательнаго торжества при Хмельницкомъ, онъ ясно и отчетливо заявилъ о своихъ требованіяхъ и идеалахъ. Ясно было до очевидности, что народъ южно-русскій ненавидѣлъ всякую сословную рознь и чуждался ея, что онъ стремился къ чисто демократическимъ началамъ безсословности и равноправности. Во имя великихъ жертвъ, принесенныхъ имъ на долю общаго освобожденія отъ польскаго ига, народъ имѣлъ право требовать вниманія и уваженія къ этимъ своимъ стремленіямъ отъ своихъ начальныхъ людей, призванныхъ устроить его общественный бытъ. Старшина отвернулась отъ его стремленій и принялась за проведеніе своихъ, враждебныхъ его благосостоянію. И вотъ, едва оконченная борьба возрождается снова, принимаетъ междуусобный характеръ, обезсиливаетъ обѣ борющіяся стороны и влечетъ за собою самыя плачевныя послѣдствія для края.

III.

Въ 1657 г. Хмельницкій умеръ, не доведши до конца того дѣла, которое онъ началъ. Положеніе, въ которомъ онъ оставилъ Малороссію, было самое неопредѣленное. Ни одинъ изъ поднятыхъ имъ вопросовъ не былъ рѣшенъ сколько нибудь опредѣленнымъ образомъ, ни одна изъ сторонъ общественной жизни края не была строго установлена, даже самый планъ общественнаго строя Малороссіи при немъ не былъ ясно намѣченъ. Такая неопредѣленность естественно вызывала въ странѣ общее недовольство. Пока живъ былъ Хмельницкій, до тѣхъ поръ его авторитетъ и громадное нравственное вліяніе, какимъ пользовался онъ у своихъ соотечественниковъ, сдерживали это недовольство. Но вотъ любимаго вождя не стало, и неудовлетворенныя стремленія выступаютъ наружу и долго волнуютъ общество. Первые десять съ лишнимъ лѣтъ послѣ смерти Богдана составляютъ крайне печальный періодъ въ исторіи Малороссіи. Общая путаница и полнѣйшій безпорядокъ въ странѣ достигаютъ въ это время высшаго своего развитія. Волненія и усобицы не прекращаясь смѣняютъ другъ друга.

Во всякомъ случаѣ, съ помощію установленной уже нами точки зрѣнія

на событія южно-русской исторіи, мы и въ этотъ смутный періодъ можемъ указать приблизительно ясно (на сколько позволяютъ намъ это данныя) главныя руководящія нити, вокругъ которыхъ вяжутся всѣ остальныя событія. Эти руководящія нити будутъ такія: въ Малороссіи, въ первое время послѣ Хмельницкаго, борются между собою двѣ партіи: партія старшинѣ и партія народная, во главѣ которой стоитъ Запорожье. Главные вопросы, въ рѣшеніи которыхъ расходятся эти двѣ партіи, изъ-за чего и происходитъ между ними борьба, слѣдующіе: а) вопросъ о положеніи Малороссіи въ политическомъ отношеніи, т. е. оставаться ли ей подъ протекціей московскаго государства, или же возвратиться къ союзу съ Польшей, и б) тѣсно связанный съ нимъ вопросъ внутренней политики страны—за кѣмъ должно оставаться преобладающее значеніе въ рѣшеніи общихъ краевыхъ вопросовъ: за старшиной, совмѣстно съ городовымъ козачествомъ, или же за народнымъ собраніемъ—радой, въ союзѣ съ представителемъ народныхъ интересовъ—Запорожьемъ.

Оба эти вопросы такъ тѣсно связаны между собою, что такое или иное рѣшеніе одного изъ нихъ вліяло и на рѣшеніе другаго.

Мы уже выше говорили о томъ, какого рода были стремленія и виды козацкой старшины въ то время, когда сила событій сдѣлала невозможнымъ болѣе союзъ съ Польшей. Вступая подъ »протекцію« московскаго государства, Хмельницкій и люди его партіи исключительно руководились стремленіемъ, подъ защитою Москвы, обезпечить для себя возможность и свободу пользоваться тѣми правами, къ которымъ они давно уже стремились и пользоваться которыми имъ никакъ не удавалось подъ властію Польши. Съ этой цѣлью, въ своихъ договорныхъ статьяхъ съ московскимъ правительствомъ, Хмельницкій гарантировалъ полную свободу и неприкосновенность сословныхъ правъ козацкихъ, шляхетныхъ, духовенства и даже мѣщанскихъ,—словомъ, желалъ со стороны московскаго правительства признанія существовавшихъ въ Малороссіи общественныхъ отношеній и полнаго невмѣшательства во внутреннія дѣла края. Пока козацкіе старшины видѣли точное со стороны центральнаго правительства выполненіе статей Переяславскаго договора, до тѣхъ поръ у нихъ не могло быть никакихъ побужденій измѣнять свои вѣрноподданическія отношенія къ Москвѣ. Но въ первое же время послѣ присоединенія въ средѣ козацкихъ старшинъ то и дѣло возникали постоянныя недоразумѣнія въ сношеніяхъ съ московск. правительствомъ. Ихъ прежде всего обидѣло то, что ко-

зацкіе послы не были допущены къ участію въ переговорахъ при заключеніи Виленскаго перемирія; затѣмъ, высокомѣріе московскихъ воеводъ и другихъ начальныхъ людей, частые выговоры, которые приходилось выслушивать Хмельницкому отъ имени царя чрезъ тѣхъ же московскихъ бояръ, а главное—опасеніе, чтобы царь, по достиженіи польской короны, какъ это предполагалось по Виленскому договору, не присоединилъ Малороссіи къ Польшѣ и не уничтожилъ козачества [1])—все это были такія обстоятельства, которыя естественно усиливали между начальными козацкими людьми число недовольныхъ московскою »протекціею« и укрѣпляли въ нихъ стремленіе возвратиться къ той политикѣ, которой слѣдовалъ прежде самъ Хмельницкій до присоединенія къ Москвѣ—политикѣ федеративнаго союза съ Рѣчью-постолитой. Такое настроеніе старшины особенно усилилось и окрѣпло послѣ смерти Хмельницкаго, когда во главѣ ея сталъ человѣкъ особенно дорожившій сословными интересами »значныхъ« и вслѣдствіе этого глубоко преданный федеративной идеѣ. Не чуждый эгоистическихъ стремленій и, какъ человѣкъ, нелюбимый почти всѣми, имѣвшій много недоброжелателей даже между »значными«, Выговскій, однако, въ короткое время успѣлъ заручиться поддержкою и сочувствіемъ весьма многихъ изъ старшинъ, такъ какъ они видѣли, что гетманъ, преслѣдуя свои личные интересы, борется тѣмъ самимъ и за ихъ интересы сословные. Когда московское правительство, тотчасъ послѣ смерти Богдана, высказало намѣреніе ввести воеводъ почти во всѣ малороссійскіе города, когда оно ввело въ Украину свои войска и потребовало, чтобы на содержаніе этихъ войскъ шли тѣ доходныя статьи, которыя до этого времени находились въ рукахъ полковниковъ, Выговскій не замедлилъ указать старшинамъ на эти факты и объяснить ихъ въ смыслѣ посягательства со стороны Москвы на ихъ права и доходы. »И всѣ тогда«—пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи царю о Корсунской радѣ,—»межъ собою душами укрѣпились, чтобы имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоять за одно« [2]). Всѣ послѣдующія за тѣмъ со стороны московскаго правительства движенія, возбуждавшія недоразумѣнія въ Малороссіи, давали Выговскому достаточно средствъ, чтобы усилить свою партію и возбудить въ ней рѣшимость оторваться

---

[1]) Летоп. Вел. Т. II. 366.

[2]) Акты Ю. и З. Р. Т. VII, № 79.

отъ Москвы и вернуться къ союзу съ Польшей. Если на той же Корсунской радѣ только немногіе изъ старшинъ подавали свой голосъ въ такомъ тонѣ, что »намъ не ладно быть у царскаго величества« [1]), то въ короткое время дѣла могли измѣниться: спустя полгода съ небольшимъ Беневскій доносилъ въ Польшу королю, что »Выговскій уже склонилъ многихъ старшинъ на сторону вашей королевской милости, пана моего милостиваго, и старается только ускорить заключеніе союза« [2]). А годъ спустя всѣ козацкіе чины, вмѣстѣ съ польскими коммиссарами, писали подъ Гадячемъ статьи Гадячскаго договора.

Къ партіи старшинъ, недовольныхъ московскою »протекціей« и преслѣдовавшихъ идею союза съ Польшей, готово было пристать большинство южно-русскаго духовенства, особенно высшаго. Извѣстенъ фактъ, что при Хмельницкомъ южно-русское духовенство весьма не охотно шло подъ протекцію московскаго государства. Если интересы вѣры, по видимому, должны были склонять его къ союзу съ единовѣрной Москвой, то интересы сословные, іерархическіе гораздо въ большей степени связывали его съ католической Польшей. Въ Малороссіи высшее духовенство стояло далеко не въ тѣхъ условіяхъ, что въ московскомъ государствѣ. Происходя изъ знатныхъ дворянскихъ родовъ и стоя высоко въ научномъ образованіи, оно по своему положенію, по взглядамъ и даже по образу жизни ни чѣмъ не отличалось отъ высшихъ слоевъ общества въ Рѣчи-посполитой. Оно обладало большими имѣніями, пользовалось правомъ самосуда и, вообще, играло почти такую же роль въ обществѣ, какъ и дворянское сословіе. Такой же свободой пользовалось южно-русское духовенство и въ отношеніи церковно-іерархическомъ. Контроль константинопольскаго патріарха, въ подчиненіи у котораго находилась южно-русская церковь, былъ слишкомъ слабъ. Строго говоря, это подчиненіе было больше номинальное, чѣмъ дѣйствительное; въ сущности оно ограничивалось лишь тѣмъ, что кіевскій митрополитъ получалъ посвященіе отъ константинопольскаго патріарха; за тѣмъ, въ своей внутренней жизни и дѣятельности южно-русское духовенство руководилось своими давними правами и обычаями, выработанными общимъ теченіемъ исторической жизни Южной-Руси. А эти права и обычаи, равно какъ и общее положеніе южно-

---

[1]) Историческія монографіи Костомарова, Т. II, 57.

[2]) Памятники Кіевск. Коммиссіи, Т. III, 3, стр. 270.

русскаго духовенства, далеко не были въ согласіи съ условіями общественнаго положенія и внутренняго іерархически-административнаго строя духовенства великорусскаго; и потому, вступая подъ протекцію московскаго государства, малорусское духовенство испытывало большое опасеніе за цѣлость своихъ правъ и обычаевъ со стороны чуждаго ему вліянія великорусскаго. Дѣйствительно, опасенія эти оказались далеко не напрасными. Когда послѣ смерти кіевскаго митрополита Сильвестра Косова пришлось избирать ему преемника, то московское правительство стало видимо мѣшать этому избранію, склоняя высшее малорусское духовенство, чтобы оно »поискало милости государя и показало правду свою къ великому государю: захотѣло бы идти въ послушаніе къ святѣйшему патріарху московскому« и отъ него приняло бы назначеніе митрополита [1]). Требованіе это было посягательствомъ на одно изъ давнихъ правъ не одного уже духовенства, но и всего южно-русскаго общества: выборъ митрополита совершался при участіи всѣхъ сословій общества въ Малороссіи, и обычай этотъ не былъ нарушаемъ со стороны польскаго правительства даже во время разгара религіозной борьбы его съ православными; это же выборное начало проведено было и по всей іерархической лѣстницѣ въ южно-русской церкви. Съ другой же стороны, требованіе »идти въ послушаніе къ святѣйшему патріарху московскому« было совершенно невыполнимо для членовъ духовенства малорусскаго, такъ какъ исполненіе его грозило расколомъ въ южно-русской церкви, у которой значительнѣйшая часть епархій находилась въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой и, слѣдовательно, должна была оставаться въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Между тѣмъ требованіе это сильно раздражало высшее южно-русское духовенство и безъ того не расположенное къ Москвѣ и побуждало его сдѣлаться друзьями федеративной партіи старшинъ козацкихъ. И дѣйствительно, о преемникѣ Косова, кіевскомъ митрополитѣ Діонисіѣ Балабанѣ, извѣстный уже намъ Беневскій писалъ королю, какъ о человѣкѣ »очень полезномъ для отечества« [2]), а впослѣдствіи этотъ же Балабанъ эмигрировалъ въ предѣлы Рѣчи-посполитой и больше уже не возвращался въ Кіевъ [3]).

---

[1]) Акты Ю. и З. Р. Т. IV.

[2]) Памятн. Кіевск. Коммис., Т. III, 3, стр. 227.

[3]) Ibid. Т. III, 3, № XCV. Впослѣдствіи, въ гетманство Юрія Хмельниц-

Наконецъ, федеративная партія умѣла найти для себя поддержку (хотя не надолго) и среди самого козацкаго сословія. Простое козачество, въ первое время послѣ Хмельницкаго, стояло далеко не въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ его нѣсколько позже, когда отдѣлившаяся отъ него старшина старается всячески стѣснить козаковъ въ ихъ правахъ и видимо обнаруживаетъ по отношенію къ нимъ хищническія наклонности, пробуя мало-по-малу обратить ихъ въ крѣпостное состояніе. Въ данное время козаки составляли изъ себя сословіе, пользовавшееся весьма широкими правами, и права эти были гарантированы яснымъ и положительнымъ закономъ. По договорнымъ статьямъ Хмельницкаго, козаки могли участвовать въ выборѣ своихъ начальниковъ—гетмана, полковниковъ и др., а также принимать участіе во всѣхъ радахъ; при этомъ они получали право самосуда, право владѣть землей съ передачей ее наслѣдникамъ, освобождались отъ всякаго рода податей и повинностей,—словомъ, это были люди, которые, при благопріятныхъ условіяхъ, легко могли составить изъ себя привилегированное, шляхетное сословіе, съ выборной старшиной во главѣ [1]). Позднѣйшія обстоятельства сложились такъ, что козачество разбилось на двѣ рѣзкія и прямо враждебныя взаимно группы: одна часть, лучшіе козаки, пошла за старшиной и наполнила ряды шляхетства мѣстнаго, а большинство, »чернь войсковая«, смѣшалось съ массой народа. Въ данное время такого раздвоенія въ козацкомъ сословіи еще не было. И простые козаки, и »значные« ясно сознавали тѣ нравственныя связи, которыя были между ними, какъ людьми одного сословія, сознавали солидарность взаимныхъ интересовъ и при случаѣ старались опереться другъ на друга. Въ данное время, когда старшинѣ грозила опасность со стороны Москвы потерять свои сословныя права, она и обращается за поддержкой къ простымъ козакамъ. Какъ люди принимавшіе непосредственное участіе въ политическихъ судьбахъ своей родины, козаки гораздо въ большей степени интересовались высшими политическими

каго, Балабанъ хотя и возвратился въ Украину, но жилъ въ Корсунѣ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Ibid. T IV, 3, № XXXV. Лѣтоп. Самов., стр. 44.

[1]) Само собою разумѣется, что все это касалось только тѣхъ козаковъ, которые внесены были въ реестръ и признаны были въ своемъ званіи со стороны гетманскаго уряда а чрезъ него и со стороны Московскаго правительства.

вопросами, чѣмъ простой народъ; вѣдь они были участниками рады, въ рукахъ которой de jure заключалась высшая власть въ странѣ; слѣдовательно, козакамъ совершенно были доступны такіе вопросы, какъ вопросы автономическіе, вопросы о »правахъ и вольностяхъ ихъ матки отчизны малороссійской«. И мы часто потомъ будемъ видѣть, что для козаковъ эти вопросы были весьма близки, и они принимали въ рѣшеніи ихъ большое участіе. Старшина знала это, а потому, нуждаясь въ данную минуту въ сочувствіи козачества, она старается своимъ усиліямъ отстоять цѣлость своихъ сословныхъ правъ придать характеръ борьбы за неприкосновенность внутреннихъ порядковъ страны, за интересы автономическіе. Вслѣдствіе этого люди федеративной партіи постоянно агитируютъ среди козачества, возбуждая въ немъ нерасположенность къ московскому правительству и желаніе отстаивать свои »войсковыя права«, которымъ якобы угрожаетъ со стороны Москвы опасность. Для этой цѣли они распускали даже разные нелѣпые слухи, съ цѣлью напугать козаковъ и народъ Москвой и вообще дурно расположить ихъ къ союзу съ ней.

Эти дѣйствія федералистовъ не могли не достигнуть желаемыхъ результатовъ. Козачество—это была такая среда полная »шатостей«, что всякая агитація среди нея могла разсчитывать на извѣстный успѣхъ. Для федералистовъ въ данную минуту это была особенно благопріятная почва. Съ одной стороны, у козаковъ не было никакихъ особенно сильныхъ побужденій дорожить союзомъ съ Москвой. Та связь, которая объусловливалась единствомъ крови и вѣры между обоими сторонами, въ значительной степени ослаблялась тѣми особенностями внутренняго быта, образа жизни и пр, которыя не могли не поражать своимъ несходствомъ обѣ народности, ставшія другъ противъ друга послѣ долгихъ вѣковъ отдѣльной и весьма различной по своимъ условіямъ исторической жизни. Четыре года спустя послѣ присоединенія края, стольникъ Скуратовъ, въ своемъ доносѣ Алексѣю Михайловичу, такъ характеризовалъ отношенія туземцевъ въ Малороссіи къ московскимъ людямъ: »а въ Кіевѣ твои государевы люди и не первой годъ, а по сю пору съ Черкасы безпрестани кіями бьются« [1].

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., Т. IV № 69, стр. 128. *Черкасами* называли въ Москвѣ всѣхъ малоруссовъ, производя, вѣроятно, это названіе отъ г. Черкасъ въ правобережной Украинѣ.

Съ другой стороны, еще при жизни Хмельницкаго со стороны московскаго правительства начались такія движенія, которыя не могли быть не замѣчены по крайней мѣрѣ болѣе развитыми изъ козацкаго сословія и не возбудить въ нихъ большихъ недоумѣній. Стремленіе правительства уничтожить козачество въ Бѣлой-Руси и тѣ жестокія мѣры, какія употребляли при этомъ московскіе воеводы, воспрещая крестьянамъ на Полѣсьи вписываться въ козаки и обращая ихъ въ крестьянское сословіе [1]), ясно давали знать козакамъ, какъ смотрѣло на нихъ московское правительство, и невольно вселяли въ нихъ опасеніе за будущее: если правительство уничтожало теперь козачество въ одной мѣстности, признавая его вреднымъ въ интересахъ государственнаго порядка, то кто могъ поручиться, что въ будущемъ оно не примется за уничтоженіе его и въ другихъ мѣстахъ, даже въ самой Малороссіи. Одно это опасеніе должно было сильно повредить и безъ того слабому въ смыслѣ нравственныхъ связей и неуспѣвшему еще окрѣпнуть союзу козаковъ съ Москвой. Въ одной лѣтописи мы находимъ извѣстіе, что послѣ смерти Хмельницкаго между козаками высказывалось такое убѣжденіе, что »уже умеръ тотъ Хмель, который присягалъ царю, а съ нимъ и присяга умерла« [2]). Ясно, что уже въ эту пору добрыя отношенія козаковъ къ Москвѣ были нарушены, и для агитаціи старшины открывался полный просторъ и всѣ шансы на успѣхъ. Въ первое время гетманства Выговскаго, когда неудовольствіе между нимъ и Пушкаремъ приняло форму открытаго междоусобія, московское правительство прислало въ Малороссію боярина Хитрово, въ сопровожденіи многочисленныхъ великорусскихъ ратей, съ порученіемъ учинить раду для новаго избранія гетмана и прекращенія бывшихъ въ Малороссіи волненій. Выговскій, сильно опасавшійся за свое гетманство въ виду этой рады, сталъ внушать козакамъ, будто московское правительство хочетъ совсѣмъ отнять у нихъ право избранія гетмана, а назначить имъ на эту должность своего человѣка, »москаля«. Мысль эта вызвала ужасную бурю на радѣ между козаками. »Все,—

---

[1]) См. краснорѣчивую жалобу царю по этому предмету Чаусовск. полковника, Ивана Нечая. Акты Ю. и З. Р., Т. VII № 62.

[2]) Ierlicz Т. II, 6. Беневскій также доносилъ своему правительству о козакахъ, что »дружба съ Москвою вѣрно имъ наскучила«. Пам. Кіевск. Коммис. Т. III, 3, стр. 196.

говорилъ какой-то смѣльчакъ,—все, що царь і ти, боярине, нам скажеш, ми учинимо, а з рук у себе обірання гетмана видерти не дамо: на те постріли, рани й люту смерть у битвах з ворогами одважно терпимо, щоб дослужити слави й чести в нашім козацькім народі«. »Виговській,—заявлялъ другой,—голову смажив, пас з тяжкоі неволі лядськоі визволяючи: всі при нім умирати і з ним жити гововисьмо; то вся Украіна: полковники, осаули, отамани, сотники і чернь поприсягаемо!» [1]) И это заявленіе, дѣйствительно, нашло всеобщую поддержку въ радѣ: »згода, згода!« раздавалось отовсюду. Очевидно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ не о личности того или другого старшины; мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что Выговскій лично далеко не пользовался популярностью среди козаковъ [2]). Сущность дѣла заключалась въ томъ, что старшина умѣла связать свои сословные интересы съ интересами общими красвыми, и козачество, защищая права старшины, думало, что оно борется за цѣлость и неприкосновенность правъ и вольностей всего запорожскаго войска, всей Малороссіи. Только благодаря такой постановкѣ дѣла, федеративная партія могла увлечь за собою большинство козаковъ. Нѣсколько позже, когда отношенія Выговскаго къ русскому правительству близились къ своему кризису, на одной изъ радъ, гдѣ поставленъ былъ вопросъ о полномъ разрывѣ союза съ Москвой, козаки дали такое рѣшеніе на запросы старшины: »Чого ще маемо ждати? Ходімо до громади і до оборони самих себе і старшини, присягаймо един другому лягти, рятуючи панів полковників і старшину!« [3]).

Мы не станемъ, впрочемъ, утверждать, чтобы та значительная часть козаковъ городовыхъ, которая пошла за старшиной противъ Москвы, руководилась въ этомъ случаѣ исключительно высокими патріотическими побужденіями. Уже въ указанныхъ нами мотивахъ можно подмѣтить въ значительной степени присутствіе своекорыстныхъ эле-

---

[1]) Историч. монографіи Костомарова, Т. II, стр. 76.

[2]) Въ томъ же мѣсяцѣ, когда происходила въ Переяславѣ означенная рада, польскій коммиссаръ Беневскій доносилъ своему правительству: »Выговскимъ всѣ недовольны, ибо этотъ родъ Тавро-Скиѳовъ радъ бы каждый день имѣть новаго начальника.« Пам. К. К. Т. III, 3, 195. См. также Ibid 224—225.

[3]) Историч. монографіи Кост. Т. II, стр. 114.

ментовъ, разсчетовъ мелкаго свойства. Стоя за права и вольности своей »отчизны Малороссійской«, козаки вѣдь въ сущности прежде всего стояли за свои сословныя права, которымъ, какъ имъ казалось, грозила опасность со стороны Москвы; не даромъ же старшина, агитируя въ своихъ видахъ, преимущественно распространяла между ними слухи о томъ, что царь думаетъ уничтожить козачество, обратить его въ солдаты и драгуны, завести въ Малороссіи кабаки и стѣснить свободу винокуренія [1]), и проч.

Союзъ съ Польшей, къ которому привели ихъ теперь старшины, очевидно долженъ былъ вознаградить козаковъ за тотъ рискъ, которому подвергались они, являясь измѣнниками предъ московскимъ правительствомъ и расходясь съ стремленіями народа и своей же братіи —козаковъ запорожскихъ а отчасти и городовыхъ. Дѣйствительно, статьи Гадячскаго договора, по которому Украина должна была пристать къ федеративному союзу съ Рѣчью-посполитой, въ широкихъ размѣрахъ обезпечивали права козацкаго сословія и даже обѣщали козакамъ то, къ чему доселѣ безуспѣшно стремились сами »значные«. По одной изъ статей этого договора оказывалось, что гетманъ во всякое время могъ представлять козаковъ королю для утвержденія ихъ въ шляхетскомъ достоинствѣ, полагая, что число кандидатовъ изъ каждаго полка должно быть не болѣе ста человѣкъ [2]). По смыслу этой статьи явствовало, что у составителей договора была мысль постепенно нобилитовать все козацкое сословіе и уравнять его въ правахъ съ шляхетнымъ. Трудно сказать, насколько стремленіе къ шляхетству было стремленіемъ общимъ у всѣхъ козаковъ. Оно могло не существовать между низшими козаками, черною войсковою, въ большинствѣ случаевъ людьми бѣдными, непосредственно вышедшими изъ крестьянскаго сословія во время войнъ Хмельницкаго; но оно, безъ всякаго сомнѣнія, было среди козаковъ старыхъ, »лучшихъ«, имѣвшихъ собственность, которые и до Хмельницкаго числились въ реестрѣ и которые теперь группировались вокругъ сотенныхъ урядовъ и входили въ составъ сотенныхъ »товариствъ«. Надо полагать, что въ угоду этой партіи составители Гадячскаго договора и внесли вышеозначенную статью и по-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., Т. IV, № 29.

[2]) Истор. Малороссіи, Маркевича, III, 159—172; Лѣтоп. Величка, I, 336. Ierlicz II, 24—25.

томъ старались и остальнымъ козакамъ выставить на видъ тѣ преимущества, которыя ожидали все козацкое сословіе, если оно пристанетъ къ союзу съ поляками. Отправляя пословъ на сеймъ, Выговскій назначаетъ въ члены посольства по два простыхъ козака изъ каждаго полка и объясняетъ въ письмѣ къ королю, что это дѣлаетъ онъ для того, »чтобы прекратить недовѣрчивость между козаками и ясно доказать войску запорожскому, что ему, а не кому либо въ лицѣ его, оказывается милостивое благоволеніе вашей королевской милости« [1]). Онъ разсчитывалъ также, что эти послы, »лично увѣрившись въ милостивой благосклонности короля и Рѣчи-посполитой, тѣмъ сильнѣе по возвращеніи своемъ будутъ склонять народъ къ вѣрноподданству« [2]). Въ этомъ-то стремленіи городовыхъ козаковъ къ шляхетнымъ правамъ, въ этой измѣнѣ ихъ народнымъ началамъ безсословности и равноправности и заключается, по нашему мнѣнію, корень и причина той вражды между низовымъ и городовымъ козачествомъ, о которой разсказываютъ южно-русскія лѣтописи [3]) и конечное разраженіе которой произошло на »чорной радѣ« подъ Нѣжиномъ, въ 1663 году. Ниже мы увидимъ, что главный упрекъ, дѣлаемый запорожцами городовымъ козакамъ, заключался въ томъ, что послѣдніе разрывали связь съ народомъ и, вступая въ союзъ съ ляхами и татарами, губили свои души *»для проклятаго шляхетства лядскаго.«* [4]).

IV.

Если какое сословіе въ Малороссіи могло быть всего менѣе довольно тѣмъ положеніемъ, въ какое оно ставилось при Хмельницкомъ, такъ это низшій слой населенія, т. е. вся масса простого народа. Въ то время, когда другія сословія тщательно договаривались съ московскимъ правительствомъ о неприкосновенности своихъ правъ и даже добивались отъ него на каждыя привилегіи особыхъ жалованныхъ грамотъ, — положеніе народа по переяславскимъ статьямъ не было ни опредѣлено, ни охраняемо какимъ либо положительнымъ правомъ. Мало того, не смотря на свою незаконченность, та норма обществен-

---

[1]) Пам. К. К., Т. III, 3, 310.

[2]) Ibid., стр. 313.

[3]) Самов., 38.

[4]) Акт. Ю. и З. Р., Т. V, стр. 100.

ной жизни, которая узаконялась статьями Хмельницкаго, въ самыхъ основахъ своихъ противорѣчила народнымъ взглядамъ и ожиданіямъ. Въ сущности вѣдь эта норма не была чѣмъ нибудь новымъ, вытекавшимъ изъ требованій тогдашняго южно-русскаго общественнаго быта; она узаконяла лишь тѣ общественныя отношенія, которыя существовали въ Малороссіи и до Хмельницкаго и которые de facto были нарушены во время войнъ съ Польшей. Вновь возстановлялись въ странѣ сословія: шляхтичи, козаки, мѣщане и посполитые. Шляхтичи оставляли за собою право владѣнія тѣми землями, которыми они владѣли и подъ властью поляковъ; были даже случаи пожалованія имъ со стороны Хмельницкаго новыхъ имѣній [1]). Старшины козацкіе также получили въ свое распоряженіе цѣлыя села и деревни, въ видѣ »ранговыхъ имѣній«; на гетманскую булаву шло цѣлое староство чигиринское, а ключъ гадячскій поступалъ и въ личную собственность Богдана Хмельницкаго и его наслѣдниковъ [2]). Словомъ, дворянство и помѣщичество, такъ нелюбимое народомъ и отстраненное во время войнъ Хмельницкаго, какъ ему казалось, навсегда въ предѣлы Рѣчи-посполитой,—едва окончилась война съ Польшей, а оно вновь успѣло возродиться въ странѣ, добилось у московск. правительства утвержденія своихъ правъ, занялось стягиваніемъ въ свои руки большихъ поземельныхъ участковъ и выжидало только удобнаго случая, чтобы подчинить себѣ самое населеніе, сидѣвшее на его землѣ. Само козачество, съ его сословною замкнутостью, съ его исключительностью въ правахъ и вольностяхъ, словомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ ставилось оно по статьямъ Хмельницкаго, не отвѣчало народнымъ требованіямъ. Народъ любилъ козачество; съ нимъ онъ связывалъ представленіе о свободѣ и независимости; но онъ понималъ его только какъ извѣстное состояніе, распространенное на всѣхъ, но никакъ не въ смыслѣ исключительнаго сословія. Народъ самъ поголовно хотѣлъ сдѣлаться козаками. Но къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ съ нимъ постоянно повторялась одна и таже печальная исторія: какъ только козаки, опираясь на народную массу, успѣвали при ея помощи сломить извѣстныя враждебныя для нихъ условія, такъ сейчасъ же у нихъ обнаруживалось стрем-

---

[1]) Акт. Григоровича, Т. V, стр. 544. Лазаревскій, »Посполит. крестьяне«, стр. 15 и 16.

[2]) Памяти. К. К., Т. III, 3, № XV, стр. 65.

леніе замкнуться въ отдѣльное сословіе, захватить въ свои руки извѣстныя права, не допуская, однакожь, къ участію въ нихъ народа и вообще оставляя своего вѣрнаго союзника на произволъ судьбы. Такъ было задолго до Хмельницкаго, тоже случилось и при немъ. Дѣло освобожденія Малороссіи совершено было при участіи всего южно-русскаго народа, и въ минуту борьбы съ Польшей всѣ были равными козаками; а между тѣмъ, едва борьба улеглась, тотчасъ же для козаковъ составляется реестръ. Всѣ попавшіе въ него образуютъ весьма почетное сословіе, съ широкими правами и привилегіями; тѣ же, кто не вошелъ въ него, исключаются изъ козацкаго званія, лишаются всякихъ соединенныхъ съ этимъ званіемъ правъ и принуждаются вступить въ простое земледѣльческое сословіе »посполитыхъ«,—сословіе, на долю котораго не выпадаетъ никакихъ уже правъ, кромѣ личной свободы, а достаются однѣ лишь обязанности: платить подати и разнаго рода налоги, отправлять земскія повинности, отдавать »послушенство« державцамъ и проч., причемъ даже право на ту землю, которую обработывали посполитые, не принадлежало имъ. Народъ долго не хочетъ мириться съ своимъ положеніемъ. Онъ терпитъ первое время только лишь потому, что никто серьезно не занимался тщательной регламентаціей общественныхъ отношеній въ краѣ по той нормѣ, какая признавалась въ статьяхъ Хмельницкаго. Попытки самого Хмельницкаго провѣрить реестровые списки и сдѣлать какое нибудь разграниченіе между козаками и посполитыми, вызвали опасныя волненія въ народѣ [1]) и были, какъ кажется, оставлены. Но, вообще, народъ сносилъ свое униженіе крайне неохотно, и всякое движеніе, направленное противъ гетмана и старшины, могло найти въ немъ большое сочувствіе и поддержку. Притомъ же, недовольные массами уходили на Запорожье и подготовляли здѣсь оппозицію партіи »значныхъ« [2]).

---

[1]) Лѣтоп. самов., 24, 27.

[2]) Какъ велика была народная нерасположенность въ данное время къ »значнымъ« козакамъ, явно стремившимся выдѣлиться въ привилегированное сословіе, и въ чемъ она выразилась, на это мы представимъ рядъ фактовъ ниже, когда будемъ говорить о волненіи въ Украинѣ, вызванномъ Пушкаремъ. Теперь же мы не можемъ не указать читателю на одинъ крайне интересный въ этомъ отношеніи источникъ, въ которомъ весьма ярко и совершенно наглядно рисуются отношенія простого народа къ козацкимъ на-

Запорожье издавна уже привлекало къ себѣ вниманіе и симпатіи народа. Все здѣсь нравилось ему: самобытная и какъ нельзя больше удовлетворявшая народнымъ требованіямъ организація этого учрежденія, своеобразная и полная приключеній жизнь его обитателей—ры-

---

чальнымъ людямъ въ періодъ непосредственно слѣдовавшій послѣ Хмельницкаго; источникъ этотъ—народная дума о *Ганжѣ Андыберѣ*. Мы относимъ ее ко времени послѣ—Хмельницкаго на томъ основаніи, что въ ней упоминаются нѣкоторые старшины—современники отчасти самого Богдана, а главнымъ образомъ его преемниковъ—гетмановъ. Сама дума очень длинна, и мы поэтому не можемъ помѣстить ее здѣсь; желающіе найдутъ эту думу въ сборникѣ А. А. Метлинскаго (стр. 377) или же въ »Запискахъ о Южной-Руси«, Кулиша (Т. I, стр. 200—209). Здѣсь же мы ограничимся лишь указаніемъ на болѣе характерныя въ ней черты. Вся дума проникнута отъ начала до конца характеромъ глубокой нерасположенности народа къ старшинамъ козацкимъ, кичившимся своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ въ войскѣ, своимъ богатствомъ, собраннымъ посредствомъ захвата въ свои руки лучшихъ земель и угодій, и въ силу этого крайне презрительно относившимся къ черни. Нерасположенность эта сказывается уже въ томъ, что старшины козацкіе постоянно называются въ думѣ *Ляхами*:

»Там пили три *Ляхи*,
Дуки—сріблянники:
Первий пив Гаврило Довгополенко *Переяславський* (разумѣется полковникъ),
Другий пив Війтенко *Ніженський*,
Третій пив Золотаренко *Чернігівський*«.

Очевидно, что неравенство гражданскихъ правъ и соціальнаго положенія значныхъ козаковъ, а также степень ихъ нравственнаго разобщенія съ народомъ были такъ велики, что народъ не считалъ ихъ даже своими соотечественниками—одноземцами, а видѣлъ въ нихъ тѣхъ же *ляховъ*, давнихъ враговъ его благосостоянія, подобно тому, какъ онъ раньше своихъ ополяченныхъ пановъ прозвалъ *недоляшками*. Другой эпитетъ, также постоянно прилагаемый въ думѣ къ старшинамъ козацкимъ—*дуки-сріблянники*, очевидно, заключаетъ въ себѣ указаніе на ихъ большія богатства и на свойственную имъ страсть къ наживѣ и обогащенію, на ихъ корыстолюбіе, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ниже въ думѣ говорится, что тѣ большія денежныя суммы, которыми гордились старшины, не принадлежали собственно имъ: то была *людська денежка*, которую они собирали съ народа. Затѣмъ, сама фабула думы направлена къ тому, чтобы представить нелюбимыхъ народомъ значныхъ козаковъ въ возможно болѣе смѣшномъ и одураченномъ видѣ. Въ

царей—козаковъ, ихъ славные морскіе походы, ихъ постоянная война противъ татаръ и турокъ—враговъ христіанства. Это было мѣсто, гдѣ народная жизнь, сдавленная неблагопріятными историческими условіями и лишенная возможности развиваться среди городовъ и селъ Украины,

---

общихъ чертахъ содержаніе думы о *Ганжѣ Андыберѣ* таково. Послѣ долгихъ странствованій »по полю Килиімському, по битому шляху Ординському« бѣдный козакъ *нетяга* (бездомный), въ крайне оборванномъ и износившемся костюмѣ, возвращается въ г. Черкасы, отыскиваетъ здѣсь знакомую ему »Настю Горовую—кабашницю степовую« и застаетъ у нея пирующими трехъ »*дуків-сріблянників*«. Непрезентабельный видъ козака-нетяги вызываетъ сначала у нихъ насмѣшку, но потомъ *дуки* приказываютъ шинкаркѣ вытолкать пришедшаго въ шею изъ комнаты; но козакъ-нетяга заупрямился и его оставили къ покоѣ, а одинъ изъ пировавшихъ *дуків* приказалъ дать для него дешеваго пива. Исполнявшая это порученіе *наймичка* принесла нетягѣ напротивъ самый крѣпкій напитокъ—»*пъяного чола* меду«. Опъянѣвшій козакъ-нетяга сталъ обнаруживать свою необыкновенную силу, едва не разрушилъ комнаты, гдѣ они находились, и въ заключеніе сталъ грозно покрикивать на *дуків*:

»Гей ви Ляхове,
Вразькі синове!
Ик порогу посувайтесь,
Мені, козаку—нетязі, на покуті місце попускайте«!

Напуганные *дуки* еще болѣе изумились, когда расходившійся нетяга сталъ раскладывать по всему столу кучи червонцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ оказалось, что въ образѣ оборваннаго козака-нетяги скрывался не кто иной, какъ самъ *Хвесько Ганжа Андыберъ*, гетманъ Запорожскій (эпическое лице, олицетворявшее любимый народомъ типъ отважнаго рыцаря запорожца—грозу Турокъ и Татаръ и друга своего народа). Пораженные *дуки-сріблянники* принялись наперерывъ одинъ передъ другимъ оказывать знаки уваженія неузнанному ими доселѣ герою; но было уже поздно. Ганжа Андыберъ приказываетъ явившимся къ нему козакамъ-запорожцамъ хорошенько проучить *дуків-сріблянників* за то, что они презрительно обошлись съ нимъ раньше, сдѣлавши, впрочемъ, исключеніе въ пользу Гаврила Довгополенка Переяславскаго, купившаго ему за денежку пива.

»Тоді ж козаки—діти, друзі, молодці, добре дбали,
Сіх дуків-сріблянників за ліб брали,
Из-за стола, наче волів, вивождали,
Перед вікнами покладали,

прорвалась далеко отъ заселенныхъ мѣстъ, среди дикихъ островов и луговъ Днѣпра, забила здѣсь живымъ ключемъ и развилась во всей своей оригинальной прелести. Это было мѣсто, гдѣ, въ постоянной борьбѣ съ невѣрными, зачалась и укрѣпилась та пресловутая козацкая слава, которая, по выраженію думы, »на всім світі стала«. Наконецъ, это было мѣсто, гдѣ впервые зародилась пѣсня и дума украинская: здоровая натура южнорусса, предоставленная самой себѣ и окруженная полнѣйшей свободой и широкимъ привольемъ, непремѣнно должна была вызвать къ жизни такъ долго дремавшую въ немъ силу творческой мысли, а своеобразныя условія жизни запорожцевъ давали для ея дѣятельности богатый матеріалъ. И вотъ, задержанная въ своемъ развитіи поэтическая мысль народа снова возродилась и создала тотъ чудный и въ высшей степени замѣчательный по своей самобытности козацкій эпосъ, который и теперь еще не вполнѣ вымеръ среди южнорусскаго народа, который возбуждаетъ и всегда будетъ возбуждать къ себѣ самый высокій интересъ и, по своимъ достоинствамъ, совершенно справедливо ставится наряду съ высшими проявленіями творческой дѣятельности человѣческаго духа въ литературахъ другихъ европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, Запорожье, съ самаго начала своей исторіи, сдѣлалось весьма дорогимъ въ глазахъ южно-русскаго народа учрежденіемъ: здѣсь росли и развивались лучшія стороны его духовной жизни, здѣсь нашли пріютъ и вполнѣ благопріятную почву для своего развитія завѣщанные ему стариной и всегда дорогіе для него общинные идеалы, которымъ не оказалось мѣста на Украинѣ, отсюда же онъ черпалъ обильно тѣ нравственныя силы, которыя помогли ему вынести долгій и тяжелый панскій гнетъ и при этомъ не упасть духомъ, не дойти до равнодушія въ своей судьбѣ и не потерять уваженія къ своему человѣческому достоинству. Но этимъ не исчерпывается все значеніе Запорожья въ исторіи Малороссіи. Твердо укрѣпившись въ своихъ основахъ, Запорожье не могло уже ограничиваться однимъ лишь

У три березини потягали,
А ще стиха словами промовляли:
»Эй дуки«, кажуть, *»ви дуки!«*
За вами всі луги і луки,—
Нігде нашому брату, козаку-нетязі, стати
І коня попасти«.

нравственнымъ вліяніемъ на общественную жизнь Украины; оно стало пробовать оказывать на нее другое болѣе сильное и болѣе дѣйствительное вліяніе, путемъ вооруженнаго протеста противъ враждебныхъ для нея условій. Отсюда, т. е. съ низовья Днѣпра, шли тѣ многочисленныя козацкія возстанія, которыя характеризуютъ первую половину XVII в. въ исторіи Малороссіи; отсюда выходили тѣ славные въ южнорусской исторіи козаки-рыцари, которые дѣйствительно являлись борцами не за интересы сословно-козацкіе только, а за права и интересы всего народа, каковы: Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, Тарасъ Трясило, Острянинъ и др.; отсюда же, наконецъ, вышло послѣднее и самое славное возстаніе, окончившееся освобожденіемъ Украины,—возстаніе Богдана Хмельницкаго.

Такое славное прошедшее Запорожья, кромѣ того, что упрочивало за нимъ на-всегда симпатіи народа, давало ему также полное право на болѣе или менѣе видное участіе въ дѣлахъ Малороссіи. Запорожье съ этого времени должно было стать стражемъ тѣхъ общественныхъ народныхъ началъ, которыя составляли основу его жизни и торжествомъ которыхъ при Хмельницкомъ Украина въ значительной степени была обязана ему же. Его участіе въ особенности было необходимо теперь, когда въ освобожденной Малороссіи должна была совершиться реорганизація общественнаго строя и когда на долю Запорожья выпадала весьма важная роль представителя народныхъ интересовъ и выразителя народныхъ стремленій,—роль, усвоенная ему всей его предшествовавшей исторіей.

Но въ послѣдніе годы гетманства Хмельницкаго запорожцы какъ будто на время перестаютъ принимать участіе въ дѣлахъ Малороссіи; по крайней мѣрѣ мы нигдѣ почти не видимъ такого ихъ участія. Быть можетъ это обусловливалось тѣмъ авторитетомъ всеобщимъ и довѣріемъ, которыми пользовался Хмельницкій, а вѣрнѣе тѣмъ, что Запорожье, во время войнъ Хмельницкаго, потеряло какъ—бы на время свою особность, слилось съ городовымъ козачествомъ, и лучшіе его силы перешли въ Украину, гдѣ для ихъ дѣятельности открывался теперь бо́льшій просторъ.

А между тѣмъ въ Украинѣ за это время успѣло совершиться много кой-чего такого, что̀ было явнымъ отступленіемъ отъ прежнихъ обычаевъ. Народное собраніе или *рада* видимо теряла свое значеніе.

Въ послѣдніе годы своей жизни Хмельницкій постоянно обходился безъ нея и самовольно назначалъ полковниковъ и другихъ козацкихъ урядниковъ. Затѣмъ рады стали составляться изъ однихъ городовыхъ козаковъ, безъ участія народа; нерѣдко онѣ состояли изъ однихъ »значныхъ«. Даже такое важное дѣло, какъ избраніе преемника Хмельницкому, было совершено не только безъ участія народа, но даже и простые козаки не были допущены къ участію въ немъ. Ослабленіе *рады* вело естественно къ усиленію власти гетмана и старшинъ. Присвоивъ себѣ высшее значеніе въ краѣ и распоряжаясь всѣми дѣлами страны, старшина козацкая, не стѣсняемая болѣе народнымъ представительствомъ, имѣла полную возможность заняться преслѣдованіемъ по-преимуществу близкихъ ей, частныхъ, сословныхъ интересовъ, въ ущербъ интересамъ общимъ, народнымъ.

Такое положеніе дѣлъ немогло долго продолжаться, чтобы невозбудить протеста со стороны того учрежденія, которое въ этомъ случаѣ явно устраняемо было отъ дѣлъ, но за которымъ общественное мнѣніе страны признавало значеніе »корня и утвержденія чести и вѣкопомной славы прочимъ войскамъ городовымъ Украино-Малороссійскимъ« [1]). Когда запорожцы узнали, что въ Чигиринѣ, безъ ихъ вѣдома и согласія, избранъ былъ на гетманство Выговскій, человѣкъ не особенно бывшій по душѣ имъ, какъ не служившій никогда на Запорожьи, то они, въ письмѣ къ нему, прямо заявили, что онъ избранъ неправильно, такъ какъ „тое избраніе и элекція неповинна была безъ воли и совѣту всего войска Низового Запорожскаго зачинатися и вершитися“, напоминали ему, что и самъ Богданъ Хмельницкій получилъ гетманство не въ Чигиринѣ, а на кошу сѣчевомъ, не отъ городового, но отъ низового войска запорожскаго, при содѣйствіи котораго онъ совершилъ и первыя свои удачныя „викторіи“ надъ непріятелемъ; а потому они рѣшительно заявляли, что съ этого времени, ни самъ гетманъ, ни городовая старшина не должны впредь „жадныхъ повинокъ и затѣвовъ вщинати, безъ ихъ воли и рады войсковой« [2]).

Такое заявленіе запорожцевъ какъ нельзя менѣе согласовалось съ видами гетмана и старшины: Запорожье, съ его демократическими тенденціями, было плохимъ союзникомъ для федеративной партіи, заправлявшей

---

[1]) Величко, I, 307.

[2]) Величко, I, 309—10.

дѣлами въ Украинѣ, и допустить его къ участію въ этихъ дѣлахъ было совсѣмъ не въ интересахъ Выговскаго и его партіи. Съ этой минуты и начинается явный разладъ между старшиной городовой и Запорожьемъ. Выговскому для его цѣлей необходимо было заручиться расположенностью и союзомъ татаръ. Мысль эта находила поддержку между городовыми козаками, которые еще не такъ давно, при Хмельницкомъ, въ союзѣ съ крымцами одерживали блестящія побѣды надъ поляками и были сильны и страшны для непріятеля. Но татары жаловались, что главнымъ препятствіемъ къ устройству между ними и гетманомъ добрыхъ отношеній служатъ походы запорожцевъ на море и набѣги ихъ въ Крымъ [1]). Выговскій строго запретилъ запорожцамъ воевать съ татарами и предпринимать морскіе походы подъ ихъ города [2]). Этотъ запретъ, кромѣ того, что противорѣчилъ завѣтнымъ традиціямъ Запорожья, какъ учрежденія, поставившаго своимъ девизомъ—войну съ врагами креста,—былъ невыполнимъ для нихъ по весьма важнымъ причинамъ: по свидѣтельству современника, запорожцы, »не имѣя рѣкъ и полей и вообще стѣсненные въ своихъ жизненныхъ и военныхъ припасахъ, не могли обойтись безъ грабежей по морямъ и набѣговъ на поля и города татаръ, а потому запрещать имъ это значило желать ихъ погибели« [3]). Первое посольство Выговскаго съ мирными предложеніями въ Крымъ окончилось крайне неудачно. Запорожцы поймали гетманскихъ посланцевъ, утопили ихъ, а отнятыя у нихъ письма отправили въ Москву [4]).

Вмѣстѣ съ этимъ Запорожье выслало своихъ пословъ къ царю съ жалобою на »неправды« гетмана. Послы эти доносили въ Москвѣ, что войско запорожское, равно какъ и чернь городовая, великія обиды и утѣсненія имѣютъ отъ гетмана, отъ всѣхъ полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей, что послѣдніе берутъ на себя всѣ доходы въ краѣ, запрещаютъ козакамъ ловить рыбу въ рѣчкахъ, продавать вино, отдавая эти промыслы на откупъ и получая въ свою пользу арендную плату за нихъ; что гетманъ и старшина сносятся съ иностранными дворами и хану Крымскому листы шлютъ, »а то все для измѣны«; что

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., Т. VII, стр. 186.

[2]) Акты Ю. и З. Р. Т., VII, стр. 185.

[3]) Донесеніе Беневскаго королю. Пам. К. К., III, 3, 223.

[4]) Ibid., стр. 222.

Выговскій избранъ на гетманство неправильно, одними полковниками и старшиной городовой, а чернь и все войско запорожское о томъ рады и совѣту не имѣли и про то не вѣдали, и теперь не хотятъ признавать его гетманомъ, такъ какъ онъ не природный запорожскій козакъ, а полякъ, [1]) и жена у него шляхтянка; что нужно назначить другую раду для избранія на гетманскій и полковничьи уряды такихъ людей, которыхъ вся чернь запорожская и городовая полюбитъ, и которые желали бы имъ добра и не стали бы нарушать ихъ вольностей [2]). Вражда противъ »значныхъ« успѣла дойти до такихъ размѣровъ на Запорожьи, что въ то время, когда сѣчевая старшина отправляла посольство въ Москву, толпа неистово порывалась идти въ города и грабить имѣнія начальныхъ людей, ихъ »совѣтниковъ и арандарей«. Выговскій, узнавъ обо всемъ этомъ, послалъ на Запорожье требованіе выдать ему бунтовщиковъ, угрожая, въ случаѣ отказа, выступить самому съ войскомъ, а пока распорядился пресѣчь всякое сообщеніе запорожцевъ съ Украиной, чтобы такимъ образомъ стѣснить ихъ въ продовольствіи и всякаго рода припасахъ. Запорожцы отказали гетману въ его требованіи и даже задержали его посланцевъ; тогда Выговскій двинулъ на нихъ нѣсколько полковъ. Кошевой атаманъ Барабашъ, посылавшій посольство въ Москву, принужденъ былъ уйти изъ Запорожья, а оставшіеся въ Сѣчи заявили покорность гетману и выдали ему нѣсколькихъ человѣкъ. Удовлетворенный этимъ Выговскій возвратился въ Чигиринъ, оставивши въ Кодакѣ и Крыловѣ свой гарнизонъ и пославши въ самую сѣчь для стражи нѣсколько сотъ преданныхъ ему Нѣжинцевъ [3]). Междоусобіе, готовое уже вспыхнуть, было такимъ образомъ на время задержано, но не было вполнѣ устранено: вслѣдъ за этимъ съ большей опредѣленностью и гораздо въ болѣе широкихъ размѣрахъ оно проявилось въ самой Украинѣ.

V.

Самымъ упорнымъ и наиболѣе опаснымъ противникомъ Выговскаго и людей его партіи былъ полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь. Это былъ старый козакъ, храбрый воинъ, дѣятельный сподвижникъ

---

[1]) Выговскій на самомъ дѣлѣ происходилъ изъ овручскихъ бояръ и принадлежалъ къ русской православной шляхтѣ. См. Архивъ Юго-Западной Руси, Т. I, ч. III, № № LXXXVI, LXXXVII и LXXXVIII.

[2]) Акты Ю. и З. Р., Т. VII, № 66, 68, 70.

[3]) Пам. К. Коммис., Т. III, 3, 194—195.

славнаго Богдана, одиннадцать лѣтъ занимавшій полковничій урядъ въ Полтавѣ и успѣвшій пріобрѣсти любовь козаковъ и вообще своихъ подчиненныхъ. Вѣроятно и во многихъ другихъ отношеніяхъ этотъ человѣкъ обладалъ немаловажными достоинствами и пользовался большимъ уваженіемъ въ войскѣ. Не забудемъ, что умирая, Богданъ Хмельницкій, въ числѣ другихъ заслуженныхъ козаковъ, достойныхъ, по его мнѣнію, быть ему преемниками на гетманскомъ урядѣ, указывалъ и на полтавскаго полковника, Мартына Пушкаря [1]). Быть можетъ это последнее обстоятельство дало Пушкарю поводъ искать гетманской булавы послѣ смерти Хмельницкаго, а неудача въ этомъ дѣлѣ сдѣлала его заклятымъ врагомъ Выговскаго, его счастливаго соперника; хотя мы не отрицаемъ и другого предположенія для объясненія тѣхъ побужденій, въ силу которыхъ онъ такъ упорно враждовалъ съ Выговскимъ. Весьма можетъ быть, что Пушкарь, какъ человѣкъ относительно развитой, занимавшій видное мѣсто въ ряду козацкихъ старшинъ, ближе чѣмъ кто нибудь другой могъ видѣть, чего хочетъ и куда стремится руководящая дѣлами Украины партія и стоящій во главѣ ея гетманъ. Въ тоже время, какъ человѣкъ воспитанный въ старыхъ козацкихъ-запорожскихъ демократическихъ традиціяхъ и самъ принадлежавшій къ типу истиннаго рыцаря-козака, стоявшаго выше мелкихъ побужденій къ шляхетству (а онъ именно такимъ рисуется намъ по всему, что мы о немъ знаемъ), Пушкарь не могъ сочувственно относиться къ стремленіямъ гетмана и людей его партіи, ясно понималъ противорѣчіе этихъ стремленій старымъ козацкимъ преданіямъ и весь вредъ ихъ осуществленія въ интересахъ народа, и въ силу этого сознанія онъ могъ объявить войну Выговскому и его партіи, опираясь въ этомъ случаѣ на массу народа, недовольнаго дѣйствіями »значныхъ« равно какъ и тѣмъ положеніемъ, въ какое онъ былъ поставленъ еще при Хмельницкомъ. [2]) На это послѣднее предположеніе невольно наводятъ

---

[1]) Народная дума о смерти Хмельницкаго, Максимовичъ. А также лѣт. Грабянки, стр. 151.

[2]) Такое предположеніе находитъ для себя подтвержденіе въ томъ отзывѣ запорожцевъ о Пушкарѣ, какой мы находимъ въ ихъ письмѣ къ Выговскому, писанномъ скоро послѣ битвы Выговскаго съ нимъ подъ Полтавою и смерти Пушкаря. Въ этомъ письмѣ стоитъ: »Подобно такожде, яко и ми, Мартинъ Пушкаръ, полковникъ полтавскій, провидѣлъ духомъ хотящое быти зло отчизнѣ нашой Малороссійской отъ гетманства твоего, и не согласовалъ волѣ тихъ похлѣбцовъ твоихъ, которіи надъ слушность избрали тебе на тотъ гоноръ гетманскій; ти же, ненавидяй правди, на правдомовцу Пушкаря за тое узлился еси

насъ такія обстоятельства, какъ то, что Пушкарь жилъ (а можетъ быть и выросъ) въ Полтавѣ—мѣстности очень удаленной отъ Польши, куда польскія шляхетскія понятія не могли проникать въ широкихъ размѣрахъ и гдѣ они не могли найти для себя почвы въ прошлой жизни края, не такъ давно передъ этимъ колонизованнаго и невидавшаго у себя польскаго шляхетно-помѣщичьяго элемента въ такихъ размѣрахъ, какъ это было въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, а въ особенности въ правобережной Украинѣ. Затѣмъ, прямота рѣшительность и энергичная непреклонность—качества, которыя характеризуютъ образъ дѣйствій Пушкаря въ его борьбѣ съ Выговскимъ и которымъ онъ не измѣнилъ до смерти,—все это невольно заставляетъ думать, что такъ поступать могъ только человѣкъ твердаго характера и честныхъ убѣжденій. Не мало также говоритъ въ пользу нашего предположенія сочувствіе запорожцевъ къ дѣйствіямъ Пушкаря и еще болѣе та сильная любовь и привязанность къ нему козаковъ, равно какъ и остальныхъ его подчиненныхъ, какою пользовался Пушкарь до самой смерти и за которую потомъ такъ дорого пришлось заплатить какъ самому городу Полтавѣ, такъ равно и всему населенію этого полка [1]). Впрочемъ, вопросъ о побужденіяхъ, въ силу которыхъ Пушкарь воевалъ съ Выговскимъ, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе для насъ то, что группируя вокругъ себя народныя силы для борьбы съ Выговскимъ, Пушкарь, можетъ быть даже совершенно случайно, призвалъ къ дѣятельности такіе элементы, участіе которыхъ придало обыкновенной усобицѣ между полковникомъ и гетманомъ характеръ борьбы изъ-за неудовлетворенности стремленій народа, изъ-за

и... его зъ войскомъ поразилъ и убилъ еси.... Знать Пушкарово обличеніе стануло тобѣ твердимъ мозоліемъ, же отнюдь оного не потерпѣвши и въ гнѣвѣ своемъ не погамовавшися, такъ тиранско зъ нимъ поступилъ еси«... и далѣе. Лѣтоп. Величка, Т. I, стр. 355.

[1]) Уваженіе къ памяти Пушкаря жило долго у полтавцевъ послѣ его смерти и перешло даже на его потомство. Мы встрѣчаемъ потомъ двухъ сыновей его въ должности полтавскихъ полковниковъ. Еще болѣе сказалось это всеобщее уваженіе къ памяти Мартына Пушкаря въ той думѣ, которую народъ сложилъ о его смерти. Здѣсь мы находимъ такое трогательное обращеніе къ Пушкарю:

»Де ж ти, Пушкарю,
Хоробрий козаче,
Що по тобі дуже
Украіна плаче!
Кістки у могили,

недовольства его своимъ положеніемъ, противъ партіи »значныхъ«, задавшихся преслѣдованіемъ исключительныхъ сословныхъ своихъ интересовъ и упорно игнорировавшихъ интересы и требованія народныя, —борьбы за попранныя права народа и его участіе въ рѣшеніи болѣе важныхъ краевыхъ вопросовъ противъ гетмана и старшинъ, захватившихъ въ свои руки распоряженіе всѣми дѣлами Украины и настойчиво стремившихся стать въ независимое положеніе отъ воли народной, освободиться отъ контроля рады; наконецъ,—борьбы безправныхъ противъ значныхъ, неимущихъ противъ богатыхъ. Съ этой только точки зрѣнія насъ и интересуетъ война Пушкаря съ Выговскимъ; а затѣмъ личныя обстоятельства самого Пушкаря, равно какъ и мелкія подробности усобицы мы опускаемъ, какъ не идущія къ нашему дѣлу.

Мы разсмотримъ главнымъ образомъ тѣ принципы, которые поставлены были или самимъ Пушкаремъ, какъ девизы въ его борьбѣ съ партіей значныхъ, или же были привнесены въ нее потомъ его союзниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ элементы, которые стали подъ знамя Пушкаря и продолжали начатую имъ борьбу даже послѣ его смерти.

Однимъ изъ главныхъ принциповъ, поставленныхъ, какъ девизъ, самимъ Пушкаремъ, былъ принципъ вѣрности московскому правительству, преданности союзу съ нимъ и даже желанія сдѣлать этотъ союзъ болѣе тѣснымъ. Принципъ этотъ противопоставлялся стремленіямъ федеративной партіи разорвать существовавшія отношенія Малороссіи къ Московскому государству и ввести ее въ составъ Рѣчи-посполитой на началахъ строгой федераціи. Посмотримъ, на сколько популяренъ былъ этотъ принципъ.

Намъ уже разъ приходилось, упоминая о козакахъ, говорить объ отсутствіи у нихъ какихъ нибудь особенно сильныхъ нравственныхъ связей съ московскимъ государствомъ; въ общемъ смыслѣ это же положеніе мы должны принять и по отношенію къ цѣлому южно-русскому народу, разумѣя здѣсь всѣ слои южно-русскаго общества. Дѣй-

---

Сам в Господа Бога:
Ой плач, Україно,
Сирото-небого!
Твою ясну долю
Розшарпав Виговський,
Що сердце мав—камінь,
А розум бісовський!«

(Шейковскій, »Опытъ южно-русскаго словаря«, 1861 года, Т. I. 172. Полтавскія губ. вѣдомости 1860 г. № 13).

ствительно, такихъ связей между малоруссами и великоруссами въ данную минуту не было. Старыя историческія воспоминанія о единствѣ политической и культурной жизни всѣхъ русскихъ племенъ въ древнекняжескій періодъ, подъ вліяніемъ послѣдующихъ тяжелыхъ эпохъ, были забыты. Только книжники могли еще помнить о князѣ Владимірѣ—просвѣтителѣ всей Руси, о прошломъ значеніи стараго Кіева, какъ культурнаго и политическаго центра всего русскаго міра, о древней отчизнѣ Владиміра Мономаха, доставшейся по наслѣдству потомкамъ Калиты, и пр., а народъ забылъ все это, такъ точно какъ онъ и теперь ничего этого не знаетъ. Между-тѣмъ дальнѣйшія историческія условія раздѣлили двѣ русскія народности и для каждой изъ нихъ приготовили особую судьбу, каждую изъ нихъ повели особой дорогой на пути общественно-исторической жизни. Эта политическая обособленность двухъ вѣтвей русскаго племени длилась на пространствѣ четырехъ сотъ лѣтъ, и въ продолженіе этого періода каждая вѣтвь жила особою жизнію, каждая изъ нихъ переживала свои радости и невзгоды, развивалась сообразно своимъ мѣстнымъ условіямъ, независимо отъ всякаго взаимнаго вліянія вырабатывала свой общественный строй и бытовыя понятія; такъ что, когда послѣдующія историческія событія соединили опять въ политическій союзъ двѣ разрозненныя между собою русскія народности, то оказалось, что, не смотря на единство крови и вѣры, между ними было слишкомъ много различія въ характерѣ, нравахъ, понятіяхъ, бытовой обстановкѣ и пріемахъ жизни. Нужно было много времени, чтобы возстановить между ними старыя, давно порванныя связи и, путемъ совмѣстной политической жизни, укрѣпить новый, едва начатый союзъ. Только теперь, когда со временъ Хмельницкаго прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ, эти двѣ русскія народности успѣли, дѣйствительно, навсегда слиться въ единый, тѣсный и органически прочный союзъ. А тогда было не то. Призванные къ союзу не въ силу ясно сознаннаго нравственнаго тяготѣнія другъ къ другу, какъ родственныя между собою вѣтви, а исключительно почти изъ-за высшихъ политическихъ соображеній своихъ руководителей, великоруссы и малоруссы сошлись и увидѣли, что они почти что чужіе другъ для друга. Этому послѣднему обстоятельству особенно способствовало то, что малоруссамъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, преимущественно приходилось изучать своихъ братьевъ великоруссовъ по такимъ невыгоднымъ представителямъ ихъ, какъ московскіе ратные люди. Съ перваго

своего появленія въ Малороссіи и во все послѣдующее время, ратные московскіе люди составляли для жителей Украины самое страшное зло и были для нихъ ничуть не хуже польскихъ жолнеровъ и даже самихъ татаръ. Жалобами на ихъ »неправды, обиды, утѣсненія, насильства и неизносныя бѣды людемъ« въ Малороссіи переполнены всѣ современныя свидѣтельства [1]). Конечно, эти безчинства въ значительной степени объусловливались отсутствіемъ дисциплины въ московскихъ ратяхъ и дурнымъ содержаніемъ солдатъ; но все же они служатъ характерными свидѣтельствами тогдашнихъ отношеній въ краѣ. Если такой высокопоставленный и все же (по крайней мѣрѣ относительно простаго московскаго стрѣльца) образованный человѣкъ, какъ кіевскій воевода, бояринъ Шереметевъ, являлся въ Украину съ крайними понятіями своенароднаго превосходства и съ презрительнымъ высокомѣріемъ къ туземцамъ, то какъ же должны были относиться къ нимъ простые ратные московскіе люди? Все, что находили они у малоруссовъ несходнаго съ своимъ, все это казалось имъ дикимъ, возбуждало насмѣшку, высокомѣрное порицаніе. Отсюда, вѣроятно, и выходили тѣ нелѣпые слухи, будто царь хочетъ, чтобы козаки не одѣвались въ суконные кафтаны, не носили красныхъ сапогъ и обулись бы въ черные, а посполитые должны были носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти [2]). Эти слухи, при всей нелѣпости своей, находили, однакожь, вѣру себѣ и сильно безпокоили малоруссовъ. Даже такой своекорыстно преданный Москвѣ человѣкъ, какъ нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоненко (будущій Меѳодій, епископъ Мстиславскій и Оршанскій), постоянно старавшійся выставить дѣла въ Малороссіи въ самомъ благопріятномъ для Москвы свѣтѣ,—и тотъ однако доносилъ, что »вся чернь и меншіе опасаются за цѣлость своихъ тутошнихъ

---

[1]) Вотъ характерный разсказъ лѣтописи о первомъ знакомствѣ великоруссовъ съ малоруссами, на второмъ году послѣ присоединенія Украины: »Того же лѣта (1656) Донцѣ зъ-за Днѣпра отъ Хмельницкаго до домовъ отпущенніе, чрезъ Малую Россію идучи, многіе безъ жадного респекту и и дишкреціи людемъ селскимъ и гражданскимъ починяли разоренія, обиди, грабителства и побои; зъ якою неполѣтикою и грубянствомъ гди и въ полку Гадяцкомъ показалися, теди Тимошъ, намѣсникъ тогдашній Гадяцкій, плачу и многихъ жалобъ людей полку Гадяцкого вислухавши, взялъ заразъ зъ собою до трехъ сотъ козаковъ добрихъ, и нагнавши зъ ними тихъ своеволнихъ Донцовъ въ полку жъ Гадяцкомъ, около села Подолокъ, всѣхъ ихъ разгромилъ и на голову поразилъ«. Лѣтопись Величко, т. I, 258—9.

[2]) Историч. монографіи Костомарова, т. II, стр. 41, 65 и 128.

нравовъ« со стороны имѣющихъ прибыть въ Украину воеводъ [1]). Наконецъ, послѣднее, что могло сближать пришельцевъ съ туземцами—единство вѣроисповѣданія, единство святыни общей для тѣхъ и другихъ—и это не всегда было уважаемо со стороны московскихъ людей: до насъ дошло нѣсколько жалобъ на то, что московскіе ратные люди грабили и разоряли въ Украинѣ православные храмы, оскверняли святыню [2]).

Мы думаемъ, что эти безпорядки сами по себѣ уже наглядно свидѣтельствуютъ о непрочности отношеній повоприсоединеннаго края къ центральному правительству и такимъ образомъ подтверждаютъ высказанное нами раньше общее положеніе объ отсутствіи тѣсныхъ нравственныхъ связей между двумя русскими народностями, въ минуту ихъ политическаго объединенія при Хмельницкомъ.

Но это общее положеніе, вѣрное само по себѣ, безотносительно, теряетъ свое абсолютное значеніе въ томъ случаѣ, когда принципъ тѣснаго единенія съ Москвой противопоставлялся принципу подчиненія Польшѣ; а это именно и случилось въ минуту борьбы Пушкаря съ Выговскимъ. Такъ поставленный вопросъ о союзѣ съ Москвой принималъ уже другое рѣшеніе. То вѣрно, что малороссы не любили »москалей«, но они еще менѣе любили »ляховъ«. Къ первымъ они по крайней мѣрѣ не питали никакой вражды,—они были къ нимъ просто равнодушны, относились къ нимъ какъ къ чужимъ, но не видѣли въ нихъ враговъ; по отношенію же къ послѣднимъ у малороссовъ были еще слишкомъ свѣжи самыя невыгодныя воспоминанія изъ недавняго прошлаго, самая глубокая нерасположенность и вражда къ полякамъ, какъ притѣснителямъ ихъ вѣры, народности и свободы. Очевидно, что при такой параллели Москва сильно выигрывала въ глазахъ южно-руссовъ; послѣдніе въ этомъ случаѣ припоминали даже тѣ высшія духовныя связи, которыя сближали ихъ съ Москвой, и ясно различали »единовѣрнаго государя, царя московскаго, своего прирожденнаго Мо-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. IV, № 43.

[2]) См. жалобу по этому предмету кіево-печерскаго архимандрита Гизеля (Акты Ю. и З. Р. т. V, № 36) и донесеніе Ивана Чаадаева на князя Юрія Барятинскаго (Ibid т. VII, № 111-й) Послѣднее свидѣтельство въ особенности интересно въ томъ отношеніи, что здѣсь въ роли грабителя церквей является самъ кіевскій воевода, князь Юрій Борятинскій.

нарху« отъ »иновѣрной, римской отступнической релѣгіи и заблужденія сущей, короны полской« [1]).

Притомъ же, у малороссовъ была на этомъ предметъ своя особенная точка зрѣнія. Украинскій народъ не получилъ ни малѣйшаго политическаго воспитанія. Онъ слишкомъ мало жилъ въ прошломъ самостоятельною политическою жизнію; затѣмъ, дальнѣйшая исторія постоянно приводила его въ соприкосновеніе съ иноплеменными народами, вталкивала его въ различныя политическія федераціи, но при всѣхъ этихъ комбинаціяхъ на его долю никогда не выпадала сколько нибудь значительная политическая роль. Поэтому, онъ имѣлъ очень слабыя національно-политическія симпатіи и антипатіи, и въ своей исторической жизни всего менѣе руководился ими [2]). Силы народа, не находя приложенія для себя въ области политической дѣятельности, должны были обратиться на разработку другой стороны жизни и дѣятельности его—стороны соціальной. Поэтому, вмѣсто политическихъ инстинктовъ, атрофированныхъ вслѣдствіе бездѣятельности и слабости развитія, у него получили преобладающее значеніе инстинкты соціальные, которыми онъ преимущественно и руководился въ своей исторической жизни. Это положеніе можетъ быть вполнѣ примѣнено по отношенію ко всѣмъ слоямъ южно-русскаго общества. Даже старшина, повидимому довольно высоко развитая политически, чаще всего въ своихъ дѣйствіяхъ руководится инстинктомъ соціальнымъ, который у нея за-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 311.

[2]) Не указывая уже на постоянныя колебанія малоруссовъ между Москвой и Польшей, что не было бы возможно, если бы политическія симпатіи были у нихъ сильны и имѣли преобладающее значеніе, мы сошлемся въ этомъ случаѣ на то, что даже проэктъ политическаго союза съ турками и татарами не разъ зарождался въ умахъ южно-руссовъ, и только религіозная нерасположенность народа къ магометанамъ мѣшала осуществленію такихъ проэктовъ. А сколько разъ Запорожцы вступали въ самую тѣсную дружбу съ татарами и совмѣстно съ ними ходили войной въ московск. государство, въ Польшу и даже въ Украину! И руководились они въ такихъ случаяхъ самымъ простымъ разсчетомъ: »Если ханъ будетъ давать войску денегъ и коней, то мы готовы служить хану и панству крымскому«. Соловьевъ, Ист. Рос., т. XIV, 207.

частую вырождается на степень узкихъ сословныхъ а подчасъ и просто личныхъ разсчетовъ. Что же касается простого народа, то онъ исключительно почти управлялся одними практически-соціальными соображеніями при обсужденіи самыхъ важныхъ своихъ поступковъ. Въ одно время, напр., ему казалось, что гораздо удобнѣе быть ему подъ управленіемъ московскихъ воеводъ, чѣмъ находиться въ подчиненіи своимъ полковникамъ,—и онъ призывалъ этихъ воеводъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что это существенно вредило интересамъ мѣстнаго самоуправленія Малороссіи, и что противъ этого вооружались его старшины. Въ другой разъ онъ приходилъ къ сознанію, что воеводы очень стѣсняютъ его, берутъ большіе поборы, и что управленіе ихъ для него оказывается тяжелѣе управленія полковниковъ,—и онъ преспокойно изгонялъ этихъ воеводъ за предѣлы Малороссіи, а въ случаѣ сопротивленія ихъ, вступалъ съ ними въ открытую войну, брался за оружіе, нисколько, опять таки, не стѣсняясь тѣмъ соображаніемъ, что онъ совершалъ этимъ государственное преступленіе, измѣнялъ своей присягѣ. Тоже отсутствіе политической принципіальности, объусловливаемое слабостью политическаго развитія, отличаетъ южно-русскій народъ и въ его внутреннихъ домашнихъ дѣлахъ: при первой возможности онъ поднимаетъ оружіе за свои попранныя права и готовъ начать междоусобную войну съ своими же собственными начальными людьми, если они оказываются его притѣснителями; въ случаѣ же когда старшину поддерживаютъ козаки, онъ идетъ и противъ нихъ, а иногда и противъ своихъ же братьевъ—мѣщанъ и посполитыхъ, да благо бы еще самъ, а то зачастую съ московскими ратями, съ польскими хоругвями и даже съ ордою татаръ.

Возвращаясь теперь къ частному вопросу о борьбѣ Пушкаря и выставленному имъ, въ качествѣ девиза, принципу единенія съ Москвой, мы напередъ объявляемъ, что найдемъ здѣсь полное подтвержденіе всего того, что мы сейчасъ сказали о политическихъ симпатіяхъ и главныхъ руководящихъ побужденіяхъ южно-русскаго народа. Дѣйствительно, и старшина съ Выговскимъ во главѣ, тянувшая къ Польшѣ, и народъ въ союзѣ съ Запорожьемъ, желавшій остаться при Москвѣ, —обѣ эти партіи исключительно стоятъ на соціальныхъ соображеніяхъ; національныя же, равно какъ и другія всякаго рода симпатіи и побужденія, если имѣли здѣсь мѣсто, то въ самой незначительной сте-

пени. Мы не могли уже не замѣтить, что федеративная партія находила сочувствіе и поддержку только между тѣми сословіями южнорусскаго общества, которымъ были присвоены болѣе или менѣе широкія права и преимущества. Людямъ этой партіи было выгодно отстаивать предъ московскимъ правительствомъ неприкосновенность мѣстнаго самоуправленія страны, потому что этимъ самимъ они защищали собственныя выгоды и удобства. Мѣстное самоуправленіе Малороссіи, отчасти по тому, какъ оно опредѣлялось въ переяславскихъ статьяхъ Хмельницкаго, а главнымъ образомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно практиковалось при Хмельницкомъ и его преемникахъ,—это не было свободное и разумное самоопредѣленіе всѣхъ слоевъ общества, автономія равноправныхъ членовъ общины, а скорѣе дѣло немногихъ и отдѣльныхъ лицъ. Поэтому, когда стало очевиднымъ, что московское правительство имѣетъ намѣреніе мало по-малу уничтожить мѣстное самоуправленіе въ Украинѣ, то всѣ, кому это самоуправленіе было выгодно, стали группироваться вокругъ федеративной партіи и пошли договариваться съ Польшей. Народъ не пошелъ за этимъ движеніемъ и сталъ отъ него въ сторонѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ побужденій отстаивать неприкосновенность автономіи Малороссіи, потому что въ политическомъ своемъ значеніи этотъ принципъ былъ недоступенъ его разумѣнію; опасаться же со стороны московскаго правительства нарушенія какихъ либо своихъ правъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ мѣстной автономіи, онъ не могъ по той простой причинѣ, что такихъ правъ у него не было. А союзъ съ Польшей, къ которому тянула его руководящая партія, могъ обѣщать ему только то, что старшины и значные козаки скоро подѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а самъ онъ будетъ поставленъ къ нимъ въ такія отношенія, въ какихъ недавно еще стоялъ къ старымъ польскимъ панамъ, и для него воротятся времена до-Хмельницкаго; между тѣмъ, какъ въ соединеніи съ Москвой самодержавная воля царя представлялась народу гарантіей отъ такого порабощенія.

Для Запорожья вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи въ Малороссіи былъ гораздо менѣе безразличенъ, чѣмъ для простого народа; Запорожье близко было заинтересовано въ этомъ вопросѣ и всегда горячо отстаивало принципъ неприкосновенности автономіи Украины. Однако и оно на этотъ разъ не считало нужнымъ разрывать союзъ съ

Москвой, вѣроятно потому, что оно понимало вопросъ автономическій нѣсколько чище и выше, чѣмъ городовая старшина, сводившая его въ большинствѣ случаевъ къ вопросу о собственныхъ сословныхъ »вольностяхъ и достояніи«, а главное, потому что оно вполнѣ раздѣляло народную нерасположенность къ полякамъ. Запорожцы находились въ это время въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ московскому правительству и думали, что тѣ недоразумѣнія и опасенія за цѣлость автономическихъ правъ Малороссіи, которыя распространились по поводу прихода въ Украину великорусскихъ войскъ и предложенія бояръ о воеводахъ въ Малороссіи, гораздо скорѣе можно будетъ уладить путемъ мирныхъ переговоровъ съ московскимъ правительствомъ и вѣрной службой ему, чѣмъ при помощи открытаго разрыва союза съ нимъ. Въ первомъ своемъ письмѣ къ только что выбранному на гетманство Выговскому, запорожцы проводятъ эту именно мысль. Убѣждая гетмана оставаться въ вѣрности царю, они извѣщаютъ его, что нѣкоторые изъ ихъ »товариства«, возвратившись изъ царской службы въ Литвѣ, хвалятся »великою отъ Великороссіянъ себѣ явленною ласкою и любовію«, каковою войско запорожское и всегда надѣется пользоваться со стороны »добронравнаго и благосерднаго отца и добродѣя его царскаго пресвѣтлаго Величества«. А если гетманъ »усмотрѣлъ що зъ стороны его Величества ку себѣ и ку отчизнѣ неполезное«, то они въ этомъ случаѣ совѣтуютъ ему, не измѣняя своей вѣрности, послать посольство къ царю и отъ имени всего войска и народа просить его объ отмѣнѣ этого »неполезнаго«. При этомъ запорожцы высказываютъ твердое убѣжденіе, что царь не откажетъ такой просьбѣ, »уважаючи тое, же и отъ насъ, всего войска Запорожскаго, крѣпка и издавна вожделѣнная его богохранимой православной державѣ отъ враговъ креста Господня, турковъ и татаровъ станула защита и охорона, и не возможетъ уже отселѣ тотъ общій непріятель христіанскій, своими многочисленными силами, въ его царскую державу (якъ предъ симъ бывало) безпечне вкрочати, и своихъ бѣсурманскихъ подъ самою столицею корогвей розвивати«. Что же касается намѣреній гетмана и старшины оторваться отъ Москвы и войти въ союзъ съ Польшей, то запорожцы ясно и рѣшительно заявляли: »вѣдайте за часу, ижъ ми, войско Низовое Запорожское, въ томъ волѣ Вашой послѣдовати не будемъ и титулу измѣнническаго на *славное имя наше* наволѣкати не хощемъ« [1]).

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 309—312.

Но гораздо ближе народнымъ интересамъ и доступнѣе народному пониманію былъ другой принципъ, во имя котораго Пушкарь призывалъ народъ подъ свои знамена въ борьбѣ съ Выговскимъ. То былъ принципъ противодѣйствія преобладанію въ управленіи страной партіи значныхъ, ихъ возвышенію надъ простыми козаками,—принципъ борьбы за права народа, отстраняемаго старшиной отъ участія въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ и, наконецъ, принципъ противодѣйствія тому стремленію старшинъ—ограничить козачество тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ и выключеніемъ изъ него посполитства,—которое такъ противорѣчило понятіямъ народа и вызывало въ немъ такое недовольство.

Въ первое время, кажется, и самъ Пушкарь не придавалъ своей ссорѣ съ гетманомъ особеннаго значенія и во всякомъ случаѣ едва ли предполагалъ, чтобы его частное дѣло разрослось до такихъ размѣровъ и, главное, приняло тотъ характеръ, съ какимъ оно сказалось потомъ; очевидно, къ послѣднему привели его сами обстоятельства, преимущественно же всеобщее настроеніе массъ. Враждуя съ Выговскимъ, Пушкарь сначала принялъ сторону Запорожья, волновавшагося противъ городовой старшины, самовольно распоряжавшейся дѣлами Украины, и гетмана, избраннаго безъ воли и согласія Сѣчи, и даже посылалъ, вмѣстѣ съ запорожскимъ посольствомъ, и своихъ посланцевъ въ Москву съ жалобой царю по этому предмету. Когда Выговскому удалось смирить запорожцевъ, то партія наиболѣе враждебная гетману должна была оставить Запорожье и очутилась у полтавскаго полковника. Во главѣ этой партіи, состоявшей всего изъ шестисотъ »доброго товариства«, стоялъ запорожскій кошевой атаманъ, Яковъ Барабашъ, который съ этого времени оказывается самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Пушкаря. Здѣсь они продолжали то дѣло, которое начато было ими на Запорожьи, посылая въ Москву доносы на гетмана и подрывая его репутацію въ народѣ. Съ помощію же этого запорожскаго отряда да съ однимъ своимъ полкомъ, Пушкарь разбилъ на голову посланныхъ противъ него со стороны гетмана сербовъ [1]). Съ этого момента дѣло Пушкаря приняло совершенно иной характеръ. Пушкарь не сталъ больше ограничиваться однимъ союзомъ съ запорожцами: онъ задумалъ поднять настоящую войну противъ гетмана и старшины и призвать къ

[1]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 325.

участію въ ней весь народъ. Онъ разослалъ по всей Украинѣ приглашеніе идти къ нему и коннымъ и пѣшимъ, объявляя, что онъ имѣетъ отъ царя позволеніе идти войною на царскихъ измѣнниковъ—гетмана и старшинъ и побивать ихъ, а другихъ отсылать на Москву; что для этой цѣли пожалованы ему отъ царя пушки и знамена и обѣщана присылка на помощь 40 тысячъ ратныхъ московскихъ людей [1]). А чтобы еще болѣе заохотить народъ къ войнѣ противъ »значныхъ«, Пушкарь призывалъ козаковать посполитыхъ, постоянно стремившихся уравнять свои права съ козаками. Послѣднее приглашеніе отвѣчало, такимъ образомъ, самымъ задушевнымъ желаніямъ народа и затрогивало наиболѣе близкіе ему интересы,—тѣмъ болѣе, что это случилось какъ-разъ послѣ того, когда гетманъ и старшина хлопотали у московскаго правительства о присылкѣ царскаго чиновника въ Малороссію для учиненія реестра козакамъ, »чтобы впредь гултяемъ въ козаки писатьця было невольно«, и объ обложеніи мѣщанъ и посполитыхъ такими же податями, какія они платили при польскомъ господствѣ, чтобы изъ этихъ доходовъ назначить козацкому войску жалованье [2]). Этотъ призывъ, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ громадное сочувствіе въ массѣ народа. Къ Пушкарю потянулись со всѣхъ сторонъ, а въ особенности тѣ, кому мало послужило счастіе. Предшествовавшія войны и постоянныя смуты въ Малороссіи породили въ ней множество людей безземельныхъ и бездомныхъ, которымъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, не оставалось ничего иного дѣлать, какъ наниматься въ работники на разные промыслы. То были »винники, броварники, пастухи и наймити людскіе« [3]). Они шли безъ правильнаго вооруженія, съ ко-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. VII., № 79.

[2]) Ibid., № 75—76.

[3]) Лѣтопись Величка, т. I, стр. 328. »*Винники*«—рабочіе на винокуренныхъ, а »*броварники*«—на пивныхъ заводахъ; а эти заводы были тогда въ Малороссіи чуть не при каждомъ зажиточномъ домѣ. Кстати замѣтимъ; что этотъ классъ людей съ этого времени и едва-ли не до конца XVII в. (а можетъ быть и далѣе) составлялъ самый безпокойный элементъ въ Украинѣ. Ни одно послѣдующее волненіе не обходилось безъ участія этихъ людей. До какой степени по поводу ихъ наболѣло сердце у козацкихъ старшинъ, видно отчасти изъ того обстоятельства, что въ договорныя статьи Многогрѣшнаго (1669 г.) старшина сочла нужнымъ внести и такой параграфъ:

сами, рогатинами, кіями и—по выраженію лѣтописца—»зъ сердцами до убійства и разграбленія имѣній людскихъ готовими« [1]). Изъ нихъ Пушкарь составилъ пѣхотный полкъ и назвалъ ихъ *»дейнеками«*.

Возстаніе не ограничилось однимъ полтавкимъ полкомъ; оно распространилось въ окрестностяхъ Зинькова, Гадяча, Миргорода, Ромна. Наказной миргородскій полковникъ, Довгаль также присталъ къ Пушкарю. Въ народѣ какъ будто опять проснулась стихнувшая было на время соціальная вражда, обращенная прежде противъ польскихъ пановъ; теперь ненависть народа готова была обрушиться на своихъ же старшинъ и гетмана. Начался рядъ убійствъ и грабежей. Жертвами ихъ были по преимуществу люди состоятельные, друзья партіи значныхъ, »совѣтники« гетмана и старшины и ихъ »арандари«, на притѣсненія которыхъ жаловались царю запорожскіе послы [2]). Таковъ былъ, вѣроятно, нѣкій панъ Боклевскій или Бублевскій, о которомъ сказано въ современномъ актѣ, что онъ былъ »пріятель« гетмана: его замучили тирански въ с. Жабкахъ (въ окрестностяхъ Лохвицы) люди изъ его же селъ, вмѣстѣ съ женою, челядниками, домочадцами и даже съ »чорнымъ попомъ«, а все имѣніе его разграбили [3]); таковъ же былъ и сотникъ лукомскій, Солопинка, утопленный, по наученію Довгаля, вмѣстѣ съ многими козаками, за то что не хотѣлъ пристать къ возстанію и держался гетмана [4]), и многіе другіе. Выговскій жаловался царю, что своевольцы болѣе всего нападаютъ и побиваютъ его челядниковъ, которые управляютъ его гетманскими »маетностями« и сидятъ на хуторахъ »на приказѣ«; въ случаѣ, если сами челядники успѣваютъ

»О мужикахъ, будникахъ и винокурахъ, своеволне въ Украинѣ козаками нарѣкшихся и всякія бѣди и ссори между народомъ чинящихъ и старихъ козаковъ безчестящихъ; для якихъ своеволцевъ усмирения чтобы собранъ былъ и учиненъ полкъ комонний компанѣйскій охотній тисящній платній«. Лѣтоп. Величка, т. II, ст. 205—206. Эта же статья повторена потомъ въ договорныхъ статьяхъ Мазепы, на Коломаку, 1687 г. Ibid т. III, стр. 42. Впрочемъ, о значеніи этихъ статей, равно какъ о тѣхъ »своеволцахъ«, противъ которыхъ онѣ были направлены, намъ еще придется говорить ниже.

[1]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 328.

[2]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 70, стр. 192.

[3]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 76, стр. 219.

[4]) Ibid., № 76, стр. 215.

уходить и скрываться, то своевольцы побивають ихъ женъ и дѣтей [1]). Тимошъ, въ качествѣ »намѣсника« гетмана, управлявшій принадлежавшимъ къ булавѣ гадячскимъ ключемъ, на котораго запорожцы жаловались, что онъ »учинилъ себе паномъ«, еще раньше былъ отосланъ Пушкаремъ къ московскимъ воеводамъ, вмѣстѣ со многими другими [2]). Въ тоже время нѣкто Иванъ Донецъ возмутилъ окрестности Лохвицы и собралъ вокругъ себя толпу »гултяевъ«, съ которыми побивалъ и грабилъ многихъ [3]). Тотъ же Донецъ, съ толпою своевольцевъ, ходилъ на Чигиринъ, злоумышляя, очевидно, на счетъ безопасности самого гетмана [4]).

Такимъ образомъ, по тѣмъ не многимъ фактамъ, какіе мы собрали здѣсь, видно уже, какъ усобица между гетманомъ и полковникомъ успѣла вдругъ превратиться въ соціальную войну неимущихъ классовъ противъ богатыхъ, безправныхъ противъ »значныхъ«. Въ этомъ именно смыслѣ понималъ дѣло Пушкаря и самъ Выговскій. Въ одномъ изъ писемъ къ царю онъ жалуется, что »Пушкарь Мартынъ да Яковъ Барабашъ, снявся межь себя, *на здоровье наше и всей старшины*, также на жены и на дѣти и *на пожитки* почали паступать« [5]). Весьма можетъ быть, что и самъ Пушкарь не ожидалъ, чтобы дѣло зашло такъ далеко; посланцы гетмана доносили въ Москвѣ, что »нынѣ де Пушкарь тѣмъ бунтомъ и самъ не радъ и радъ бы смириться, да не можетъ отъ того отстать: сбиваютъ де его своеволники и гултяи«, а больше всѣхъ Стрынжа да Донецъ [6]).

Поднявшая возстаніе чернь не ограничивалась одной местью по отношенію къ партіи значныхъ. Было у нея еще одно ясно сознанное и всѣми раздѣляемое стремленіе, по преимуществу руководившее ея дѣйствіями въ минуту возстанія: то было стремленіе низложить наличнаго гетмана и избрать на этотъ урядъ такого человѣка, который былъ бы по душѣ всему народу. Мысль о переизбраніи гетмана, какъ

---

[1]) Ibid., № 79, стр. 234.

[2]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 325, а также Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 76, стр. 211.

[3]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 76, стр. 213.

[4]) Ibid., № 76, стр. 208.

[5]) Ibid., № 72, стр. 196.

[6]) Ibid., № 76, стр. 208 и 213.

намъ уже извѣстно, впервые вышла изъ Запорожья; ее поддерживалъ Пушкарь, никакъ нехотѣвшій видѣть булаву въ рукахъ Выговскаго. Онъ также, вмѣстѣ съ запорожскими послами, просилъ московское правительство о дозволеніи учинить общую раду и на ней избрать новаго гетмана, такъ какъ-де Иванъ Выговскій »всему войску запорожскому и всей черни Днѣпровой и городовой не любъ« [1]). Правительство, въ видахъ успокоенія возникшихъ въ Малороссіи усобицъ, согласилось на это, и запорожскіе послы, вмѣстѣ съ посланцами Пушкаря, получили царскую грамоту, съ дозволеніемъ войску запорожскому, равно какъ и всему народу малороссійскому, составить полную раду и на ней порѣшить вопросъ о гетманѣ [2]). Рада такая, дѣствительно, была учинена въ Переяславѣ, въ присутствіи окольничего Богдана Хитрово, и на ней Выговскій былъ окончательно утвержденъ въ гетманскомъ достоинствѣ. Но на этой радѣ не былъ ни самъ Пушкарь, ни представители отъ Запорожья; да и вообще эта рада была далеко не полная; по свидѣтельству современника—лѣтописца, на нее »зъѣхалися полковники зъ сотниками и зъ иншою старшиною, *опрочь черни*« [3]). А потому полтавскій полковникъ и запорожцы по прежнему продолжали не признавать Выговскаго гетманомъ, считая его избраніе не законнымъ [4]). Пушкарь писалъ кіевскому митрополиту Балабану, увѣщававшему его покориться гетману: »Хотя Ваша святительская милость и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но войско запорожское не признаетъ его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой *вся чернь украинская* единомысленно съ *чернью войска запорожскаго* изберутъ его гетманомъ, тогда и я признаю его« [5]). Пушкарь задумалъ вновь поднять вопросъ о полной радѣ и израніи гетмана и прежде всего обратился къ запорожцамъ. Сюда отправились главные сподвижники Пушкаря, Донецъ и Стрынжа, оба принимавшіе участіе въ посольствѣ на Москву; съ ними же Пушкарь отправилъ и своего старшаго сына [6]). Они представили съ собою царскую грамоту съ позво-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 70.

[2]) Ibid., № 79.

[3]) Самовид., 29.

[4]) Ibid., 29.

[5]) Истор. Мал. Россіи, II, примѣч. 12.

[6]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 76, стр. 214.

леніемъ о радѣ и дѣятельно принялись агитировать въ этомъ духѣ. У запорожцевъ вновь пробудилась надежда возвратить себѣ прежнее значеніе въ рѣшеніи общихъ краевыхъ вопросовъ и въ распоряженіи дѣлами Украины, отъ чего ихъ теперь видимо отстранили гетманъ и городовая старшина. На кошу произошло волненіе. Партія Пушкаря одержала верхъ. Кошевой атаманъ Пашко, благопріятствовавшій Выговскому [1]), былъ удаленъ отъ этой должности; на его мѣсто былъ выбранъ какой-то Шекурка. Чернь порывалась идти на Чигиринъ, а другіе спѣшили соединиться съ дейнеками Пушкаря [2]). Въ то же время пущены были по городамъ листы, съ извѣщеніемъ, что царь далъ позволеніе учинить *по травѣ* (весною) полную раду, на которой бы чернь городовая, вмѣстѣ съ войскомъ запорожскимъ, выбрали себѣ гетманомъ »кого хотятъ« [3]). Избирать гетмана и поставить его въ зависимость отъ себя, »чтобъ ходилъ по волѣ избравшихъ его« — мысль эта всегда составляла высшее pium desiderium для южно-русскаго народа; притомъ же, чернь городовая вполнѣ раздѣляла ненависть запорожцевъ къ Выговскому: ее также раздражалъ союзъ гетмана съ татарами, которые никогда не пропускали случая пограбить народъ [4]). Поэтому приглашеніе отъ имени запорожцевъ готовиться къ радѣ для избранія гетмана встрѣтило въ народѣ самое полное сочувствіе, тѣмъ болѣе что дѣло это казалось ему вполнѣ законнымъ, такъ какъ на этотъ счетъ запорожцы представляли царскую грамоту. Повсюду поднялось движеніе. Гетманъ писалъ въ Москву, что пушкаровцы »такъ тою грамотою побунтовали людемъ, что всѣ на Запорожье вышедши, только жены и дѣти въ домѣхъ оставили« [5]). Донецъ вновь принялся вербовать отряды козаковъ и посполитства, а Барабашъ явился въ лагерь Пушкаря съ нѣсколькими тысячами запорожцевъ, вывезши съ собою изъ коша даже пушки [6]).

---

[1]) По всей вѣроятности этотъ Пашко былъ возведенъ въ достоинство кошеваго атамана по волѣ Выговскаго, во время похода гетмана на Запорожье съ усмирительными цѣлями, и замѣстилъ бѣжавшаго изъ Запорожья Якова Барабаша.

[2]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 76, стр. 215 и 218.

[3]) Ibid. № 76, 214—15.

[4]) Пам. К. Комм., III, 3, 224.

[5]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 76, 218, 215.

[6]) Ibid. № 78, 223—5.

Выговскій не допустилъ вполнѣ созрѣть дѣлу народнаго возстанія. Съ помощію татаръ, онъ разбилъ пушкаровцевъ и страшно опустошилъ Полтаву и ограбилъ полтавскій полкъ. Самъ Пушкарь былъ убитъ. Но его дѣло не умерло съ нимъ. Разогнанные и потерявшіе своего предводителя дейнеки долго еще бродили отдѣльными партіями, прельщая народъ царскою грамотою и подговаривая побить старшину [1]. Скоро они опять были соединены. Когда Гадячскій договоръ Выговскаго сталъ общеизвѣстнымъ фактомъ, и когда московское правительство вполнѣ удостовѣрилось въ измѣнѣ гетмана, тогда оно обратилось прямо къ народу, передавая ему какъ-бы на судъ свое дѣло съ измѣнникомъ—гетманомъ и приглашая его содѣйствовать великорусскимъ войскамъ, пришедшимъ въ Малороссію подъ начальствомъ Ромодановскаго [2]. Партія Пушкаря мгновенно ожила. Полтавцы низложили поставленнаго Выговскимъ полковника Филона Гаркушу и выбрали на его мѣсто Кирика Пушкаренка — сына стараго Мартына Пушкаря. Иванъ Донецъ и Степанъ Довгаль вновь появились на сценѣ и, въ качествѣ полковниковъ, принялись организовать отряды въ помощь войскамъ Ромодановскаго. Вновь собравшаяся голота—дейнеки расхаживали по краю и страшно мстили приверженцамъ Выговскаго. Миргородъ, Пирятинъ, Лубны и другіе города были разорены; Мгарскій монастырь подвергся разграбленію; зажиточные люди съ своимъ имуществомъ бѣжали во всѣ стороны [3].

Выговскій очень успѣшно сражался съ великорусскими войсками и даже разбилъ на голову князя Пожарскаго и заставилъ отступить въ предѣлы московскіе Трубецкого; но онъ ничего не могъ сдѣлать, чтобы удержать въ повиновеніи себѣ возставшій край. Въ Нѣжинѣ поспольство и козаки въ одну ночь перебили пять хоругвей польскаго *затяжного* войска, призваннаго Выговскимъ и разставленнаго имъ на *консистенцію* (квартированіе) въ Украинѣ; вслѣдъ затѣмъ въ Черниговѣ, Борзнѣ и иныхъ мѣстахъ принялись также избивать жолнеровъ [4]. Изъ Батурина, Глухова, Нѣжина и другихъ городовъ посланы были

---

[1]) Ibid., № 80, стр. 247.

[2]) Историч. моногр. Костом. II, 142—3.

[3]) Лѣт. Величко, I, 339—40.

[4]) Самов., 33. Въ это же время былъ убитъ и знаменитый Юрій Немиричъ, рейментарь въ то время затяжного польскаго войска.

Трубецкому приглашенія вступить въ Малороссію съ ратными силами. Едва онъ явился, какъ всѣ лѣвобережные города, одинъ за другимъ, стали склоняться на его сторону. А изъ Запорожья въ свою очередь поднялось движеніе: оттуда шелъ храбрый Сирко—будущій народный герой, и призывалъ народъ подъ свои знамена дорогимъ для всѣхъ именемъ Хмельницкаго. Выговскій бѣжалъ изъ Чигирина. Гетманомъ Малороссіи обоихъ береговъ Днѣпра и войска Запорожскаго провозглашенъ былъ молодой Юрій.

VI.

Перемѣна гетмана мало, однакожь, принесла пользы для Малороссіи. Удаленіе всѣми нелюбимаго Выговскаго и избраніе на его мѣсто Юрія Хмельницкаго успокоило на время Украину, прекратило въ ней междоусобную войну, даже, повидимому, объединило враждовавшіе между собою элементы. Но этотъ миръ и это единеніе не могли долго продолжаться. Тѣ причины, которыя объусловливали предшествовавшія усобицы и всеобщую путанину, нисколько не были устранены и продолжали оставаться во всей силѣ. Предшествовавшая борьба не привела ровно ни къ чему. Ни одна изъ партій не могла назваться побѣдительницей, ни одна изъ нихъ не была и сломлена или, по крайней мѣрѣ, значительно обезсилена; напротивъ, борьба способствовала тому, что каждая изъ нихъ точнѣе обозначила свои стремленія, выдѣлилась и окрѣпла въ болѣе ясный и рельефный образъ, успѣла тѣснѣе сомкнуться и сосчитать свои силы. И теперь обѣ партіи стояли другъ противъ друга, снова готовыя вступить въ борьбу.

Выговскаго не стало. Но въ Украинѣ осталась по прежнему та партія, которой онъ былъ наиболѣе выпуклымъ представителемъ и которая до конца поддерживала его дѣло. Мало того, народная партія, свергнувшая Выговскаго, избившая, ограбившая многихъ значныхъ и вообще отмстившая имъ, какъ могла, ровно ничего не сдѣлала для того, чтобы устранить на будущее время отъ преобладанія въ рѣшеніи краевыхъ вопросовъ партію значныхъ, вырвать изъ ихъ рукъ исключительное руководство дѣлами Украины и противопоставить имъ иныхъ общественныхъ дѣятелей и иную программу дѣйствій. Она просто-на-просто ограничилась сверженіемъ прежняго гетмана и провозглашеніемъ новаго, не предпринявши ровно ничего такого, что́ могло бы гарантировать ее, что новый гетманъ будетъ другомъ народной партіи, а не

пойдетъ по слѣдамъ своего предшественника. Напротивъ, всѣ условія слагались такъ, что новый гетманъ волей-неволей долженъ былъ избрать второй путь, и ужь, конечно, не слабому Юрію можно было плыть противъ теченія. Руководящее значеніе въ дѣлахъ края по прежнему оставалось въ рукахъ значныхъ, да и сама соціально-политическая программа ихъ была прежняя: такой программой служили для нихъ Гадячскія статьи.

Тотъ соціально-политическій проэктъ, который извѣстенъ подъ именемъ »Гадячскихъ пактовъ«, въ извѣстной степени испыталъ на себѣ судьбу всего того, что выходитъ изъ общаго уровня понятій современниковъ и оказывается не по плечу имъ [1]). Въ первое время, сгоряча, онъ былъ отвергнутъ почти всѣми [2]); даже между старши-

---

[1]) Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя обсужденія этого проэкта; скажемъ только, что Гадячскія статьи, по своей широтѣ, по своей глубокой и многосторонней регламентаціи всѣхъ сторонъ общественной жизни (включая сюда торговлю, промышленность, просвѣщеніе, науку и проч)., стоятъ несравненно выше узкой односторонне-военной конституціи, которая узаконялась для Малороссіи статьями Богдана Хмельницкаго и которая, съ бо́льшими или меньшими измѣненіями, повторялась во всѣхъ договорныхъ статьяхъ послѣдующихъ гетмановъ. Кстати замѣтимъ, что наиболѣе существенная и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе разумная часть плана Гадячскихъ статей принадлежала дѣятельности извѣстнаго уже намъ, какъ европейски-образованнаго человѣка, Юрія Немирича, и что даже самъ гетманъ Выговскій не умѣлъ возвыситься на столько, чтобы стать на степень полнаго личнаго безкорыстія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ выработка и проведеніе проэкта политической и соціальной жизни своей родины, и явиться сотрудникомъ Немиричу. Беневскій доносилъ своему правительству, что Выговскій главнымъ образомъ заботится о томъ, »чтобы онъ и его домъ былъ обезпеченъ на счетъ благосклонности короля, что онъ не упоминаетъ даже о козакахъ, и такимъ образомъ устраняются *еретическія выдумки, родившіяся въ головѣ Немирича, безъ вѣдома Выговскаго*«. (Здѣсь разумѣются статьи Гадячскаго договора о полной автономіи Малороссіи). Пам. Кіевск. Ком., т. III, 3, LXIV.

[2]) По отношенію къ козакамъ, это обстоятельство въ значительной степени обусловливалось тѣмъ, что составители договора долгое время держали его въ секретѣ, и тѣмъ давали возможность толпѣ, недовѣрявшей своей старшинѣ и знавшей, одна ожь, о предполагаемомъ союзѣ съ Польшей, дѣлать самыя невѣроятныя предположенія объ условіяхъ договора. Впослѣдствіи, при Юрьѣ Хмельницкомъ, когда по настоянію Беневскаго, на радѣ въ Корсунѣ

нами—сторонниками автономической партіи оказалось не мало его противниковъ [1]). Но потомъ, когда первое впечатлѣніе успѣло пройти, а Гадячскій договоръ остался невыполненнымъ по винѣ самихъ же договаривавшихся сторонъ, то, вдумываясь въ него больше и больше, сторонники мѣстнаго самоуправленія въ Малороссіи (а такими были тогда почти всѣ знатные въ Украинѣ) должны были необходимо придти къ заключенію, что статьи этого договора какъ нельзя болѣе полно удовлетворяли ихъ автономическимъ стремленіямъ. Поэтому Гадячскій договоръ съ этого времени на долго еще оставался программой для всѣхъ, кто только занимался политикой Украины; впослѣдствіи мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ статей этого договора будутъ повторены спустя 30 съ лишнимъ лѣтъ въ другомъ подобнаго же рода политическомъ проэктѣ Петрика.

Великое Княжество Русское, проэктированное Гадячскими статьями, какъ отдѣльное политическое цѣлое въ составѣ Рѣчи-посполитой, пало при самомъ своемъ основаніи—и, пало, главнымъ образомъ, вслѣдствіе глубокаго отвращенія народа и Запорожья къ союзу съ поляками. Но планъ былъ слишкомъ заманчивъ, чтобы козацкіе старшины могли сразу же отказаться отъ надежды видѣть когда либо его осуществленіе. Уступая всеобщему требованію въ Малороссіи и возвращаясь, вмѣстѣ съ новоизбраннымъ гетманомъ, снова подъ власть московскаго государя, старшина козацкая изо всѣхъ силъ старается, однакожъ, установить такія отношенія къ московскому государству, при которыхъ автономія Малороссіи не только удерживалась бы въ прежнемъ видѣ, но и была какъ можно болѣе расширена, зависимость ея отъ Москвы доведена была бы до самой слабой степени,—и вообще замѣтно стремленіе поставить Малороссію въ такое положеніе, которое какъ можно

прочитаны были Гадячскія статьи, козаки заговорили иное: »Вотъ колибъ его милость панъ воевода кіевскій (Выговскій), будучи еще у насъ гетманомъ, прочиталъ намъ такъ и растолковалъ, такой бы бѣды не сталось!« Памятн. Кіевск. Ком. т. IV, 3, № IX.

[1]) Хотя это обстоятельство обусловливалось просто тѣмъ, что, въ минуту утвержденія договора, не всѣ старшины получили отъ короля одинаковыя привилегіи и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ награждены были маетностями и другими подарками. Памятн. Кіевск. Комм., т. III, 3, № XCIV. Лѣтоп. Величко, т. I, стр. 436.

болѣе приближало бы ее къ тому образцу, какой былъ начертанъ для нея въ Гадячскихъ статьяхъ, и дѣлало бы изъ нея хоть что нибудь похожее на неудавшееся Великое Княжество Русское. Въ Жéрдевскихъ статьяхъ мы именно и видимъ такую попытку со стороны козацкой старшины [1]). Въ нихъ, прежде всего, замѣтно стремленіе поставить власть гетмана на такую высоту, на какой она никогда еще не стояла въ Малороссіи. Гетманъ есть главный и единственный правитель страны. Хотя его власть по-прежнему остается избирательной, но въ этомъ избраніи должны участвовать только одни козаки; право избранія не простиралось на посполитыхъ, равно какъ и на всѣхъ лицъ не принадлежащихъ къ козацкому званію. Подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и верховнымъ судомъ гетмана находится все войско запорожское, равно какъ и всѣ шляхтичи въ Украинѣ. Власти его одного безпрекословно повинуются всѣ полковники съ своими полками и другіе козацкіе чиновники. Въ отношеніи къ Москвѣ гетманъ есть главный и единственный представитель страны: онъ одинъ долженъ вести сношенія съ московскимъ государствомъ, и только черезъ его руки должны были идти всѣ распоряженія московскаго правительства, касающіяся Украины. Никто помимо него не имѣетъ права обращаться къ верховному правительству царя; безъ вѣдома его и старшины, безъ подписи его руки и приложенія войсковой печати, никакія писанія, присланныя изъ Украины, не должны быть принимаемы у московскаго правительства. Этимъ очевидно хотѣли устранить всякое вмѣшательство со стороны Москвы во внутреннія дѣла Украины, которое всего болѣе грозило мѣстной автономіи страны. Воеводы, за исключеніемъ только Кіева, не должны быть ни въ одномъ изъ малорусскихъ городовъ; даже великорусскія войска, во время бытности ихъ въ Украинѣ, должны были находиться подъ верховнымъ начальствомъ гетмана войска Запорожскаго. Гетманъ пользуется неограниченнымъ правомъ сношенія съ иностранными государствами, какъ независимый политическій правитель: онъ посылаетъ свои посольства къ разнымъ владѣтельнымъ

---

[1]) *Жéрдева*—долина, въ окрестностяхъ Трехтемирова, гдѣ была рада, на которой Юрій Хмельницкій окончательно былъ провозглашенъ гетманомъ, въ 1659 г. Здѣсь же были составлены статьи, которыя должны были быть утвержденными моск. правительствомъ и на которыхъ имѣлъ присягнуть новоизбранный гетманъ.

лицамъ и въ свою очередь принимаетъ иноземныхъ пословъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ только обязывается посылать въ Москву списки съ иностранныхъ грамотъ и всякихъ дипломатическихъ бумагъ. При заключеніи мира и всякаго рода трактатовъ со стороны московскаго правительства съ другими сосѣдними государствами, а въ особенности съ татарами, поляками и шведами, гетманъ высылаетъ отъ войска Запорожскаго коммиссаровъ съ вольнымъ голосомъ и значеніемъ. Далѣе въ въ этихъ же статьяхъ строго гарантировалась независимость церкви малорусской, которая должна была попрежнему оставаться въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха и освобождалась отъ всякаго принужденія къ подчиненію и послушанію иной какой либо власти, разумѣя здѣсь, конечно, московскаго патріарха по преимуществу; вмѣстѣ съ тѣмъ узаконялся древній обычай южнорусской церкви выбора высшихъ іерархическихъ сановниковъ, съ участіемъ въ немъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ. Наконецъ, не забыты были также и интересы просвѣщенія: козаки выговаривали себѣ неограниченное право заводить въ Украинѣ школы *»всякаго языка«*, гдѣ это окажется нужнымъ [1]).

Нечего и говорить, что статьи эти писались подъ вліяніемъ тѣхъ же требованій и стремленій, которыми руководились составители Гадячскихъ пактовъ; въ нихъ дѣлается попытка осуществить, хотя и не вполнѣ, въ союзѣ съ Москвой то, что неудалось въ союзѣ съ Польшей. Многія статьи очевидно даже цѣликомъ списаны со статей Гадячскаго договора. Федеративная партія дѣлаетъ еще одно усиліе всѣми мѣрами отстоять политическую независимость Малороссіи, и это усиліе еще разъ оказывается неудачнымъ.

Московское правительство смотрѣло на это дѣло совершенно иначе. У него были относительно Малороссіи вполнѣ опредѣленные виды и стремленія: оно хотѣло въ возможно болѣе скорое время, путемъ постепеннаго съуживанія автономическихъ правъ Украины, слить ее въ политическомъ и административномъ отношеніи съ остальными своими землями, хотя, по свойственной ему осторожности, не рѣшалось пока предпринимать какія нибудь рѣшительныя мѣры въ этомъ смыслѣ. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ оно нисколько не отсту-

---

[1]) Костом., Юрій Хмельницкій. Вѣстн. Евр. 1868 г., кн. IV, стр. 487—8.

пило отъ своей постоянной политики. Притомъ же, всякія автономическія требованія старшины не могли быть въ его глазахъ особенно внушительными. Правительство хорошо знало, что эти требованія идутъ отъ одной относительно небольшой партіи людей,—партіи, вдобавокъ, не пользующейся никакимъ сочувствіемъ массы народа, равнодушнаго ко всякимъ высокимъ политическимъ вопросамъ, недоступнымъ его разумѣнію. А потому-то Трубецкой устроилъ въ Переяславѣ раду, согналъ на нее какъ можно болѣе мѣщанъ и посполитства, принудилъ явиться сюда Юрія и немногихъ старшинъ, окружилъ раду великорусскими войсками и заставилъ гетмана присягнуть не на тѣхъ статьяхъ, которыя представили съ собой старшины съ Жердевской рады, а на тѣхъ, какія были присланы ему съ Москвы. То были старыя статьи Богдана Хмельницкаго, видоизмѣненныя нѣсколько новыми вставками и прибавленіями. Прибавленія эти, по своему содержанію, были діаметрально противоположны тому, чего добивались козацкіе старшины въ предложенныхъ ими статьяхъ Жердевской рады. Оказывалось, что, по смыслу этихъ прибавочныхъ статей, гетманъ, избираемый по прежнему вольными голосами, не прежде могъ носить это имя, какъ послѣ того, когда онъ явится въ Москву »видѣть царскія очи« и получитъ отъ царя знамя, булаву и бунчукъ; точно также козаки лишались права, безъ вѣдома государя, низлагать гетмана, даже въ случаѣ его измѣны, ни вибирать самовольно послѣ его смерти преемника ему. Безъ воли и рады всей козацкой черни гетманъ не могъ назначать никого на полковничьи и другіе войсковые уряды. Безъ вѣдома московскаго правительства онъ не имѣлъ права судить и казнить смертію полковниковъ и вообще начальственныхъ лицъ въ войскѣ запорожскомъ. Гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ обязывался идти въ походъ, куда ему будетъ приказано съ Москвы. Онъ не могъ сноситься съ иностранными государями и принимать отъ нихъ пословъ, лишался права оказывать имъ вспомоществованіе ратными людьми, а тѣхъ, кто безъ воли государя пойдетъ на службу къ иноземному правительству, гетманъ обязывался карать смертію. Въ Бѣлой Руси козачество признавалось окончательно уничтоженнымъ; козацкіе гарнизоны должны были очистить всѣ города здѣсь и уступить ихъ московскимъ ратнымъ людямъ. Наконецъ, требовалось, чтобы московскіе воеводы съ ратными людьми были, кромѣ Кіева, въ городахъ: Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ и Умани. Въ заключеніе объявлялось, что всякій,

кто не захочетъ присягнуть на этихъ статьяхъ или нарушитъ ихъ, долженъ быть казненъ смертію [1]).

Трубецкой съумѣлъ, опираясь на массу простого народа и многочисленныя великорусскія войска, заставить гетмана и немногихъ бывшихъ съ нимъ старшинъ присягнуть на этихъ статьяхъ въ Переяславѣ; но это обстоятельство служило весьма ненадежной гарантіей, что эти статьи будутъ приняты и выполнены со стороны козаковъ. Когда съѣхались въ Чигиринѣ многіе правобережные полковники и другіе старшины, не бывшіе на радѣ въ Переяславѣ, и узнали о тѣхъ условіяхъ, на какихъ подчинился московскому государю новоизбранный гетманъ, то между ними поднялось страшное недовольство. Упрекали Юрія, упрекали бывшихъ при немъ и присягнувшихъ съ нимъ старшинъ [2]). Даже тѣ, которые стояли за вѣрность Москвѣ, увидѣли въ переяславскихъ статьяхъ Юрія нарушеніе старыхъ вольностей козацкихъ и стали упрекать Москву за лукавство [3]). Недовольство зашло такъ далеко, что многіе готовы были тогда же разорвать новозаключенный договоръ. Но пока рѣшились попытать еще одно средство: назначили посольство въ Москву къ царю съ просьбой объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ »новоприданныхъ« въ переяславскомъ договорѣ статей и измѣненіи другихъ въ смыслѣ требованій, поставленныхъ на Жердевской радѣ [4]). Посольство это не привело ни къ чему. Московское правительство рѣшило остаться твердымъ въ своихъ намѣреніяхъ, и на всѣ пункты инструкціи козацкихъ пословъ послѣдовалъ рѣшительный отказъ [5]).

Покорно перенести этотъ отказъ и помириться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое ставилась Украина по переяславскимъ статьямъ Юрія Хмельницкаго, козаки не могли, если-бы даже и хотѣли это сдѣлать. То была минута, когда мысль о политической самобытности достигла

---

[1]) Лѣтоп. Величка, I, 411—420.

[2]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 426.

[3]) Костомаровъ, Гет. Юрій Хмельницкій. Вѣстн. Европы, 1868 г. кн. IV, стр. 499.

[4]) Акты Ю. и З. Р., т. V, №№ 2 и 3.

[5]) Уступка сдѣлана только въ пользу ходатайства козаковъ о допущеніи козацкихъ коммиссаровъ къ участію въ переговорахъ на предстоявшей Борисовской компаніи съ Польшей о порубежныхъ дѣлахъ и о прекращеніи взаимныхъ недоразумѣній. А. Ю. и З. Р., т. V, № 3.

въ малорусскомъ обществѣ высшаго своего развитія. Возникшая первоначально въ умахъ немногихъ выдающихся личностей, въ-родѣ извѣстнаго Юрія Немирича, мысль эта успѣла за послѣднее пятилѣтіе популяризироваться до извѣстной степени и пріобрѣсти необходимую зрѣлость. Неудача попытки ея исполненія нисколько не дискредитировала ее; напротивъ, несчастный исходъ Гадячской коммиссіи послужилъ даже въ пользу автономической идеѣ: онъ привлекъ къ ней общественное вниманіе, заставилъ задуматься надъ ней и тѣхъ, кому она до тѣхъ поръ, быть можетъ, не приходила никогда въ голову. Если при Выговскомъ она встрѣчала еще не мало недоброжелателей отчасти потому, что не была надлежаще понята одними, а еще болѣе въ силу постороннихъ побужденій другихъ, то зато въ короткое промежуточное время, при измѣнившихся условіяхъ, популярность идеи политической автономіи Украины выросла вдругъ до весьма широкихъ размѣровъ. Все, что было высшаго и сколько нибудь образованнаго въ малорусскомъ обществѣ, чьи понятіи мало-мальски возвышались надъ уровнемъ непосредственныхъ представленій массы простого народа: старшина, шляхта, духовенство, мѣщане и даже нѣкоторые козаки — все это стояло на сторонѣ этой идеи: Запорожье также раздѣляло ее. Въ глазахъ наиболѣе искреннихъ ея поборниковъ идея эта получала особенное значеніе, въ силу тѣхъ немалыхъ жертвъ и громадныхъ усилій, которыя понесены были для ея осуществленія; для тѣхъ же изъ козацкихъ старшинъ, которые, по мелочности или ограниченности натуры, не могли стать на высоту идеи безкорыстнаго служенія обществу, мысль о самостоятельности Украины все таки находила и у нихъ извѣстное сочувствіе, такъ какъ она случайно совпадала съ ихъ сословными интересами. Большинство стояло за то, чтобы добиваться расширенія автономіи Украины не иначе, какъ въ союзѣ съ московскимъ государствомъ; къ Москвѣ же кстати тянули простые козаки и посполитые. Наученные опытомъ Выговскаго, непринявшаго во вниманіе этого обстоятельства, старшины, руководившіе молодымъ гетманомъ, готовы были сдѣлать уступку общественнымъ требованіямъ: они признали власть Москвы и пошли договариваться съ ней о правахъ и вольностяхъ Украины, чтобы она хоть сколько нибудь походила на самобытную политическую единицу. Они даже готовы были до поры-до-времени поудержаться съ наиболѣе рѣзкими своими требованіями: они, напримѣръ, ни слова не говорили о Великомъ Княжествѣ Русскомъ, о

верховномъ трибуналѣ, о правѣ чеканить свою монету и другихъ вольностяхъ, обѣщанныхъ имъ польскимъ правительствомъ въ Гадячскихъ статьяхъ. На первый разъ они желали весьма немногаго: соглашаясь оставаться подъ властію московскаго государя на прежнихъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго, они хотѣли сдѣлать въ нихъ небольшія измѣненія въ такомъ смыслѣ, чтобы ослабить нѣсколько свою зависимость отъ Москвы, устранить по возможности ея вліяніе на внутреннія дѣла Украины и, возвысивши значительно власть и значеніе гетмана, сконцентрировать мало-по-малу вокругъ него всѣ силы страны. Но на этомъ пути они встрѣтились съ діаметрально противоположными требованіями московской политики: въ Москвѣ также давно возникли и теперь вполнѣ созрѣли совершенно иные виды на Малороссію. Московское правительство оказалось какъ-нельзя болѣе твердо въ своей политикѣ и ни за что не хотѣло идти ни на какія уступки; но и противоположная партія не хотѣла отказаться отъ своихъ замысловъ ни въ какомъ случаѣ. Усилія отстоять ихъ доведены были до послѣдней степени напряженія. Такое ненормальное положеніе не могло долго продолжаться; для руководящей козацкой партіи оставался единственный исходъ: идти по слѣдамъ Выговскаго. Колебанія въ этомъ случаѣ продолжались не долго. Подоспѣлъ неудачный походъ Шереметева противъ поляковъ; козакамъ приходилось вести трудную войну съ ними, при самыхъ вѣроятныхъ условіяхъ остаться побѣжденными. Произошло то, чего и слѣдовало было ждать: козаки заключили подъ Чудновомъ мирный договоръ съ поляками, оставили на произволъ судьбы осажденнаго Шереметева и сами очутились въ польскомъ лагерѣ [1]).

---

[1]) Самъ лѣтописецъ измѣну Юрія Хмельницкаго подъ Чудновомъ объясняетъ такъ, что Юрій склонился къ союзу съ поляками »не тилько зъ причини безчестія своего (со стороны Шереметева, высокомѣрно обращавшагося съ козаками и молодымъ гетманомъ), але и зъ давнѣйшои причини *премѣненія, въ нѣкіихъ клявзуляхъ, пактовъ отческихъ пактами Переясловскими, а особливе взглядомъ нового придатку въ тихъ пактахъ—еже виступити залогомъ Козацкимъ зъ Бѣлои Руси и Стараго Быхова и имени запорожскому тамъ не слинутися, о що всегда отъ старшини и полковниковъ былъ поносимій и стужаемій«.* (Лѣтоп. Велички, т. II, стр. 14). Запорожцамъ также были не по душѣ переяславскіе »пакти« Юрія. Они упрекали его потомъ, что ты де объ этихъ пактахъ »неслушне въ Переясловлѣ молчалесь, а теперь о томъ говорити почалесь«. Но они не раздѣляли рѣшимости городо-

Вмѣстѣ съ Юріемъ и вся Малороссія признала было, по Слободищенскому договору, власть польскаго короля, но скоро потомъ лѣвобережные полки мало-по-малу возвратились снова къ союзу съ московскимъ государствомъ и отложились отъ Юрія. Съ этого момента началось самымъ дѣломъ то печальное раздвоеніе доселѣ единой и нераздѣльной Украины, которое, спустя нѣсколько лѣтъ, подтверждено было дипломатически со стороны московскаго и польскаго правительствъ въ статьяхъ Андруссовскаго договора, 1667 г. Это раздвоеніе продолжалось до самаго конца XVIII в., и въ продолженіе этого періода исторически-общественная жизнь той и другой половины Украины представляетъ весьма много отличій, такъ какъ и та и другая имѣли весьма различную судьбу.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы попреимуществу будемъ заниматься судьбой лѣвобережной Украины, такъ какъ ея исторія лишена той порывистости и случайности событій и страшныхъ потрясеній, которыя отличаютъ исторію правобережья, а напротивъ представляетъ собою болѣе правильное и постепенное возникновеніе и развитіе явленій изъ самой природы коренныхъ условій общественной жизни страны, и потому даетъ матеріалъ болѣе отвѣчающій нашимъ цѣлямъ. Что же касается правобережной Украины, то мы по отношенію къ ней принуждены ограничиться лишь тѣмъ, что время отъ времени будемъ отмѣчать въ ея исторіи болѣе выпуклыя событія, касаясь ихъ на столько, на сколько это будетъ необходимо въ интересахъ полноты нашего труда.

VII.

Слободищенскій договоръ Юрія Хмельницкаго съ Польшей вызвалъ къ себѣ въ первую минуту замѣчательное по единодушію всеобщее сочувствіе. Вся Украина обоихъ береговъ Днѣпра открыто объявила себя въ пользу гетмана. Только три полка: переяславскій, нѣжинскій

вой старшины въ трудную минуту возвратиться къ союзу съ Польшей. Подобно тому, какъ во время Выговскаго, они и Юрію высказывали увѣренность, что »милостивій панъ и добродѣй, его царское величество, православный Монарха Російскій не только пакта переясловскіи ку ползѣ нашой поправити роскажетъ, але и всего намъ и тебѣ благосердие учинити не отмовитъ, о що тилко просити будемъ«. А потому они постоянно убѣждали Юрія возвратиться подъ власть московскаго царя и испросить у него прощеніе за свою измѣну, »въ чемъ—писали они—и ми тобѣ допомогти обѣцуемся и все желаемое отчизнѣ нашой у Его Величества справити надѣемся«. Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 31—35.

и черниговскій остались вѣрными Москвѣ, но и то потому, какъ объясняетъ лѣтописецъ-современникъ, что »въ тихъ городахъ воеводы зоставали« [1]). За то другіе лѣвобережные полки, которые, недавно еще вмѣстѣ съ Пушкаремъ, такъ энергично отстаивали принципъ вѣрности московскому правительству—полтавскій, миргородскій, прилуцкій и др. теперь изо всѣхъ силъ старались показать свою расположенность къ союзу съ Польшей: хватали московскихъ ратныхъ людей и бросали ихъ въ воду и даже убивали тѣхъ изъ своихъ же, которыхъ подозрѣвали въ склонности къ Москвѣ [2]). Но скоро оказалось, что это единодушіе было только кажущееся. Оно не исходило изъ какихъ нибудь общихъ руководящихъ началъ, изъ національныхъ или другихъ какихъ либо побужденій и опредѣленныхъ тенденцій; напротивъ, оно обусловливалось случайными и чисто практическими соображеніями: страхомъ передъ поляками, на сторонѣ которыхъ была теперь сила, и опасеніемъ, чтобы они не пришли силою покорять край подъ власть короля. Едва только Чарнецкій съ польскими, козацкими и татарскими силами перешелъ обратно за Днѣпръ, а со стороны Москвы присланы были ратныя силы подъ начальствомъ Ромодановскаго, какъ въ лѣвобережной Украинѣ настроеніе умовъ мгновенно измѣнилось: города одни за другими стали присылать къ Ромодановскому и Сомку повинную, и въ короткое время вся сторона снова возвратилась подъ власть московскаго государя [3]).

Если такъ мало единодушія и политической стойкости обнаружили низшіе слои народонаселенія страны, то еще менѣе оказалось этихъ качествъ въ высшей руководящей политической партіи значныхъ. »Намъ все равно«, высказывались лубенскій полковникъ, Шамрицкій и сотники его полка,—»москаль или ляхъ; кто сильнѣе, за тѣмъ мы и будемъ« [4]). Нашлись и такіе, которые пошли дальше этого безразличія. Они сообразили, что если въ ту дѣйствительно критическую для московской власти на Украинѣ минуту, которая слѣдовала послѣ измѣны Юрія и Чудновскаго пораженія Шереметьева, они останутся вѣрными царю, то въ будущемъ имъ можно ожидать отъ Москвы всевозможныхъ благъ и »нагороды«. Таковы были переяславскій полков-

---

[1]) Самов. 34.
[2]) Костомаровъ, Гетманство Юрія Хмельн. Вѣстн. Европы, 1868 г. кн. V.
[3]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 35.
[4]) Пам. Кіевск. Комм., т. IV, 3, № XIV.

никъ Сомко и нѣжинскій Золотаренко. Первый изъ нихъ еще въ минуту свержения Выговскаго добивался для себя гетманской булавы, какъ ближайшій родственникъ Богдана Хмельницкаго, и очень остался недоволенъ, когда эта булава по-мимо него досталась Юрію [1]). Въ минуту измѣны Хмельниченка, Сомко былъ избранъ козаками своего полка наказнымъ гетманомъ, и теперь, когда его трудами почти вся лѣвобережная Украина была склонена подъ власть царя, онъ имѣлъ всѣ шансы сдѣлаться настоящимъ гетманомъ. На гетманство же разсчитывалъ и нѣжинскій полковникъ, Васюта Золотаренко.

Такимъ образомъ автономическая партія въ Малороссіи и безъ того неокрѣпшая еще въ своихъ силахъ и неуспѣвшая сгруппироваться, что бы общими усиліями вести свое дѣло, теперь распалась на двѣ группы: одна сосредоточилась на правой сторонѣ Днѣпра и тянула къ Польшѣ, другая—на лѣвой и склонялась къ Москвѣ. Онѣ успѣли раздѣлить доселѣ нераздѣльную Украину и стали враждебно другъ противъ друга. Ясно, что дѣло Малороссіи окончательно проигрывалось, и для козачества наступалъ періодъ разложенія.

Между двумя раздѣленными теперь половинами Украины начачась взаимная борьба.

Если исторія южно-русскаго народа, на всемъ протяженіи долгихъ вѣковъ его исторической жизни, вообще заключаетъ въ себѣ весьма мало свѣтлыхъ страницъ, то все же мы не знаемъ въ ней ничего печальнѣе той борьбы, о которой теперь говоримъ. Ни монгольскій погромъ, ни долгій панскій гнетъ, ни тѣ страшныя озлобленія и всевозможныя насилія, какія вытерпѣлъ народъ во времена до-Хмельницкаго, ни долгія и разорительныя войны съ поляками, татарами и другими врагами,—ничто такъ не обезсилило Украину въ умственномъ, нравственномъ, національно-политическомъ и матеріальномъ отношеніи, какъ эта долгая, упорная междуусобная война. Весь запасъ гражданскихъ и культурныхъ силъ, который успѣло скопить южно-русское общество въ предшествующій періодъ своей исторической жизни, долженъ былъ погибнуть въ этой ужасной войнѣ. Не одни козаки принимали въ ней участіе. Московскія рати, польскія хоругви, полки янычаръ, татарскія орды и даже калмыцкія полчища—все это успѣло нѣсколько разъ побывать на Украинѣ въ это время, жгло, гра-

---

[1]). Лѣт. Величка, т. I, стр. 399.

било, убивало и толпами уводило въ плѣнъ ея жителей, уходило и снова возвращалось. Это продолжалось около двадцати лѣтъ и окончилось полнымъ запустѣніемъ правобережной Украины.

Съ такимъ характеромъ обнаружилась эта междуусобная война уже и въ первое время своего возникновенія, непосредственно послѣ Слободищенскаго договора. Юрій нѣсколько разъ приходилъ въ лѣвобережную Украину, въ сопровожденіи польскихъ отрядовъ и татарскихъ ордъ, держалъ не разъ въ осадѣ Переяславъ, разорялъ другіе города. Сомко, съ помощію великороссійскихъ войскъ, удачно отражалъ своего соперника, наносилъ ему пораженіе и въ свою очередь являлся съ завоевательными цѣлями на правой сторонѣ Днѣпра. А между тѣмъ оказалось, что въ средѣ самой лѣвобережной старшины, отдѣлившейся отъ своего гетмана, не было никакого единомыслія. Одни группировались вокругъ Сомка, считая его настоящимъ начальникомъ края и изъ всѣхъ силъ стараясь возвести его въ полные гетманы, другіе, не признавая даже надъ собою его власти, какъ наказного гетмана, дѣятельно работали въ пользу кандидатуры на гетманство Василія Золотаренка. Московское правительство, ожидая возвращенія подъ свою власть Юрія Хмельницкаго со всею правобережной Украиной, нарочно медлило назначеніемъ для лѣвобережья особаго гетмана. Три года прошло въ этомъ ожиданіи, и за все это время борьба между сторонниками Сомка и Золотаренка шла изо всѣхъ силъ. Противники старались сколько можно болѣе вредить другъ другу. Въ Москву то и дѣло посылались отъ Золотаренка и др. доносы на Сомка, съ цѣлью всевозможнымъ образомъ очернить его въ глазахъ правительства и лишить всякаго довѣрія къ нему, такъ какъ де онъ сносится постоянно съ своимъ родственникомъ Юріемъ Хмельницкимъ и думаетъ непремѣнно поддаться польскому королю [1]). Сомко съ своей стороны не оставался въ долгу у своего противника и также оговаривалъ Золотаренка предъ московскимъ правительствомъ, донося, что онъ »въ нѣкакомъ изпротивленіи ходитъ« [2]). Общій безпорядокъ еще болѣе увеличивался оттого, что въ ссору двухъ претендентовъ на гетманство вмѣшался Меѳодій, еписк. Мстиславскій и блюститель кіевской митрополіи—личность въ высшей степени несимпатичная по своей эгоистической мелочности, продажности и громадному честолюбію, вполнѣ человѣкъ своего вре-

---

[1]) Лѣт. Самовидца, 38. Акты Ю. и З. Р., т. V, № 55, стр. 111—112.

[2]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 28.

мени и непримиримый врагъ Сомка. Онъ-то всего болѣе и повредилъ послѣднему въ глазахъ московскаго правительства своими безпрестанными оговорами [1]).

Борьба между партіей Сомка и Золотаренка не стихала ни на минуту, и противники не жалѣли на нее своихъ силъ, взаимно упрекая другъ друга въ измѣнѣ. Но правды не было ни на той ни на другой сторонѣ, равно какъ не было ее и въ цѣломъ лѣвобережномъ козачествѣ и, вообще, у всѣхъ тѣхъ, кто только думалъ о политикѣ. Украина едва держалась подъ властію московскаго государя. Старшины обѣихъ партій безразлично сознавали это и то и дѣло домогались у правительства о присылкѣ какъ можно бо́льшаго числа ратныхъ людей въ Малороссію, ясно высказывая этимъ, что Малороссія только этими средствами можетъ держаться при Москвѣ [2]). А между тѣмъ сами же старшины безпрестанно жаловались царю и боярамъ на безчинства великорусскихъ войскъ въ Украинѣ [3]), и потому постоянное квартированіе ихъ, да еще притомъ въ большомъ количествѣ, въ краѣ и безъ того разоренномъ постоянными междуусобіями и частыми нападеніями татаръ, оказывалось, дѣйствительно, хуже всякаго несчастія.

Въ то время, когда автономическая партія старшинъ такъ очевидно доказала свою полную несостоятельность въ дѣлѣ руководительства судьбами страны, когда стало ясно, что въ результатѣ всѣхъ ея усилій оказывается только одно общественное зло, и сама она, раздробившаяся на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, истощала свои силы во взаимной борьбѣ и видимо близилась къ конечному упадку и полному нравственному разложенію,—въ это самое время обнаружилось весьма серьезное движеніе со стороны партіи народной, съ цѣлью устранить окончательно городовую старшину отъ руководительства политическими и общественными дѣлами Малороссіи и поставить на ея мѣсто своихъ дѣятелей. Движеніе это шло главнымъ образомъ изъ Запорожья и встрѣтило большую поддержку тъ массѣ народа лѣваго берега Днѣпра.

Мы выше уже замѣчали, что запорожцы всегда сочувственно от-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 33.

[2]) Акты Ю. и З. Р., т. V, №№ 23, 26, 28, 29. 41, 56 и проч.

[3]) См. напр. жалобу по этому предмету самого Сомка, Акты Ю. и З. Р., т. VII, стр. 358, 368. Жалобу Кіевопеч. архимандрита, Иннокентія Гизеля. Ibid. т. V. № 36, а также №№ 49, 50, 52, 54, 61 и пр.

носились къ идеѣ политической самостоятельности Малороссіи; послѣдующая исторія запорожской Сѣчи какъ нельзя болѣе доказываетъ наше положеніе. А между тѣмъ ни федеративная партія при Выговскомъ, ни таже автономическая партія старшинъ при Юріѣ Хмельницкомъ и на лѣвобережьи при Сомкѣ не находили никакого сочувствія и поддержки среди запорожцевъ; хуже того—онѣ встрѣчали у послѣднихъ явное противодѣйствіе. Обстоятельство это вполнѣ объясняется тѣмъ, что между автономическими стремленіями городовыхъ старшинъ и запорожцевъ была весьма большая разница. Въ то время, когда для первыхъ высшій идеалъ политическаго благоденствія Малороссіи заключался въ образованіи изъ нея самостоятельной политической единицы и пріобщенія ея на строго федеративныхъ началахъ къ составу Рѣчи-посполитой, послѣдніе какъ нельзя болѣе вполнѣ раздѣляли ненависть народа къ полякамъ, отвращеніе ко всякому виду союза съ ними, и сильно ратовали, по крайней мѣрѣ въ это время, за принципъ вѣрности московскому государю. Когда вѣсть о Слободищенскомъ договорѣ достигла Запорожья, то Сирко, до того времени горячо расположенный къ Юрію и принимавшій такое дѣятельное участіе въ возведеніи его на гетманство, первый перемѣнилъ свои отношенія къ нему. Незадолго спустя запорожцы писали къ Хмельницкому отъ всего войска Низового листъ, въ которомъ рѣзко упрекали его за то, что онъ »подклонился подъ державу Лядскую, отступивши православного Монархи свого Російского« и старался насильно привлечь »подъ туюжъ Лядскую душевредную лигу и схизматическую область и ярмо« всю Малороссію, при чемъ грозили схватить его посреди Чигирина и выкинуть прочь, какъ выкидываютъ изъ верши негодную пьявку [1]).

Еще болѣе расходились между собою городовая старшина и запорожцы въ своихъ соціальныхъ идеалахъ, а эти соціальные идеалы оказывались только лишь другою стороною тѣхъ же автономическихъ стремленій. Собственно говоря, главная причина постоянной неудачи всякаго рода автономическихъ стремленій въ исторіи Малороссіи заключалась въ томъ, что такія стремленія всегда были роковымъ образомъ связаны съ соціальными мотивами, и даже появленіе ихъ среди южно-русскаго общества постоянно исходило изъ побужденій послѣдняго рода. Предшествующая историческая жизнь страны представляла крайне скудный запасъ гражданственныхъ началъ, необходимыхъ для того,

---

[1]) Лѣт. Величка, т. II. 31—35.

чтобы создать изъ Украины самостоятельное политическое цѣлое. Народъ южно-русскій, никогда, строго говоря, не жившій самобытною политическою жизнію, естественно лишенъ былъ всякихъ автономическихъ традицій; если мы даже признаемъ такимъ самостоятельнымъ въ политическомъ отношеніи періодомъ для южно-русской исторіи періодъ великокняжескій, то и въ такомъ случаѣ длинный рядъ вѣковъ, отдѣлявшій въ данную минуту южно-русскій народъ отъ этого періода, былъ слишкомъ достаточенъ для того, чтобы всякія политико-автономическія преданія, если онѣ когда нибудь и существовали въ народѣ, могли быть забыты имъ. А потому, всякій разъ, когда въ малорусскомъ обществѣ возникали стремленія къ политической самостоятельности своей родины, то, во-первыхъ, стремленія эти никогда не были всеобщи, а всегда исходили изъ одной какой нибудь партіи, изъ извѣстныхъ сословій, кружковъ; во-вторыхъ, въ основѣ ихъ лежали не преданія прошлаго, не созданныя теченіемъ общественной исторической жизни страны потребности настоящаго, а просто желаніе, посредствомъ автономическаго самоуправленія, утвердить въ странѣ такой соціальный порядокъ, который въ данную минуту считался сторонниками автономической идеи наилучшимъ. Оттого и происходило, что такія автономическія стремленія возникали всегда исключительно въ средѣ руководящей партіи, которая разсчитывала удержать за собою это значеніе и въ томъ случаѣ, когдабы въ самомъ дѣлѣ удалось добиться политической автономіи своего края, и въ глазахъ которой эта автономія оказывалась не больше, какъ только средствомъ для соціальныхъ цѣлей. Такъ было и въ данное время, когда автономическія стремленія въ средѣ козацкаго сословія достигли своего высшаго развитія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти стремленія, при относительной многочисленности сторонниковъ ихъ между всѣми почти сословіями южно-русскаго общества и при замѣчательно высокой степени ихъ напряженія, на что мы указывали нѣсколько выше, быть можетъ до извѣстной степени и достигли бы своего осуществленія, если бы руководящая партія старшинъ козацкихъ брала за исходную точку своихъ автономическихъ стремленій развитіе общественной жизни Малороссіи на тѣхъ общинныхъ демократическихъ началахъ, которыя были присущи и дороги всему народу, и для дальнѣйшаго развитія и всесторонняго приложенія которыхъ предшествовавшая историческая жизнь Южной Руси, дѣйствительно, давала богатый матеріалъ. Такъ поставленная

автономическая идея, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣтила бы сочувствіе на Запорожьи, такъ какъ мы и безъ того замѣчаемъ здѣсь неясное пока, но все же зародившееся уже движеніе въ такомъ именно смыслѣ; а при помощи Запорожья эта идея была бы понята и поддержана народомъ. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что автономическая партія козацкая исходила въ этомъ случаѣ изъ другихъ совершенно противоположныхъ соціальныхъ идеаловъ: то были, какъ мы уже знаемъ, чуждые и даже враждебные народному пониманію идеалы *шляхетные*. Старшина козацкая изо всѣхъ силъ старалась образовать изъ козаковъ высшее шляхетное сословіе, съ преобладающимъ значеніемъ въ отношеніи къ массѣ народа; а такъ какъ при тѣсной подчиненности московскому правительству, постоянно вмѣшивавшемуся во внутреннія дѣла Украины, сдѣлать это не представлялось никакой возможности, то отсюда и возникала для руководящей партіи настоятельная потребность добиться во что бы то ни стало самостоятельныхъ политическихъ правъ для Малороссіи. Не смотря на происшедшій въ средѣ автономической партіи старшинъ расколъ, поведшій за собою раздвоеніе Украины, соціальная сторона политическихъ стремленій отъ этого нисколько не измѣнилась. Тѣ люди, которые отдѣлились отъ Юрія Хмельницкаго и стали теперь во главѣ лѣвобережья подъ властію московскаго царя, были не такъ давно сторонниками федеративной партіи и принимали дѣятельное участіе при заключеніи Гадячскаго договора. О Сомкѣ, напримѣръ, положительно извѣстно, что онъ былъ въ числѣ козацкихъ депутатовъ, присланныхъ Выговскимъ на Варшавскій сеймъ 4-го апрѣля, 1659 г., для подтвержденія Гадячскихъ статей, утвержденъ здѣсь въ шляхетномъ достоинствѣ, получилъ отъ польскаго правительства многіе подарки и жалованную грамоту на Козелецъ [1]). Тоже самое можно сказать и о Золотаренкѣ. Если оба они не пошли за Юріемъ, то это произошло не отъ того, чтобы они въ какомъ нибудь отношеніи не раздѣляли политическихъ и соціальныхъ взглядовъ своей же братіи — заднѣпровскихъ старшинъ, присягнувшихъ на вѣрность союза съ Польшей;

---

[1]) Современный польскій актъ Кіевск. Центр. Арх. »Онъ (Сомко) весьма радовался тому, что ему дано дворянство и грамота на десятую часть Козельца; часто мнѣ говорилъ, что его дѣти не будутъ ходить чинить плотины.« Показаніе Криштофа Перетятковича, писаря при Беневскомъ. Гродск. Луцк. кн., 1683 г. А по свидѣтельству другого московскаго акта, Сомку дали въ Польшѣ грамоты на Березань и еще нѣкот. другіе города. А. Ю. и З. Р., т. VII, стр. 344.

нѣтъ, они разсчитали, что для нихъ представилась удобная минута выслужиться предъ московскимъ правительствомъ и тѣмъ сильно выиграть въ отношеніи своихъ личныхъ интересовъ; а убѣжденія ихъ оставались тѣже. То, за что стояли прежде Выговскій, а теперь заднѣпровская старшина, то было и ихъ цѣлью. Сомко, будучи только наказнымъ гетманомъ, очень опредѣленно высказывалъ, что́, по его мнѣнію, небходимо было сдѣлать, чтобы вполнѣ успокоить Малороссію. Такъ онъ находилъ, что въ Украинѣ необходимо выдѣлить козацкое сословіе и рѣзко разграничить его отъ сословія посполитыхъ. По его проэкту надо было сдѣлать такъ, чтобы »козаки порознь по своимъ леистрамъ (реестрамъ) были переписаны, а мужики себѣ были переписаны; леистровые козаки стали-бы государю служить, а съ мужиковъ сбирали бы государеву казну и хлѣбные запасы« [1]). Еще рѣзче выступаетъ желаніе Сомка расширить предѣлы гетманской власти и, такъ сказать, нѣсколько абсолютировать ее. Такъ, напр., онъ ходатайствовалъ предъ московскимъ правительствомъ о возстановленіи давняго права гетмана, ограниченнаго Переяславскими статьями Юрія,—права смертной казни въ войскѣ запорожскомъ [2]). О самихъ Переяславскихъ статьяхъ Сомко выражался такъ: »Только де въ Юрасовыхъ пунктахъ худого что написано—гетману не вольно за вины карать горломъ, — то де надобно отставить; хорошо, чтобы полковникъ отъ гетмана былъ страшенъ, за повелѣніе бъ вездѣ стоялъ и умиралъ« [3]); да и вообще онъ не разъ высказывался, что надо такъ устроить, чтобъ только »одного гетмана слушали и изъ Запорогъ въ непріятельскій приходъ приходили къ гетману на помочь, а то нынѣ де всякой себѣ начальствуетъ, да въ томъ у нихъ все и пропадаетъ« [4]). Ясно было, что если бы Сомко успѣлъ сдѣлаться полнымъ гетманомъ, то онъ во всякомъ случаѣ потребовалъ бы отъ московскаго правительства такихъ широкихъ уступокъ въ пользу мѣстнаго управленія, которыя отвѣчали бы по меньшей мѣрѣ требованіямъ козацкихъ старшинъ на Жéрдевской радѣ. А такъ какъ правительство ни за что не согласилось бы на уменьшеніе своей власти въ Малороссіи, то Сомко фатальнымъ образомъ былъ бы приведенъ къ тому роковому исходу, къ какому приходили въ Украинѣ всѣ сторон-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, стр. 360.
[2]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 56.
[3]) Ibid. Т. VII, стр. 360, № 121.
[4]) Ibid. № 121, стр. 360.

ники мѣстной автономіи—къ измѣнѣ въ пользу союза съ Польшей. Это какъ нельзя больше понимали запорожцы и чернь городовая, и вотъ причина, почему и тѣ и другіе изо всѣхъ силъ кричали, что Сомко непремѣнно хочетъ поддаться польскому королю [1]). Козаки, нерасположенные къ старшинѣ, высказывались такъ: »Якимъ (Сомко) умыслилъ учиниться гетманомъ, хочетъ взять волю надъ всѣми полковниками, а тѣхъ, которые ему непослушны, изведетъ. Если онъ станетъ гетманомъ, то первымъ дѣломъ убьетъ ихъ и возьметъ верхъ надъ Украиной и тогда учинитъ по всей волѣ Юрасковой. Великая бѣда и разоренье великое чинится намъ отъ старшихъ нашихъ; больно намъ, какъ нашъ же братъ мужикъ да старшимъ станетъ и хлѣба наѣстся и государево жалованье возьметъ, да захочетъ быть великимъ паномъ, поищетъ свободы и сойдется съ ляхами и татарами и измѣнитъ« [2]). А вотъ въ высшей степени характерное письмо къ Сомку знаменитаго Сирка:

»Многомилостивый господинъ Якимъ Сомко, нашъ любезный пріятель! Покинь мудрить; лукавство твое и измѣна уже явны всему войску; я знаю твою лукавую лесть: ты въ соумышленіи съ своимъ племянникомъ (Юріемъ) хочешь измѣнить Богу и его царскому величеству, но Богъ не потерпитъ всякой неправды; вы оба однодумны съ онымъ псомъ Выговскимъ, съ которымъ вы породнились и его наученіемъ дышете, гоняясь за *чертовскимъ шляхетствомъ лядскимъ*. Пусть тебѣ памятно будетъ, какъ на сеймъ ты бѣгалъ для титуловъ и маятностей; ты получилъ свое наказное гетманство не отъ Войска, а отъ клятвопреступнаго Хмельницкаго, и неправильно пишешься наказнымъ гетманомъ; лучше бы тебѣ покинуть свое гетманство, вспомнивши о войсковой казни издавна постигавшей тѣхъ, которые присвоивали себѣ титулы безъ заслугъ и единодушнаго согласія *всего Низового Войска*. Какія твои заслуги? Донскихъ козацкихъ посланцевъ у насъ много; они всѣ знаютъ, какъ ты на Дону виномъ шинковалъ [3]). Ты людей

---

[1]) Ibid. Т. VII, № 121, стр. 344, 345, 347, 348, 349, 350 и д. Запорожцы въ этомъ случаѣ были не совсѣмъ неправы. Изъ современныхъ писемъ Тетери къ королю видно, что Сомко дѣйствительно велъ переговоры съ Тетерей о подчиненіи лѣвой стороны Днѣпра Польшѣ. Пам. К. Комм., т. IV, № LVI, LVII, LXIX.

[2]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 114.

[3]) Указаніе на торговыя занятія Сомка (которыми, замѣтимъ кстати, въ значительныхъ иногда размѣрахъ занимались весьма многіе изъ козацкихъ старшинъ), за что запорожцы называли его въ насмѣшку *»переясловскимъ крамаремъ«*.

притѣсняешь, поставилъ сторожи на переправахъ будто отъ непріятеля, а за ними своимъ нельзя проходить, и только въ убытокъ государству все это дѣлается въ совѣтѣ съ нечестивымъ Хмельницкимъ. Ты по шею купаешься въ братней крови; но вотъ, Богъ дастъ, Войско совокупится; станетъ *дума всѣхъ черныхъ людей* войсковыхъ; не сердитесь на насъ, что мы вамъ правду объявляемъ« [1]).

Къ сожалѣнію, погоня за »шляхетствомъ лядскимъ« не была исключительнымъ свойствомъ однихъ значныхъ: въ большей или меньшей степени ей были причастны и многіе изъ простыхъ козаковъ городовыхъ. Если федеративная партія при Выговскомъ успѣла найти нѣкоторую поддержку для себя среди простого козачества, то тѣмъ болѣе шляхетное направленіе могло быть распространено въ его средѣ теперь, когда во всеобщемъ настроеніи умовъ въ Малороссіи съ того времени такъ многое измѣнилось. Благодаря той органически-тѣсной связи, въ какой находились тогда идея автономическая и идея шляхетная, успѣшное распространеніе въ южно-русскомъ обществѣ одной изъ нихъ необходимо вело за собой усвоеніе въ такой же степени и другой. Тотъ, кто сочувственно относился къ идеѣ политической независимости Украины, тотъ уже eo ipso становился сторонникомъ шляхетнаго направленія. До какой степени это направленіе было общимъ среди городового козачества, видно изъ того, что на Запорожьи въ это время нашли необходимымъ составить особое воззваніе къ городовой черни войсковой въ смыслѣ предостереженія ея отъ увлеченія шляхетствомъ, и разослать это воззваніе по всей Украинѣ. Содержаніе этого замѣчательнаго воззванія въ общихъ чертахъ было таково: »Славное Войско Низовое Запорожское остерегаетъ городовыхъ козаковъ и чернь, чтобы они не вѣрили измѣнничьимъ обѣщаніямъ вольностей и ихъ льстивымъ письмамъ. Не принимайте ихъ, братья, и не поступайте подобно безбожному Выговскому, — соединитесь съ нами единомысленно, чтобы бусурманы и ляхи не утѣшались. А буде вы *для проклятаго шляхетства* не захотите стать за себя, то потеряете души свои;—сами знаете, что вамъ, *чернякамъ*, это *шляхетство* не

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 115. Мы передаемъ это интересное письмо не по современному списку, который дошелъ до насъ въ московской редакціи и крайне испорченномъ видѣ, а по переводу г. Костомарова, въ его статьѣ »Юрій Хмельницкій« (В. Евр. 1868, кн. 5). Тоже самое мы намѣрены дѣлать и при другихъ выпискахъ изъ современныхъ актовъ, гдѣ это окажется возможнымъ.

надобно: добре знаете, что ляхи не для помощи, а для погибели вашей приходятъ къ вамъ, а татары хотятъ до остатка христіанъ извести« [1]).

Ненависть запорожцевъ къ городовой старшинѣ и вообще къ автономически-шляхетной партіи значныхъ была вполнѣ раздѣляема всей массой южно-русскаго народа. Равнодушное къ политическимъ стремленіямъ козацкихъ старшинъ, поспольство всегда не любило своихъ начальныхъ людей, равно какъ не любило и козаковъ за то, что послѣдніе постоянно старались выдѣлиться въ высшее привилегированное сословіе и стать въ преобладающее положеніе въ отношеніи къ народу, что они успѣли уже освободиться отъ многихъ общественныхъ обязанностей, вся тягость которыхъ такимъ образомъ ложилась на посполитыхъ. Такъ, наприм., въ Переяславскихъ статьяхъ Юрія было уже постановлено, что козаки освобождаются отъ постоя ратныхъ московскихъ людей и дачи подводъ, что̀ возлагалось исключительно на посполитыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ посполитые лишались права винокуренія, пивоваренія и медоваренія, и промыслы эти становились монополіей козацкаго сословія [2]). Мы видѣли, что еще при Выговскомъ запорожскіе послы жаловались въ Москвѣ, что чернь городовая великія обиды и притѣсненія терпитъ отъ старшинъ, которые стѣсняютъ свободу промысловъ, отдавая ихъ на откупъ [3]); теперь встрѣчаемъ тоже. Брюховецкій выражался о городовыхъ старшинахъ:« войско въ откупахъ не ходитъ; они (значные) научились на года табакъ откупать, а войско только за свои вольности обыкло умирать« [4]). И вообще мы находимъ въ это время постоянныя жалобы, что старшины, пользуясь своимъ преобладающимъ значеніемъ въ странѣ, »сами всѣмъ владѣютъ и обогатѣли не въ мѣру« [5]), что у нихъ обнаружилась страсть къ обогащенію, наживѣ. О Вас. Залотаренкѣ, напр., на Запорожьи говорили: »Васюта все о богатствѣ думаетъ—къ ляхамъ отвезетъ въ заплату за вольности: онъ ужь и то у нихъ въ конституціи записанъ« [6]). Средства къ наживѣ у старшинъ были далеко не всегда честны. Такъ запорожцы доносили, что когда съ Москвы приказано было собрать двѣ тысячи чети хлѣбныхъ запасовъ въ полкахъ: переяславскомъ и нѣжинскомъ, то полковники Сомко и Золотаренко, собравши эти запасы, не послали

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 46.
[2]) Лѣт. Величка, I, 411—420.
[3]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 66, 68, 70.
[4]) Ibid. т. V, № 46.
[5]) Ibid. т. VII, № 121, стр. 349.
[6]) Ibid, т. V, № 46.

ихъ ни на Запорожье, на отдали государевымъ воеводамъ и ратнымъ людямъ, а продали ихъ и сами покорыстовались [1]). Мы вполнѣ допускаемъ вѣроятность подобнаго поступка, при той общественной путаницѣ, которая существовала тогда въ Украинѣ, когда старшины козацкіе, захватившіе въ свои руки верховное распоряженіе общественными дѣлами страны и освободившіеся отъ преобладанія рады, при полномъ отсутствіи какой нибудь опредѣленной финансовой администраціи, очутились, дѣйствительно, внѣ всякаго контроля, на полномъ просторѣ съ своими личными пожеланіями и наклонностями; а что у нихъ такія эгоистическія наклонности были развиты до весьма широкихъ размѣровъ, это мы не считаемъ нужнымъ и доказывать. Далѣе мы находимъ жалобы, что начальные козацкіе люди часто нарушали такъ называемые тогда въ Украинѣ, права »займанщины«, отнимали въ свою пользу у мѣщанъ и посполитыхъ лучшіе поземельные участки [2]), брали на себя самовольно мельницы и, вообще, по показанію Брюховецкаго и запорожцевъ, притѣсняли чорныхъ людей такъ, »что ни въ самомъ Цареградѣ у бусурманъ такой тягости не дѣлается« [3]). Если въ этомъ свидѣтельствѣ нельзя не замѣтить нѣкотораго преувеличенія со стороны партіи враждебной къ старшинѣ, то все таки тотъ фактъ, что экономическое положеніе южнорусскаго народа въ это время было крайне печально, остается внѣ всякаго сомнѣнія. Конечно, притѣсненія начальныхъ людей въ эту минуту ни въ какомъ случаѣ не могли еще дойти до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ мы увидимъ ихъ потомъ; но, умѣренныя сами по себѣ, они были крайне разорительны при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась тогда экономическая жизнь народа. Предшествовавшія продолжительныя войны не способствовали, конечно, накопленію народнаго богатства. Изгнаніе пановъ изъ Украины и воз-

---

[1]) Ibid. т. VII, № 121, стр. 349.

[2]) Вспомнимъ приводимый уже нами отрывокъ изъ думы о Ганжѣ Андыберѣ, гдѣ козаки-нетяги обращаются къ старшинамъ—*дукамъ сріблянникамъ* съ такими словами:

»Эй дуки ви, дуки!
За вами всі луги і луки,—
Нігде нашому брату казаку-нетязі стати
І коня напасти«!

Зап. о Ю. Р. Куліша, т. I, стр. 209).

[3]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 121, стр. 349.

вращеніе въ пользу народа богатыхъ имѣній ихъ на лѣвобережьи, дѣйствительно, сразу же увеличили экономическія средства народа. Но отсутствіе продолжительнаго мира, постоянныя безпокойства, грабежи междуусобія, войны, набѣги татаръ и пр. — все это не позволяло народу вполнѣ предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ и уничтожало всякій разъ добытые имъ экономическіе запасы. Стоитъ вспомнить, напр.,—чего стоило народу одно междуусобіе съ гетманомъ Пушкаря и сопровождавшія его волненія! Современникъ и участникъ этихъ событій—самъ Выговскій такъ описывалъ ихъ результатъ: »Самые громадпѣйшіе полки погибли въ буряхъ междуусобія: Полтавскій, заключавшій сорокъ тысячъ, Миргородскій, заключавшій тридцать тысячъ, также Прилуцкій и Ирклѣевскій уничтожены въ конецъ, а города и села заросли крапивою. Одни изъ козаковъ полегли на мѣстѣ въ такъ многихъ кровавыхъ побоищахъ, другіе уведены въ орду вмѣстѣ съ женщинами« [1]). Это было въ 1658—59 годахъ, а въ 1660 году случилась страшная засуха и »веліе на кормъ человѣческій оскудѣніе и дорожнета«. Народъ окончательно упалъ духомъ: распространились вѣсти о приближеніи страшнаго суда и о появленіи гдѣ-то антихриста [2]). Но если производительность края была подорвана предшествовавшими смутами и неурожаемъ, то еще болѣе повредили теченію экономической жизни народа выпущенныя въ то время московск. правительствомъ мѣдныя деньги. Мѣдная монета была въ то время въ Малороссіи неслыханною новостію, и потому народъ ни за что не хотѣлъ принимать ее. Старшины, пользуясь случаемъ, всячески вымогали у простыхъ людей золотые и серебренные ефимки и польскіе гроши, давая имъ взамѣнъ мѣдныя деньги по равной цѣнѣ [3]). Въ Украинѣ поднялась страшная дороговизна на все; обыкновенная плохая лошадь стоила не менѣе ста рублей [4]); нельзя было ничего купить. А между тѣмъ военныя безпокойства и разоренія не прекращались ни на минуту. Изъ-за Днѣпра то и дѣло приходилъ покорять край подъ свою власть Юрій Хмельницкій, съ нимъ же являлись поляки и татары. А въ самой лѣвобережной Украинѣ безвыходно находились многочисленныя велико-

---

[1]) Письмо Выговскаго къ королю. Пам. К. Комм., т. III, 3, XC.

[2]) Лѣт. Величка, II, 17—18.

[3]) Акты, Ю. и З. Р., т. VII, № 114, стр. 334.

[4]) Ibid. № 114, стр. 335.

русскія войска и грабили и разоряли ее хуже непріятеля; а старшины, не взирая на это, то и дѣло просили московское правительство о присылкѣ новыхъ ратей. Все это, конечно, способствовало окончательному обѣдненію населенія; но, съ другой стороны, всѣ эти обстоятельства возбуждали въ немъ какъ нельзя менѣе добрыя чувства къ своимъ начальнымъ людямъ, которые и сами при случаѣ не стѣснялись еще обижать его. Народъ понималъ, что главными виновниками всѣхъ этихъ войнъ, безпокойствъ, грабежей и разореній были его собственные старшины, которые, ради достиженія своихъ шляхетныхъ идеаловъ и, вообще, во имя эгоистически-личныхъ и сословныхъ своихъ побужденій, заводили у себя ссоры и междуусобія, шатались отъ московскаго царя къ польскому королю и обратно, при чемъ не стѣснялись рвать по клочкамъ свой край и отдавать его на разореніе чужимъ. Если при Пушкарѣ и Выговскомъ народъ рвался съ такою охотою *шарпать* имѣнія »значныхъ« и убивать ихъ самихъ, то можно представить, до чего должна была доходить народная ненависть къ нимъ въ данную минуту!

Такое настроеніе умовъ въ Украинѣ какъ нельзя болѣе полно отражалось и на Запорожьи и еще болѣе усиливало и безъ того существовавшую здѣсь ненависть къ городовой старшинѣ. Войско Низовое стало волноваться. »Покуда намъ терпѣть такую неволю,—кричали здѣсь,—что въ городахъ гетмановъ ставятъ намъ на пагубу; и прежде они ничего добраго отчизнѣ не сдѣлали!« [1]). Народная руководящая партія, сосредоточивавшаяся на Запорожьи, поставлена была наконецъ въ невозможность оставаться долѣе въ положеніи пассивной оппозиціи и ограничиваться глухимъ протестомъ противъ злоупотребленій »значныхъ«, какъ это было до сихъ поръ: — необходимо было предпринять что нибудь болѣе рѣшительное. Для нея стало очевидно, что пришелъ часъ въ конецъ низвергнуть такъ громко заявившую свою несостоятельность въ соціально-политическомъ и нравственномъ отношеніи партію »значныхъ«, со всѣми ея шляхетными идеалами, и поставить на ея мѣсто иныхъ дѣятелей съ инымъ направленіемъ и съ иными общественными идеалами. Этого требовалъ весь народъ, это казалось необходимымъ въ интересахъ разоренной и разорванной на-двое властолюбіемъ старшинъ Малороссіи. И вотъ, когда въ Украинѣ шла ожесточенная борьба изъ-за гетманской булавы между ближайшими род-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 46.

ственниками Богдана Хмельницкаго, запорожцы съ своей стороны выдвигаютъ на туже гетманскую булаву своего кандидата. Онъ уже не былъ ни родственникомъ, ни свойственникомъ стараго Богдана: Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій былъ когда-то не больше, какъ слугою этого Богдана [1]).

Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Брюховецкій былъ посланъ на Запорожье Юріемъ Хмельницкимъ, съ просьбою къ запорожцамъ помочь ему въ отнятіи гетманской булавы, захваченной въ свои руки Выговскимъ, когда эта булава оказалась не по рукѣ послѣднему. Съ тѣхъ поръ онъ

---

[1]) Стоитъ замѣтить, что самъ Брюховецкій хорошо понималъ, чему онъ былъ обязанъ возвышеніемъ въ званіе гетмана, и при случаѣ не безъ достоинства заявлялъ о себѣ, какъ объ избранникѣ народа и представителѣ интересовъ *черни*. Такъ въ одномъ изъ своихъ универсаловъ къ жителямъ правобережной Украины, писаныхъ имъ непосредственно послѣ Нѣжинской рады, онъ ясно высказываетъ ту мысль, что онъ избранъ на гетманство, какъ представитель народной партіи въ Украинѣ, поднявшейся на спасеніе своей несчастной родины, разоренной и доведенной до крайней гибели властолюбіемъ *безбожныхъ старшинъ*, и для блага своего народа, разореннаго поведеніемъ тѣхъ же старшинъ. Приводимъ здѣсь отрывокъ этого интереснаго универсала Брюховецкаго. »Видя со славнымъ нашимъ низовымъ рыцарствомъ, находящимся на Запорожьи, что Малая-Россія, возлюбленное отечество наше, при безпорядкахъ старшинъ, доходитъ до крайней гибели отъ внутренняго несогласія и отъ частыхъ бусурманскихъ, ляшскихъ и иныхъ иноземныхъ вспомогательныхъ войскъ; видя, что она уловлена и истерзана нѣкоторыми лицами, домогающимися болѣе старшинства и корысти, нежели желающими блага своему народу,—вышли мы изъ славнаго Запорожья съ честнымъ рыцарствомъ, какъ отъ вѣковъ бывало, изъ особеннаго усердія желая, чтобы мы соединились въ единое сердце и въ единую братскую мысль и любовь, искоренили грабительство, водворили благоустроенный порядокъ въ нашемъ отечествѣ, достойномъ плача, утѣшили *народъ нашъ*, разоренный бусурманскими и ляшскими вспомогательными войсками, которыя старшіе привлекли безъ нужды. Каковое желаніе наше благословилъ Богъ, и мы на генеральной чорной радѣ, происходившей подъ Нѣжиномъ, *отъ всей черни* избраны полнымъ гетманомъ, согласно съ волею православнаго монарха, великаго господаря нашего, его царскаго величества« и пр. (Пам. К. Комм., т. IV, 3, № LXXX). Съ такими же демократическими тенденціями Брюховецкій писалъ туда же еще нѣсколько универсаловъ (Ibid №№ LXXXI и XCIII).

и оставался здѣсь и, какъ человѣкъ—по выраженію лѣтописца—»служащій и во всѣхъ рѣчахъ цѣкави«, въ короткое время успѣлъ войти въ расположенность и »ласку« всего войска Низоваго Запорожскаго [1]). Хитрый и разсчетливый, Брюховецкій какъ нельзя лучше съумѣлъ воспользоваться общимъ настроеніемъ умовъ на Запорожьи, и потому, когда мысль объ избраніи своего кандидата на гетманство, въ противовѣсъ кандидатурѣ на туже власть Сомка и Золотаренка — представителей партіи »значныхъ«, окончательно созрѣла среди запорожцевъ, то выборъ этотъ палъ на него. Въ 1662 г. Брюховецкій былъ провозглашенъ кошевымъ *гетманомъ*—чинъ неслыханный до того времени въ Малороссіи; кошевымъ атаманомъ избрали знаменитаго Сирка.

Съ этого момента для Брюховецкаго открывалась какъ нельзя болѣе прямая и широкая дорога къ полному гетманству въ Малороссіи. Онъ разсчиталъ, что въ его распоряженіи двѣ силы, опираясь на которыя, можно достигнуть булавы: московское правительство и народъ. Чтобы задобрить въ свою пользу московское правительство, Брюховецкій старался всячески войти въ расположенность бояръ, бывшихъ на Украинѣ, никогда не жаловался, подобно Сомку, на безчинства великорусскихъ войскъ, а, главное—никогда не говорилъ московскимъ властямъ о такъ называемыхъ правахъ и вольностяхъ Малороссіи, сдаваясь въ этомъ случаѣ совершенно на волю Царя. Угодливость его въ этомъ отношеніи московскимъ видамъ простиралась до того, что онъ, необинуясь, высказывалъ мысль о ненужности должности гетмана въ Малороссіи и о назначеніи на его мѣсто князя-правителя изъ великороссовъ [2]). Естественно, что человѣкъ, высказывавшій желаніе такого тѣснаго подчиненія Малороссіи московскому государству и со-

---

[1]) Лѣт. Величка, II, 30, 37.

[2]) Въ письмѣ къ еп. Мефодію, сторонику Москвы и одному изъ довѣреннѣйшихъ ея лицъ въ Малороссіи, Брюховецкій писалъ такъ: явная бѣда нашей бѣдной и плача достойной, умаленной отчизнѣ. Нехотимъ мы ее оборонять отъ непріятеля, а только за гетманствомъ гоняемся; паны городовые печалятся о томъ, какъ бы прибавить новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому... Намъ не о гетманствѣ надобно стараться, а о князѣ малорусскомъ отъ его царскаго величества, на которое княжество желаю Фед. Михайловича (Ртищева), чтобы былъ лучшій порядокъ и всякое обереженіе; чтобы служилый народъ былъ готовъ на встрѣчу непріятелямъ; а что есть подъ панами полковниками маетности и мельницы, тѣ взять на доходы вой-

вершеннаго уничтоженія мѣстнаго самоуправленія въ ней, долженъ былъ какъ нельзя болѣе нравиться въ Москвѣ. Примѣръ этого Брюховецкій видѣлъ на своемъ пріятелѣ, епископѣ Меѳодіѣ, который за подобный же образъ мыслей успѣлъ въ самое короткое время изъ протопопа нѣжинскаго возвыситься вдругъ въ санъ епископа и блюстителя митрополіи кіевской. Что касается другой силы—простого народа въ Украинѣ, то здѣсь шансы Брюховецкаго были вполнѣ обезпечены: все Запорожье стояло за него горой, и ему не оставалось ничего дѣлать, какъ потакать народной ненависти противъ »значныхъ« и хлопотать предъ московскимъ правительствомъ о чорной радѣ въ Украинѣ, для избранія гетмана. И дѣйствительно, Брюховецкій изо всѣхъ силъ старался убѣдить правительство, что Малороссія можетъ быть успокоена и укрѣплена только посредствомъ такого способа избранія гетмана, въ которомъ бы участвовалъ весь народъ: Запорожье, простые козаки, мѣщане и посполитые, что въ такомъ случаѣ можно будетъ разсчитывать на подчиненіе и заднѣпровской стороны власти царя, когда бы въ чорной радѣ чернь увидѣла возстановленіе ея общинныхъ правъ, нарушенныхъ старшиной, и что безъ чорной рады запорожцы непремѣнно взволнуются и дѣло не обойдется безъ бѣды и большого кровопролитія [1]). О чорной же радѣ хлопотали съ своей стороны запорожцы, о ней же хлопоталъ и такой довѣренный на Москвѣ человѣкъ, какъ епископъ Меѳодій. Московское правительство съ своей стороны ничего не имѣло противъ такого способа избранія гетмана, въ которомъ бы участвовали низшіе классы населенія Малороссіи: мѣщане и чернь. Предшествовавшія событія ясно показали, что простой малорусскій народъ былъ гораздо болѣе на сторонѣ Москвы, чѣмъ козаки и ихъ старшины, и что, сообразно съ тѣми видами, какіе имѣло московское правительство по отношенію къ Украинѣ, для него оказывалось гораздо выгоднѣе, чтобы въ той борьбѣ, которая шла теперь въ Малороссіи, преобладающее значеніе осталось за партіей народной, которая доселѣ была постоянно вѣрна ему и высказывала положительную нерасположенность къ полякамъ и всякому виду союза съ ними, а съ

сковому скарбу, а намъ всѣми силами слѣдуетъ держаться крѣпко его царскаго величества, то и будетъ намъ славно и здорово. Акты Ю. и З. Р. т. V, № 46.

[1]) Акты Ю. и З. Р. т. VII, № 121, стр. 348, 349, 350, 351, 352 и пр.

другой стороны, не имѣла тѣхъ опредѣленно сложившихся и приведенныхъ въ надлежащее сознаніе автономическихъ идеаловъ и стремленій, какими руководствовалась старшина и, слѣдовательно, не могла поставить ему такихъ требованій, въ смыслѣ расширенія мѣстной автономіи въ Украинѣ, которыя бы противорѣчили московской политикѣ. Народная партія по преимуществу стояла на почвѣ соціальной,—она объявила теперь войну шляхетному направленію среди городоваго козачества и стремилась повидимому къ торжеству демократически—общинныхъ началъ, а потому вопросы политическаго характера имѣли для нея второстепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что масса простого народа не обнаруживала ни малѣйшаго желанія интересоваться такого рода вопросами, по самому существу своему для нея темными и мало доступными. Вожди же этой партіи, въ родѣ Брюховецкаго и другихъ, желая заручиться для своихъ цѣлей помощію московскаго правительства, заранѣе обѣщали ему, какъ мы уже сказали, такія уступки въ политическомъ отношеніи, на какія автономическая партія »значныхъ« ни въ какомъ случаѣ не могла бы рѣшиться. И вотъ, когда въ правобережной Украинѣ Юрій Хмельницкій, принявши монашевство, сошелъ съ политическаго поприща и передалъ гетманскую булаву своему родственнику Павлу Тетерѣ, всѣмъ существомъ своимъ преданному Польшѣ, и когда, такимъ образомъ, для Москвы не оставалось уже никакой надежды на добровольное возвращеніе подъ ея власть правобережья (къ чему, повидимому, до послѣдняго времени склонялся Юрій), тогда московское правительство послало, наконецъ, указъ Ромодановскому идти въ Малороссію и учинить здѣсь »полную раду«, на которую должны были явиться: мѣстное высшее духовенство, старшины, полковники, козаки городовые и запорожскіе, мѣщане и чернь и »вольными голосами, противъ стародавняго обычая«, избрать для лѣвобережной Украины совершеннаго гетмана [1]).

Брюховецкій, съ большимъ запорожскимъ отрядомъ, явился въ Гадячь; полки: полтавскій, миргородскій и зиньковскій сразу же отложились отъ Сомка и пристали къ нему [2]). Цѣлую зиму и всю весну 1663 г. Брюховецкій, съ своими запорожцами, провелъ въ Украинѣ, склоняя въ это время на свою сторону нужныя ему силы и увели-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р. т. V, № 51.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 38.

чивая свою партію. Въ Малороссіи повсюду пошли толки о чорной радѣ и предстоящемъ избраніи на ней гетмана. Когда срокъ, назначенный для рады (17 іюня 1663), приближался, Брюховецкій разослалъ по всей Украинѣ листы, приглашая простыхъ козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ прибыть къ назначенному времени въ Нѣжинъ и принять участіе въ предполагаемой радѣ [1]). Нечего и говорить, съ какою охотою народъ долженъ былъ принять это приглашеніе. Мы указывали выше, какое всеобщее волненіе въ Малороссіи произвели во время Выговскаго воззванія Пушкаря и его сообщниковъ: Донца и Стрижи о черной радѣ и о переизбраніи на ней гетмана. То, за что стоялъ Пушкарь съ своею партіею, и во имя чего народъ принималъ такое большое участіе въ его дѣлѣ, т. е. право всего народа избирать гетмана и, тѣмъ самымъ ставить его въ извѣстныя зависимыя отношенія къ себѣ, теперь, повидимому, осуществлялось вполнѣ. Народъ видѣлъ возстановленіе одного изъ старыхъ, весьма дорогихъ для него обычаевъ, выработаннаго всей его предшествовавшею историческою общественною жизнію съ ея демократически-общинными основами, и нарушеннаго въ послѣднее время старшинами козацкими [2]). Тѣмъ охотнѣе онъ до-

---

[1]) Самов., 39.

[2]) Стоитъ обратить вниманіе на то замѣчательное обстоятельство: какъ быстро въ средѣ козацкаго сословія, подъ вліяніемъ чуждыхъ соціальныхъ и культурныхъ условій, забыты были многія изъ старыхъ общинныхъ принциповъ, завѣщанныхъ прошлою жизнію Южной Руси. Остановимся, напр., хоть на »радѣ«,—учрежденіи, служившемъ выраженіемъ одного изъ такихъ общинныхъ принциповъ. Обычай рѣшать болѣе или менѣе важныя общественныя дѣла посредствомъ народнаго собранія съ правомъ равнаго голоса для каждаго изъ участниковъ въ немъ,—это обычай, во-первыхъ, весьма старый въ исторіи. Ю. Руси, а во-вторыхъ, онъ находился въ самой тѣсной связи съ общимъ строемъ общественной жизни Южной Руси и вполнѣ отвѣчалъ народнымъ требованіямъ и привычкамъ. Обычай этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, стоитъ въ большой связи съ древнерусскимъ вѣчемъ; затѣмъ, въ слѣдующую эпоху, потерявши политическій характеръ и подвергшись наибольшей децентрализаціи и дробленію, онъ сказывается въ сельскихъ »копахъ и ихъ судахъ (см. статью Иванишева »О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозап. Россіи«, Русск. Бесѣда, 1857 г. кн. 3-я) и, наконецъ, въ козацкій періодъ обычай этотъ, вновь пріобрѣтая и политическій характеръ, находитъ для себя выраженіе въ томъ учрежденіи, которое извѣстно въ Южно-рус-

женъ былъ воспользоваться вновь возвращеннымъ ему правомъ, что дѣло шло о борьбѣ съ сильной нелюбимой имъ партіей »значныхъ«, Запорожцы, разосланные повсюду Брюховецкимъ, подговаривали народъ подняться и отомстить значнымъ за тѣ притѣсненія, какія онъ

ской Исторіи подъ именемъ »рады«. По мѣрѣ распространенія козачества и развитія общественной солидарности среди южно-русскаго народа, призваннаго къ дѣлу освобожденія своей родины, рады принимали все болѣе и болѣе универсальный характеръ и, въ минуту возстанія и объединенія всей Украины подъ властію одного гетмана, она является въ видѣ »чорной рады«, т. е., такого собранія, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ слои общества безразлично. Но съ этого же момента среди козацкаго сословія зарождается и реакція противъ такого вида народнаго собранія; у козаковъ какъ будто обнаруживается недовольство крайне демократическимъ характеромъ »чорной рады« и желаніе ограничить ея составъ извѣстнымъ только сословіемъ, придать ей въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе олигархическій характеръ. Уже при самомъ Хмельницкомъ встрѣчаются рады безъ участія посполитыхъ, мѣщанъ и даже простыхъ козаковъ. Народъ, выключаемый изъ участія въ радахъ, заявляетъ свое недовольство, волнуется по этому поводу при Пушкарѣ и, наконецъ, хотя не надолго, возвращаетъ себѣ отнятое у него право подъ Нѣжиномъ въ 1663 г. Но среди козацкаго сословія остается убѣжденіе, что участіе всего народа въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, посредствомъ рады—незаконно. Не говоримъ уже о старшинахъ, которымъ, дѣствительно, чорная рада была не на руку по причинамъ весьма понятнымъ; не станемъ ссылаться даже на позднѣйшихъ козацкихъ лѣтописцевъ, у которыхъ находимъ тоже мало симпатій въ чорной радѣ, такъ какъ они писали свои труды въ началѣ XVIII в., т. е., когда въ южно-русскомъ обществѣ многія демократическія общественныя черты были забыты, и самыя рады совсѣмъ потеряли свое прежнее значеніе; мы укажемъ на одну современную лѣтопись, писанную, во-первыхъ, свидѣтелемъ—очевидцемъ и даже участникомъ многихъ описываемыхъ имъ событій, въ томъ числѣ, кажется, и нѣжинской рады 1663 г.; во-вторыхъ, лѣтопись отличающуюся замѣчательнымъ объективизмомъ и безпристрастіемъ;—это лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Самовидца. Несмотря на то, что авторъ ея не принадлежалъ къ партіи »значныхъ« (это видно хоть бы изъ того, что онъ не обнаруживаетъ къ ней ни малѣйшаго сочувствія, а къ нѣкоторымъ ея представителямъ, напр. къ Выговскому, у него ясно сквозитъ просто нерасположенность—онъ скорѣе представляетъ обыкновенный типъ козака того времени, безъ всякихъ признаковъ принадлежности къ какой либо партіи) не смотря на са-

терпѣлъ подъ ихъ начальствомъ; о себѣ же самихъ объявляли, что они пришли изъ Запорожья, чтобы перебить городовую старшину [1]), и приглашали охотниковъ поживиться чужимъ добромъ (а такихъ было въ то время на Украинѣ великое множество, что мы видѣли при разсмотрѣніи волненій во время Пушкаря) явиться на раду и ограбить Нѣжинъ— гнѣздо »значныхъ«. Народъ сочувственно отозвался на приглашеніе запорожцевъ, и громадныя толпы мѣщанства и посполитства со всѣхъ сторонъ потянулись къ Нѣжину [2]).

Старшина городовая, до самой послѣдней минуты продолжавшая упражняться въ интригахъ, доносахъ и взаимныхъ пререканіяхъ, и мало понимавшая доселѣ смыслъ того, что дѣлалось на Запорожьи, теперь, въ виду явно грозящей опасности для нея, прекратила свои междуусобныя распри и попыталась сплотиться для борьбы, въ силу сознанія, что дѣло идетъ уже не о торжествѣ того или другаго претендента на гетманство, а о самыхъ дорогихъ интересахъ всего сословія »значныхъ«, объ ихъ преобладающемъ положеніи въ краѣ, объ ихъ имуществѣ и даже

мый строгій свой объективизмъ, и полнѣйшее молчаніе о своихъ личныхъ взглядахъ и симпатіяхъ, составитель названной лѣтописи, приступая къ разсказу о событіяхъ 1663 г., такъ начинаетъ свою рѣчь: »Заразъ по веснѣ заводится на *новое лихо, чего за иныхъ гетмановъ не бывало, то есть чорной рады*« (38). Эта, очевидно нечаянно, прорвавшаяся у лѣтописца фраза даетъ нѣкоторое основаніе для составленія понятія о современномъ ему взглядѣ на »чорную раду«. Очевидно, что въ первое время послѣ Хмельницкаго, даже болѣе развитые и наименѣе принадлежащіе къ какой бы то ни было партіи личности среди тогдашняго южно-русскаго общества невполнѣ раздѣляли общинные и строго демократическіе взгляды самого народа, были противъ участія его въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, смотрѣли на чорную раду какъ на общественное зло (*»лихо«*), какъ на безпорядокъ, нетерпимый въ благоустроенномъ обществѣ, и считали ее вреднымъ нововведеніемъ, допущеннымъ лишь въ послѣднее время (*»чего за иныхъ гетмановъ не бывало«*). Понятно, что при такомъ настроеніи даже лучшей части малорусскаго общества, чорная рада не могла долго продержаться; со времени Нѣжинскаго событія 1663 года, рада опять теряетъ свое значеніе, измѣняетъ свой универсальный характеръ, становится затѣмъ пустой формою и въ XVIII в. совершенно исчезаетъ, вмѣстѣ съ гетманщиной.

[1]) Лѣтоп. Самов. стр. 38.

[2]) Самов., 38—39. Граб. 179.

жизни. Золотаренко отказался отъ претензіи на булаву въ пользу Сомка; оба бывшіе враги заключили мировую и ствердили ее взаимною присягою; сторонники того и другого также присягнули стоять за Сомка [1]).

Рада состоялась, 17-го іюня, 1663 года. Мы не станемъ описывать подробностей этого событія, предполагая, что онѣ извѣстны большинству читателей [2]). Партія »значныхъ« окончательно проиграла свое дѣло: въ самую рѣшительную минуту, простые козаки, на которыхъ доселѣ опирались »значные«, оставили свою старшину и, распустивъ свои знамена, явились въ лагерь запорожскій и поклонились Брюховецкому. Затѣмъ старшины были арестованы и гетманомъ лѣвобережной Украины и войска запорожскаго единодушно провозглашенъ былъ вождь народной партіи, Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій.

Новоизбранный гетманъ отпраздновалъ свое торжество тѣмъ, что, согласно прежнему своему обѣщанію, далъ позволеніе народу грабить богатыхъ и вообще потѣшаться надъ »значными«. Чернь съ увлеченіемъ принялась за эту потѣху. Убійства, грабежи, всевозможныя насилія и истязанія постигали всякаго, кто только принадлежалъ къ козацкой администраціи и попадался подъ руки давшей себѣ волю толпѣ. Никто за нихъ не вступался: »все повернено въ жаръ«, говоритъ очевидецъ. Старшины, шляхтичи и состоятельные люди укрывались, кто куда могъ. Плохо доставалось каждому, кто носилъ кармазиновый жупанъ; многіе спасались тѣмъ, что спѣшили одѣться въ сермяги [3]). Эти безчинства продолжались цѣлыхъ три дня. Много было пролито крови за это время, еще болѣе было сожжено и разграблено частныхъ имуществъ, что—по выраженію лѣтописца—»уже ни въ домахъ людскихъ чесому либо бѣ уцѣлѣти возможно« [4]).

Такъ мстилъ народъ своимъ притѣснителямъ и праздновалъ торжество своей партіи. Ниже мы увидимъ, насколько это торжество было прочно.

---

[1]) Самов., 38.

[2]) Лучшее опис. Нѣж. чорной рады находится, по нашему мнѣнію въ Лѣт. Самовидца—свидѣтеля самаго событія. (Сам., 38—41), отчасти въ лѣт. Грабянки (178—182) и, наконецъ, въ статьѣ г. Костомарова, »гетманство Юр. Хм. (В. Евр. 1868 г., кн. 5-я стр. 202—212).

[3]) Самов., 40—1. Граб. 181.

[4]) Граб. 151.

VIII.

Мы должны теперь возвратиться къ оставленной нами исторіи правобережной Украины въ первый періодъ отдѣльной отъ лѣвобережной половины политической ея жизни подъ властію польскаго короля.

Если и для лѣвобережья періодъ этотъ характеризуется, какъ мы видѣли, съ одной стороны, отсутствіемъ единомыслія среди старшинъ, преобладаніемъ въ нихъ личныхъ побужденій надъ интересами общественными, внутреннимъ раздоромъ партій, сопровождаемымъ интригами, взаимными доносами, пререканіями и т. под., а съ другой— длиннымъ рядомъ общественныхъ бѣдствій, порождаемыхъ голодомъ, постоянными войнами, усобицами старшинъ, нападеніемъ враговъ, разореніемъ отъ постоя московскихъ войскъ и пр. и, наконецъ, повсемѣстнымъ народнымъ волненіемъ, то еще болѣе печально было это время для правобережной Украины. Многія изъ указанныхъ явленій общественной жизни лѣвобережья повторились и здѣсь; но такъ какъ условія, среди которыхъ совершалась историческая жизнь на правой сторонѣ Днѣпра, были какъ нельзя болѣе неблагопріятны, то и результаты, къ какимъ скоро привела она, оказались въ высшей степени печальными.

Въ первое время послѣ Слободищенскаго договора правобережное козачество, повидимому, было довольно своимъ новымъ положеніемъ и обнаруживало серьезное намѣреніе оставаться вѣрнымъ новозаключенному союзу, разсчитывая на пользованіе тѣми привилегіями, какихъ ожидали для себя козаки отъ подтвержденія на предстоявшемъ сеймѣ многихъ статей Гадячскаго договора. Правда, въ Украинѣ весьма многіе далеко нераздѣляли такихъ благодушныхъ отношеній къ полякамъ: жители Бѣлой Церкви, напр., Умани, Корсуня и другихъ мѣстечекъ и городовъ сначала заперлись отъ поляковъ и ихъ союзниковъ татаръ и ни за-что нехотѣли было давать имъ кормовыхъ запасовъ (стацію) [1]; но собранная вскорѣ, по настоянію польскаго коммиссара Бѣневскаго, въ Корсунѣ чорная рада, на которой, кромѣ козаковъ, присутствовало до 20,000 черни, ясно показала, что народъ готовъ былъ признать

---

[1]) Донесеніе Ѳеоктиста Сухотина, царскаго посла: Памят. К. К., т. IV, 3, XIV.

совершившійся фактъ и помириться съ нимъ. Предшествовавшій долгій періодъ безконечныхъ войнъ, смутъ и безпокойствъ всякаго рода былъ для него слишкомъ разорителенъ, и теперь онъ готовъ былъ согласиться на многое, въ надеждѣ, что за это оставятъ его наконецъ въ покоѣ и дадутъ возможность жить хоть сколько нибудь сносно. Когда на радѣ прочитаны были Гадячскія статьи въ исправленномъ видѣ, по которымъ Украина присоединялась къ союзу съ Польшей, народъ спокойно и внимательно выслушалъ ихъ и, сверхъ всякаго ожиданія самихъ козацкихъ старшинъ, охотно согласился присягнуть на вѣрность королю, объявляя, что съ этого времени »мы сами будемъ убивать всякаго, кто станетъ бунтовать, хотя бы онъ былъ нашимъ отцомъ« [1]). Очевидно, что непостоянство старшинъ и ихъ частыя шатанія изъ одной стороны въ другую слишкомъ допекли народу.

Но этимъ миролюбивымъ наклонностямъ козаковъ и народа и искреннимъ намѣреніямъ ихъ оставаться вѣрными союзу съ поляками не суждено было осуществиться. Польша никогда не отличалась уваженіемъ къ правамъ чужаго народа, умѣніемъ сдержать свое слово и честно выполнить заключенный ею договоръ, хотя бы въ исполненіи статей этого договора торжественно поклялся самъ король и всѣ высшіе чины Рѣчи-посполитой. Тоже самое случилось и теперь, а потому между польскимъ правительствомъ и козаками въ самомъ непродолжительномъ времени возникли недоразумѣнія и взаимное недовольство.

Варшавскій сеймъ утвердилъ Чудновскую коммиссію и вмѣстѣ съ тѣмъ лежавшія въ основѣ ея статьи Гадячскаго договора; за уничтоженіемъ статьи о великомъ княжествѣ русскомъ, договоръ этотъ оставался во всей своей прежней силѣ. Тотъ же сеймъ сдѣлалъ постановленіе о назначеніи особой коммиссіи для приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ статей договора. Козаки по преимуществу настаивали, чтобы прежде всего улажены были церковныя дѣла, т. е. чтобы, согласно договору, приступлено было къ уничтоженію уніи и возстановленію нарушенныхъ правъ церкви православной и ея іерархіи, а также къ отобранію церквей, монастырей и ихъ имуществъ, неправильно захваченныхъ уніатами, и возвращенію ихъ законнымъ владѣльцамъ—пра-

---

[1]) Донесеніе Станислава Бѣневскаго королю, 1660 г. Памят. К. К., IV, 3, IX.

вославнымъ. Гетманъ Хмельницкій съ своей стороны, а кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ съ своей—то и дѣло писали просьбы королю о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе этого »*святаго дѣла*«, какъ они выражались, напоминая, что обезпеченіе, согласно конституціи правъ церкви православной необходимо »какъ для водворенія впредь спокойствія въ Украинѣ, такъ и для утвержденія въ вѣрномъ подданствѣ войска запорожскаго« [1]). Два раза гетманъ даже посылалъ депутатовъ отъ войска запорожскаго для участія въ предполагаемой коммиссіи по вопросу о церковныхъ дѣлахъ. Но поляки и не думали приступать къ серьезному исполненію своихъ обѣщаній. При томъ состояніи религіознаго рвенія, весьма близко граничившаго съ фанатизмомъ и полнымъ неуваженіемъ правъ другой религіи, въ какомъ находилось тогда польское общество, окончательно задуренное іезуитами, при безсиліи польскаго правительства тоже впрочемъ, далеко не безпристрастнаго въ религіозныхъ вопросахъ, поляки, не смотря на всѣ обязательства и конституціи, естественно не могли и думать о совершеніи такого дѣла, которое явно клонилось къ ущербу католической религіи. Отклоняя подъ разными пустыми предлогами назначеніе коммиссіи для разрѣшенія церковныхъ дѣлъ, польское правительство ясно заявляло, что оно никогда не намѣрено было приводить въ исполненіе своихъ обѣщаній козакамъ относительно возстановленія правъ православной церкви.

Но не одни церковныя дѣла привлекали къ себѣ вниманіе козаковъ и вредили добрымъ отношеніямъ ихъ къ своимъ союзникамъ: на сцену появлялся старый вопросъ, постоянно волновавшій южно-русскій народъ въ эпоху до Хмельницкаго и такъ близко соприкасавшійся къ его соціальному быту—вопросъ о возстановленіи правъ польской шляхты на владѣніе имѣніями на Украинѣ и объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ низшимъ классамъ мѣстнаго населенія. Если въ церковномъ вопросѣ всячески хитрили поляки, то въ вопросѣ о введеніи шляхты въ имѣнія это качество до извѣстной степени отличаетъ дѣйствія козаковъ. Еще при Выговскомъ, когда дѣло шло объ исполненіи статей Гадячскаго договора, козаки, хотя не отказывались отъ

---

[1]) Пам. К. Комм., IV, 3, № XXXV. См. также №№ XVI, XXVII, XXIX, XXXVIII и XXXIX.

ввода владѣльцевъ въ ихъ имѣнія на Украинѣ, но, какъ доносилъ полякъ—современникъ, »по своему обыкновенію отлагали это дѣло на дальнѣйшее время, а исполненіе его послѣдуетъ развѣ въ день судный« [1]). Послѣ Слободищенскаго договора, польскіе паны, какъ видно, не стали ждать отъ козаковъ ввода ихъ во владѣніе,—а сами явились въ свои прежнія имѣнія, и, не дожидаясь генеральной коммиссіи, согласно постановленію сейма 1661 г., которая должна была регламентировать ихъ положеніе въ отношеніи къ бывшимъ ихъ крестьянамъ, они сразу же возстановили свои старыя помѣщичьи отношенія къ людямъ, которые оказались живущими на ихъ землѣ, не дѣлая между ними никакого различія и одинаково подчиняя своей власти—козаковъ и посполитыхъ. »Доношу вашей королевской милости — жаловался Хмельницкій — что паны шляхта и поссесоры имѣній вашей королевской милости и дѣдичныхъ притѣсняютъ козаковъ, вѣрныхъ воиновъ В. К. милости, проливающихъ кровь свою за благо Рѣчи-посполитой, отягощаютъ невыносимыми чиншами, десятинами, поволовщинами, податьми и иными тягостями и приневоливаютъ къ работамъ; чинятъ нашему народу великое беззаконіе, нарушаютъ вольности наши, утвержденныя и конституціями прошлыхъ сеймовъ« [2]). Само собою разумѣется, что козаки въ свою очередь не могли спокойно сносить такія насилія и не оставались въ долгу у своихъ старыхъ притѣснителей. Въ то время, когда гетманскіе послы явились съ означенною жалобою, на тотъ же сеймъ прибыли послы отъ шляхетства четырехъ воеводствъ и подняли крики о томъ, что козаки, по распоряженію гетмана, особымъ универсаломъ грозно принуждавшаго шляхтичей выдти изъ имѣній, учинили обывателямъ ихъ воеводствъ насиліе: »однихъ недопустили до владѣнія ихъ имуществами въ собственныхъ имѣніяхъ, другихъ насильственно выгнали изъ имѣній, которыми они уже владѣли, а имущества взяли сами, изгнавши законныхъ владѣтелей, и захватили всѣ доходы, какъ государственные, такъ и частные имѣній королевскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ особъ« [3]). Король обѣщалъ написать Хмельницкому

---

[1]) Донесеніе коронного обознаго, Андрея Потоцкаго, королю. Пам., К. Комм., III, 3, LXXXVI.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, № XXXVI.

[3]) Ibid., № XXXVII.

о возвращеніи отнятаго имущества владѣльцамъ и съ своей стороны употребить всѣ мѣры, чтобы въ самоскорѣйшее время, послѣ уплаты жалованья коронному войску и вступленія его въ Украину, введеніе обывателей въ имѣнія совершилось дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, и чтобы они могли впредь владѣть ими безъ всякаго препятствія. Въ то же время, по настоянію тѣхъ же пановъ—шляхты, сеймъ сдѣлалъ постановленіе, что всѣ привилегіи, выданныя козакамъ на шляхетскія имѣнія въ какомъ бы то ни было воеводствѣ, какъ недавно, такъ и прежде данныя, хотя бы онѣ были одобрены сеймовыми постановленіями, уничтожаются новою конституціею какъ противозаконныя, и всѣ такія имѣнія, по введеніи коронныхъ войскъ въ Украину, должны быть отняты у козаковъ и возвращены прежнимъ законнымъ владѣльцамъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, при помощи чисто канцелярской изворотливости, новая конституція усиливалась уничтожить тотъ пунктъ въ постановленіяхъ предшествовавшаго сейма, по которому козаки обязывались реестровать войско не раньше какъ три мѣсяца спустя, послѣ приведенія въ исполненіе условій Гадячской коммиссіи и по возвращеніи православнымъ церквей и ихъ имѣній; теперь этотъ пунктъ, гарантировавшій до извѣстной степени козаковъ въ исполненіи данныхъ имъ со стороны поляковъ обѣщаній, какъ незаписанный въ гродскія книги, признавался недѣйствительнымъ. Затѣмъ объявлялось объ уничтоженіи на будущее время права козацкаго постоя въ шляхетскихъ, коронныхъ и земскихъ имѣніяхъ воеводствъ кіевскаго и брацлавскаго, и наконецъ, въ виду предполагавшагося составленія козацкаго реестра, сдѣлано было постановленіе, чтобы въ имѣніяхъ земскихъ, шляхетскихъ и панскихъ городахъ козаки не были вписываемы въ реестръ, но чтобы и на будущее время оставались подъ властію своихъ пановъ, какъ были прежде [2]).

---

[1]) Volum. Legum, т. IV 390. Новый сеймовый декретъ въ особенности налегалъ на уничтоженіе постановленій прошлаго сейма, 1661 г. Это былъ сеймъ, утвердившій Чудновскую коммиссію и возведшій большинство козацкихъ правобережныхъ старшинъ въ шляхетское достоинство, причемъ многимъ изъ нихъ пожалованы были привилегіи на разныя имѣнія. (Volum. leg. IV, 359—360). Очевидно, что, по смыслу новаго сеймоваго постановленія, эти привилегіи признавались теперь недѣйствительными.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, № XXXVII.

Очевидно, что всегдашняя іезуитская политика польскаго правительства сказывалось въ этихъ постановленіяхъ во всей силѣ: поляки замѣчали безсиліе козаковъ и потому не считали болѣе нужнымъ церемониться въ отношеніяхъ къ нимъ. Козаки оказывались обманутыми со всѣхъ сторонъ; это скоро стало очевиднымъ и для нихъ самихъ. Одинъ изъ старшинъ (кажется, бывшій писарь Голуховскій), посыланный однажды въ качествѣ козацкаго коммиссара на сеймъ къ королю и потомъ очутившійся въ Москвѣ, вотъ что писалъ гетману Юрію Хмельницкому: »Предостерегаю вашу милость, равно какъ и все войско запорожское въ томъ, что поляки покушаются всѣми силами на спокойствіе, жизнь и на свободу нашу; желая тайно и измѣннически уловить всѣхъ, обѣщаютъ будтобы подтвердить всѣ права наши, но клянусь, что изъ этого никогда ничего не будетъ, потому что, въ то же самое время, на дорогѣ и въ разныхъ мѣстахъ, многіе поляки, изъ старшинъ, черни и изъ духовныхъ, говорили мнѣ: »уже мы всѣхъ козаковъ забрали въ мѣшокъ, только еще не завязали«. Поэтому необходимо всегда остерегаться поляковъ: они какъ прежде, такъ и теперь, ничего добраго не только войску запорожскому, но и всему народу нашему греческой вѣры не желали и никогда желать не будутъ [1]).

А между тѣмъ въ самой Украинѣ было свое горе. Южно-русскій народъ, покорно соглашавшійся оставаться даже подъ властію польскаго короля, въ надеждѣ пользоваться миромъ и спокойствіемъ, на самомъ дѣлѣ не имѣлъ ни на минуту такого спокойствія и безопасности. Хотя война съ Польшей у козаковъ, по Слободищенскому договору, и была окончена, но въ краѣ довольно долго еще продолжали оставаться коронныя польскія войска, съ помощію которыхъ Хмельницкій отъ времени до времени совершалъ свои походы на лѣвый берегъ Днѣпра. Квартированіе польскихъ жолнеровъ въ Украинѣ всегда составляло одно изъ найболѣе крупныхъ золъ для народа; тяжесть этого постоя сказалась конечно и теперь [2]). Но еще тяжелѣе и несравненно разорительнѣе для народа оказывались другіе гости, остававшіеся у него на попеченіи, союзники поляковъ—татары. Подъ предлогомъ по-

---

[1]) Пам. К. Комм., т. IV, № XXI.

[2]) См. жалобу королю по этому предмету Хмельницкаго. К. Комм., т. IV, 3, № XV.

мощи польскимъ и козацкимъ войскамъ въ ихъ походахъ противъ Москвы и лѣвобережныхъ козаковъ, татары то и дѣло появлялись въ Украину, оставались здѣсь по долгу, требовали отъ жителей для себя содержанія и, вообще, распоряжались, какъ хотѣли. Что бы хоть чѣмъ нибудь предупредить разорительность татарскаго пребыванія въ Украинѣ, Хмельницкій пробовалъ заключить съ ханомъ особый договоръ, требуя у него воспрещенія ордѣ совершать насилія надъ жителями и стараясь всячески отклонить татарскія силы отъ правобережной Украины, совершая съ ними походы за Днѣпръ [1]). Но это ни къ чему не приводило. Татары снова возвращались на Украину и снова располагались въ ней какъ дома; власть хана оказывалась безсильною для укрощенія дикихъ и своевольныхъ ордъ. Чтобы сообразить, во что должно было обойтись для южно-русскаго народа такое странное его гостепріимство, надо вспомнить, что въ 1660 г. въ Малороссіи случился голодъ, и стало быть, народу самому нечего было ѣсть: въ началѣ слѣдующаго года Хмельницкій писалъ королю: »край нашъ чрезмѣрно обѣднѣлъ хлѣбомъ и мы теперь сами выпрашиваемъ его другъ у друга« [2]). А численность татарскихъ ордъ въ Украинѣ доходила тогда до 60,000 [3]), и слѣдовательно, такая громадная масса паразитовъ грозила въ самомъ непродолжительномъ времени полнымъ истощеніемъ производительныхъ силъ края. Притомъ же, татары никогда не умѣли вести себя смирно; разгостившись не въ мѣру и чувствуя свою силу, они не знали никакого предѣла своей наглости и нахальству въ отношеніи къ жителямъ, и держали себя въ Украинѣ, какъ въ непріятельской странѣ. Старшина козацкая посылала королю безпрестанныя жалобы на безчинства татаръ, прося его скорѣе прислать коронное войско, которое, совмѣстно съ козаками и ордой, переправилось бы на лѣвый берегъ Днѣпра для военныхъ дѣйствій и, такимъ образомъ, хоть на время облегчило бы для Украины страшное зло, сносить которое не ставало болѣе силъ. »Орда,—писали они, — подъ предлогомъ помощи остающаяся въ Украинѣ, такъ много себѣ позволяетъ, что не только распоряжается какъ хочетъ имуществомъ и пожитками бѣдныхъ лю-

---

[1]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, XXVIII.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3 XVI.

[3]) Ibid. №, LXVIII.

дей, но даже, не щадя, наконецъ, ни дѣвицъ, ни женъ, совершаетъ страшныя злодѣянія, мерзостныя передъ Богомъ и гнусныя для христіанина! Эти злодѣянія до такой степени ужасны, что многіе люди изъ войска запорожскаго въ ожесточеніи готовы предпочесть рабство волошское и молдавское (которое, говорятъ, не столь тягостно), лишь бы не терпѣть такого невыносимаго и непривычнаго ярма отъ орды» [1]). Но польское правительство медлило присылкой своего войска, и татары по прежнему оставались въ Украинѣ [2]). Вотъ каково было положеніе правобережной Украины въ первое же время ея соединенія съ Польшей! Всю бѣдственность его сознавали лучшіе изъ самихъ козацкихъ старшинъ—членовъ автономической партіи; сознавалъ ее и самъ гетманъ, Юрій Хмельницкій. При всей слабости своего характера, при всей своей ограниченности, Юрій, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе желалъ добра своей несчастной родинѣ, чѣмъ многіе другіе изъ козаковъ. Воспитанный въ отцовскихъ преданіяхъ стремленія къ самостоятельности Украины, онъ искренно желалъ осуществленія этой завѣтной для него идеи, и въ этихъ цѣляхъ присталъ къ союзу съ Польшей. Но онъ скоро понялъ, что надежды на осуществленіе автономическихъ идеаловъ для Украины въ соединеніи съ Польшей — не сбыточны, что Поляки безсовѣстно обманывали козаковъ, давая имъ самыя щедрыя обѣщанія въ намѣреніи никогда неисполнять ихъ, что южно-русскій народъ никогда не достигнетъ того, чтобы поляки уважали его права, что Украина, вмѣсто предполагаемаго благоденствія въ союзѣ съ Рѣчью-посполитой, нашла въ немъ для себя длинный рядъ однихъ лишь бѣдствій и несчастій. Юрій употреблялъ всѣ бывшія у него

---

[1]) Пам. К. Комм., IV, 3, LIX. См. также №№: XXV, XXVI, XLVIII, XLIX, L, LI, LVII, и проч.

[2]) Во время этого долговременнаго пребыванія татаръ на Украинѣ у нихъ зародился оригинальный политическій проэктъ, который, впрочемъ, потомъ многимъ приходилъ въ голову и даже былъ практикованъ нѣкоторое время при Дорошенкѣ,—это проэктъ объ отторженіи Украины отъ Польши и федеративномъ союзѣ ея съ крымскимъ ханствомъ подъ верховнымъ покровительствомъ турецкаго султана. Посолъ Хмельницкаго, Григорій Лесницкій, еще въ 1662 г. доносилъ королю: »Татары уговариваютъ всю Украину, чтобы она отторглась отъ Рѣчи-посполитой и, отдавшись въ покровительство хана, а вмѣстѣ и Портѣ, искала такой своей безопасности и цѣлости,

подъ руками средства, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить бѣдственное положеніе подвластнаго ему края; но это ему мало удавалось. Тогда онъ обращалъ свои взоры къ Москвѣ, изъявляя намѣреніе снова возвратиться, вмѣстѣ съ Украиной, подъ ея власть [1]). Но твердость и непреклонность московскаго правительства, ни за что не соглашавшагося ни на какія уступки въ пользу расширенія автономическихъ правъ Малороссіи, постоянно отталкивали его, когда онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ; притомъ же его удерживала въ этомъ случаѣ мысль—будетъ ли отдаленная Москва въ состояніи защитить подчинившійся ей край отъ его непосредственныхъ, домашнихъ враговъ—поляковъ и ихъ побратимовъ, татаръ, когда она такъ слабо защищаетъ

Доказываютъ явно, что Польша спасать ее не хочетъ и не можетъ, ибо поляки сами враждуютъ между собою у себя дома; что войско не слушаетъ короля, и что еслибы татары не приходили къ нимъ на помощь, то они давно бы уже погибли.« (Пам. К. К., т. IV XLVIII). Лесницкій увѣрялъ, что такого рода увѣщаніями татары легко могутъ увлечь *чернь*, »которая сама охотно склоняется къ такому союзу, однажды уже внушенному; другой разъ Тетеря также писалъ, что Украина охотно готова согласиться на союзъ съ татарами. (Ibid № LI). Трудно, конечно, допустить буквальную справедливость этихъ показаній (и особенно перваго) при той сильной нерасположенности южно-русскаго народа къ татарамъ—исконнымъ его врагамъ, которую оно не разъ доказало потомъ въ своей исторіи, въ особенности при Дорошенкѣ, а также при Суховіѣ, а впослѣдствіи при Петрикѣ. Вѣроятнѣе показаніе о томъ же предметѣ Сомка, что *козаки* (правобережные) говорятъ, чтобы сложиться съ татарами,« которые соглашаются разорвать свою зависимость отъ Порты и »съ черкасы жить за одно«. (Акты Ю. и З. Р. т. VII, № 121, стр. 366). Осуществленіе подобнаго проэкта *козаками* мы видимъ при Дорошенкѣ. Вовсякомъ случаѣ въ долгое время татары такъ далеко зашли въ своихъ видахъ относительно Украины, что стали запрещать гетману сноситься съ кѣмъ бы-то нибыло, и даже съ польскимъ королемъ, безъ воли хана. (Пам. К. Комм., т. IV, 3 № LVII, LXXVI, LCII). Конецъ этимъ затѣямъ, равно какъ и долговременному пребыванію татаръ на Украинѣ, положили появившіеся въ 1664 г. калмыки, высланные противъ нихъ московскимъ правительствомъ. Нѣсколько разъ татары терпѣли отъ нихъ пораженія и оказались передъ ними въ большемъ страхѣ.

[1]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, № XXXIV.

вѣрныхъ ей лѣвобережныхъ козаковъ [1]); и не поведетъ ли такое подчиненіе только къ горшей еще бѣдѣ для Украины, къ окончательному ея разоренію. Спасти же Украину собственными ея силами Хмельницкій былъ не въ состояніи. Съ одной стороны, съ польскимъ правительствомъ у него давно уже не ладилось: поляки постоянно подозрѣвали Юрія въ намѣреніи измѣнить имъ. Это недовѣріе къ гетману было у нихъ такъ велико, что король нашелъ необходимымъ держать въ Украинѣ своего довѣреннаго человѣка, Павла Тетерю, которому поручалось имѣть надзоръ за поведеніемъ Хмельницкаго, равно какъ и остальныхъ козацкихъ старшинъ и черни [2]). Съ другой стороны, запорожцы, такъ сильно расположенные къ Юрію во дни Выговскаго и первые провозгласившіе его гетманомъ, теперь отъ всей души ненавидѣли его за Слободище и писали къ нему письма полныя злобы и угрозъ—явиться въ Чигиринъ, схватить гетмана и предать его смерти, какъ злодѣя и разорителя отчизны [3]). Столь же мало расположенности къ себѣ находилъ Хмельницкій и среди окружавшихъ его старшинъ, среди козаковъ и всего подвластнаго ему народа [4]). Войско, сознавая нравственное безсиліе своего вождя, рано потеряло къ нему уваженіе. Неудачи военныхъ походовъ, время отъ времени предпринимаемыхъ Юріемъ на лѣвый берегъ Днѣпра, еще болѣе вредили его репутаціи среди козачества, дошло наконецъ до того, что въ войскѣ возникло явное намѣ-

---

[1]) Мы находимъ въ современныхъ документахъ цѣлый рядъ самыхъ настоятельныхъ просьбъ, обращенныхъ къ московскому правительству о присылкѣ ратныхъ людей въ Украину, для защиты ея отъ постоянныхъ нападеній правобережныхъ козаковъ, поляковъ и татаръ. (Акты Ю. и З. Р. т. V, №№ 40, 58 и др.; т. VII, № 12 и др.) Московское правительство отдѣлывалось обѣщаніями, но войска не присылало. Это раздражало козаковъ и вызывало у нихъ подчасъ весьма рѣзкія жалобы на такое равнодушіе Москвы къ ихъ положенію, »Мы,—говоритъ черниговскій полковникъ великорусскому гонцу,—безпрестанно просимъ у государя войска, а насъ только тѣшатъ словами и ратныхъ людей не шлютъ, а у воеводъ какіе есть ратные, такъ отъ нихъ наши домы разорены. Третій годъ сами боронимся отъ непріятеля«. Акты Ю. и и З. Р., т. V, № 58, стр. 124.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, № XXXIII.

[3]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 35,

[4]) Ibidem, стр. 35—36.

реніе смѣнить очевидно-неспособнаго гетмана [1]). Эту мысль поддерживали въ особенности прежніе сторонники Выговскаго, замышлявшіе снова вручить ему булаву [2]). Наконецъ, Хмельницкаго ненавидѣлъ и весь простой народъ въ правобережной Украинѣ, терпѣвшій такія страшныя бѣдствія и приписывавшій ихъ винѣ гетмана, какъ главнаго начальника края. Очевидно, что при такихъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, при всеобщей нерасположенности внутри Украины, при отсутствіи какой бы то ни было силы извнѣ, на которую можно было бы опереться, слабому Юрію, невозможно было и думать о томъ, что бы найти какой нибудь исходъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ очутилась при немъ Украина. Убитый нравственно, разстроенный постоянными неудачами, всеобщимъ недоброжелательствомъ къ нему и угрозами запорожцевъ, слабый, болѣзненный Юрій, и безъ того не разъ намѣревавшійся сложить гетманство, теперь окончательно созналъ свое безсиліе и рѣшился исполнить давнее намѣреніе. »Немогу я уподобиться своему родителю, — жаловался онъ козакамъ въ прощальной своей рѣчи къ нимъ,—и отцовскаго счастія мнѣ не далъ Богъ«. Въ налѣ 1663 г. Юрій вступилъ въ чигиринскій монастырь и принялъ здѣсь постриженіе подъ именемъ Гедеона [3]).

---

[1]) См. письма Хмельницкаго къ королю, съ жалобою на »недоброжелательство къ нему своихъ«. (Пам. К. Комм., т. IV, 3 № LXII; а такае сообщенія Павла Тетери о взаимной нерасположенности войска и гетмана другъ къ другу (Ibid №№ XLVI и L).

[2]) Пам. К. Комм, т. IV, 3, № IX, стр. 32, 33, 35 и 47.

[3]) Къ сожалѣнію, этимъ скромнымъ удаленіемъ въ монастырь Юрій Хмельницкій далеко не закончилъ своей роли на политическомъ поприщѣ. Громкое имя, которое носилъ онъ, скоро вызвало его изъ монастырской келіи на свѣтъ и подвергло самымъ оригинальнымъ приключеніямъ. Скоро послѣ своего постриженія онъ былъ схваченъ, по подозрѣнію Тетери, польскими властями и заточенъ въ Маріенбургскую крѣпость, гдѣ пробылъ 4 года. Плѣненный затѣмъ татарами и доставленный ими въ Константинополь, Юрій жилъ здѣсь нѣкоторое время въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей; но скоро, послѣ сдачи московскимъ властямъ Дорошенка, онъ понадобился турецкому правительству для его политическихъ соображеній относительно Малороссіи и былъ вызванъ снова на политическое поприще. Въ роли подставнаго гетмана отъ Порты, съ титуломъ князя Сарматскаго, Хмельницкій нѣсколько разъ приходилъ съ турецкими и татарскими силами въ Украину,

Слабый духомъ Юрій Хмельницкій не нашелъ ни въ себѣ самомъ, ни вокругъ себя достаточно силы, чтобы бороться съ тѣми крайне неблагопріятными условіями, въ какомъ очутилось козачество подъ властію польскаго короля, и ушелъ въ монастырь. Но и оставшаяся послѣ него руководящая партія старшинъ оказалась тоже не въ лучшихъ условіяхъ, какъ и ея бывшій вождь. Малочисленная сама въ себѣ, оторвавшаяся отъ своихъ братьевъ лѣвобережныхъ козаковъ, нелюбимая на Запорожьи и, наконецъ, обманутая поляками, на которыхъ она возлагала послѣднія надежды, автономическая партія правобережныхъ старшинъ оказалась, дѣйствительно, въ самомъ плачевномъ и вполнѣ безвыходномъ положеніи. Небыло спасенія ни откуда. Единственная сила, на которую въ такихъ случаяхъ стараются обыкновенно опираться—простой народъ,—эта сила никогда не была въ распоряженіи козацкихъ старшинъ: народъ давно ненавидѣлъ, своихъ »значныхъ« и не сталъ бы спасать ихъ, пока они стояли болѣе за свои сословные интересы, а не за благо общее. Это сознаніе полной безвыходности своего положенія, сознаніе безполезности всѣхъ предшествовавшихъ усилій, потраченныхъ на осуществленіе того идеала, который оказывался теперь не достижимымъ, должно было въ конецъ убить нравственныя силы автономической партіи, которая и въ лучшую пору своей дѣятельности не обладала ими въ большомъ запасѣ. Лучшіе изъ козаковъ, сознавая недостижимость автономическихъ идеаловъ, на пользу которыхъ они доселѣ посвящали свою дѣятельность, и видя неприложимость своихъ силъ въ Украинѣ, уходили на Запорожье, гдѣ въ это время храбрый Сирко предпринималъ рядъ славныхъ походовъ на Крымъ и Чорное море [1]). Другіе оставляли службу и обращались исключительно къ своимъ домашнимъ занятіямъ [2]). Общественныя побужденія видимо охладѣвали у всѣхъ. Общество теряло тѣ цѣли, которыми оно доселѣ руководилось среди всѣхъ прожитыхъ невзгодъ и которыя слу-

---

разорялъ ее и подвергалъ своихъ бывшихъ соотечественниковъ ужаснымъ жестокостямъ. Впрочемъ, это былъ, какъ кажется, для Юрія періодъ полнаго сумасшествія, къ которому онъ былъ расположенъ и раньше. Скоро послѣ своего неудачнаго искательства прежняго подчиненія Украины, онъ былъ казненъ турками за свои безсмысленныя жестокости и тиранства.

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 105.

[2]) Донесеніе Тетери королю. П. К. К. т. IV, № L.

жили стимуломъ для его дѣятельности. На сцену выступали исключительно личные, эгоистическіе инстинкты, сдерживаемые до сихъ поръ во имя болѣе высокихъ побужденій. Для козачества видимо наступалъ тотъ печальный періодъ конечнаго нравственнаго разложенія, на который исторія осуждала всякое общество въ минуту, когда основы его гражданственности оказывались несостоятельными, когда цѣли его общественной жизни оказывались недостижимыми, когда общество подъ вліяніемъ страшныхъ потрясеній, изживалось и теряло вѣру въ свои силы. Каждый думалъ только о себѣ, и никто не заботился о всѣхъ. Подвиги безкорыстнаго служенія общественному благу замѣнены были возмутительнымъ равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ и даже явною продажностью. Украинскій лѣтописецъ такъ характеризуетъ нравственное состояніе тогдашняго козацкаго общества, что каждый изъ козаковъ ради сребра и золота не только далъ бы выколоть себѣ глазъ, но непощадилъ бы родного отца и матери Всѣ они — продолжаетъ онъ далѣе—были тогда подобны Іудѣ, продавшему за серебро Христа, и могли ли они думать о погибающей матери своей Украинѣ [1]).

Высшимъ представителемъ такого направленія, образцовымъ современнымъ типомъ и, такъ сказать, полнымъ героемъ своего времени, безъ всякаго сомнѣнія, былъ преемникъ Юрія Хмельницкаго, новоизбранный гетманъ правобережной Украины, Павелъ Тетеря. Кромѣ такихъ своихъ качествъ, личность этого человѣка представляетъ также немалый интересъ и въ томъ отношеніи, что онъ дастъ собою наглядный примѣръ того, какъ тогдашнее образованіе, наука, привычки, общественные взгляды, ходячія понятія и пр.—какъ все это, занесенное изъ Польши, вліяло деморализующимъ образомъ на южно-русскую интеллигенцію, приготовляя изъ нея вѣрныхъ слугъ шляхетной Польши, но за то разрывая всѣ ея связи съ народомъ и доводя ее часто до явнаго отреченія отъ своей національности. Это именно и случилось съ Тетерей.

Павелъ Тетеря происходилъ изъ переяславскихъ мѣщанъ [2]) и получилъ весьма широкое по тому времени образованіе отчасти въ кіевской коллегіи а главнымъ образомъ, кажется, въ разныхъ польскихъ

---

[1]) Лѣт. Величка, т. II, стр. 36.

[2]) Хотя Величко утверждает, что Тетеря былъ родомъ изъ города Те-

школахъ [1]). Это и помогло ему возвыситься до полковничьяго уряда (въ Переяславѣ) и ввело его въ кругъ высшихъ козацкихъ старшинъ, окружавшихъ Богдана Хмельницкаго, несмотря на полное отсутствіе въ немъ мужества и военныхъ дарованій. Неодаренный блестящими способностями, Тетеря обладалъ за то въ высокой степени развитыми эгоистическими наклонностями, которые у него выразились, главнымъ образомъ, въ стремленіи къ наживѣ и еще болѣе въ стремленіи забыть, если можно, свое низкое происхожденіе изъ переяславскихъ мѣщанъ и, во что бы то ни стало, примкнуть къ рядамъ польскаго шляхетнаго сословія, котораго онъ былъ самымъ искреннимъ почитателемъ. Сообразивши, что то и другое можетъ быть достигнуто только при помощи поляковъ, Тетеря сдѣлался самымъ преданнымъ и усерднымъ слугою польскаго правительства и не измѣнилъ этой роли до конца жизни. Угодливость его полякамъ не имѣла границъ. Въ послѣдній годъ жизни Богдана Хмельницкаго Тетеря употреблялъ все свое вліяніе на стараго гетмана, располагая его вступить въ переговоры съ польскимъ коммиссаромъ, Бѣневскимъ [2]) Вслѣдъ за тѣмъ, при Выговскомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи Гадячскихъ статей, располагая всячески простыхъ козаковъ къ союзу съ поляками и по возможности

терева и происходилъ изъ »рожаю шляхетного козако-руского« (т. II, 36), но мы больше довѣряемъ современному донесенію объ этомъ предметѣ московскихъ воеводъ, а также показанію одного польскаго современника, Криштофа Перетятковича, писаря при Бѣневскомъ (кіевск. центр. архивъ, гродск. луцк. книга, 1683 г.), нежели лѣтописцу, писавшему свой трудъ спустя полстолѣтія послѣ описываемыхъ событій; притомъ же, намъ кажется, что Величко, не имѣя по данному вопросу точныхъ свѣдѣній, пустился въ догадки и былъ введенъ въ заблужденіе созвучіемъ фамиліи *Тетери* съ названіемъ рѣки *Тетерева*, а равно несуществующаго, впрочемъ, города того же имени.

[1]) Лѣтописецъ выражается о немъ, что онъ былъ *»въ наукѣ писменной увѣченіи и во всякихъ рѣчихъ бѣлій«* (Величко, II, 36). Множество писемъ Тетери, дошедшихъ до насъ и напечатанныхъ въ Памяти. К. К. (т. IV), дѣйствительно, показываютъ въ немъ человека весьма ученаго.

[2]) Показанія Криштофа Перетятковича современный польскій документъ Кіев. Ц. Архива гродск. луцк. кн. 1683 г.

уменьшая ихъ требованія отъ Рѣчи-посполитой, [1]) за что получилъ отъ короля дворянство и многія имѣнія. Въ гетманство Юрія, Тетеря, при посредничествѣ Бѣневскаго, сдѣланъ былъ писаремъ войска запорожскаго [2]), но насколько онъ былъ вѣренъ новому своему посту, видно изъ того, что, убѣждая на Корсунской радѣ козаковъ вѣрно служить королю и обнадеживая ихъ полученіемъ всякихъ вольностей со стороны Рѣчи-посполитой, Тетеря въ тоже время велъ тайные переговоры съ польскимъ коммиссаромъ, Бѣневскимъ о средствахъ уничтоженія Гадячскаго договора [3]). Скоро послѣ того онъ оставилъ должность писаря, поѣхалъ въ Варшаву, поддѣлался тамъ къ королю и знатнымъ панамъ, получилъ званіе стольника полоцкаго и вернулся въ Украину въ качествѣ королевскаго коммиссара, человѣка »дознанной вѣрности и доброжелательства къ Рѣчи-посполитой«, для наблюденія за поведеніемъ гетмана, старшинъ и черни [4]). Таковъ былъ человѣкъ, принявшій изъ рукъ слабаго Юрія гетманскую булаву а съ нею и высшее управленіе дѣлами несчастной, до конца разоренной, правобережной Украины. Нравственное ничтожество Тетери и неблагонадежность его для такого важнаго служенія въ войскѣ сознавали лучшіе изъ козаковъ. Всѣ давно знали Тетерю и умѣли цѣнить его надлежащимъ образомъ. Упоминаемый уже нами авторъ безъименнаго письма къ Юрію Хмельницкому, съ предостереженіемъ отъ поляковъ, такъ отзывался въ немъ о Тетерѣ: »Никто изъ старшинъ и черни войска запорожскаго не долженъ ожидать никакого доброжелательства ни отъ Выговскаго, *ни отъ Тетери*; ибо они давно продали души свои за маетности, а войско запорожское и его вольности предали и давно уже сговорились съ поляками повергнуть его въ несчастіе« [5]). Если, не смотря на такую репутацію Тетери среди козаковъ, его избраніе въ гетманы все таки совершилось, то это объясняется тѣмъ, что, по свидѣтельству лѣтописца, большинство старшинъ, участвовавшихъ въ избраніи, предварительно было задобрено Тетерею посредствомъ народа [6]).

---

[1]) Ibid. См. также статью г. Костомарова. »Гетманство Выговскаго т. II, стр. 134.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, № IX.

[3]) Ibid., № IX, стр. 46.

[4]) Ibid., т. IV, 3, № XXXIII.

[5]) Ibid., т. IV, 3, № IXX.

[6]) Лѣт. Величко, т. II, 36.

Это обстоятельство служитъ, по нашему, какъ нельзя болѣе яркимъ выраженіемъ »знаменія времени«, въ немъ сказался конечный упадокъ гражданскихъ понятій въ средѣ козачества и крайній предѣлъ его нравственнаго разложенія [1]).

---

[1]) Чтобы возможно рельефнѣе очертить личность Павла Тетери, который, повторяемъ, представляетъ для насъ особенный интересъ именно какъ типъ козацкаго старшины, подвергшагося наибольшей деморализаціи, благодаря польскому шляхетному вліянію, мы считаемъ всего болѣе умѣстнымъ въ этомъ случаѣ сопоставить съ нимъ другое лице изъ южно-русскаго историческаго эпоса, въ которомъ (лицѣ) какъ нельзя полнѣе олицетворены основныя черты гражданскаго воззрѣнія людей подобныхъ Тетерѣ. Мы разумѣемъ современника Богдана Хмельницкаго, черкасскаго полковника, Барабаша, о которомъ въ южно-русскомъ эпосѣ сложилось цѣлое сказаніе, повторенное почти всѣми козацкими лѣтописями. Это—сказаніе о томъ, какъ Барабашъ, участвовавшій въ козацкой депутаціи, испросившей у короля Владислава IV грамоты на разныя привилегіи въ пользу козаковъ, спряталъ у себя эти королевскія грамоты и не объявлялъ ихъ никому, »ово яко ляхомъ бяше,—какъ объясняетъ лѣтописецъ,—ово яко своей користи такмо искій, изволяше самъ воблагихъ жити, а о войску нерадяше, ниже обидѣ людской.« (Граб., стр. 39). Еще рѣзче опредѣляетъ южно-русская дума тѣ побужденія, въ силу которыхъ Барабашъ продолжалъ удерживать у себя королевскія грамоты. Здѣсь разсказывается, что на предложеніе Хмельницкаго:

»Годі тобі, пане куме, листи королевскі держати!
Чи не могли б ми з тобою у-двох іх прочитати,
Козакам козацькі порядки подавати,
За віру християнську одностайно стати?«

Барабашъ отвѣтилъ:

Ей, пане куме, Хмельницький, пане писарю войсковий!
На що нам з тобою у-двох королевські листи читати,
На що нам козакам козацькі порядки давати?

Ми дачі не даемо,
В військо польске не йдемо:

Чи не лучше б нам з ляхами,
Мостивими панами
Мирно пробувати,
З упокоем хліб сіль вічні часи уживати,
А ніж пійти лугів потирати,
Своім тілом панським комарів годувати!«

Максимовичъ, Укр. нар. пѣсни, 1834 г., I, 37—39.
Метлинскій, Нар. южнор. пѣсни, 1854 г., 385—391.

Къ сожалѣнію, такое возмутительное равнодушіе къ общественному благу во имя эгоистически-личныхъ удобствъ каждаго, такая наглая продажность общественныхъ интересовъ—эти черты не были основными чертами характера одного лишь Барабаша или одного Павла Тетери: свойства эти до извѣстной степени были присущи весьма многимъ козакамъ. Всмотрѣвшись ближе, можно съ полною достовѣрностью утверждать, что, за исключеніемъ весьма и весьма немногихъ личностей, въ каждомъ изъ козац-

Перемѣна гетмана не повела за собою, разумѣется, никакихъ измѣненій къ лучшему въ положеніи Украины. Права церкви православной по прежнему не были возстановлены, согласно обѣщанію польскаго правительства, не оставалось даже и надежды на ихъ возстановленіе въ будущемъ. Татарскія орды, значительно напуганныя высланными противъ нихъ со стороны московскаго правительства калмыцкими полчищами [1]) и на нѣкоторое время оставившія было Украину, скоро снова стали приходить сюда и по прежнему разоряли жителей [2]). Впрочемъ, въ отношеніяхъ гетманскаго правительства къ татарамъ, при новомъ гетманѣ произошли нѣкоторыя перемѣны: если Юрій Хмельницкій постоянно высказывалъ крайнее недовольство по поводу пребыванія ордъ въ Украинѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы выжить ихъ отсюда, то его преемникъ, Павелъ Тетеря велъ себя въ этомъ случаѣ совершенно иначе: онъ, напротивъ, постоянно зазывалъ татаръ въ Украину, не щадя на это никакихъ издержекъ [3]). Татары теперь оказывались, по выраженію современника, »хранителями здоровья гетмана и управленія« [4]); въ пользу ихъ содержанія въ Украинѣ посполитые обложены были особымъ и весьма значительнымъ сборомъ [5]). Но самая серьезная опасность благоденствію южно-русскаго народа безъ всякаго сомнѣнія грозила со стороны его союзниковъ—поляковъ. Не говоримъ о массѣ посполитыхъ: для нихъ видимо наступалъ періодъ полнаго порабощенія со стороны наѣхавшихъ въ Украину польскихъ пановъ, возвратившихся теперь въ свои имѣнія; но поляки не церемонились и съ самими козаками: по показанію современниковъ они по своему произволу записывали старыхъ козаковъ въ мѣщане и облагали ихъ большими пода-

---

кихъ старшинъ послѣдней половины XVII и едвали не всего XVIII в. можно отыскать значительную долю »*Барабашевскаго*«. Этимъ только и можно объяснить безконечный рядъ тѣхъ интригъ, предательствъ, всякаго рода доносовъ, пререканій, какими постоянно угощали другъ-друга козацкіе старшины, и которыя вредили не только имъ самимъ, но нерѣдко оказывали весьма вредное вліяніе и на судьбу страны.

[1]) Пам. К. Ком., т. IV, 3, № LXXIII.

[2]) Ibid. №№ LIX, XCVI, XCIX.

[3]) См. посольство Тетери къ хану съ просьбой о присылкѣ ордъ Ibid., № LXX.

[4]) Ibid. См. письмо королевскаго резидента на Украинѣ, Самуила Венеславскаго. № LXXII.

[5]) Ibid., № LXVII.

тями—талеровъ по сту, по двѣсти и больше [1]). Таже участь грозила и всѣмъ остальнымъ »правамъ и вольностямъ« козацкимъ, равно какъ и мѣстному самоуправленію Украины, которое, въ рукахъ такого усерднаго доброжелателя поляковъ, какъ Тетеря, скоро обѣщало превратиться въ пустую форму, а еще чаще могло служить благовиднымъ орудіемъ для своекорыстныхъ цѣлей гетмана и преданныхъ ему старшинъ, а также для видовъ польскаго правительства. Это безсиліе козаковъ и наглое неуваженіе къ ихъ правамъ со стороны поляковъ поражало съ перваго же взгляда всякаго сторонняго наблюдателя. Татары постоянно кололи глаза козакамъ тѣмъ безправіемъ, въ какомъ находились они въ отношеніяхъ къ полякамъ. Да развѣ вамъ не нужно теперь расположеніе и помощь хана,—говорили они въ глаза самому гетману и старшинѣ,—когда вы переносите такія обиды и притѣсненія отъ пановъ ляховъ, которые, даже въ самомъ Чигиринѣ, едва не водятъ васъ на веревкѣ за шею« [2]). Очевидно, что правобережная Украина снова возвращена была въ то состояніе, въ какомъ находилась она въ печальныя времена до Хмельницкаго,—и уже конечно, не отъ разслабленной автономической партіи продажныхъ старшинъ, а тѣмъ болѣе отъ измѣнника-гетмана можно было ждать ей спасенія. Спасеніе Украины (если только оно было возможно) должно было выдти и теперь изъ той среды, изъ которой оно неразъ уже исходило, какъ прежде такъ и послѣ, т. е. изъ среды самаго южно-русскаго народа.

Дѣйствительно, такое движеніе скоро обнаружилось въ Украинѣ и сказалось оно первоначально въ формѣ всеобщаго стремленія массы народа освободиться изъ подъ власти поляковъ и снова подчиниться московскому царю. Очевидно, народъ понималъ, что главная причина его бѣдствій заключалась въ томъ противоестественномъ раздвоеніи Малороссіи, къ которому привели ее внутреннія несогласія и низкій уровень гражданскихъ понятій самихъ старшинъ, и въ происходящемъ отсюда безсиліи каждой изъ расколовшихся частей, и что, слѣдовательно, единственный исходъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ находилась тогда правобережная Украина былъ тотъ, чтобы уничтожить это ненормальное раздвоеніе и снова соединить обѣ стороны Днѣпра

---

[1]) Донесеніе въ Москву изъ лѣвобережной Украины. Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 105.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, № XCII.

въ одно цѣлое, подъ властію московскаго государя. Такое настроеніе умовъ обнаружилось въ правобережной Украинѣ почти тотъ часъ же послѣ отдѣленія ея отъ лѣвобережья при Юріѣ Хмельницкомъ. »Вѣдомо намъ, писалъ Брюховецкій къ московскому стряпчему, Косагову, —что на той сторонѣ вся чернь рада бы приклонится къ намъ, вѣдая надъ собою несносныя кривды отъ Хмельницкаго, только не можетъ за измѣнниками и раскольниками въ войскѣ, которые порознили лукавствомъ своимъ« [1]) Юрій Хмельницкій съ своей стороны жаловался королю на всеобщую расположенность въ Украинѣ »къ московской сторонѣ«, явно грозившую, по его мнѣнію, отпаденіемъ страны отъ Рѣчи-посполитой [2]). Расположенность эту обнаруживала, впрочемъ, не одна только чернь: ее раздѣляли многіе изъ среды самихъ правобережныхъ старшинъ. Таковы были полковники: Одинецъ, Безпалый, Лизогубъ, войсковый судья Кравченко, нѣкій Гамалѣя и др. всѣ они были казнены по повелѣнію Юрія, за свое »*доброхотство*« московской сторонѣ [3]). То были, безъ сомнѣнія, лучшіе люди среди козачества, которые раньше другихъ поняли непрочность обѣщаній польскаго правительства и вѣроломство поляковъ и глубже сознавали всю ненормальность печальнаго раздвоенія Украины и длинный рядъ имѣющихъ произойти отсюда для нея бѣдствій въ будущемъ. Они вошли въ сношенія зъ Запорожцами и съ помощію ихъ хотѣли предъотвратить грядущее зло, посредствомъ объединенія края, подготовляя къ тому же народъ [4]). Не смотря на постигшую ихъ казнь, число людей ихъ образа мыслей со дня на день увеличивалось въ Украинѣ. Гетманъ Тетеря писалъ, что »у насъ между своими больше измѣнниковъ, нежели благонамѣренныхъ и доброжелательныхъ, больше приверженныхъ къ той (т. е. лѣвобережной партіи козаковъ и ихъ союзниковъ-великоруссовъ) сторонѣ; о малѣйшей вещи они извѣщаютъ непріятеля и безъ моего вѣдома уходятъ на Запорожье« [5]).

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, № 115. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражался: »чернь-де вся хочетъ, да начальные люди держатъ« Ibid. № 121, стр. 351.

[2]) Пам. К. Комм., т IV, 3, № XLII, а также XLIII. См. также донесеніе о томъ же Тетери. Ibid. № LI.

[3]) Акты Ю. и З. Р., т. VII, стр. 151—2.

[4]) Ibid. Таковы же, должно быть, были и тѣ, по выраженію лѣтописца, »*зичливіи отчизнѣ*« козаки-старшины, которые, въ минуту избранія Тетери въ гетманство, подавали предложеніе оставить »послушенство« польскому королю и подчиниться московскому государю. Вел., II, 36.

[5]) Пам. К. Комм., т. IV, №№ LXX.

Вмѣстѣ съ усиливающеюся на правомъ берегу Днѣпра всеобщею склонностію къ московской сторонѣ, въ видахъ объединенія Малороссіи, здѣсь въ тоже время, по мѣрѣ ухудшенія соціальнаго положенія Украины росла и укрѣплялась всеобщая народная ненависть къ старымъ врагамъ южно-русскаго народа—полякамъ, теперь еще разъ доказавшимъ свое вѣроломство и неуваженіе къ его правамъ. Среди козаковъ замѣчалось явное колебаніе и наклонность къ измѣнѣ королю [1]). Тетеря объяснялъ такое настроеніе ихъ тѣмъ, что войско раздражено неисполненіемъ со стороны поляковъ обѣщанія о возвращеніи православнымъ церквей [2]). Но не одна эта причина волновала тогда Украину (хотя безъ всякаго сомнѣнія и она имѣла въ этомъ случаѣ свое значеніе). На сцену снова выступала старая соціальная борьба южно-русскаго народа съ шляхетной Польшей, поднятая главнымъ образомъ Богданомъ Хмельницкимъ, но не приведенная имъ къ опредѣленному концу и еще болѣе запутанная и усложненная при его преемникахъ. Поляки своимъ поведеніемъ на Украинѣ какъ бы умышленно старались ускорить ея обнаруженіе. Первые симптомы грядущей борьбы сказывались уже во всеобщемъ настроеніи козаковъ и народа въ Украинѣ, не предвѣщавшемъ для поляковъ ничего хорошаго. Тетеря писалъ, что на правой сторонѣ Днѣпра даже между войскомъ почти столько же *дейнековъ*, сколько и по ту сторону [3]). Недоставало только, чтобы откуда-нибудь явилась необходимая въ такихъ случаяхъ инициатива—и зловѣщее настроеніе умовъ въ Украинѣ готово было разрѣшиться взрывомъ, весьма опаснымъ для тѣхъ, противъ кого онъ имѣлъ направиться. Такой починъ взялъ по себя Паволочскій священникъ, *Иванъ Поповичъ*.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ крайне неполныя свѣдѣнія о личности этого замѣчательнаго человѣка. Такой обстоятельный, напр., и вообще богатый въ отношеніи подробностей источникъ какъ лѣтопись Самуила Величка, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о лицѣ Поповича; другіе козацкіе лѣтописцы (Грабянка, неизвѣстный авторъ лѣтописи »Самовидца«) сообщаютъ объ этомъ человѣкѣ лишь вскользь и мимоходомъ; нѣсколько обстоятельнѣе разсказывается о немъ у одного лишь Іоа-

---

[1]) Донесеніе Тетери королю. Пам. К. Комм., т. IV, 3, № LXIII.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, № LXIV.

[3]) Пам. К. Комм., т. IV, № LXX.

хима Ерлича, въ его хроничкѣ. Собравши все, что можно найти въ названныхъ источникахъ и прибавивъ сюда тѣ скудныя указанія, какія заключаются въ современныхъ документахъ, мы получимъ такой, все еще далеко неполный, очеркъ оригинальной личности священника Ивана Поповича.

Иванъ Поповичъ [1]) былъ сынъ священника изъ м. Ходоркова. Во время войнъ Богдана Хмельницкаго онъ служилъ въ казацкомъ войскѣ и даже занималъ высшія войсковыя должности; такъ, въ 1645 г. мы встрѣчаемъ его исправляющимъ должность наказного полковника, во время похода козацкихъ полковъ въ Бѣлую-Русь, на помощь царскимъ войскамъ [2]). Въ гетманство Юрія онъ, не смотря на свою молодость, былъ уже настоящимъ полковникомъ въ Паволочи, заступивши мѣсто знаменитаго Богуна, перешедшаго на тотъ же урядъ въ Винницу. Трудно сказать, за неимѣніемъ болѣе полныхъ источниковъ, какое участіе принималъ Поповичъ въ той суматохѣ и крайне безпокойной горячей дѣятельности, какая выпала тогда на долю автономической партіи старшинъ, начиная съ составленія Гадячскихъ статей, продолжая Жердевской радой и Переяславскимъ договоромъ Юрія и окончивая событіемъ подъ Слободищами, равно какъ и вообще трудно сказать что нибудь опредѣленное о его политическихъ убѣжденіяхъ а также о его умственномъ и нравственномъ складѣ. Безспорно, кажется, одно, что Поповичъ скоро примкнулъ къ той упоминаемой уже нами небольшой партіи людей, которая по немногу образовалась изъ среды самихъ же козацкихъ старшинъ при Юріѣ Хмельницкомъ и яснѣе обозначилась въ моментъ из-

---

[1]) Настоящая его фамилія намъ не извѣстна. Поповичемъ же его звали, вѣроятно по его происхожденію изъ духовнаго званія: его отецъ былъ священникомъ Ierlicz, т. II, 75. Кстати замѣтимъ, что поступленіе Ивана Поповича въ военную службу, вопреки своему духовному происхожденію, было далеко неисключительнымъ явленіемъ въ тогдашней общественной жизни Малороссіи; напротивъ, это было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, при существовавшихъ тогда выборахъ на всѣ, какъ высшія, такъ и низшія церковныя должности и при полномъ отсутствіи всякой сословной изолированности и замкнутости людей духовнаго чина въ Малороссіи. Въ подтвержденіе этого достаточно будетъ указать на такой рельефный фактъ, что два сына кіевскаго митрополита Іова Борецкаго не только занимали должности въ козацкомъ войскѣ, но даже принимали участіе въ козацкомъ возстаніи подъ предводительствомъ Тараса Трясилы, гдѣ въ одной изъ битвъ подъ Переяславомъ съ поляками, одинъ изъ нихъ былъ убитъ. Лѣт. Львовск.., 270 (Льв. изд.)

[2]) Пам. К. Комм., т. Ш, 3, № XX.

бранія на гетманство Тетери [1]), — т. е. партіи людей, раньше другихъ понявшихъ нравственную неблагонадежность поляковъ и непрочность союза съ ними и потому дѣятельно стремившихся къ уничтоженію такого раскола и объединенію, при помощи запорожья, всей Малороссіи, подъ властію московскаго государя. Побужденіемъ для него въ этомъ случаѣ могла служить хоть бы и та особенность его внутренняго склада, которая такъ рѣзко бросается въ глаза при разсмотрѣніи дальнѣйшей дѣятельности Поповича: это именно его крайняя, почти органическая нерасположенность къ польской шляхтѣ и къ жидамъ, нахлынувшимъ въ Украину вмѣстѣ съ поляками [2]), нерасположенность, вытекавшая видимо, главнымъ образомъ, изъ національныхъ и еще болѣе изъ соціальныхъ его тенденцій, при явно демократическомъ складѣ его убѣжденій. Если мы теперь къ сказанному о Поповичѣ прибавимъ еще замѣчаніе о нѣкоторой эксцентричности, отличавшей его дѣйствія и свидѣтельствовавшей о необыкновенной живости его натуры, а также о той чисто рыцарской неустрашимости и честности въ виду безвыходности положенія, которая въ особенности рѣзко сказалось въ финальномъ актѣ его политической дѣятельности, то и получится приблизительно ясный очеркъ личности этого замѣчательнаго человѣка въ той полнотѣ въ какой дозволяютъ сдѣлать это имѣющіеся источники. Дальнѣйшій разсказъ о дѣятельности Поповича, надѣемся подтвердитъ и дополнитъ сказанное нами.

Поповичъ недолго подержался на урядѣ Паволочскаго полковника. Тотчасъ по избраніи на гетманство Тетери онъ былъ отданъ подъ судъ за то, что сносился будтобы съ царскимъ воеводой, сидѣвшимъ въ Кіевѣ, уговариваясь съ нимъ о подчиненіи московскому царю правобережной Украины, а главное, за свое неуваженіе къ польской шляхтѣ и за открытое воззваніе къ изгнанію дворянъ изъ Украины. Гетманъ приговорилъ его къ смерти; но, благодаря заступничеству митрополита, Діонисія Балабана, а также ходатайству бывшаго тогда уже чернцомъ Юрія Хмельницкаго и многихъ старшинъ, Поповичъ, въ уваженіе къ

---

[1]) Лѣт. Величка, т. II, 36.

[2]) Сравни Ерлича: »szlachtę znieważał i bijał« (т. II, 75) съ Граб: »разсмотрѣвъ, каковие пакости жиды и ляхи творятъ, паки пріятъ полковничество«... (Стр. 183) и Самов. »жидов казав усѣх выбити« (стр. 91).

его молодымъ лѣтамъ, былъ помилованъ съ условіемъ, что онъ поступитъ въ священники. Поповичъ, дѣйствительно, принялъ на себѣ священническій санъ. Но не прошло и полгода, какъ онъ снова появился на поприщѣ общественной дѣятельности. Онъ снова вступилъ въ сношенія съ московскимъ воеводой въ Кіевѣ и, заручившись обѣщаніемъ его помощи [1]), явился въ Паволочь, гдѣ, не смотря на духовный санъ, его снова выбрали полковникомъ. На этотъ разъ Поповичъ задумалъ произвести возстаніе въ такихъ размѣрахъ, чтобы оно могло окончиться поголовнымъ изгнаніемъ поляковъ изъ правобережной Украины и возсоединеніемъ ея съ лѣвобережьемъ, подъ властію одного гетмана и подъ верховнымъ правленіемъ московскаго государя. Для достиженія этихъ цѣлей онъ хотѣлъ, съ одной стороны, воспользоваться тогдашнимъ настроеніемъ народа и большинства козаковъ на Украинѣ, крайне враждебно расположенныхъ къ полякамъ и гетману, а съ другой,—разсчитывалъ на помощь лѣвобережныхъ козаковъ и въ особенности Сомка, съ которымъ онъ и вошелъ въ переговоры [2]). Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ Поповичъ нисколько не ошибся. Едва появился онъ въ Паволочи, какъ здѣсь въ туже минуту вспыхнуло возстаніе, начавшееся съ того, что народъ перебилъ всѣхъ находившихся въ городѣ поляковъ и жидовъ и ограбилъ многихъ богатыхъ мѣщанъ. Это событіе произвело громадное впечатлѣніе въ Украинѣ, и едва разошелся о немъ слухъ, какъ въ туже минуту возстаніе стало быстро распространяться. Къ Поповичу со всѣхъ сторонъ потянулись толпы народа, съ намѣреніемъ принять участіе въ возстаніи »по врожденной дерзости ко злу«, какъ объяснялъ Тетеря [3]). То были въ большинствѣ случаевъ люди, въ жизни которыхъ всего тяжелѣе отзывались недостатки современнаго гражданскаго и экономическаго строя общества. Разоренные, доведенные до крайней степени нищеты и убожества, безъ земли, безъ всякой собственности, а часто даже безъ семьи и крова, люди эти, естественно, не имѣли никакихъ побужденій дорожить общественнымъ спокойствіемъ и всегда рады были пристать къ тому, кто

---

[1]) По показанію Ерлича, у Поповича даже была какая-то грамота отъ царскаго имени, полученная имъ чрезъ воеводу кіевскаго (II, 75).

[2]) Лѣт. Граб., 183. Самов., 41.

[3]) Письмо къ королю: »do którey passim wszyscy cisnęli się *z wrodzoney do złego insolentiey.*« Пам. К. Комм., т. IV, 3, № LXXIII.

первый поднималъ знамя бунта, въ надеждѣ отомстить своимъ ближайшимъ притѣснителямъ и поживиться на счетъ ихъ собственности. Такіе люди всегда существовали и существуютъ во всякомъ гражданскомъ обществѣ, коль скоро въ соціальномъ и экономическомъ быту его замѣчаются неправильныя уклоненія: численность ихъ находится непремѣнно въ обратномъ отношеніи къ уровню общественнаго развитія страны и степени равномѣрности распредѣленія гражданскихъ правъ, а равно и источниковъ экономическаго благодѣнствія между всѣми слоями общества и даже между отдѣльными единицами, и потому можетъ служить вѣрной мѣркой уровня общественнаго благосостоянія страны во всякую данную минуту. Въ исторіи Малороссіи, благодаря дурнымъ гражданскимъ и экономическимъ порядкамъ, противъ введенія которыхъ южно-русскій народъ велъ безпрерывную и крайне упорную войну, что въ свою очередь служило источникомъ безконечныхъ волненій и общественныхъ бѣдствій,—численность означеннаго рода людей была постоянно велика, и участіе, принимаемое ими въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ своей родины, также было весьма значительно; мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ спеціальныхъ терминовъ, придуманныхъ для обозначенія людей означеннаго рода: »гультяи«, »своеволци«, »шалвѣрци«, »голота«, »дейнеки«, »нетяги« и пр. Начиная первыми крестьянскими возстаніями противъ поляковъ, въ концѣ XVI в., и оканчивая грозной катастрафой »коліивщины« и »гайдамаччины«, во 2-й половинѣ XVIII в., этотъ анархическій элементъ ни на минуту не оставляетъ своей роли въ исторической жизни южной Руси, нося въ себѣ постоянный протестъ противъ дурныхъ общественныхъ порядковъ въ странѣ и представляя изъ себя тотъ горючій матеріалъ, изъ котораго всякій разъ исходили столь частыя на Украины смуты и народныя возстанія [1]). Мы выдѣли уже участіе этихъ людей въ дѣлѣ Пушкаря, который составилъ изъ нихъ цѣлые *»дейнецкіе«* полки для борьбы съ Выговскимъ; тѣже *»гультяи«* должны были представить изъ себя готовый контингентъ и для организаціи отрядовъ, нужныхъ Поповичу въ минуту его возстанія противъ гетмана и по-

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что эти бездомные скитальцы »гультяи« всегда были самымъ любимымъ типомъ народнымъ въ Малороссіи. Это были вполнѣ *герои черни*. Въ южно-русскомъ козацкомъ эпосѣ мы весьма часто можемъ встрѣтить образы *»козака-голоты«* или, что все равно, *козака-нетяги*, видимо очерченные народомъ съ любовію и съ тщательностію во всѣхъ

ляковъ [1]). А какъ многочисленъ былъ такой анархическій элементъ, во время Поповича, объ этомъ легко составить приблизительное понятіе, если вспомнить то страшно бѣдственное положеніе правобережной Украйны, въ какомъ находилась она въ періодъ Юрія Хмельницкаго и Тетери, когда едва не половина ея жителей поневолѣ изображала изъ себя »*голоту*«.

подробностяхъ. Вотъ, напримѣръ, начало одной думы народной, спеціально воспѣвающей подвиги »*козака-голоты*:

»Ой полем—полем Килимським,
Та шляхом битим Гординським,
Ой там гуляв козак-голота.
Не боїться ні огня, ні меча, ні третего болота.
Правда, на козакові шати дорогійі
Три семирязі лихійі.
Одна недобра, друга негожа,
А третя й на хлів не згожа.
А ще, правда, на козакові постоли вязові,
А унучі китайчані—
Щирі жіноцькі рядняні;
Волоки шовкові—
У-двое жіноцькі щирі валові.
Правда, на козакові шапка-бирка,
Зверху дірка,
Травою пошита,
Вітром підбита,
Куди віе, туди й провіває,
Козака молого прохоложає«.

(Записки о Ю. Р., Куляши. Т. 1 стр. 15).

Въ указанной уже раньше нами думѣ *Ганжѣ-Андыберѣ* находится точь-въ точь такое же изображеніе *козака-нетяги* подъ видомъ котораго скрывался самъ гетманъ запорожскій. Но кромѣ того въ этой послѣдней думѣ есть одинъ стихъ, пріурочивающій типъ козака-нетяги къ тѣмъ *винникамъ, броварникамъ, наймитамъ*, участіе которыхъ мы видѣли въ дѣлѣ Пушкаря, подъ видомъ *дейнековъ*, и противъ которыхъ старшины козацкіе были такъ враждебно настроены, что въ Глуховскихъ статьяхъ. Многогрѣшнаго поставили условіе объ учрежденіи особаго полка для усмиренія этихъ »мужиковъ, будниковъ и винокуровъ« (Лѣт. Величка, т. II, 205). Вотъ этотъ стихъ:

»Десь цей козак-нетяга *по винницяхъ, по броварнях валявся*,
Опалився, ошарпався, обідрався,
До нас прийшов добувати,
А в иншу корчму буде нести пропивати«. (Зап. о Ю. Р. т. I, стр. 202).

[1]) Ермичъ, т. II, 76. »Do którego (Поповича) hultajstwo, co żywo, dowiedziawszy się, zewsząd kupić poczeło, napotém od miasteczka do miasteczka chodząc, kupę zbierając ludzi rożnych, kupców szarpając i zabijając..... ktory (Поповичъ) już miał téj swywoli więcéj tysiąca rozbojnikow«.

Опираясь на этотъ бездомный людъ, а также заручившись расположеніемъ большинства населенія своего полка, гдѣ его всѣ раньше знали, Поповичъ прежде всего занялся изгнаніемъ поляковъ-шляхтичей изъ ихъ имѣній на Украинѣ. Его отряды разошлись по всѣмъ окрестностямъ Паволочи, изгоняя и убивая шляхту вмѣстѣ съ жидами и грабя ихъ имущество [1]). Къ нимъ то и дѣло приставали новыя сборища, и возстаніе быстро охватывало окрестности. Испуганный гетманъ, а съ

Если въ глазахъ козацкихъ старшинъ эти *нетяги* и эта *голота* были небольше, какъ бунтовщики и нарушители общественнаго спокойствія, то въ глазахъ народа эти люди имѣли совсѣмъ иное значеніе. Иначе трудно объяснить то любовное отношеніе народа къ этимъ *нетягамъ*, которое ясно проглядываетъ въ южно-русскомъ эпосѣ. Очевидно, что не одна беззавѣтная удань, не одно молодечество и разгульная жизнь этихъ людей вызывала въ народѣ любовное отношеніе къ нимъ; нѣтъ, причины этихъ симпатій лежали нѣсколько глубже. Прежде всего *голота* и *нетяги* были близки сердцу народа потому, что народъ видѣлъ въ нихъ продуктъ тѣхъ же дурныхъ соціальныхъ и экономическихъ условій края, тяжесть которыхъ больно отзывалась въ его же собственной жизни. Въ самомъ уже комически-забавномъ описаніи наружности и костюма козака-голоты, какое мы указывали въ думѣ, среди юмора невольно слышится тонъ полный горечи и желчи по поводу тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться голякомъ и бездомнымъ скитальцемъ. Но не всякій пролетарій могъ стать героемъ народнымъ; чтобы сдѣлаться имъ, для этого требовалась извѣстная честность исхода въ виду тяжелыхъ условій жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ поведеніи человѣка, который виду безъисходности своего экономическаго положенія предпочитаетъ разорвать связи съ обществомъ, отказаться отъ семьи, отъ родныхъ, бросить свой домъ и подвергаться всѣмъ неудобствамъ жизни скитальца, лишь бы только сохранить свою независимость и широкую свободу,—въ поведеніи такого человѣка, повторяемъ, есть своя доля геройства. А такими именно и были южно-русскіи *голоты* и *нетяги*. Цѣною разрыва самыхъ дорогихъ для человѣка связей они пріобрѣтали себѣ возможность самаго неограниченнаго удальства, *козакованья*, и право риска въ такихъ дѣлахъ, на которыя никакъ не рѣшится человѣкъ, связанный житейскими условіями; въ самой думѣ говорится, что »козакъ-голота.

[1]) Брюховецкій на лѣвой сторонѣ Днѣпра писалъ къ царю въ Москву, »полковникъ Поволоцкій *вновь*, что при есть въ его полку *ляховъ* было и *старостъ и жидовъ, всѣхъ до единаго побивъ*«. Акты Ю. и З. Р., т. V, № 67.

нимъ и старшины, »вѣрные королю и Рѣчи-посполитой«, не могли, естественно, оставаться въ бездѣйствіи въ виду грозящей опасности. Они собрали козацкіе полки, а также часть орды и бывшіе подъ рукою польскіе отряды, и двинулись тушить мятежъ, возженный »поволоцкимъ попомъ«. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ гетманскими полками, Поповичъ былъ, наконецъ, осажденъ въ Паволочи. Его силы видимо оказывались недостаточными для борьбы съ гетманомъ. Подкрѣпленія изъ Кіева отъ московскаго воеводы не приходили [1]). Не оставалось болѣе надежды и на помощь со стороны Сомка: въ лѣвобережной Украинѣ въ эту самую минуту разыгралась Нѣжинская рада, и Сомко былъ арестованъ. Узнавъ объ этомъ, Поповичъ послалъ посольство къ Брюховецкому съ просьбой о помощи, а самъ, въ ожиденіи ея, напрягалъ послѣднія силы, выдерживая осаду противъ многочисленныхъ силъ Тетери [2]). Но Брюховецкому было не до того: онъ ходилъ въ упоеніи новопріобрѣтеннаго гетманскаго достоинства и измышлялъ способы для погубленія своего врага Сомка и арестованныхъ съ нимъ старшинъ. Поповичъ понялъ, что для него не было больше надежды ни на кого, и что положеніе его оказывалось вполнѣ безвыходнымъ. Выдерживать долѣе осаду казалось ему безполезнымъ; трудно было сопротивляться многочисленнымъ войскамъ гетманскимъ, и дальнѣйшее сопротивленіе могло лишь повести за собою разореніе города. Не желая довести дѣло до этого, Поповичъ вышелъ изъ города и самъ отдалъ себя въ руки Тетерѣ [3]).

»Не боїться ні огня, ні меча, ні третего болота«.

А ставши въ такое неуязвимое положеніе, люди эти смѣло объявляли войну противъ тѣхъ соціальныхъ и экономическихъ условій, которыя ихъ самихъ привели къ *гультяйству* и которыя продолжали тяготѣть подъ ихъ братьями—посполитыми крестьянами (что ясно сказывается въ думѣ о *Ганжѣ-Андыберѣ*). И вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, заключалась причина ненависти къ *голотѣ* и *нетягамъ* козацкой старшины и, вообще, богатыхъ людей и явныхъ симпатій къ нимъ простого народа.

[1]) »Только же оному (Поповичу) *не дало помочи з Кіева* и Сомка узять, на котораго мѣлъ надѣю«. Самов., 41.

[2]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 183.

[3]) Ерличъ не говоритъ о добровольной сдачѣ Поповича, а замѣчаетъ напротивъ, что онъ выданъ былъ Паволоческими жителями, не желавшими

Что бы яснѣе опредѣлить, какъ велико было возстаніе поднятое Поповичемъ (подробностей котораго не сообщаютъ существующіе источники) и какое громадное впечатлѣніе произвело оно на всю правобережную Украину, мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма Тетери къ королю, писаннаго тотчасъ по взятіи Поповича. «Меня, писалъ гетманъ, неожиданно застигло превращеніе домашнихъ овецъ въ хищныхъ волковъ, подавшее поводъ бѣшенному измѣнику попу поднять знамя бунта и погубить такъ много душъ человѣческихъ; оно разорило меня, разстроило мое здоровье и, къ довершенію бѣдствія, непрочное зданіе счастія Украины, нѣсколько уже возстановленное моими усиліями, снова рушилось до основанія. Ваша корол. милость легко изволите усмотрѣть, какъ много злыхъ соучастниковъ собралось при этомъ случаѣ. Кто только вникнетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи я находился со всѣхъ сторонъ, видя взволнованные умы своихъ же и не довѣряя даже самымъ вѣрнымъ людямъ и самимъ близкимъ совѣтникамъ, тотъ, я полагаю, долженъ признаться, что только особенное покровительство милости Божіей и отчасти помощь орды, находящейся въ Украинѣ, сохранили цѣлость Украинской твердыни, наклоненной уже къ паденію. Я долженъ признаться также, что на волоскѣ лишь висѣла самая жизнь моя, обреченная больше на смертную кончину, ненавистью враговъ, за мою же правоту и вѣрность»[1]). За то и расправа, какой подверженъ былъ человѣкъ, причинившій столько хлопотъ гетманскому правительству и пошатнувшій до основанія

болѣе сносить бѣдственность осаднаго положенія (II, 76). Но мы, зная шляхетскую тенденціозность Ерлина и его пристрастіе къ полякамъ, къ которымъ онъ причислялъ себя, не смотря на свое южно-русское происхожденіе и даже удержанную имъ православную вѣру, вправѣ болѣе довѣрять козацкимъ лѣтописцамъ, которыхъ никакъ уже нельзя упрекнуть въ демократическихъ тенденціяхъ, и изъ которыхъ одинъ (авторъ лѣтоп. Самов.) былъ тоже современникомъ описываемаго событія. А у нихъ опредѣленно разсказывается, что Поповичъ, крѣпко сопротивлявшійся Тетерѣ, пока надѣялся на подкрѣпленія со стороны Брюховецкаго, «потомъ, увидѣвши, яко весма надежди своея лишися, *не хотя сущихъ подъ областію его градовъ и въ нихъ живущихъ людей погубити, изійде самъ точно до Тетери гетмана небоязненно*». (Граб. 1 3). У Самовидца также говорится, что Поповичъ, «не хотячи мѣста згубити, здался» (стр. 41).

[1]) Пам. К. Комм., т. IV. 3 № LXXI.

»твердыню« шляхетскихъ порядковъ на Украинѣ, была возмутительно жестока. Съ тѣми изъ »гультяевъ«, которые подвизались подъ знаменами Поповича и были осаждены вмѣстѣ съ нимъ въ Паволочи (а ихъ было взято здѣсь болѣе тысячи), расправились коротко: »стрільбу і коні одібравши і опарпавши, кіями і обухами вибивши, живими пускають і дарують здоровьемъ« [1]). Но самого Поповича, а съ нимъ 15 человѣкъ его соучастниковъ, подвергли далеко не такому легкому наказанію. Мы не знаемъ точно судьбы этихъ 15-ти; вѣроятно они также были казнены. Что же касается самого Поповича, то участь его была крайне печальна.

Судъ надъ Поповичемъ тянулся нѣсколько мѣсяцевъ. Подсудимаго подвергали пыткамъ: стирали раскаленнымъ камнемъ темя на головѣ, прикладывали къ бокамъ раскаленное желѣзо и проч., и среди этихъ пытокъ снимали допросы. Во время допросовъ Тетеря удалялъ всѣхъ постороннихъ лицъ и даже палача и самъ записывалъ показанія Поповича. До насъ не дошли эти показанія, но вотъ что писалъ Тетеря къ королю, въ общихъ чертахъ сообщая о результатахъ допросовъ. »Число доброжелательныхъ (въ минуту возстанія), безъ всякаго сомнѣнія, было весьма небольшое, какъ о томъ свидѣтельствуютъ признанія умершаго разстриги (Поповича), посланныя канцлеру коронному. Они совершенно оправдываются, такъ что я обманулся именно въ тѣхъ, на которыхъ болѣе всего полагалъ надежду, считая ихъ нерасположенными къ нарушенію общественнаго спокойствія« [2]). По снятіи допросовъ и по

---

[1]) Ерлича, II, 76.

[2]) Памятн. Кіевск Комм. т. IV, 3, № LXXIII. Въ донесеніи королевскаго резидента при войскѣ запорожскомъ, Самуила Венеславскаго, также читаемъ »гетманъ видитъ теперь, какая опасность угрожала ему, когда попъ, взятый въ Паволочи, открылъ при пыткахъ, что многіе изъ старшинъ участвуютъ противъ него въ измѣнѣ и въ заговорѣ«. Ibid, № LXXII. Мы нисколько не отрицаемъ возможности участія въ дѣлѣ Поповича козацкихъ старшинъ, такъ какъ раньше уже замѣчали въ средѣ немногихъ изъ нихъ движеніе очень аналогичное съ тѣмъ, какое предпринялъ было и Поповичъ, что повело даже, какъ мы видѣли, къ нѣсколькимъ случаямъ казней при Юріи Хмельницкомъ. Но думаемъ, что число старшинъ-соучастниковъ Поповича, а равно и степень ихъ участія въ его дѣлѣ, вовсе не были такъ велики, какъ это представлялъ Тетеря,—и вообще мы не считаемъ возможнымъ довѣрять показаніямъ, записаннымъ Тетерей съ глазу на глазъ съ подсудимымъ. Тетеря могъ

окончаніи суда, Поповичу отрубили руки и ноги, а туловище оставили умирать медленною смертію; въ концѣ-концовъ и самый трупъ его былъ сожженъ [1]).

Несчастный исходъ возстанія Поповича нисколько не ослабилъ въ населеніи правобережной Украины тѣхъ стремленій, которыхъ онъ былъ только лишь болѣе рѣзкимъ и энергичнымъ выразителемъ. Стремленія эти продолжали развиваться и усиливаться въ краѣ, а вѣроятность ихъ осуществленія становилась тѣмъ болѣе осязательной, что на помощь имъ поднималось движеніе со стороны лѣвобережныхъ козаковъ. Брюховецкій, не подавшій помощи Поповичу въ критическую для послѣдняго минуту, не отказывался, однакожъ, отъ мысли возвратить правый берегъ Днѣпра подъ власть московскаго государя и такимъ образомъ подъ своимъ »рейментомъ« объединить Украину. Утвердившись вполнѣ въ гетманскомъ достоинствѣ и отдѣлавшись отъ своихъ враговъ, Сомка и его приверженцевъ, онъ рѣшился приступить къ осуществленію своихъ намѣреній относительно правобережья и въ этихъ видахъ двинулъ

писать совсѣмъ не то, что говорилъ Поповичъ: онъ могъ сочинять показанія отъ себя и тутъ запутывать въ дѣло возстанія всѣхъ лицъ, стремившихся къ автономіи и неприверженныхъ къ Речи-посполитой, а равно и тѣхъ, кто вообще почему либо не нравился ему. Впослѣдствіи Тетеря не разъ употреблялъ такой способъ, чтобы отдѣлаться отъ тѣхъ лицъ, которые почему либо казались ему опасными.

[1]) Ерличъ, т. II. 80—81. Въ заключеніе о Поповичѣ приведемъ здѣсь отзывъ, какой находимъ о немъ у одного изъ козацкихъ лѣтописцевъ, который, кстати замѣтимъ, по своимъ тенденціямъ не могъ вѣрно оцѣнить личность Поповича какъ демократа, но симпатизируетъ ему за его рыцарскія качества и за стремленіе къ объединенію Малороссіи. »Толико бѣ Поповичъ *мужъ храбръ*, яко аще не би Брюховецкій ускоривъ, Сомка зъ Васютою неповинно смерти преда, то би, кромѣ всякихъ злоключеній, *паки всю обще Украину подъ руку царскаго величества моглъ подчинити*. По истинѣ, аще би сіи два союзніи мужи: Поповичъ, глаголю, и Сомко далѣе пожили, то *могли би старого Хмѣльницкого дѣлемъ слѣдствовати*, понеже всегда мужественно въ обученіяхъ воинскихъ упраздняючися, не единою ляховъ Украинского господства желающихъ, татаръ же подъ видомъ братерства въ плѣнъ людей влачащихъ тако поражаху, яко отнюдь имъ исправитися не было возможно«. Граб. 183—4.

козацкіе полки къ Днѣпру, подъ Переяславъ [1]). Но прежде чѣмъ перейти Днѣпръ, Брюховецкій разослалъ по Украинѣ праваго берега нѣсколько универсаловъ, въ которыхъ приглашалъ мѣстное населеніе къ соединенію съ подвластнымъ ему краемъ и войскомъ низовымъ запорожскимъ. Чтобы подвинуть къ этому народъ, Брюховецкій, не ограничиваясь обыкновенными въ такихъ случаяхъ указаніями на то, что и вѣра православная въ правобережной Украинѣ терпитъ отъ ляховъ и уніатовъ преслѣдованія, и вольности козацкія попраны поляками, старается главнымъ образомъ придать своимъ универсаламъ характеръ воззванія къ борьбѣ за свободу народа, за интересы черни, и къ противодѣйствію измѣнническимъ намѣреніямъ правобережнаго гетмана и нѣкоторыхъ старшинъ. »Разсудите, ваши милости, милостивые паны, братья наши,—обращается онъ къ жителямъ правобережья: изъ за чего вамъ стоять за ляховъ и убивать себя за нихъ? Развѣ за *шляхетство и маетности*, которыя ляхи надавали старшинамъ, этимъ совратителямъ? И съ татарами не для чего желать вамъ дружбы! Ибо они наполнили свою землю вашими дѣтьми и женами и, какъ будто услуживая вамъ, лишали васъ хлѣба, имущества и скота. А всему этому виною нѣкоторые *безбожные старшины:* чтобы не потерять своего *панства,* они нанимаютъ орду, а угнетенный народъ доводятъ до гибели и нищеты«. [2]). Тетеря, и безъ того жаловавшійся не разъ королю на недоброжелательное »почти *звѣрское* расположеніе« къ нему всѣхъ на Украинѣ и невозможность удерживать болѣе въ вѣрности »умы непостоянные, колеблющіеся, какъ будто на льду стоящіе« [3]), теперь, въ виду грозившей опасности со стороны Брюховецкаго, терялся окончательно и не находилъ иного способа къ удержанію Украины подъ властію Польши, кромѣ прибытія сюда самого короля съ многочисленнымъ войскомъ. Вслѣдствіе этого гетманъ то и дѣло посылалъ письма, отправлялъ посольства въ Варшаву, всѣми средствами убѣждая короля »озарить Украину своимъ присутствіемъ«. »Невозможно,—писалъ онъ,—противостать сильнымъ козням заднѣпровскимъ и московскимъ черезъ тайныхъ посланцевъ; постоянно они оказываютъ свое вліяніе на эту сторону. Только прибытіе вашей королевской милости утвердитъ Украину въ дол-

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 41.

[2]) Памятн. Кіевск. Комм., т. IV, 3, №№ LXXX и LXXXI.

[3]) Ibidem № LXXIII.

жной непоколебимости повиновенія и неизмѣнной вѣрности« [1]). Настоятельныя просьбы Тетери были, наконецъ, уважены: король Янъ Казиміръ дѣйствительно предпринялъ походъ на Украину съ цѣлью утвердить ее въ надлежащей вѣрности и возвратить подъ власть Польши лѣвобережье. Подъ конецъ 1663 г. онъ вступилъ въ предѣлы Малороссіи и направился къ Днѣпру. Узнавъ объ этомъ, Брюховецкій принужденъ былъ оставить свои намѣренія относительно правобережья и отступилъ къ Гадячу [2]).

Почти всю зиму 1663—1664 г. польскій король прожилъ въ Малороссіи. Его присутствіе было полезно для Польши въ томъ отношеніи, что сдерживало существовавшее въ краѣ недовольство и, повидимому, утверждало всѣхъ въ надлежащей вѣрности королю и послушаніи гетману. Чтобы обезопасить такой порядокъ вещей и на будущее время, Тетеря, пользуясь присутствіемъ польскихъ войскъ въ Украинѣ, постарался извести всѣхъ лицъ, которые казались ему недостаточно преданными Речи-посполитой и опасными почему либо для него самого. Такъ арестованъ былъ, по обвиненію въ какихъ-то политическихъ замыслахъ, бывшій гетманъ Иванъ Выговскій, занимавшій тогда мѣсто кіевскаго воеводы, и затѣмъ разстрѣлянъ безъ всякаго суда въ Корсуни [3]). Такой же участи подвергся знаменитый сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, подольскій полковникъ Богунъ, предводительствовавшій во время похода короля польскимъ отрядомъ [4]), а равно и бывшій обозный, Носачъ [5]). Другіе, какъ напр. кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, генеральный судья Гуляницкій и бывшій гетманъ Юрій

---

[1]) Памятн. Кіевск. Комм., т. IV, 3, № LXXVI; см. также №№ LXXVII, LXXVIII, LXXIX.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, 42.

[3]) Ерличъ, т. II, стр. 89. Его обвиняли въ томъ, что онъ будтобы стремился къ тому, чтобы вновь сдѣлаться гетманомъ Малороссіи и подчинить ее власти турецкаго султана, въ какихъ видахъ поднималъ козаковъ къ возстанію, избіенію поляковъ въ Украинѣ и отнятію у нихъ имѣній. Памятн. Кіевск. Комм., т. IV, 3, №№ XC, XCI.

[4]) Богунъ былъ обвиняемъ въ расположенности къ лѣвобережнымъ козакамъ, противъ которыхъ воевалъ король, и намѣреніи отступить отъ поляковъ и передаться на ихъ сторону. Его разстрѣляли. Ерличъ, II, 90.

[5]) Памятн. Кіевск. Комм., т. IV, 3, № XCIII.

Хмельницкій, сосланы были въ Маріенбургскую крѣпость [1]). Что же касается военныхъ дѣйствій въ Малороссіи польскаго короля, то въ этомъ отношеніи ему не очень посчастливилось. Поляки успѣли взять нѣсколько незначительныхъ городовъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, но подъ Глуховомъ они встрѣтили упорное сопротивленіе тамошнихъ жителей и козаковъ и, въ виду наступавшихъ на нихъ пришедшихъ на защиту Украины многочисленныхъ великорусскихъ войскъ, вмѣстѣ съ полками Брюховецкаго, должны были отказаться отъ своихъ завоеваній и поспѣшно отступили въ Бѣлую-русь [2]). Такимъ образомъ этотъ послѣдній военный походъ поляковъ въ Малороссію оказался вполнѣ неудачнымъ.

А между тѣмъ выступленіе изъ Украины польскихъ силъ сразу же развязало руки всѣмъ, кто до сихъ поръ принужденъ былъ терпѣливо сносить общественное зло и не смѣлъ открыто выступить на борьбу съ нимъ. Поляки явно оказались безсильными,—и единственное побужденіе, доселѣ удерживавшее до извѣстной степени жителей Украины въ повиновеніи королю и гетману,—страхъ передъ силами поляковъ—теперь значительно поколебалось. Реактивное движеніе южнорусскаго народа, начатое Поповичемъ и задержанное приходомъ Яна Казимира, теперь вдругъ обнаружилось съ необыкновенною энергіей. Въ Украинѣ то и дѣло вспыхивали въ разныхъ мѣстахъ вооруженныя возстанія противъ гетмана и поляковъ. Таково, напр., было возстаніе, произведенное тотчасъ по уходѣ короля пѣхотнымъ козацкимъ полковникомъ *Сулимой* изъ Торговицы. Собравши въ уманскомъ полку нѣсколько тысячъ »голоты—хлопства«, Сулима съ помощію этого отряда взялъ Лисянку, овладѣлъ тамошними пушками и другимъ оружіемъ, затѣмъ

---

[1]) Лѣтоп. Самов., 44; Граб., 186—7. Надо замѣтить, что всѣ эти лица, подвергшіяся такому преслѣдованію со стороны Тетери, были наиболѣе выдающимися личностями среди партіи, стремившейся къ автономіи Украины. За исключеніемъ одного Тукальскаго, недавно возведеннаго въ санъ митрополита, всѣ они принимали весьма дѣятельное участіе въ составленіи статей Гадячскаго договора; чтожъ касается Тукальскаго, то энергичная дѣятельность его на пользу идеи самостоятельности Малороссіи сказалась нѣсколько позже, въ гетманство Дорошенка. Эти то автономическія стремленія и были главнымъ поводомъ къ преслѣдованію всѣхъ этихъ лицъ со стороны всецѣло преданнаго полякамъ гетмана Тетери.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, 42—44.

взялъ Ставища и двинулся къ Бѣлой-церкви [1]). Тетеря, съ помощію татаръ, жолнеровъ Маховскаго и шляхты-охотника, двинулся усмирять бунтовавшихъ и даже успѣлъ схватить самого Сулиму. Но на помощь возставшему населенію правобережной Украины шелъ въ это время Брюховецкій съ своими полками и ратями московскими. Вступая въ Украину, онъ снова разослалъ свои универсалы (адресуя ихъ спеціально къ *черни*), которыми призывалъ народъ склоняться на его сторону и, пользуясь »благопріятнымъ временемъ, помогать тѣмъ, которые воюютъ съ безбожнымъ Тетерей«, обѣщая съ своей стороны давать подкрѣпленія воюющимъ [2]). Населеніе отнеслось сочувственно къ этому призыву, и едва появился Брюховецкій на правомъ берегу Днѣпра, какъ въ туже минуту города и села безъ боя сдавались ему и охотно признавали его власть [3]). Въ Украинѣ поднялось, наконецъ, всеобщее народное возстаніе противъ поляковъ, со всѣми признаками соціальной войны. Шляхта, жиды, купцы и вообще богатые люди то и дѣло бѣжали на Волынь и въ Польшу, оставляя свои дома и имущества на произволъ судьбы [4]). Тѣ, кто неуспѣвалъ этого сдѣлать, подвергались насиліямъ со стороны крестьянъ, повсюду убивавшихъ своихъ помѣщиковъ и грабившихъ ихъ имѣнія [5]). Цѣлыя мѣстечка и села объявляли себя непризнающими власти поляковъ и отправляли посольства къ Брюховецкому съ изъявленіемъ покорности и просьбой защищать ихъ отъ польскихъ жолнеровъ и татарскихъ ордъ, помогавшихъ гетману Тетерѣ [6]). Народное волненіе особенно усилилось, когда въ правобережной Украинѣ появился съ отрядомъ запорожцевъ храбрый Сирко, герой и любимецъ толпы. Вотъ что онъ самъ доносилъ въ Москву о томъ пріемѣ, какой встрѣчалъ онъ во всей Украинѣ: »Оборотясь изъ-подъ Тягина, города турецкаго, пришелъ подъ городы Черкасскіе, и услыша меня Ивана Сирка, тогожъ часа, еще я съ войскомъ въ ихъ городъ не пришелъ, сами горожане учали Ляховъ и Жидовъ сѣчь и рубить, сдаючись

---

[1]) Лѣтоп. Самов., 44. Ерличъ, II, 87—88. См. также о бунтѣ Сулимы и его соучастника, калницкаго полковника Вареницы, Акты Ю. и З. Р., т V, стр. 154 и 162. Памятн. Кіевск. Коммисс., т. IV, 3, № XCI.

[2]) Памятн. Кіевск. Комм., т. IV, 3, № XCIII.

[3]) Лѣтоп. Самовидца, 45.

[4]) Ерличъ, II, стр. 88.

[5]) Ibid. стр. 91.

[6]) Ibid. стр. 91—2, 93, 95.

всѣ полки, козаки и все посполство, которые бѣды и неволю и мучительства отъ Ляховъ и отъ Жидовъ имѣли; чрезъ насъ, Ивана Сирка, къ вашему царскому величеству привращена вся Малая-Росія, надъ Богомъ и за Богомъ будучіе городы, а именно: Бряславской полкъ, Калницкой, Могилевъ, Рашковъ, Уманской повѣтъ до самаго Днѣпра отъ Днѣстра« [1]). Гетманъ Тетеря съ своей стороны жаловался королю на »упорство бунтующей *черни, которая держится Сирка*—орудія политики Московской« [2]). Но не одна чернь держалась Сирка; между правобережной старшиной мы также находимъ немало лицъ, дѣятельно помогавшихъ ему въ борьбѣ съ поляками. Таковы были: калницкій полковникъ Вареница, лисянскій Высочанъ, браславскій Иванъ Сербинъ и его преемникъ Дроздъ и др. [3]).

Силы гетмана и поляковъ оказывались недостаточными для усмиренія возставшаго края. »Никогда еще,—писалъ Тетеря въ Варшаву,—Украина не пылала такимъ страшнымъ бунтомъ, какъ теперь; раздуваемый со всѣхъ сторонъ, онъ разразился надъ моей головою. И Запорожье, и заднѣпровская вольница, и Сирко, и силами и сердцами соединившись съ Брюховецкимъ, подняли войну противъ величества его королевской милости, на гибель отечества. До такой степени заразили они города жаждою своеволія, что вразумлять ихъ можно только съ величайшими усиліями; обращать ихъ къ благоразумію—все равно, что выбивать его изъ камня. Тутъ необходимо пополнять недостатокъ силъ и быстротою движеній, для того чтобы въ разныхъ сторонахъ показать войско его королевской милости, и смѣлостію нападеній на большее число взбунтовавшейся черни« [4]). Дѣйствительно, польскіе вожди—сподвижники Тетери, воевода Чернецкій и полковникъ Маховскій изъ всѣхъ силъ работали надъ усмиреніемъ взволновавшагося края и производили чудеса храбрости и отваги въ этомъ отношеніи. Съ полками жолнеровъ и ордами татаръ, они разгуливали по всей правобережной

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 62, стр. 151. Тоже подтверждалъ и Касоговъ въ своемъ донесеніи въ Москву царю. Ibid. стр. 154, а также № 87, стр. 201.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3, № XCIV.

[3]) О *Вареницѣ* см. Ерличъ, II, 87. А. Ю. и З. Р. т. V, стр. 162. О *Высочанѣ*—ibid., т. VI, стр. 29 и т. V. 279. О *Сербинѣ*—ibid., стр. 248, 273. О *Дроздѣ* Лет. Самовидца, 47. А. Ю. и З. Р., т. VI, стр. 26, 35, 36 и пр.

[4]) Пам. Кіевск. Комм., т. IV, 3, № XCV.

Украинѣ, неожиданно появлялись въ разныхъ мѣстахъ, брали приступомъ непокорные города, разоряли ихъ и страшно карали жителей, подвергая ихъ иногда поголовному истребленію [1]). Но всѣ эти подвиги недостигали своей цѣли. Южнорусскій народъ стойко переносилъ самыя невообразимыя жестокости, тяжелый рядъ бѣдствій и употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы освободиться изъ подъ неволи польской шляхты и, въ соединеніи съ лѣвобережными братьями, пользоваться свободой, подъ покровительствомъ московскаго государя. На этотъ послѣдній мотивъ указывалъ и самъ Тетеря, когда писалъ королю, что »чернь слѣпо рада броситься въ московское рабство для того только, *чтобы не имѣть пановъ: она не хочетъ, чтобы они держали ее подъ своею властію и пользовались ея трудами*« [2]). Это-то исконное отвращеніе южнорусскаго народа къ неволѣ и экономическому гнету высшихъ сословій и было главнымъ побужденіемъ къ тому упорству, съ какимъ, по донесенію того-же Тетери, »вся почти Украина рѣшилась умирать за имя царя московскаго« [3]). Дѣйствительно, за исключеніемъ только трехъ городовъ, въ которыхъ, находились крѣпости, снабженныя польскимъ гарнизономъ: Чигирина, Корсуня и Бѣлой-церкви, все остальное населеніе правобережной Украины фактически не признавало надъ собою власти гетмана Тетери и вооружилось противъ поляковъ [4]).

Тетеря потерялъ, наконецъ, всякую надежду на приведеніе страны въ покорность королю. Онъ и самъ чувствовалъ себя не безопаснымъ посреди всеобщаго возстанія и постоянно мѣнялъ мѣста своего пребыванія. Послѣ того, какъ Сирко сдѣлалъ нападеніе на Брацлавъ и разграбилъ хранившееся въ этомъ городѣ имущество гетманское [5]), Тетеря не рѣшился оставаться далѣе въ Украинѣ и ушелъ въ Польшу. Украина около года оставалась безъ гетмана, пока въ 1665 г. на эту должность не былъ избранъ бывшій черкасскій полковникъ, Петръ Дорошенко.

---

[1]) Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ на Чигиринъ Черпецкій сжегъ с. Суботовъ, разрушилъ церковь, въ которой былъ погребенъ Богданъ Хмельницкій, и велѣлъ выбросить на улицу кости стараго гетмана и погребеннаго вмѣстѣ съ нимъ его сына Тимоша. Лѣтоп. Грабянки, 186 стр.

[2]) Пам. К. Комм., т. IV, 3. № XCVII.

[3]) Ibid., № C.

[4]) Лѣт. Самовидца, 45.

[5]) Лѣт. Самов. 44. Пам. К. К., т. IV, 3, № XCVI.

Съ этого момента положеніе дѣлъ въ правобережной Украинѣ быстро измѣняется и принимаетъ вдругъ совершенно обратное направленіе. Населеніе праваго берега Днѣпра, подчинившееся недавно лѣвобережному гетману Брюховецкому, мало-по-малу отстаетъ отъ него и признаетъ надъ собою власть Дорошенка. Такой неожиданный поворотъ въ событіяхъ на Украинѣ отчасти объясняется личными качествами новоизбраннаго правобережнаго гетмана, а отчасти и другими посторонними обстоятельствами. Дорошенко представляетъ собою весьма замѣтное исключеніе изъ ряда другихъ малороссійскихъ гетмановъ. Это былъ едвали не первый изъ правителей Украины, съумѣвшій возвыситься надъ личными и сословными интересами козацкихъ старшинъ и перепробовавшій всевозможныя средства, чтобы создать для своего народа сколько-нибудь сносное положеніе. Личность крайне способная и глубоко преданная интересамъ своего края, Дорошенко хорошо понималъ неспособность польскаго правительства честно выполнить свои обязательства по отношенію къ Украинѣ, а потому онъ ни въ чемъ не довѣрялъ Полякамъ [1]), и весьма скоро сталъ во враждебныя отношенія къ нимъ, разбивши на голову польскій отрядъ Маховскаго, подъ предлогомъ усмиренія грабившій и разорявшій украинскіе города [2]). Прибавимъ также, что Дорошенко обладалъ въ значительной степени военными дарованіями и замѣчательной энергіей въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Всѣ эти качества новаго гетмана невольно располагали въ его пользу народонаселеніе Украины, привыкшее видѣть доселѣ на гетманскомъ урядѣ лицъ крайне неспособныхъ, скоекорыстныхъ, служившихъ послушнымъ орудіемъ политики поляковъ,—тѣмъ болѣе, что надежды, возлагаемыя населеніемъ Украины на лѣвобережныхъ козаковъ Брюховецкаго и ихъ союзниковъ, московскихъ ратныхъ людей, явно оказывались тщетными. Въ послѣднее время у лѣвобережныхъ козаковъ видимо отпала охота продолжать войну на правой сторонѣ Днѣпра съ поляками и татарами, въ видахъ объединенія Малороссіи [3]). Самъ Брюховецкій тоже замѣтно охладѣлъ къ этому дѣлу. Послѣдній его походъ подъ Бѣлую-церковь окончился неудачно для незичливости къ нему

[1]) Акт. Величко, II, стр. 100.

[2]) Лѣт. Самовидца, стр. 48.

[3]) См. жалобу Григорія Касогова на старыхъ козаковъ, которые въ домахъ сидятъ, а на службу за себя высылаютъ наймитовъ, овчаровъ и малыхъ ребятъ. Акты Ю. и З. Р., т. V, № 63, стр. 158, 165 и пр.

всего войска,« какъ объясняетъ лѣтописецъ [1]), послѣ чего онъ бросилъ дѣло завоеванія правобережья и поѣхалъ въ Москву видѣть царскія очи и получить »нагороду« за свои усердные труды. Еще меньше можно было надѣяться на московскіе военныя отряды, остававшіеся на правой сторонѣ Днѣпра и помогавшіе козакамъ. Начальствовавшій этими отрядами, царскій стольникъ Григорій Касоговъ безпрестанно жаловался въ Москву на малочисленность бывшихъ въ его распоряженіи на Украинѣ великорусскихъ ратныхъ людей и на ихъ частые побѣги изъ войска, благодаря дурному содержанію и несвоевременному подвозу нужныхъ припасовъ [2]). А между тѣмъ возставшее населеніе Украины видимо изнемогало въ неравной борьбѣ съ поляками, татарами и гетманскими козаками, и въ Москву со всѣхъ сторонъ обращались съ самыми убѣдительными просьбами о помощи [3]). Такой помощи ниоткуда не приходило, и наиболѣе упорные города, какъ Брацлавъ, напр., должны были поневолѣ сдаться Дорошенку [4]).

Впрочемъ, не смотря на безуспѣшность попытки Брюховецкаго уничтожить расколъ между двумя частями Малороссіи, не смотря на вторичное обособленіе правобережья подъ властію отдѣльнаго гетмана, всеобщее стремленіе къ объединенію Малороссіи, сознанное самимъ народомъ и такъ рѣзко заявленное имъ въ минуту послѣднихъ волненій на правомъ берегу Днѣпра, продолжало и теперь существовать въ южнорусскомъ обществѣ. Мало того,—стремленіе это вступило въ новый фазисъ своего развитія и, въ лицѣ новоизбраннаго гетмана Дорошенка, пріобрѣло самаго равностнаго сторонника и поборника. Только, сообразно съ измѣнившимися окружающими условіями, и въ постановкѣ вопроса объ объединеніи Малороссіи произошли съ этой минуты нѣкоторыя измѣненія: если доселѣ лѣвобережная Украина служила какъ бы центромъ, тянувшимъ къ себѣ правый берегъ Днѣпра, то со времени Дорошенка роль эта переходитъ на долю правобережной Украины. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, въ чемъ выразилось это неожиданное превращеніе, и насколько Дорошенко оказался счастливѣе своего соперника Брюховецкаго въ дѣлѣ объединенія Малороссіи.

---

[1]) Лѣт. Величка, т. II, стр. 89.

[2]) Акты Ю. и З. Р., т. V, № 63; стр. 152—155, 158—162, 164—5.

[3]) Ibid. № 63; стр. 152, 155, 162. № 115 и 118.

[4]) Лѣт. Самовидца, стр. 47.

[illegible]

[illegible]

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
20	6	сверху	партія старшинѣ	партія старшинъ
27	6	—	гововисьмо	готовисьмо
45	3	—	на этомъ предметъ	на этотъ предметъ
81	3	—	цѣкави«	цѣкавий«
83	18	—	монашевство	монашество
86	9	—	Старшина городавая	Старшина городовая
—	2	снизу	Совершенно	совершенно
87	19	сверху	»все повернено въ жаръ«	»все повернено въ жартъ«
—	25	—	что — повыраженію лѣтописца	такъ что—по выраженію лѣтописца—
95	1	снизу	искала такой своей безопасности	искала тамъ своей безопасности
96	17	сверху	впушенному	вкушенному
—	22	—	которую оно не разъ доказало	которую онъ не разъ доказалъ
—	28	—	въ долгое время татары	въ недолгое время татары
—	34	—	въ большемъ сграхѣ	въ большомъ страхѣ
98	18	—	Въ палѣ 1663 г.	Въ началѣ 1663 г.
—	21	—	а такае	а также
—	33	—	искательства	искательства
101	31	—	*увѣченіи*	*цвѣченій*
102	30	—	посредствомъ народа	посредствомъ подкупа
103	18	—	»ово яко ляхомъ бяше,—	»ово яко ляхомъ прихиленъ бяше,—
—	41	—	равнодушіи	равнодушіе.
105	22	—	самаго	самого
107	25	—	*Иеанъ Поповичъ.*	*Иванъ Поповичъ,*
111	8	—	благодѣнствія	благоденствія
—	3	снизу	ыы весьма часто	мы весьма часто
—	1	—	во всѣыъ	во всѣхъ
112	35	сверху	въ Глуховскихъ статьяхъ. Многогогрѣшнаго	въ Глуховскихъ статьяхъ Многогрѣшнаго
—	40	—	До нас пряйшов	До нас прийшов
113	13	—	удань	удаль
—	25	—	виду безъисходности	въ виду безъисходности

113	30	сверху	южнорусскіи голоты	южнорусскіе голоты
—	34	—	»козакъ-голота.	»козакъ-голота
—	35	—	ч »полковникъ Поволоцкій	что »полковникъ Паволоцкій
114	4	—	»поволоцкимъ попомъ	»паволоцкимъ попомъ
—	12	—	въ ожиденіи ея	въ ожиданіи ея
—	21	—	Не жалая	Не желая
—	25	—	неуязвитое положеніе	неуязвимое положеніе
—	27	—	тяготѣть подъ ихъ братьями	тяготѣть надъ ихъ братьями
—	32	—	*недало помочи з Кіева* и Сомка узять,	*не дано помочи з Кіева* и Сомка узято,
—	1	снизу	Паволоческими жителями,	паволочскими жителями,
115	3	—	*изійде самъ точно до тетери*	*изійде самъ точію до Тетери*
125	24	сверху	равностнаго сторонника,	ревностнаго сторонника

БУБНОВСКАЯ СОТНЯ.

(М. А. Максимовича).

Статья II. *

V. ВРЕМЕНА БУБНОВСКОЙ-СОТНИ СЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДСКАГО ДО ПОСЛѢДНЯГО ГЕТМАНСТВА. (1708—1750).

Шведскимъ нашествіемъ и низложеніемъ Гетмана Мазепы, въ 1708 году, кончился прежній періодъ бытія Казацкой Украины, и начался новый, послѣдній, который я называю періодомъ «перемежающагося Гетманства». Онъ прекратился въ 1782 году, «преобразованіемъ» Малороссіи, изъ Полковъ и Сотенъ, въ Намѣстничества и Уѣзды.

Шведское нашествіе, въ ходу жизни Украины Казацкой, составляетъ событіе такоеже

* См. Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXIV, стр. 212—241.

деніе въ Лицеѣ съ января 1849 года особой каѳедры для спеціальнаго приготовленія воспитанниковъ Лицея къ службѣ по Министерству В. Д. По сношенію о семъ Его Высочества съ Министромъ В. Д., каѳедра эта поручена Статскому Совѣтнику *Я. В. Ханыкову*, Чиновнику Особыхъ Порученій при г. Министрѣ.

роковое и переломное, какъ для Украины Княжеской нашествіе Татарское. Какъ ни различны между-собою въ подробностяхъ эти два событія, и ихъ предпріимчивые совершители: Батый и Карлъ; но въ-отношеніи къ двумъ кругамъ жизни, пройденной Украиною, они соотвѣтственны другъ-другу.

«Шведського року несчастливого лѣта,
Не одна-то Христіянська душа безневинно пошла
зъ сёго свѣта!»

Такъ поминается въ Украинской «думѣ» то время: блистательное для Руси вообще—побѣдою Полтавскою, но несчастливое для Украины — тѣми опустошеніями, какія потерпѣла она отъ Шведской войны, которой была поприщемъ, отъ порожденнаго этою войною мора, и наконецъ отъ необычайнаго налета саранчи въ томъже 1710 году, съ началомъ котораго по всей Южной Руси разливалась изъ Полтавщины моровая язва. Къ этимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ присоединились тяжкія впечатлѣнія, невольно соединявшіяся съ позорною памятью измѣнника Мазепы: впечатлѣнія, которыхъ не могла загладить безпредѣльно вѣрная и покорная служба новаго Гетмана *Ивана Скоропадскаго.*

При-всемъ-томъ, Малороссія съ честью можетъ вспоминать, что она, въ это самое время, способствовавъ такъ много къ побѣдѣ Полтавской повсюднымъ истребленіемъ Шведа, доставила Великому Царю, создававшему новую

«обще-Русскую» жизнь изъ всѣхъ дотолѣ раздробленныхъ стихій ея, первѣйшихъ тогдашнихъ духовныхъ дѣятелей: Св. *Димитрія Ростовскаго*, Первосвятителя *Стефана Яворскаго* и краснорѣчиваго *Ѳеофана Прокоповича*. Съ этими свѣтильниками, при начатіи XVIII вѣка, Украина Казацкая вступила на поприще «обще-Русской» духовной дѣятельности, подобно тому какъ въ XIII вѣкѣ упадавшая Украина Княжеская передавала Русскому Сѣверо-Востоку лучшій цвѣтъ духовной силы своей: въ Св. *Симонѣ* Епископѣ Суздальскомъ — въ великомъ Митрополитѣ всея Руси *Кириллѣ II* — и въ златословесномъ сподвижникѣ его *Серапіонѣ* Архимандритѣ Печерскомъ. И до самаго конца своего, Украина Казацкая, можно сказать, первенствовала въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія Руси, расходясь во всѣ ея концы, и лѣторослями своей Кіевской Академіи, и множествомъ достойныхъ ея питомцевъ: отъ Св. *Иннокентія* (*Кульчицкаго*) Епископа Иркутскаго до *Георгія Конискаго* Архіепископа Бѣлорусскаго.

Съ воцареніемъ юнаго Петра-Втораго, выпадали воспоминанія старины на долю Украины, подъ управленіемъ доблестнаго семидесяти-лѣтняго воина *Даніила-Апостола*, выбраннаго въ Гетманы, послѣ перваго пятилѣтняго «между-гетманства» (1 октября 1727). При немъ Украинское Казачество потѣшилось опять войною съ Поляками (съ 1733 года), подъ начальствомъ старыхъ вождей своихъ: Генераль-

наго-Обознаго *Якова Лизогуба*[1] и Прилуцкаго Полковника *Игната Галагана.* Въ его же гетманство, и Запорожская Сѣчь, четверть-вѣка пропадавшая въ подданствѣ Татарскомъ, получила прощеніе (1733), и воротилась на Днѣпръ, чтобы съ честью послужить еще Православной Руси, и умереть на родномъ пепелищѣ, подобно своему Кошевому Атаману Костѣ Гордѣенку, который скитальцемъ пришелъ на рѣку Каменку, чтобы сложить буйную голову свою на Сѣчевомъ кладбищѣ (1730). Въ 1734 году, скончался маститый Гетманъ Апостолъ (17 января), и погребенъ въ сооруженной имъ каменной церкви въ сотенномъ городѣ Сорочинцахъ, незабвеннымъ современникомъ его, Кіевскимъ Митрополитомъ *Рафаиломъ Заборовскимъ.*

Послѣ того, Малороссійское и Запорожское Казачество, около пяти лѣтъ, дралось непрестанно съ Татарами и Турками, принимая жаркое участіе и въ знаменитыхъ побѣдахъ Очаковской и Хотинской. Но подъ лаврами, стяжанными тогда Минихомъ, на Украину налетали опять (въ 1738 году) и саранча и моръ, и унывала душа отъ домашнихъ страховъ. Къ-счастію, вскорѣ явилась на престолѣ

[1] Вышепомянутый (см. гл. III) Лизогубъ *Яковъ Кондратьевичь*, былъ Полковникомъ Каневскимъ, а подъ конецъ XVII вѣка, Черниговскимъ. Послѣ него Черниговскимъ Полковникомъ былъ *Ефимъ* Лизогубъ. Сынъ-же этого-послѣдняго, *Яковъ Ефимовичь*, былъ Генеральнымъ-Бунчужнымъ, а съ 1729 года Генеральнымъ-Обознымъ.

Всероссійскомъ благословенная Дщерь Великаго Петра... И зазвучала пѣснь Холмогорскаго пѣвца:

«Гряди, краснѣйшая денницы!
Гряди — и свѣтлостью лица,
И блескомъ чистой багряницы —
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое!»...

И дѣйствительно—настало златое, благодатное время тишины и довольства для всей неизмѣримой земли Русской, въ-особенности-же—для истомленной вѣковыми тревогами Украины. Эта-послѣдняя была, наконецъ, обрадована прибытіемъ самой Елисаветы въ «богоспасаемый Кіевъ» (въ 1744 году). Проводя здѣсь нѣсколько недѣль въ молитвенномъ поклоненіи святымъ мѣстамъ, миротворная Царица встрѣчала повсюду разцвѣтшую радость и любовь къ себѣ народа Украинскаго; и однажды сказала Она во всеуслышаніе: «Возлюби «мя, Боже, такъ въ Царствіи Небесномъ, какъ «я люблю сей благонравный и незлобивый на«родъ!» Церковь Андрея Первозваннаго, собственноручно заложенная Елисаветою (возлѣ того мѣста, гдѣ нѣкогда былъ теремный дворъ блаженной Ольги и нашего Солнца-Владиміра), составляетъ изящный памятникъ Ея незабвеннаго посѣщенія предѣловъ Днѣпровскихъ.

Въ ту пору торжественно встрѣчалъ и провожалъ по Малороссіи свою Царицу *Яковъ Ефимовичь Лизогубъ*. Возвращенный Украинѣ при Петрѣ-Второмъ, онъ былъ въ-продолже-

ніе пятнадцати лѣтъ представителемъ народа своего, и скончался въ Петербургѣ 25 января 1749 года, будучи тогда главою депутаціи о выборѣ Гетмана. Съ кончиною Якова Лизогуба пришла къ своему концу и Старая Казацкая Украина, доживая свой трудный вѣкъ въ мирной тишинѣ и счастливомъ довольствѣ, подъ великолѣпнымъ послѣднимъ гетманствомъ Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго (съ 1750 года).

Что было съ Малороссіей вообще, въ тѣ сорокъ два года, тому причастна была и наша *Бубновская-Сотня.* До 1740 года включительно, она безпрестанно выряжала Казаковъ своихъ въ походы: то на войну, то на земляную работу (на Ладогѣ, на Волгѣ, на Сулакѣ, на Линіи-Украинской). Въ сороковыхъ годахъ, Бубновскіе Казаки домовали и отдыхали, сторожа только свои пограничные форпосты, въ помочь драгунамъ Новотроицкаго и другихъ полковъ, квартировавшихъ въ тѣ годы на нашемъ Побережьѣ.

Послѣ смерти Сотника *Деркача* (1708), Бубновскими Сотниками были: *Михайло Прохоровичь* (до 1738) и *Өедоръ Василевичь* (до 1752). Мѣстопребываніе ихъ было уже не въ *Бубновѣ*, а въ *Прохоровкѣ*; почему сюдаже перемѣстился и «Сотенный *Бубновскій* Урядъ», съ 1735 года называвшійся «Сотеннымъ *Бубновскимъ* Правленіемъ»[2]. Это

[2] Къ-сожалѣнію, я не могъ дознаться, куда дѣвался архивъ этого Правленія. Впрочемъ, у здѣшнихъ жителей,

перемѣщеніе (которому поводомъ былъ великій разливъ Днѣпра въ 1709 году), послужило къ возвышенію Прохоровки и къ упадку *Бубнова*, который вскорѣ пересталъ быть «городомъ», и въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія считался уже «сотеннымъ мѣстечкомъ».

VI. СОТНИКЪ МИХАЙЛО ПРОХОРОВИЧЪ.

Въ прежнія времена наше Побережье считалось *Каневщиною*[3]; ибо, еще и при Хмельницкомъ, *Бубновская* и *Лѣплявская* Сотни, въ отношеніи гражданскомъ, принадлежали къ Повѣту *Каневскому*[4]. Этою принадлежностью

уцѣлѣло не мало подлинныхъ листовъ, выданныхъ изъ *Бубновскаго* Уряда. Они писаны по общепринятой тогдашней формѣ; на-примѣръ: «Року 1716 мѣсяца іюня 14 дня. «На Врядѣ нашомъ *Сотнѣ Бубновской* въ селѣ *Прохоровцѣ*, «предо мною Михаиломъ Прохоренкомъ Сотникомъ Бу«бновскимъ, Григоромъ Атаманомъ, и при Ивану Анти«пенку, Павлу Лесенку и при иныхъ Товариству, на тотъ «часъ прилучшихъ: представилъ намъ Честный Отецъ Да«ніилъ Фелиповичь, Священникъ нашъ Прохоровскій»... и т. д.

[3] Въ селѣ *Келеберды*, въ Троицкой церкви, понынѣ хранится Евангеліе (Виленской печати 1600 года), со вкладною надписью, что оно подарено въ эту *Келебердѣевскую* церковь въ *Каневщинѣ*, 1635 года, Запорожскимъ Казакомъ *Филипомъ Яковоничемъ*. Къ *Лѣплявской* Сотнѣ, кромѣ села *Келеберды*, принадлежали: сотенное мѣстечко *Лѣплявое* и деревня *Рѣшетки*.

[4] Такъ и въ слѣдующей надписи, на рукописномъ Евангеліи XVI вѣка, нѣкогда принадлежавшемъ Ильинской церкви въ Прохоровкѣ: «Я рабъ Божій *Мартинъ Курощупъ* и

усилена была сосѣдская связь нашихъ «побережанъ» съ Каневскими «тогобочцами» (то-есть За-Днѣпровцами). Казаки здѣшніе служили въ *Каневской* Сотнѣ; а Каневцы переходили къ намъ. Я разумѣю здѣсь прежнее, добровольное общеніе; а не то насильное переселеніе Заднѣпровцевъ, которое было послѣ Прутскаго договора, и названо «сгономъ». Тогда переселенные Каневцы водворились за Золото-

«зъ жоною своею Параскавеею, обуватель Каневскій и Козакъ «Его Царского Величества Войска Запорозького, надалъ сіе «книгу, глаголемую Евангеліе Напрестольное, до храму Святого «Пророка Иліи на селѣ *Прохоровцѣ* у повѣтѣ *Каневскомъ*, за «отпущеніе грѣховъ своихъ . . . року 1655 априля 1 дня.» Между-тѣмъ въ старинномъ «Помянникѣ» Каневской Преображенской церкви (переписанномъ вновь 1674 года, за стараніемъ Каневскаго Протопопа *Кирила Мужиловскаго*, Священникомъ Васильевской Каневской церкви *Стефаномъ Чупкою*) поминается «раба Божія Екатерина, вернувшися отъ Жидовства во Святую Христіанскую Вѣру, которая, поживши въ Христіанствѣ недѣль двѣ и три дни, мечемъ скончася отъ злосливаго *Мартина Курошупа*, року 1648 іюля 11.» То былъ годъ возстанія Украинцевъ, поднятаго Хмельницкимъ: Жидовка не нашла себѣ избавленія отъ казацкой руки даже и въ крещеніи! Сказанный Помянникъ или «Субботникъ», какъ надписано въ немъ рукою нашего Священника *Стефана Осиповскаго*, «по збуревію города Канева, отданъ въ село Прохоровку 1677 мая 3 числа.» Не ошибкою-ли поставленъ этотъ годъ? По-крайней-мѣрѣ изъ лѣтописей извѣстно, что городъ Каневъ былъ разоренъ въ сентябрѣ 1678 года. Писавшій Помянникъ, Священникъ *Стефанъ Чупка*, по разореніи Канева, перешелъ въ Переяславъ, и былъ Викаріемъ въ Соборной Успенской церкви, въ 1680 году, гдѣ Священниками тогда были: *Стефанъ Макріевичъ* и *Григорій Максимовичъ*. Викарные Священники въ Малороссіи были до 1775 года.

ношею, преимущественно въ Сотнѣ *Ирклѣевской* [5]; Днѣпръ сталъ разлучникомъ двухъ родныхъ половинъ Казацкой Украины, и правый берегъ его назвался *Польщею* [6].

Стародавнее общеніе Канева съ нашимъ Побережьемъ вспомянулось въ Запорожской-Сѣчи, когда воротилась она на Днѣпръ въ 1734 году: Бубновскіе Казаки тогда, поступая въ Запорожцы, приписывались обыкновенно къ «Товариству *Каневскаго* Куреня», нерѣдко были въ немъ Атаманами, и оттуда, по старому обычаю Казацкому, надѣляли здѣшнія церкви Евангеліями, Крестами и другими утварями, преимущественно серебряными. Такъ, на-примѣръ, Прохоровскій уроженецъ *Павелъ Фесуненко*, будучи Куреннымъ-Атаманомъ въ Сѣчи, поручилъ Сотнику Прохоровичу «справить» на престолъ Ильинской

[5] Здѣсь, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, до 1783 года, была Новая *Каневская* Сотня, которой не должно смѣшивать со Старою *Каневскою* Сотнею За-Днѣпровскаго Полка Каневскаго. Къ Новой *Каневской* Сотнѣ Переяславскаго Полка принадлежали села: *Великіе-Каневцы*, *Малые-Каневцы*, *Михайлѣтки*, *Крутки*, *Мельники*, *Ребвинцы* и *Ворониицы*, да хуторъ *Кононовичевъ*.

[6] Такъ и теперь еще, заднимъ числомъ, зовется у нашихъ степовиковъ «правая сторона Днѣпра». Въ «Книгѣ Большаго Чертежа» эта сторона называется — *Литовскою*, а у Боплана — *Русскою*, въ отличіе отъ лѣвой стороны Днѣпра, которая, и у Боплана, и въ «Книгѣ Большаго Чертежа,» зовется — *Московскою*, хотя она стала принадлежать къ Москвѣ уже послѣ. Вотъ примѣръ, какъ названіе мѣста не всегда выражаетъ дѣйствительную его принадлежность.

церкви Евангеліе въ зеленобархатной золоченосребряной оправѣ, которое и теперь тамъ находится [7]. На большомъ колоколѣ при той-же церкви прочтете надпись: «Року 1738 ав-«густа 20 дня, звонъ сей здѣланъ до храму «Святаго Пророка Иліи въ село Прохоровку, «коштомъ Сѣчового Атамана Куреня Коневска-«го *Павла Фесуненка*, за отпущеніе грѣховъ; а «стараніемъ пана *Дмитрія Прохоровича*.»

Въ Каневскомъ Полку, еще при Гетманѣ Богданѣ, поступилъ на службу Казакъ *Прохоръ*, прозваньемъ *Шинкаренко*. Схоронивъ первую жену свою, *Марью Лебедевну*, въ сотенномъ селѣ *Піяхъ*, онъ женился на другой женѣ, на Каневской казачкѣ *Иринѣ*. Къ началу Чигиринской войны онъ былъ уже Сотникомъ *Піевскимъ*, а подъ конецъ войны—Полковымъ-Асауломъ *Каневскимъ*; и въ этихъ чинахъ сталъ прозываться—*Кочмаренкомъ* [8].

[7] Это Евангеліе примѣчательно и по своему изданію, котораго не знали ни Сопиковъ, ни Кастеринъ: оно напечатано въ *Москвѣ* 1735 года.

[8] Извѣстія о родѣ Сотника *Прохоровича* взяты мною изъ старинныхъ актовъ, сохранившихся у потомковъ его: *Григорья Ивановича*, *Ѳедора Михайловича* и *Леонида Павловича* Прохоровичей. Изъ этихъ актовъ, два древнѣйшіе относятся къ 1662 и 1663 годамъ. Первый изъ нихъ декретъ Генеральныхъ Судей по жалобѣ Марьи Лебедевны Прохоровой на своихъ братьевъ:—«Року 1662 мѣсяца іюня дня четвер-«тагонадцять. Передъ нами Григоріемъ Лесницкимъ и Михай-«ломъ Радкевичомъ, Судями Войскъ Его Королевской Милости «Запорозкихъ Енеральными, постановившися очевисто обыва-«телка Пыевская, на имя *Марья Лебедевна*, зъ мужемъ своимъ

*

Извѣстно, что въ Чигиринскую войну, грозный Турецкій Султанъ Магометъ IV, освободивъ изъ семибашенной крѣпости *Юрія-Гедеона Хмельницкаго*, съ титломъ «Князя Малороссійской Украины», наслалъ его на Украину. По

«*Прохоромъ* ускаржали на брата своего рожоного Лашка Ле«беденка и на Тышка также рожоного брата другого, о позоста«лые добра отца ихъ небожчина Ивана Лебедя, то-есть о кгрун«та да дворы стоячіе въ Иржищевѣ и въ Стайкахъ, также и о «иншіе рѣчи рухомые... (и т. д.; въ концѣ-же)... А мы на тотъ «часъ владзы нашои сей декретъ ствердивши, для даня вѣры у «каждаго права и суду, при подписѣ рукъ нашихъ печать су«дейскій войсковый притиснуть росказали. Въ таборѣ подъ «Ходорковомъ. Року и дня вышей описанного. *Григорій Лесниц«кій*, *Михайло Радкевичь*, Судьи вышъ мененые рукою влас«ною.» — Второй актъ продажная запись: «Я Матвѣй Гарбузенко, «Козакъ Войска Его Королевской Милости Запорозскаго полку «Коневского, обыватель Процковскій, чиню явне и доброволне «зознаваю тимъ моимъ вечисто продажнымъ листомъ записомъ «вобецъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало теперъ и на «потомные часы: ижъ продалемъ ставъ и лѣсъ зъ сѣножатю.... «свое власное, нѣкому нѣвчомъ не пенное и не заведенное, «свободное мнѣ продавать, свадковымъ по небожчику тестю «моему належитое, подъ селомъ Піями, вышей Олешченкова «става лежачее, за рублей 86 (?), за золотыхъ 30, славетно«му *Прохору Шинкаренку* втожъ Козаку полку Каневского, «ему самому, жонѣ и потомкомъ его, на вѣчность продалемъ ... (и т. д.; а въ концѣ)... Для лѣпшои вѣры далъ той вечисто про«дажный листъ записъ съ подписомъ рукъ Пана Полковника Ко«невского и иншихъ Товариства и за притисненіемъ печати «полковое. Писанъ въ Каневѣ дня 16 ноября 1663. *Іоанъ Де«митренко* Полковникъ Войска Его Королевской Милости Запо«розскаго Каневскій. *Олихвѣръ Касяненка. Евхимъ Панченко*, «Асаулъ Полковый р. вл. *Михайло Копяковичь* Писарь Пол«ковый р. вл.» —

разрушеніи Чигирина, *Хмельниченко* (такъ звали *Юрія*) съ Татарами наступилъ на Каневщину: и городъ Каневъ съ монастыремъ, въ началѣ сентября 1678 года, потерпѣлъ страшное разореніе. Передовымъ Юрія, въ этомъ дѣлѣ, былъ другой такойже *Хмельницкій*, у котораго народъ отнялъ это имя и прозывалъ его *Яненкомъ* [9]. Къ приключеніямъ жизни безталаннаго сына Богданова видно не доставало еще, чтобы, въ нашествіе его на Каневъ, былъ замученъ Татарами тотъ святой мужъ, у котораго въ Каневскомъ-Монастырѣ былъ гостепріимный пріютъ ему, подѣломъ гонимому тогда со всѣхъ сторонъ. Нетлѣнныя мощи Преподобнаго Архимандрита *Макарія*, обрѣтенныя въ Каневѣ 1688 года 17 марта, перенесены были Казаками въ Переяславскую полковую церковь Св. Воскресенія, а оттуда, 8 ноября 1713 года, въ обновленный древній монастырь Михайловскій; по упраздненіи-же этого монастыря, онѣ пе-

[9] Изъ Кіевскихъ актовъ XVII вѣка, мнѣ достовѣрно извѣстно, что передъ *Василіемъ Ѳедоровичемъ Дворецкимъ*, бывшимъ долго въ званіи Кіевскаго Полковника (начиная съ 1659 года), былъ Полковникомъ Кіевскимъ *Павелъ Яновичь Хмельницкій*. Извѣстный въ исторіи *Яненко*, если не ошибаюсь, былъ сынъ его, служившій также вѣрно Богданову сыну, какъ Павелъ Хмельницкій служилъ Богдану. А что *Иванъ Яненко* былъ точно *Хмельницкій*, то видно изъ универсала Юрія Хмельниченка, посланнаго съ нимъ Иваномъ и съ Татарами въ Каневъ «изъ табору надъ Ирклѣевомъ, августа 23, 1678 года»: въ томъ универсалѣ онъ названъ «*Иваномъ Яненченкомъ Хмельницкимъ*».

ренесены, 4 августа 1786 года, въ Вознесенскій Переяславскій монастырь, гдѣ находятся понынѣ. [10]

[10] Есть два показанія о времени кончины Преподобнаго *Макарія*: по одному (которому слѣдовалъ *Максимовичъ* въ своемъ «Географическомъ Словарѣ», М. 1801, ч. I, стр. 949) она случилась въ 1678 году; по другому (которое принято въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, и основано, кажется, на рукописномъ «Житіи Преподобнаго», сочиненномъ въ позднѣйшее время), положена въ 1653 году. Я принимаю первое показаніе; ибо достовѣрно, что Каневъ разоренъ 1778 года, въ началѣ сентября. Разореніе Канева и Монастыря описано въ Лѣтописи сходно съ тѣмъ, какъ оно разсказано и въ Житіи: «Тогожъ часу отступивши отъ нашего войска часть войска Турецкого и Татаръ, пошовши зъ Яненкомъ подъ Каневъ, и Каневъ достали, и вырубали людей, и Каневъ спалили, и манастырь, гдѣ у церкви мурованой много люду подушили огнемъ Турки; а остатокъ черезъ присягу здалися Хмелницкому.» Съ этимъ сходится и извѣстіе Конискаго, что Хмельниченко проживалъ въ Каневскомъ-Монастырѣ у Архимандрита Макарія. Чтожъ касается до 1653 года, то разоренія Канева въ этомъ году не видно по Лѣтописямъ; да едва-ли оно и было. Притомъ же, въ «Житіи Преподобнаго Макарія» говорится о постриженіи его Митрополитомъ *Іосифомъ Тукальскимъ*, и объ опредѣленіи его въ Каневъ, за десять лѣтъ до кончины, Митрополитомъ Кіевскимъ *Кипріаномъ*. Послѣднее имя явная обмолвка; ибо, кромѣ знаменитаго *Кипріана* Серба, другаго Митрополита сего имени не было въ Кіевѣ; а *Іосифъ Тукальскій* поступилъ въ Митрополиты 1663 года, послѣ *Діонисія Балабана* (умершаго въ Корсунѣ 1 мая тогоже года), и скончался въ Чигиринѣ 1676 года. Итакъ вѣроятно, что Преподобный Макарій былъ отъ Митрополита *Іосифа* опредѣленъ въ Каневскіе Архимандриты; а постриженіе его въ монахи въ Печерской Лаврѣ, по расчисленію времени, можно отнести къ Митрополиту *Сильвестру*. Подобныя неточности хронологическія встрѣчаются нерѣдко въ историческихъ писаніяхъ о Южной-Руси. Вотъ,

Каневскій Асаулъ *Прохоръ*, по разореніи Каневщины, перешелъ на службу, въ Кіевскій Полкъ, Сотникомъ *Остерскимъ*. Впрочемъ не надолго: въ 1682 году его уже не было въ живыхъ [11]. Вдова *Ирина Прохорйха* воротилась въ Каневъ. Всему доброму учила она своего сына *Михайла*; но не успѣла выучить грамотѣ. Впрочемъ неграмотность въ тѣ времена не мѣшала надежнымъ Казакамъ быть Сотниками и даже Полковниками: и если разумному и мужественному Меньщикову, при Великомъ-Петрѣ, не нужны были ни родъ, ни грамота, чтобъ возвыситься до такого величія въ Русскомъ Царствѣ; то храброму си-

на-примѣръ «Лѣтописецъ Густынскаго Монастыря» (напечатанный въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Д.* 1848. кн. 8) — что́ за прекрасный памятникъ Южно-Русской старины: и по содержанію своему, въ которомъ есть любопытныя подробности, еще не бывшія въ ходу у писателей новаго времени; и по живому, теплому изложенію, въ которомъ иногда такъ и слышится отголосокъ древняго Нестора! Въ этомъ Лѣтописцѣ все взято изъ живаго устнаго преданія, и нѣтъ извѣстій вычитанныхъ; но зато есть въ немъ анахронизмы довольно примѣтные. Такъ посвященіе *Іова Борецкаго* въ Кіевскіе Митрополиты и другихъ лицъ въ Епископы, Патріархомъ Ѳеофаномъ, показано въ 1622 году: а оно было въ 1620; возведеніе *Исаіи Копысанскаго* на Митрополію Кіевскую показано 1633 года, а *Петра Могилы* — 1636: но Исаія сталъ Митрополитомъ въ 1631, а Петръ Могила въ 1633 году.

[11] Въ 1682 году Кіевскимъ Полковникомъ былъ *Григорій Карповичъ*, служившій до разоренія Чигиринщины Полковникомъ Чигиринскимъ; а Остерскимъ Сотникомъ — *Павелъ Дворецкій*.

ротѣ *Прохоренку* и Богъ велѣлъ быть въ тоже время главою Бубновской-Сотни. Служа въ ней рядовымъ Казакомъ, онъ отличился въ битвѣ подъ Полтавою, и тамъже назначенъ въ Бубновскіе Сотники; гетманскій-же универсалъ на то данъ ему уже 22 апрѣля 1716 года. Онъ правилъ нашею Сотнею тридцать лѣтъ безъ году; правилъ честно и безкорыстно: служилъ «не щадя здоровья и живота», и былъ съ своими Казаками во многихъ походахъ, за которыми тогда остановки не было, особливо въ тридцатыхъ годахъ, когда въ-слѣдъ за войною Польскою начались непрестанныя схватки съ Татарами въ походахъ Нагайскомъ, Крымскомъ, Подкарасевскомъ и другихъ. Въ послѣдній разъ Сотникъ Прохоровичь выступилъ въ походъ Поднѣстрянскій, весною 1738 года; тогда при немъ были: Сотеннымъ-Хорунжимъ — *Кирило Макаренко*, Сотеннымъ-Асауломъ — *Никифоръ Бадпка*; а въ Прохоровкѣ Наказнымъ - Сотникомъ оставался — *Алексѣй Петровскій*. Походъ Поднѣстрянскій извѣстенъ: Фелдьмаршалъ Минихъ ходилъ по лѣвому берегу Днѣстра, не рѣшаясь переходить на правый берегъ уставленный Турецкою силою, выхвалялъ въ своихъ реляціяхъ храбрость Генерала Августа фонъ-Бирона, и воротился въ Кіевъ ни съ чѣмъ. А между-тѣмъ много Казаковъ погибло тогда въ мелкихъ битвахъ съ Татарами и отъ моровой язвы. Въ первомъ сраженіи Казаковъ съ Татарами за Бугомъ, былъ

изрубленъ Сотникъ *Прохоровичь* [12], на рѣкѣ Кодымѣ, стольже смертельной для нашихъ Казаковъ, какъ была нѣкогда рѣка Каяла для нашихъ Князей. И въ «Суботникѣ» Прохоровской Ильинской церкви записали тогда память «раба Божого *Михайла*, Сотника Бубновского, сколотого отъ Татаръ на Кодымѣ, сего 1738 году, іюня 30 дня». Вдова Сотника, *Евдокія Григорьевна*, скончалась въ Прохоровкѣ 1747 года.

Изъ трехъ сыновей ихъ, остался въ отцовскомъ домѣ — меньшой *Дмитрій* [13]. Онъ началъ войсковую службу при отцѣ, съ 1730 года: въ отставку вышелъ 1757 года, въ чинѣ Бунчуковаго-Товарища; скончался въ 1761 году, будучи шестидесяти лѣтъ отъ роду. Служба прежнихъ Казаковъ тѣмъ отличалась отъ нынѣшней

[12] Такъ сказано въ аттестатѣ, выданномъ изъ Переяславской Полковой Канцеляріи, 22 іюля 1752 года, старшему сыну Сотника *Данилу Прохоровичу*, который началъ службу при отцѣ, въ 1708 году, «походомъ, какъ Кочубея и Искру потеряно»; былъ вмѣстѣ съ отцемъ и «подъ Полтавою, противъ Шведовъ, на подъѣздѣ»; а потомъ, въ 1710 году женился на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Кохновнѣ, получивъ за нею отъ тестя своего имѣніе на рѣкѣ Чумчакѣ (въ томъ числѣ «три дворища въ *городищѣ Чумчацкомъ*»). Съ 1735 года, *Данилъ Прохоровичь* служилъ въ чинѣ Значковаго-Товарища. Второй сынъ Сотника, *Антонъ Прохоровичь*, тоже былъ «Значковымъ-Товарищемъ», и служилъ «въ Сербахъ», то-есть въ Гусарахъ.

[13] Предковской дворъ свой съ колодяземъ въ Прохоровкѣ, на улицѣ шедшей отъ Ильинской церкви къ Днѣпру, *Дмитрій Прохоровичь* продалъ въ 1758 году Бубновскому Сотнику *Ивану Максимовичу*.

военной, что отбывалась обыкновенно на собственномъ коштѣ, и послѣ многихъ лѣтъ, или послѣ калѣчества, награждалась обыкновенно увольненіемъ отъ всякой повинности общественной, нерѣдко съ производствомъ въ чинъ. Такъ продолжалась, и тѣмъ кончилась служба *Дмитрія Прохоровича*, который былъ вторымъ изъ Казаковъ Бубновской - Сотни — въ чинѣ Бунчуковаго - Товарища (равнявшемся Премьеръ-Маіорскому) [14]: а первымъ изъ нихъ

[14] Вотъ абшитъ *Дмитрія Прохоровича*: — «Ея Императорскаго Величества Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войскъ Запорожскихъ Гетманъ, Дѣйствительный Камергеръ, Императорской Санктпѣтербургской Академіи Наукъ Президентъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Подполковникъ и обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ «Святыхъ Апостола Андрея и Александра Невского, такожъ «Полского Бѣлого Орла и Голстинского Святыя Анны кавалеръ, Россійской Имперіи Графъ Кириллъ Разумовскій. «Господамъ Генералнымъ Старшинамъ, Полковникамъ, Бунчуковымъ Товарищамъ, Старшинамъ Полковымъ и Сотникамъ, и всѣмъ кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется: «—Бунчуковый Товарищъ Димитрій Прохоровичь подалъ намъ «доношеніе, представляя о службахъ своихъ съ 1730 года въ «чину Значковыхъ Товаришей, а потомъ Хоружимъ Полковымъ «Переясловскихъ въ военныхъ походахъ и коммѣссіяхъ отправленныхъ, и что съ 1742 году будучи въ званіи Бунчуковыхъ «Товаришей, неоднократныи коммѣссіи отправлялъ зъ единаго своего домовства, не имѣя къ оному (по примѣру прочихъ Полковыхъ Чиновниковъ и Бунчуковыхъ Товаришей) въ «надачи двороваго награжденія, чрезъ что де пришолъ въ «нищету, такъ что и нужного препитанія лишается при старости лѣтъ своихъ, и службы войсковой и гражданской «опредъ отправлять не въ состояніи, просилъ о увольненіи его «отъ всѣхъ службъ нашего разсмотрѣнія; а яко, и по усмо-

въ этомъ чинѣ — былъ меньшой сынъ Сотника Дениса, *Андрей Деркачъ*.[16]

Старшій сынъ *Дмитрія* Прохоровича *Яковъ* служилъ въ Запорожской-Сѣчи; а меньшой *Иванъ* — въ *Бубновской*-Сотнѣ (съ 1758 года), сперва — Сотеннымъ-Писаремъ, потомъ — Сотеннымъ-Атаманомъ, и кончилъ службу вмѣстѣ съ жизнью, 1770 года, въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, будучи Сотникомъ *Пѣщанскимъ*. Въ Прохоровкѣ и теперь еще «тупаетъ» помаленьку девяносто-лѣтній правнукъ Сотника Михайла — *Григорій Ивановичъ*: живая, но уже

«трѣнію нашему, онъ Прохоровичъ за старостію къ отпра«вленію службъ является не въ состояніи: того ради призирая на оные его Бунчукового Товариша Димитрія Прохоровича долговременно отправленные службы и старость, его «Димитрія Прохоровича отъ всѣхъ службъ уволняемъ, и «предлагаемъ дабы Господа Генералные Малороссійскіе Старшины, Полковники, Бунчуковые Товариши, Старшины Полковые, Сотники и прочіе, до кого сіе принадлежитъ, о таковомъ нашемъ его Димитрія Прохоровича отъ всѣхъ службъ «уволненіи вѣдали; для чего и сей нашъ абшитъ за рукою «нашею и при печати нацѣоналной, данъ въ Глуховѣ 1757 го«ду іюля 10 дня. — Гетманъ *Графъ К. Разумовскій*.» —

[16] *Андрей Деркачъ*, во время Хотинскаго похода, былъ при *Глемязовской* Сотнѣ за Сотника; а потомъ находился въ заграничномъ отрядѣ Капниста, о которомъ будетъ упомянуто ниже (см. гл. VIII). Чинъ Бунчуковаго-Товарища получилъ онъ 1747 года, на двадцать-пятомъ году своей службы. Вѣкъ свой доживалъ онъ въ Бубновской-Слободкѣ, и скончался въ Сушкахъ 1763 года, на шестьдесятъ осьмомъ году отъ роду; а братъ его *Ѳедоръ* — въ 1745 году, въ чинѣ Значковаго-Товарища. Ихъ мать, вдова Сотника Дениса, *Агафія*, скончалась въ Бубновской-же Слободкѣ 7 января 1745 года.

забывчивая лѣтопись о послѣднихъ дняхъ *Бубновской*-Сотни [16]. . . .

Сотникъ *Михайло* сталъ называться *Прохоровичемъ* уже въ позднѣйшіе годы; а сперва обыкновенно звался онъ *Прохоренкомъ*. Такъ и въ надписи на одномъ изъ колоколовъ Ильинской церкви: «року 1622, зробленъ сей звонъ «за стараніемъ пана Сотника *Михайла Прохо-«ренка*, до храму Святого Пророка Иліи, въ се-«ло Прохоровку».

Вотъ исторія объ этомъ колоколѣ. Прохоровскій Казакъ *Романъ Косенко*, передъ смертью, лѣтомъ 1720 года, отказалъ свою «худобу» (то-есть имущество) на Ильинскую церковь, и поручилъ ее Пану Сотнику. Худоба Косенка состояла во 140 овцахъ, 5 коняхъ, 5 волахъ, да въ небольшой казацкой движимости; по продажѣ ея, сочтено было вырученныхъ денегъ «сто талярей безъ четырехъ зо-

[16] Состоитъ онъ въ чинѣ Коллежскаго Регистратора, съ 1802 года; а получилъ этотъ «основный чинъ» черезъ двадцать-два года службы, которую началъ въ 1780 году Полковой Переяславской Канцеляріи Канцеляристомъ; затѣмъ черезъ два года, въ чинѣ Значковаго-Товарища, поступилъ въ Переяславскій Казачій Полкъ; но за разформированіемъ этого полка въ Карабинерные, опредѣлился въ Золотоношскій Уѣздный Судъ; изъ него, въ 1796 году, перемѣстился въ Казенную Палату новооткрытаго тогда Намѣстничества Брацлавскаго; за упраздненіемъ-же этого Намѣстничества, въ слѣдующемъ году, помѣстился наконецъ въ самой Прохоровкѣ — къ дѣламъ Золотоношскаго Маршала Письмоводителемъ: въ каковой должности и обрѣтался до отставки своей, послѣдовавшей 1806 года.

лотыхъ» [17]. Прибавивъ къ тому своихъ денегъ, *Прохоровичъ*, въ 1622 году, вылилъ колоколъ. Такое распоряженіе Сотника въ дѣлѣ, относившемся къ церкви, Отецъ *Даніилъ* (Прохоровскій Священникъ) почелъ нарушеніемъ своихъ пресвитерскихъ правъ, и не принялъ колокола. Черезъ четыре года, сестра покойнаго Казака жаловалась въ Полковую Переяславскую Канцелярію, что Панъ Сотникъ не исполнилъ братняго завѣщанія; но Отецъ Даніилъ былъ непреклоненъ, и колоколъ оставался неповѣшеннымъ. Наконецъ участь его рѣшилась въ 1729 году, слѣдующимъ опредѣленіемъ Прохоровской «громады»: «Року 1729 мѣсяца мая 26. Предъ окон-«чаніемъ житія своего зъ сего свѣта, въ ми-«мошедшихъ годѣхъ, Романъ Косенко, житель «и товаришъ Прохоровскій, отказалъ субстан-«цію свою Пану Михайлу Прохоровичу Сотни-

[17] Для любопытства приведу здѣсь тогдашнюю цѣну. Овцы проданы по золотому; волы—по 10 и 11 золотыхъ; корова съ теленкомъ—за 3 копы; конь гнѣдый—за 41 золотый; 2 кобылы—по 11 копъ; 2 лошицы — по 7 копъ. Замѣтимъ изъ прочей худобы: *жупанъ блакитный* (голубой) проданъ Федору Кунашу — за 10 золотыхъ; *кафтанъ* — за 3½ золотыхъ безъ копѣйки; *убранье* (шаровары) — за 14½ шаговъ; *шабля*—за 18 шаговъ; *кульбака* (сѣдло)—Василю Красовскому за 3½ золотыхъ; *жукъ пороховый* — за 5 чеховъ; возъ—за копу, а двѣ кухвы—за полталяра. Изо 140 овецъ, 20 отдано было женѣ «небожчика» (покойника), 10 — пастуху, 4 зарѣзано на обѣдъ, а 2 съѣдены волками. Изъ тойже худобы выдали «горѣлки» на похороны и на обѣдъ золотыхъ за 15.

«ку Бубновскому; якую субстанцію врученную «спродовалъ; и за тые звонъ отмѣнилъ; а тыхъ «денегъ было талярій сто; а Пана Сотника также «у звонѣ денегъ сорокъ талярей; а отъ тыхъ «часовъ и по сію пору звонъ у коморѣ лежитъ, «за запрещеніемъ Отца Даніила Презвитора «Прохоровскаго; а нынѣ мы всѣ мѣщане Товароство и Посполитые усовѣтовали, дабы тотъ «звонъ былъ на звоницѣ; на що мы Товарист«во и Поспольство села Прохоровки повелѣваю«чи своей Старшинѣ Сотенной, и подписуемся.[18]»

VII. ПРЕСВИТЕРЪ ДАНІИЛЪ ОСИПОВСКІЙ, И ДРУГІЕ СВЯЩЕННИКИ БУБНОВСКОЙ-СОТНИ.

Отецъ *Даніилъ*—лицо самое замѣтное въ духовенствѣ Бубновской-Сотни. Онъ былъ казачій сынъ, и родился въ Прохоровкѣ предъ концемъ Іезуитскаго владычества надъ нашею Сотнею, именно въ 1645 году. Выросталъ онъ и учился грамотѣ во времена Хмельницкаго, а поступилъ въ войсковую службу во время

[18] Слѣдуютъ подписи: «Ктиторъ *Назаръ Демченко*, Атаманъ Прохоровскій *Прокопъ Самоненко*, *Романъ Борисенко*, *Олиферъ Гавриченко*, *Иванъ Антипенко*, *Грицько Сесько*, *Кузьма Курянъ*», и еще двадцатъ-шесть Казаковъ, съ прибавкою: «и при сихъ вышеписанныхъ Товариства и многихъ будучихъ при семъ Товариства старыхъ и молодыхъ свидѣтели». Затѣмъ подписи Посполитыхъ: «*Панько* Войтъ Прохоровскій, *Уласъ Федщенко*, *Матвѣй Носакъ*, *Тимко Кавалъ*, *Андрей Усъ*, *Иванъ Жукъ*», и еще восемь человѣкъ.

Дорошенково. Какъ человѣкъ грамотный, онъ дослужился въ Переяславскомъ Полку — Полковаго-Писаря: это званіе было немаловажное, ибо уравнено было съ Секундъ-Маіорскимъ чиномъ, тогда-какъ званіе Сотника считалось наравнѣ только съ чиномъ Ротмистра [19]. Но несмотря на свой полковой чинъ, *Даніилъ Филиповичь Осиповскій* не захотѣлъ продолжать войсковой службы; и въ 1692 году принялъ рукоположеніе, отъ Митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго, въ Пресвитеры *Прохоровской* Ильинской церкви. Этого конечно желали Прохоровцы; ибо, еще до поѣздки Даніила въ Кіевъ на посвященіе (1692 года 26 мая), Прохоровской Атаманъ *Иванъ Сыроватка* съ Товариствомъ отдали ему на церковь «сѣножать» на рѣчкѣ Ореховкѣ, прозванную *Поповымъ-Кутомъ*.

Отецъ Даніилъ былъ ревностный служитель своей церкви: содержалъ при ней исправно богадѣльню и школу; но въ тоже время требовалъ отъ всѣхъ прихожанъ непремѣннаго взноса ему «роковщины», состоявшей въ полчетверикѣ пашни; и когда, во время Шведщины, многіе селяне перестали исполнять этотъ «повинный датокъ», то строгій Пресвитеръ понудилъ ихъ къ тому универсаломъ Наказнаго-Полковника Степана Томары (1710 года авгу-

[19] Такъ и Сотникъ *Денисъ Деркачь*, въ пашпортѣ, данномъ ему изъ Швеціи 1707 года, отъ Русскаго Посла Ближняго-Стольника Андрея Измайлова, наименованъ *Ротмистромъ*.

ста 24). Крутой нравъ Даніила поставлялъ его иногда въ разладъ съ прихожанами; но это не охлаждало нисколько ихъ усердія къ церкви, которое во все время Даніилово явственно обнаруживалось. А Даніилово время при Ильинской церкви продолжалось шестьдесятъ-восемь лѣтъ, до кончины его 5 января 1760 года, когда ему самому было уже сто-пятнадцать лѣтъ отъ роду.

За полтора мѣсяца передъ тѣмъ (19 декабря 1759 года) скончался шестидесяти-двухъ-лѣтній сынъ Даніиловъ, Священникъ *Стефанъ*, рукоположенный Переяславскимъ Епископомъ Кирилломъ Шумлянскимъ (1721 года 30 января). Преемниками ихъ были внуки Даніиловы, сыновья Стефановы: *Петръ* (скончавшійся семидесяти-семи лѣтъ, 4 октября 1798 года) и *Моисей* (скончавшійся 1787 года 17 мая). Преемникомъ Петра былъ правнукъ Даніиловъ, *Иванъ Моисеевичъ Осиповскій*: онъ учился въ С.-Петербургской Академіи, и по выходѣ изъ ней поступилъ было въ военную службу, въ Новороссійскомъ-Краѣ; но въ 1797 году покинулъ ее, и поступилъ въ Священники Прохоровскіе, женясь тутъже на дочери Войсковаго-Товарища Шаркевича, Агафьѣ Григорьевнѣ. При немъ началъ здѣсь священство и меньшой сынъ его *Михаилъ*, въ 1834 году. [20]

[20] Отецъ *Иванъ* уже болѣе десяти лѣтъ не служитъ, представляя собою живую развалину. При семидесяти-семилѣтнемъ старикѣ, около двадцати-пяти лѣтъ уже находится

Съ такимъже преемствомъ, при церкви Никольской, въ *Бубновской-Слободкѣ*, долго велись Священники изъ рода *Терлецкихъ*, водворившагося въ XVII вѣкѣ на нашемъ Побережьѣ. Въ 1762 году скончался въ Слободкѣ *Іоаннъ Васильевичь Терлецкій*, старикъ осьмидесятидвухъ лѣтъ, долго бывшій здѣсь Настоятелемъ[21]. Его мѣсто заступилъ сынъ его *Θеодоръ*, бывшій при немъ (съ 1755 года) Діакономъ. Преемниками Θеодора Терлецкаго были: внукъ Іоанновъ *Трофимъ*, учившійся въ Кіевской Академіи (сконч. 1822 года), и правнукъ *Арсеній* (съ 1823 года).

Подобно тому, и въ мѣстечкѣ *Пѣщаной*, при Троицкой церкви, издавна служатъ Священниками потомки Крапивянскаго Полковника *Филона Джеджелѣя*, сподвижника Богдана Хмельницкаго. Въ 1751 году скончался тамъ

старшій сынъ его *Яковъ Осиповскій*, бывшій однимъ изъ первыхъ богослововъ въ Переяславской Семинаріи, но обезумѣвшій во время своего ученія въ Кіевской Академіи.

[21] Въ тоже время братъ Іоанновъ, *Михаилъ Васильевичь Терлецкій*, былъ Священникомъ при церкви Троицкой въ Келебердѣ: тамъ онъ, будучи еще Викаріемъ, въ 1733 году написалъ «Помянникъ». Настоятелемъ въ ту церковь посвященъ, въ 1734 году, *Θеодоръ Гречка* (отецъ знаменитаго Переяславскаго Протопопа *Стефана Гречки* или *Гречины*, товарища и друга Украинскаго мудреца *Сковороды*); а по перемѣщеніи Отца Θеодора въ Переяславъ, въ Келебердѣ остался Настоятелемъ Отецъ Михаилъ Терлецкій. При немъ, въ 1744 году, Лѣплявскій Сотникъ *Василій Лазаревичь* построилъ нынѣшнюю Троицкую церковь, освященную 1748 года 16 февраля.

Отецъ *Θеодоръ Джеджелѣй*, бывшій Духовникомъ нашихъ Священниковъ. На его мѣстѣ остался сынъ его, тоже *Θеодоръ*, прозвавшійся *Жежелёвскимъ*; потомъ внукъ *Василій* (зять Прохоровскаго Отца Петра); наконецъ правнукъ Θедоровъ *Константинъ*, который донынѣ тамъ служитъ, исполняя и должность Духовника Священниковъ, подобно прадѣду. [22]

[22] Въ воспоминаніе объ Отцѣ *Θеодорѣ Джеджелѣѣ* и объ *Іоаннѣ Терлецкомъ*, приведу слѣдующую Архіерейскую Грамату, найденную мною у *Арсенія Терлецкаго*: — «Божіею Милостію « Смиренный *Никодимъ* Епископъ Переяславскій и Бориспольскій. — Всечестному Священнику Бубновской-Слободки *Іоанну* « *Терлецкому*, Божіе благословеніе препосылая, предлагаемъ: « — Настоящаго 1751 года априля 22 дня, Протопопъ Золотоношскій Василій Петрашевичь доношеніемъ Намъ представилъ, что Намѣстніи Пѣщанской Священники, на мѣсто « умершаго ихъ Духовника Священника Троицкаго Пѣщанскаго *Θеодора Джеджелѣя*, желаютъ васъ быть у нихъ « Духовникомъ, и просили нашего зъ подтвержденіемъ благословенія. Того ради, по данной Намъ отъ Бога власти, « желая всякаго въ Духовенствѣ благочинія, опредѣляемъ « васъ на прошеніе Священниковъ Намѣстніи Пѣщанской Духовникомъ, и вручаемъ власть вязати и рѣшити, съ правильнымъ разсужденіемъ; неудобже разсудительныя, ниже « раздрѣшительныя вины, къ разсужденію и разрѣшенію Намъ « приносити: и то Я, Намѣстніи Пѣщанской всѣмъ Священникамъ, Вѣкаріямъ и Діаконамъ, якъ найчастѣе исповѣдію передъ вами совѣсть свою очищать; къ иномуже Духовнику, « презирая своего приходити (кромѣ нужды), пастирьско запрещаемъ. Сего для на Духовенство вамъ дана сія Наша « Архіерейская при печати Граммата, изъ Каѳедры Переяславской. Априля 23 дня 1751 года. — Вышеименованный Епископъ *т. р.* — Быти по оному утверждаемъ: *Гервасій* Епископъ Переяславскій. »

Разумѣется, что *Жежелевскіе*, какъ потомки такого Полковника, котораго еще Богданъ Хмельницкій передъ смертію своею предлагалъ для выбора въ Гетманы, пользовались правами Малороссійскаго Шляхетства. Равно и *Даніилъ Осиповскій*, съ принятіемъ Священства, не лишался съ своимъ потомствомъ тѣхъ правъ, какія пріобрѣлъ онъ званіемъ Полковаго-Старшины. Притомъ-же, Духовный Чинъ, и самъ-по-себѣ, по силѣ тогдашнихъ постановленій равенъ былъ въ правахъ съ Чиномъ Шляхетнымъ. Малороссійское Духовенство, неся великій уронъ отъ Католичества и Уніи, вознаграждалось и пополнялось изъ другихъ сословій, не только изъ Мѣщанъ и простаго Выборнаго Казачества, но также изъ Войсковой-Старшины, изъ Шляхетства и родовъ Княжескихъ. Извѣстно каждому, на-примѣръ, что Святитель *Димитрій Ростовскій* былъ сынъ Макаровскаго Сотника Саввы Туптала, а другъ его Митрополитъ *Стефанъ Яворскій* — сынъ Шляхтича Волынскаго; Епископъ Луцкій и Острожскій *Аѳанасій*, помогавшій отрядамъ Хмельницкаго ратоборствовать на Волыни, былъ Русскій Князь *Пузына*, а Митрополитъ Кіевскій *Гедеонъ* — Князь *Четвертенскій*, потомокъ Св. Владиміра. Восполненіемъ своимъ изъ всѣхъ сословій, а вмѣстѣ и просвѣщеніемъ своимъ (о которомъ прилагалъ такое попеченіе достопамятный *Петръ Могила*, покинувшій военную службу и Княжеское достоинство для

подвиговъ Пастырскихъ), Духовенство Малороссійское въ-продолженіе XVII вѣка возвысилось на такую степень, что уже и послѣ новаго порядка, установившагося съ 1728 года, еще и въ царствованіе Екатерины-Второй, считалось первымъ сословіемъ народа, по тогдашнему понятію Малороссійскому. Это можно видѣть, между-прочимъ, изъ «Краткаго Извѣстія о Малой Россіи» [23], которое въ 1773 году издалъ особою книжкою и посвятилъ Графу П. А. Румянцову извѣстный писатель *Василій Рубанъ*, внукъ нашего Сотника Михайла Прохоровича. [24]

Времена переходчивы: и въ нынѣшнемъ вѣкѣ многое, и въ жизни, и въ понятіяхъ, отмѣнилось отъ того, что̀ продолжалось въ вѣка̀ прежніе. Въ Украинѣ Казацкой, чины: Духовный и Мірской, были такъ близки другъ-къ-другу, что можно было одному и томуже лицу быть

[23] Это «Извѣстіе о Малой Россіи», найденное въ спискѣ между бумагами Миллера, напечатано въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Д.* 1846. № 4, какъ сочиненіе Миллера, еще неизданное. Есть нѣкоторыя небольшія отмѣны въ этомъ спискѣ: у Рубана, на-примѣръ, сказано: «Народъ Малороссійскій раздѣляется нижеслѣдующимъ образомъ: въ 1 классѣ—Духовный Чинъ, во 2—Шляхетство» и т. д.; у Миллера переправлено такъ: «Народъ Малороссійскій раздѣляется на нижеслѣдующія состоянія: Шляхетство, Духовный Чинъ», и т. д.

[24] Дочь *Михайла Прохоровича*, помнится *Агафья*, была за Войсковымъ-Товарищемъ *Григорьемъ Васильевичемъ Рубаномъ*, жителемъ села Каневцовъ. Тамъ 14 апрѣля 1738 года, былъ у нихъ на прощаньѣ Сотникъ Прохоровичь, идучи въ походъ Поднѣстрянскій, изъ котораго уже не вернулся.

Священникомъ, и вмѣстѣ Войсковымъ-Старшиною, Шляхтичемъ, или Княземъ. Извѣстенъ Паволочскій Полковникъ *Иванъ Поповичъ*, который изъ Полковниковъ сталъ Священникомъ, а въ 1662 году, въ смутное гетманство Брюховецкаго, опять взялся за Полковничество. Во время нашествія Шведскаго, Новгородъ-Сѣверскій Протопопъ *Лисовскій* получилъ отъ Петра-Перваго званіе Сотника Новгородъ-Сѣверскаго, и, не лишаясь бороды, являлся народу, то въ ризахъ и съ крестомъ, то съ саблею. Но самое торжественное явленіе тогдашней взаимности между Духовенствомъ и Казачествомъ было 1790 года 18 ноября, въ Печерской-Лаврѣ, въ которой издревле всѣ сословія Руси уравнивались въ одну Христіанскую братію: я разумѣю здѣсь тотъ достопамятный выборъ въ Печерскіе Архимандриты, которымъ Лаврская Братія внезапно и единогласно почтила Войсковаго-Судью *Михайла Вуяхевича*, «яко вдовствующаго, благочестива-«го и сѣдинами украшеннаго мужа» [25].

VIII. СОТНИКЪ ѲЕДОРЪ ВАСИЛЕВИЧЪ.

На мѣсто Сотника Прохоровича, въ концѣ 1738 года поступилъ *Ѳедоръ Василевичъ*, по опредѣленію Генеральной Войсковой Канцеля-

[25] Подробно описанъ этотъ выборъ въ *Описаніи Кіево-печерской-Лавры*, изданномъ Митрополитомъ Евгеніемъ, 1831 года, въ Кіевѣ.

ріи, которой Предсѣдателемъ тогда былъ добрый правитель Малороссіи, *Александръ Ивановичъ Румянцовъ.* [23]

Ѳедоръ Василѐвичъ поступилъ въ Сотники уже на двадцать-седьмомъ году своей службы, въ чинѣ Бунчуковаго-Товарища, котораго тогда никто еще не имѣлъ въ нашей Сотнѣ. Онъ былъ сынъ Лубенскаго гражданина *Василя Леонтьева* или *Левоненка*, служившаго Компанѣйскимъ Полковымъ-Писаремъ [27]. Службу свою началъ въ Лубенскомъ Полку 1711 года, еще при Полковникѣ *Василѣ Савичѣ*; и былъ во многихъ походахъ, начиная съ Самарскаго, когда Казаки ходили разорять свои же крѣпости на Днѣпрѣ, въ-слѣдствіе Прутскаго договора. Былъ потомъ и на Сулакѣ съ 1723 года, вмѣстѣ съ Полковникомъ *Андреемъ Марковичемъ*, работая тамъ около двухъ лѣтъ надъ Крѣпостію-Св.-Креста.

[23] Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія о *Ѳедорѣ Василѐвичѣ* заимствованы изъ записей, хранящихся у правнуки его *Елены Ѳедоровны Каневской.*

[27] Славетный Панъ *Василь Леонтьевичь*, гражданинъ Лубенскій, 1698 года купилъ у Ирклѣевскаго жителя Семена Балабана хуторъ на рѣчкѣ *Буромкѣ*; а обыватели Горошинскіе, въ 1697 году, отдали ему луку вольную на тойже рѣчкѣ, *Буромскою-Долиною* называемую, зато что онъ «на Спаскую Горошинскую церковь справилъ разные аппараты, и дворище *Романовское* съ каморкою на рынкѣ отдалъ, и еще пять копъ грошей». Это владѣніе за нимъ утверждено было въ 1697 году универсаломъ Лубенскаго Полковника Леонтія Свѣчки, и въ 1710 году универсаломъ Гетмана Скоропадскаго.

Въ 1728 году, Василѐвичь былъ съ Гетманомъ Апостоломъ на коронаціи Петра-Втораго въ Москвѣ, гдѣ они (7 апрѣля) угощали юнаго Императора великолѣпнымъ пиромъ.

Въ 1733 году, нашъ воинъ, бывшій уже Бунчуковымъ-Товарищемъ, выступилъ въ Польскій походъ, подъ командою Якова Лизогуба; а когда этотъ-послѣдній Наказный-Гетманъ, за смертью Гетмана Апостола, воротился въ Малороссію, то Василѐвичь поступилъ въ команду Генерала Измайлова, и пробылъ въ Польшѣ два года съ половиною, командуя Полтавскимъ Полкомъ, за смертью Наказнаго-Полковника Полтавскаго. Воротясь послѣ-того въ Малороссію, онъ, въ 1736 году, занятъ былъ въ Переяславскомъ Полку постановкою верстъ, починкою гатей и другихъ переправъ, для свободнаго перехода Русской арміи. Въ тотъ походъ онъ и самъ ходилъ потомъ подъ командою тогоже Генеральнаго-Обознаго Лизогуба, съ которымъ былъ также и на знаменитомъ штурмѣ Очаковскомъ.

Въ слѣдующемъ 1737 году, Василѐвичь находился при Князѣ Мещерскомъ въ мѣстечкѣ Манжелеѣ, для прикрытія границъ; а къ началу зимы поступилъ на Бубновское Сотничество. Сюда онъ поспѣлъ на работу Днѣпровскую. Извѣстно, что еще съ 1731 года, десятки тысячь Малороссійскихъ Казаковъ и поселянъ трудились надъ Миниховскою такъ-называемою «Украинскою-Линіей», съ затѣйливыми башнями и узорочными городками; теперь наши Укра-

ницы прохлаждались всю зиму надъ «крыгами» Днѣпровскими, подъ начальствомъ Переяславскаго Обознаго *Семена Безбородька*. Воротясь въ Кіевъ изъ неудачнаго похода Поднѣстрянскаго, Минихъ все ожидалъ Турецкаго нашествія на здѣшнія мѣста; и въ концѣ 1738 года поднялъ страшную тревогу, подобную той, какая была здѣсь въ 1677 году, въ войну Чигиринскую. Въ самомъ Кіевѣ онъ спѣшилъ тогда насыпать огромные Старо-Кіевскіе валы, которые и въ то время ни къ чему не послужили, а теперь, около пятнадцати уже лѣтъ, растаскиваются Кіевлянами. Сверхъ-того, онъ безпрестанно торопилъ Генераловъ Фермора, Леонтьева и Левендаля, объ укрѣпленіи Триполья, Стаекъ, Василькова, и о скорѣйшей уборкѣ сѣна и хлѣба съ правой стороны Днѣпра; а на Днѣпрѣ, отъ быстраго залива подъ Трипольемъ, до Украинской-Линіи (4 версты ниже Орлика), всю зиму работали Украинцы, полоня ледъ, и рубили засѣки въ два и три ряда, возлѣ Канева и въ другихъ лѣсахъ над-Днѣпровскихъ, складывая дерево на дерево [28]. Наста-

[28] Вотъ одно изъ предложеній Фельдмаршала Миниха Генералу фон-Левендалю, списанное съ подлинника (какъ и всѣ акты здѣсь помѣщенные): — «Высокоблагородный и «Превосходительный Генералъ-Лейтенантъ и Ковалеръ! — «Къ Вашему Превосходителству о имѣніи отъ непріятеля зело крепкой осторожности, дабы по ево злому намерению незапного нападенія учинитъ и какова вреда приключить допущенъ не былъ, уже многократно предложено; а

ла уже и весна, а жданные гости не являлись на приготовленный для нихъ пиръ. Тогда Очаковскій герой самъ двинулся къ нимъ за Днѣпръ: въ походъ Хотинскій, увѣнчанный блистательною побѣдою и первою одою Ломоносова! Въ томъ походѣ былъ и нашъ

« каково сего числа отъ нашихъ обретающихся въ Полше « офицеровъ получено вновь известие, коимъ образомъ неприя- « тель въ немаломъ собраніи уже имѣетца и стоитъ подъ Бень- « дерами съ намерениемъ нападение учинитъ на наши границы « на сей сторонѣ Днепра къ Василкову и въ протчіе места, « со оного при семъ къ Вашему Превосходителству сообщаю « точную копию, исъ которой изволите быть извѣстны, и отъ « таковаго непріятелского незапного приходу и нападенія, по « силе Ея Імператорского Величества указовъ, иметь зело креп- « кую осторожность; и для того имеющиеся въ ведомстве ва- « шемъ посты зело надежнейшимъ образомъ укреплять, и ледъ « на реке Днепру не отменно полонить, и засеками и протчимъ « укреплять, какъ о томъ въ помянутыхъ ордерахъ доволно « предписано, къ чему употреблять крайнее свое неусыпное « старание; и ежели где оной неприятель показался, въ такомъ « случаѣ следуя съ полками команды вашей къ темъ местамъ « во отпоре и поимке поступать по Ея Императорского Вели- « чества указамъ и воинскимъ регуламъ, какъ надлежитъ пове- « ренному Генералитету, имея съ протчимъ частое сношение. « И для того въ незакрытыхъ местахъ людей и скота ничего « въ озарде неприятелю отнюдъ бы не было, ибо въ случае « какова несчастия не иной кто какъ Генералитетъ ответство- « вать будите должны; а что чинитца будетъ, о томъ почасту « репортовать. -- Вашего Превосходительства охотный слуга « *Münnich.*—Ноября 22 дня 1738 года. Киевъ. » — О намѣреніи Турковъ доносилъ тогда изъ Богуславля, Тайному Совѣтнику *Ивану Неплюеву*, Капитанъ *Колюбакинъ*, увѣдомленный о томъ Богуславскимъ Польскимъ Коммисаромъ *Покрасою*.

Сотникъ съ Бубновскими Казаками, подъ начальствомъ Переяславскаго Полковника *Семена Сулимы*; а послѣ битвы Ставучанской и по взятіи Хотина, онъ былъ отряженъ съ Переяславскими Казаками въ партію Миргородскаго Полковника *Василія Капниста*, къ предѣламъ Австрійскимъ. Оттуда наши партизаны, разбивъ Турецкій отрядъ при Фокшанахъ и взявъ городъ Сороку, воротились во-свояси черезъ Трансильванію, съ честію и славою великою.

Въ 1739 году, Бубновцы и всѣ Переяславцы, подъ начальствомъ *Сулимы*, ходили на Бугъ, для встрѣчи Турецкаго Посольства, при размѣнѣ онаго съ Посольствомъ Русскимъ, въ которое Полномочнымъ-Посломъ назначенъ былъ А. И. Румянцовъ.

Послѣ того, въ царствованіе Елисаветы, нашъ Сотникъ съ своими Казаками оставался уже на Днѣпрѣ, при здѣшнихъ форпостахъ, и занимался мирнымъ управленіемъ Бубновской-Сотни. Въ 1752 году, по прошенію, уволенъ онъ отъ всякой службы, и скончался около 1755 года. [29]

[29] Вотъ «аншитъ», полученный имъ при выходѣ въ отставку: — «Ея Императорскаго Величества Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войскъ Запорожскихъ Гетманъ, Дѣйствительный Камергеръ, Императорской Санктпѣтербургской «Академіи Наукъ Президентъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловского «полку Подполковникъ и обоихъ Россійскихъ Императорскихъ «Орденовъ Святыхъ Апостола Андрея и Александра Нев«ского, такожъ Полского Бѣлого Орла и Голстинского Свя-

По преданію извѣстно, что Сотникъ Василѣвичь былъ высокаго роста, величаваго вида; храбръ на войнѣ и робокъ въ миру; жизнь велъ трезвую; жилъ въ небогатой хатѣ, но держась пословицы: «не красна углами». Сознавая свое служебное достоинство, онъ очень хотѣлъ получить себѣ жалованное имѣньице, подобно Сотнику Деркачу: въ 1742 году, была уже готова

«тыя Анны Кавалеръ, Графъ Кириллъ Разумовскій. — Го«сподамъ Генералной Малороссійской Старшинѣ, Полковни«камъ, а особливо Полковнику Переясловскому, Старши«нѣ Полковой, Сотникамъ того Полку зъ Сотенными Стар«шинами, и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить; объяв«ляется: Сотникъ Бубновскій Ѳедоръ Василіевъ сего іюля 22 «поданнымъ намъ допошеніемъ представилъ, что служилъ онъ «Ея Императорскому Величеству многіе года въ разныхъ во«енныхъ походахъ вѣрно; нынѣ же будучи при старости лѣтъ «и къ отправленію войсковыхъ службъ по слабости силъ «недостаточнымъ себе признавая, просилъ о уволненіи его «отъ службъ нашего разсмотрѣнія; и Мы, Гетманъ и Кава«леръ, призирая на его Василіева долговременныя службы, «предусматривая и состояніе лѣтъ его престарѣлыхъ, за чемъ «и къ службѣ уже онъ есть непадеженъ, повелѣли его Ѳе«дора Василіева отъ всѣхъ воинскихъ и штатскихъ службъ «уволнить, и на то дать ему Нашъ аншитъ, чрезъ который «повелѣваемъ, дабы господа Генералные Старшини, Полков«ники и протчіе Чины, а особливо Полковникъ Переяслав«скій зъ Старшиною Полковою, о такомъ его Ѳедора Ва«силіева отъ всѣхъ службъ увольненіи вѣдая, отъ сего чи«сла впредь не употребляли ни къ какимъ службамъ, по«сылкамъ и нарядамъ. Во утвержденіи чего сей аншитъ, за «подписомъ Нашимъ и при печати національной Малороссій«ской, ему аншитованному Сотнику Ѳедору Василіеву данъ «въ Козелцѣ 1752 году іюля 27. — Гетманъ *Графъ К. Ра«зумовскій.*»

у него просьба объ томъ на Высочайшее Имя [30]; съ тою же цѣлью, онъ получилъ изъ Переяславской Полковой Канцеляріи одобрительный аттестатъ, 1744 года 25 августа. Но у него недостало рѣшимости: просьба и аттестатъ остались въ его скрынѣ; имѣнье-же себѣ онъ умножилъ хозяйскимъ трудомъ [31].

[30] Прилагаю письмо къ Сотнику, писанное тогда отъ *Модеста Стефановича*, бывшаго съ 1746 года Архимандритомъ Михайловскаго Золотоверхаго Монастыря: — «Благородный Мосцѣ Пане Сотникъ Бубновскій, мой Коханый Мосцѣ Пане Швагру и Благодѣтелю. — Извѣстившися «я, что намѣрены Ваше Благородіе ѣхать въ Санктпѣтербурхъ въ своихъ нуждахъ, на дорогу вамъ посылаю перчатки и сточокъ для поклону и отдачи Госпожѣ Генералшой-Аншефовой Маріи Андреевнѣ Ея Высокопревосходителству Румянцевой, милостивой ко мнѣ государынѣ; и «желаю вамъ отъ усердія моего по намѣренію своему желаемое получить; въ полученіи же намѣренного изволите прежде при нижайшомъ своемъ уклонѣ прилѣжно искать милостиваго предстателства у Еяжъ Высокопревосходителства. «Притомъ поздравляя васъ Новымъ Годомъ, зъ желаніемъ «всѣхъ благъ пребуду. — Вашего Благородія моего коханого швагра и благодѣтеля доброжелательный богомолецъ и «слуга, Катедры Кіевософіи Писарь Іеромонахъ *Модестъ*. — «1742 года Генваря 3 дня. Кіевъ.»

[31] Вотъ уступная запись Василевичу отъ Братіи Кіево-Межигорскаго монастыря: «Року тысяча сѣмъсотъ чтиридесять «третого мѣсяця Маия четвертогонадесять дня. — Мы нижей означенные Кіевомежигорскія обытели Законники Архимандритъ зъ Братіею, вѣдомо чинимъ симъ доброволнымъ нашимъ писаніемъ, хтобы востребовалъ о томъ вѣдать, что грунтъ собственный обытели нашой въ Полку Лубенскомъ въ Сотнѣ Пиратинской въ степу надъ рѣчкою Чумгакомъ обрѣтаютійся, а имянно лѣсъ прозываемый Яровое,

По смерти Ѳедора Василевича, остались въ Прохоровкѣ, при вдовствующей матери своей *Марьи*, два сына: *Василій* и *Иванъ*. По примѣру другихъ сродниковъ, они назвались *Базилевичами*. Старшій братъ *Василій* (род. 1742)

«округъ окопомъ ограниченый въ 1723-мъ году, отъ Пана «Прокопа Парфеновича, Знатного Полку Переясловского Товариша куплею набутый, по общесогласному всея Братіи совѣту отпустили во вѣчное владѣніе Его Милости Пану Ѳедору Василіевичу Сотниковѣ Полку Переясловского Бубновскому; за якой лѣсъ приняли мы до обытели нашой отъ него Пана Сотника коровъ сѣмь зъ телятами, а восѣмъ безъ телятъ, толко надежныхъ къ плоду на будущіе года, да при тѣхъ коровахъ и бугая одного; которымъ вышеозначеннымъ лѣсомъ позволяемъ реченному Пану Сотнику, такожъ женѣ его, дѣтемъ и потомкомъ ихъ вѣчными часы владѣтъ безъ жадной и малѣйшой ни отъ кого не затѣваемой турбаціи; а въ найкрѣпчайшое подтвержденіе и купчую на тотъ же лѣсъ, зъ Магистрату Переясловского прежнѣхъ годовъ выданную отъ антецессоровъ того лѣса владѣлцовъ, имянно отъ Ѳедора Кохна, Знатного Полку Лубенского Товариша, у насъ имѣвшуюся, емужъ Пану Сотнику Бубновскому вручаемъ, и вовся оттого нами уступленного грунта, зовемого Яроваго лѣса, чуждыми себе чинимъ, и якъ мы сами, такъ и по насъ будущіе Правители монастиря Межигорскаго и нихто зъ Братіи неповинны помянутого Пана Сотника за тотъ лѣсъ ни въ чемъ турбовать и никакимъ способомъ въ оный интересоватись, понеже тотъ лѣсъ ни въ чемъ монастирю не способенъ за далнимъ отъ монастиря разстояніемъ. Чего ради, въ лучшое достовѣріе на потомные часы, и сіе уступное писаніе, при печати монастирской, за подписомъ рукъ нашихъ, къ Пану Сотнику Бубновскому зъ монастиря Межигорскаго выдано року и дня вышевыраженныхъ.—Кіевомежигорьскаго монастиря Архиманъдритъ *Герасимъ* зъ Братіею. Тогожъ монастиря Намѣстникъ Іеромонахъ *Пагелъ Маркевичъ*. Іеро-

началъ и кончилъ службу въ здѣшнихъ мѣстахъ: сперва былъ *Бубновскимъ* Сотеннымъ-Писаремъ, потомъ — Сотеннымъ-Атаманомъ [32], затѣмъ — *Домонтовскимъ* (послѣднимъ) Сотникомъ, а подъ исходъ прошлаго столѣтія — Золотоношскимъ Судьею; скончался 1804 года, на семдесятъ-первомъ году отъ роду. Меньшой братъ его *Иванъ Базилевичъ* (род. 1752) началъ службу волонтеромъ съ 1771 года, во время Турецкой войны; по возвращеніи Румянцова въ Малороссію награжденъ былъ отъ него (въ 1783 году) чиномъ Бунчуковаго-Товарища; съ 1797 года (когда, повелѣніемъ Императора Павла, возобновленъ былъ въ Малороссіи прежній

схимонахъ *Ѳеодоръ Екклисіархъ*. Іеросхимонахъ *Филоѳей Куцевичъ*. Іеромонахъ *Іоасафъ Маевскій. т. р.* Іеромонахъ *Наѳанаилъ Викторовскій*. Писаръ *Іоасафъ Фаворскій*.» — Архимандритъ *Герасимъ*, давшій эту запись, пропущенъ въ спискѣ Межигорскихъ Архимандритовъ, помѣщенномъ въ книжкѣ «Историческое Извѣстіе о Кіевомежигорскомъ Монастырѣ», Кіевъ, 1830. Въ томъ же спискѣ пропущенъ и предшественникъ Герасимовъ: Архимандритъ *Алексій*, также и преемники Алексѣя: *Варлаамъ* и *Іоанникій*. А списокъ прежнихъ Игуменовъ Межигорскихъ такъ неисправенъ и скуденъ, что его слѣдуетъ переработать съизнова.

[32] Главнымъ лицемъ въ Сотенной Атаманѣ былъ Бубновской Городовый Атаманъ, подъ которымъ уже были прочіе Сельскіе и Куренные Атаманы. Званіе Городоваго Атамана, въ нашей Сотнѣ, около 1763 года, было замѣнено званіемъ Атамана Сотеннаго; въ немъ находились: *Осипъ Фесунъ* (1763), *Иванъ Прохоровичъ* (по 1768), *Василь Базилевичъ* (съ 1768), *Максимъ Красовскій* (съ 1777). Изъ давнѣйшихъ Городовыхъ Атамановъ Бубновскихъ, мнѣ извѣстенъ *Кондратъ Сацько* (1680).

Польско-Литовскій порядокъ судопроизводства, и были постановлены Маршалы вмѣсто Предводителей) долго служилъ Золотоношскимъ Маршаломъ и въ этомъ званіи получилъ орденъ Св. Владиміра 4 степени; но въ чинахъ ему уже не было удачи: за Бунчуковаго-Товарища онъ получилъ только Коллежскаго Ассесора; въ каковомъ чинѣ и скончался въ Прохоровкѣ, 14 августа 1816 года. Изъ внуковъ Сотника Василевича, вспомяну о среднемъ сынѣ Ивановомъ — *Александрѣ Базилевичѣ*. Родился онъ въ Прохоровкѣ 13 февраля 1787 года, и, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ *Ѳедоромъ*, учился въ Кіевской Артиллерійской Школѣ, отличаясь сколько дарованіемъ, столькоже и прекрасною наружностью. Служа въ Лейбъ-Гвардіи по Артиллеріи, находился онъ во многихъ сраженіяхъ первой Французской войны, въ которую награжденъ былъ и золотою шпагою за храбрость; а за сраженіе подъ Лейпцигомъ (1814) въ войну двѣнадцатаго года, награжденъ Владиміромъ 4 степени: тогда онъ былъ уже Капитаномъ Лейбъ-Гвардіи. Въ-послѣдствіи онъ служилъ Артиллерійскимъ Генералъ-Маіоромъ на Кавказѣ. По выходѣ въ отставку, жилъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1843 году; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Ѳедоръ Василѐвичь въ здѣшнемъ народѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Сотника *Кулябки*». Это прозванье присвоилось ему отъ его матери *Татьяны*, урожденной *Кулябки*-

ной, скончавшейся 1732 года. Братья его *Семенъ* и *Яковъ* тоже были Бунчуковыми-Товарищами; а *Константинъ*—Сотникомъ *Смѣлянскимъ* (1731).

Въ современномъ ему «*Бубновскомъ* Товариствѣ», много было старыхъ, заслуженныхъ Казаковъ. Таковъ, на-примѣръ, Прохоровскій Казакъ *Иванъ Антипенко*, который ратовалъ еще въ Чигиринскую войну, подъ начальствомъ Переяславскаго Полковника *Василя Гойцы-Сербина*: въ 1718 году онъ былъ Наказнымъ Бубновскимъ Сотникомъ; а скончался въ 1742 году, девяноста-двухъ лѣтъ отъ роду. «Изъ Сотенной *Бубновской* Старшины» того времени, вспомяну объ Казакѣ *Осипѣ Засенкѣ*, внукѣ Прохоровскаго Казака *Степана Засенка*, убитаго на Кодымѣ въ 1698 году. Онъ долго служилъ въ разныхъ походахъ и должностяхъ; въ тридцатыхъ годахъ былъ Бубновскимъ Городовымъ-Атаманомъ; а при Сотникѣ Василѣвичѣ служилъ семь лѣтъ Сотеннымъ-Хорунжимъ. Въ 1752 году, при выборѣ новаго Сотника, онъ выбранъ здѣсь первымъ кандидатомъ; но не былъ утвержденъ Гетманомъ за старостью: къ томуже былъ и неграмотенъ. Послѣ того онъ прослужилъ еще года два Сотеннымъ-Хорунжимъ, и получилъ отставку въ 1763 году, съ награжденіемъ его самаго и четырехъ сыновей его—чиномъ Значковаго-Товарища. Вѣкъ свой кончилъ онъ жителемъ Бубновской-Слободки, 1773 года, осьмидесяти-двухъ лѣтъ отъ ро-

ду. Въ Прохоровкѣ и теперь здравствуетъ семидесяти-двухъ-лѣтній внукъ Осипа — *Петръ Леонтьевичь Засенко.* Поступивъ на службу 1793 года въ Тверскій Карабинерный Полкъ Капраломъ, онъ переведенъ былъ 1797 года въ Лейбъ-Кирасирскій Его Величества Полкъ, и черезъ годъ произведенъ въ Эстандартъ-Юнкеры; а въ декабрѣ 1801 года, по прошенію его, уволенъ отъ службы съ чиномъ Коллежскаго-Регистратора, въ которомъ состоитъ и до сего дня.

Народъ «*Бубновской*-Сотни» состоялъ тогда собственно въ двухъ сословіяхъ: въ Товариствѣ и въ Поспольствѣ. Къ Товариству принадлежали Войсковые-Люди или Казаки; къ Старшему Товариству — Казаки-Выборные или Реестровые, а къ Меньшему — остальные Казаки, называвшіеся «подпомощниками». Поспольство состояло изъ людей Посполитыхъ, то-есть «поселянъ», которые, до конца Казацкой-Украины, имѣли право перехода съ одного мѣста на другое, и по отношенію къ своимъ владѣльцамъ назывались «подданными». Что касается до стариннаго Малороссійскаго Шляхетства, то оно, со времени роковаго перехода въ Ляхи знатнѣйшихъ родовъ, почти извелось въ здѣшней околицѣ: отчасти перешло въ Духовенство, или-же обратилось въ Казачество (таковыми въ нашей Сотнѣ были, кажется, Казаки *Сагайдачные*). Въ Казачество поступала и Польская Шляхта, выходившая сюда изъ-за Днѣпра (таковымъ

считался, между здѣшними казаками *Красовскими*, *Иванъ Григорьевичь* Красовскій, сынъ Королевскаго Ловчаго, выходецъ изъ Воеводства Подляшскаго, приставшій къ Прохоровскому Товариству въ концѣ XVII вѣка, и «одружившійся» на здѣшней казачкѣ). Но въ сословіи Малороссійскаго Казацкаго-Товариства давно возрастала и умножалась «Войсковая-Старшина», отъ которой остальное Товариство отличалось именемъ «войсковой-черни» (въ универсалахъ Богдана Хмельницкаго и другихъ Гетмановъ). Въ Войсковой-Старшинѣ считались и тѣ благородные остатки прежняго Украинскаго Шляхетства, которые сохранили свою Русскую породу, и тѣ старшинскіе роды, которые уже отъ Русскихъ Царей жалованы были достоинствомъ Дворянскимъ. Такимъ образомъ, въ Войсковой-Старшинѣ заключалось тогда, и изъ нея опредѣлилось потомъ (въ царствованіе Екатерины-Второй) нынѣшнее Дворянство Малороссійское. Войсковая Старшина составляла тогда Малороссійское Панство, которому не доставало только нынѣшняго имени; ибо слово «дворянинъ» тогда здѣсь означало «двороваго служителя».

Изъ «*Товариства* Бубновской-Сотни», въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, возникли три старшинскіе рода, имѣвшіе право считаться здѣшнимъ кореннымъ Панствомъ: *Деркачи*, *Прохоровичи* и *Осиповскіе*. Къ нимъ прибавился въ 1738 году, со-стороны, родъ Сотни-

ка *Василевича* (*Базилевичи*). Въ первойже половинѣ прошлаго столѣтія, здѣшнее Панство умножилось водвореніемъ еще двухъ Сотниковъ Компанѣйскихъ. Одинъ былъ Сотникъ Втораго Компанѣйскаго Полка *Иванъ Фабриціусъ*, попавшій въ Украинскіе Казаки изъ рыцарей Шведскихъ. Онъ водворился въ Сушкахъ, гдѣ меньшой сынъ его *Максимъ*, служившій Кирасирскимъ Ротмистромъ, завелъ садъ съ отличными яблоками, плодами которыхъ нынѣ пользуется сынъ его *Петръ*, отставной Маіоръ Уланскій; а старшій сынъ Сотника Фабриціуса, по-имени *Левъ*, чуждался домовства, и былъ такимъ мудренымъ скитальцемъ по свѣту, что объ немъ надо когда-нибудь разсказать особо. Другой Сотникъ Перваго Компанѣйскаго Полка, былъ *Степанъ Гайворонскій*. Похитивъ сестру Наказнаго-Полковника Степана Томары, Анну Васильевну, онъ взялъ въ приданое за нею порядочные участки земли въ Сушкахъ и Прохоровкѣ, и водворился въ послѣдней, у подошвы той горы, на которой теперь сельское кладбище, а въ ту пору была густая дуброва. Здѣсь у него родился въ 1750 году сынъ *Григорій*; но этимъ онъ не привязался навсегда къ нашему Побережью. Продавъ здѣшнее имѣніе жены своей Войсковому-Товарищу Ивану Шаркевичу, онъ поселился хуторомъ за Золотоношею, на рѣчкѣ Згари: тотъ хуторъ понынѣ зовется *Гайворонщиною*, хотя внукъ Степановъ, *Елисей Григорьевичъ*, придалъ ему великолѣпное имя «*Пальмиры*». А

на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Прохоровской домъ и садъ Компанѣйца, нынѣ растутъ старыя шелковицы, полузасыпанныя пескомъ.

БУБНОВСКАЯ СОТНЯ.

(М. А. Максимовича).

Статья III и послѣдняя. *

IX. ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА КАЗАЦКОЙ УКРАИНЫ.

Село Лемеши, Кіевскаго Полка Козелецкой Сотни, было родиною *Графовъ Алексѣя* и *Кирила Григорьевичей Разумовскихъ*. Послѣдній, которому суждено было заключить собой Малороссійское Гетманство, бывъ принятъ на службу пятнадцати-лѣтнимъ юношею (въ 1743 году)[1], черезъ три года послѣ того, воротясь изъ

* См. Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXIV, с. 212-243 и 1849, ч. XXVI, с. 26-68.

[1] Графъ *Алексѣй Григорьевичь* родился въ 1709 году; а Графъ *Кирилъ Григорьевичь* — 1728 года 18 марта.

чужихъ краевъ, былъ уже Дѣйствительнымъ Камергеромъ, Академіи Наукъ Президентомъ, Лейб-Гвардіи Измайловскаго Полка Подполковникомъ и Орденовъ Св. Александра Невскаго и Св. Анны Кавалеромъ. Въ 1750 году 22 февраля, въ Глуховѣ, происходилъ торжественный выборъ молодаго Графа въ Гетманы. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, прибылъ онъ изъ Петербурга въ Малороссію; и 29 іюня, былъ торжественный въѣздъ его въ Глуховъ, тогдашнюю резиденцію Гетманскую.

Отдохнула и можно-сказать помолодѣла Украина въ благословенное царствованіе Елисаветы. Наслаждаясь тишиною вообще, она была участницею и въ той «семилѣтней» войнѣ, которою такъ блистательно завершилось двадцатилѣтнее царствованіе Дщери Побѣдоносца Полтавскаго. Тысяча Компанѣйскихъ Казаковъ была въ первой битвѣ и вмѣстѣ побѣдѣ Русскихъ надъ Прусаками подъ Эгерисдорфомъ (19 августа 1757), гдѣ положилъ свою голову нашъ храбрый Грекоукраинецъ Бригадиръ *Капнистъ*. Тогда же для Русской арміи наряжены были возовиками 8,000 Малороссійскихъ мѣщанъ и поселянъ, и отправлено отсюда 8,000 воловъ и 5,000 коней. Въ 1760 году, посланы въ Пруссію еще 2,000 казаковъ, подъ Начальствомъ Прилуцкаго Полковника *Григорья Галагана*, и двѣнадцать самыхъ лучшихъ пѣвцовъ Малороссіянъ, для Русской церкви въ завоеванномъ городѣ Кенигсбер-

гѣ [2]. Съ кончиною Елисаветы (25 декабря 1761), прервалась побѣдоносная война Руси съ Фридрихомъ Великимъ, и обратилась емуже въ

[2] Вотъ письмо о семъ Гетмана, изъ Петербурга, къ Кіевскому Митрополиту *Арсенію Могилянскому*: «Ясне въ Богу «Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ Митрополитъ «Кіевскій, намъ въ Духу Святомъ отецъ Архипастиръ! Сего «априля 10 дня, въ полученномъ изъ учрежденной при Высо«чайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ Конференціи «Рескриптѣ, изображено: что Ея Императорское Величество «заблагоразсудили въ завоеванномъ оружіемъ Ея Император«скаго Величества главномъ Прусскомъ городѣ Кенис«бергѣ имѣть публѣчную церковъ и ученыхъ священнослужи«телей, которіе скоро и отправлены будуть; но какъ при«томъ необходимо послать надлежитъ и певчихъ самихъ луч«шихъ несколько человѣкъ, то Всевысочайше повелѣно мнѣ вы«брать оныхъ изъ Малороссіянъ двенадцять человѣкъ, и по«строя на всехъ по ихъ обыкновенію одинакое платье, также «снабдя на дорожный произдъ денгами, какъ наискоряе на «почтовыхъ подводахъ вислать въ Синодъ; чего ради объ«ономъ Вашему Преосвященству обявляю; и не оставте за «силу онаго Ея Імператорскаго Величества Высочайшого «повелѣнія, съ находящихся въ вокальной Вашего Преосвя«щенства музике или гдѣ можно въ Кіевѣ къ тому способ«ныхъ людей, а особливо изъ обрѣтаючихся въ училищахъ «четирохъ человѣкъ самихъ лучшихъ пѣвчихъ вибрать, въ «томъ числѣ былъ бы единъ басѣста, теноръ единъ, алтъ «единъ и дискантъ единъ, и по виборѣ прислать оныхъ на «почтѣ въ Глуховъ, откуду по надлежащемъ ихъ приборѣ «отправлены будуть въ Санктъ Пѣтербургъ не продолжително, «для чего и нарочный посылается. Впрочемъ пребываю Ва«шего Преосвященства послушнѣйшій слуга *Графъ К. Ра«зумовскій*. 1700 года, априля 11 дня.» Вслѣдствіе этого письма, посланы были въ Глуховъ, 24 апрѣля, выбранные изъ учениковъ Академіи: басистъ *Григорій Щербатскій*, изъ Школы Философіи; теноръ — *Федоръ Павловскій*, изъ Школы

*

союзничество. Но вслѣдъ затѣмъ (28 іюня 1762) начался вѣкъ Екатерины II, вѣкъ славы и торжества возвеличенной Ею Россіи.

Гетманство Разумовскаго должно было служить облегчительнымъ переходомъ Украины отъ прежняго отжившаго свой вѣкъ устройства въ новую обще-Русскую жизнь. Понимая это, Графъ Кирилъ Григорьевичь, доставлявшій разныя льготы Малороссіи, тѣмъ не менѣе заботился уже, чтобы отъ войсковыхъ чиновъ ся отдѣлить власть гражданскую; и въ началѣ 1764 года, раздѣливъ всю Малороссійскую Украину, независимо отъ Полковъ и Сотней, на двадцать *Повѣтовъ*, возстановилъ въ ней прежніе Суды *Гродскіе*, *Земскіе* и *Подкоморскіе*. Времена между тѣмъ спѣшили: 15 ноября 1764 года, Графъ переименованъ былъ изъ Гетмановъ въ Фельдмаршалы, съ старшинствомъ со дня возведенія его въ достоинство Гетманское, то-есть съ 24 апрѣля 1750 года; и тѣмъ кончилось Гетманство Малороссійское.

Въ правители Малороссіи назначенъ былъ, тогоже 15 ноября, *Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ*, въ званіи Генералъ-Губернатора и Президента *Малороссійской Коллегіи*, тогдаже назначенной вновь вмѣсто правленія Гетманскаго. Эта новая Коллегія, по выраженію современнаго ей историка Конисскаго, «вошла въ правленіе, яко роса на пажить». Мужественный покоритель Колберга, уроже-

Риторики; альтъ — *Иванъ Короставецъ*, изъ Школы Піитики; дискантъ — *Тимофей Данилевскій*, изъ Школы Инфимы.

нецъ и любитель Украины, пришелся ей по-сердцу; тѣмъ болѣе, что здѣсь была еще свѣжа память объ отцѣ Румянцова, добромъ правителѣ Малороссіи во времена Миниховскаго военачальства. Новый правитель Малороссіи порадовалъ ее прежде всего тѣмъ, что, отмѣнивъ продовольствіе находившихся здѣсь постоянно армейскихъ командъ, провіантомъ и фуражемъ въ натурѣ, тягостнымъ для обывателей, учредилъ вмѣсто того денежную подымную подать «по рублю и двѣ копѣйки съ хаты», исключивъ изъ ней только чиновныхъ людей и служащее Выборное Казачество. А вскорѣ послѣ того, герой семилѣтней войны, въ начавшейся войнѣ Турецкой, напомнилъ собою Казачеству доблестнаго соименника своего, Петра Конашевича-Сагайдачнаго, съ его неотразимыми побѣдами надъ Татарами и Турками, и воодушевилъ Украинцевъ новымъ мужествомъ.

Въ томъ самомъ году, какъ Румянцовъ сталъ правителемъ Малороссіи, на Варшавскомъ Сеймѣ былъ выбранъ въ Польскіе Короли Станиславъ-Августъ Князь Понятовскій, указанный Полякамъ Екатериною. Но напрасны были его предпріятія къ благоустройству Польши; вотще была и трогательная рѣчь Преосвященнаго Конисскаго (говоренная въ Варшавѣ 27 іюля 1765 года) о страданіяхъ Православно-Русскаго народа подъ Короною Польскою. Обуреваемая духомъ безначалія и вѣрогоненія, Польша близилась уже къ своему роковому

концу. Краковскій Бискупъ Солтыкъ, на Сеймѣ 1766 года, возопіялъ вновь о лишеніи иновѣрцовъ всѣхъ правъ въ Польшѣ. А въ началѣ 1768 года Пулавскій съ своими сыновьями составилъ новую Конфедерацію *Барскую*, придавшую великое буйство вѣрогонителямъ.

Тогда Заднѣпровской Украинѣ стало не въ моготу. Встревоженное новыми обидами Духовенство ея спѣшило отовсюду въ Чигиринскій Мотренинскій-Монастырь, на совѣтъ къ Игумену *Мельхиседеку Значко-Яворскому*, смѣлому ревнителю Православія, незадолго передъ тѣмъ потерпѣвшему заключеніе въ Дерманской тюрьмѣ, отъ Уніатскаго Митрополита Володковича. Прежде всего они обратились къ своему Епархіальному Начальнику, Переяславскому Епископу *Гервасію Линцевскому*; но онъ ничѣмъ не могъ пособить имъ на ту пору, кромѣ благословенія пастырскаго. Тогда на монастырскомъ совѣтѣ положено было просить казацкой помощи у Атамана Запорожской-Сѣчи. Но помощь казацкая нашлась ближе, сама-собою: въ послушникѣ сосѣдняго Медвѣдовскаго-Монастыря *Максимъ Желѣзнякъ*. Этотъ Максимъ былъ прежде однимъ изъ самыхъ бравыхъ казаковъ въ Товариствѣ Запорожскомъ; а теперь готовился уже въ монастырѣ на монашество. Новая обида Православному народу воротила его опять на поприще мірское; и онъ, съ благословеніемъ Мельхиседека, принялъ начальство надъ «гайдамацкою чатою», собранною въ Мотренинскомъ лѣсу

казакомъ *Осипомъ Шелестомъ*. Толпа гайдамаковъ скоро обратилась въ многолюдное полчище, провозгласившее Желѣзняка своимъ «Полковникомъ». Заслышавъ объ томъ, Запорожскіе «гультаи», со всѣхъ «полапокъ» своихъ, двинулись толпами въ Западную-Украину: и она простонала тогда страшною грозою, извѣстною подъ именемъ «Колѣевщины». Со всею силою разразилась эта гроза въ Уманьщинѣ, въ іюлѣ 1768 года. Нашего Днѣпра коснулась она только заревомъ Каневскаго-Замка, сожженнаго извѣстнымъ гайдамацкимъ вождемъ — *Семеномъ Неживымъ*. [3] Под-

[3] «Замокъ въ Каневѣ весьма древній»: говоритъ Бопланъ, видѣвшій его во время Владислава IV. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ надежною твердынею еще при Великомъ Князѣ Витовтѣ; крѣпокъ былъ онъ и въ панованье Жигимонта-Августа, при Князьяхъ Вишневецкихъ; но послѣ Князя Михаила Александровича Вишневецкаго (скончавшагося 16 октября 1584) пришелъ-было въ запустѣніе. Тогда Князь Янушъ Константиновичь Острожскій, Кастелянъ Краковскій, будучи вмѣстѣ и Старостою Каневскимъ, исходатайствовалъ Сеймовую Конституцію 1598 года на десятилѣтній сборъ, по 6 грошей съ 10 злотыхъ, отъ всѣхъ купцовъ, вывозящихъ наличныя деньги за границу до Москвы, для возобновленія на эти деньги Каневскаго Замка. Поэтъ Польскій могъ рисовать какими угодно красками свой «Замокъ Канёвскій». Но изъ дѣйствительной ревизіи Канева въ 1765 году видно, что замокъ въ немъ былъ обнесенъ частоколомъ; вооруженъ пушками на деревянныхъ быкахъ; чрезъ неглубокій ровъ былъ мостикъ отъ дубовыхъ воротъ, надъ которыми возвышалась горница съ перегородкою; посрединѣ замка стоялъ довольно большой, обитый дубовыми досками домъ, съ принадлежащими къ нему кладовою, ледовнею и конюшнею. Въ такомъ видѣ онъ сожженъ

вигъ Желѣзняка пришелся уже вовсе не въ пору. Тогда были посланы Екатериною

гайдамаками въ 1768 году; и послѣ того уже не возобновлялся. Что онъ сожженъ именно *Семеномъ Неживымъ*, это мнѣ извѣстно изъ дѣла о «пяти гайдамакахъ», пойманныхъ на нашемъ Побережьѣ, которые препровождены были, 15 октября 1768 года, изъ Сотеннаго Пѣщанскаго Правленія въ Переяславскій Гродскій Судъ; а оттуда пересланы потомъ въ Глуховъ въ Судъ Генеральный, гдѣ окончательно судились тогда гайдамаки и рѣшеніе объ нихъ разсматривалось въ Малороссійской Коллегіи и утверждалось Румянцовымъ. *Иванъ Лазаренко* и другіе изъ этихъ пяти гайдамаковъ были въ чатѣ Неживаго; а потомъ въ чатѣ *Саввы Майбороды*, который хозяйничалъ въ Каневщинѣ. Этотъ-послѣдній пойманъ былъ въ Мошенскомъ лѣсу съ десятью товарищами еще въ августѣ, и представленъ съ ними въ Румянцовскую Походную Канцелярію, находившуюся тогда «въ компоментѣ при Переяславѣ»; а оттуда, за ордеромъ Румянцова отъ 1 сентября, пересланы въ Генеральный Судъ. *Савва Майборода* былъ Запорожецъ Каневскаго Куреня, уроженецъ Миргородскаго Полка Сотни Голтвянской. Ему было отъ роду только 22 года. Въ описаніи примѣтъ его говорится, что «онъ роста средняго, лица круглаго, волосовъ русыхъ, очей сѣрыхъ, носа кирповатаго, говоритъ пространно; одежда на немъ черкесская, сукна краснаго; штони каламайкови шараварами зшиты; поясъ полотняный пополамъ зъ голубицею дѣланой; шапка зшита по-запорожски вершка блакитнаго (голубаго) съ околицею чорною; въ чоботяхъ красныхъ». Во время похожденій по Каневщинѣ, у Майбороды вмѣсто знамени была «корогва», взятая изъ Мошенской церкви. При взятіи его въ Мошенскомъ лѣсу, чата его состояла изъ 130 человѣкъ. Въ дополненіе къ извѣстіямъ, предложеннымъ въ моей статьѣ о «Гайдамакахъ», напечатанной въ «Москвитянинѣ» 1845 года, упомяну еще здѣсь о гайдамацкой чатѣ «вожая» *Ивана Обертаса*: онъ находился съ нею въ мѣстечкѣ Городищѣ, а потомъ, избѣгая Русскихъ войскъ, попался Польской командѣ въ селѣ Лукѣ.

Русскія войска на помощь Польскому Королю, для укрощенія Барской Конфедераціи и производимыхъ ею волненій. Распорядительный Кречетниковъ, съ Полковникомъ Гурьевымъ, успѣлъ подъ Уманемъ прибрать къ своимъ рукамъ этихъ самозванныхъ защитниковъ Украины, пригласивъ ихъ идти вмѣстѣ на пораженіе Барскихъ Конфедератовъ, тогда укрѣпившихся въ Бердичевѣ; Полковники Папинъ и Чорба помогли Польскимъ командамъ разгонять и ловить остальныя ватаги бушевавшей вольницы. Графъ Румянцовъ, которому вручена была судьба Запорожцевъ и Украинцевъ лѣвой стороны Днѣпра, принимавшихъ участіе въ «Колѣевщинѣ», судилъ ихъ законнымъ порядкомъ и наказывалъ съ милосердіемъ; зато Региментаръ Стемпковскій, на правой сторонѣ Днѣпра, воспользовался безъ мѣры «правомъ меча», и въ лютой мести упился кровью народа Западно-Украинскаго.

Между-тѣмъ, преслѣдованіе Барской Конфедераціи подало поводъ Турціи объявить войну съ Россіей. Тогда Румянцовъ двинулся за Днѣпръ; и своими подвигами на Кагулѣ и за Дунаемъ стяжалъ всемірную славу и безсмертное имя *Задунайскаго*. Подъ его знаменемъ, въ достопамятной «*Румянцовской* Войнѣ», счастливо оконченной Кучукъ-Кайнарджскимъ миромъ 10 іюня 1774 года, мужественно подвизалось — и Казачество Малороссійское, и Казачество Запорожское.

Но возвышеніе Разумовскихъ при дворѣ Елисаветы было уже предвѣстникомъ вступленія Малороссіи на поприще обще-Русской дѣятельности «гражданской». Въ вѣкъ Екатерины, она окончательно и многолюдно вступила на это поприще; и самыми блестящими явленіями ея на немъ были тогда: *Петръ Васильевичь Завадовскій* и *Александръ Андреевичь Безбородько*. Оба они учились въ Кіевской Академіи; подъ конецъ Румянцовской Войны были Полковниками; а послѣ мира поступили изъ Канцеляріи Румянцова въ Кабинетъ Екатерины, въ исходѣ 1775 года. Тогдаже и на Русскомъ Парнассѣ прославился своею «Душенькою» Украинецъ *Богдановичь*, и явился *Капнистъ* съ своею заунывною лирою.

А событія все быстрѣе и быстрѣе мчались какъ въ самой Малороссіи, такъ и вокругъ. На государственномъ поприщѣ Россіи въ то время первенствовалъ уже *Князь Григорій Александровичь Потемкинъ*. Любимою мечтою его былъ Русскій Югъ, съ его необозримыми степями и непаглядным Чернымъ-Моремъ. Тамъ въ обѣ стороны отъ Днѣпра расширялась тогда Запорожская-Сѣчь. Къ ея Товариству присталъ и Потемкинъ: пересылался онъ письмами и подарками съ Кошевымъ-Атаманомъ своимъ, посылалъ поклоны своимъ Сѣчевымъ «Товаришамъ-Сиромахамъ», и юродствуя называлъ себя *Грицькомъ Нечосою*. Но старая «Сѣчь-Мати» была уже безвременнымъ и неумѣстнымъ явленіемъ Русскаго міра.

Некстати она стала обзаводиться многолюдными поселеніями и хлѣбопашествомъ; невоздержно ссорилась она съ пришлою сосѣдкою своей Новою-Сербіей [1]; не-подъ-силу себѣ повела тяжбу за свои прежнія земли. И въ 1775 году ея не стало: іюня 4, она внезапно была окружена и занята Генералъ-Поручикомъ Текелліемъ; а манифестомъ 3 августа объявлена несуществующею.

Въ цвѣтущемъ Крыму, гдѣ нѣкогда Великій Просвѣтитель Руси просвѣтился святымъ крещеніемъ, шевелилась еще Татарская Орда, ровесница и соперница Запорожской-Сѣчи. Въ 1783 году, и эта Орда вошла въ Русское подданство: хищная волчица присмирѣла, какъ овца. Тогожъ года, приведена въ Русское подданство Суворовымъ и Ногайская Орда Кубани; а Орда Бѣлогородская или Буджацкая покорилась Россіи еще въ Войну-Румянцовскую. И самый Крымъ былъ въ то время (1771) занятъ предварительно Княземъ Василіемъ

[1] Поселеніе *Новой-Сербіи*, какъ извѣстно, началось въ царствованіе Елисаветы, съ 1751 года; но Сербскіе Гусары служили въ Русскомъ войскѣ и при Петрѣ-Великомъ, еще до 1723 года. Дунайскіе витязи уже и тогда не мирили съ Украинцами. Стоя постоемъ въ Лукомлѣ, они причинили Лукомскимъ обывателямъ разныя обиды, для разбора которыхъ назначена была Гетманомъ Скоропадскимъ (около 1722 года) «Коммиссія о Сербахъ». Дѣлопроизводителями въ этой Коммиссіи были одинъ Великорусскій Поручикъ, а со-стороны Лубенскаго Полка *Ѳедоръ Василевичъ* (въ-послѣдствіи бывшій Бубновскимъ Сотникомъ).

Михайловичемъ Долгоруковымъ - Крымскимъ; но окончательное и «безкровопролитное» пріобрѣтеніе его было подвигомъ Потемкина, за который потомъ и названъ онъ *Таврическимъ.*

Между-тѣмъ Фельдмаршалъ Румянцовъ, усталый въ тріумфахъ и торжествахъ на Рускомъ Сѣверѣ и чужестранномъ Западѣ, воротился въ Кіевъ, въ званіи «Государева Намѣстника Малороссіи». Тогда, озаренная славою своего правителя, Малороссія сложила съ себя изветшалый покровъ своего Сотничества и Полковничества, и приняла новыя обще-Русскія формы устройства гражданскаго, начертанныя законодательною Екатериною. Въ 1782 году, съ открытіемъ трехъ «Намѣстничествъ»: Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, кончилась *Украина Казацкая.* Съ тѣмъ вмѣстѣ начался для Малороссіи новый кругъ жизни, въ которомъ главнодѣйствующимъ органомъ стало Дворянство.

Впрочемъ, не однимъ преобразованіемъ Малороссіи можетъ быть помянутъ 1782 годъ: онъ памятенъ и основаніемъ во всей Россіи «Народныхъ Училищъ», которыхъ устроителемъ былъ незабвенный Малороссійскій Полковникъ (тогда уже Графъ), Петръ Васильевичь Завадовскій — сотрудникъ Екатерины въ сочиненіи Наказа и другихъ разныхъ Ея законодательныхъ памятниковъ; а въ началѣ царствованія Александрова — первый устроитель Министерства и первый Министръ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1782 году, Екатерина-Вторая воздвигла въ Петер-

бургѣ дивный монументъ Петру-Первому; въ Царскомъ-Селѣ поставила обелискъ Румянцову-Задунайскому; и учредила въ Россіи орденъ Св. Владиміра. А въ Полтавѣ —

Гдѣ Богъ и Петръ судьями были
И жребій Росса утвердили [6] —

въ этомъ 1782 году родился будущій Намѣстникъ Царства Польскаго:

Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань! . .

Чтòже съ Польшею и Украиною Заднѣпровскою, съ 1768 года? Ни мирный въ томъ году трактатъ съ Россіею, ни гроза «Колѣевщины», не унимали внутреннихъ, смертельныхъ судорогъ Республики Польской. Наконецъ, въ 1772 году Суворовъ посмирилъ мятежниковъ; и тогоже года началось возсоединеніе съ Россіею древнихъ областей отторгнутыхъ Литвою и Польшею. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1775 году, Рѣчь-Посполитая подарила своему Королю городъ Каневъ со всею Каневщиною; а Король, въ томъже году, уступилъ ихъ своему племяннику Князю Станиславу Поня-

[6] Эти два стиха изъ «Полтавы» — лирическаго стихотворенія читаннаго незабвеннымъ наставникомъ моимъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Мерзляковымъ, на торжественномъ актѣ Московскаго Университета, помнится 1827 года: оно тогдаже было напечатано.

товскому, который освободилъ жителей Канева отъ всѣхъ повинностей, и предоставилъ ему вполнѣ зѐмли принадлежащія къ нему, съ обязательствомъ за то вносить въ графскую экономію по 6,500 злотыхъ ежегодно. Впрочемъ, въ остававшихся еще за Польшею областяхъ Украины, православный народъ, и особенно Духовенство, все еще не переставали терпѣть бѣды отъ вѣрогонителей; Переяславскимъ Епископамъ Іову и Иларіону было столькоже, какъ и предшественнику ихъ, печальной заботы о злополучной За-Днѣпровской паствѣ. [6]

Засимъ, въ половинѣ января 1787 года, Малороссія увидѣла въ своихъ предѣлахъ ве-

[6] Вотъ, можно сказать на выдержку, два письма, относящіяся къ тому времени: I. Письмо Генералъ-Маіора *М. Ѳ. Каменскаго* (въ-послѣдствіи Генералъ-Фельдмаршала) къ Переяславскому Епископу *Іову Багилевичу*: «Преосвященнѣйшій «Владыко! По ордеру данному мнѣ отъ Его Сіятельства Высо«коповелительнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала Графа «Петра Александровича Румянцова, велѣно единовѣрцамъ на«шимъ, находящимся здѣсь въ Польшѣ здѣлать всякое вспо«моженіе. А какъ мнѣ извѣстно, что многіе изъ Священниковъ, «поставленныхъ Вами и предмѣстниками Вашими въ Польскія «селенія, нетокмо изъ ихъ мѣстъ выгнаты происками здѣшня«го Духовенства и на мѣстахъ ихъ посажены Уніатскіе Свя«щенники, но нѣкоторые содержатся въ заточеніи за то, что «не приступаютъ къ Уніи; то для лучшаго распознанія тѣхъ «селеніевъ, и чтобъ не здѣлать притѣсненія и въ таковыхъ «мѣстахъ, гдѣ можетъ издревле либо Уніатскіе или и Като«лическіе Священники были, прошу симъ Ваше Преосвящен«ство о присылкѣ сколь скоро можете, за подписаніемъ Ва«шимъ списка всѣхъ селъ здѣсь въ Польшѣ подлежащихъ до,

ликую Императрицу. Три дня (17—19 января) провела она въ Новгородсѣверскѣ, гдѣ принималъ ее Графъ Румянцовъ-Задунайскій; почти три мѣсяца потомъ прожила въ Кіевѣ, дожидаясь весны, чтобы отсюда плыть Днѣпромъ въ Херсонъ и Крымъ, для обозрѣнія своего Новороссійскаго «хозяйства», устроеннаго

«Вашей Епархіи, съ имяннымъ спискомъ Священниковъ, кто гдѣ «находится, съ вручителемъ сего посланнымъ къ Вамъ для того «нарочнымъ курьеромъ, которому испрошаю и себѣ благосло«венія Вашего; а я надѣюсь, что въ такомъ благочестивомъ «дѣлѣ поспѣшите мнѣ отвѣтомъ, утишите плачь ввѣреннаго «Вамъ стада, и заставите меня тѣмъ еще и охотнѣ называться, «Преосвященнѣйшій Владыко, Вашимъ покорнѣйшимъ слу«гою. *Михайло Каменской.* 21 мая 1772 году. Г. Броды.»

II. Отъ Переяславскаго Епископа *Иларіона Кондратковскаго* къ Переяславскому Коменданту *Христофору Ивановичу Мантигайлу*: «Высокородный и Высокопочтен«ный Господинъ Полковникъ и Комендантъ Переяславскій! «На той сторонѣ Днѣпра, при самомъ берегу стоящаго «Крестовоздвиженскаго Терехтемировскаго монастыря На«чальникъ, Іеромонахъ Антоній, въ Духовную Консисторію до«ношеніемъ представилъ, что Полскій Комендантъ Юзефъ «Цонглевскій, да Индуктарь, досматривающій пограничныхъ ка«рауловъ, съ находящеюся при нихъ командою, еще прошла«го 1775 года насильно въѣхавши въ тотъ монастырь и по «сіе время квартеруя, не малое дѣлаютъ монастырю во всемъ «разореніе и опустошеніе, и егоже Началника съ находя«щимися при немъ братіею и послушниками выгнавъ со всѣхъ «келій, едва въ поварнѣ съ великимъ утѣсненіемъ для жи«тельства дали мѣсто, просилъ о освобожденіи монастыря отъ «таковыхъ притѣсненій и о сводѣ Поляковъ зъ оного въ дру«гое пристойное для ихъ должности мѣсто. А какъ оный мо«настырь издревле есть Православный, принадлежитъ къ здѣш«ней Епархіи и при самой границѣ въ видѣ Россіи положе-

въ исполинскихъ размѣрахъ «питомцемъ» ея Потемкинымъ. Путь этотъ шелъ мимо Канева, и имѣлъ тамъ блистательное перепутье, которое со всѣми его подробностями вношу въ помянникъ нашего Побережья.

Польскій Король, получивъ въ Варшавѣ согласіе Императрицы на свиданіе подъ Каневомъ, поспѣшилъ сюда, и дожидался здѣсь шесть недѣль. Наконецъ, утромъ 25 мая, завидѣли съ Каневскихъ горъ царственную флотилію на Днѣпрѣ. Она состояла изъ двадцати-двухмачтовыхъ галеръ, за которыми тянулось еще множество провожатыхъ шлюбокъ, дубовъ и челновъ. На пяти передовыхъ галерахъ, называвшихся «*Самара*», «*Кубань*» и т. д., помѣщалось дорожнее хозяйство Царицы. Шестая галера «*Сожъ*», была для Гофмаршала Князя Барятинскаго и другихъ придворныхъ особъ. Седьмая галера, одна изъ самыхъ большихъ, на-

«ніе свое имѣетъ, претерпѣваетъ же таково постоями угнете-«ніе въ противность всѣхъ Высочайшихъ отъ Россіи съ Ко-«роною Полскою постановленій: для того Духовная Конси-«сторія Вашего Высокородія покорнѣйше проситъ сообщить «о томъ отъ себя до Главной Полской Команды, и о исхо-«датайствованіи прописанному монастырю спокойнаго и без-«препятственнаго состоянія приложить возможнаго попече-«нія. Впрочемъ пребываемъ съ истиннымъ доброжелател-«ствомъ. . . и пр. Сентября дня 1776 года.» Это послѣднее письмо списано съ чернoваго подлинника, поправленнаго рукою самаго Иларіона. Знаменитый Терехтемировскій Монастырь, названный здѣсь *Крестовоздвиженскимъ*, въ прежнее время былъ *Успенскимъ*: въ январѣ 1789 года онъ занятъ былъ Уніатами, и вскорѣ совсѣмъ уничтожился.

зывавшаяся «*Десною*», служила столовою залою. Осьмая галера «*Сновъ*», была для Графа Безбородька и другихъ сановниковъ. На девятой, самой блистательной, подъ краснымъ павильономъ галерѣ, называвшейся «*Днѣпромъ*», находилась Императрица. На десятой галерѣ «*Бугъ*», находился Князь Потемкинъ, съ Графинями Браницкою и Скавронскою и ихъ мужьями. На одиннадцатой галерѣ «*Ипуть*», помѣщались Левъ Нарышкинъ, Графъ Шуваловъ и другіе Русскіе вельможи. На двѣнадцатой галерѣ «*Сеймъ*», были иностранные Послы и Министры, въ томъ числѣ и Принцъ де-Линь съ двумя сыновьями. На тринадцатой галерѣ, называвшейся «*Орель*», находился Графъ Чернышевъ съ дочерью. На четырнадцатой галерѣ «*Остеръ*», плыли Камергеры Валуевъ и Салтыковъ съ Камеръ-Юнкерами; на пятнадцатой «*Трубежъ*» — Кохъ и разные Медики, съ Аптекаремъ Гревсомъ; на шестнадцатой «*Лыбедь*» — Камеръ-Пажи, и т. д. Часу въ одиннадцатомъ, когда передовая половина флотиліи, тянувшейся по Днѣпру версты на три, поровнялась съ Каневомъ, всѣ галеры стали на якорь, по обычному пушечному сигналу съ галеры Царицыной. Тогда въ Каневѣ привѣтствовали ихъ 101 выстрѣломъ изъ пушекъ, съ высокой горы, прозванной *Московкою*. На этой горѣ, нѣкогда называвшейся *Греческимъ-Городомъ*, бѣлѣлась огромная колонна (устроенная изъ досокъ, архитекторомъ Кубицкимъ), въ видѣ четырехсторонной пирамиды, украшенной съ каждой

стороны крупнымъ вензелемъ Екатерины II, а наверху Императорскою Короною и надписью изъ Виргилія: «Imperium oceano, famamque terminat astris.» Каневскія горы и удолья полны были народомъ, который, вмѣстѣ съ послѣднимъ Королемъ своимъ, любовался невиданною на Днѣпрѣ флотиліей, пестрѣвшею великолѣпнымъ убранствомъ и звенѣвшею войсковою музыкою. Немедленно отплыла отъ ней къ Каневскому берегу лодка съ Принцами де-Линемъ и Нассаускимъ, для привѣтствія Станислава-Августа. По тогдашнему обычаю, онъ хотѣлъ явиться къ Императрицѣ въ качествѣ *Князя Понятовскаго*; но Екатерина предувѣдомила его, что онъ будетъ принятъ какъ Король и другъ Ея. И вскорѣ прибыли за нимъ двѣ раззолоченныя шлюбки, съ Графомъ Безбородькомъ и Княземъ Барятинскимъ, которыхъ встрѣтилъ и проводилъ къ Королю Коронный Маршалекъ Мнишекъ. Переговоры о дѣлахъ государственныхъ, начатые еще Потемкинымъ въ Хвастовѣ, гдѣ онъ съѣхался съ Королемъ 9 марта, докончены 17 марта въ Каневѣ пріѣзжавшими сюда Русскимъ Посланникомъ Графомъ Штакельбергомъ и Графомъ Безбородькомъ [7]. Нынѣшній день Екатерина хотѣла

[7] Переговоры шли тогда о неприкосновенности Православнаго Русскаго народа подъ Короною Польскою и о торговыхъ отношеніяхъ Польши къ Новороссійскому-Краю. При отъѣздѣ въ Кіевъ, на другой день, Король подарилъ Графу Безбородьку свой портретъ, богато украшенный бриллiантами.

посвятить беззаботному, дружелюбному веселью.

Въ пышныхъ рыдванахъ спустились къ Днѣпру Король и всѣ званые на обѣдъ къ Царицѣ. На первую шлюбку принялъ Короля сынъ Русскаго Адмирала, съ двѣнадцатью матросами, украшенными Чесменскими медалями. Тамъ помѣстился Король съ Графинею Мнишковою, съ Безбородькомъ и Барятинскимъ, съ тремя Польскими Министрами: Мнишкомъ, Понятовскимъ и Браницкимъ, съ Англійскимъ Министромъ Витвортомъ и двумя помянутыми Принцами. На другой шлюбкѣ усѣлись: Смоленскій Бискупъ, Коадъюторъ Нарушевичь, Плятеръ, Шидловскій, Дзѣдушинскій, Деболи, Комаржевскій, Моравскій, Мальтійскій Повѣренный Мезоневръ и Королевскіе Адъютанты: Бышевскій и Киркоръ. Цѣлый часъ плыли они; ибо надо было спуститься сперва внизъ по Днѣпру и потомъ плыть противъ воды. Музыкою и пальбою съ галеръ привѣтствованы были гости. Короля, одѣтаго въ мундиръ Конной Коронной Гвардіи, встрѣтилъ на Императорской галерѣ Фельдмаршалъ Потемкинъ, тоже въ военномъ мундирѣ и шарфѣ. Послѣ краткой бытности въ кабинетѣ, Станиславъ-Августъ вышелъ опять въ пріемную залу, полную блестящимъ собраніемъ, въ челѣ котораго былъ тотъже Потемкинъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышла и Екатерина: на ней было одѣяніе Славянскаго кроя, въ родѣ куптуша, изъ шелковой затканной золотомъ матеріи лиловаго цвѣта,

съ золотымъ шитьемъ вокругъ, съ длинными, закинутыми назадъ рукавами; голова убрана была искусно нѣсколькими булавками и эгреткою, съ брилліантами необыкновенно крупными; на груди блестѣла брилліантовая Андреевская звѣзда, надъ звѣздами Георгіевскою и Владимірскою. Чрезъ полчаса привѣтствій и разговоровъ, Царица подала руку Королю; за ними Потемкинъ, и госпожи Мнишкова, Браницкая и Скавронская, сошли на Императорскую шлюбку, осѣненную краснобархатнымъ, съ золотымъ шитьемъ, балдахиномъ. Въ другихъ шлюбкахъ, слѣдовали за ними прочіе гости на галеру «*Десну*», въ столовую залу. За столомъ, Королю, сидѣвшему возлѣ Царицы съ правой руки, прислуживалъ Камергеръ Валуевъ. По возвращеніи отъ обѣда, Станиславъ-Августъ немедленно отправился на галеру «*Бугъ*», съ визитомъ къ Потемкину, гдѣ вскорѣ Генералъ-Маіоръ Мамоновъ вручилъ ему пакетъ отъ Императрицы съ брилліантовою звѣздою Св. Георгія; говорили всѣ, что это была звѣзда, которую носила сама Императрица: новый Георгіевскій Кавалеръ принялъ поздравленіе въ пріемной залѣ Потемкинской, наполненной знаменитыми гостями, и тамъ оставался до шести часовъ.

Между-тѣмъ, на Царицыну галеру приплылъ съ новорожденнымъ сыномъ своимъ Графъ Тарновскій, Старостичъ Сулеёвскій, котораго домъ во все это время гостепріимно служилъ всѣмъ, проѣзжавшимъ изъ Кіева въ

Каневъ и обратно. Императрица милостиво приняла желаніе Тарновскаго довершить обрядъ крещенія надъ его сыномъ. Бискупъ Нарушевичь, съ двумя Кіевскими Прелатами: Палуцкимъ и Островскимъ, дожидался уже въ пріемной залѣ. По прибытіи туда Короля, вышла и Екатерина, и крестила съ нимъ младенца, названнаго *Станиславомъ-Павломъ.*

Такъ-какъ Императрица намѣрена была рано утромъ пуститься въ дальнѣйшій путь, то Король, около осьми часовъ вечера, вошелъ съ Потемкинымъ въ ея кабинетъ, и откланялся. Пригласивъ къ себѣ на ужинъ Русскихъ Вельможъ и иноземныхъ Министровъ, онъ отплылъ въ Каневъ прежнимъ порядкомъ, въ сопровожденіи Безбородька и Барятинскаго. Музыкою и пальбою провожали его отъ галеръ. Весь Каневъ между-тѣмъ засвѣтился иллюминаціею. Великолѣпный видъ представляла свѣтозарная колонна на горѣ Московкѣ, сверкая своими яркими вензелями Екатерины II. А когда званые гости собрались къ Королю, началась пальба изъ пушекъ, и зажженъ былъ на тойже горѣ богатый фейерверкъ, представлявшій изверженіе вулкана. Тысячи ракетъ снопами летѣли въ темную вышину и съ сосѣдней горы; а другой подобный-же призракъ вулкана уходилъ въ глубину Днѣпровскую. . .

Такъ кончился тотъ воскресный-день, ознаменованный кумовствомъ Русской Царицы съ послѣднимъ Польскимъ Королемъ, на вол-

нахъ Днѣпровскихъ: день конечно самый торжественный въ жизни нашего стараго города Канева![8]...

Чрезъ три года послѣ того, какъ (по выраженію Каневскаго народа) «Царица шла Днѣпромъ» мелькнуло-было еще разъ Гетманство на Русскомъ Югѣ, въ своемъ первобытномъ видѣ, какъ военачальство казацкое. Еще въ 1783 году, когда Румянцовъ обращалъ Малороссійскіе Казацкіе Полки въ Карабинерные, Потемкинъ поручилъ Головатому, Чепегѣ, Тимковскому и Легкоступу, бывшимъ Старшинамъ Запорожской-Сѣчи, собирать прежнихъ оставшихся на Руси сѣчевиковъ, для служенія, подъ его предводительствомъ, въ званіи казацкомъ. Такимъ-образомъ, къ началію Очаковской Войны собралось Казацкое Войско *Черноморское*; а изъ однодворцевъ и другихъ жителей Екатеринославскаго Намѣстничества, въ 1787 году, учредилось Казацкое Войско *Екатеринославское*. Храбро подвизались Черноморцы въ войнѣ съ Турками, подъ начальствомъ своего Кошеваго-Атамана, стараго Запорожца *Харька-Чепеги*. Потемкинъ, въ апрѣлѣ 1790 года, украшенъ былъ лавровымъ вѣнкомъ съ брилліантами въ полтараста тысячь рублей, и титломъ «*Великаго Гетмана* Казацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ Войскъ». Но чрезъ полтора го-

[8] Подробности этого дня заимствованы мною изъ книги напечатанной въ Варшавѣ 1788 года подъ названіемъ: «Dziennik Podróży Króla Jegomości Stanisława-Augusta, roku 1787.»

да раздалась дивная пѣснь «Водопада» Державина:

Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны воды? —
Не ты-ли славы, счастья сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей? ...»

Такъ, въ 1791 году, 5 октября, кончился и этотъ послѣдній призракъ Казацкаго Гетманства, на прекрасномъ челѣ чуднаго Потемкина, который при жизни имѣлъ все, чего душа хотѣла, а умеръ ни при чемъ, въ бездомной степи, какъ *сиромаха* Запорожскій! Собранное имъ, Черноморское Казацкое Войско, въ слѣдующемъ году водворилось въ Тамани, гдѣ со временъ Св. Владиміра было наше Тмутараканское Княжество, и гдѣ ратоборствовалъ тогда храбрый Мстиславъ. Можетъ быть то Лукоморье было и колыбелью Казачества, которое такъ шумно развернулось потомъ за порогами Днѣпровскими, гдѣ сложилъ свою чубатую голову воинственный Князь Святославъ, и гдѣ былъ выброшенъ Днѣпромъ на пески низверженный въ Кіевѣ кумиръ златоусаго Перуна.

Въ 1794 году, богатырь Суворовъ еще разъ прогремѣлъ надъ Польшею; и чрезъ годъ послѣ того, ровно чрезъ два вѣка отъ объявленія Уніи [9], не было Польши нигдѣ на

[9] Церковная Унія окончательно была объявлена 1595 года (9 октября) на Брестскомъ-Соборѣ. Отреченіе Короля Ста-

правой сторонѣ Днѣпра, ни за Днѣстромъ, ни за Вислою; не было и на лѣвой сторонѣ Днѣпра той пограничной цѣпи, которая, отъ устья Сожи до устья Тясмина, тянулась шестидесятью двумя форпостами: на всемъ Днѣпрѣ— и въ Крыму—и въ Тамани — было одно Русское Царство! . . .

Великая совершительница этого возстановленія и расширенія Руси докончила свой славный вѣкъ 6 ноября 1796 года. Черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины, 8 декабря, скончался и герой Задунайскій, доживавшій свой вѣкъ мирнымъ помѣщикомъ и хозяиномъ, на славномъ Супоѣ, въ своемъ Ташанскомъ-Замкѣ: онъ погребенъ въ Кіевѣ, въ Великой Печерской церкви, 7 января 1797 года. Въ 1799 году, 6 апрѣля, скончался Канцлеръ Свѣтлѣйшій Князь Безбородько, знаменитый дипломатъ и миротворецъ Русскій, ходатайствомъ котораго въ 1797 году Малороссія была составляема въ одну губернію и въ ней возобновляемъ былъ прежній порядокъ судопроизводства. Графъ Кирилъ Григорьевичь Разумовскій пережилъ всѣхъ преобразователей Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Хлѣбосольнымъ, благотворительнымъ, веселонравнымъ вельможею,

нислава-Августа отъ Польскаго престола было 1795 года (25 ноября) въ Гроднѣ. Тогоже года и дня былъ подписанъ и указъ Екатерины о присоединеніи къ Россіи Литвы и остальныхъ частей Бѣлоруссіи, Волыни, Подолья и Украины. Станиславъ-Августъ дожилъ вѣкъ свой въ Россіи: онъ умеръ въ Петербургѣ 13 января 1798 года.

онъ доживалъ свой вѣкъ то на Супоѣ въ Яготинѣ, въ сосѣдствѣ съ уединеннымъ, угрюмымъ Румянцовымъ; то на Сеймѣ въ Батуринѣ, возстановленномъ для него изъ полувѣковаго праха. Тамъ, 9 января 1803 года, докончилъ свой вѣкъ послѣдній Гетманъ Малороссійскій, стороннимъ, спокойнымъ зрителемъ великихъ событій и перемѣнъ, совершавшихся въ Русскомъ мірѣ.

X. СОТНИКЪ ИВАНЪ МАКСИМОВИЧЪ, И ЕГО РОДЪ.

Отъ великихъ людей, двигавшихъ судьбою всей Малороссіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, обратимся къ тогдашнимъ Бубновскимъ Сотникамъ. Послѣ Сотника Василевича, было ихъ только два: Иванъ Леонтьевичь *Максимовичь* и Петръ Ивановичь *Неверовскій*.

Сотникъ *Максимовичь* [10], былъ правнукъ *Максима Печерскаго*, который прозывался *Печерскимъ* по мѣсту своего жительства, а его родовое прозваніе было *Васильковскій*. Неизвѣстна мнѣ та Королевская грамота 1668 года, которая гласитъ о Максимѣ, какъ о Шляхтичѣ Короны Польской [11]. Изъ монастыр-

[10] Отъ этого Сотника Максимовича происходитъ и авторъ этой статьи, *М. А. Максимовичь*, какъ онъ самъ ниже объясняетъ въ примѣчаніи 35. *Ред.*

[11] Польское Шляхетство, для многихъ Русскихъ родовъ, составляетъ баснословный періодъ ихъ жизни: какъ это показалъ и ученый Префектъ Кіевскій *Михайло Козачинскій*, своею «Философіею Аристотелевою,» напечатанною 1745 года.

скихъ записей и универсаловъ гетманскихъ знаю я его только послѣ Андрусовскаго трактата, какъ мирнаго и трудящагося гражданина Кіевопечерскаго. Принявъ на себя отъ Лавры принадлежавшую ей аренду мѣстечка *Печерскаго* [12], онъ строилъ своимъ коштомъ плотины и мельницы на Трубежѣ, Вѣтѣ и другихъ рѣкахъ, на мѣстахъ монастырскихъ [13], и тѣмъ

[12] Владѣніе *Печерскимъ* мѣстечкомъ подтверждено было Лаврѣ Царскою граматою отъ 9 мая 1680 года, напечатанною въ «Описаніи Кіевопечерской Лавры» *Митр. Евгенія*, въ прибавленіяхъ подъ № 11, гдѣ между прочимъ сказано: «купцомъ чюжеземскимъ Грекомъ и Волохомъ съ разными «товары и Коломыйцомъ съ солью, пріѣзжая въ томъ мѣ«стечкѣ *Печерскомъ* торговать и товары складывать .... и «перевозомъ владѣть (то-есть—Лаврѣ на Днѣпрѣ), и аренду въ «томъ мѣстечкѣ имѣть». Максимъ Васильковскій названъ также *арендаремъ Печерскимъ*, между прочимъ, и въ поминаніи объ немъ, въ одномъ изъ синодиковъ Пустынно-Николаевскаго монастыря.

[13] Въ старинномъ спискѣ актовъ Межигорскаго Монастыря упоминается «облята постановленя межи монастыремъ Межигорскимъ, а Паномъ Максимомъ Печерскимъ, о збудованю млиновъ на греблѣ Переяславской. 1676 года 25 февраля». Между записями Выдубицкаго-Монастыря есть договоръ Максима Васильковскаго съ Игуменомъ *Ѳеодосіемъ Углицкимъ*, 1686 года 17 марта, на поставленіе млина на рѣкѣ Вѣтѣ. Право на половину этого млина было передано Максимомъ сыну *Михайлѣ*; а по немъ, его жена «*Анна Михайловая Максимовичовая*,» уступила монастырю это право за 500 *золотыхъ*, въ августѣ 1712 года. Въ вышепомянутой записи сказано, что тотъ млинъ поставленъ на *Вѣтѣ*, «межи Хотовымъ и Ходосовкою, посредѣ городища нѣякогось давнего». По моему соображенію, тамъ слѣдуетъ положить мѣсто древняго города *Увѣтичи*, о которомъ поминаютъ наши Лѣтописи.

пріобрѣталъ себѣ право на половинный доходъ. Обезпечивая такимъ способомъ насущный хлѣбъ своей немалочисленной семьѣ, онъ служилъ и общественной пользѣ, какъ сборщикъ пошлины съ иноземныхъ товаровъ, которыхъ складъ былъ тогда въ мѣстечкѣ Печерскомъ. Занимался въ-послѣдствіи и строеніемъ церквей [14]. То было въ первую, свѣтлую пору гетманства Ивана Мазепы—когда онъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ Россіянъ своего времени, служилъ Великому Петру со всею вѣрноподданническою преданностью, былъ почтенъ отъ него довѣренностью безграничною, украшенъ Орденомъ Св. Андрея Первозваннаго (второй—на Руси), пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и достоинствомъ Княжескимъ—когда онъ не былъ еще обидчикомъ и предателемъ Украины, но воздвигая въ ней повсюду (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Глуховѣ, Батуринѣ и въ другихъ мѣстахъ) великолѣпныя церковныя зданія, украшая и обогащая Кіевскую Академію, лаская духовенство и воинство, увлекалъ собою всѣхъ, такъ-что «лавроносный» Яворскій, съ Орновскимъ, Орликомъ и другими Малороссійскими піитами, славили его въ своихъ Латино-Польскихъ панегирикахъ, какъ

[14] Ему принадлежитъ обновленіе Лаврской трапезной церкви, въ 1694 году. См. также упоминаніе о немъ въ «тестаментѣ Митрополита Гедеона», писанномъ 1690 года 21 марта (напечатанъ въ прибавленіяхъ къ «Описанію Кіевософійскаго Собора», подъ № 23).

новаго *Мецената*, *Русскаго Алкида* и т. п. [15] Въ первые годы своего гетманства, Мазепа обратилъ вниманіе на полезные для Войска труды Максима Печерскаго; и за его заслуги принялъ подъ свое покровительство и привлекъ къ себѣ его сыновей. Въ универсалѣ, данномъ ему въ Кіевѣ 1690 года 5 іюня, сказано: «ознаймуемъ, ижъ съ певныхъ респектовъ и «для частой намъ въ войсковыхъ потребахъ «выгоды дознанной, маючи мы до пана *Ма*«*ксима* обывателя Кіевопечерскаго и до сыновъ «его всѣхъ ласкавую нашу прихильность, бе«ремъ его самого и сыновъ его пана Василя, «пана Петра и пана Дмитрія *Максимовичовъ*, «подъ нашу гетманскую оборону». [16]

[15] Въ селѣ Сушкахъ, у помѣщика Н. С. Романовскаго, нашелъ я сборникъ Латино-Польскихъ панигириковъ, печатанныхъ въ разные года XVII вѣка. Въ томъ числѣ есть три панигирика Гетману Мазепѣ: 1) Muza Roxolanska *Іоанна Орновскаго*, напечатанъ въ Черниговѣ 1688 года; 2) Echo, *Яворскаго* (еще *Симеона*, а не *Стефана*), напечатанъ въ Кіевѣ 1689; в) Alcides Rossiyski, *Филипа Орлика*, напечатанъ въ Вильнѣ 1695. Тамъже есть панигирикъ Латинскою прозою, отъ Коллегіатовъ Кіевскихъ, томуже Гетману. Ему же панигирикъ, сочиненный *Петромъ Армашенкомъ*, подъ заглавіемъ «Theatrum perennis gloriae», напечатанъ въ Черниговѣ 1699 года (находится въ библіотекѣ К. К. Свидзинскаго).

[16] Помѣщаю здѣсь одинъ изъ двухъ универсаловъ Гетманскихъ, данныхъ сыну Максима Печерскаго *Василію Максимовичу:* «Іоаннъ Мазепа Гетманъ зъ Войскомъ Ихъ Цар«ского Пресвѣтлого Величества Запорозскимъ. Ознаймуемъ «симъ нашимъ универсаломъ всей Старшинѣ и Чернѣ Вой«ска Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества Запорозкого, «особливе пану Полковникови Переяславскому, Старшинѣ

У Максима Печерскаго было семь сыновей. Старшій изъ нихъ, *Іоаннъ Максимовичь*, былъ человѣкъ духовный. Кончивъ свое ученіе въ Кіевской Академіи или Коллегіи, онъ вскорѣ постригся въ Печерской Лаврѣ, гдѣ служилъ довольно долго Іеромонахомъ, Проповѣдникомъ и Казначеемъ (1681). Послѣ Ѳеодосія Углицкаго, былъ онъ Архимандритомъ Черниговскаго Елецкаго Монастыря; съ 1697 года—Архіепископомъ Черниговскимъ; а съ 1712—Митрополитомъ Тобольскимъ и всея Сибири. Въ исторіи просвѣщенія онъ памятенъ, какъ основатель Черниговскаго Коллегіума, послужившаго образцомъ для Русскихъ Семинарій; а въ Исторіи Словесности Русской онъ извѣстенъ

«его Полковой, Сотникомъ, Атаманови Городовому, Войту и «всѣмъ товариству и посполитымъ того полку обывателемъ, «и кождому кому о томъ вѣдать належить: Ижъ яко са«мого пана Максима Василковского обывателя мѣста Пе«черского, выгодного намъ человѣка и въ дѣлѣ войсковомъ «около выбранья индукты працуючого маемо Мы въ Нашой «Гетманской охоронѣ, такъ респектомъ тоей его годности «и дѣтей его подъ туюжъ Нашу Реймейнтарскую беремо обо«рону, позволяючи сынови его п. Василеви Максимовичу въ «дворѣ его въ Переяславлѣ будучомъ жити свободне, и фоль«варками и всѣми кгрунтами владѣти, и пожитки належитые «привлащати зъ оныхъ зуполне; где и млыны его одинъ на «рецѣ Трубежу на Греблѣ середней мѣской Переяславской о «трохъ колахъ, другій у Глемязови на рецѣ Супои о двохъ «колахъ будучіе, респектомъ тоежъ отца его ку намъ зычли«вости и выгоды, при немъ п. Василеви Максимовичу захо«вуемъ, такое учиникши постановленье, же онъ зъ тыхъ сво«ихъ млыновъ.... размѣровъ отбирати и на свои пожитки «оборочати маетъ цале мѣти; теды хочемъ и приказуемъ, же-

какъ сочинитель девяти книгъ, напечатанныхъ въ Черниговѣ въ первое пятнадцати-лѣтіе прошлаго вѣка. Въ этихъ книгахъ прежде всего бросается въ глаза обиліе рифмованныхъ стиховъ: по исчисленію П. М. Строева, въ книгѣ «Арфавитъ»—10,068 стиховъ; а въ книгѣ «Богородице-Дѣво»—24,260. Но есть и другая особенность въ сочиненіяхъ Іоанновыхъ: «духовное глубокомысліе», столь рѣдкое у современныхъ ему писателей. Скончался онъ въ Тобольскѣ, 10 іюня 1715 года.

Второй сынъ Максима Печерскаго *Василій*, обыватель Переяславскій, служилъ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка Полковникомъ Компанѣйскимъ, и въ 1698 году «за достоинство «Монаршое оппонуючися, въ руки непріятельскіе попалъ, и на Кодымѣ отъ тыхъ же непріятелей бѣсурманъ усѣченіемъ головы животъ «свой докончилъ». Такъ сказано въ универсалѣ гетманскомъ, данномъ въ Глуховѣ 10 генваря 1734 года, сыну Василія Максимовича, Войсковому Товарищу *Леонтію*, отцу Сотника Бубновскаго Ивана Леонтьевича.

«бы ему п. Максимовичу въ владѣнью тыхъ его всѣхъ кгрунтовъ и млыновъ, яко панъ Полковникъ Переяславскій, такъ «зъ Старшины и Черни нихто не важился жадное и наименьшое чинити перешкоды и трудности, подъ виною неотпустного срокго войскового каранья. Данъ въ Батуринѣ, генваря «21 року 1688. Звышъ менованный Гетманъ рукою власною.» Другой универсалъ, данный въ Батуринѣ 19 марта 1691 года, дозволяетъ Василію Максимовичу выдѣлку селитры на войсковыхъ Переяславскихъ буртахъ.

Третій сынъ Максима Печерскаго *Петръ*, Значковый-Товарищъ, былъ тоже обыватель Переяславскій. Его старшій сынъ *Иванъ* служилъ Писаремъ Войсковой Канцеляріи, при Генеральномъ Писарѣ Орликѣ, съ которымъ бѣжалъ въ 1709 году; воротился изъ Царяграда на Русь уже въ 1715 году, и отправленъ былъ изъ Глухова на жительство въ Москву, гдѣ получалъ по десяти копѣекъ на дневное содержаніе. Меньшой братъ его *Степанъ* кончилъ свою службу и жизнь Очаковскимъ походомъ 1737 года, въ чинѣ Бунчуковаго-Товарища.[17]

Четвертый сынъ Максима Печерскаго *Дмитрій* въ 1708 году былъ Генеральнымъ-Асауломъ: послѣ битвы Полтавской бѣжалъ онъ съ Гетманомъ Мазепою въ Бендеры, откуда впрочемъ немедленно явился съ повинною головою, и въ августѣ 1709 года отправленъ былъ въ Москву на допросъ. Старшій сынъ его *Ѳедоръ*, въ царствованіе Елисаветы, служилъ Полковникомъ Стародубовскимъ, и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ[18]. Второй сынъ

[17] Этотъ Переяславскій *Степанъ Петровичъ Максимовичъ* женатъ былъ на *Евдокіи Петросковнѣ*. Меньшая сестра его *Елена Петровна* была за-мужемъ сперва за Василіемъ Каневцемъ, а потомъ за Барышевскимъ Сотникомъ Исаемъ Денисовичемъ, родоначальникомъ *Исаевичей*.

[18] Ведется преданіе, что во время затѣйливыхъ проводовъ Елисаветы въ Кіевъ, придуманныхъ Лизогубомъ (объ которыхъ см. въ «Исторіи Малороссіи»), *Ѳедоръ Дмитріевичъ* отдавалъ честь, держа и поворачивая въ рукахъ пушку, вмѣ-

Иванъ служилъ Поручикомъ Лейб-Гвардіи Измайловскаго Полка, и убитъ Турками подъ

сто ружья. Помѣщаю здѣсь сообщенную мнѣ объ немъ выписку, изъ дневныхъ записокъ Генеральнаго Хорунжаго *Николая Ханенка*, изъ которой видѣнъ тогдашній обрядъ поступленія въ Полковничество: «Подлугъ отданного вчора приказу, собранъ полкъ съ знаменами передъ мою квартеру; а потомъ какъ прибылъ и Полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музыкою. Потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церкви; и какъ тамъ построился въ тріангулъ, то и я зъ Полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при игранью музыки, ружьемъ, и выпалено зъ трохъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ Полковымъ знаменамъ, и старшина полковая и Сотники и Значковые посередъ строю стали; то я, учинивъ объявленіе о опредѣленіи въ полкъ Стародубовскій Полковникомъ господина Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ Войсковой Енералной Канцеляріи ономужъ господину Полковнику унѣверсалъ, который и читалъ Писарь Полковый Стефанъ Петрункевичь. А по прочтеніи унѣверсалу взялъ я первей большое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручалъ Полковнику; потомъ показавъ емужъ лѣтавры и музыку полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрыть, и по здешнему обычаю покрывъ его шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его Полковника полученіемъ той Императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ выпалено; и пошли всѣ въ церковъ. А по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушокъ палбѣ; а на остатокъ изъ мѣлкого ружья козаки одинъ залпъ выпалили. Потомъ обѣдали у Полковника, и при многократной зъ мортировъ и мѣлкого ружья палбе пулями допозна въ ночь.» Слич. подобную выписку о выборѣ Казацкаго Полковника, напечатанную въ «Старинѣ», изданной *Николаемъ Сементовскимъ*, С.П.Б. 1846, стр. 46.

конецъ Румянцовской войны; а третій сынъ *Василій* былъ Сотникомъ Черпотицкимъ.

Пятый сынъ Максима Печерскаго *Григорій* служилъ въ Переяславѣ Протопопомъ Успенской Соборной церкви, съ 1680 года. Изъ его дѣтей мнѣ извѣстенъ сынъ *Владиміръ*, служившій Войсковымъ-Товарищемъ.[19]

Двое остальныхъ сыновей Максима Печерскаго, *Михайло* и *Антонъ*, служили Бунчуковыми-Товарищами при Гетманѣ Мазепѣ, и пожалованы отъ него селомъ Луками (1700). Антонъ умеръ безпотомственно; а послѣ Михайла, осталась вдова *Анна* (1712), съ сыновьями *Семеномъ* и *Іакинѳомъ*. Этотъ-послѣдній былъ Монахомъ; а Семенъ Михайловичь служилъ сперва въ Глуховѣ въ Войсковой Канцеляріи; потомъ (съ 1719) Сотникомъ Черпушскимъ, въ каковомъ званіи отъ Гетмана Скоропадскаго пожалованъ селомъ Бондарями (1721); въ гетманство-же Апостола былъ Лубенскимъ Полковымъ Судьею. Его сыновья: *Петръ*, *Ѳедоръ*, *Акимъ*, *Иванъ* и *Данило*, служили всѣ въ разныхъ чинахъ, преимущественно въ полку Лубенскомъ. Старшій сынъ Петра Семеновича *Степанъ* былъ Полковникомъ Лубенскаго Малороссійскаго Полка; а меньшой *Тарасъ*—Полковникомъ Гусарскимъ.[20]

[19] *Владиміръ Григорьевичь Максимовичь* не имѣлъ дѣтей мужескаго пола; а дочь свою выдалъ за Лубенскаго Полковника Кулябку.

[20] Въ Румянцовскую Войну, когда Екатерина-Вторая, въ исходѣ 1769 года, учредила военный орденъ Св. Георгія-По-

Вотъ краткая поминка о первыхъ потомкахъ *Максима Печерскаго.* Сотникъ Бубновскій *Иванъ Леонтьевичь Максимовичь* происходилъ отъ него, какъ уже выше было сказано, чрезъ втораго сына его Василья, которому былъ внукомъ [21]. Онъ родился 1727 года, въ мѣстечкѣ Гремячѣ (Стародубовскаго Полка), и по достиженіи двадцати-лѣтняго возраста

бѣдоносца, Румянцовъ пожалованъ былъ первый въ Георгіевскіе Кавалеры 1 класса, 27 іюля 1770 года; а изъ Малороссіянъ въ томъже году награждены Георгіевскими крестами: 3 класса — Бригадиръ Иванъ Васильевичь Гудовичь, будущій Графъ и Фельдмаршалъ; 4 класса — Лубенскій Полковникъ *Степанъ Петровичь Максимовичь*, бывшій потомъ Бригадиромъ.

[21] Послѣ *Василія Максимовича*, въ Переяславѣ осталась вдова *Ѳеодосья*, съ сыновьями *Леонтіемъ* и *Іосифомъ*. *Леонтій Васильевичь* сперва служилъ въ Переяславскомъ Полку, а послѣ (кажется съ 1727 года) служилъ и жилъ въ Полку Стародубовскомъ. Въ 1734 году, онъ увольнился по калѣчеству отъ войсковыхъ службъ. Универсалъ на это увольненіе данъ 9 генваря того года; а 10 генваря другой универсалъ, подтверждающій за нимъ отцовскія имѣнія въ Переяславскомъ Полку. Оба подписаны такъ: «Звишъ менованный Гетманъ и «Кавалеръ. А вмѣсто власной Рейментарской руки, по повелѣнію Его Ясновелможности на сей часъ болѣзнствующого, «подписалъ Войсковый Енералной Писарь *Михайло Турковскій.*» Кромѣ своихъ отцовскихъ земель, Леонтій Васильевичь имѣлъ владѣніе въ селѣ Семіоновкѣ, купленное имъ вмѣстѣ съ его женою *Евдокіею Васильевною.* Скончался онъ 25 февраля 1745 года; погребенъ въ Успенскомъ Каменскомъ монастырѣ въ Глуховѣ. Евдокія Васильевна, по смерти перваго своего мужа, была за *Григоріемъ Лукашевичемъ*, Переяславскимъ Полковымъ Асауломъ, по смерти котораго (въ 1756 году) опять осталась вдовою.

опредѣлился на службу въ Войсковой Генеральной Канцеляріи; но передъ тѣмъ женился, и притомъ довольно оригинально. По желанію своей матери, онъ ѣхалъ къ предназначенной своей невѣстѣ Марѳѣ, дочери Лѣплявскаго Сотника Василья Лазаревича, и не доѣзжая Лѣпляваго, остановился на ночлегѣ въ Прохоровкѣ. Сотникъ Василевичь пригласилъ къ себѣ молодаго путника, который охотно прогостилъ у него и другой день; а на третій день сталъ его зятемъ. Тѣмъ началось водвореніе его въ Прохоровкѣ, вслѣдствіе котораго онъ 1752 года былъ выбранъ здѣсь въ кандидаты на Сотничество, и утвержденъ въ немъ универсаломъ Гетмана Разумовскаго, даннымъ, тогоже года 28 іюля, въ Козельцѣ. Впрочемъ Иванъ Леонтьевичь не избѣжалъ своей судьбы; послѣ первой жены Мотрены Ѳедоровны, скончавшейся въ Прохоровкѣ 8 января 1757 года, онъ женился вторымъ бракомъ на первосуженой невѣстѣ своей Лазаревичевой, которая крѣпко смутила его старость своимъ помѣшательствомъ, и скончалась 1796 года, въ Борисполѣ, у своей сестры Афендиковой.

Хотя служба Сотницкая была военною, и Иванъ Леонтьевичь исправлялъ ее шестнадцать лѣтъ, но ему ни разу не довелось побывать на поляхъ битвы: атлетическая его сила развертывалась только на бесѣдахъ пріятельскихъ, ломкою подковъ, удержаніемъ лодейной мельницы на быстринѣ Днѣпровской, и тому подобны-

ми выходками молодечества. Подобно Гетману своему, и нашъ Сотникъ былъ не воинъ, а гражданинъ. Въ послѣдній годъ Гетманщины, то-есть 1764 года, открылся «*Золотоношскій* Повѣтъ», къ которому стала принадлежать *Бубновская-Сотня* по гражданскимъ и земскимъ дѣламъ, не переставая принадлежать къ «Переяславскому Полку» по дѣламъ войсковымъ и уголовнымъ (которыми сталъ тогда завѣдывать въ Переяславѣ *Гродскій* Судъ). Въ Золотоношѣ, называвшей себя уже «городомъ», но называемой все еще «мѣстечкомъ», открылись тогда Суды *Земскій* и *Подкоморскій*, и начали разъѣзжать *Возные*: Повѣтовый съ Сотенными. Въ 1768 году, когда на правой сторонѣ Днѣпра бушевала Конфедерація Барская и возбужденная ею «Колѣевщина», лѣвая сторона Днѣпра закипѣла всякаго рода приготовленіями къ Турецкой войнѣ; и на поляхъ Переяславскихъ до глубокой осени продолжался «компаментъ», гдѣ находился самъ Румянцовъ съ своею Походною Канцеляріею; а съ октября начальствовалъ тамъ Генералъ-Поручикъ фонъ-Дальке. Такого многолюдства военнаго не видали подъ Переяславомъ съ той поры, какъ Генеральный-Обозный Яковъ Лизогубъ собиралъ сюда въ 1741 году всѣ Малороссійскіе Полки для смотра. Въ началѣ того бурнаго 1768 года, Сотникъ Максимовичь поступилъ въ должность Коммиссара Переяславскаго, въ которой пробылъ онъ четырнадцать лѣтъ, до преобразованія Малороссіи; въ это время награжденъ

онъ былъ отъ Румянцова (25 іюля 1779) чиномъ Бунчуковаго-Товарища.

Въ 1782 году, въ числѣ одиннадцати «уѣздовъ» новооткрытаго тогда Кіевскаго Намѣстничества, учредился «уѣздъ *Золотоношскій*»[22]. *Зо-*

[22] Кіевское Намѣстничество составлено было изъ Полковъ *Кіевскаго*, *Переяславскаго*, *Лубенскаго*, *Миргородскаго*, и изъ частей Полковъ *Прилуцкаго* и *Гадяцкаго*. Первоначально было раздѣлено оно на одиннадцать уѣздовъ: *Кіевскій*, *Козелецкій*, *Остерскій*, *Переяславскій*, *Золотоношскій*, *Пирятинскій*, *Лубенскій*, *Миргородскій*, *Хорольскій*, *Голтвянскій* и *Городискій*. Нелишнимъ считаю здѣсь припомнить, что въ Кіевскомъ Полку только *Кіевская*-Сотня была на правой сторонѣ Днѣпра, а на лѣвой были Сотни: *Козелецкая*, *Остерская*, *Носовская*, *Бобровицкая*, *Гоголевская*, *Моровская*, *Кобизская;* къ Переяславскому же Полку принадлежали Сотни: *Полковая-Переяславская*, *Терехтемировская*, *Вороньковская*, *Бориспольская*, *Басанская*, *Березанская*, *Яготинская*, *Глемязовская*, *Золотоношская*, *Пищанская*, *Кранивянская*, *Ирклѣевская*, *Домонтовская*, *Бубновская* и *Лѣнлявская*. Такъ было въ царствованіе Петра I. Послѣ того въ разное время, отъ Переяславскаго Полка была отчислена *Бориспольская*-Сотня къ Кіевскому Полку (оставаясь по церковному отношенію въ Переяславской Епархіи); а въ немъ, кромѣ остальныхъ тринадцати Сотенъ, были еще установлены Сотни: *Перво-Переяславская*, *Второ-Переяславская*, *Барышевская*, и наконецъ *Каневская* (подраздѣленіемъ прежней *Ирклѣевской* Сотни надвое). Первоначальная межа Золотоношскаго уѣзда, въ 1782 году, положена была у Днѣпра, между землями села Решѣтокъ (Золотоношскаго уѣзда) и села Комаровки (Переяславскаго уѣзда), выходила по-ту-сторону села Хоцекъ, и проходя черезъ такъ-называемый «Малый-Валъ» (очень древній), продолжалась между землями Хоцковскими и Полдговскими; конецъ этой межи шелъ опять къ Днѣпру черезъ рѣчку Сомовицу и озеро Яцково, потомъ черезъ озеро Гусиное и

лотоноша окончательно утвердилась въ достоинствѣ «города»; а бывшій городъ *Бубновъ* остался на степени простаго «мѣстечка» (почти уравнившись съ Волынскимъ селомъ *Бубновомъ*, между Берестечкомъ и Локачами, которое можетъ быть помянуто развѣ тѣмъ, что въ немъ 24 февраля 1787 года, у владѣльца его Стройновскаго, ночевалъ Король Станиславъ-

Калиты, между землями села Мутишинецъ (Городискаго уѣзда) и деревни Дубинокъ (Золотоношскаго уѣзда). Въ 1792 году, было совсѣмъ иное ограниченіе: межа начиналась на нашемъ Днѣпровскомъ островѣ Шелестовѣ, шла на немъ черезъ озерцо Покалъ или Покалецъ, и перейдя черезъ рѣчище, называемое у насъ Козаркою, направлялась между землями села Келеберды (тогда Переяславскаго уѣзда) и нашей Прохоровки (мимо бывшаго тогда здѣсь хутора Графа П. В. Завадовскаго, который имъ купленъ былъ у Танчаго, и назывался Веселовщиною); перейдя потомъ черезъ большую Золотоношскую дорогу, она направлялась между Глемязовымъ (тогда Переяславскаго уѣзда) и Пѣщаною, черезъ рѣчку Коврáецъ, и т. д.; конецъ межи шелъ опять къ Днѣпру между землями мѣстечка Чигиринъ-Дубровы (тогда Хорольскаго. а передъ тѣмъ Городискаго уѣзда) и землями деревни Воинской и села Лялинецъ, по Днѣпровскому рѣчищу Глушцу и черезъ озеро Закитное. Въ оба эти межеванія Золотоношскимъ Уѣзднымъ Землемѣромъ былъ Прапорщикъ *Василій Клементьевъ*. Такимъ образомъ въ составъ Золотоношскаго уѣзда входили: изъ Переяславскаго Полка — Сотни: *Золотоношская*, *Пѣщанская*, *Бубновская*, *Домонтовская*, *Крапивянская*, *Канеевская*, *Иркліевская*, *Глемязовская*, *Лѣплявская*, часть *Второ-Переяславской* (село Хоцки) и часть *Яготинской* (село Коломійцы и проч.); да изъ Лубенскаго Полка — большая часть *Яблуновской*-Сотни (Яблуновъ, Бѣлоусовка и проч.) и три слободки изъ Сотни *Перво-Пирятинской*.

Августъ съ своею свитою, ѣдучи изъ Варшавы въ Каневъ, для свиданія съ Русскою Царицею). При выборѣ Членовъ для Золотоношскаго Уѣзднаго Суда, Коммиссаръ *Максимовичь* выбранъ былъ въ Судьи. Въ Засѣдатели тогдаже поступили: Полковой Судья *Василь Леонтовичь* и Полковой Асаулъ *Ѳедоръ Тимковскій*; а въ Секретари — Войсковой Товарищъ *Никифоръ Зубковскій*.

Въ тоже время, новооткрытыя «Коммиссіи о разборѣ Дворянства» привели Малороссіянъ къ историческому самопознанію, обративъ ихъ вниманіе на предковъ. Тогда и въ предѣлахъ нашей, уже прекратившейся Бубновской-Сотни, все, что̀ принадлежало самолично или своими предками къ Сотенной Старшинѣ, засуетилось и зашевелило бумажными листами вмѣсто знаменъ; и много перебралъ тогда рублишковъ Прохоровскій серебряникъ *Ѳома Антоновичь Снѣжка* (выходецъ изъ-за Днѣпра), рисуя гербы и вырѣзывая печатки здѣшнимъ искателямъ Дворянства. *Иванъ Леонтьевичь Максимовичь* съ своимъ родомъ былъ внесенъ, въ 1784 году, въ шестую часть родословной дворянской книги Кіевскаго Намѣстничества[23].

Черезъ годъ послѣ того, на новыхъ выборахъ, Иванъ Леонтьевичь изъ Судей выбранъ былъ въ Предводители Золотоношскаго Дво-

[23] Къ слову о гербахъ помяну здѣсь, что въ старину гербомъ всей Бубновской-Сотни былъ «равноконечный крестъ съ полумѣсяцомъ».

рянства [24]. Въ этомъ званіи, въ апрѣлѣ 1787 года, онъ, вмѣстѣ съ другими Предводителями Кіевскаго Намѣстничества, имѣлъ счастіе провожать Екатерину-Вторую, Днѣпромъ, изъ Кіева до Кременчуга. Этотъ городъ былъ тогда гражданскимъ средоточіемъ Новороссійскаго-Края; и Августѣйшая Путешественница нашла его «несравненно веселѣе Кіева» [25]. Въ то время Иванъ Леонтьевичь удостоился получить отъ Императрицы золотую табакерку съ Ея портретомъ; а отъ Короля Станислава-Августа золотой перстень съ его портретомъ, обсыпаннымъ вокругъ мелкими брилліантами.

Разскажу здѣсь примѣчательный случай, сохранившійся отъ того времени въ неизгладимой памяти нашихъ Побережанъ. На разсвѣтѣ понедѣльника, въ который Екатерина отплыла отъ Канева, наши Священники въ облаченіи и всѣ Прохоровцы собрались торжественно у Днѣпра на Бѣлой-Косѣ; но утренній дождистый туманъ не далъ имъ ни себя показать, ни разглядѣть царственной флотиліи. Въ то утро, больше-чѣмъ въ обыкновенные понедѣльники, приставало челновъ и дубовъ на Прохоровскій берегъ; на одномъ челнокѣ былъ Суворовъ. Обрызганный

[24] На мѣсто *Ивана Андреевича Синеока*, Коллежскаго Ассесора, бывшаго прежде Судьею въ Золотоношскомъ Земскомъ Судѣ.

[25] Такъ писала Государыня въ Москву къ Еропкину, въ день прибытія своего въ Кременчугъ, то-есть 30 апрѣля.

дождемъ онъ вбѣжалъ въ топившуюся хату казака Ковалевскаго, и спросилъ себѣ *поснѣдать*. Бывалый казакъ (про котораго всѣ говорили, что онъ ходилъ и въ гайдамакахъ) узналъ своего гостя, и побѣжалъ увѣдомить Сельское Начальство. Но Русскій богатырь, перекусивъ наскоро казацкой *стравы*, положилъ хозяйкѣ подъ скатерть три серебряныя монетки, и скрылся въ туманѣ. Разсказываютъ также, что наканунѣ того дня ждали въ Прохоровку Графа Безбородька. Онъ приплылъ сюда уже за полночь: отказался отъ всѣхъ церемоній, съ какими явились-было къ нему Базилевичи; и принявъ отъ нихъ только бутылку вишневки, переночевалъ запросто въ набережной хатѣ ранговыхъ крестьянъ Секретовъ.

Дослуживъ свое трехлѣтіе Предводительства, Иванъ Леонтьевичь Максимовичь доживалъ свой вѣкъ въ Прохоровкѣ, оставаясь до смерти въ чинѣ Бунчуковаго-Товарища, которымъ онъ дорожилъ. Росту былъ онъ средняго; сложенія крѣпкаго, плечистаго; лица открытаго. Нравомъ былъ тихъ; хорошо говорилъ по-Латыни и по-Польски; любилъ пѣть и играть на гусляхъ. Ходилъ всегда въ привычномъ ему нарядѣ: въ шелковомъ кафтанѣ съ широкимъ персидскимъ поясомъ, въ суконномъ кунтушѣ съ вылѣтами; сѣдые волосы свои подбривалъ въ чубъ. Скончался въ Кіевѣ 4 декабря 1801 года, семидесяти лѣтъ отъ роду; погребенъ на горѣ Щековицѣ при цер-

кви Всѣхъ-Святыхъ, возлѣ южныхъ дверей. [26]

Дѣтей у Ивана Леонтьевича было четверо (всѣ отъ первой жены): дочь и три сына. Изъ послѣднихъ, самый старшій, по-имени *Алексѣй*, рожденный 12 февраля 1754 года, умеръ въ малолѣтствѣ. Затѣмъ, родъ его продолжился двумя оставшимися сыновьями: *Васильемъ* и *Иваномъ*. [27]

[26] Въ послѣдніе годы жизни, великимъ утѣшеніемъ для него было присутствіе старшей сестры *Прасковьи Леонтьевны*. Еще съ 1740 года находилась она въ Погарѣ, за Войсковымъ-Товарищемъ *Василіемъ Соболевскимъ*, сыномъ храбраго Погарскаго Сотника Семена Соболевскаго. Оставшись тамъ бездѣтною вдовою, она продала свое имѣнье (въ деревнѣ Муравьяхъ и селѣ Суховѣевкѣ); сложила свое имущество на барку, посадила въ нее подвластныхъ себѣ Литвиновъ, по десяти душъ обоего пола, и пустилась Десною и Днѣпромъ въ Прохоровку. По прибытіи сюда, въ 1787 году, купила себѣ за 800 рублей домъ съ дворомъ и другими лоскутками земли, у бывшаго Сотника Неверовскаго. Тихая и привѣтная старушка, она до преклонныхъ лѣтъ была отмѣнно бодра, такъ-что могла еще метко стрѣлять изъ ружья, и нерѣдко охотилась разъѣзжая на дрожкахъ по лугамъ над-Днѣпровскимъ. Скончалась 5 февраля 1803 года, осьмидесяти лѣтъ отъ роду, и погребена на Прохоровскомъ кладбищѣ. То мѣсто, гдѣ жила она надъ Днѣпромъ, гдѣ былъ дворъ послѣдняго Бубновскаго Сотника, называется теперь *Соболевщиною*.

[27] Что касается до дочери Ивана Леонтьевича, по-имени *Татьяны*, то она, рожденная 12 февраля 1753 года, осталась четырехъ лѣтъ послѣ матери и, выросши при мачихѣ, семнадцати лѣтъ выдана была за Войсковаго-Товарища *Михайла Семеновича Копцевича*. Сынъ Переяславскаго Сотника, Копцевичь буйно проводилъ свою молодость; и это страшило невѣсту. Послѣ своего «дѣвичь-вечера» (25 января 1770

Василь Ивановичь Максимовичь, рожденный 28 февраля 1755 года, служилъ по штатской службѣ, начавъ ее въ Полковой Переяславской Канцеляріи 1769 года, и продолжая въ Курскѣ, въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, до 1790 года. Затѣмъ онъ, пробылъ около четырехъ лѣтъ въ отставкѣ, при отцѣ своемъ, для занятій хозяйскихъ. Въ тѣ годы жили на Супоѣ два бывшіе правителя Малороссіи, единственные тогда Русскіе Фельдмаршалы: Разумовскій и Румянцовъ. Василь Ива-

года) она со слезами молилась въ своей комнаткѣ, передъ образомъ *Богоматери-Гданской*, который дѣду ея Сотнику Василевичу достался въ 1734 году при осадѣ Гданска и которымъ въ-послѣдствіи онъ благословилъ дочь свою послѣ вѣнца. Долго невѣста лежала послѣ молитвы безъ сна, при свѣтѣ лампады; и видѣла, какъ вошла къ ней покойная мать, въ бѣломъ одѣяніи, и ставъ на колѣни передъ образомъ, молилась долго, а потомъ обратясь къ постели, сказала: «Выходи спокойно, дитя мое: онъ перемѣнится!» Такъ и сбылось: Татьяна Ивановна была счастливою женою; Михайло Семеновичь былъ достойнымъ семьяниномъ и гражданиномъ. Изъ немалаго числа ихъ дѣтей извѣстенъ болѣе другихъ второй сынъ *Петръ Михайловичь*, служившій Капитаномъ въ Гатчинской Ротѣ при Наслѣдникѣ Павлѣ Петровичѣ. Въ войну двѣнадцатаго года онъ служилъ Генералъ-Лейтенантомъ, потомъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Западной-Сибири, наконецъ Командиромъ Внутренней Стражи. Любимецъ своего артиллерійскаго мундира, онъ скончался 3 іюня 1841 года въ Оренбургѣ, поѣхавъ туда для леченія кумысомъ. Въ Переяславѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память вкладомъ въ Сохранную Казну сорока-тысячь рублей, для ежегодной выдачи процентовъ двумъ бѣднымъ невѣстамъ и инвалидной командѣ, въ родномъ ему городѣ.

новичь посѣщалъ обоихъ, развеселяя ихъ своимъ остроуміемъ. Бывшему Гетману, каждую весну, на подставныхъ тройкахъ, доставлялъ онъ въ Яготинъ живаго осетра, по старому обычаю Прохоровскому; бывшаго же Намѣстника лакомилъ часто подпѣпровскою дичью своей охоты, ястребиной и псовой. [28] Между тѣмъ сдѣлался онъ Переяславскимъ Исправникомъ. Генералъ-Губернаторъ Александръ Андреевичь Беклешовъ, переѣзжая черезъ Переяславъ, очень полюбилъ распорядительнаго Исправника, и перевелъ его сперва въ Богуславъ Коммиссаромъ, а въ 1799 году въ Кіевъ Полиціймейстеромъ, и лѣтомъ тогоже года исходатайствовалъ ему чинъ Надворнаго Совѣтника, прямо изъ Титулярныхъ. [29] Въ

[28] За это Ташанскій помѣщикъ не одинъ разъ благодарилъ Василя Ивановича учтивыми письмами (1792 — 94); а владѣлецъ Яготина прислалъ ему однажды Вѣнскую карету запряженную четверикомъ дюжихъ воловъ. Въ первое же воскресенье Василь Ивановичь явился въ Яготинъ въ Вѣнской каретѣ на этомъ самомъ четверикѣ. Графъ хохоталъ отъ этой выходки, и потомъ сталъ изъясняться, что у него въ Яготинѣ однѣ только англизированныя лошади. «Это ничего, Ваше Сіятельство!» сказалъ Василь Ивановичь: «я ѣздилъ бы и на куцыхъ!» Такой отвѣтъ позабавилъ Графа; и четверо отличныхъ коней были прибавкою къ Вѣнской каретѣ.

[29] Поздравляя его съ этою Монаршею милостью, письмомъ изъ Петергофа отъ 1 іюля 1799 года, Александръ Андреевичь шутливо прибавилъ на этомъ письмѣ: «Теперь уже нечего боятся, что топать стану ногою: самъ ставъ панъ, и надѣвай какой хочешь кафтанъ!» Вообще онъ часто

этомъ чинѣ онъ и вышелъ въ отставку, въ 1801 году, послѣ чего жилъ спокойно въ Прохоровкѣ. Въ сентябрѣ 1823 года, онъ похоронилъ въ Переяславѣ супругу свою *Евдокію Ивановну*, урожденную *Базилевичеву-Верховскую*; а весною 1825 года повезъ сына своего на теплыя воды въ Пятигорскъ, и тамъ скончался 1 іюля, на семдесятъ-первомъ году жизни. [30]

Иванъ Ивановичь Максимовичь, меньшой изъ сыновей Сотника, родился 29 августа 1756 года; двадцати лѣтъ поступилъ на службу Лейб-Гвардіи Капраломъ; черезъ три года выпущенъ въ армію, и служилъ въ Брянскомъ пѣхотномъ полку; былъ потомъ въ походѣ Польскомъ 1783 года, подъ командою Генералъ-Аншефа Графа Ивана Петровича Салтыкова; а съ 1787 года нахо-

писалъ къ Василю Ивановичу и послѣ, изъ Москвы и Риги: послѣднее письмо писано было по возвращеніи изъ Петербурга въ Ригу, отъ 28 декабря 1808 года.

[30] *Николай Васильевичь*, сынъ *Василья Ивановича*, рожденный въ Богуславѣ 1797 года 31 іюля, учился во Второмъ Кадетскомъ Корпусѣ, служилъ въ артиллеріи и вышелъ въ отставку Подпоручикомъ. По смерти отца, воротясь съ Кавказскихъ водъ въ здоровьи, онъ женился въ Богодуховкѣ, 24 октября 1826 года, на Александрѣ Михайловнѣ Дарагановой; служилъ нѣсколько времени Золотоношскимъ Предводителемъ и Почетнымъ Смотрителемъ; а нынѣ живетъ благополучнымъ семьяниномъ и помѣщикомъ, въ Прохоровкѣ, въ благоустроенномъ дому отца своего. Меньшой братъ его *Михаилъ*, любимецъ матери, умеръ въ 1818 году, девятнадцати-лѣтнимъ юношею.

дился въ Крыму, подъ командою Генералъ-Аншефа Михайла Васильевича Каховскаго. Въ отставку вышелъ 1791 года, Секундъ-Маіоромъ. Еще до похода въ Польшу, онъ женился въ Слободской губерніи, въ селѣ Голубовкѣ, на дочери отставнаго Сотника Василя Андреевича *Романова*[31], *Еленѣ Васильевнѣ*, которая тамъ и оставалась до 1790 года, съ первымъ сыномъ своимъ *Александромъ*. Иванъ Ивановичь былъ высокаго, слишкомъ тринадцати вершковаго роста; лица красиваго, взгляда чрезвычайно проницательнаго. Въ бесѣдахъ былъ весельчакъ, и порою любилъ погулять; но вообще былъ преданъ труду, чуждъ всякаго искательства, и любилъ старосвѣтскую простоту жизни[32]. Пріѣхавъ въ 1791 году въ

[31] Василь Андреевичь Романовъ былъ Сотникомъ Недригайловскимъ, въ Сумскомъ Полку (въ которомъ послѣднимъ Казацкимъ и первымъ Гусарскимъ Полковникомъ былъ сродникъ его Романъ Романовъ). Скончался онъ въ Голубовкѣ 10 марта 1794 года. Жена его, *Анна Ѳедоровна*, была изъ дому *Герасима Кондратьева*, перваго Полковника и основателя Сумскаго Слободскаго Полка.

[32] Вотъ какъ высказывался онъ въ письмѣ своемъ женѣ отъ 27 іюня 1790 году, изъ Яникале въ Прохоровку: «Душа, «жизнь моя, всенаилюбезнѣйшая Аліона Васильевна! За великое «щастіе почту, если дарустъ Богъ мнѣ изъ сего краю чe«резъ годъ вырваться . . . а тамъ какъ Богъ велитъ, такъ будемъ «и жить; худоль, хорошоль, но вмѣстѣ съ другомъ пріятно «и хлѣбца съ водицей покушать. Не грусти, вседражайшая «моя! во всемъ твердо уповай на Бога: Онъ насъ препи«таетъ. Лучше быть малымъ довольнымъ, нежели обидя «ближняго и въ богатствѣ быть недовольну и ненасытну . . . «Прошу еще васъ: продайте ваше розовое гранитуровое

Прохоровку, онъ въ началѣ слѣдующаго года купилъ себѣ тамъ грунтъ за 18 рублей съ полтиною, у Войсковаго-Товарища Павла Киктя, и зажилъ собственнымъ дворомъ, близь двора отцовскаго. Начиная хозяйничать, онъ своими руками затиралъ винокуренную кадь; и трудясь постоянно, жилъ до смерти въ небольшой свѣтличкѣ. Не просторнѣе были у него двѣ свѣтлички и для жены, которая въ угоду ему повязывала голову шелковымъ платкомъ, а въ память прежняго убранства выпускала оборку чепца изъ-подъ платка. Но о внутреннемъ довольствѣ житья и хлѣбосольствѣ его вспоминаютъ и теперь здѣшніе старожилы. Въ народѣ знали его всѣ подъ именемъ «*Маіора*». Скончался онъ 9 сентября 1826 года, семидесяти лѣтъ отъ роду; и погребенъ на Прохоровскомъ кладбищѣ. Тамъ почиваетъ и супруга его, скончавшаяся 17 ноября 1822 года.

Дѣтей у Ивана Ивановича было всѣхъ трое: два сына и дочь. Старшій изъ всѣхъ, *Александръ Ивановичь Максимовичь*, родился въ Голубовкѣ 13 августа 1782 года [33]. Съ 1795 года, находился онъ при дядѣ своемъ Василѣ

«платье; вамъ его носить не кстати: а на тѣ деньги, когда «пріѣду, можете себѣ здѣлать Кіевскаго Намѣстничества, «которое весьма прилично вамъ будетъ.».

[33] Остальные дочь и сынъ Ивана Ивановича родились въ Прохоровкѣ: въ 1791 году, дочь *Екатерина*, находящаяся въ замужествѣ за Львомъ Павловичемъ Деркачемъ; а въ 1793 году, сынъ *Хрисантъ*, служившій по гражданской части въ Перекопѣ, и тамъ умершій 1831 года отъ холеры.

Ивановичѣ, сперва въ Переяславѣ и Богуславѣ, потомъ въ Кіевѣ, служа и вмѣстѣ учась, чему Богъ пошлетъ: отъ того — тому, отъ другаго — другому; между прочимъ, физикѣ и архитектурѣ отъ *Иринея Фальковскаго*[34]. Въ 1803 году, онъ оставилъ свою Кіевскую службу,

[34] Сей достопамятный Архипастырь, въ то время еще Іеромонахъ, былъ тогда въ Кіевской Академіи «Учителемъ Богословія и Смѣшанной Математики и Надзирателемъ Математическихъ Классовъ.» Своею любовью къ физико-математическимъ наукамъ онъ возбуждалъ ее и въ другихъ. Памятниками тому служатъ два «Кіевскіе Мѣсяцослова» на 1798 и 1799 годы, сочиненные въ Академіи Кіевской и напечатанные (въ 4-ку) «въ типографіи Академіи Кіевской при Кіевопечерской Лаврѣ.» Вычисленія въ этихъ Мѣсяцословахъ сдѣланы разными академическими учителями и учениками (въ томъ числѣ Яковомъ Кайдановымъ и Василіемъ Ризенкомъ), а повѣрены самимъ Иринеемъ. Замѣчу, что еще и передъ тѣмъ сочиненъ былъ Иринеемъ «Стѣнной Мѣсяцословъ» на 1796 годъ, который Академія послала къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому въ Москву, гдѣ онъ и напечатанъ за 36 рублей 50 копѣекъ. Желательно, чтобы кто-либо изъ Кіевлянъ составилъ подробную біографію Преосвященнаго Иринея, которую самъ онъ уже началъ. Жизнь его полна любопытныхъ подробностей и особенностей. Самая кончина его примѣчательна. Въ послѣдніе годы особенно, жилъ онъ уединенно и нелюдимо, въ Михайловскомъ-Монастырѣ, трудясь непрестанно и «побѣждая» (какъ говорилъ онъ) «послѣднихъ внутреннихъ враговъ своихъ». Въ 1823 году, 29 апрѣля, ждали его на служеніе въ Михайловской церкви; но онъ долѣе обыкновеннаго оставался въ своемъ кабинетѣ. Заглядывая въ окно изъ сада, видѣли, что онъ все-еще читаетъ. Наконецъ келейникъ, войдя къ нему, осмѣлился тронуть его ногу; и тогда узнали, что Ириней давно уже сидѣлъ мертвъ, склонясь надъ разогнутой Библіей, и какъ-бы все еще углубленный въ пророчества Іезекіиля.

въ чинѣ Коллежскаго Регистратора, и женился 10 сентября, въ деревнѣ Згари, на *Гликеріи Ѳедоровнѣ Тимковской*. Вслѣдъ затѣмъ сталъ онъ хозяиномъ, на отцовскомъ родовомъ имѣньицѣ, въ деревнѣ Старосельѣ, подъ Переяславомъ, надъ рѣчкою Каранью. Но сельское хозяйство было не его стихія: у него всегда надъ земледѣліемъ брала верхъ или технологія, или механика. Страсть къ послѣдней нашла наконецъ себѣ удовлетвореніе въ Шостенскомъ Пороховомъ Заводѣ, гдѣ онъ съ 1815 года служилъ «у исправленія физическихъ, механическихъ и гидравлическихъ работъ», исправляя притомъ и должность архитектора. Черезъ девятнадцать лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку чиновникомъ 9 класса; и въ 1835 году поселился въ опустѣломъ дому отца своего, гдѣ и нынѣ здравствуетъ, помогая недужному человѣчеству своею доморощеною медициною. Супруга его, родившаяся на Згари 13 мая 1788 года, скончалась 22 іюля 1829 года на постыломъ для нея берегу Шостки. [36]

[36] Богъ судилъ и мнѣ увидѣть свѣтъ на Згари, въ благословенномъ дому *А. С. Тимковской*, 3 сентября 1804 года. Въ сознаніе и память пришелъ я въ окрестностяхъ Переяслава, выучился грамотѣ въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ Монастырѣ, и кончилъ первое пятнадцатилѣтіе жизни моей ученикомъ Новгородсѣверской Гимназіи. Вторыя, лучшія пятнадцать лѣтъ моей жизни, провелъ я въ Москвѣ, сперва въ Университетскомъ дому Студентомъ, а потомъ въ Ботаническомъ-Саду (за Сухаревою-Башнею) Профессоромъ Ботаники. Учрежденіе новаго Университета въ Кіевѣ повлекло меня неодолимою силою туда, гдѣ колыбель Русской земли, гдѣ родина моего рода.

XI. СОТНИКЪ ПЕТРЪ НЕВЕРОВСКІЙ, И ЕГО СЫНЪ, ГЕРОЙ ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

Петръ Ивановичъ Неверовскій, сынъ Золотоношскаго обывателя, родился 1737 года. Служа въ Переяславскомъ Полку, онъ въ началѣ 1768 года поступилъ на Бубновское Сотничество; исправлялъ эту должность пятнадцать лѣтъ, и награжденъ за нее чиномъ Бунчуковаго-Товарища. Въ 1783 году, когда Бубновская-Сотня, входя въ составъ Золотоношскаго уѣзда, прекратила въ немъ свое бытіе, послѣдній Сотникъ ея сталъ Городничимъ Золотоношскимъ; и этою должностью кончилъ службу свою, въ чинѣ Надворнаго Совѣтника. Вѣкъ свой доживалъ онъ въ 30 верстахъ отъ Золотоноши, въ хуторѣ *Неверовщинѣ*, который

Въ полночь 5 іюля, послѣ университетскаго акта, разстался я съ Москвою; въ яркій полдень 13 іюля, преклонился у Святыхъ Вратъ Печерской Лавры; и черезъ день послѣ того, 15 іюля 1834 года, былъ участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія Университета Св. Владиміра, въ которомъ служилъ я первымъ Ректоромъ и Профессоромъ Русской Словесности. Черезъ пять лѣтъ, тяжкая болѣзнь свалила меня съ ногъ, и я безвременно прервалъ мою службу и общественную жизнь. Получивъ отставку 26 апрѣля 1841 года, я водворился надъ Прохоровкою, на пустынной горѣ, которая такъ нравилась покойной матери моей, и на которой такъ желала она *пожить*. Живучи здѣсь, я какъ будто народился вновь: опять сталъ на ноги, сталъ въ силахъ читать и писать.... И вотъ доканчиваю здѣсь уже третье пятнадцатилѣтіе моей жизни, повторяя себѣ не разъ слова Украинской пѣсни:

Ой що-жъ наша доля,
Якъ не Божа воля!..

въ девяностыхъ годахъ сталъ деревнею *Павловщиною* (названною такъ по имени меньшаго брата Сотника, *Павла Ивановича Неверовскаго*, служившаго во время Потемкинское въ Новороссійскомъ-Краю, гдѣ онъ былъ Екатеринославскимъ Вице-Губернаторомъ).

Во все время службы своей, Петръ Ивановичь Неверовскій отличался правдивостью и безкорыстіемъ. Прямота его нрава доходила иногда до запальчивой рѣзкости; но своимъ дружелюбіемъ ко всѣмъ и готовностью на добро каждому, онъ возбуждалъ къ себѣ общую любовь въ молодые годы и уваженіе въ лѣта преклонные.

При началѣ своего Сотничества, онъ водворился на краѣ Прохоровки, близъ Днѣпра, у озера Балёваго. Тамъ былъ дворъ Ивана Арабскаго, переселенца изъ Домонтова; сынъ его Гавріилъ Арабскій, принявъ рукоположеніе въ Священники, по-тогдашнему — «за границу» (въ село Халчу, Каневской Протопопіи), продалъ Сотнику Неверовскому, за 60 рублей, свой отцовскій дворъ, въ которомъ тогда были три рубленныя хаты, двѣ рубленныя каморки и плетневая винокурня.

Въ то время, въ дому бывшаго Сотника Максимовича, у второй жены его Лазаревичевны, проживала дочь родной сестры ея Ульяны Васильевны Лѣвицкой, Сотнички Лѣплявской [36]. Юная Прасковья Ивановна плѣнила Не-

[36] *Иванъ Моисеевичь Лѣвицкій*, сынъ Нѣжинскаго Полковаго-Асаула, служившаго во все время царствованія Петра I,

*

веровскаго своею красотою и кротостью, и сама полюбила его. Всѣ родные и близкіе такъ были этому рады, что согласились обвѣнчать ихъ, и уже потомъ выпросить материнское благословеніе Лѣплявской Сотнички, которая дочь свою прочила другому жениху, немилому для невѣсты. Такъ и было сдѣлано въ Прохоровкѣ, при содѣйствіи Отца Петра Осиповскаго; и Богъ благословилъ молодую чету многочисленною семьею.

Радовался Сотникъ своему счастью, и своимъ веселіемъ дѣлился съ подвластнымъ ему Товариствомъ. Ведется понынѣ преданіе о тѣхъ веселыхъ «бесѣдахъ», какія бывали во дворѣ послѣдняго Сотника, и которыя такъ пригодны были подъ конецъ Бубновской-Сотни, чтобы Товариству ея безпечально разстаться съ старо-казацкимъ бытьемъ, переходя къ бытію новому. На тѣ Сотницкіе пиры съѣз-

былъ зятемъ престарѣлаго Лѣплявскаго Сотника *Василья Лазарѐвича*, и опредѣленъ на его мѣсто тогоже 1752 года 18 іюля, какъ въ Бубновскіе Сотники, на мѣсто Василевича, опредѣленъ былъ его зять Максимовичь. Иванъ Моисеевичь, будучи Сотникомъ, ходилъ подъ конецъ семилѣтней войны въ Пруссію, въ такъ-называвшейся «воловой экспедиціи», 1759 года; а послѣ того былъ онъ Командиромъ Малороссійскихъ казаковъ, работавшихъ Крѣпость Св. Елисаветы, (въ комендантство Бригадира Черткова), и воротясь оттуда въ 1764 году, лѣтъ черезъ пять сталъ Полковымъ Судьею; а Лѣплявскимъ Сотникомъ, уже послѣднимъ, сталъ сынъ его *Иванъ Ивановичь Лѣвицкій*. Сынъ Сотника Лазарѐвича *Владиміръ* былъ послѣднимъ Сотникомъ Пѣщанскимъ (послѣ *Жилы* и Ивана Дмитріевича *Прохоровича*).

жалась Старшина со всей околицы. [37] Казаки любили своего Сотника; и онъ самъ любилъ ихъ. [38]

[37] Въ этихъ пирахъ принимала всегда особенное участіе Прохоровская вдова *Марья Красничка*, бывшая Сотенная Хорунжая. Эта всѣми уважаемая старушка отличалась маленькимъ ростомъ, необычайною быстротою черныхъ глазъ и дѣвственною бѣлизною зубовъ. Нрава была она добраго и смирнаго; но любила подгулять съ добрыми людьми, а подгулявши, наполнялась ратнаго духа, и начинала сама пѣть казацкія пѣсни:

«Идуть Ляхи, шумлятъ шляхи, козачеськи тихо;
Стережѣться, вражи Ляхи, бо буде вамъ лихо!» и т. д.

Тогда у Сотницкаго дома непремѣнно уже являлась заряженная пушка. На нее садилась хмельная Маруся, оправляла на головѣ своей наметку, брала фитиль и при веселыхъ кликахъ всей «бесѣды» палила на Днѣпръ, *за границу*, воображая, что воюетъ Польшу. Храбрая казачка дождалась-таки до роковаго конца Польши. Она была свидѣтельницею и той милиціи противъ Француза, которая во всей Полтавщинѣ снаряжалась, въ началѣ 1808 года, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Бѣлухи-Кохановскаго. Тогда поставляли съ 24 душъ по ратнику, въ крестьянской одеждѣ, съ пикою, съ ружьемъ или пистолетомъ, и съ обращенною въ саблю косою. Но Красничкѣ нашей тогда было не до милиціи: она была уже очень стара; и предоставивъ сыну Андрею все хозяйство, жила себѣ отшельницею, въ маленькой хаткѣ, срубленной изъ бѣлыхъ тополей. Тамъ она, въ нуждѣ и болѣзни, кончила свой девяностолѣтній вѣкъ, 28 февраля 1810 года. Почувствовавъ наступленіе смерти, она попросила отодвинуть окно въ половой стѣнѣ, подъ которой лежала; и глядя въ него, промолвила: «Свѣте Божій, украшеный! останній разъ тебе бачу!»

[38] Изъ старыхъ Прохоровскихъ казаковъ, больше всѣхъ любилъ нашъ Сотникъ *Илью Красовскаго*, жившаго на дру-

Прохоровскій дворъ и садъ Сотника Неверовскаго давно уже обратились въ сѣнокосную леваду, называемую *Соболевщиною*. Это мѣсто (нынѣ принадлежащее Еленѣ Ѳедоровнѣ

гомъ краѣ села, подъ Михайловою-Горою. Илья Ивановичь родился въ Прохоровкѣ, еще въ концѣ XVII вѣка; поступилъ на службу рядовымъ казакомъ въ 1722 году; былъ въ походахъ на Сулакѣ и въ Архангельскѣ, подъ Гданскомъ и Очаковомъ, и получилъ отставку уже подъ-конецъ Румянцовской Войны, въ ноябрѣ 1773 года, съ чиномъ Значковаго-Товарища. Старый Илья до самой смерти ѣздилъ не иначе какъ верхомъ на конѣ, и ѣзду на колесахъ съ пренебреженіемъ называлъ «ѣздою бабьей». Умеръ онъ 12 января 1795 года, не дотянувъ только двухъ лѣтъ до ста. Изъ молодыхъ казаковъ того времени назову *Ивана Зуба*. Оставшись сиротою въ Прохоровкѣ, при наступленіи Румянцовской Войны, онъ записался въ Запорожцы Каневскаго Куреня; до конца войны находился въ походахъ и сраженіяхъ, подъ начальствомъ Сѣчевыхъ Старшинъ, и по разбитіи непріятельскихъ судовъ, былъ тяжело раненъ пулею въ правое плечо. Тогда онъ воротился въ Прохоровку, съ хорошимъ аттестатомъ отъ Запорожскаго Коша, даннымъ ему въ іюнѣ 1774 года. Тутъ женился онъ на дочери казака Андрея Гуржѣя, оправился, снова началъ служить въ Переяславскомъ Полку и вскорѣ дослужился до Полковаго Асаула. Послѣ того Иванъ Петровичь Зубъ сталъ опять жить здѣсь на хозяйствѣ; но въ 1797 году онъ оставилъ Прохоровку; имя его осталось только въ названіи *Зубовщиною* того поля, у Леськовской-Могилы, гдѣ онъ хозяйствовалъ въ лѣтнюю пору. Сынъ тестя его *Гуржѣя*, прозвавшійся *Гуржѣевскимъ*, дослужился до Коллежскаго Ассесора, и переселился отсюда въ Хорольскій уѣздъ, на имѣнье жены своей. Вспомяну еще о чернобровомъ казакѣ Прохоровскомъ, *Степанѣ Костюкѣ*. Служа Вознымъ Бубновской-Сотни, онъ прозвался *Костючевскимъ*, и въ чинѣ Поручика скончался въ Прохоровкѣ, въ февралѣ 1811 года, семидесяти лѣтъ отъ роду.

Каневской, по наслѣдству отъ дѣда ея Ивана Ѳедоровича Базилевича) должно навсегда остаться памятнымъ для здѣшняго народа; ибо на этомъ мѣстѣ возникъ лучшій цвѣтъ нашего Побережья, краса и честь Бубновской-Сотни—первый сынъ Сотника Неверовскаго...

Дмитрій Петровичь Неверовскій [39] родился въ Прохоровкѣ 21 октября 1771 года, и выросталъ до двѣнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Павломъ*, рожденнымъ 16 января 1773 года. Красавецъ лицомъ и душою, юный Дмитрій развивался на привольѣ Днѣпровскомъ и просторѣ степномъ, во всей простотѣ тогдашней жизни. На десятомъ году онъ былъ уже смѣлымъ пловцомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ и уда-

[39] Предложенныя здѣсь свѣдѣнія о Неверовскомъ заимствованы мною: изъ «Описанія войны 1812 года», соч. *Михайловскаго-Данилевскаго*; изъ «Біографіи Генералъ-Лейтенанта Неверовскаго», изданной въ 1815 году, племянникомъ его *Д. И. Дараганомъ*; а также изъ мѣстныхъ разсказовъ. Старикъ *Григорій Ивановичь Прохоровичь* былъ товарищемъ Неверовскаго въ его дѣтствѣ, и учился вмѣстѣ съ нимъ грамотѣ. Здѣсь-же въ Прохоровкѣ родился и живетъ *Иванъ Павловичь Кикоть*, котораго Неверовскій въ 1803 году опредѣлилъ въ Малороссійскій Гренадерскій полкъ, въ Заславлѣ: въ этомъ полку Кикоть или *Кіктевъ* служилъ до 1816 года, въ которомъ онъ уволенъ Капитаномъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ полнаго жалованья за раны, полученныя въ разныхъ сраженіяхъ, на-примѣръ въ сраженіи подъ Кульмомъ, гдѣ онъ раненъ пулею въ лѣвое плечо и окоптуженъ ядромъ въ голову, и за храбрость свою въ томъ сраженіи награжденъ чиномъ Штабсъ-Капитана; въ послѣдующіе походы онъ былъ и въ Парижѣ.

лымъ наѣздникомъ. Разумная строгость отца и добрая ласка матери воспитали сердце его столько-же для мужества желѣзнаго, сколько и для любви самой нѣжной. Первымъ учителемъ его церковной грамотѣ былъ старый казакъ Григорій Николаенко [40]. По переѣздѣ-же въ Золотоношу, Петръ Ивановичь Неверовскій самъ училъ сыновей своихъ Латинской грамотѣ и Ариѳметикѣ.

Въ это время знаменитый сосѣдъ бывшаго Сотника, потомъ Городничаго, Графъ Петръ Васильевичь Завадовскій, проживая въ Драбовѣ, бывалъ у него въ гостяхъ въ Неверовщинѣ; и однажды любуясь прекраснымъ Дмитріемъ, вызвался взять его къ себѣ въ Петербургъ, вмѣсто сына. Нечего и говорить какъ рады тому были отецъ и мать, у которыхъ въ семьѣ было четыре сына и десять дочерей. И вотъ ихъ первенецъ, 16 мая 1786 года, сталъ гвардейцомъ Семеновскаго Полка, и черезъ годъ произведенъ въ Сержанты.

Графъ Завадовскій готовилъ своему питомцу блестящее поприще въ Невской Столицѣ. Но вопреки тому скоро зачалась вторая Потемкинская война съ Турками, на Черномъ-Морѣ; и великолѣпная галера «*Десна*», служившая на Днѣпрѣ столовою залою для путешествующей Русской Царицы, обратилась въ гостинницу смерти для Мусульманъ. Вспоенный Днѣпромъ

[40] Родной братъ Марьи Краснички, тѣмъ отличавшійся отъ другихъ казаковъ, что носилъ бороду.

для войны, гвардеецъ Неверовскій встосковался на Сѣверѣ, и загорѣлся неодолимымъ стремленіемъ на Югъ, въ дѣйствующую армію. Графъ не хотѣлъ и слышать объ томъ, и съ угрозою сказалъ, что не выпуститъ его изъ дому. Но просьба о переводѣ въ армію была подана еще при первомъ порывѣ къ тому пылкаго юноши; скоро полученъ былъ и переводъ; пришлось уѣхать изъ Петербурга, не простясь съ Графомъ.

Шестнадцатилѣтній Поручикъ Малороссійскаго Гренадерскаго Полка, летя въ армію, торжественно явился въ Неверовщинѣ. Радостно встрѣтили его въ дому отцовскомъ. Но узнавъ объ его самоволіи противъ Графа, строгій отецъ исполнилъ любимый встарину завѣтъ: «иже щадитъ жезлъ, ненавидитъ сына своего!» Послѣ того, съ любовью и миромъ, родители напутствовали своимъ благословеніемъ милаго сына на войну. Онъ извѣдалъ битву и побѣду въ первый разъ при Сальчѣ, откуда разбитыхъ Турковъ гнали наши до Измаила; а потомъ находился онъ при знаменитомъ взятіи Бендеръ.

Послѣ этихъ первыхъ уроковъ въ войнѣ, прошелъ онъ новую школу побѣдъ въ кампаніи Польской. Служа въ четвертомъ батальонѣ Екатеринославскаго Егерскаго Полка, онъ ратоборствовалъ почти во всѣхъ тогдашнихъ сраженіяхъ. Въ 1792 году храбро дѣйствовалъ онъ разсыпнымъ строемъ въ лѣсу при Деревицѣ, 4 іюля, и при Городищѣ, 7 іюля; и за

отличіе произведенъ въ Капитаны. Въ 1794 году, онъ храбровалъ при Мацѣёвичахъ, на томъ самомъ полѣ, гдѣ Костюшко, падая съ коня, воскликнулъ: «Finis Poloniae!» А послѣ штурма Праги, нашъ двадцати-трехъ-лѣтній герой награжденъ былъ чиномъ Секундъ-Маіора и тѣмъ Пражскимъ крестомъ, которымъ такъ гордились ученики великаго побѣдоносца Суворова.

Въ декабрѣ 1797 года, по расформированіи Егерскаго Батальона, въ которомъ Неверовскій прослужилъ Польскую кампанію, онъ поступилъ опять въ Малороссійскій Гренадерскій Полкъ, въ которомъ и пробылъ до 1803 года. Тогда этотъ полкъ, квартировавшій въ Волынскомъ городѣ Заславлѣ, смотрѣлъ Цесаревичь Константинъ Павловичь съ Генералъ-Инспекторомъ Боуэромъ. Батальонный Командиръ Неверовскій, своимъ величаво-прекраснымъ видомъ, громозвучнымъ голосомъ и совершенствомъ строеваго дѣла, привелъ въ восторгъ Цесаревича, и по его ходатайству былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ, и назначенъ Командиромъ формировавшагося тогда Перваго Морскаго Полка. Въ сентябрѣ тогоже года, узнавъ лично Неверовскаго, Государь произвелъ его въ Полковники, а черезъ полгода (въ мартѣ 1804 года) возвысилъ его въ Генералъ-Маіоры, и назначилъ Шефомъ Третьяго Морскаго Полка, находившагося въ Ревелѣ. Тамъ, послѣ двухъ смотровъ, Царскаго и Инспекторскаго, въ 1805 году Неверовскій награжденъ былъ отъ Госу-

даря Владиміромъ 3 степени и брилліантовымъ перстнемъ. Въ томъже году, 27 іюля, вѣнчался онъ съ дочерью Адмирала Мусина-Пушкина, Елисаветою Алексѣевною. Черезъ два мѣсяца, походъ за границу (въ Шведскую-Померанію) разлучилъ молодую, цвѣтущую чету; но не надолго. Весною 1806 года, наши войска возвращались въ предѣлы Россіи. Еще за двѣстѣ верстъ отъ Ревеля, Дмитрій Петровичь былъ утѣшенъ нежданною встрѣчей жены и тещи: онѣ мчались къ нему въ почтовой телѣжкѣ; а въ ближайшей корчмѣ дожидалась его новорожденная дочь, единственное дитя у него бывшее. То была блаженнѣйшая пора въ жизни его, завершившая собою двадцатилѣтіе его службы.

Въ 1809 году, Неверовскій назначенъ былъ Шефомъ Павловскаго Гренадерскаго Полка. Старые храбрецы не нарадовались своимъ Генераломъ, который самъ былъ однимъ изъ первыхъ гренадеровъ, и обладалъ рѣдкимъ даромъ завладѣвать сердцами и становиться душою подвластнаго ему войска. Но не съ этими бывалыми Павловцами суждено ему было встрѣтить Французовъ у Днѣпра, въ войну *двѣнадцатаго* года. При началѣ того великаго года, нашъ Генералъ спѣшилъ въ Москвѣ формировать новую Двадцать-Седьмую Дивизію по порученію Государя, и сформировалъ ее въ два мѣсяца. «Посмотрите, какихъ чудесъ надѣлаетъ эта молодежъ въ сраженіи!» говорилъ, указывая на своихъ Офицеровъ, Неве-

ровскій, украшенный за свой успѣшный трудъ Аннинскою звѣздою.

И вотъ онъ, съ своею молодою Дивизіей, уже въ походѣ изъ Москвы къ Западной-Границѣ. Въ Новогрудкѣ, 22 іюня, присоединился онъ къ Князю Багратіону; и оттуда, ровно въ мѣсяцъ, совершили они свой многотрудный, Суворовскій обходъ къ Смоленску, предназначенный для соединенія Второй Арміи, предводимой Багратіономъ, съ Первой Арміей, водимой Барклаемъ-де-Толи. Тогда рѣшено было наконецъ пойти наступательно противъ Наполеона, стоявшаго въ Витебскѣ. По расчетамъ Барклая, Наполеонъ долженъ былъ двинуться къ Смоленску по Порѣцкой дорогѣ; поэтому на лѣвой сторонѣ Днѣпра оставленъ былъ только Неверовскій у Краснаго, для наблюденія за Смоленскою дорогой. Вдругъ Наполеонъ является на Днѣпрѣ у Рососны, чтобы зайти нашу армію ниже Смоленска, какъ предсказывалъ Багратіонъ; на разсвѣтѣ, 2 августа, онъ занимаетъ многочисленными полками своими лѣвый берегъ Днѣпра; и передовые отряды его двинулись уже къ Красному. Вотъ трудное положеніе Неверовскаго, у котораго при его Дивизіи были только Харьковскій Драгунскій, да три Казачьихъ полка!

Едва успѣлъ онъ отправить тяжести къ Смоленску и отдать своему войску ободрительный приказъ, какъ прискакали вновь сторожевые казаки, говоря: «Французы валомъ ва-

лятъ!» То былъ Неаполитанскій Король Мюратъ, съ 15,000 блестящей кавалеріи и съ дивизіей пѣхоты. Обхвативъ Красный, отбивъ семь пушекъ, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, онъ устремился на 27 Дивизію, и уже былъ отъ ней на ружейный выстрѣлъ. Она стояла близь Краснаго, безмолвно, въ стройномъ каре, какъ неподвижная скала. Вдругъ прогремѣлъ голосъ Неверовскаго: «тревога!»; засверкалъ прицѣльный батальный огонь; и вмигъ Французскіе всадники и ихъ кони устлали собою землю: такъ разшибся передовой валъ Наполеоновскій. Тогда, ударивъ отбой пальбѣ, съ побѣднымъ «ура!», Неверовскій повелъ свою дивизію къ Смоленску, по столбовой дорогѣ, усаженной березами. На него со всѣхъ сторонъ кидался Мюратъ; но напрасны были его нападенія, и его предложенія о сдачѣ: «умремъ, а не сдадимся»! кричали Французамъ солдаты Полтавскаго Полка. Неверовскій отступалъ, «какъ левъ» (по выраженію иностранцевъ: Сегюра и Вальтера-Скòтта). И въ такомъ мужествѣ, отразивъ сорокъ атакъ, 27 Дивизія прошла 12 верстъ — до рѣчки, гдѣ находился Егерскій Полкъ съ 2 пушками, отправленный туда про запасъ, при началѣ Красненскаго дѣла. Тамъ держались они до вечера; а ночью перешли къ оврагу, что̀ въ 6 верстахъ отъ Смоленска.

Такъ, 2 августа, совершилъ Неверовскій свое достопамятное отступленіе отъ Краснаго, которое наши знатоки войны признали

безпримѣрнымъ. А онъ самъ, не думая о славѣ своего подвига, только и думалъ тогда, что о потерѣ своей въ людяхъ; онъ былъ безутѣшенъ. По-счастію, Раевскій съ своимъ Корпусомъ, позднѣе назначеннаго срока, выступилъ изъ Смоленска, и былъ только въ 12 верстахъ отъ Днѣпра. По данной туда вѣсти отъ Неверовскаго, на разсвѣтѣ 3 августа, подоспѣлъ къ нему смѣлый Паскевичь, съ своею 26 Дивизіей, и сталъ передовымъ у помянутаго оврага; и была у него новая перепалка съ Французами. Такъ два храбрые Украинца встрѣчали Наполеоновы полки на лѣвомъ берегу Днѣпровскомъ. Тогоже дня подоспѣлъ къ нимъ и Раевскій—«слава дней своихъ»; и съ наступленіемъ ночи герои наши рѣшились засѣсть на смерть въ Смоленскѣ. Богъ помогъ имъ: цѣлый день обороняли они древнюю столицу Мономаха и храбраго сына его Мстислава! Съ приближеніемъ нашихъ армій къ Днѣпру, тѣснѣе обступили Смоленскъ полки Наполеоновы; и на другой день, 5 августа, произошла та страшная осада города, которую Смольняне называли «преставленіемъ свѣта». Въ тотъ день на защитѣ Смоленска былъ надежный Дохтуровъ; нашему Украинцу довелось тогда состязаться съ Полякомъ: Неверовскій былъ на оборонѣ Раченскаго предмѣстья, которое бралъ приступомъ Понятовскій, и не взялъ.

Скоро приспѣлъ великій день Бородинскій. Преддверіемъ къ нему служила Шевардин-

ская битва, 24 августа. Тамъ на оборонѣ, подъ начальствомъ Князя Горчакова, былъ и Неверовскій; а нападеніемъ распоряжался самъ Наполеонъ. Шевардинскій окрѣпъ, въ продолженіе дня, не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; но къ вечеру остался за нами. Французы вздумали взять его ночью, въ-расплохъ; но ихъ движеніе было угадано. Тогда Неверовскій велѣлъ своей Дивизіи ссыпать порохъ съ ружья, невидимкою подошелъ къ непріятелю, ударилъ въ штыки — и обратилъ въ бѣгство.

Между тѣмъ довершилъ свои приготовленія къ Бородинскому дѣлу несокрушимый Кутузовъ, за недѣлю передъ тѣмъ принявшій военачальство. При появленіи стараго вождя Русскимъ полкамъ, взвился надъ нимъ орелъ, предвозвѣстившій побѣду. Но побѣда была еще впереди; она ждала себѣ въ жертву еще Москвы бѣлокаменной; а на Бородинскомъ полѣ Русская сила только помѣрилась съ силами Запада. Съ разсвѣтомъ 26 августа зачался тотъ достопамятный бой Руси съ Наполеоновскою ратью «двунадесяти языкъ». На лѣвомъ крылѣ нашемъ, съ котораго Наполеонъ предназначалъ себѣ побѣду, стоялъ впереди Графъ Воронцовъ, съ Гренадерскою Сводною Дивизіей; а за нимъ во второмъ ряду Неверовскій, съ своими храбрецами. Первый налетъ на нихъ Французскаго войска былъ отраженъ; но скоро возобновилось нападеніе въ бо̀льшей силѣ и быстротѣ. Безстрашный Воронцовъ держал-

ся, пока не стало гренадеровъ его, да и самъ онъ былъ раненъ; мужественный Неверовскій пошелъ въ штыки; къ нимъ на помощь подоспѣлъ «безмятежный» Багговутъ. Наполеонъ подослалъ подмогу своимъ: и — завязалась страшная битва, длившаяся нѣсколько часовъ, при громѣ семи-сотъ пушекъ. Въ томъ огнѣ пропала вся 27 Дивизія; но Неверовскій уцѣлѣлъ невредимо. Поспѣшно собралъ онъ небольшой строй изъ разсѣянныхъ солдатъ разныхъ полковъ, и повелъ его противъ Французскихъ драгуновъ, въ тотъ привалъ Бородинскаго боя, когда Наполеонъ, пользуясь временнымъ нашимъ отступленіемъ, думалъ подавить насъ стремленіемъ своей конницы. . .

Но сталижь мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой; —
И равенъ былъ неровный споръ! . .

Вспылала златоглавая Москва. Кипѣла и волновалась Русская земля, какъ море, сбираясь извергнуть изъ себя надменный кумиръ Запада, съ его полчищами. Въ ту пору всеобщаго вооруженія Руси, ополчалась и Малороссія. Еще по манифесту 6 іюля, составились, въ-продолженіе двухъ недѣль, два ополченія отъ Малороссійскаго Дворянства, именовавшіеся «Дворянскимъ Земскимъ Войскомъ». Поставлено было со ста душъ въ Полтавской губерніи — по четыре, а въ Черниговской — по шести ратниковъ, пѣшихъ и кон-

ныхъ. Эти ополченія дѣлились на Повѣты, а Повѣты на Сотни; въ Начальники имъ назначались Дворяне по выборамъ. Ополченію Полтавскому, по числу ревижскихъ душъ, предположено было составиться изъ 13,211 человѣкъ; а собралось болѣе 16,000 ратниковъ, именовавшихся тогда Казаками. Первоначальнымъ распорядителемъ этого ополченія былъ *Дмитрій Прокофьевичь Трощинскій*, Статс-Секретарь Екатерины II, служившій Министромъ Удѣловъ и Юстиціи въ царствованіе Александра; а въ Губернскіе Начальники Полтавскаго ополченія выбранъ былъ Генералъ-Маіоръ *Князь Жеваховъ*. Вслѣдъ затѣмъ, когда объявлена была Царская воля объ ополченіи Малороссійскаго Казачества, выраженная въ рескриптѣ 25 іюля, казаки немедленно снарядили отъ себя съ двадцати-пяти душъ по одному вооруженному всаднику; и въ сентябрѣ готовы уже были пятнадцать Полковъ (9 Полтавскихъ и 6 Черниговскихъ, по 1,200 человѣкъ въ каждомъ). Въ ноябрѣ эти полки двинулись въ Бѣлоруссію, на преслѣдованіе непріятеля; нѣкоторые изъ нихъ воевали и за Рейномъ. [41]

[41] Таковъ былъ, на-примѣръ, Четвертый Полтавскій Полкъ, сформированный въ Горошинѣ отставнымъ Штаб-Ротмистромъ *Николаемъ Михайловичемъ Копцевичемъ*, старшимъ братомъ Генерала Копцевича. Копцевичь довелъ свой полкъ до Бѣлоруссіи, гдѣ и сдалъ его, за болѣзнію, въ половинѣ ноября, *Михайлу Львовичу Муравьеву*, Надворному Совѣтнику, служившему въ военной службѣ во время Су-

Подобно тому, и въ 1831 году, во время мятежа Польскаго, когда послѣдовалъ Царскій указъ 6 мая о составленіи осьми Конныхъ Полковъ

воровское, а послѣ того по таможенной части. Подъ его командою и находился Четвертый Полтавскій Полкъ, до возвращенія изъ-за границы, въ концѣ 1814 года. По переходѣ изъ Варшавы въ Новгородъ-Волынскій (по-старинному Звягель), Муравьевъ умеръ; въ Житомирѣ Офицеры выбрали себѣ въ Начальники товарища своего *Ашанина*; но по приходѣ въ Переяславъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ въ дому своемъ первый Командиръ ихъ Копцевичъ, явился туда *Елисей Григорьевичъ Гайворонскій*, долго бывшій въ откомандировкѣ, и какъ старшій Офицеръ полка взялъ Начальство надъ нимъ, которое и продолжалось до конца 1816 года, когда всѣ пятнадцать Казачьихъ Полковъ, квартировавшіе въ Малороссіи, были распущены по домамъ. Въ этомъ-то полку, съ 16 сентября 1812 года по 1817 годъ, служилъ помянутый мною (въ III главѣ) уроженецъ и житель села Сушковъ, *Левъ Павловичъ Деркачъ*, однимъ изъ Эскадронныхъ Командировъ, которые на первой порѣ назывались Сотниками. Онъ поступилъ въ полкъ Губернскимъ Секретаремъ; а при отставкѣ награжденъ чиномъ Коллежскаго Секретаря «за мужество, оказанное противъ непріятеля», а также и «медалью отечественной войны». По распущеніи всѣхъ этихъ Полковъ, Государь Императоръ дозволилъ имъ носить мундиръ, въ которомъ они были въ продолженіе службы, и который былъ слѣдующій. Рядовые казаки, при началѣ, были въ курткахъ и шараварахъ изъ чернаго, домашняго или сермяжнаго сукна; а въ Голландіи перемѣнили его на сукно фабричное. Мундиръ офицерскій тоже состоялъ изъ суконной куртки, которая на первой порѣ была перешита изъ фраковъ, сертуковъ и мундировъ, всякаго цвѣта; но мало по малу составлялось у нихъ одѣяніе мундирное изъ куртки, а вице-мундирное изъ казакина синяго сукна, съ краснымъ воротникомъ, который выложенъ былъ серебрянымъ шнуркомъ, а шаравары съ красными лампаса-

изъ Малороссійскаго Казачества, казаки-земледѣльцы радостно снаряжали себя на войну; Дворянство поставило имъ отъ себя коней съ упряжью, выбрало имъ Начальниковъ изъ отставныхъ Офицеровъ; и черезъ шесть недѣль, это охотное войско было уже въ походѣ изъ Чернигова въ Царство Польское. [42]

Такъ на защиту Отечества всегда готовъ былъ воздвигнуться тотъ ратный духъ, которымъ издревле отличалась Южно-Русская земля, и объ которомъ хорошо сказалъ нѣкогда

ми; шапки у всѣхъ были, какъ у Донцовъ; въ Голландіи офицеры прибавили себѣ еще третью перемѣну, сертучную, наподобіе уланской, съ чѣмъ вмѣстѣ и порядокъ службы въ полкахъ учредился на положеніи уланскомъ. Многіе изъ казаковъ тѣхъ пятнадцати Полковъ, полюбивъ службу, поступили охотою въ уланскіе Полки, которые въ 1816 году набиралъ здѣсь Графъ Виттъ. Замѣчу, что одинъ изъ Полтавскихъ Полковъ въ то время сформированъ былъ въ Горошинѣ-же знаменитымъ Украинскимъ стихотворцемъ И. П. Котляревскимъ.

[42] Изъ этихъ Полковъ, Четвертый Полтавскій, формированный въ Прилукѣ, находился подъ начальствомъ *Сакуна*. Въ Дивизіонные Командиры этого Полка выбранъ былъ (Переяславскимъ Дворянствомъ) отставной Драгунскій Маіоръ *Петръ Михайловичь Красовскій*, служившій съ 1813 года. Уроженецъ нашего Побережья, онъ и теперь живетъ при селѣ Сушкахъ, поселяниномъ, на маленькомъ хозяйствѣ жены своей, Ксеніи Алексѣевны Кілюшкиной. Своеручно плететъ онъ рыболовныя сѣти и закидываетъ ихъ въ Днѣпрѣ; а въ праздничные дни является въ своемъ драгунскомъ мундирѣ. Что касается до казацкаго мундира этихъ осьми Полковъ, то онъ состоялъ въ казакинѣ изъ зеленаго фабричнаго сукна, съ красными выпушками; а шапка была въ родѣ Донской, только пониже.

*

лѣтописецъ Украинскій: «речетъ старшій слово, «и абіе войско числомъ, аки трава будетъ». Тоже было съ 27 Дивизіей Неверовскаго: погибла она въ Бородинскомъ бою; но — черезъ мѣсяцъ народилась вновь, и была воодушевлена прежнимъ мужествомъ, какъ это видѣли всѣ на поляхъ Тарутина, и особенно въ битвахъ подъ Малымъ-Ярославцемъ, откуда Повелитель Запада началъ свой бѣдственный выходъ изъ земли Русской.

Послѣ того Неверовскій, награжденный за Бородинское дѣло чиномъ Генералъ-Лейтенанта, зимовалъ и весновалъ въ Вильнѣ. Тамъ Государь, при всѣхъ Генералахъ, изволилъ сказать ему: «Дивизія ваша отличилась славою безсмертною, и Я никогда вашей славы и Дивизіи не забуду!» Извѣщая объ этомъ свою милую жену, герой нашъ имѣлъ полное право сказать ей: «Такъ, другъ мой! Дмитрій твой служилъ храбро и съ честью!» . .

Въ началѣ 1813 года, онъ назначенъ былъ Корпуснымъ Командиромъ предположеннаго тогда Тринадцатаго Корпуса; однако, по выступленіи въ Пруссію, служилъ онъ въ Корпусѣ Сакена, который вскорѣ причисленъ былъ къ Силезской Арміи, подъ главное начальство Блюхера. Этому храброму полководцу Генералы наши доставили (14 августа) Кацбахскую побѣду надъ Макдональдомъ, и зато были награждены: будущій Генералъ-Губернаторъ Парижа — Чернымъ Орломъ, а герой Красненскій — Краснымъ Орломъ.

Въ послѣдній разъ Неверовскій ратовалъ подъ Лейпцигомъ. Подъ конецъ тѣхъ октябрскихъ битвъ, когда наши войска уже съ побѣдою ломились въ городъ, Корпусъ Сакена бралъ предмѣстье Гальское. На томъ приступѣ Неверовскій былъ раненъ пулею, еще въ первый разъ; ибо, получивъ сильную контузію ядромъ подъ конецъ Бородинскаго дня, онъ не считалъ себя раненымъ. Пуля ударила ему въ ногу надъ пятою, и такъ глубоко вошла въ кость, что хотя операторъ Малаховъ, спустя нѣсколько дней, и успѣлъ ее вырвать, но это было безполезно; ибо вскорѣ открылся антоновъ-огонь, и началась сильная горячка. Лежа въ Галле на смертной постелѣ, Неверовскій получилъ наградные ордена: Св. Владиміра и Св. Георгія 2 степени. «Впередъ на штыки!» повторялъ онъ въ бреду, видя передъ собою полки непріятельскіе; и въ этихъ видѣніяхъ скончался 1813 года 21 октября, въ день своего рожденія.

Въ слѣдующемъ году, когда Императоръ Александръ даровалъ миръ Европѣ, и наши побѣдительныя войска возвращались уже на Святую Русь, гренадеры Павловцы посѣтили въ Галле могилу своего Шефа, прошли возлѣ ней съ грустнымъ маршемъ, и отслужили панихиду по душѣ героя, почившаго на чужой сторонѣ. Да будетъ-же ему тамъ—«*перомъ земля*»; а на родинѣ—слава!..

Сотникъ Неверовскій не дождался радости слышать о славныхъ подвигахъ своего

сына въ отечественную войну: семидесятипятилѣтній старикъ скончался въ маѣ 1811 года, въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ напрасно искалъ себѣ врачебной помощи у Трофимовскаго. Но старый Сотникъ не извѣдалъ и скорби отцовской: слышать о смерти сыновей своихъ, одного за другимъ. Еще прежде Дмитрія, въ двѣнадцатомъ году умерли: второй сынъ его *Павелъ*, набиравшій ополченіе въ уѣздѣ Новомосковскомъ, и третій сынъ, гвардеецъ *Александръ*, раненый въ Бородинскомъ бою. Остался въ живыхъ только меньшой сынъ его, *Иванъ*, служившій тогда во Флотѣ Черноморскомъ. Этотъ почтенный, но къ-сожалѣнію послѣдній представитель своей фамиліи, понынѣ здравствуетъ въ деревнѣ Павловщинѣ, украшенный Георгіевскимъ крестомъ за взятіе Анапы въ 1807 году.

XII. ОБОЗРѢНІЕ ЦЕРКВЕЙ БУБНОВСКОЙ-СОТНИ.

Издавна существуютъ здѣсь четыре приходскія церкви: *Преображенская* — въ Бубновѣ, *Никольская* — въ Бубновской-Слободкѣ, *Михайловская* — въ Сушкахъ и *Ильинская* — въ Прохоровкѣ; сверхъ-того, въ Прохоровкѣ-же — кладбищенская *Успенская*. Неизвѣстно, когда всѣ этѣ церкви основаны первоначально, и въ какіе годы строились прежними зданіями. Извѣстно только, что нынѣшнія зданія ихъ поставлены въ послѣднія пять лѣтъ бытія Бубновской-Сотни; а кладбищенская — за семь лѣтъ до конца Сотни. Имѣя это въ

виду, можно сказать, что здѣшнія церкви составляютъ послѣдній благочестивый трудъ нашей старины для новыхъ поколѣній: духовное завѣщаніе Бубновской-Сотни ея потомству.

До начатія прошлаго вѣка, онѣ подлежали непосредственно Митрополіи Кіевской. Но въ 1701 году, при новозданномъ тогда Переяславскомъ Вознесенскомъ Соборѣ, возобновилась древняя Епархія Переяславская. Въ числѣ Протопопій, на которыя она подраздѣлялась, была «Протопопія *Золотоношская*» съ Духовнымъ Правленіемъ: къ ея вѣдомству, а въ ней къ «Намѣстніи *Пещанской*» — причислена была Бубновская-Сотня съ ея церквами и духовенствомъ. Такимъ образомъ Золотоноша, прежде чѣмъ стала гражданскимъ средоточіемъ повѣта своего, была уже для него средоточіемъ духовнымъ.

Зданія всѣхъ пяти церквей нашихъ, какъ прежнія, такъ и нынѣшнія, строены изъ дерева; и нѣтъ между ихъ утварью ничего особенно важнаго по древности или по драгоцѣнности. Тѣмъ не менѣе въ нихъ стоятъ вниманія нашего всѣ уцѣлѣвшіе останки стараго времени, когда благочестіе было въ полной силѣ, и каждый Украинецъ поставлялъ себѣ непремѣннымъ долгомъ отдѣлить часть своего имущества на церковь Божію, или послужить ей собою-самимъ.

Нынѣшняя Бубновская церковь *Преображенія Господня* поставлена возлѣ того мѣста,

гдѣ была прежняя, поновленная, около 1745 года, *Дмитріемъ Михайловичемъ Прохоровичемъ*. Она построена въ 1780 году, иждивеніемъ Прохоровскаго жителя, Войсковаго-Товарища *Ѳедора Алексѣевича Петровскаго*. Иконостасъ въ ней сохранился прежній, безъ поновленія и перемѣнъ. Изъ трехъ напрестольныхъ Евангелій, упомяну объ одномъ, Московской печати 1763 года: оно оправлено и подарено сюда, въ 1767 году, Запорожскимъ Атаманомъ Каневскаго Куреня *Петромъ Макеимовымъ*. Между служебными книгами на клиросѣ, которыми вообще бѣдна Бубновская церковь, я замѣтилъ Апостолъ, со вкладною подписью отъ Переяславскаго жителя *Василія Тимченка*, и Требникъ, съ подписью 1746 года — отъ Печерскаго Монаха *Виталія* [43]. Въ Бубновской церкви уцѣлѣла еще (замоченная Днѣпромъ, въ разливъ 1845 года) самая старшая въ здѣшней Сотнѣ —

[43] Съ уваженіемъ смотрѣлъ я на этѣ подписи въ книгахъ, по которымъ болѣе ста лѣтъ уже служатъ въ здѣшней церкви. Обѣ онѣ притомъ одной, знакомой мнѣ руки. Этотъ Переяславецъ *Василій*, или Печерянинъ *Виталій*, былъ прадѣдъ моей матери, сынъ Бубновскаго казака Тимоѳея или *Тимка*, родоначальника *Тимковскихъ*. Женясь въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, на казачкѣ Настасіи Решѣтковнѣ, Василій Тимченко переселился въ Переяславъ, и служа тамъ въ казакахъ Ѳерехтемировской-Сотни былъ во всѣхъ походахъ Турецкой войны, веденной Минихомъ; а когда настало мирное время, онъ получилъ отставку въ 1740 году, и чрезъ четыре года постригся въ Печерской-Лаврѣ, подъ именемъ Виталія. Тамъ и скончался онъ, въ іюнѣ 1749 года, и погребенъ у сѣверныхъ дверей Великой церкви. Вспоминая о немъ черезъ сто

«книга записная о приходскихъ тоя церкви людехъ на три части, кто имянны когда родились, браками вѣнчались и померли, 1734 года января съ 1 дня». Въ слободской церкви такаяже книга начата въ 1737 году. Вообще-же эти книги «метрическія», начались тутъ не ранѣе, какъ въ правленіе Переяславскаго Епископа Арсенія Берла (1733—44).

Слободская церковь *Св. Николая*, поодаль отъ прежде бывшей, поставлена въ 1777 году, иждивеніемъ *Романа Ѳедоровича Строчинскаго*, бывшаго Куреннымъ-Атаманомъ въ Сѣчи-Запорожской. Продолжая военную службу и по разрушеніи Сѣчи, онъ былъ Капитаномъ, и не переставалъ усердствовать здѣшней церкви, какъ свидѣтельствуютъ на ея престолѣ крестъ и «гробница» (то-есть дарохранительница), хорошей работы изъ серебра, сдѣланные отъ него въ 1787 году. " Изъ книгъ, уцѣлѣв-

лѣтъ послѣ кончины его, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его послѣдняго письма къ сыну, писаннаго въ Переяславъ изъ Лавры, отъ 3 іюня 1749 года: «Сыну мой Назарію. При семъ восписавъ тебѣ отческое благословеніе, во «многіе лѣта зъ домомъ твоимъ желаю жить, и обявляю, «что я, за посѣщеніемъ Божіимъ, нынѣ въ крайней болѣзни и «слабости здоровя и уже при кончинѣ житія своего нахо«жусь.... Деньги поручаю твоему сыну, а моему унуку Фе«дору...и притверждаю, Бога ради не оставляйте дитины, «смотрѣте и учѣте его.... Ежели-же Богъ жизнь мою пре«кратитъ не оставьте мене о поминовеніи.»

" Отъ этого же Запорожскаго казака *Романа Строцл* (такъ его коренное прозваніе) есть и въ церкви Прохоровской напрестольное Евангеліе, въ довольно богатой оправѣ,

шихъ отъ прежней церви Никольской, замѣчу Евангеліе, Кіевской печати 1697 года, въ зелено-бархатной оправѣ, пожертвованное сюда въ 1729 году *Силою Вубленкомъ*, и другое Кіевское же Евангеліе 1733 года, внесенное сюда «за небожчика *Иванину*». Также замѣчанія достойно напрестольное Евангеліе Московской печати 1794 года, въ краснобархатной оправѣ: оно подарено въ 1796 году Печерскимъ Іеромонахомъ *Сиѳомъ Карлицкимъ*, который въ послѣдующіе годы подарилъ сюда же почти цѣлый кругъ церковныхъ книгъ "". Сохранились въ алтарѣ нѣсколько образовъ отъ прежняго иконостаса; и желательно, чтобы они оставлены были безъ подправки, въ память той иконописи, которая въ здѣшней сторонѣ господствовала до половины прошлаго столѣтія, и была если не въ цвѣтущемъ состояніи, то все же лучше той, какая настала здѣсь со второй половины прошлаго вѣка. Изъ новыхъ предметовъ Никольской церкви, останавливаютъ на себѣ вниманіе два образа, стоящіе по бокамъ иконостаса, въ большихъ кіотахъ нездѣшней работы: онѣ пожертвованы прихожанами церкви: Маіоромъ *Ми-*

"" Этотъ Іеромонахъ *Сиѳъ* прежде звался *Самуиломъ* и былъ жителемъ Бубновской-Слободки, гдѣ и родился онъ 20 августа 1742 года, и началъ войсковую службу прямо Значковымъ-Товарищемъ, по заслугѣ отцовской. А отецъ его былъ Компанѣецъ *Несторъ Карлицкій*, женившійся въ Бубновской-Слободкѣ на Ульянѣ Деркачовкѣ, и здѣсь-же умершій, въ чинѣ Значковаго-Товарища, въ 1760 году.

хайломъ Степановичемъ Тамарою (скончавшимся 8 іюня 1837 года) и его женою *Елисаветою Николаевною*, урожденною *Мотонисовою* (дочерью того Сенатскаго Оберъ-Секретаря *Мотониса*, который въ 1767 году былъ выбранъ въ числѣ Депутатовъ отъ Малороссійскаго Шляхетства въ «Коммиссію сочиненія проэкта Новаго Уложенія»).

Нынѣшняя Сушковская церковь *Архистратига Михаила* поставлена на мѣстѣ прежней, въ 1782 году, общимъ иждивеніемъ прихожанъ. Изъ напрестольныхъ предметовъ ея упомяну о Евангеліи Кіевской печати 1746 года, которое подарено сюда въ 1750 году, Сѣчевымъ Казакомъ Каневскаго Куреня *Василемъ Гуржѣемъ*, и сыномъ его *Иваномъ*, тогоже куреня «Знатнымъ Казакомъ». Изъ служебныхъ книгъ назову Минею въ шести книгахъ, Кіевской печати 1708 года: она сюда подарена 1754 года, отъ Сѣчеваго Казака *Степана Шіяна*.[46] Назову еще Цвѣтную Тріодь, Черниговской печати 1685 года: она подарена въ Сушковскую церковь *Захаріемъ Щасненкомъ*, въ 1687 году.

Прохоровская церковь *Св. Иліи* построена на мѣстѣ прежней, въ 1781 году, общимъ иждивеніемъ прихожанъ. Прежняя колокольня стояла на западной сторонѣ, гдѣ тоже были и

[46] За этогоже казака «преставившагося», внесена и въ Никольскую церковь, въ 1755 году, этаже Кіевская Минея. (Она встрѣчается довольно часто въ здѣшнихъ церквахъ; между тѣмъ совсѣмъ не упоминается объ ней въ Московскихъ библіографическихъ каталогахъ: Сопикова, Строева, Кастерина.

школа и «шпиталь»; нынѣшняя колокольня поставлена въ 1813 году. Я говорилъ уже (въ VI главѣ) о колоколѣ вылитомъ 1722 года, и объ другомъ колоколѣ, который (вмѣстѣ съ Евангеліемъ Московской печати 1735 года) составляетъ здѣсь память Запорожскаго Атамана Каневскаго Куреня *Павла Фесуненка*. Другой Атаманъ тогоже Куреня *Ефремъ Иванченко* пожертвовалъ въ Ильинскую церковь серебряный хорошей работы крестъ на престолъ, а на жертвенникъ — чашу и дискосъ, со всѣмъ приборомъ, тоже серебряные. Передъ алтаремъ висятъ четыре серебряныя лампады: двѣ—отъ Запорожца *Ивана Невѣнчанаго*, а другія двѣ—отъ Запорожца *Григорья Поперечнаго*. Строитель Бубновской церкви *Петровскій* пожертвовалъ въ Ильинскую церковь плащаницу, серебряную чашу съ приборомъ, и серебряное же кадило. Изъ старинной церковной описи, веденной съ 1771 года, видны имена многихъ другихъ лицъ, усердствовавшихъ Ильинской церкви; въ томъ числѣ и Сотниковъ, особенно: *Прохоровича* и *Василевича*, отъ которыхъ были здѣсь богатыя ризы и другія одежды священническія. Между образами здѣшней церкви, особенно уважается прихожанами образъ Богоматери, стоящій у южныхъ дверей, въ кіотѣ, сооруженномъ отъ *Елены Даниловны Базилевичевой*, урожденной *Лисевичевны* (жены Маршала *И. Ѳ. Базилевича*, скончавшейся 3 января 1823 года): изъ привѣсокъ къ этому образу, Ильин-

ская церковь взнесла два фунта серебра въ отечественную войну двѣнадцатаго года.

Что̀ касается до кладбищенской Прохоровской церкви во имя *Успенія Богородицы*, то она поставлена въ 1774 году, иждивеніемъ тогоже Войсковаго-Товарища *Ѳедора Алексѣевича Петровскаго.* Этотъ чиновный Казакъ во благо употребилъ наслѣдство, доставшееся ему отъ нѣсколькихъ родичей. Жилъ онъ въ Прохоровкѣ, на томъ дворѣ, гдѣ въ недавнее время выстроилъ себѣ домъ покойный Флотскій Медикъ Степанъ Осиповичь Завойка. Тамъ и скончался Петровскій 1795 года 5 августа, шестидесяти-осьми лѣтъ отъ роду. Подъ старость жилъ онъ себѣ одинокій, и былъ слѣпъ. Разсказываютъ, что у него, при всѣхъ пожертвованіяхъ на разныя церкви, оставалась еще скрынка карбованцевъ, закопанная въ саду, подъ окномъ его хаты: онъ часто приходилъ освѣдомляться на то мѣсто, и постукивалъ палкою въ землю: это подмѣтилъ служившій у него хлопецъ, разсказалъ казаку Негрѣю, и негодяи украли завѣтную скрынку набожнаго слѣпца.

Нынѣшнее Прохоровское кладбище учредилось въ 1773 году, послѣ того сильнаго мора, который былъ вслѣдъ за «Колѣевщиною», при началѣ «Румянцовской-Войны». Нижняя половина кладбища, на которой поставлена церковь, пожертвована, въ 1773 году, *Иваномъ Шаркевичемъ*, Войсковымъ-Товарищемъ, который прежде жилъ подъ Переяславомъ въ Козинцахъ, на имѣніи тещи своей *Елены Петровны Исае-*

вой, урожденной *Максимовичевой*. Здѣсь онъ поселился въ 1762 году, купивши, за 900 рублей, у жены Компанѣйскаго-Обознаго *Степана Гайворонскаго* леваду ея и прочіе участки земли. На новоселье Шаркевичу сгорѣлъ домъ, тогоже 1762 года 15 ноября. Горѣлъ этотъ Золотоношскій Коммиссаръ и послѣ, не одинъ разъ. А черезъ годъ, какъ учредилось кладбище, именно въ то время, какъ разрушена была Запорожская-Сѣчь, были здѣсь такіе сильные паводки, что вода съ горы бѣжала рѣкою на дорогу мимо кладбища, промыла на ней провалье, и много гробовъ съ мертвецами вынесла на себѣ опять въ Прохоровку. Черезъ десять лѣтъ послѣ того умеръ старый Шаркевичъ: сынъ его *Григорій*, отставной Поручикъ изъ Войсковыхъ Товарищей (женатый на *Евдокіи Савичнѣ Терлецкой*), прибавилъ въ 1813 году къ кладбищу верхнюю его половину, и въ 1817 году самъ улегся здѣсь, будучи шестидесятиосьми лѣтъ отъ роду.

На первую Пречистую, то-есть въ день Успенія Богородицы, послѣ обѣдни въ Кладбищенской церкви, жители Прохоровскіе собираются «на медъ», который по давнему обычаю, варится къ этому дню и распивается у одного изъ зажиточныхъ казаковъ (теперь у *Вакулы*, а за нѣсколько лѣтъ у покойнаго *Сеська*). Кромѣ этого храмоваго дня Успенской церкви, въ ней ежегодно бываетъ обѣдня на третій день Рождественской, Свѣтлой и Зеленой Недѣль.

Но главное народное празднество у этой церкви бываетъ въ понедѣльникъ на Проводной (то-есть Ѳоминой)-Недѣлѣ, когда Прохоровцы сходятся сюда помянуть своихъ родныхъ покойниковъ, и надгробною молитвою, и заупокойною чаркою. Въ этотъ поминальный день и я, доканчивая мои сказанія о Бубновской-Сотнѣ, спѣшу перейти отъ нихъ къ молитвенному поминовенію моихъ родичей и земляковъ на ихъ могилахъ.

11 апрѣля 1849.
Михайлова-Гора.

НИЖЕГОРОДСКАЯ-ЯРМАНКА
ВЪ 1848 ГОДУ.

Статья II и послѣдняя.

II. ТОРГОВЛЯ ЕВРОПЕЙСКИМИ И КОЛОНІАЛЬНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНІЯМИ.

А. ВИНА И ДРУГІЕ НАПИТКИ.

а. Мадеры привезено на 70,100 р.; осталось отъ продажи — на 8,700 р.

б. Дрей-мадеры—на 61,100 р.; осталось отъ продажи—на 9,000 р.

в. Лиссабонскаго—на 61,500 р.; осталось отъ продажи—на 2,475 р.

г. Портвейну — на 30,050 р.; осталось отъ продажи—на 325 р. Въ 1847 году, привезено было только на 13,520 р. и осталось притомъ отъ продажи—на 1,305 р.

УМАНСКАЯ

РѢЗНЯ.

(Записки Вероники Кребсъ).

Переводъ съ предисловіемъ

И. М. РЕВА.

КІЕВЪ.

Типографія О. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица.

1879.

30 ½ 25.

Дозволено цензурою. Одесса, 26 сентября 1878 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дни Рѣчи-Посполитой польской были уже сочтены, когда надъ ней разразилась гроза народнаго возстанія. Собственно говоря, это не была мимолетная гроза, неизвѣстно откуда налетѣвшая на русскія провинціи Польши и неизвѣстно куда дѣвавшаяся. Не нужно было быть глубокимъ политикомъ, чтобы уже въ 1750 году предвидѣть всѣ ужасы уманской рѣзни 1768 года, этого кроваваго акта всемірной траги-комедіи. Не 1768 годомъ началась гайдамаччина, не имъ она и окончилась; начало ея идетъ дальше, гораздо дальше и первый актъ этого движенія помѣченъ 1708 годомъ. Въ продолженіи почти всего XVIII столѣтія жизнь правобережной Украины представляетъ цѣпь народныхъ возстаній, которыя то разгорались ярко, то потухали, смотря по тому, благопріятствовали-ли имъ внѣшнія обстоятельства или нѣтъ. Издавая на русскомъ языкѣ записки Вероники Кребсъ, мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать коротенькій общій очеркъ гайдамацкаго движенія и это по нашему мнѣнію тѣмъ болѣе необходимо, что до настоящаго времени русская читающая публика, для правильной оцѣнки гайдамаччины, имѣетъ только сочиненія гг. Скальковскаго и Мордовцева, а извѣстно, что произведенія этихъ писателей отличаются болѣе чѣмъ сомнительными историческими достоинствами.

Уманская рѣзня не была повтореніемъ Варфоломеевской ночи, какъ объ этомъ думаетъ г. Мордовцевъ; это былъ кровавый взрывъ народнаго отчаянія, это была единственно возможная форма протеста противъ полнаго личнаго и экономическаго порабощенія слабыхъ сильными; это было расплата за вѣковыя притѣсненія, за вѣковыя униженія и обиды. Между Уманской рѣзней и Варфоломеевской ночью столько же общаго, сколько и между французской революціей 1789 года и сверженіемъ съ престола любаго турецкаго султана. Въ одномъ случаѣ люди ставили все на карту, отстаивая свое существованіе, въ другомъ рѣзались изъ за принциповъ,

которыхъ и сами толкомъ не понимали; Варфоломеевская ночь навсегда заняла почетное мѣсто въ числѣ историческихъ злодѣяній, а Уманская рѣзня есть ни болѣе, ни менѣе, какъ одна изъ попытокъ освобожденія....

Гайдамаччина началась и была ведена народомъ на свой страхъ, безъ всякихъ побужденій извнѣ, что бы тамъ ни говорили польско-русскіе историки. Она прямо и непосредственно вытекла изъ всего строя общественной жизни въ панской республикѣ; она законное дѣтище польско-панскихъ порядковъ и ничѣмъ другимъ, какъ только самой собою, она и быть не можетъ. Гайдамаччина несомнѣнно имѣетъ громадное родственное сходство съ разинщиной, по безавторитарности движенія противъ польскихъ пановъ и стоитъ гораздо выше пугачевщины, которая для своего существованія и развитія должна была прикрываться громкимъ именемъ. Г. Антоновичъ такъ характеризуетъ гайдамацкое движеніе: «Съ двойнымъ характеромъ разбоя и сопротивленія панскимъ порядкамъ появляется гайдамачество съ самаго начала XVIII столѣтія первоначально на Волыни и Подоліи, а затѣмъ по мѣрѣ заселенія страны, и въ Украинѣ, гдѣ, благодаря выгоднымъ географическимъ условіямъ: близости трехъ границъ и переходному положенію края, оно окончательно сосредоточивается во второй четверти столѣтія [1])». Съ двойнымъ характеромъ движеніе это началось, съ тѣмъ же характеромъ оно прошло почти чрезъ все XVIII столѣтіе, этотъ же характеръ даетъ себя чувствовать и въ Уманской катастрофѣ. Намъ по меньшей мѣрѣ странны обвиненія гайдамаковъ русскими и польскими pseudo-историками въ грабежахъ и разбояхъ. Гайдамаччина не была салоннымъ разговоромъ между дипломатами; она была нелегальнымъ протестомъ противъ существовавшаго порядка; она была открытой войной противъ панства и его прерогативъ; она была насиліе противъ насилія и ясное дѣло, что насиліе и не могло проявляться въ другихъ формахъ, кромѣ грабежа и разбоя. Паны грабили крестьянъ; они всѣми, находившимися въ ихъ распоряженіи, мѣрами тянули крестьянскіе соки; забирали себѣ все, заработанное потомъ и кровью крестьянъ; держали ихъ въ черномъ тѣлѣ, оскотинивали; какимъ же образомъ могли выразить свой протестъ эти крестьяне? Они рѣзали своихъ притѣснителей; они продѣлывали надъ ними все то, что вынесли на самихъ себѣ; они забирали назадъ награбленное панами добро

---

[1]) Изслѣд. о гайдам. 6.

крестьянское и при этомъ, конечно, не упускали случая и потѣшиться надъ своими притѣснителями. Во всей этой исторіи оправдалась великая евангельская истина: «какой мѣрой мѣряете другимъ, такой и вамъ самимъ будетъ отмѣрено».

Было бы слишкомъ длинно разсказывать подробно объ отношеніяхъ польскихъ пановъ къ крестьянамъ; мы возьмемъ изъ исторіи этихъ отношеній одинъ только фактъ, который къ тому же имѣетъ весьма большое значеніе и для характеристики самой гайдамаччины.

Извѣстно, что финаломъ событій 1768 г. были «кодненскія казни». Въ мѣстечкѣ Коднѣ, Житомірскаго уѣзда, засѣдала комиссія подъ предсѣдательствомъ Іосифа Стемпковскаго, который былъ короннымъ полевымъ обознымъ, комиссаромъ военнаго совѣта, кавалеромъ ордена св. Станислава, главнымъ регментаремъ украинскаго и подольскаго войска, а для «усмиренія» гайдамацкаго возстанія ему дано было королемъ «право меча», т. е. безконтрольное и неограниченное право жизни и смерти. Какими же достоинствами, какими свѣтлыми сторонами характера выдѣлялся изъ среды другихъ этотъ человѣкъ? Одинъ польскій мемуаристъ говоритъ: «это былъ въ полномъ значеніи слова bon vivant; фаворитъ Станислава-Августа, который употреблялъ его для пріобрѣтенія сторонниковъ въ Кіевскомъ воеводствѣ и для донесенія о нѣкоторыхъ дѣлахъ, касающихся этого воеводства. Отсюда богатство Стемпковскаго, отсюда же и его значеніе въ краѣ. Въ началѣ царствованія Станислава-Августа онъ былъ только ротмистромъ; потомъ уже посыпались на него милости короля: сенаторское кресло, ордена, староство, регименты и т. д. Человѣкъ онъ былъ далеко не образованный.... Жилъ онъ дѣйствительно по пански, а король долженъ былъ платить его долги....» [1]). Изъ этой коротенькой характеристики вполнѣ выясняется личность Стемпковскаго, какъ оффиціальнаго доносчика при королѣ Станиславѣ-Августѣ, и ему то отдана была на раззореніе цѣлая провинція! ему то дано право надъ жизнью десятковъ тысячъ людей, которые такъ или иначе были замѣшаны въ гайдамаччинѣ! Впрочемъ, въ исторіи это далеко не единственный случай, когда *сикофанты* [2]), будь они Іосифами Стемпковскими короля Станислава или Михаилами Юзефовичами временъ позднѣйшихъ, ворочаютъ судьбами народа!

---

[1]) Bukar.

[2]) Сикофантъ значитъ оффиціальный доносчикъ.

Кромѣ плодовъ своей благотворной дѣятельности въ видѣ груды человѣческихъ (хлопскихъ) костей, Стемпковскій оставилъ намъ и литературный образчикъ своего ума; онъ оставилъ намъ универсалъ къ украинскому народу, который самъ по себѣ настолько любопытенъ, что мы не можемъ не привесть его цѣликомъ. Вотъ она, эта исповѣдь пана: «Богъ, творецъ міра, раздѣливъ людей по состоянію, отъ царя и до послѣдняго человѣка, всякому назначилъ свое мѣсто, а вамъ, хлопы, онъ повелѣлъ быть рабами и вслѣдствіе этого онъ не далъ вамъ ничего равнаго съ другими, кромѣ души. Всякій, кто вѣруетъ въ Бога, долженъ покорно исполнять его святую волю; къ тому же вы должны еще и то помнить, что для васъ написаны законы и если вы сами не въ состояніи понять этихъ законовъ, такъ вы должны брать примѣръ съ своихъ дѣдовъ и отцовъ, которые родились, жили и умерли, работая на своихъ пановъ, а умирая и вамъ завѣщали дѣлать тоже самое. Вы должны съ молокомъ матери всосать въ себя вѣрность и вѣчную покорность панамъ.

А вы, громады нѣкоторыхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, особенно въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ и бѣглецы изъ Волыни, вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности, даже церкви Божьи обратили въ Богъ знаетъ что. Вѣдь вы же и родились, и выросли въ римско-католической религіи уніятскаго обряда, какъ же вы смѣете теперь мѣнять эту религію? Вы должны крѣпко держаться ее, потому что вѣдь прійдется же вамъ стать когда нибудь предъ Богомъ и дать ему отвѣтъ. Впрочемъ, вы должны знать и то, что за перемѣну этой религіи васъ покараетъ и законъ; у васъ отберутъ все ваше имущество, прогонятъ съ того мѣста, гдѣ вы живете, а если и это не поможетъ, то васъ будутъ казнить смертью. Эти наказанія постигнутъ не только васъ, но и тѣхъ пановъ, которые захотятъ перемѣнить религію. Теперь разсудите: ужь если богачи-паны не могутъ избѣжать наказанія, то что же можете сдѣлать вы, у которыхъ нѣтъ ничего своего, кромѣ души?

Теперь скажите вы мнѣ, какая это религія даетъ вамъ право дѣлать въ церквахъ (уніятскихъ) и костелахъ то, что вы дѣлаете? Вы съ большимъ уваженіемъ относитесь къ шинкамъ и домамъ своей старшины, чѣмъ къ церквямъ Божіимъ. Я самъ убѣдился въ этомъ въ Лысянкѣ, когда преслѣдовалъ безбожниковъ. Глядя на костелъ Францисканцевъ, можно ли сказать, что это церковь Божія? Алтарей нѣтъ и слѣда; иконы

пострѣляны, порѣзаны, потоптаны ногами; непощажено даже мѣсто, гдѣ хранятся св. дары; все разрушено. Вы выбросили, св. дары на землю и изъ чашъ пили водку за свое здоровье. Вы стрѣляли, какъ въ цѣль, въ св. изображенія на престолахъ; на нихъ и до сихъ поръ видны слѣды пуль. Вы тащили эти изображенія по улицамъ и отбивали имъ палками руки и ноги. Богъ милосердъ и весьма вѣроятно, что онъ проститъ вамъ все это на страшномъ судѣ, но онъ не только милосердъ, онъ и справедливъ. Вы повѣсили въ церкви ксендза, а около него жида и собаку; вы опрокинули и разбили статуи святыхъ; развѣ такъ поступаютъ истинные христіане? Нѣтъ силъ, не хватаетъ памяти перечислить всѣ тѣ мученія, которымъ вы подвергли тѣхъ, кто попался въ ваши руки. Волоса встаютъ на головѣ при одномъ воспоминаніи о вашихъ звѣрствахъ. Вы вырѣзывали дѣтей у беременныхъ женщинъ и подымали ихъ на пикахъ, а на мѣсто ихъ клали котенковъ. Вы не обращали вниманія на возрастъ и жестоко мучили бѣдную шляхту. Вы даже не хоронили убитыхъ вами, какъ это дѣлаютъ христіане, а вмѣсто того учили своихъ дѣтей издѣваться надъ мертвыми. Передъ вашими глазами дикіе звѣри и птицы разрывали трупы, тащили по улицамъ куски человѣческаго мяса; гдѣ же вы дѣвали заповѣдь Божью «не убей»? Сколько дѣвицъ изнасиловали вы? Сколько дворянокъ заставили силою выйти за себя замужъ? Скажите-же теперь сами: что вамъ слѣдуетъ сдѣлать за все это? Посмотрите, сколько сотень тысячъ шляхты, управителей, комиссаровъ, писарей погибло отъ вашей поганой руки? Вы вырѣзали жидовъ, которые держали панскія аренды и шинки въ городахъ и селахъ, и вслѣдствіе этого причинили своимъ панамъ громадный убытокъ. Если они грабили или обманывали васъ, вы должны были жаловаться на нихъ начальству; оно, безъ всякаго сомнѣнія (?), оказало бы вамъ помощь и защиту; если бы и ближайшее начальство не помогло вамъ, вы всегда имѣли полную возможность (?) жаловаться высшимъ правительственнымъ властямъ.

Посмотри дикое, проклятое крестьянство на этотъ счастливый край! Ты залило его кровью невинныхъ! Сколько разрушено великолѣпныхъ дворцевъ, строеній, городовъ, мѣстечекъ, селъ, не говоря уже о церквахъ и костелахъ! Сколько убытковъ надѣлали вы своимъ панамъ, у которыхъ вы должны быть въ вѣчномъ послушаніи и рабствѣ! Вы не хотите платить чиншей, арендъ и податей, которыя вы обязаны платить; да что, вы даже грабили королевскія таможни, говоря, что вы не принадлежите

къ Рѣчи-Посполитой! Мы, шляхта, благодаримъ Бога за своего короля, а вы, дураки, увѣряете, что вы не подданные этого короля и не принадлежите къ этому краю. Никто изъ умныхъ, благородныхъ людей не скажетъ вамъ этого, васъ научилъ этимъ глупостямъ какой нибудь мужикъ, который думаетъ, что онъ самый умный изъ васъ.

Неужели вы думаете, что и шляхтѣ, и королю пріятно, что погибло столько васъ, сволочи? Это общественное бѣдствіе, а кто виноватъ въ немъ?—вы. Посмотрите на милосердіе къ вамъ короля и Рѣчи-Посполитой, которые приказали, чтобы не только арендаторы и управляющіе, но даже сами паны не могли убивать васъ, какъ это иногда случалось прежде. Но если вы будете бунтоваться, то, конечно, потеряете эту милость короля и Рѣчи-Посполитой. А потому будьте вѣрными и послушными своимъ панамъ и акуратно платите всѣ слѣдуемыя съ васъ подати. Не препятствуйте жить въ селахъ, городахъ и мѣстечкахъ жидамъ и другимъ людямъ, которые имѣютъ на то разрѣшеніе отъ начальства и смотрите, чтобы у васъ все было тихо. Если же вы не послушаетесь и снова начнете бунтоваться, то я, главнокомандующій здѣшнимъ войскомъ, буду карать васъ смертью, какъ покаралъ гайдамаковъ подъ Лысянкою, Ольховою и Литвянкою, а тихимъ, честнымъ и послушнымъ я обѣщаю помощь и защиту».

Изъ настоящаго документа, какъ нельзя болѣе ясно, видны тѣ отношенія, которыя существовали въ панской республикѣ между «правящими» и «управляемыми» и если во всемірной исторіи подобныя отношенія встрѣчаются сплошь и рядомъ, то во всякомъ случаѣ существуетъ весьма мало литературныхъ произведеній, въ которыхъ бы эти отношенія были формулированы такъ ясно, просто и безискуственно. Въ этомъ одномъ универсалѣ Стемпковскаго вся гайдамаччина; здѣсь и причины, здѣсь и слѣдствія этого движенія. Стемпковскій, самъ того не вѣдая, написалъ оправдательный документъ ужасамъ южно-русской крестьянской войны и съ высоты своего панскаго величія ясно и неопровержимо доказалъ логическую необходимость всѣхъ совершившихся событій; изъ этого же документа видно, что «дикое крестьянство» съумѣло постоять за себя, когда его крестьянское долготерпѣніе лопнуло....

Литература «гайдамацкаго движенія» до настоящаго времени весьма мало разработана. Изъ всѣхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, только «Изслѣдованіе о Гайдамаччинѣ» В. Б. Антоновича имѣетъ значеніе какъ по

проводимому въ немъ взгляду, такъ и по массѣ сообщаемыхъ имъ фактовъ. Къ сожалѣнію, г. Антоновичъ довелъ свое изслѣдованіе только до 1768 г., такъ что о движеніи въ этомъ году мы и до сихъ поръ не имѣемъ яснаго понятія. Но при всей солидности изслѣдованія г-на Антоновича, оно имѣетъ и существенный недостатокъ; недостатокъ этотъ заключается въ нѣкоторой недосказанности, вслѣдствіе чего многаго приходится доискиваться между строчками. «Изслѣдованіе» оставляетъ послѣ себя такое впечатлѣніе, какъ будто бы надъ изслѣдователемъ тяготѣла какая нибудь рука, недававшая ему высказаться вполнѣ. Яснѣе всего эта недосказанность видна въ заключительныхъ словахъ сочиненія г-на Антоновича; вотъ они: «Если въ 1750 г. гайдамачество не превратилось въ поголовное крестьянское возстаніе и не окончилось совершеннымъ изгнаніемъ дворянъ изъ юго-западнаго края, то этимъ шляхтичи были обязаны, конечно, не собственной инициативѣ, а отсутствію общественнаго развитія и яснаго пониманія движенія въ средѣ самыхъ крестьянъ и гайдамаковъ. Тѣ и другіе ограничились частными нападеніями на мѣстечка и усадьбы, захватомъ богатой добычи, временнымъ ослабленіемъ помѣщичьей власти, но вовсе не думали о коренномъ измѣненіи существовавшаго въ Украинскихъ воеводствахъ Рѣчи-Посполитой порядка. Пограбивъ въ теченіе всего лѣта, гайдамацкіе ватажки удалялись въ степь или за Днѣпръ на зимуу расчитывая слѣдующею весною возобновить свои набѣги. Въ такомъ положеніи гайдамачество находилось еще въ продолженіи 18 лѣтъ; располагая силами и средствами, далеко превосходившими средства, противупоставляемыя ему шляхетскимъ обществомъ, оно пользовалось ими только для учащенія опустошительныхъ набѣговъ. Очевидно, что руководившій нѣкогда крестьянскими возстаніями, даже и въ свое время неясный идеалъ козацкаго устройства, съ теченіемъ времени еще болѣе затемнился въ народномъ представленіи; въ началѣ второй половины XVIII столѣтія уже два поколѣнія отдѣляли крестьянское населеніе юго-западнаго края отъ участниковъ послѣдняго козацкаго движенія; между тѣмъ совершенное отсутствіе образованія не дало ему возможности возстановить другимъ путемъ сглаживающуюся и потускнѣвшую традицію. Нужно было ожидать толчка извнѣ, для того чтобы возобновить въ забитомъ, хотя матеріально численномъ сословіи стремленіе къ осуществленію того принципа, за который оно боролось въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Толчекъ явился въ 1768 году изъ Запорожья, благодаря выгодно сложившимся политическимъ

обстоятельствамъ того времени и гайдамацкое движеніе разразилось страшною катастрофою, носящею названіе Коліивщины». Здѣсь много неяснаго, начиная хотя бы «идеалами» и оканчивая «возможностью осуществить ихъ»; впрочемъ, будемъ надѣяться, что въ своемъ изслѣдованіи о Коліивщинѣ (а такое изслѣдованіе болѣе, чѣмъ желательно) авторъ яснѣе изложитъ свою мысль о томъ «принципѣ», за который южно-русское населеніе боролось въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. А пока что, мы ни въ русской, ни въ польской печати не встрѣчали правильной оцѣнки событій 1768 года. Писатели, говорившіе объ этомъ годѣ, своими трудами не только ничего не разъяснили, а напротивъ, напустили такого туману, сквозь который положительно ничего не возможно разобрать. Всѣ измышленія ихъ сводятся къ тому, что 1768 г. былъ пущенъ въ ходъ русскимъ правительствомъ для того, чтобы усилить замѣшателества въ Рѣчи-Посполитой и уже въ одномъ этомъ измышленіи видно крайнее непониманіе истиннаго духа событій. Сочинить революціи нельзя; можно увеличить массу горючаго матеріала, необходимаго для революціи, можно производить, такъ называемыя, подготовительныя работы, можно способствовать болѣе быстрому ходу самаго революціоннаго процесса въ массахъ народа, но сочинить ее, такъ сочинить, какъ это приписывалось Россіи въ 1768 году—нельзя. Въ этомъ случаѣ смѣшны подозрѣнія, высказываемыя польскими и нѣкоторыми русскими писателями, что Коліивщина была возбуждена игуменомъ Матронинскаго монастыря, Мельхисидекомъ Значко-Яворскимъ и запорожцемъ Залізнякомъ, вѣрно, будто бы, разсчитавшими на то дѣйствіе, которое произведетъ на украинскій народъ извѣстіе о санкціонированіи этого возстанія Россіей. Если бы не было накопленнаго долгимъ временемъ горючаго матеріала, если бы не было ни безправія, ни угнетенія, ни гоненій, ни казней, ни отвратительнаго экономическаго положенія; если бы не было обезземеленья и обезличенья массъ; если бы не было давленія на совѣсть, на религію, т. е. если бы не было всего того, что способно вызвать народъ на возстаніе,—никакая санкція Россіи, никакіе происки Мельхисидека или кого бы то ни было другого не въ состояніи были бы вызвать это возстаніе. Наоборотъ, если все это было, если горючаго матеріала скопилось слишкомъ достаточно, то гроза должна была разразиться и безъ чьей бы то ни было санкціи. Крестьяне праваго берега Днѣпра сознали, что гайдамачество единственно возможный для нихъ способъ протеста и схватились за него, какъ за якорь спасенія;

Зачѣмъ же, спрашивается, понадобился здѣсь чужой авторитетъ, когда ихъ собственное сознаніе, сила исторической необходимости влекла ихъ по этой дорогѣ? Зачѣмъ же понадобилось въ 1768 году то, чего не требовалось въ продолженіи 60 лѣтъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ?

Между видными дѣятелями, съ особеннымъ успѣхомъ подвизающимися на поприщѣ «затуманиванія» событій 1768 года, находится и нашъ многопишущій «историкъ» г. Мордовцевъ. Мы обращаемъ на этого писателя особенное вниманіе, потому что его книга «Гайдамаччина», носящая громкое названіе «историческаго изслѣдованія», есть ничто иное, какъ собраніе всевозможныхъ нелѣпостей, вышедшихъ изъ подъ пера польскихъ «историковъ» и нашего многорѣчиваго, но совершенно безсодержательнаго г-на Скальковскаго. Дабы наши слова не были сочтены за голословное обвиненіе, мы укажемъ на достоинства одного источника, который почти дословно вошелъ въ сочиненіе г. Мордовцева; источникъ этотъ— брошюра Липомана. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на эту брошюру, не трудно убѣдиться, что она можетъ служить такимъ же матеріаломъ для историческаго изслѣдованія, какъ и любой политическій памфлетъ всѣхъ временъ и народовъ, потому что брошюра Липомана и есть, ни болѣе, ни менѣе, какъ памфлетъ, направленный противъ вліянія Россіи на дѣла Польши. Въ этомъ не трудно убѣдиться, стоитъ только вникнуть въ сущность выводовъ, дѣлаемыхъ Липоманомъ изъ своего сочиненія. Онъ говоритъ:

1) Желѣзнякъ ушолъ въ лѣсъ, для составленія банды, не по собственному побужденію, а по совѣту тѣхъ, для кого это было полезно.

2) Золотую грамоту дѣйствительно написалъ Мельхисидекъ Значко-Яворскій; онъ же отдалъ приказъ духовенству заохочивать крестьянъ къ возстанію.

3) Вся добыча, награбленная гайдамаками попала въ руки русскихъ.

4) Изъ числа взятыхъ въ плѣнъ гайдамаковъ, самыхъ красивыхъ и способныхъ взяли въ русскіе полки, а негодныхъ отдали полякамъ; о Желѣзнякѣ же говорятъ, что кнутомъ былъ битъ не онъ, а кто то другой, которымъ его подмѣнили.

5) Усмирители (т. е. русскіе) забирали крестьянъ, отправляли ихъ въ свой край, населяли ими свои села, а остальные крестьяне разбѣжались со страху и такимъ образомъ населилась такъ называемая Новосербія.

6) Польское правительство жаловалось русскому на Мельхисидека, но онъ не только не былъ наказанъ, но даже сдѣланъ архимандритомъ и настоятелемъ въ Малороссіи.

Если бы начать разбирать каждое изъ этихъ положеній отдѣльно, то понадобилось бы написать большой трактатъ, который заключалъ бы въ себѣ изслѣдованіе всего гайдамацкаго движенія, чего конечно въ данномъ случаѣ сдѣлать мы не можемъ. Мы ограничимся коротенькимъ опроверженіемъ одного изъ измышленій г-на Липомана, а именно исторіи съ «золотой грамотой».

Дѣло въ томъ что никакой такой «золотой грамоты» не было вовсе. Ни въ одномъ изъ гайдамацкихъ допросовъ, ни въ одномъ изъ сохранившихся актовъ нѣтъ и намека на золотую грамоту. Первое извѣстіе объ этой грамотѣ составляетъ неотъемлемую собственность Липомана, и исторія ни мало не претендуетъ на полученіе такого наслѣдства отъ польскаго памфлетиста. Текстъ самой грамоты въ первый разъ появился въ 1862 г. въ Парижѣ въ сборникѣ якобы государственныхъ документовъ Рѣчи-Посполитой. Книжка, гдѣ помѣщенъ этотъ документъ, встрѣчается въ Россіи очень рѣдко и потому мы считаемъ необходимымъ привесть самый текстъ этой вымышленной и подложной «золотой грамоты:

Manifeste de Catherine II autorisant, en Ukraine, les massacres de la noblesse polonaisse, des prêtres catholiques et des jufs polonais, dans l'intérêt de l'humanité, comme énonce Repnine, dans l'acte ci-dessus.

Saint-Petersbourg, $^{9}/_{20}$ juin 1768 a.

Comme nous voyons clairement avec quel mépris et quelle honte nous sommes traités ainsi que notre religion orthodoxe, par les Polonais et par les juifs: les défenseurs de notre religion grecque étant persécutés, opprimés et punis de mort, pour ces raisons, ne pouvant plus souffrir de pareils outrages, de semblebles ignominies et cette persécution, uniquement pour notre sainte religion persécutée, méprisée, nous donnons cet ordre et nous enjoignons a *Maximilien Zelezniak, de la terre de Tymoszew (?) colonel et commandant (?) nos terres du Bas-Zaporogue* d'entrez dans les terres de Pologne, *prenant encore quelques troupes de nos armées russes des kosaks du Don*, pour extirper et abattre, avec l'aide de Dieu, tous les Polonais et les juifs blasphemateurs de notre saite religion. Par ce moyen nous faisons cesser toutes les pla-

intes portées devant notre trône, contre ces assassins impitoyables, ce parjures, ces violateurs de la foi, ces Polonais qui protégeant la mauvaise croyance des juifs impies, blasphement et méprisent notre religion, opprimen[t] un peuple fidèle et innocent. Nous ordonnons donc qu'en traversant la Pologne, l'on extirpe leur nom et que leur mémoire soit anéantie pour la postérité. Mais pour que les traités et l'amitié avec nos voisins soient observés, nous défendons, sous les plus rigaureuses peines, de molester ou d'inquiéter les marchands turks, grecs, arméniens et les notres russes qui troversent la Pologne pour sujet de commerce; nous voulons même qu'ils aient toujours un libre passage, et tous les secours qu'on peut requérir de voisins amis.

Pour plus grande foi, nous confirmons cet ordre at cette permission.

Donné a Saint-Petersbourg, scellé de nos armes et signé de notre propre main, *le 20 juin 1768 a.*

Catherine.

Pour ampliation:

L'attaman koszowy

Pierre Kalnyszeffskoi, avec les témoins [1]).

На сколько намъ извѣстно, другаго текста этой грамоты нигдѣ еще не было помѣщено, а потому мы и имѣемъ полное основаніе считать, помѣщенный нами выше текстъ, за единственный; можемъ только сказать, что онъ дѣйствительно «единственный» во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ переводѣ на русскій языкъ значитъ онъ вотъ что:

С.-Петербургъ $^{9}/_{20}$ іюня 1768 года.

Такъ какъ мы ясно видимъ, съ какимъ презрѣніемъ и безстыдствомъ поступаютъ поляки и жиды съ нами и съ нашей православной религіей: защитники нашей греческой религіи угнетаемы, притѣсняемы и наказываемы смертью, то мы, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть подобныя оскорбленія, подобное поношеніе и гоненіе единственно ради нашей св. религіи, угнетенной и презираемой, даемъ этотъ приказъ и повелѣваемъ

---

[1]) Помѣщена эта ерунда въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Recueil des traités et conventions concernant la Pologne"; мы подчеркнули мѣста, особенно выдающіяся по нелѣпости.

Максиму Желѣзняку *изъ земли Тимошевской, полковнику и командующему* въ нашихъ земляхъ Низоваго Запорожья, вступить въ предѣлы Польши, *взявши еще нѣсколько отрядовъ Донскихъ козаковъ изъ нашихъ русскихъ войскъ*, чтобы вырѣзать и уничтожить, съ помощью Божею, всѣхъ поляковъ и жидовъ, хулителей нашей святой религіи. Этимъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя нашему престолу на этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, которые, покровительствуя скверной вѣрѣ нечестивыхъ жидовъ, хулятъ и презираютъ нашу религію, угнетая народъ вѣрный и невинный. Итакъ, мы приказываемъ, проходя Польшу, искоренить самое имя Поляковъ, чтобы и память о нихъ не дошла до потомства. Но для того, чтобы договоры и дружба съ нашими сосѣдями были сохранены, мы запрещаемъ подъ самыми строгими наказаніями оскорблять или безпокоить купцовъ турецкихъ, греческихъ, армянскихъ и нашихъ русскихъ, которые проѣзжаютъ Польшу ради торговыхъ интересовъ; мы хотимъ даже, чтобы они всегда имѣли свободный пропускъ и всякаго рода помощь, какую можно получить отъ сосѣдей-друзей.

Для большей вѣры мы утверждаемъ этотъ приказъ и это позволеніе.

Дано въ С.-Петербургѣ, запечатано нашей гербовой печатью и подписано нашей собственной рукой *20 іюня* 1768 г.

Екатерина.

Для исполненія:

Кошевой атаманъ

Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями.

Прежде всего—время, когда выдана эта грамота. По старому стилю — это 9 іюня, по тогдашнему новому — 20 іюня, а между тѣмъ, изъ актовъ видно, что Уманская рѣзня происходила 7 и 8 іюня. Выходитъ, что грамота выдана была *днемъ позже* уманской рѣзни,—есть ли здѣсь какой нибудь смыслъ? Вѣдь предполагается, что благодаря этой грамотѣ удалось поднять крестьянское возстаніе; вѣдь эту грамоту, по словамъ Липомана, Залізнякъ показывалъ крестьянамъ! Очевидно, что составители грамоты даже о времени возстанія не имѣли ни малѣйшаго представленія.

Далѣе—посмотрите на титулъ Залізняка: «полковникъ и командующій нашихъ земель Низоваго Запорожья»; вѣдь въ Запорожьи и званія такого никогда не существовало! Полковники, положимъ, были; но ихъ

выбирало войско и русское правительство о такомъ выборѣ никогда не извѣщалось. Да наконецъ, что это за «terre de Tymoszew»? Максимъ принадлежалъ къ товарищамъ Тимошевскаго куриня, слѣдовательно «terre de Tymoszew» означаетъ *Тимошевскій куринь*; но неужели же русское правительство не могло отличить «куриня» отъ «земли», т. е. извѣстной территоріи? Потомъ говорится, что Залізняку позволено было взять съ собой нѣсколько отрядовъ Донскихъ козаковъ; здѣсь уже полнѣйшее смѣшеніе и капитальное невѣжество. Вѣдь Донскіе козаки перевязали гайдамаковъ подъ Уманью, какая же здѣсь можетъ быть рѣчь о помощи?

Наконецъ, послѣдняя крупная нелѣпость: грамота контрасигнована кошевымъ Петромъ Кальнишевскимъ. Подпись поставлена такъ: Атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями». Дѣло въ томъ, что составители грамоты, по всей вѣроятности, знали, что при подписи кошеваго есть какой то хвостикъ; но, что это за «хвостикъ», они не знали, а потому и поставили «avec les témoins». Между тѣмъ, настоящая подпись должна бы была быть такой: «Петръ Кальнишевскій, атаманъ кошовый Войська Запорожського зъ Атаманнею и со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ». Эта неизмѣнная формула встрѣчается во всѣхъ актахъ запорожскихъ, при чемъ же здѣсь «свидѣтели»? Да наконецъ, къ чему это понадобилось императорскую грамоту контрасигнировать кошевому, т. е. ставить кошеваго на мѣсто имперскаго канцлера?

Изъ этого коротенькаго обзора, намъ кажется, ясно, какую цѣну можно придавать росказнямъ Липомана. Въ одномъ только онъ сказалъ правду: вся, набранная гайдамаками, добыча перешла подъ Уманемъ въ руки русскихъ. Судя по тѣмъ пріемамъ, какими было произведено «усмиреніе», можно съ большей или меньшей вѣроятностью предположить, что ретивости генерала Кречетникова не мало способствовала эта самая добыча. Это предположеніе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что въ ту ночь, когда было произведено нападеніе на гайдамацкій лагерь, Кречетниковъ распорядился такъ, что *большая часть* гайдамаковъ получила возможность бѣжать изъ лагеря, но добыча гайдамацкая попала въ руки «побѣдителей» *вся*. Какъ бы то тамъ ни было, но эта единственная правда не можетъ придать цѣны остальнымъ выдумкамъ Липомана и г. Мордовцевъ сдѣлалъ крупный промахъ, построивъ свое «сочиненіе» на такомъ непрочномъ фундаментѣ.

Записки Вероники Младановичъ, по мужу Кребсъ, принадлежатъ къ числу достовѣрнѣйшихъ историческихъ документовъ и особеннаго вниманія заслуживаютъ разсказы о событіяхъ, гдѣ она сама была очевидцемъ и къ числу такихъ относится и самая Уманская катастрофа. Въ 1768 году Вероникѣ было уже 18 лѣтъ, слѣдовательно на память ея можно положиться вполнѣ. Разсказъ ея отличается замѣчательной простотой и ясностью, которая также не мало говоритъ въ пользу его достовѣрности. Вотъ коротенькая біографія этой, во всякомъ случаѣ довольно развитой для своего времени, женщины. Послѣ Уманской рѣзни, ее привезли въ Кристинополь и она нѣкоторое время была «респектовой панной» при дворѣ генеральши Брюль. Здѣсь она вышла замужъ за Кребса, поручика иностраннаго войска, состоявшаго на польской службѣ. Послѣ смерти мужа Кребсъ занялась хозяйствомъ, но прохозяйничала все свое имущество и конецъ своей жизни провела у Александра Потоцкаго, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію. Кромѣ воспоминанія объ Уманской рѣзнѣ, Кребсъ написала исторію трагической смерти жены Щенснаго Потоцкаго, но эта рукопись гдѣ-то погибла, покрайней мѣрѣ неизвѣстно, гдѣ она. Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ изданія 1840 г. въ Познани; по польски заглавіе его было такое: Opis autentyczny rzezi humańskiej przez córkę gubernatora Humania z Mladonowiczów zamężną Krebsową. Z manuskryptów Hr. T. Dzilyńskiego przedrukowany. Poznań. 1840.

Для большей ясности моего разсказа и для доказательства его правдивости я разскажу о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ описываемому мною событію. Мой отецъ, Младановичъ, потерявъ разомъ отца и мать, попалъ подъ опеку и протекцію князя Дмитрія Яблоновскаго, ковельскаго старосты. Когда онъ выросъ и женился, этотъ добрый панъ далъ ему рекомендательное письмо къ кіевскому воеводѣ Потоцкому. Благодаря этому письму, мой отецъ былъ принятъ Потоцкимъ на службу и въ 1757 году сдѣланъ былъ комиссаромъ его украинскихъ имѣній.

Мнѣ было семь лѣтъ, когда я въ первый разъ увидѣла, стоившій мнѣ впослѣдствіи столькихъ слезъ, Умань. Воспитаніе получила я такое, какое въ то время обыкновенно давали шляхтянкамъ. Меня учили быть набожной, честной и работящей. Хотя въ то время было не особенно много шляхтянокъ, умѣвшихъ читать, писать и считать, но мой отецъ, на сколько ему позволяло время, училъ меня и этому; онъ приказывалъ мнѣ выучивать на память не только молитвы и житія святыхъ, но и имена царствовавшихъ королей польскихъ, и для этой цѣли у насъ была книжка съ портретами этихъ королей. Читая эту книгу, не разъ плакала я, глядя, какъ мыши ѣли Попеля.... Потомъ отецъ приказалъ мнѣ учить на память выходившій въ то время ежегодно политическій календарь и по немъ я должна была отвѣчать названія царствовавшихъ во всей Европѣ особъ, гербы каждаго государства, ордена и т. д.; что же касается нашего края, то я должна была знать всѣхъ сенаторовъ, главнѣйшихъ сановниковъ королевства и княжества Литовскаго, затѣмъ—чиновниковъ каждаго воеводства и каждаго повѣта. Въ Винницѣ была почта и туда ѣздилъ казакъ изъ Умани. Его возвращеніе всегда было для меня не особенно пріятно, потому что онъ привозилъ газету редактора Лускуны и въ этой газетѣ я должна была выучивать напамять нѣкоторыя мѣста. Я должна сознаться, что это занятіе было для меня совершенно неинтересно, потому что все царствованіе Августа III прошло спокойно, а выборы Августа IV, хотя, и были бурны, но безъ особенно большихъ замѣшательствъ. Лускуну

очевидно, не интересовало то, что дѣлалось за границей и потому въ газетѣ его помѣщались только извѣстія о въѣздѣ и выѣздѣ знатныхъ пановъ изъ столицы, свадьбы этихъ пановъ, крестьбины и болѣзни.

Не много времени спустя послѣ нашего пріѣзда, въ Умань начали являться жители воеводствъ волынскаго, подольскаго и брацлавскаго съ документами отъ воеводы Потоцкаго на села, данныя имъ въ безплатное владѣніе, впредь до особаго распоряженія воеводы; имена всѣхъ этихъ вновь прибывающихъ шляхтичей я тоже должна была знать наизусть. Въ то время наука эта была очень непріятна для меня, а теперь, можетъ быть, другимъ покажется смѣшнымъ, что я, оглохнувъ на старости и не имѣя возможности разговаривать съ другими, разговариваю по памяти сама съ собою. Наконецъ мнѣ и то доставляетъ удовольствіе, что иногда я больше знаю о чьемъ нибудь родѣ, чѣмъ сами члены этого рода.

Первымъ большимъ событіемъ для меня былъ пріѣздъ въ Умань холмскаго епископа Рыло для посвященія 150 поповъ во вновь устроенныя церкви въ Уманьщинѣ; епископъ и вся его свита жили у насъ около года. Вторымъ событіемъ былъ пріѣздъ ксендза Костецкаго, по распоряженію воеводы, для основанія коллегіума. Костецкій, какъ можно скорѣе, началъ строить деревянный монастырь, костелъ и школу.

Этотъ періодъ былъ періодомъ все большаго и большаго заселенія Умани и Уманьщины; тогда уже была построена и большая деревянная ратуша, въ которой помѣщались турецкія, греческія, московскія и жидовскія лавки. Новые владѣльцы имѣній въ Уманьщинѣ боялись жить въ деревняхъ вслѣдствіе частыхъ гайдамацкихъ наѣздовъ и потому они строили себѣ дома въ Умани; въ мое время такихъ домовъ было болѣе двадцати.

Теперь приступаю къ описанію уманскихъ козаковъ, которыхъ было до двухъ тысячъ.

Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань, онъ уже засталъ тамъ полковника Обуха (кажется, это былъ шляхтичъ) и старшаго сотника Гонту, крестьянина д. Росошекъ. Ежегодно на Тройцу весь козацкій полкъ собирался въ Умань для провѣрки и ученья. Обыкновенно козаки располагались лагеремъ около Грекова лѣса и самыя собранія эти продолжались дня три. Уманскіе козаки все были люди видные и красивые; лошади у нихъ были хорошія и у каждыхъ двухъ сотень лошади были другой масти. Одежда козаковъ состояла изъ желтыхъ жупановъ, голубыхъ кун-

тушей и шараваровъ; шапки на головахъ были чорныя барашковыя съ желтымъ верхомъ; затѣмъ, красный поясъ, пика въ рукѣ, ружье за плечами, пара пистолетовъ за поясомъ и пара въ сѣдлѣ. Они были опоясаны нѣсколькими «салатурками», въ которыхъ хранился порохъ, дробь, пули, кремень и т. д.; сбоку висѣлъ большой рогъ, также для пороху. У простыхъ козаковъ всѣ эти принадлежности были оправлены въ жесть, у сотниковъ же, и особенно у Гонты, въ серебро. Жупаны на сотникахъ были желтые атласные, кунтуши изъ французскаго сукна были обшиты серебрянными галунами, а шапки были бархатныя; однимъ словомъ этотъ полкъ нисколько не уступалъ любому королевскому полку.

Козацкое войско составлялось слѣдующимъ образомъ: три или четыре хозяина содержали на свой счетъ одного козака и за это они были освобождены отъ всякихъ повинностей и платежей и получали право пахать, сѣять и косить, сколько имъ было нужно.

Въ домѣ, назначенномъ для моихъ родителей, была комната, называемая «командой»; въ ней хранились хоругви, знамена, котлы и трубы и около нее постоянно стояла стража. Когда полкъ собирался для переписи, тогда, при звонѣ колоколовъ, съ торжествомъ выносились войсковые знаки и попы благословляли ихъ; при этомъ хорунжіе держали хоругви, а знамена—атаманы и эсаулы. Во время этихъ собраній полковникъ Обухъ также одѣвался по козацки.

На самомъ мѣстѣ переписи козаки устраивали игры на лошадяхъ, при чемъ они такъ ловко выдѣлывали различныя штуки, что можно было подумать, будто бы благословеніе поповъ защищаетъ ихъ отъ смерти и увѣчья.

Послѣ ученья сотники садились за приготовленное для нихъ угощенье, при чемъ пѣлись различныя думы подъ акомпаниментъ бандуръ. Однажды мой отецъ услыхалъ, какъ въ одномъ мѣстѣ казаки пѣли думы о Хмѣльницкомъ; онъ тотчасъ же позвалъ Обуха и попросилъ его разъ на всегда запретить пѣніе подобныхъ думъ и *все таки въ 1768 году эта предосторожность ни къ чему не послужила.*

Ежегодно смѣняясь, 300 козаковъ ходили на стражу въ Кристинополь. Мой отецъ уже былъ въ Умани, когда однажды съ этими козаками пошелъ въ Кристинополь Гонта и воротился назадъ съ документомъ воеводы, дозволявшимъ ему безплатно пользоваться доходами съ д. Росошекъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Гонта повторилъ этотъ походъ и тогда воевода далъ ему въ пожизненное владѣніе д. Осадовку.

Да и не удивительно, что Гонта съумѣлъ понравиться воеводѣ! Это былъ красивый, представительный мущина и къ тому же онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь его можно было бы счесть за шляхтича.

Въ то время Умань былъ маленькимъ городомъ; его на всемъ протяженіи окружалъ палисадъ, въ двухъ мѣстахъ котораго продѣланы были ворота, запиравшіеся рогатками; въ воротахъ стояло по двѣ пушки или мортиры.

Былъ и гарнизонъ изъ 600 человѣкъ, состоявшій подъ начальствомъ поручика Лепарта. Этотъ гарнизонъ занималъ караулы въ воротахъ и около кардегардіи, которая была очень велика и постоянно наполнена пойманными гайдамаками.

Нашъ домъ былъ обведенъ другимъ палисадомъ съ четырьмя башнями, которыя были такъ велики, что лѣтомъ въ верхнемъ этажѣ могъ помѣститься и работать присланный воеводой землемѣръ Шафранскій. Епископъ Рыло увеличилъ поля для поповъ и Шафранскій долженъ былъ распланировать ихъ. Самъ Шафранскій былъ немолодой уже человѣкъ, служившій прежде въ прусскихъ войскахъ. Насколько я помню, онъ очень часто разговаривалъ съ отцомъ о королѣ Фридрихѣ II, который велъ тогда войну, да при томъ и мужество, оказанное имъ при защитѣ Умани, указываетъ, что прежде онъ служилъ въ войскахъ.

Въ предѣлахъ укрѣпленій города вовсе не было воды; Шафранскій распорядился выкопать колодезь тамъ, гдѣ теперь ратуша; родника однако не нашли и не смотря на то, что колодезь былъ до 300 (?) сажней глубиной, до воды не добрались. Во время ужасной рѣзни этотъ колодезь сдѣлался гробомъ для многихъ мучениковъ, въ томъ числѣ и для моихъ родителей, бабки 88 лѣтъ, тетки и нѣкоторыхъ изъ моихъ родственниковъ.

Въ началѣ 1768 года въ дѣйствіяхъ моего отца начала проглядывать какая то таинственность. Я видѣла, что къ нему начали часто пріѣзжать офиціалисты и посессора; я видѣла, что слѣдствіемъ этихъ пріѣздовъ были постоянные секретные разговоры, совѣщанія, а такъ какъ мнѣ было уже 18 лѣтъ и, благодаря стараніямъ отца и тетки, я не-

была дурой, какъ многія изъ моихъ сверстницъ, то я, старательно присматриваясь и прислушиваясь ко всему, замѣтила, что по ночамъ недалеко стоящій отъ насъ магазинъ наполнялся седлами, чепраками и т. п. Я поняла, что все это дѣлается вслѣдствіе секретнаго предписанія воеводы и дѣйствительно, въ первыхъ числахъ апрѣля въ Шпиченцы, въ брацлавскомъ воеводствѣ, въ имѣніе Радзивиловъ, пріѣхалъ Пулавскій съ тремя сыновьями и объявилъ себя маршаломъ барской конфедераціи, подъ знаменемъ вѣры и вольностей. Онъ силою взялъ у регментаря Воронича часть народной кавалеріи и въ продолженіи одной недѣли къ нему присоединилось до 8,000 шляхты.

Въ маѣ начали появляться извѣстія о какомъ то Желѣзнякѣ, который, получивъ благословеніе отъ игумена лебединскаго монастыря, подбивалъ къ возмущенью крестьянъ въ Смѣлянщинѣ, въ имѣніяхъ князя Яна Любомірскаго, воеводы брацлавскаго, а имѣнія эти были такъ же громадны, какъ и Уманьщина.

Чѣмъ дальше, то слухи о Желѣзнякѣ и совершаемыхъ имъ убійствахъ дѣлались все грознѣе и грознѣе, и вслѣдствіе этого мой отецъ приказалъ собраться въ Умань всему козацкому полку. Я видѣла, какъ полкъ въ полномъ парадѣ, съ полковникомъ Обухомъ во главѣ, присягалъ на рынкѣ въ Умани, въ присутствіи трехъ поповъ, на св. евангеліи въ вѣрности своему пану. Повидимому, охотнѣе всѣхъ исполнялъ присягу Гонта, старшій изъ трехъ сотниковъ этого полка. (Хорунжіе козацкаго полка были шляхтичи, а атаманы, эсаулы и пр. происходили изъ крестьянъ. На содержаніе хорунжаго шло 6 хозяевъ, которые должны были обработывать и засѣвать поля этого шляхтича).

Послѣ присяги весь полкъ вышелъ изъ Умани, увѣряя. что онъ уничтожитъ разбойниковъ Желѣзняка.

Жители—шляхта и жиды—толпами съѣзжались въ Умань. Въ продолженіи трехъ дней наѣхало столько народа, что въ городѣ не хватило болѣе мѣста и пріѣзжающіе начали располагаться большимъ таборомъ подъ Грековымъ лѣсомъ. Изъ этого табора къ моему отцу пришло нѣсколько шляхтичей и сказали, что они имѣютъ вѣрное извѣстіе о соединеніи за Звенигородкой Гонты съ Желѣзнякомъ. Шляхтичи эти совѣтовали, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

Отецъ отвѣчалъ имъ:

— Я не могу этого сдѣлать; не потому не могу, что Гонта въ милости у пана, а потому что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сей часъ же пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ явиться въ Умань.

Въ продолженіи этихъ дней таборъ подъ Грековымъ все болѣе и болѣе увеличивался.

На призывъ отца Гонта явился съ двумя остальными сотниками и нѣсколькими атаманами. Тогда мой отецъ въ присутствіи большой толпы, какъ городскихъ жителей, такъ и изъ подъ Грекова лѣса, началъ говорить Гонтѣ, что его обвиняютъ въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ. Гонта энергически, даже со слезами на глазахъ, опровергалъ это обвиненіе, утверждая, что оно несправедливо и просилъ, чтобы обвинитель повторилъ свое обвиненіе прямо ему въ глаза. Послѣ этого Гонта и все начальство просили о приведеніи ихъ снова къ присягѣ на вѣрность и охрану панскихъ имѣній отъ нападенія Желѣзняка. Послали за попами; тѣ пришли съ крестами и евангеліемъ и снова произошла присяга. Послѣ этой церемоніи я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услыхавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ бы, что *Гонта только о томъ и думаетъ, чтобы увеличить къ себѣ расположеніе воеводы.*

По выѣздѣ Гонты изъ города, въ продолженіи четырехъ дней отъ полковника Обуха не приходило никакого извѣстія, хотя жена его и была въ Умани.

Между тѣмъ таборъ подъ Грековымъ лѣсомъ все увеличивался и увеличивался.

Положеніе наше начинало дѣлаться тяжелымъ. Но вотъ почти въ тотъ моментъ, когда отецъ мой хотѣлъ уже посылать гонца къ Обуху, дали знать, что къ городу приближается какое то войско. Шафранскій побѣжалъ на свою башню и, глядя въ подзорную трубу, закричалъ радостно:

— Это идетъ панъ Гонта съ полкомъ!

Въ городѣ поднялась суматоха; нѣсколько минутъ спустя, Шафранскій снова ззкричалъ:

— Идетъ другая, гораздо большая толпа въ разнообразныхъ одеждахъ.

Черезъ нѣсколько времени, все глядя въ трубу, онъ съ горемъ воскликнулъ:

— Я вижу, какъ Гонта пріятельски здравствуется съ начальникомъ этой толпы; этотъ начальникъ—Желѣзнякъ!....

Вслѣдъ за этими словами онъ сбѣжалъ съ башни и началъ на скорую руку приводить въ порядокъ тѣ двѣ пушки, которыя стояли въ воротахъ, обращенныхъ къ новому городу; Ленарту онъ поручилъ заботу о другихъ воротахъ.

На всѣхъ напалъ ужаснѣйшій страхъ.

Гайдамаки прежде всего начали убивать тѣхъ, которые были въ таборѣ подъ Грековымъ лѣсомъ, а всѣхъ считалось тамъ до 8,000 душъ.

Изъ тѣхъ, которые были въ городѣ, одни брались за оружіе и готовились защищаться, а другіе, по примѣру ксендза Костецкаго и фарнаго викарія, молились и плакали.

Костецкій, этотъ мученикъ, и фарный викарій, взявши св. дары, ходили процессіей по улицамъ Умани; ходили и мы вмѣстѣ съ ними.

Защищать городъ было некому, потому что весь тогдашній гарнизонъ составляли 50 душъ крестьянъ, изъ которыхъ нѣкоторые тотчасъ же убѣжали. Въ то же время болѣе ста арестантовъ выломали двери въ кордегардіи, перебили стражу и, соединившись съ 50 человѣкъ козаковъ, которые были въ Умани въ качествѣ экономической прислуги, поперескакивали черезъ палисады и ушли къ Гонтѣ.

Около двухъ часовъ ходила процессія по улицамъ и мы не отступали отъ нея ни на шагъ.

Въ продолженіи этихъ ужасныхъ часовъ къ намъ набѣжало множество народа изъ предмѣстья Турковъ.

Воды для утоленія жажды не было въ городѣ ни капли и потому, можетъ быть, не одинъ выпилъ черезъ мѣру вина, вишневки и т. п. Благодаря этому, число защитниковъ уменьшилось, а между тѣмъ крестьяне массами сходились для подрубливанія палисадовъ.

Шафранскій выбивался изъ силъ, стараясь поспѣть вездѣ. Онъ роздалъ ружья евреямъ, чтобы они черезъ палисадъ отбивались отъ крестьянъ. Помню, какъ, идя за процессіей, я видѣла жидовъ съ опаленными бородами и пейсами, охотно стрѣляющими и защищающимися.

Я могу сказать, что только одни жиды и защищались....

Сильнѣе всего гайдамаки нападали на ворота, но тамъ ихъ поражали выстрѣлами изъ пушекъ. Наконецъ, когда была израсходована вся

картечь, приготовленная для защиты отъ гайдамацкихъ нападеній, Шафранскій сказалъ моему отцу, что нѣтъ другой надежды на спасеніе, кромѣ свиданія отца съ Гонтой. Шафранскій совѣтовалъ отцу выдти изъ новогородскихъ воротъ и потребовать свиданія съ Гонтой, а чтобы слова отца могли сильнѣе подѣйствовать на Гонту, онъ, Шафранскій, возьметъ въ руки горящій фитиль и какъ бы намѣрится стрѣлять въ Гонту, а отецъ мой будетъ его удерживать.

Какъ только въ городѣ узнали, что уже нечѣмъ защищаться, сей часъ же поднялся ужаснѣйшій плачъ, вопль и ужасъ. Одни бѣжали за ксендзомъ Костецкимъ въ базиліанскій монастырь, другіе—въ фарный; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежала и я съ матерью, бабкой, теткой, братомъ и со всемъ семействомъ.

Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ отецъ и говоритъ:

— Я былъ у воротъ; я говорилъ съ Гонтой; поручимъ себя Божьей защитѣ, потому что мы должны умереть.

Легко себѣ вообразить наше положеніе.

Костелъ былъ набитъ биткомъ.

Вскорѣ послѣ этого въ костелъ вбѣжало нѣсколько уманскихъ козаковъ и схватили моего отца, крича, чтобы вся его родня шла за нимъ. Всѣхъ насъ вывели на крыльцо. Передъ дверями стоялъ Гонта и два сотника. Я стала подлѣ отца и потому хорошо слышала и помню ихъ разговоръ. Отецъ говорилъ Гонтѣ:

— Панъ Гонта! Много уже милостей получилъ ты отъ нашего пана; подумай, сколько ты получишь отъ него новыхъ ласкъ и пріязни, если защитишь его имѣнія.

Что отвѣтилъ ему на это Гонта, я не слышала; но до настоящаго времени я помню его разбойничій взглядъ.

Отецъ мой, обратясь къ другому сотнику, воскликнулъ:

— Панъ Ярема, спаси насъ!

Ярема, глядя на него, со слезами отвѣчалъ:

— Пусть васъ Богъ спасетъ, а я не могу.

Тогда отецъ, обернувшись ко мнѣ, надѣлъ на меня икону Божьей матери, которую носилъ всегда самъ и сказалъ:

— Вероника! это все, что я могу дать тебѣ; помни, что образъ этотъ достался мнѣ отъ твоего прадѣда.

Онъ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ, въ которомъ было нѣсколько сотъ дукатовъ и положилъ его въ мой карманъ.

Гонта закричалъ:

— Возьмите комиссара и всю его родню!

При страшныхъ крикахъ жертвъ и злобныхъ возгласахъ разбойниковъ, схватили моего отца, мать, бабку и тетку и вынесли за ворота костела. Меня какой то козакъ ударилъ пикой въ бокъ и я упала, думая, что болѣе уже не буду жить; да, правду говоря, я и сама желала смерти. Ударившій меня козакъ схватилъ меня за волосы, поднялъ вверхъ, вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ деньгами и потащилъ меня въ тотъ дворъ, гдѣ мы прежде жили.

Насъ было много.

По дорогѣ мы переступали черезъ трупы и умирающихъ.

Съ этого времени я не видала уже никого изъ своихъ родственниковъ, кромѣ брата и тетки, которая вмѣстѣ съ отцемъ учила меня.

Когда насъ привели во дворъ, я увидѣла, что домъ нашъ совершенно разграбленъ и разрушенъ.

Среди плача, криковъ и убійствъ прискакалъ какой то козакъ, крича, чтобы насъ вели въ церковь креститься. Въ толпѣ было много и жидовокъ. Услыхавъ такое распоряженіе, тетка моя упала на колѣна, подняла руки вверхъ и воскликнула молящимъ голосомъ:

— Господи, дай мнѣ умереть въ той вѣрѣ, въ какой я родилась!

Едва она успѣла проговорить это, какъ подбѣжалъ крестьянинъ (кажется, это былъ сторожъ нашего дома) и ударомъ топора разсѣкъ ей голову на двое.

Послѣ этого страшнаго для меня происшествія, всѣхъ насъ повели въ церковь св. Михаила, чтобы тамъ крестить. Старый, сѣдой какъ лунь священникъ этой церкви стоялъ на порогѣ, обливаясь слезами и когда козаки закричали ему, чтобы онъ насъ крестилъ, онъ спросилъ:

— А гдѣ же кумовья?

— Кумовья? переспросили разбойники: кумовьями будутъ панъ Гонта и панъ Желѣзнякъ.

Тогда этотъ добрый старикъ произнесъ надъ нами молитву и окропилъ святой водой. Отсюда насъ повели въ кардегардію, изъ которой бѣжали арестанты.

Идя туда, мы ступали по трупамъ. Я видѣла, что кадки съ водой, приготовленныя для тушенія пожара, были наполнены кровью отъ частаго ополаскиванія въ нихъ пикъ, топоровъ и ножей.

Когда мы пришли въ кордегардію, то насъ оказалось столько, что мы плотно стояли одна около другой.

Какой то шляхтичъ, переодѣтый по козацки, втиснулся среди насъ и, добравшись до меня и моего брата, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Я видѣлъ, какъ по приказанію Гонты были убиты передъ ратушей ваши родители, бабка, тетка и ея мужъ.

Услыхавъ эту вѣсть, я хотѣла сорвать повязку, наложенную на мою рану, изойти кровью и умереть, но въ тѣснотѣ я не могла снять шнуровки: мнѣ мѣшали добраться до раны грубыя кости корсета.

Цѣлый часъ простояли мы въ кордегардіи, прислушиваясь къ отчаяннымъ крикамъ. Тѣхъ, которые стояли ближе къ дверямъ, вытащили и убили; ихъ крики и мольбы ряздавались по всей кордегардіи.

Такъ прошла ночь.

Намъ казалось, что дня никогда уже не будетъ.

На слѣдующій день, около полудня, къ намъ вошло нѣсколько козаковъ, говоря:

— Приказалъ панъ Гонта вывѣсть комиссаровыхъ дѣтей.

Я, будучи увѣрена, что насъ ведутъ на смерть, поручила себя и брата своего Богу.

Выйдя на дворъ, я увидѣла сидящихъ на лошадяхъ Гонту и Желѣзняка. Двое крестьянъ цѣловали ихъ ноги, прося отдать имъ комиссаровыхъ дѣтей.

Желѣзнякъ присматривался къ намъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Я припоминаю себѣ нѣсколько его физіономію; судя по всему, это не былъ обыкновенный разбойникъ.

Гонта не глядѣлъ на насъ.

Нѣсколько минутъ добрые крестьяне цѣловали ноги Желѣзняка и Гонты, говоря:

— Подарите намъ комиссаровыхъ дѣтей!

Наконецъ Гонта громко закричалъ:

— Берите ихъ къ чорту!

Тогда насъ посадили на возъ, который былъ запряженъ тремя хорошими лошадьми, и мы поскакали во всю прыть.

Въ то время я совершенно не понимала, какая участь ожидаетъ насъ.

Когда мы минули разбойничій обозъ подъ Грековымъ лѣсомъ, возница придержалъ лошадей и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не бойтесь; я осадчій изъ с. Оситной; мы выпросили васъ, чтобы хотя васъ двухъ спасти отъ смерти.

Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что и другой мой братъ живъ. Мамка его была изъ Оситной, туда она и убѣжала съ полугодовымъ ребенкомъ.

Когда мы пріѣхали въ Оситную, эти добрые люди переодѣли насъ въ свою одежду и отвели на ночь въ камышъ, заботясь о насъ самымъ трогательнымъ образомъ.

Можно себѣ вообразить, какъ мы провели эту ночь.

Рано утромъ къ намъ пришелъ осадчій, принесъ поѣсть и далъ намъ двое граблей, приглашая насъ на свой сѣнокосъ, какъ будто бы гребцовъ. Деревня Оситна была въ посесіи у моего отца, которому уступилъ ее подольскій шляхтичъ Городецкій, а онъ не платилъ за нее помѣщику ничего.

Въ такомъ положеніи мы провели 14 дней, ночуя постоянно въ камышѣ; день проводили мы или на сѣнокосѣ, или въ какомъ нибудь сараѣ.

Мой отецъ, кромѣ Кошевой, которую держалъ въ посесіи, и Урочища на 24-лѣтней слободѣ, арендовалъ еще нѣсколько деревень у шляхтичей, которымъ давалъ эти деревни воевода Потоцкій безплатно. Смотрителемъ этихъ арендъ былъ Хмѣлевичъ. Узнавши, что мы въ Оситной, онъ пришелъ къ намъ, переодѣвшись въ крестьянское платье. Отъ него мы узнали, что разбойники переловлены княземъ (?) Кречетниковымъ; онъ самъ видѣлъ Гонту, закованнаго въ кандалы. Хмѣлевичъ, вмѣстѣ съ осадчимъ и нѣкоторыми крестьянами, отвелъ насъ въ господскій домъ, туда же привели и мамку съ несчастнымъ малюткой. Въ этомъ дворѣ былъ убитъ разошедшимися по деревнямъ разбойниками нѣкто экономъ Маевскій съ женой и тремя дѣтьми; потому то осадчій и держалъ насъ такъ тайно.

Въ Оситной ни одинъ крестьянинъ не присоединился къ гайдамакамъ.

Спустя 6 дней послѣ этого, пріѣхалъ къ намъ какой то старый гусарскій полковникъ, сербъ, который, глядя на насъ троихъ, плакалъ

горькими слезами. Видя, что Хмѣлевичъ уже не мальчишка, а человѣкъ разсудительный, онъ сказалъ ему:

— Я пришлю за этими сиротами и дамъ имъ квартиру въ Умани.

На другой день онъ прислалъ за нами большую карету съ старымъ дворецкимъ. Я не хотѣла ѣхать, чтобы не видѣть ужаснаго для меня Умаия, но Хмѣлевичъ и осадчій совѣтовали мнѣ не противиться этому. Насъ забрали и перевезли на предмѣстье, которое было со стороны Бабанки. Я помню, что домъ гдѣ насъ помѣстили, былъ на правой сторонѣ. Я еще прежде знала хозяина этого дома: онъ приготовлялъ золотой песокъ для писемъ и часто приносилъ его моему отцу; по всей вѣроятности вслѣдствіе этого его и прозывали Золотаренко. Мы застали уже тамъ повара и провизію. Хмѣлевичъ остался съ нами, а осадчій возвратился домой, обѣщая часто навѣдываться къ намъ. Прощаясь съ нимъ, я едва не упала въ обморокъ отъ слезъ и горя.

На слѣдующій день пріѣхалъ полковникъ, разговаривалъ съ нами, утѣшалъ насъ и плакалъ вмѣстѣ съ нами.

— Не безпокойтесь, говорилъ онъ намъ, я выйду въ отставку, возьму васъ съ собой, отвезу въ Петербургъ къ Императрицѣ; я долженъ позаботиться о вашемъ счастьѣ, потому что вы сироты, да къ тому же и дѣти моего друга.

Я не помню, чтобы этотъ полковникъ бывалъ когда нибудь у моихъ родителей; бывали другіе: Сычъ, Гикорица, а этого я не видала никогда. Я помню, что когда отецъ мой ѣздилъ по Уманьщинѣ для исполненія своихъ обязанностей, то бывало долѣе всего засиживался въ Торговицѣ.

Всякій, кто занимался изученіемъ старины, знаетъ, что тамъ, гдѣ теперь поселеніе и Херсонская губернія, прежде была Ново-Сербія. Заселившіе ее сербы принадлежали къ партіи Текелія, который хотѣлѣ освободить венгерское королевство отъ австрійскаго владычества; побѣжденный, онъ убѣжалъ въ Стамбулъ. Его партизаны разбѣжались, ища спасенія и безопаснаго убѣжища. Нѣсколько тысячъ этихъ бѣглецовъ нашли защиту и покровительство въ Россіи.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней печальной жизни у Золотаренка, я прислушивалась къ разсказамъ о тѣхъ страшныхъ происшествіяхъ, которыя совершились въ Умани. Изъ числа несчастныхъ недобитковъ къ намъ довольно часто приходили переодѣтые по крестьянски ректоръ уманскихъ школъ, человѣкъ уже не первой молодости, и знакомый мнѣ по-

сесоръ д. Молодецкой, нѣкто Пёнтковскій. Оба они разсказывали, что, раздобывши по счастливому случаю простую одежду и топоры, они замѣшались въ толпу тѣхъ, которые подрубывали полисады. Пёнтковскій видѣлъ, какъ Шафранскій, когда насъ вывели изъ костела, побѣжалъ на верхъ своей башни и долго защищался тамъ, стрѣляя по нападающимъ изъ ружья. Онъ успѣлъ убить трехъ разбойниковъ, прежде чѣмъ его взяли изъ башни, а когда наконецъ его вытащими оттуда, то мучили самымъ ужаснымъ образомъ.

Ксендза Костецкаго, держащаго въ рукахъ св. дары, вывели изъ костела и нѣсколько козаковъ подняли его на пики; такъ держали его до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ.

Пёнтковскій и ректоръ, переодѣтые, ходили постоянно вмѣстѣ съ толпой, которая рыскала повсюду, отыскивая добычу. Они видѣли также приходъ князя Кречетникова, разсказывали, какимъ образомъ онъ уничтожилъ и забралъ разбойниковъ, которыхъ было до 5,000, но этотъ разсказъ я приведу ниже.

Спустя нѣсколько дней, добрый полковникъ пріѣхалъ съ печальной для насъ вѣстью: онъ получилъ приказаніе выступить съ своимъ полкомъ къ Бару противъ конфедератовъ. Черезъ два дня онъ дѣйствительно ушелъ вмѣстѣ съ полкомъ, обѣщая скоро возвратиться, но больше я его уже не видѣла.

Передъ выѣздомъ, онъ посадилъ меня съ братомъ и Хмѣлевичемъ въ свою карету и повезъ насъ въ лагерь къ князю Кречетникову.

Я хорошо помню, что князь былъ уже почтенный человѣкъ.

Полковникъ представилъ ему насъ и разсказалъ о постигшемъ насъ горѣ; при его разсказѣ глаза князя наполнились слезами. Взявъ насъ за руки, онъ повелъ насъ въ ближайшую палатку и тамъ я увидѣла, лежащаго лицемъ къ землѣ, Гонту, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ. Одѣтъ онъ былъ въ форменный атласный жупанъ.

Князь толкнулъ его палкой въ голову.

Гонта приподнялся.

Тогда князь, указывая на насъ, сказалъ:

— Посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ!

Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ:

— А ну ихъ къ черту! и снова уткнулся лбомъ въ землю.

Когда мы вышли изъ палатки, полковникъ просилъ князя, чтобы тотъ позаботился о насъ на время его отсутствія и далъ бы намъ какую нибудь одежду изъ числа награбленныхъ.

Князь сейчасъ же позвалъ своего адъютанта и приказалъ ему отвести насъ на площадь, гдѣ стоялъ прежде разбойничій легерь. Я увидѣла тамъ нѣсколько стоговъ шляхетской и жидовской одежды; была тамъ и церковная.

Ходя между этими стогами, я увидѣла одѣяло и шубу моей матери и портретъ моего дѣда. Я попросила, чтобы мнѣ отдали ихъ; адъютантъ тотчасъ же исполнилъ мою просьбу и кромѣ того прибавилъ еще какую то одежду для меня, жупанъ для брата, шапку и поясъ Хмѣлевичу.

Говоря по правдѣ, мы не очень то охотно брали эти, облитые кровью, подарки.

На другой день полковникъ со слезами на глазахъ простился съ нами, приказавъ, чтобы два сотника ходили къ намъ на стражу, чтобы защитить насъ, на случай какой нибудь опасности.

Послѣ его отѣзда, пріѣхалъ осадчій изъ Ситной и посовѣтовалъ намъ переѣхать къ нему; такъ мы и сдѣлали.

Осадчій и другіе крестьяне ежедневно ѣздили въ Умань для развѣдокъ и, возвратясь однажды, они сказали намъ, что пришелъ регментарь Стемпковскій съ кавалеріей. Князь Кречетниковъ отдалъ ему Гонту и всѣхъ разбойниковъ, а добычу забралъ себѣ. Хмѣлевичъ поѣхалъ въ Умань, чтобы разузнать все подробнѣе, и для него, какъ для поляка, это легко было сдѣлать.

Въ Умани Хмѣлевичу разсказывали, что Желѣзнякъ бѣжалъ, какъ только взяли Гонту; что полякамъ изъ добычи не досталось ничего, даже изъ лошадей и воловъ; что большая часть разбойниковъ бѣжала; что Стемпковскому отдали Гонту съ 2,000 его товорищей; что Гонту хотѣли казнить въ Умани, но когда князь Кречетниковъ ушелъ противъ конфедератовъ, то рѣшили казнить его въ другомъ мѣстѣ. Боялись крестьянъ, въ рукахъ которыхъ было еще много оружія и они навѣрно попытались бы отбить Гонту; вслѣдствіе чего всѣхъ гайдамаковъ, скованныхъ, забрали изъ Уманя.

Четыре недѣли мы не имѣли никакого извѣстія о добромъ полковникѣ и, наконецъ, узнали, что онъ погибъ подъ Баромъ. Пришлось намъ

подумать о своей будущности. Осадчій спросилъ меня, имѣю ли я кого нибудь изъ родныхъ, и если имѣю, то какъ далеко? Я отвѣтила ему, что у меня есть дядя около Проскурова. Тогда осадчій напомнилъ Хмѣлевичу, что мой отецъ передъ рѣзней хотѣлъ послать на продажу нѣсколько возовъ съ пшеномъ и саломъ и что онъ получилъ отъ отца немного денегъ для найма подводъ; далѣе—осадчій говорилъ, что хотя при разграбленіи имѣнія и позабирали изъ магазиновъ пшено и сало, но онъ ручается, что нѣкоторые крестьяне отдадутъ все взятое назадъ.

И дѣйствительно многіе поотдавали.

Собранное пшено сложили на три воза и середину въ каждомъ возѣ оставили пустой, такъ, чтобы тамъ могъ помѣститься одинъ человѣкъ. Я сѣла въ одинъ возъ, братъ мой—въ другой, а мамка съ ребенкомъ въ третій. Сверху возы прикрыли лубомъ, боясь, чтобы насъ не поубивали дорогой. Какъ же удивились мы, когда, пріѣхавъ до Лодыжина, узнали, что тамъ и въ Грановщизнѣ не было бунта и убійствъ. Четыреста грановскихъ козаковъ и двѣсти лодыженскихъ остались вѣрными своимъ панамъ. Та шляхта и жиды, которые изъ этихъ мѣстъ бѣжали въ Умань, погибли совершенно напрасно.

Въ закрытыхъ возахъ доѣхали мы до самаго Тульчина, а оттуда до Брацславля ѣхали уже открыто. Губернаторомъ въ Брацславлѣ былъ тогда Курцевичъ, который и оставилъ насъ у себя.

Хмѣлевичъ, написавъ дядѣ о нашемъ несчастіи, послалъ продавать сало и пшено.

У Курцевича я услыхала о сраженіи подъ Баромъ между русскими и поляками, въ которомъ былъ убитъ нашъ добрый полковникъ. Тамъ же слышала я и о томъ, какъ Кречетниковъ взялъ разбойниковъ. Разсказъ объ этомъ былъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, который передавалъ мнѣ Пёнтковскій.

Какъ сама слышала, такъ и здѣсь разскажу.

Князь Кречетниковъ, прійдя уже къ концу рѣзни, сталъ съ той стороны, какъ ѣхать отъ Грекова къ Войтовкѣ. Увидѣвъ, что у него нѣтъ достаточно войска, чтобы сейчасъ же атаковать разбойниковъ, онъ дружелюбно принялъ пришедшихъ къ нему Желѣзняка и Гонту и всѣхъ начальниковъ. Десять дней оба обоза мирно стояли одинъ подлѣ другаго. Въ разбойничьемъ обозѣ происходили постоянно гулянья, пьянство, крики

и пѣсни подъ акомпаниментъ бандуръ. На одинадцатый день князь получилъ извѣстіе, что изъ Кіева идутъ донцы и везутъ съ собою множество повозокъ, наполненныхъ кандалами. Онъ отправился къ Гонтѣ и сказалъ ему, что хочетъ познакомиться съ его родными. Обрадованный Гонта пригласилъ князя и весь его штабъ въ Росошки. Князь Кречетниковъ приказалъ, чтобы его офицеры не пили, а старались напоить Гонту и его приближенныхъ. Уѣхалъ изъ Росошекъ прежде всего князь, а потомъ уже его штабъ и вся ватага разбойниковъ. Гайдамаки, будучи сильно пьяными, скоро уснули. Тогда донцы отогнали ихъ лошадей, окружили лагерь, начали хватать разбойниковъ и заковывать въ кандалы.

Ночь была темная и вслѣдствіе этого много злодѣевъ убѣжало.

Взято было только двѣ тысячи и *всѣхъ ихъ* отдали регментарю Стемпковскому.

Стемпковскій былъ назначенъ регментаремъ вмѣсто Воронича, у котораго Пулавскій въ Лысинкѣ забралъ кавалерію. Я не знаю, самъ ли Вороничъ отказался отъ регментарства или его у него отняли, только въ Варшавѣ регментарство дали бригадиру Стемпковскому.

О себѣ скажу только, что, пріѣхавъ къ дядѣ, мы застали его больнымъ: у него сгорѣлъ домъ и его отъ страха разбилъ параличъ.

Въ концѣ 1768 года я уже была въ Кристинополѣ у Потоцкой, жены воеводы кіевскаго. Старшій мой братъ былъ отданъ въ школу Піаровъ. Вѣроятно, ему было не особенно хорошо, если онъ далъ себя уговорить остаться ксендзомъ у Піаровъ.

Прошло не мало лѣтъ послѣ этого ужаснаго года. Я была уже замужемъ. Я видѣла постройку громадныхъ каменныхъ зданій въ Тульчинѣ; видѣла поспѣшность, съ какой производилась эта работа; видѣла формировавшійся на счетъ Потоцкаго регментъ. Потоцкій былъ тогда регментаремъ украинской партіи и генераломъ артилеріи. Тульчинъ начиналъ дѣлаться многолюднымъ. Король Понятовскій гостилъ въ немъ три дня. Изъ всѣхъ окрестностей съѣзжалась шляхта привѣтствовать его, собралось къ этому времени и много знакомыхъ.

Здѣсь, между прочимъ, я имѣла удовольствіе познакомиться съ бригадиромъ Голѣевскимъ Онъ часто посѣщалъ насъ и любилъ разговаривать со мной, потому что я была одной изъ уманскихъ сиротъ. Во время этой ужасной катастрофы, Голѣевскій служилъ въ народной кавалеріи и былъ

при Стемпковскомъ тогда, когда послѣднему отдавали Гонту. Онъ хотѣлъ и отъ меня услышать подробности печальнаго для меня произшествія.

Въ своихъ разсказахъ Голѣевскій подтверждалъ то, о чемъ я говорила выше. Онъ говорилъ, что Стемпковскій хотѣлъ казнить Гонту на мѣстѣ его злодѣянія, но такъ какъ у него было только 400 человѣкъ кавалеріи, то онъ побоялся крестьянъ, которыхъ въ одну минуту могло собраться нѣсколько тысячъ. Вслѣдствіе этого, забравъ 2,000 закованныхъ разбойниковъ, онъ выступилъ съ ними къ Могилеву.

Всю добычу—лошадей, воловъ, деньги, имущество — забрали себѣ русскіе.

Въ Сербахъ, разсказывалъ Голѣевскій, остановились, чтобы казнить Гонту и нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Тамъ стояли съ отрядомъ войска русскій полковникъ Шишковъ.

Постановлено было, чтобы съ Гонты, живаго, рѣзать полосы кожи и потомъ четвертовать.

Когда палачъ приступилъ къ казни, Гонта отчаянно закричалъ:

— Почему здѣсь нѣтъ Желѣзняка и его указа!

Подбѣжали два солдата и забили ему ротъ землей.

Такъ погибъ этотъ бродяга и вмѣстѣ съ нимъ погибло нѣсколько тысячъ то отъ меча, то отъ висѣлицы.

Потомъ къ Стемпковскому пришла еще кавалерія и какой то регментъ изъ Каменца; между ними подѣлили остальныхъ разбойниковъ.

Однихъ изъ гайдамаковъ отвели на Подоль, другихъ на Волынь.

По дорогѣ въ каждомъ мѣстечкѣ казнили ихъ по нѣскольку.

Регментарь Стемпковскій пошелъ въ Лебединъ, чтобы наказать игумена за данное имъ Желѣзняку благословеніе. По его мнѣнію и тамъ нужно было поступать осторожно. Крестьяне въ Смѣляпщинѣ начали сходиться толпами и собираться къ Лебедину.

Стемпковскій долженъ былъ ждать пока не привезли четырехъ пушекъ и оружія изъ Лысянки.

Уже войска должны были войти въ монастырь, когда на встрѣчу имъ вышелъ игуменъ. Два монаха несли за нимъ на блюдѣ 3,000 червонцевъ въ подарокъ Стемпковскому.

Игуменъ далъ регментарю поцѣловать крестъ и евангеліе.

Солдаты, въ одно мгновеніе, вкопали три заостренные столба и, не обращая вниманія на слова региментаря и поручиковъ, схватили игумена и двухъ его асистентовъ и живыми посадили на колъ.

Монастырь былъ разграбленъ. Стемпковскій набралъ тогда много и денегъ, и серебра, и другой добычи.

Изъ бывшихъ тамъ нѣсколькихъ десятковъ монаховъ, одни поубѣгали, другіе были убиты. Многіе навѣрно знаютъ, что тѣ три кола, на которыхъ сидѣлъ игуменъ и его товарищи, до послѣдняго времени, не извѣстно по какой причинѣ, стояли нетронутыми. Можетъ быть монахи нарочно сохранили ихъ, какъ памятникъ тираніи поляковъ надъ ихъ игуменомъ.

Для незнающихъ, мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ разсказать, къ какому роду людей принадлежали тѣ гайдамаки, которые такъ прославились своими набѣгами и грабежами и которыхъ уманскіе козаки ловили, отбирали добычу и сажали въ уманскую кордегардію. Они жили въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ приближается къ устью, а такъ какъ тамъ есть каменные пороги, то вслѣдствіе этого и называли это мѣсто Запорожьемъ или Сѣчью.

Было тамъ запорожцевъ нѣсколько тысячъ.

Между ними не было ни одной женщины: таковъ уже былъ ихъ обычай; они дѣлились на коши и каждый начальникъ отряда назывался кошевымъ. Жили они въ шалашахъ. Занятіемъ ихъ было выпасыванье большихъ стадъ лошадей, ловленіе рыбы, соленье ея, приготовленіе сыра и рыбьяго жира.

Нѣкоторые поляки, особенно молодежь, ѣздили къ нимъ покупать лошадей. Возвратясь, они разсказывали о хорошемъ пріемѣ, оказанномъ имъ кошевымъ.

Эти запорожцы приходили въ Умань на ярмарку на св. Ивана.

Они привозили множество возовъ съ громадной рыбой различнаго рода, съ солью, сыромъ, визигой и рыбьимъ жиромъ. Продавая товаръ, они долго веселились въ Умани. Одежда ихъ состояла изъ короткихъ жупановъ, сшитыхъ изъ телячьей кожи и подбитыхъ иногда очень богатыми матеріями.

Я помню, что на подкладкѣ одного изъ пріѣхавшихъ запорожцевъ вышито было »Jesus«; отецъ мой, послѣ долгихъ усилій, настоялъ на томъ, что запорожецъ продалъ ему подкладку. По всей вѣроятности, она принадлежала къ числу имущества, награбленнаго въ какомъ нибудь костелѣ.

Во время царствованія Екатерины II, запорожцы были переведены на Кубань, на восточномъ берегу Чернаго моря, и ими то было увеличено число черноморцевъ.

Въ 1817 году я увѣрилась сама въ томъ, что въ числѣ запорожцевъ были люди разныхъ странъ. Въ одномъ селеніи я знала крестьянина, по фамиліи Ангельчикъ. За мою еще память онъ хлопоталъ по судамъ, доказывая, что его неправильно записали въ крестьяне. Онъ показывалъ мнѣ документы, данные его дѣдамъ старымъ княземъ Любомірскимъ. Въ этихъ документахъ князь Любомірскій говоритъ, что онъ даетъ безплатно землю англичанину, прибывшему изъ Запорожья и желающему жить мирно и проч.

Славный гайдамака Савва былъ валлахъ Саво, который, прійдя однажды съ своимъ товарищемъ въ Немировъ, засталъ тамъ тогдашняго помѣщика немировскаго, гетмана Потоцкаго. Гетманъ захотѣлъ видѣться съ Саввой, долго съ нимъ разговаривалъ и уговорилъ его покинуть разбойничью жизнь. Онъ далъ ему жилище въ д. Рубани. Савва, поселившись въ Рубани, женился Зная всѣ гайдамацкіе тайники, онъ, вмѣстѣ съ гетманскими козаками, ловилъ ихъ, вслѣдствіе этого гайдамаки, узнавъ, кто предводительствуетъ гетманскими козаками, ворвались въ Рубань и убили Савву. Его жена съ маленькимъ сыномъ убѣжала. Крестьяне до сихъ поръ поютъ пѣсню о Саввѣ. Въ 1790 году потомка этого Саввы сеймъ возвелъ въ дворянство и далъ ему землю въ чигиринскомъ староствѣ.

Такъ оканчиваются воспоминанія Вероники Кребсъ.

Мы уже раньше говорили, что съ полнымъ довѣріемъ можно относиться только къ тѣмъ изъ сообщенныхъ ею свѣденій, которыя она разсказываетъ, какъ очевидецъ; къ свѣденьямъ же, почерпнутымъ ею изъ другихъ источниковъ, нужно относиться какъ можно осторожнѣе. Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ всѣхъ неточностей, встрѣчающихся въ ея »воспоминаніяхъ«, мы укажемъ только на главнѣйшія, на такія, которыя слишкомъ рѣзко расходятся съ истиной. Къ числу такихъ принадлежитъ извѣстіе о гайдамакѣ Саввѣ, якобы »валлахѣ«. Кто былъ Савва, лучше всего видно будетъ изъ слѣдующей выписки изъ соч. В. Б. Антоновича «Изслѣд. о гайдамачествѣ« стр. 117: »Савва Чалый былъ родомъ, по свидѣтельству современныхъ документовъ, мѣщанинъ изъ м. Комаргорода

(нынѣ Ямпольск. у. Под. г.). Онъ поступилъ въ надворную милицію владѣльца, князя Четвертинскаго и событія 1734 года [1]) застали его въ должности сотника этой милиціи. По приглашеніи Верлана, Савва Чалый примкнулъ съ своею сотнею къ крестьянскому возстанію и въ Умани принялъ присягу на вѣрность Россіи. Затѣмъ, онъ отдѣлился съ командою, состоявшею изъ 50 человѣкъ, отъ главнаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ Верлана и ограбилъ въ Подоліи м.м. Шаргородъ и Смѣлу.

Послѣ того, какъ возставшіе крестьяне были разсѣяны русскими войсками, Чалый бѣжалъ изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой вмѣстѣ съ другими предводителями отдѣльныхъ отрядовъ..... Затѣмъ, до конца 1736 года, между тѣмъ какъ Грива, Жила, Медвидь и другіе ватажки ведутъ упорную борьбу съ поляками, мы не встрѣчаемъ въ ихъ числѣ Чалаго; знаемъ только, что часть этого времени онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ Бѣлой Церкви, вслѣдствіе того, что онъ ограбилъ въ Могилевѣ купцевъ грековъ, оказавшихся русскими подданными.... Въ ноябрѣ только 1735 года онъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы... Затѣмъ, въ теченіи года, о дѣятельности Саввы Чалаго мы не встрѣчаемъ данныхъ въ актовыхъ свидѣтельствахъ; вѣроятно къ этому времени относится извѣстіе, сообщенное г. Скальковскимъ о вербовкѣ Чалымъ гайдамацкаго отряда. . Впрочемъ, навербовавъ отрядъ, Чалый не предпринялъ, насколько можно судить по актамъ, ни одного сколько нибудь крупнаго набѣга, и въ концѣ 1736 года поспѣшилъ воспользоваться объявленіемъ региментаря Малинскаго, явился въ его квартиру и принесъ присягу на вѣрность Рѣчи Посполитой, за что и признанъ былъ полковникомъ козаковъ, составлявшихся изъ покорявшихся гайдамаковъ. Уже въ декабрѣ 1736 года онъ участвовалъ въ походѣ региментаря противъ гайдамацкаго отряда Медвидя и въ стычкѣ съ нимъ подъ Боровицею отличился, ранивъ самаго ватажка.

Въ началѣ 1737 года онъ охранялъ съ своимъ полкомъ границы Рѣчи Посполитой по Тясьмину, а въ іюлѣ того же года ворвался за запорожскія степи и угналъ скотъ изъ запорожскихъ пасѣкъ, лежавшихъ въ окрестности Кодаки. Въ слѣдующемъ году, продолжая находиться въ распоряженіи региментаря украинской партіи, онъ, вмѣстѣ съ отрядомъ польскаго войска, ходилъ въ погоню за гайдамаками, ограбившими м. Грановъ,

---

[1]) Въ этомъ году гайдамацкое движеніе приняло весьма острый оборотъ для шляхты.

настигъ ихъ у Чернаго лѣса, разсѣялъ и отнялъ батовни съ добычей. О дѣйствіяхъ Саввы Чалаго въ 1739 году мы не имѣемъ свѣденій, но въ теченіи этого времени положеніе его измѣнилось. Въ концѣ 1738 года козацкіе полки были распущены... Савва перешелъ въ частную службу въ качествѣ полковника надворныхъ козаковъ въ Немировъ, имѣніе короннаго гетмана Іосифа Потоцкаго, отличавшагося строгостью по отношенію къ крестьянамъ и жестокостью въ наказаніи ихъ, въ случаѣ волненій. Какъ гетманъ,—Потоцкій зналъ о подвигахъ Саввы противъ гайдамаковъ, потому онъ и поручилъ ему начальство надъ своей милиціей; желая притомъ обезпечить его вѣрность, гетманъ предоставилъ ему въ пожизненное владѣніе села Рубань и Степашки ..(Въ 1740 г. былъ сдѣланъ Саввой походъ противъ запорожцевъ). Въ слѣдующемъ году Савва Чалый поплотился за свою дѣятельность въ преслѣдованіи гайдамаковъ. Одинъ изъ ватажковъ, Игнатъ Голый, запорожскій козакъ изъ Медведовскаго куреня, предпринялъ опасный походъ, съ цѣлью избавиться отъ этого опаснаго противника гайдамачества.... Въ самый день Рождества Христова 1741 года, онъ окружилъ съ небольшимъ отрядомъ домъ Саввы въ с. Степашкахъ и, убивъ его на мѣстѣ, ограбилъ его имущество и затѣмъ отправился въ дальнѣйшій походъ...«

Затѣмъ, Кребсъ смѣшиваетъ запорожцевъ съ гайдамаками, тогда какъ запорожцы, будучи болѣе опытними въ военномъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ только предводительствовали гайдамацкими отрядами, набиравшимися изъ крестьянъ.

Къ числу такихъ же ошибокъ принадлежитъ и вложеніе въ уста Гонты словъ: »..... и его указа«; словъ этихъ Гонта не могъ говорить, въ виду отсутствія самаго »указа«.

Въ заключеніе—вотъ что: вопросъ о гайдамаччинѣ—важный и интересный вопросъ не въ одномъ только историческомъ отношеніи. Гайдамацкое движеніе бросаетъ яркій свѣтъ на многія стороны духа южно-русскаго народа, такія стороны, изученіе которыхъ во всякомъ случаѣ и желательно, и полезно. Въ русской литературѣ, какъ мы уже выше сказали, нѣтъ изслѣдованія о *всемъ* гайдамацкомъ движеніи и тѣмъ болѣе нѣтъ »истинной точки«; впрочемъ, мы должны сказать, что нѣтъ этой точки и въ польскихъ источникахъ. Мы совѣтуемъ всякому, желающему хотя немного ознакомиться съ гайдамаччиной, прибѣгнуть прямо къ источ-

никамъ, т. е. принявъ себѣ за руководящую нить безавторитарность движенія, прочесть всѣ сочиненія, которыя имѣютъ «касательство» къ данному вопросу. Вотъ перечень сочиненій, извѣстныхъ намъ:

1) «Изслѣдованіе о гайдамаччинѣ», В. Б. Антоновича (это самое лучшее изъ всѣхъ изслѣдованій). 1877 г. Кіевъ.

2) «Гайдамаччина», Мордовцева. 1870 г. С.-Петербургъ.

3) «Наѣзды гайдамакъ», Скальковскаго. 1845 г. Одесса.

4) «Мильхисидекъ Значко-Яворскій», Лебединцева. 1861 г. Кіевъ.

5) «Поляки въ заднѣпровской Украинѣ въ XVIII в.» Козловскаго. («Р. В.» 1863 г. № 6 и 10).

6) «Записки о Южной Руси» Кулиша (т. II). 1857 г. С.-Петербургъ.

7) «Opis obyczajów...» Kitowicza. Варшава. 1861 г.

8) «Pamiętnik» Lipomana. Варшава 1862 г.

9) «Pamiętnik» Pawła Mladanowicza. Тоже.

10) «Pamiętnik» Marczyńskiego. Тоже.

11) «Письма 1786 г. изъ Волыни» (Основа 1862 г. № 3).

12) «Гайдамаки»—(Москвитянинъ 1845 г.).

13) «Рецензія Максимовича», (Пол. соб. соч. Кіевъ. 1876 г.)

Затѣмъ мы можемъ порекомендовать всѣ изслѣдованія гг. Антоновича и Новицкаго, такъ какъ они превосходно способствуютъ уясненію исторической жизни Украины.

Обозрѣніе Румянцовской описи малороссіи.

Выпускъ IV.

(Дополненіе).

Составилъ Н. Константиновичъ.

Кромѣ 142 томовъ, описанныхъ въ первыхъ трехъ выпускахъ «Обозрѣнія Румянцовской описи малороссіи», въ библіотекѣ Черниговскаго Статистическаго Комитета хранятся 2 тома, описи, относящіеся къ Лубенскому полку и большая связка отдѣльныхъ описаній селъ и владѣній, выбранная, очевидно, кѣмъ то изъ разныхъ томовъ описи. Въ связкѣ этой 4204 листа, изъ которыхъ 224 листа относятся къ Лубенскому полку. Изъ поселеній нынѣшней Черниговской губерніи въ связкѣ отысканы:

1. С. Мефедовка (сотни Новгородской) 18 козачьихъ дворовъ, куреня Знобовскаго.

2. С. Максимъ (Слабинской сотни) при р. Деснѣ и озерѣ Молофѣ, церковь Покровъ Богородицы.

Коз.—21 дв. 1 бездв. хата; бунч. тов. Матѳія Домонтовича—3 дв. 1 б. х.; жены умерш. бунч. тов. Владиміра Домонтовича Софіи—2 дв.; рангов. Черниг. полковника Милорадовича—3 дв.; асаулы сотен. Слабинскаго Аѳанаса Петровскаго—1 дв. подсус.

3. Д. Гнилуша (Слабинск. сотни) при р. Деснѣ. Рангов. полк. Милорадовича—5 дв.; бунч. товар. Василія Лизогуба—4 дв.; коз. 17 дв. 1 б. х.

4. С. Кудровка (Сосницкой сотни), коз. 20 дв.

а) Купчая крѣпость:

«1685 року, мѣсяця Марта 17 дня. Предъ нами Павломъ Крачевскимъ сотникомъ Сосницкимъ Романомъ Гладуненкомъ атаманомъ городовимъ, Кузмою Кондратовичемъ войтомъ Сосницкимъ, Григоріемъ Кондратовичемъ, Іваномъ Даниловичемъ бурмистрами, ставши очевисто Сидоръ Тимоѳѣевичъ житель Сосницкій, чинилъ свое добровольное сознатье тѣми слови ижъ я свой власній дворъ помѣжній зедной сторони Демидка Ткача а здругои сторони черезъ улицу двора Переплатковскаго, противъ Степана Снѣцара а втилъ Пилипа Романовича, волній свободній въ каждихъ долгахъ непенный продалъ, и въ поссесію вѣчную попустилъ пану Тарасу Василевичу Яжборовскому за готовую сумму талярей тридцатъ при могоричникахъ на той часъ зостаючихъ, Іліи Івановичу, Павлу Гриценку, Семену Василіевичу Омеляненку, за которій заразъ одобравши гроши, тимъ себе обовязую, ижъ яко я самъ жона дѣти кревніе близкіе и далекіе, до того двора немаеть втручатись и жаднаго приступу до пана Тараса о той дворъ подъ совѣтою утратою тои мененнои суми мѣти; овшемъ воленъ есть панъ Тарасъ лжоною и потомствамъ тимъ дворомъ вѣчними часи якъ хотѣти владѣти продати дати даровати такъ а не иначей симъ моимъ ограничаю:»

б) «Демянъ Игнатовичъ Гетманъ з войскомъ. Его царского Пресвѣтлаго Величества Запорозкимъ. Ознаймуемъ тымъ писаніемъ нашымъ пану полковникови Чернѣговскому сотникови атаманови з товарыствомъ, войтови зо всѣмъ посполствомъ Сосницкимъ, также дозорцомъ нашымъ войсковымъ и каждому о томъ вѣдати будемъ потреба ижъ Дмитро Бондаренко товаришъ войсковый обыватель Сосницкій дозволялся у насъ млынъ своимъ коштомъ у концѣ греблѣ мѣское Сосницкоѣ од поля на рецѣ

Убедѣ прорву занявшы построити на заставок три; пріймѣючи до себе Микиту Гриценка мѣщанина Сосницкаго въ товариство до будованя млына и займаня прорвы, однакъ мы уважаючи тое абы от онаго заняться старымъ млыномъ небыло перешкоды на тои же греблѣ, пыталисмо такъ уряду Сосницкаго, яко и самыхъ мелниковъ если на тое припустят Дмитра абы на помененномъ мѣстцу млынъ строилъ; тебы урядъ Сосницкій и старыхъ млыновъ мелники не жебы боронити оному Дмитру мѣли, лечъ еще на занятие прорвы оному позволяючи, за нимъ Дмитромъ Бондаренкомъ до насъ причину (о видане ѳундуша просячи) вносили. Такъ мы угледѣвшы и зрозумѣвшы же речъ слушная позволисмо помененому Дмитру на вышеписанной прорвѣ въ концѣ греблѣ Сосницкое од поля греблѣ подняти и млынъ на три заставки построити; ское по выставленю таго млына, долженъ будетъ онъ Дмитро Бондаренко, чинячы оповѣдъ, зъ тымъ же унѣверсаломъ нашимъ ему на ѳундушъ даннимъ, до насъ удатися; въ той часъ ведлугъ права войсковаго унѣверсалъ якъ месть з того млына пожитокъ одбирати од насъ одержитъ. Прето варуючы мы и тое каждому з старшины и черни козацкое и жаднаго посполитаго жадаемъ и приказуемъ; абысте помененному Дмитрови Бондаренкови в томъ будованю перешкодою найменшою быти не важился; а хто бы якою важился быти трудною, тебы таковых срого каранъ от насъ будет а неиначей. Писанъ въ Сосници Марта И ѦХ҃ѲѦ".

в) Подтвердительный на то же универсалъ гетмана Самойловича. Изъ Батурина є Іюля АХОВ року.

г) Подтвердительный универсалъ гетмана Мазепы изъ Батурина Сентеврія кз року АРП.

д) Универсалъ гетмана Скоропадскаго 8 февраля 1720 г., подтверждающій владѣнія, на которыя «превелебный въ Богу отецъ Иоасафъ Зотовичъ

архимандритъ монастыря Сосницкаго оставшися по набожчику преосвященному отцу Рувиму епископу Нишескому того монастырца фундаторовѣ од котораго онъ и самъ чинъ архимандріи принялъ презентовалъ намъ розніе купчіе записи на кгрунта егожъ преосвященствомъ отцемъ епископомъ страннымъ Нишескимъ за живота своего покупленніе, а именно на два млини единъ на Убедѣ рецѣ въ селѣ Маселаевцѣ о едномъ колѣ стоячіи зъ двома дворцами двома сеножатми и двома лѣсами и боромъ до того жъ млина масалаевскаго належнымъ а другимъ въ Маломъ Устечку на Деснѣ рецѣ о двохъ колахъ будучый зъ дворцемъ также зъ пятма сѣножатми, зъ чотирма лѣсами и зъ боромъ еще же недалеко од того села малаго Устечка двѣ сеножати между рѣками Десною и Убедю краи парома Сенютинскаго лежачіе и на хуторъ прозываемый Яремовщина зъ озеромъ Берестовицею и зъ сѣножатми и въсякими угодіами и за селомъ Волинкою чтири ниви такожъ под Сосницею краи самого монастыра чотири ниви зъ млиномъ вѣтранимъ покупленные а къ тому дворъ Стрижаковскихъ и два плеци въ Сосници отъ певныхъ особъ дарованные на що все просилъ нашого въ конфѣрмацію унѣверсалу...»

5. *Д. Бречъ* (Синявской сотни) при р. Бречи. Влад. Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря—11 дв. 7 б. х.

6. *Д. Великая Гребля* (Кіевскаго полку, Остерской сотни). Переясловскаго Катедральнаго монаст. —2 дв; сотника остерск. Ив. Солонины—3 дв. подсусѣдк.; вдовы Кіевск. полковника Дарагановой —2 дв. подсусѣк.; Кіево-Межигорск. монаст.—1 дв.; рангов. полку Кіевск. 1 дв.; коз.—1 дв.

а) «Выпись с книгъ мѣсцкихъ ратуша Острицкаго року АХЧѲ февраля четвертаго дня.

На враде нашомъ зобополномъ козацкомъ и мѣсцкомъ острицкомъ, передо мною Іаковомъ Шафра-

номъ сотникомъ острицкимъ, Андреемъ Комарецкимъ атаманомъ городовымъ острицкимъ, Павломъ Власовичомъ войтомъ острицкимъ, Савою Пикулою бурмистромъ рочнымъ, Іваномъ Ровнимъ райцею старшимъ, Юскомъ Крамаремъ, Романомъ Кгошкою райцами разними, Лазаремъ Денисовичомъ товаришемъ сотнѣ острицкои, сполне въ ратушу острицкомъ засѣлими, ставши персоналне: Корнилій Михайловичъ Подтеребъ созналъ явно, ясне і доброволне въ записане до книгъ мѣсцких острицкихъ такими словами мѣю, мовилъ, в себе в трехъ мѣстцах въ Карпиловце полуволочкувъ три з которых полуволочкувъ близъ середняго полуволочка застѣнокъ нива за болотомъ од помѣжника Лукяна Вербоваго и Узловицкаго полуволочокъ а до тих полуволочкувъ подварокъ гумнище и огородъ з плецемъ отца моего небожчика Михайла Подтереба въ Карпиловце, такъ тежъ и сѣножатей двѣ, въ кгрунтах карпиловских лежачие одна сѣножать вище вирища уз щикгелского пай, а до села Карпиловки од Левкова Подтеребова паю: а другая сѣножать для Сущерева, од помѣжника Лукяна Бурецкого и кружокъ которій горожовалли Корнѣевъ отецъ Михайло Подтеребъ; а тое все мною Корнѣемъ реченное полуволочки, гумнище, плець, огородъ, кружокъ і сѣножати, лежачое в Карпиловцѣ в грунтахъ Карпиловскихъ яко од тридцати лѣтъ од самои Московщини было заставою владѣніи уживаню въ его милости пана Трофима Яковлевича Подтереба на сей часъ обознаго полку Кіевкаго в золотихъ сороку, акіе гроши панъ Трофимъ Подтеребъ заплатилъ пану Константію Дмитріевичу Солонинѣ за длукгъ отцовскій Михайловъ Подтеребовъ, а поневажъ оного кгрунту я Корнѣй не маю чимъ в пана обозного Подтереба одкупити и отчизною владѣти а еще будучи пѣнезей потребни теди за всѣ тие вище мененние речи, за подварокъ, гумнище огородъ, полуволочки из нивою кружокъ

и сѣножати взявши до сорока золотихъ доложене заплати всю мою отчизну никому непенную и незаведенную лежачую в Карпидовце продалъ и пустилъ в вѣчную по сессію емужъ пану Трофиму Подтеребу обузному за певніи и готовіи гроши моими Корнѣевими руками одобраніи за сто золотихъ личбы и монети литовское доброе и южъ од сего дня и часу волно будеть ему пану Трофиму Подтеребови ведлугъ своей его воли тымъ всѣмъ од мене Корнѣя проданнимъ кгрунтомъ якъ хотѣти вѣчне владѣти, даровати продати, замѣнять заставити и в найлѣпшій свой пожитокъ, жонѣ и потомкомъ его вѣчними часы, а я Корнѣй Михайловичь Подтеребь з жоною моею, з потомством и покревними моими близкими и далекими вѣчне себе од таго кгрунту проданнаго оддалилемся и варуючи у певняю жебы нѣ од кого панъ обозній Подтеребь в томъ кгрунтѣ жаднои нѣкгды неузнавемъ наименшои кривди, под закладомъ других ста золотих и под пагороженьемъ за тимъ идучихь шкодъ, которую вѣчистую обохъ сторонъ продажу и куплю мы урядовне выслухавши на прозбу его м. п. обознаго Подтереба велѣли в книги наши мѣсцкие острицкіе принять і записати, а сторонѣ потребуючой емужъ п. обозному Подтеребови сей слово в слово екстрактъ при печатехъ і з подписомъ рукъ дати позволили, дѣялось в ратушу острицкомъ року и дня написанного.

б) «Выпись с книгъ мѣскихъ ратуша острицкаго Лѣта отъ Рождества Христова тысяча шестьсотъ осмъ-десятъ пятаго Іюля четвертаго. Перед нами Павлом Власовичомъ войтомъ а Василиемъ Михайловичомъ бурмистромъ рочнимъ и Филипомъ Юлою райцею старшимъ і з лавниками в ратуши острицкой засѣлили постановившися пред нами очевисто Анастасія Гавриловая і Ирина Марковая Лозовицковни оповѣдали намъ явне ясне и доброволне-ку записаню до книгъ нашихъ мѣскихъ острицкихъ в тие слова иже ми мѣючи грунтъ и сѣножати в

диоцезіи села Карпиловки лежачее свои власние по набожчику родичу намъ позосталие ни вчомъ никому непенние и незаведение а овихъ то сѣножати ограничаетъ из едной сторони чорная плавля а з другои сторони Сокирная ажъ по самую Десну, над чорною плавлею кустъ олховій граница, а над Сокирною верба, а зъ третеѣ сторони помѣжъ од Гуляницкого сѣножати і Лесупова; которими то грунтами і сѣножатми немогучи ними владѣтъ, а звлаще будучи потребними пѣнязей, лечъ продалисмо і вѣчнимъ правомъ пустилисмо славетному пану Трофиму Подтеребови обивателеви острицкому за певную и готовую сумму руками нашими от него отобранную то есть законъ двадцеть личби литовскои на которомъ то разграниченю и на разъезди вишей помененаго кгрунту нашего былъ панъ Іванъ Дворецкій сотникъ острицкій із товариствомъ своимъ і атамамъ і войтъ Карпиловскій зо всею громадою.....»

в) По акту 15 Іюля 1701 г., явленному въ переясловскомъ магистратѣ вдова Андрея Солонины «...маючи панѣ Анастасія Максимовна Думитрашковая на гребли великой в острѣ двѣ клѣтки млиновых о шести колахъ также ниже тих млинувъ по остру свѣтелку з плецомъ въ мѣсту дворъ отцевскій в замку стоячій теди тіе двѣ клѣтки о шести колахъ и свѣтелку з плецомъ на острову яко свои власніе нѣкому нѣвчомъ непенніе и незаведеніе продала еи милость панѣ Думитрашковая ясне въ Богу преосвященному его милости отцу Захарію Корниловичу епископу переясловскому архимандриту каневскому ігумену святаго михайловскому кіевскому і терехтемировскому, на обитель святую катедралную переясловскую вѣчними часи за готовую суму монеты личби доброи талярей битихъ четириста; дворъ зась отцевскій з плецом въ замку стоячій на тую ж обитель святую катедральную за спасеніе своей и предковъ своих души даровала.....»

г) 22 Ноября 1716 на урядѣ Остерскомъ .. «панъ Елисей Рохманъ житель мѣстечка Остра и товаришъ полку Кіевского явне, ясне и доброволне, без жаднаго примусу и насилія сознаъ тіе свои слова мѣючи я хутор з хатою, з полемъ, садомъ и сѣножатѣ на пълющувнѣ в своих ограниченях стоячи, пляцъ на которомъ винница била, гдѣ стоить комора, загороди рубленіи з випустами и огродами на Друцкихъ урочищах, поля пахотніе з сѣножатю пляцомъ млиновище, прозиваемое на рѣчцѣ пѣлювнѣ до тоей же греблѣ пива на двѣ недѣлѣ пахатная по томъ боцѣ рѣки Десны, сѣножати поля хутор з садомъ, огородами и осѣтю тамъ же стоячою, гребля на рѣчцѣ Селищи, на которой двѣ клѣтки стояло, дворъ въ мѣстечку Острѣ въ которомъ двѣ свѣтлицѣ з комнатою, двѣ пѣкарнѣ, лазня, шпихнѣръ, комора новая, двѣ стайнѣ, кухня, тіе всѣ грунта мои власніе непенніе и никому ни в чемъ незаведенніе в своихъ ограниченіяхъ маючіеся по женѣ мой Анастасіи Лисенковнѣ мнѣ спадліе ясне в богу преосвященному его милости господину отцу Кирилу з Великих Шумлянъ Шумлянскому божіею милостію епископу луцкому, острозжскому и переяславскому за суму готових грошей доброи монети золотих двѣ тисячи зъ доброхотнои волѣ моей и непремѣнному жени моей соизволенню продалемъ....»

Сверхъ того приложны документы на мелкіе земельныя пріобрѣтенія переяславскихъ епископовъ и катедральнаго монастыря.

7. *Д. Кривая Гребля* (Остерской сотни) при р. Острѣ Кіево-Софійскаго катедр. монаст.—3 дв.

8. *Д. Гута* (Остерской сотни). Кіево-братскаго училищнаго монастыря—11 дв.

9. *Д. Свиноиди* при р. Деснѣ (Остерской сотни) Кіево-Видобицкаго монаст.—12 дв. 1 б. х.

10. Д. Рожни при р. Старой Десне (Остерск. с.) того же влад.—39 дв. 2 б. х.

11. С. Знобъ при р. Знобовкѣ (Новгородск. сотни) Церк. св. Николая.

12. С. Пальчики (Батур. сотни). Абшит. сотника Демьяна Иващенка 5 дв. подсус.; Свято-Успенскаго Новомлинскаго дѣвичьяго монастыря 20 дв.; хорунжнаго сотеннаго Николая Сущенка—5 дв. подсус.

13. Г. Нѣжинъ. Предводителя дворянства Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ Григорія Лѣвицкаго—17 хатъ подсусѣдковъ.

14. С. Кіенка (Слабинск. сотни) при р. Верепетѣ. Влад. катедр. Черниг. монаст.—43 дв. 3 б. х.

15. Хут. Луговый при р. Бѣлоусѣ, того же влад.

16. При Жоввинской греблѣ 2 хаты того же влад.

17. Дворъ Катедры Черниговск: *Трисвяцкое* (Слабинск. с.) при р. Бѣлоусѣ и Илговкѣ. Церк. трехъ Святит. при ней 3 бездв. хаты подсус. и 2 мельницы.

18. Слобода *Лговка* (Слабинск. с.) при р. Лговкѣ, того же влад.

19. С. Рудня, (Новгор. с.) Церк. Богоявл. Гисп.

20, С. Дорошинка (Нѣжинск. 2 полк. с.). Церк. Св. Николая. Коз. 40 дв.; козачьихъ подсусѣдковъ 4 хаты.

21. С. Машевъ (Шептак. с.) 180 дв. 11 б. х. влад. гр. К. Разумовскаго.

22. Г. Мглинъ. Описи сотенной канцеляріи и городскаго магистрата.

а) Грамата Царя Алексѣя Михайловича 7174 (1566) г. «....били челомъ намъ города Мглина войтъ Іванъ Нечегенка і всѣ мещане чтобъ намъ... пожаловати ихъ ведѣти имъ на Майдебурское право

і волности дать нашу царскаго величества жалованную грамоту противъ нѣжинскихъ и чернѣговскихъ и переясловскихъ мещанъ а прежвіе наши Царскаго Величества жалованные грамоты от разоренія литовскихъ людей утерялись; и мы Великій Государь наше Царское Величество мглинскихъ мещанъ пожаловали.....»

23. *Г. Новгородокъ.* Опись сотенной канцеляріи «Сотенной городъ Новгородокъ лежитъ на гороватихъ мѣстахъ, обнесенъ вкругъ земляпымъ валомъ, которой от неподчинки весма осипался; зъ тремя воротами, коихъ названіе—1 Глуховскіе, 2 Шепьтаковскіе, 3 Понурницкіе, да вылазакъ тры, первая Погорѣловская, другая кляшторская, а третая изъ городовой крепосты поузъ самой замокъ къ рецѣ Деснѣ, гдѣ стена городовая совсѣмъ осипалась, с онихъ воротъ черезъ рвы мостовъ нѣтъ...»

24. *С. Куковичи* (Менской с.) при р. Левоши. Коз.—51 дв.; бобровниковъ—3 дв.; вдовы в. т. Ѳеодоры Сахновской—2 дв.; войск. тов. Герасима Завадскаго 1 дв. 1 х. подсус.; сотника Менскаго Павла Саханскаго—6 дв.

25. *Сл. Радуль* (Любецк. с.) при р. Днѣпрѣ и оз. Радулѣ, осажена П. Полуботкомъ въ 1711 г. на купленой землѣ отъ Мартина Зарѣцкаго. Государевыхъ крестьянъ—18 дв. 7 б. х.; полковника Черниговск. П. Милорадовича—6 дв. 1 б. х.

26. *Хут. Силецское Табурище* (Новгор. с.) Войск. тов. Николая Юркевича 10 х. подсус.; войск. канцеляр. Іосифа Юркевича 8 хатъ и войск. тов. Якова Юркевича—4 х.

27. *С. Макошинъ* (Менской с.) при р. Деснѣ Обозн. полк. Черниг. Ив. Сахновскаго—14 дв.; бобровниковъ—12 дв., генер. асаула Ив. Скоропадскаго 64 дв. 1 б. х.; Николаевскаго Макошинск.

монастыря 7 дв.; въ Макошинѣ 2 монастыря: Николаевскій мужской и Покровскій дѣвичій, при которомъ слобода Макошинская изъ 25 дв. и 1 безв. хаты.

а) «Во имя Отца и Сына и Духа Святаго.

Адамъ з Брусилова Кисель воевода генералъ земель кіевскихъ коммѣсар украинскій вишъгородскій Носовскій староста.

На честь и на хвалу всемогущему и милосердному Господу Богу иже утоливши гнѣвъ свой справедливій за грѣхи наши сущи домовой войны даровалъ покой святый, и мене недостойнаго до пожитковъ моихъ, даю на монастыръ мой Макошинской патрона моего святого Николы, островъ меновитый селище Филево между двома рѣками Бабою и Братаницею понежи той островъ для живности на хлѣбъ монастыревѣ тому даю и млынъ поставити при томъ же островѣ на рѣцѣ Бабы позволяемъ для пожитку того жъ монастыра законникомъ давное убо мое намѣреніе и желаніе подтверждаю, ижъ зъ Макошина на всякой годъ золотых двѣстѣ давано быть имѣетъ на той монастыръ святого Николая вѣчными часи, и на что тое даю сей прибилей мой за печатю и подписомъ руки моей такожде велможнаго его милости господина старости Черкаского брата моего яко того которому по смерти моей мметность мянскую и Киселя и гродскую даровалъ. Данъ въ Міенѣ 19 іюля 1650. Адамъ з Брусилова Кисель воевода енералъ земель. Кіевскихъ вишъгородскій Носовскій староста. Миколай з Брусилова Кисель староста Черкаской ротмѣстръ І. М.»

Содержаніе какъ этаго плана и другихъ 27 приложенныхъ актовъ Макошинскаго монастыря изложено въ слѣдующемъ универсалѣ гетм. Даніили Апостола.

б) «Ознаменуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ пану полковнику Чернѣговскому П. П. старшинѣ полковой тамошной а особливе П. П. сотникамъ менскому и сосницкому, такожъ полку нѣжинскаго сотниковѣ короповскому, и всѣмъ кому о томъ вѣдати надлежитиметъ, ижъ въ Богу превелебніи его милость отецъ Иеоромонахъ Димитрій Билѣнскій обители свято-Николской макошинской игуменъ з братиею при поданной суплѣцѣ своей презентовалы намъ, блаженнія и вѣчнодостойнія памяти Великаго Государя царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича Всероссійского Самодержца предостойнѣйшую грамоту в лѣто от созданія мира 7176 сентября 16 д. жалованную; короля полскаго Яна Казѣмѣра три привѣлегія въ 1664 году в мѣсецахъ января и мартѣ писанніе фундушъ покойного Адама Киселя бывшаго генерала и воеводи кіевского, въ 1650 году юля 19 д. данній, такожъ покойникъ антецессоровъ нашихъ прежде бивших гетмановъ унѣверсалы, а именно два Ивана Брюховецкаго, еденъ въ 1663 г. юля 3 д. а другій въ 1664 октоврія 31 д., два Демяна Игнатовича еденъ в 1669 априля 24 д., а другій въ 1671 априля 5 д., два Ивана Самойловича, одинъ в 1672 юня 24 д., а другій в 1679 мая 20 д. да бившаго гетмана Мазепи осѣмъ унѣверсаловъ, одинъ в 1687 октоврія 22 д. другій того жъ 1687 году декабра 19 д., третій в 1688 ноября 29 д., четвертій в 1689 ноября 19 д., пятій в 1694 юня 21 д., шестій в 1698 априля 26 дня, седмій в 1700 ноября 29 д., осмій в 1701 сентеврія 24 д. такожъ два унѣверсали гетмана Скоропадскаго одинъ в 1709 генваря 13 д. а другій в томже 1709 февраля 18 д. обители святониколской макошинской данніе а именно в сотняхъ менской на островъ прозиваемій Филево селище гдѣ нинѣ имѣется осаженная слобода село, о которомъ и в прошлогодских ревизіалних книгах показано, что за оною обителю найдуется во владѣніи, на деревню Бутовку

и на футоръ Буромку со всѣми принадлежащими угодіи, а в сосницкой на слободку прозваніемъ Гутище якъ об оной з экстрактовъ слѣдствій о мѣстностяхъ явствуетъ, на млинъ прозиваемій Грицковъ на греблѣ сосницкой на рецѣ убедѣ о двохъ колах мучних и о третом ступном, на другій млинъ прозиваемій воронкевскій на той же греблѣ сосницкой першой от мѣста о двох колах мучних з частми мелничною и войсковою на два каменѣ млива одинъ Кириковъ, а другів Ивасишинъ називаеміе, у Масалаевцѣ на рецѣ убедѣ повишше греблѣ сосницкой на заняте греблѣ обителлю макошинскою в грунтѣ монастырскомъ по унѣверсалу гетмана Мазепи на рецѣ убедѣ жъ, на которой де греблѣ по тому жъ унѣверсалу и млини прозиваеміе Гутицкіе о шести колах мучнихъ в двох клѣтках коштом монастирским же построени, на млинокъ о едномъ колѣ мучномъ близъ села Слободки вишше прописаннои, а на островѣ Филевомъ селища поселеннои, да на перевозъ на рецѣ Деснѣ в мѣстечку макошинѣ будучій, такожъ на озера риботинскіе, змѣтневскіе, сохачевскіе и конятинскіе, со всѣми тонями, уходами и всѣми к тому принадлежащими грунтами, на озера Берестовицю, Бистрикъ, Пастуховъ, Бурумлю, якіе де найдуются в грунтах монастирских и на озеро прозиваемое Вадково, да при той же своей суплѣцѣ онъ отецъ игуменъ з братіею объявляли намъ gродскіе мѣскіе виписи, многіе урядовие купчіе записи, тестаменти духовние, уступніе и вкладніе в обители макошинскую писма в многих разних годах и от разного званія людей оной обители данние, а именно на дворъ в Кирѣевцѣ з полемъ засѣвом и с сѣножаттю за Купчичами, да в той же Кириевцѣ на другой дворъ з будинкомъ и с принадлежнимъ к тому двору полем в трох руках будучим, на хуторъ з гаемъ и сѣножатю и садомъ; на ниви пахотние у полях бабских, на двор у Пустовойтовцѣ з огородомъ полем сѣножатю з гребелкою ведле

убеди напротивъ масалаевских млиновъ, на лѣсъ противъ гутища чрезъ убедь помеж Савки Кузниченка и нижей млина новопостроенного монастирсвою и нижей коростолевщипа, на футоръ Рудниковскій со всѣмъ будованнемъ и зо всѣми приналежитостми, на двор в мѣстѣ Сосницѣ з будинком пляцом и грунтами к тому належачими с полемъ с фолваркомъ на пустовойтовцѣ лежачомъ з сѣножатю за рѣчкою Вежовкою и пастовникомъ за убедю, на хуторъ прозиваеміи Гута з сѣножатми грунтами и дубровою, на сѣножати межи Колодного и Нагадки на рѣчкою Бабкою, на сѣножать Шепеленка бабского, на гаіокъ ис полем и сѣножатю под слободкою монастирскою, на сѣножатъ на нивѣ и гаіокъ прилеглій до хотковщини и до рудки, на сѣножатъ под Бутовкою деревепкою, на хуторъ з гаемъ сѣножатю и садомъ до старого окопу, на займище, на гутище за ниву и двор в мѣстѣ Сосницѣ стоячій на сѣножать и озерко при ней будучое въ макошинскомъ грунтѣ на поле пахотне в грунтѣ бабскомъ в трох руках, на гай стоячій от казановаго боку, а з другаго боку священника бабского, на сѣножатъ под бабкою озерцемъ на сад з огородомъ при макошинской пристанѣ, на пасѣку Кирѣевскую з нивою и гаемъ на Глевасъ, на хуторъ з гаемъ сѣножатю и садомъ на лузѣ подъ слободкою помежъ футорцемъ монастирским да гаем священника бабскаго, на пасѣку на лузѣ з гаемъ и сѣножатми подъ слободкою, на третую часть на греблѣ Гутицкой мелницкую доплаченную, на лѣсъ рожковскій и Зубчиковскій из сѣнажатю и озерце на Лутавѣ, на сѣножать под Бутовкою противъ горы под типой помѣжною з чириковою сѣножатю, на озеро Волуй прозиваемое, на низу с хвойником в грунтахъ кирѣевских к ровчаку монастирскому прилеглую, на сѣножатъ межю Клюшняковимъ и Педенковымъ гаемъ, на сѣножать з березняком обаполъ убедѣ концями означеную, на ниву з березняком

противъ греблѣ от Лавъ, на сѣножать з гаем в головах сѣножати Педенковъ бабских. концемъ к дорозѣ берези рѣки под буромлю, на сѣножатъ помежъ босого к фаворовой сѣножатѣ, на лѣсъ з калюгою и лѣскомъ молодникомъ помѣжній с Тимошемъ бобровникомъ Кирѣевскимъ, на ниви з березняками межами з едной сторони от Кирѣевки, з другой сторони от шляху Кирѣевского на Иванчу попѣцевщину, з третой сторони от Убеди от закопу законниковъ монастира Кіево-печерского и от бору Павла Омелянова над самим берегомъ, на островъ з лѣсомъ з гаем противъ Гутища межею з едной стороны от грунту монастирского а з другои от Колязіонка жителя Сосницкого, на сѣножатъ под самим монастирем Макошинским против Десни, на сѣножатъ от Масалаевки помѣжъ з Гарасимом Тендѣтником Сосницком а к Сосницѣ чрез болото по Дузіовъ борок въ гору з лѣсомъ до тоей же сѣножати прилеглимъ, на сѣножатъ межи плюшнякомъ под цегелнею однимъ концемъ к Мазорщинѣ а другимъ къ Ярмоленской сѣножати на облогъ з гайкомъ на якомъ де нинѣ стоитъ цегелня противъ монастира до дороги Сосницкои, на лѣсъ з сѣножатю по близу млиновъ Гутицких помѣжъ Павла Адаменка Загребелского Сосницкого а з другои помѣжъ Тимоша Бобровника Кирѣевского, на сѣножатъ за Десною прозиваемую Заквашеніе к берегу Десняному, а з другои помѣжъ Федора Кротенка жителя Бабскаго, на сѣножать помежную с Трофимовою Омелченковою а з другои помѣжникъ Иванъ Малишъ от рѣчки Титовои, на сѣножатъ лежачую на пластанѣ помѣжъ Гречаниковои сѣножати, на грунтъ прозиваемій Перевалъ с полемъ и сѣножатми, на займише млиновое и футорище з гаемъ помѣжъ Шабелника, да на сѣножать з лѣском прозиваемую Гайдовскую за Десною, на сѣножатъ помѣжную с Петромъ Малукаломъ и Василемъ Кротенкомъ, на ниву помѣжъ з монастирскою

чрезъ дорогу, з другои сторони отъ Олшанского поля на ниву з березнякомъ чрез дорогу к Ляхворощинѣ монастырской, на обложокъ з гайкомъ за дорогу однимъ концемъ к сѣножатѣ Биндюка бабскаго а другим концемъ къ гаю Гавришенковъ бабских, на сѣножатъ под Гутищемъ помѣжъ Ивана Колесника, на броваръ в Сосницѣ стоячій, на ниву прозиваемую Континскую под слободкою помѣжъ Ивана Заики, на гай з сѣножатю под монастыремъ, на сѣножатъ под монастирем помѣжную з Федором священникомъ Сосницкимъ свято воздвиженскимъ, на сѣножать ведля Хавра слободского; на сѣножать за винницею, на ниву з сѣножатю под Городищимъ на сѣножать помѣжъ помѣжниками прозиваемими Нужнимъ жителемъ бабскимъ да Иоаникіемъ Рихловским священником Слободским и протчіими, на двор в мѣстечку Сосницѣ имѣючійся, на лѣсъ край Судейского млиновища, да на лѣсъ в Ясеновцѣ з сѣножаткою между Антонишимъ лѣсомъ и монастирскимъ грунтом.....»

Всѣ эти маетности потверждены универсаломъ 31 августа 1732 г.

в) «Іванъ Яковичъ Лисенко полковникъ вѣрнаго войска Его Цар. Пре. Величества запорозкого Черниговскій.

Вамъ атаманамъ Макошинскому Бондаровскому Бутовскому войтамъ тамошнимъ и посполству тамошнему подаемо то вамъ ведомо сим писмом же то дозволеннем и поданим писмом от боку нашого монастырь святои Покрови в Макошину чернѣцям игуменнѣ Анастасіи и сестрамъ озеро Загуменье прозиваемо и Купки на спомоганье церкви Пре. Богородици и отпущенне греховъ нашихъ а в том то з виших товариствъ и посполитых людей а хто бъ малъ перешкоду в таковыхъ озерах щинить таковой повиненъ зостанетъ до скарбу войскового дошкатутъ (?) золотыхъ сто заплатить. Писанъ в Мене року 1669 Генвара 21.

г) Универсалъ гетм. Демьяна Игнатовича 15 Марта 1669 г.

«Пане сотникъ Киселевскій приказуемъ тебѣ абысь войтамъ приказалъ Величковскому, Киселевскому, Домашлинскому и всѣмъ громадамъ помененнихъ селъ за показаньем сего унѣверсалу нашего до гаченья греблѣ Величковской на которой греблѣ з ласки войсковои нашое госпожѣ Анастасіи Бобирчанки игуменѣ Макошинской надалося млин, о що и повторе сурово приказуемъ абы иначей небыло кром росказання нашего. Данъ в Сосници».

д) Универсалъ того же гетмана 25 Марта 1669 г.

«Пану Сотнику и отаману Менским ведомо чинимъ симъ писаниемъ нашимъ ижъ который млинъ наданъ на монастырь Паненскій Макошинскій в селе Величковце Цеклянскаго и нашъ послани на указъ нашъ запечаталъ скриню за розмером, що приказуемъ абы печать оторвавши ув ономъ млыни и госпоже размеръ брать и до ласки нашои войсковои пожитковатъ ни в чемъ имъ и найменшои перешкоды не чинитъ в том васъ уведомивши и приказавши абы иначей не было. Данъ з Сосницы».

е) Универсалъ того же гетмана 27 Августа 1670 г., которымъ дозволяетъ игуменьѣ Макошинскаго монастыря «....у Гаврила Макошинского жъ клѣтцѣ камень средпы на рецѣ убедѣ на Масалаевской греблѣ двѣ мѣрочки войсковіе опрочъ третеи мѣетъ на себе спокойне одбирати.....»

ж) Универсалъ того же гетмана 1 Января 1671 г., которымъ «..... надалисмо монастыреви свято покровскому Паненскому Макошинскому для оскудности пищи у млине Хвесковскомъ зу всихъ двухъ мучних и ступнаго колъ, же на войско припадаючие мерочки госпожи игуменіи Макошинскои Анастасіи Бобирчанци с сестрами одбирати розмеръ до ласки войсковое.....»

з) Универсаломъ 11 Апрѣля 1671 г. тотъ же гетманъ надалъ «озеро Быховое названое в стану Макошинскомъ лежачое на выживленіе. ...».

и) Унив. 24 Сент. 1671 тотъ же гетманъ потвердилъ владѣніе полями и сѣножатями лежачими поблизу Макошина, наданными нѣжинскимъ полковникомъ Григоріемъ Гуляницкимъ.

і) Подвердительные универсалы Гетмановъ: Ив. Самойловича 24 Іюня 1672 г., Ив. Мазепы 18 Ноября 1687 г. и Дан. Апостола 25 Октября 1733 г. на исчисленные маетности.

28. *С. Козары* (Носовск. с. Кіевск. п.) при р. Острѣ Коз. 29 дв. 4 б. х., вдовы бунч. тов Агафіи Будлянской—1 дв. 1 б. х., гр. К. Разумовскаго 1 дв.

29. *С. Мохнатинъ* (Черниговск. полк.) Сотника Звонкевича 8 дв. 1 б. х. подсусѣдковъ,

30. *Мѣст. Мена.* Абшит. бунч. тов. Пантелеймона Забѣлы 26 дв. 7 б. х., священника соборн. менской церкви Іоанна Пашковскаго—3 х. подсус.; сотника березинскаго Якима Сахновскаго—6 дв. 3 б. х. подсус.; Максаковскаго монастыря—3 дв. 2 б. х. подсус.; хорунжаго сотеннаго менского Ефима Ометюты—5 дв. 2 б. х. подсус.; атамана сотен. менск. Ив. Климовича—9 дв. подсус.; подсудка земскаго повѣта менского Степана Сахновскаго 40 дв. 4 б. х. подсус.; значк. тов. Максима Москалцова—2 б. х. подс.; войск. тов. Мих. Логвиновскаго—2 дв. подс.; асаула полковаго Черниг. Вас. Павловскаго—9 дв. подс.; сотника Миргородскаго Кирила Забѣлы 28 дв. 9 б. х.; бунч. тов. Прохора Забѣлы—23 дв. 10 б. х.; войск. тов. Ив. Бобыря—1 дв. подсусѣдк.

31. *С. Лѣтки* (Остерск. сотни) при р. Деснѣ церк. св. Никол. Кіево-Выдубицкаго монаст.—153 дв. 1 б. х.

а) Грамота царя Алексѣя Михайловича ЗРѰИ г. 10 Декабря «.. пожаловали есмо архангелскаго выдубицкаго монастыря игумена Климентія Старушевича зъ братіею что въ нынѣшнемъ въ РѰИ г. были челомъ намъ Великому Государю оны ігуменъ з братіею чтобъ намъ Великому Государю пожаловать ихъ велѣть имъ на прокормленіе и на монастырское строеніе дать двѣ деревни Рожны да Олетковичи; а тѣ де деревни смежны къ ихъ монастырскому селу Свиноидову а напередъ сего тѣми деревнями владѣлъ Ізмѣнникъ нашъ Выговскій....»

б) «Выпись з книгъ мѣскихъ права майдибурскаго, ратуша Кіевского, року 1754 мѣсяца Ноября 7 дня.

В магистратѣ Ея Императорскаго Величества Кіевскомъ монастиря святомыхайловскаго Кіевовыдубицкаго высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ Леонтій з братію поданнимъ сего Ноября 7 дня доношеніемъ представилъ яко імѣется во владѣніи обытели ихъ Кіевовыдубицкой изстари отчины деревни Рожни и Свиноеди которіе еще за полской держави тогдашними владѣлцами исправно ограничены Высокомонаршими же грамотами и гетманскими унѣверсалами монастирю ихъ Кіевовыдубыцкому по наданнію стверженны коихъ де деревень дуктовіе записи за давность лѣтъ обветшали иныхъ же не мало вовся безвестно от недоброхотовъ обытели ихъ потерянно, а чтобъ тако і оставшіесь записи в слѣдующіе времена затеряни не были упомянутій высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ Леонтій з братіею пресилъ, дабы оніе монастиры ихъ сообщеніе при томъ доношеніи подленніе дуктовіе полскимъ деалектомъ двѣ русскихъ едну писаніе крѣпости освидѣтельствовавъ, в книги мѣскіе Кіевскіе были вписани; а с кнігъ екстрактомъ в монастиръ Кіевовыдубыцкій выданы, по которому прошенію урядъ тѣ подлинніе дуктовіе крѣпости

пред собою вичитавъ приказали до книгъ вписать и такъ в себѣ до слова имѣются: 1) выпись с книгъ кгродскихъ воеводства кіевскаго, року тисяча шестьсотъ тридцать девятого м-ця декабря тридцятого дня. На вредѣ кгродскомъ в замку его королевской милости кіевскомъ передо мною Петромъ Брудновским намесникомъ замку кіевскаго ставши очевисто волебный в бозѣ отецъ Селивестръ наместникъ и законникъ монастиря святаго архистратига Михаила Выдубицкаго своимъ и ясне превелебнаго въ бозѣ его милости господина отца Петра Могили архіепископа митрополита кіевскаго галицкаго и всея россіи архимандрита монастиря печерскаго и капитули митрополитанское именемъ свидчился и соленнѣтеръ протестовалъ напротивки велможнаго его милости пана Юрья Глебовича па Дубровнѣ каштеляновича Вылейскаго и урядникова Гоголевскому пану Миколаю Булгаку о то иже поменній его милость панъ Глебовичъ препомневши права посполитого, і вынь на таковыхъ описаннаго яко здавна звикъ крывди чинить и теперъ росказалъ помененному урядниковѣ своему Гоголевскому, а бы кгрунти церковніе монастиря выдубыцкаго прилегліе до кгрунтовъ гоголевскихъ забыралъ, и розніе кривды чиниль, которій росказаню яко пана своего досить чинечи, року теперешнего тисеча шесть сотъ тридцать девятого мця сентября першаго дня наехавши з слугами з боярами и подданними гоголевскими и подданними рожневскими на тот часъ въ пасессіи его милости пана Глебовича будучими з оружемъ войне належачимъ моцно кгвалтомъ человѣка до трохъ сотъ на власній кгрунтъ монастыря менованого светаго Михаила Выдубыцкаго свиноедскій названній селище на Десни Запомире нивы десятинніе луку красную борокъ в которомъ бортей подданнихъ в соснахъ монастира менованнаго свиноеди мели которій кгрунтъ въ ограниченю починается граница от Свиноедовъ ку-

Рожномъ на украину долиною подле ниви Холмени Выдубицкого долиною болото язвинское угланскій лѣсъ впадаетъ въ хмѣльницкое болото, чрезъ медвежи борокъ, в межу супруновское Малиевы і Васильевы ниви у Косіево болото, жереломъ подъ Берестову гряду въ рѣчку Глушицу в Деснище, Кобылкою идучи ку Дубечни пречистенскому кгрунту и у Десну тотъ урядникъ с помененіми слугами, боярами и мещані гоголевскими и подданними рожневскими чинечи досить воли и расказанію пана своего менованного его милости пана Глебовича подданнихъ свиноедскіхъ заставши въ полю на работахъ сѣючи и оручи акрутне збыли зъ кгрунту менованнаго зогнали; поведаючи и грозячи же кгды котораго подданнаго монастырскаго свиноедскаго на томъ месцу застанутъ забывать и вешать будемъ, якожъ в томъ борку отняли бортей зо бчолами неподбыранніими в личбу сто меновате у Левки Исаенка бчолъ двадцятери у Сая стараго бчолъ тридцятери, у Ѳедора Середника бчолъ двадцятери у Семена Середника бчолъ тридцятери, бортей порожнихъ безъ пчолъ пятдесятъ, и тихъ всихъ кгрунтовъ вышеі менованніхъ кгвалтовне выбили и отняли; а потомъ заразъ розних дней дерева на будованье гожаго пятьсотъ, а на борты сто шестьдесятъ на тихъ урочищахъ витяли и будовать футорѣ и гумна зачали, за чимъ протестуючихъ до шкодъ которыхъ себе бытъ понятихъ кгрунту в то невкладаючи шацуютъ понять тысячей золотыхъ полскихъ а што помененій протестансъ намесникъ монастиря выдубицкаго кіевскаго именемъ помененого его млты отца митрополита и капитули митрополитанское софѣйское кіевское оферуючись правне чинить з его мл паномъ Глебовичомъ заховавши себе волную меморацію до поправи тое протестаціи к его милости отцу митрополиту кіевскому если того потреба указовати будетъ, на доводъ того ставилъ вознаго енерала воеводствъ Кіевскаго, Волинскаго

и Браславскаго шляхетного Матіаша Любыцкого, который возній резолюцію свою призналъ ку записаню до книгъ в тіе слова, ижъ онъ року теперешнего тридцать девятого, мця сентября двадцатого дня маючи при себе строну шляхту, людей добрихъ вери годнихъ пана Миколая а пана Александра Кожуховскихъ, за приданьемъ урядовимъ билъ на справе и потребе ясне въ бозѣ превелебного его милости отца митрополита кіевскаго и капитули митрополитанское кіевское, гдѣ року вишеписаного днѣ двадцать седьмаго сентября ездилъ з намѣстникомъ выдубицкимъ и подданніми свиноедскіи тамъ же за оказаніемъ подданнихъ свиноедскихъ выдѣлъ на кгрунтахъ монастирскихъ на нівахъ десятинниихъ гумно и футори презъ подданнихъ его милости пана Глебовича роженскихъ за частю свежо новобудованіе, и дерева наличиломъ витятого на врочищу в бору за подьмирю на будованіе петьсотъ а на бортю гожаго сто шесть десятъ, што все меновали отецъ намѣстникъ выдубецкій и подданіе свинредскіе ижъ зъ росказаня его милости пана Глебовича яко тежъ урядника комприпципала, бояръ, слугъ и мѣщанъ гоголевскихъ и подданнихъ рожневскихъ за гвалтовнимъ наиханьемъ на кгрунтъ свиноедскій, тіе футори и гумна будуютъ и з спокойнаго держаня выбили, яко тежъ и от околычныхъ суседовъ и подданнихъ тамошнихъ слишалъ, которое свое очевистое сознаніе помененній возній учинивши просилъ, абы тое все при протетаціи до книгъ принято и записано было, что одержалъ, с которихъ и тотъ выписъ под печатю кгродскою Кіевскою есть виданъ, писанъ у Кіеве. У того выписа печать на красном оплатку а подписсый таковій корикговалъ Чапчинскій. (Затѣмъ слѣдуютъ два акта на польскомъ языкѣ: розграниченье свиноѣдских грунтовъ относящееся за 1646 г. и ограниченіе грунтовъ подданных рожновскихъ Стефана Аксака судьи земскаго Кіевскаго старосты остерскаго) по вписаню

до книгъ подленіе вишіе писаніе крѣпости з магистрату отдани, и в пріемѣ подписаться приказали и подписался въ книгахъ тако: подленніе крѣпости з магистрату кіевского принялъ и в пріемѣ онихъ подписался монастиря святомихайловскаго кіевовидубицкаго монахъ Антоній что про память для лѣтъ наступуючихъ в книги мѣскіе кіевскіе есть записано, а зъ книгъ сей екстрактъ на писменное монастира святомихайловскаго кіевовидубицкаго високопреподобнѣйшаго отца Архимандрита Леонидія з братіею прошеніе при подписѣ и печати магистратовой виданъ з магистрату Кіевскаго року и дня вище писанного».

в) «Выпись с книгъ мѣскихъ острицкихъ. Передъ нами Романомъ Кривошіею войтомъ острицкимъ Иваномъ Берлезомъ бурмистромъ райцами лавниками зуполне засѣлими ставши очевисто Павелъ Алексѣевичъ мелникъ и обивателъ лѣтковскій явне, ясне и доброволне сознал ку уписано до книгъ внѣшних мѣских острицких иж продал двор свой власній никому нѣвчемъ непенній и незаведеній лежачій двор в селѣ Лѣтковичахъ далних з млиномъ своимъ власнымъ стоячимъ на рѣцѣ Глушици в томъ же селѣ Лѣтковичахъ далнихъ зо всѣми пожитками до того двора и млина надлежачими, славетному пану Богдану Войничови месчанинови бывшому Кіевскому а теперъ мешкаючому в месте Острѣ за певную сумму и рукоданную то есть за сто копъ личби и монети литовскои,..... У Вострѣ року 1659 мця Февраля 14 дня».

г) «Предо мною Мелетіемъ городничимъ лѣтковскимъ при бытности Тимоша Хтури осадчаго Лукяна Гороховика, войта Федора Миненка, Созонта Бахмачевича уставника лѣтковскаго и иньихъ людей немало при томъ будучихъ, ставши очевисто Миско Тетеренко и Хвеско Тетеренко брате родниі но враде зознали явне ясне добровольне мовячи ижъ есмо продали огородъ свой власній отцовскій кото-

рій отецъ нашъ небожчикъ виминял у Процика Лося и Федора Лосика а потомъ тожъ огородъ менявъ з Ивановъ Червякомъ ниву на ниву, а тотъ огородъ лежачій над ставомъ прозиваемымъ Глушицею, противко млиновъ а з другого боку от дороги Соболовской идучи до озера Тетерина так теж от Олешка Тетеренка с тилу, а тотъ кгрунтъ притягъ до кгрунту мнѣ; на отмѣну данного от его милости отца Ѳедосія Углицкаго игумена мнстра видубицкого кіевского за той кгрунтъ купленій продалисмо пану Богдану Войничу старшому райци кіевскому за певную и готовую суму золотихъ шестнадцять и сами ся зрекаемъ того кгрунту подаючи в моцъ и спокойное вѣчное вживаніе пану Богдану Войничу до котораго кгрунту ми сами не повинни ея втручатъ а нѣ жони и потомки наши и кревніе наши такъ близкіе яко и далекіе под зарукою какъ двадцять литовскихъ, которій Крунтъ пану Богдану Войничу волно продать заминять даровать и яко найлѣпше на свой пожитокъ обернутъ що для лѣпшей даня вѣри казалисмо записъ тотъ нашъ сторонѣ потребуючой съ подписомъ рукъ особъ вишъ менованнихъ и притисненіемъ печати подать. Дѣялося въ Лѣтковичахъ року 1677 мця Іануарія 5 дня».

д) «Чиню вѣдомо симъ моимъ писанемъ, кому о томъ вѣдати належитъ будет, ижъ пану Николаю Войничову затю, далемъ мѣсце на сѣножатъ за озеромъ Бакланскимъ змѣжное зъ отцемъ Козмою священникомъ и Іваномъ Созоненкомъ; того мѣсця и сѣножатъ въ держани и спокойномъ заживаню абы жаденъ такъ з старинцов яко и не старинцов вишъ поменепому пану Миколаю перешкоди чинити невижился подъ виною и каранемъ прикозую, которому для твердости и въ потомніе часы для вѣдомости сей мой листъ даю за подписомъ руки моей а зъ печатю монастырскою; писанъ въ Лѣтковичахъ року

1685 мая 21 дня. Ѳеодосій Углицкій игуменъ монастыря Михайловскаго Видубыцкаго Кіевскаго».

е) Грамота царя Ѳеодора Алексѣевича 1682 г. 25 Марта. «.... Пожаловали нашего Царскаго Величества подданнаго кіевскаго жителя гречанина Николая Иванова въ наше Царскаго Величества россійское царство пріезжать с товари и торговать и с товаровъ ево наши Великаго Государя нашего Царскаго Величества таможенные пошлины імать по нашему Великаго Государя нашего Царскаго Величества указу и по торговому уставу какъ пошлины въ таможню емлютъ съ товаровъ у такихъ же грековъ а дворами и огороди и пахатною землею ему и дѣтямъ ево влодѣтъ по крѣпостямъ каковы у него есть за свидѣтельствомъ нашего Царскаго Величества вѣрнаго подданнаго войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетмана Ивана Самойловича для того былъ челомъ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству онъ Николай въ прошломъ де во 185 году нашего Царскаго Величества вѣрной подданной войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Иванъ Самойловичъ посилалъ ево Николая въ Кримъ и въ Белгородскую орду для подлинныхъ вестей и былъ онъ в Криму и въ Белгороцкой ордѣ больше пяти мѣсяцовъ и всяки ихъ непріятелскіе замисли провѣдалъ и привезъ къ нему гетману Івану Самойловичу а в прошломъ де въ 189 году будучи онъ въ Царѣ городѣ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству служитъ вѣрно и презирая страх смертной, всякіе тайніе вѣдомости провѣдивая подячему Никифору Кудрявцеву которой былъ у салтана турского съ нашего Царскаго Величества грамотою сказивалъ и былъ затымъ в Царѣградѣ и въ Адріанополе покамѣсть салтанъ и все войско поворотилось въ Царьградъ больши шести мѣсяцевъ а которіе писма к намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству послалъ съ нимъ подячей Ники-

форъ и онъ тѣ писма чрез многіе государства за смертномъ страхомъ вывезъ въ Кіев а служа и радѣя намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству того посолскаго дѣла въ нарядах для расходу судилъ ево Никифора денгами и соболями и то освидѣтельствовано, я ка тѣ службы онъ нашего Великого Государя нашего Царского Величества милостію не взысканъ, и намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству пожаловати б ево за ево къ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству велѣть ему дать нашего Царского Величества жалованную грамоту чтобъ ему и дѣтямъ ево под нашею Царского Величества рукою жить в Кіеве и двора ево и огородовъ и пахатной земли и ново Николая и послѣ ево у детей и у сродниковъ ево не отнялъ и постою никакова неставить и издать ему жъ Николаю и дѣтемъ и братемъ и сродникамъ для торговыхъ промисловъ с товари и безъ товаровъ в наше Царского Величества россійское царствіе и нашихъ Великого Государя пошлинъ не имать.....».

ж) Универсалъ гетм. Скоропадского 7 Фовраля 1709 г. «..... господинъ отецъ Варлаамъ игуменъ видубицкій прекладалъ намъ скудосты и недостаткы въ хлѣбѣ монастира своего выдубицкого и просилъ насъ обысми в млинѣ Юрковскомъ на греблѣ Козелской на рецѣ Остре будучомъ надали часть войсковую размѣровихъ пожитковъ ку вспоможено и вспартю господарства до обытелы святое належного....», что и исполнено.

32. С. Семиполки (Козелецкой сотни Кіевск. полка) при рр. Пилевкѣ и Татаркѣ. Церк. св. Троицы. Коз. 64 дв. 4 б. х., козачьихъ подсусѣдковъ 3 дв.; вдовы Кіевскаго полковн. Вѣры Дарагановой—27 дв. 7 б. х.

33. С. Хмѣльница (Бѣлоусской сотни Черн. п.) при ручьѣ Хмельницкомъ. Сотника Черниг. Ив. Гломазды 3 дв. подус.

34. Хут. Муравьевскій близь с. Вершины Муравейки (Выбельск. сотни Черн. п.) Влад. Черниг. Елецкаго монаст.

35. С. Ладинка (Слабинск. с. Черн. п.) ранговыхъ Черниг. полковн. Милорадовича 7 дв.

36. Часть описи *города Чернигова* заключающая описаніе дворовъ по улицѣ гончей съ переулками (церк. Стрѣтен. Госп. съ однимъ престоломъ, деревянная и 25 дворовъ); по улицѣ отъ новаго города з любецкихъ воротъ на пятницкомъ полѣ съ переулками—19 дв. 6 бездв, хатъ; по улицѣ идущей на гончую улицу (15 дв. 1 б. х.); по улицѣ, идущей отъ Пятничей Черниговскаго монастыря на гончую улицу съ переулками—18 дв.; за новымъ городомъ за малимъ Стрижнемъ—9 дв. 2 б. х.; за городомъ Черниговомъ за великимъ Стрижнемъ въ первой улички Давидовской съ переулками—16 дв.; «за тою жъ греблею Стрижнемъ противъ гноевой греблѣ»—1 дв.; на другой улицѣ—17 дв. 1 б. х.; «тамже за рѣчкою Стрижнемъ по улицѣ идучей повз церковь» съ переулками: церковь Вознес. Христ. деревяная при ней другая теплая во имя великом. Варвары и 22 дв.; тамъ же близъ гребли прозываемой Радичевской—1 дв.; «за городомъ Черниговомъ близъ по улици Березинской по праву сторону подгородскій садъ монастиря катедральнаго», монастырскій дворецъ съ церковью Мироносицъ, деревянною на каменномъ фундаментѣ и 6 монастырскими дворами; «отъ речки Стрижня к речке Деснѣ въ слободѣ Московской погорѣлихъ дворовъ сего года плецовъ 9» и 48 дв. и 2 бездв. хаты; по улицѣ «отъ Кіевской башты» съ переулками—18 д. и 2 б. х.; въ переулкѣ отъ Елецкаго монастыря—1 дв.; опись катедральнаго монастыря: „оный катедральный монастырь обнесенъ вокругъ оградою каменною, въ немъ церквей каменныхъ три: 1-я во имя святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба съ

еднымъ предѣломъ съ правой стороны во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, 2-я трапезная во имя всѣхъ святыхъ, 3-я на колоколнѣ во имя Рождества св. Іоанна Предтечи. Келій каменныхъ для его преосвященства 5. служительскихъ 2, кухня 1; для монаховъ келій 17 и кухня 1; старый деревянный покой одинъ, въ коемъ живутъ консисторскіе канцеляристы; анбаровъ каменныхъ 4, погребовъ каменныхъ же 4, деревяная ледовня 1; внутръ того жъ монастыря нѣсколко и садоваго дерева разного имѣется, въ томъ же монастырѣ и консисторія епископіи Черниговской, въ ней каменныхъ покоевъ 4. (Слѣдуетъ списокъ членовъ и канцелярій консисторіи, архіерейскихъ пѣвчихъ, служителей архіерейскихъ, консисторскихъ и монашескихъ, и монастырскихъ принадлежностей: въ Черниговѣ— 6 дворовъ, близъ рѣчки Стрижня под валомъ недалече отъ дороги на гноевую греблю идучое баня зъ хаткою, близъ той банѣ гребля безъ мелницы находящаясь въ пустѣ зовомоя гноевая, на которой и мостъ имѣется, бобровицкои домъ, на Бобровицѣ 6 дв. и 1 б. х.; въ с. Масанахъ 1 дв.). «Монастырь свято-успенскій Елецкій Черниговскій, состоящій отъ города Чернигова в полверстѣ с оградою каменною. В ономъ церквей каменныхъ две 1 во имя Успенія Пресвятія Богородицы въ ней предѣловъ по правую сторону 2, первій во имя архистратига Михаила другой во имя апостола Иякова брата Господня, по лѣвой сторонѣ Рождество Иоанна Предтечи, на хорахъ во имя великомученека Георгія, по правой же сторонѣ въ притворѣ во имя Рождества Христова. 2 трапезная во имя св. верх. апост. Петра и Павла. Покоевъ для отца архимандрита каменныхъ 3, деревянной 1, служителскій 1, гостинныхъ каменныхъ 4, монашескихъ каменнихъ 9, амбаровъ для клажи 5, деревянной 1, погребовъ каменних 3, лядовень каменныхъ 2, кузнеца каменная 1, сараевъ 2. (Слѣдуетъ списокъ монастырскихъ

служителей и принадлежностей—3 мельницы: на р.р. Сновѣ, Руднѣ и Сухомъ Вырѣ, 2 шинки въ Черниговѣ, рыбныя ловли, хуторъ назыв. Святый, лѣса и земли, гуменный дворъ при монастырѣ,- въ Черниговѣ по улицѣ Кіевской подсусѣдч. дворовъ 12). «Монастырь свято-троицкій Иліинскій состоящи от города Чернигова в полверсти с оградою каменною. В ономъ церквей каменнихъ две. 1-я во имя св. живонач. Троицы з двема предѣлами 1-й во имя вел. Варвары, 2-й богоотецъ Иоакима и Анны. 2-я трапезная во имя Введенія Пресв. Богородицы, 3-я за монастыремъ во имя св. прор. Иліи каменная жъ. При оной церкви пещеры в которихъ церкви три, преп. Антонія Печерского, похвали Пресв. Богород. и свят. Николая. Покоевъ для отца архимандрита в два апартамента 7, служителскихъ 2, монашескихъ 5, келій монашескихъ новыхъ каменнихъ....., недодѣланныхъ 7, пекарня каменная, изба при ней келія каменная 1, библиотека 1, ...каменнихъ 3, погребовъ каменнихъ 2. При ономъ монастире коновня въ ней строенія покоевъ деревянних 3, амбаровъ....., сараевъ 4; (слѣдуетъ списокъ монастырскихъ служителей и принадлежности: пахатныхъ земель, лѣсовъ, сѣнокосовъ, 43 мельницъ о 49½ камняхъ, 16 колъ ступныхъ и валюшныхъ, 5 винокурень, рыбныхъ ловень, хуторе: Микулинскій и Кривый, 2 желѣзныхъ завода, 2 бумажныхъ, 4 стеклянныхъ, 2 пасѣки въ сс. Кучиновкѣ и Носовкѣ, маиданныхъ смоляныхъ печей въ пущѣ Носовской и Перелюбской 29, перевозъ на Деснѣ подъ с. Колчевкою) близъ монастыря типографскій дворъ, въ немъ строенія для начальника келія 1, типографскихъ избъ зъ двома лѣтними горницами и тремя внизу чуланами дикарня с поварнею и двома чуланами 1, переплетная о двухъ избахъ и двухъ чуланахъ. Близъ монастыря дворъ конюшенный въ немъ строенія избъ 6, конюшня 1, амбаровъ 2, сараевъ 2, пивоварня 1, кузница 1».

а) Грамота царя Алексѣя Михайловича, данная въ Москвѣ отъ С. М. 3рп августа 10 дня.

«... мы великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малия и бѣліа россіи самодержецъ, наше Царское Величество его архимандрита Иоаникія Голятовского пожаловали по благословенной грамоте богомолца нашего преосвященного Лазаря Барановича архіепископа Черниговского и Новгородцкого за его архіепископовою рукою и печатю какова ему архимандриту зьбратью дана кчерниговскому Елецкому монастырю успенія Пречистіе Богородицы по его жъ архіепископову и по уневерсалу бывшаго гетмана Демка Игнатова и нынѣшняго гетмана Ивана Самойловича подчерниговскимъ монастыремъ успенія Пречистыя Богородицы Елецкіе и для строенія того монастиря маетностями селомъ Овдѣевкою, селомъ Горбовымъ со всѣми книмъ належащими угодями землями, полями сенними покосы созеры и сперевозы, авдѣевскимъ на рекѣ Деснѣ да селомъ Серединкою в воеводстве Кіевскомъ будучое на сей сторонѣ Днепра смелницами и со всѣми угодями касрединке належащими данними и мѣстомъ, что дана на перевозъ по рекѣ Деснѣ противъ онисова хутора подчерниговскимъ такъ жъ и озеромъ Богородичнимъ межъ серединкою и ладинкою заслабинимъ будучимъ кмонастырю Черниговскому Пречистыя Богородицы Елецкіе такъ жъ вкіевскомъ полку селомъ Надиновку да вчерниговскомъ полку селомъ Анисово всотне вибелской лежащее з землями сполями съ сіенними покоси, созерами и со всѣми принадлежностями велели ему архимандриту владѣти по сей нашей Царского Величества жалованной грамоте или кто по немъ втомъ монастырѣ иній архимандритъ будетъ и церковь Пречистіе Богороды и монастирь строити и стѣхъ доходовъ и по нашей Государской милости архимандриту Иоаникію Голятовскому тѣми всѣми вышеописанными маетностями сели и деревни

и со всѣми книмъ належащими землями и озеры и совсякими угодьи и перевозами успенія Пречистыя Богородицы Елецкіе, кчерниговскому монастиру владѣть по сей нашей Царского Величества жалованной грамоте опричъ казаковъ и доходи великіе которие снихъ имани напередъ сего и ныне иматъ по прежнему буде откого челобитя и спору ни вчемъ небудетъ.....»

б) Грамота Царя Алексѣя Михайловича, данная въ Москвѣ 2 Августа отъ С. М. зрос.

«..... Пожаловали есмя Черниговскаго мѣщанина Павла Клевца, что внинешнемъ во «ρѳє» году былъ челомъ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству онъ Павелъ впрошлехъ де годѣхъ хлѣбомъ и денгами нашихъ Великого Государя ратнихъ людей онъ служилъ и всякое вспоможеніе чинилъ впрошломъ же де во «ρов» году бояринъ нашъ и гетманъ войска Запорожскаго Иванъ Мартиновичъ Брюховецкій вѣдая кнамъ Великому Государю его Павлову службу и радѣніе далъ ему уневерсалъ за своею рукою и маею россійскою печатю, что водворѣ ево всякимъ постоемъ небыть и подводъ и всякихъ податей снего неимать и вмирскую службу не вибирать, и намъ бы Великому Государю нашему Царскому Величеству ево Павла за службу и за радѣніе пожаловать велѣти ему дать на пропитаніе вчерниговскомъ уѣзде вседнѣвѣ на рекѣ на сновѣ мелницу здвома колеси, которую держить Седневскій мѣщанинъ Янъ Рымша и зоброку издву домъ и дать нашу Великаго Государя грамоту и мы Великій Гусударь наше царское Величество Черниговскаго мѣщанина Павла Клевца за тое ево кнамъ Великому Государю вѣрную службу и радѣніе пожаловали вчерниговскомъ уѣзде подседневомъ на рекѣ на Сновѣ мелницею здвема колеси хлебомелними которая наоброкъ за седневскимъ мещаниномъ за Яномъ Рымшою владѣть ве-

лѣли а внашу Великого Государя казну урочной дани незбирать а нашимъ царскаго Величества ратнимъ людемъ и стой мелницы вспоможеніе чинить по достоинству, что доведется, и по нашему Царского Величества жалованію ему мещанину Павлу Клевцу тою мельницею, что писана вище сего владѣть....»

в) Завѣщаніе Александра Колчицкаго: Лѣта отъ рождества Сына Божія тысяча шесть сотъ шестьдесятъ семого мѣсяца Марта шестого дня.

Я Александеръ Колчицкій обыватель шляхетне урожоній земли Чернѣговской повѣту сѣверского будучи по степенямъ лѣтъ моихъ идучихъ отъ младихъ ногтей моихъ за волю вся творящаго словомъ и дѣломъ воскорѣ сотворателя моего и Бога выхованый отъ сосцу матери моея, по вся дни живота моего, съ которымъ яко человѣкъ въ беззаконіяхъ зачавшихся, аще и прізнашие согрѣшихъ, но приспѣвши доблизко смертного къ ресу сѣдинной старости моея, ей же смертная секира предъ очима завше предлижитъ анабарзеи нинешнего времене, при одрѣ болѣзни моея, на немъ же ничтоже более утвержено, тилко овіе слова отъ вѣку зъ небесного консистора, прародителемъ всѣхъ насъ обволаніе земля еси и въ землю паки поидеши; вѣдомо чиню симъ моимъ писанемъ остатной волѣ моей всѣмъ вобецъ и каждому зъ особна, кому бы о томъ теперь и на потомъ вѣдати належало, такъ станомъ свѣцкимъ впреложенствахъ всякихъ зостаючихъ вгородахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ, и селахъ, людемъ посполитимъ вшеляного права яко тежъ и стану духовного отаковової же части будучимъ персонамъ ижъ я за отпущеніе грѣховъ возлюбленнаго брата моего наимя Христофора Колчицкаго и моихъ по обѣщанію его и по словесахъ истинниихъ прежде мнѣ, отнего приреченнихъ отдаю деревню вѣчними часи прозываемую Буянку не вчемъ нѣкому неза-

веденную и непенную на монастырь Чернѣговскія Святія Богоматере честнаго ея рады и славнаго успенія Елецкой ясне в Богу преосвященному его милости господину отцу Лазарю Барановичу епископу Черниговскому, Новгородскому и всего сѣвера со всѣмы приналежностями, то есть всякими грунтами, землями, полями, огородами, сѣножатми, болотами, озерами, островами, отчинами и деревомъ лѣснимъ и бортнымъ и людьми вней живучими, которая деревня втой же земли Черниговской положенл есть и куплена презъ брата моего Христофора Колчицкаго у шъляхетне уроженаго пана Михаила Пироцкого, также земли Черниговскія обывателя гай деревню панъ Михаилъ Пироцкій маючи правомъ старовѣчнымъ державную отъ ясне велможнаго князя Гаштолда аже право тое презъ военно крвове замѣшаней немоглоса задержати, листи еднакъ розніе власною рукою братнею до мене писаніе, до сихъ часъ задержавши, для лѣпшой дана вѣры явне показую и цѣлкомъ отдаю велебному въ бозѣ отцу Гавріилу Олешкевичу намѣстнику черниговскому Епископскому Лазаря Барановича тую треть остатную волю мою повторе и потрете юраментомъ душевнымъ сътвержаючи при людехъ зацне урожонихъ тоей же земли Черниговской подъ анаѳемою всѣмъ моимъ чадомъ сродникомъ и кревнимъ и людемъ тамошнимъ и постороннимъ приказую абы жадная съ нихъ персона неважилася втоя деревнѣ жадной власти и моци мѣти, а нѣтурбаціи нѣкгди нечинити, волѣ моей доброхотной съ противляючися, що для лѣпшаго и грунтовнѣйшаго зъ моцненя даю сей мой листъ съ подписомъ руки моей власной и печатю моею писанъ въ Черниговѣ року и дня вышеписаннаго.

г) Универсалъ гетмана Юрія Хмельницкаго 10 Іюня аху года.

«.... Далисмо пану Стефановѣ Шубѣ сотниковѣ вибелскому млинъ парецѣ виру подъ лоевомъ стоячій коштомъ его власнимъ будованій доспокойпаго зтого млина уживання пожитковъ».

д) Демянъ Ігнатовичъ гетманъ войска Его царскаго Пресвѣтлаго Величиства запорозкаго, Пану полковниковѣ Черниговскому сотникови, атаманови и войтови Седневскому; а особливе дозорцомъ нашимъ войсковимъ и каждому потребуючему симъ нашимъ вѣдомо чинимъ писаньемъ ижъ мы зпобожности своей а ради отпущенія своихъ грѣховъ на вижнвленіе велебному господину отцу Лаврентію Кашперовичу млинъ парецѣ сновѣ каменей всобѣ два мѣючій прозиваемій Римшинъ далисмо, позволивши оному вшелякіе знего приходи отъбирати, зачимъ жадаемъ и нсрокго приказуемъ абы нѣхто втомъ его млинѣ вспокойномъ держаніи и вшелякихъ знего пожитковъ отбиранію помененному велебному господину отцу Лаврентію Кашперовичу, перешкоди наименшое чинити подвойсковимъ каранемъ неважшился данъ вбатуринѣ Іюня а дня року ахуѹ.

На томъ же унѣверсалѣ написано: Я Лаврентій Касперовичъ Капеллинъ войсковій Презвитеръ девицкій отдалемъ сей унѣверсалъ гетманскій высоце в Богу превелебному его милости отцу Іоаникію Галятовскому архимандритѣ Чернѣговскому Елецкому на млинъ вседневѣ зостаючій нарецѣ сновѣ.

е) Демянъ Игнатовичъ Гетманъ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорозкого.

Ознаймуемъ симъ нашимъ писанемъ паномъ Полковникомъ Нѣжинскому и Чернѣговскому Сотникомъ Седневскому и Дѣвицкому, атаманомъ тамошнимъ особливе атаманави и войтови дурневскимъ и каждому того потребуючому показовалъ и освѣдчалъ намъ пречестній в Богу Господинъ Отецъ Лаврентій Касперовичъ, священникъ на тотъ часъ и капеллянъ нашъ войсковій унѣверсалъ Антецессо-

ровъ нашихъ на селце дурнѣ подсолтиковою девицею лежачое ипамлинъ Лопатинскій на рецѣ сновѣ под седневомъ стоячій, ему забезъпрестанніе значніе будучаго в свѣцкемъ стану, а праве крваве одважніе прислуги на виживлене данніе, просячи насъ абиемо Его притомъ селцѣ и примлинѣ помененнихъ заховали, теди мы, яко отнемалаго часу тожъ всвѣцномъ стану найдуючагося видячи ко пресвѣтлому маестатови Его Царского Пресвѣтлого Величества зичливость и вѣрность и ку намъ и войску Запорозкому горячую любовь исклонность, а яко кгди дѣйствіемъ Божиимъ засталъ вдуховномъ стану дабы задостоинство Его Царского Пресвѣтлого Величества, за насъ и все войско Запорозкое в безкровнихъ офирахъ маестатъ Вышнего и отпущеніе грѣховъ молебствовалъ, антерессеровъ нашихъ унѣверсали конфирмовавши оное селце дурнѣ а взамѣнѣ лопатина млина римшинъ млинъ, на тойже греблѣ нарецѣ Сновѣ подъ Седневомъ стоячій якоси въ собѣ маетъ пречестному въ Богу Господину Отцу Лаврентію Касперовичу приворочаемъ и надаемъ позволивши яко поссесорови з дурневъ и зо млина вотмѣнѣ данного римшинского вшелякіе приходя чіе пожитки отбырати зачимъ по каждомъ звойска Запорознаго старшомъ и меншомъ товариству жадаемъ и срокго приказуемъ, абы помененному священниковѣ втихъ наданяхъ в селцѣ дурняхъ и млинѣ наименшое неважилися чинити перешкоды под срокгимъ войсковимъ каранемъ, на що и се наше писане оному далисмо въ Батуринѣ Іюня а: дня ҂ѳхуѹ року.

ж) Демянъ Игнатовичъ Гетманъ звойскомъ Его Царского Пресвѣтлаго Величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ тимъ нашимъ писанемъ паномъ полковникомъ, Нѣжинскому Чернѣговскому Сотникомъ, атаманомъ товариству в тихъ полкахъ найдуючимся и кождому кому в томъ вѣдати будетъ потреба:

поневажъ ясне о Богу преосвященій Его милость Отецъ архіепископъ Чернѣговскій и Новгородскій Лазаръ Барановичъ, мѣючи подвластію своею запустѣлой архимандріи Чернѣговскій села то есть Овдѣевку, Горбовъ зперевозами и з иними угодіями знову до тоеи ихъ архимандріи светой Пречестной Елецкой Черниговской приворочаетъ; и превелебному в Богу Господину Его милости Отцу Іоаникію Галятовскому Архимандриту Свято Успенскому Черниговскому вмоцъ подаетъ и оби поменутіи села Овдѣевки и Горбовъ при Архимандріи той Чернѣговской зоставали, позволяемъ теди и мы дотакого духовного згожаючися порядку и бы конечне вишъ реченніи Овдѣевка и Горбовъ, зперевозами и зовсякими угоіями яко здавна належали такъ и теперь чтобы при той же архимандріи Чернѣговской зоставали, заховуемъ а вразъ мѣты хочемъ и подвойсковимъ каранемъ приказуемъ абы такъ панъ полковникъ Чернѣговскій, Нѣжинскій и каждій з старшини и черни козацкое превелебному въ Богу Господину Его милости Отцу Іоаникію Галятовскому архимандрите Чернѣговскому втихъ селахъ, перевозахъ и в иншихъ угодіяхъ яко до архимандріи тоей Чернѣговское здавна належачихъ жадною наименшою бити неважилея перешкодою и въ отбираню зтихъ селъ пожитковъ незадавали трудности, однакъ итое варуемъ аби обиватели Овдѣевскіе, Горбовскіе превелебному въ Богу Отцу архимандриту Черниговскому належное отдавали послушенство; нащо для лѣпшое вѣри тотъ унѣверсалъ нашъ при печати войсковой и подписѣ руки видати казалисма вчернѣговѣ дата августа 22 дня ҂ахуѹ року.

3) Демянъ Игнатовичъ Гетманъ войска Его Царскаго Пресвѣтлого Величества Запорозкого.

Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ кождому кому бы того вѣдати было потреба, а особливе пану полковниковѣ войска Его Царского Пресвѣтлого

Величества Запорозского Чернѣговскому, сотниковѣ, атамановѣ городовому также войтови Бурмистромъ и всему майстратови тамошнему, ижъ мы поглядаючи нависокіе и побожніе дѣла превелебнаго въ Богу Его милости Господина Отца Іоаникія Голятовскаго Архимандрита Чернѣговскаго для помноженія хвали Божей и реставрованя Монастира Елецкого Чернѣговскаго, Пресвятое Богородицы Успенія зособливого респекту нашего, взвишъ менованному Его милости Отцу Архимадрити Чернѣговскому мѣстце наперевозъ на рецѣ Деснѣ противъ хутора Онисова под Черниговомъ такъ же и озеро названное Богородичное межи серединкою и межи ладинкою за слабиномъ зостаючое впосессію подалисмо притомъ хочемъ мѣти, абы такъ панъ полковникъ Чернѣговскій, сотникъ, атаманъ яко и войтъ, бурмистри и весь майстратъ наименшое перешкоди вобнятю держаню и отбираню пожитковъ, такъ въ перевозѣ, яко и озерѣ взвишъ менованнимъ превелебному въ Богу Его милости Отцу Архимандрите Чернѣговскому чинити подсуровимъ войсковимъ каранемъ неважилѣся, а превелебніи въ Богу Его милость Отецъ Архимандрита Чернѣговскій, абы вшелякіе пожитки на монастиръ для вживленія братіи приподаючіе такъ зперевозу яко изъ озера отбиралъ позволяемъ, на що для лепшаго утверженія далисьмо сые писаніе нашое з подписомъ руки и притисненіемъ печати войсковое писанъ въ Батуринѣ кє апрѣля року ҂ахо.

и) Универсалъ Гетмана Ивана Самуйловича 10 іюля ахов года.

«...Стосуючися мы донадапія прешлихъ Гетмановъ которія въ Богу пречестному Господину Стефану Шубѣ Священнику Чернѣговскому еще свѣцкому будучому завѣрніе при войску запорозкомъ прислуги надали меновите греблю нарецѣ прозиваемой сухомъ вѣру под лоевомъ накоторомъ млину здвома

колами власнимъ своимъ коштомъ перед тимъ будовати били позволили, теперь тую помененную греблю з мѣстцемъ на которой рудню будовати Ему Отцу Шубѣ позволилисьмо симъ нашимъ поновляючи ствержаемъ универсаломъ....»

і) Универсалъ Гетмана Мазепы 3 генваря акча года.

«....Просилъ насъ панъ Леонтій Полуботокъ значній товаришъ войсковій овиданье фундуша назаняте греблѣ нарецѣ Бѣлоусѣ вишей села Юревки, в ключу Чернѣговскомъ найдуючоеся якое мѣстце даровалъ ему пану Полуботку небозчихъ Павло Товстолѣсъ бывій Сотникъ Бѣлоускій, где и писмо ему Товстолѣсу на тое мѣстце отъ небожчика Силича полковника Чернѣговского даное онъ панъ Полуботокъ намъ презентовалъ, а такъ мы Гетманъ припявши Его пана Полуботкову за слушность прозбу а справуючи в малой Россіи з божое и монаршое Ихъ Царскаго Пресвѣтлого Величества милости, всякіе дѣла, далисьмо Ему пану Леонтію Полуботку, по его прошенію сей намъ унѣверсалъ; черезъ которій яко позволяемъ ему на томъ мѣстцу своимъ коштомъ засипати греблю, и по силѣ води постройти млини ведучи тое дѣло ку найлѣпшому своему пожитку.....»

к) Универсалъ того же Гетмана кз декабря акче года.

«....Высоце въ Богу превелебній Его милость Господинъ Отецъ Іоанъ Максимовичъ Архимандритъ монастыря Чернѣговскаго Елецкого просилъ насъ гетмана бысьмо млинъ на рецѣ Бѣлоусѣ коштомъ и стараньемъ небожчика пана Леонтія Полуботка уфундованній и отъ егожъ небожчика на монастырь архимандріи Елецкой Черниговской лекъгованній нашимъ унѣверсаломъ увѣчное время и у живане ствердили; покоторомъ Его милости Господина Отца Архимандрита слушномъ прошеніи ствержаемъ вышъ речонній млинъ, позволяючи на обы-

телъ Святую Елецкую зоного млина всѣ части розъмѣровіи брати и напожитокъ свой оборочати, аже тотъ млинъ на рецѣ Бѣлоусѣ в кгрунтахъ властнихъ честнихъ законницъ монастира дѣвичого свято пятницкаго Чернѣговскаго знайдуется, прето частью зпредложенія зацнихъ особъ а другая и самъ собою разсудительно поступуючи неотдаляетъ отнихъ законницъ респектомъ того же наихъ властнихъ кгрунта есть сипана гребля отстроення другой клѣтки при той же скринѣ и на той же греблѣ обваровавьши то постановленіемъ жебы ровное было завозовъ мливо едни другихъ некривдячи и гаченіе гребли жебы было сполное, прето яко стверждаемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ на помянутой греблѣ небожчикомъ паномъ Леонтіемъ Полуботкомъ лекгованнимъ свтой обытели млинъ, такъ позволяемъ зоного млина всѣ розмѣри Ему Господину Отцу архимандритѣ на монастырское удовольствованіе одбираты....»

л) Универсалъ того же Гетмана кд мая атз года.

«....Просилъ насъ высоце въ Богу превелебній Его милость Господинъ Отецъ Исаакій Васѣнкевичъ архимандритъ монастыра Елецкого Черниговского зо всею тоей обытели братіею о потверженне ново осѣлого селища, болшъ милѣ далей от села Мащонъки обрѣтаючагося Лемешовкою завемого, которое принаданню села оного мощонки, заархимандритства блаженной и вѣчной памяти преосвященнаго Архіепископа Черниговского Ѳеодосія Углицкого позволилисьмо осадити и они затимъ нашимъ позволеніемъ осадили людми того бочними заграничнимы; мы теди Гетманъ и проч.....»

л) Универсалъ того Гетмана кє мая атз года.

«....Высоце в Богу превелебній Его милость Господинъ Отецъ Исаакій Васинъкевичъ Архимандритъ монастира Елецкого Черниговского зо всею тоей обытели братіею, начавши за позволеннемъ нашимъ нарѣтце тетивѣ подселомъ мощонкою маетностю

своею и под селомъ Семковскою сполне с паномъ Андреемъ Стаховичомъ Сотникомъ Городницкимъ греблю фундоваты и млинъ на оной строити, просилъ на тое у насъ потвержатеного унѣверсалу, а бы имъ втомъ нихто нечинилъ препятія; мы теди Гетманъ.....»

м) Универсалъ Гетмана Дан. Апостала 24 мая 1732 года.

«....Высоце в Богу превелебный Его милость Отецъ Тимофей Максимовичъ Архимандритъ Елецкій Чернѣговскій презентовалъ намъ купчихъ записей три от Евдокіи Игнатовни Козмихи прозиваемой Кузихи жителци села Вершини Муравейки впрошломъ 1687 от Антона Евфимовича того жъ села Вершини жителя 1690 бывшому войту Чернѣговскому Стефану Отроховичу а от него Стефана Отроховича покойному Архимадриту Елецкому Ісакію Васѣнкевичу 1710 годахъ данніе на грунта в сотнѣ вибелской положене свое мѣючіе, а именно на дворъ вселѣ Муравейцѣпомежъ Симоненковъ моравейскихъ стоячіи здвома огородами, садами и пастовникомъ, на грунтъ пахатніи з зарослями и урочищами Селище, Рогъ и Драчовцѣ именуемими, на лѣсъ под грабовкою зсѣнними покосами, на гай, займища, сѣножати и болота по разнихъ мѣстахъ найдуючіеся и на ининіе угодія продажею пущеніе, а на майстратѣ Чернѣговскомъ стверженніе такожъ и поступное писмо в 1719 году отъ бунчукового товариша Семена Лизогуба обытелѣ Елецкой Чернѣговской на владѣніе озера, прозиваемого Старухи данное, на которіе кгрунта вкупчихъ записахъ изображенніе и нашего себѣ просилъ унѣверсалного подвержденія.....»

н) Универсалъ гетмана Мазепы 22 Мая ахчи года.

«.....Просилъ насъ высоце в Богу превелебній Господинъ Отецъ Димитрій Савичъ Архимандритъ Елецкій Чернѣговскій зъбратіею опозволене абы

могли на перевозахъ своихъ монастирскихъ едномъ под Чернѣговомъ и другомъ авъдѣевскомъ горѣлку свою для шинку держати и продавати оную такою квартою и ценою, якою и в самихъ городахъ продается, а то для монастирскихъ нужнихъ расходовъ, теды мы тое Его Отца Архимандрита прошеніе принявши і уважившн, же через тое нимало мѣсту не будетъ убытку позволилисмо напомененихъ перевозахъ монастирскую горѣлку шинковати зътакимъ варункомъ, д абы почому вгородахъ кварта продается, потому і тамъ а не тапшей оная повинна быти продована!.....»

о) Его Царскаго Пресвѣтлого Величества войска запорожского Гетманъ Іоанъ Мазепа.

Паномъ полковникомъ Чернѣговскому, Кіевскому і Нѣжинскому, Старшинѣ полковой, Сотникомъ атаманомъ городовымъ і всему старшому і меншому полковъ тыхъ товариству; такъ же войтомъ, бурмистромъ і всѣмъ всякого чина людемъ ознаймуемъ, ижъ донеслъ намъ вѣдати высоце в Богу превелебній отецъ Димитрій Савичъ Архимандрита Монастиря Елецкого Чернѣговского прекладаючи, что людемъ посполитимъ в селахъ, до обытели ихъ належнихъ будучихъ от властей свѣцкихъ великіе дѣются докуки іутиски; якото зъдирствомъ неслушнимъ грошей, чиненемъ зъбытковъ отнятемъ кгрунтовъ власнихъ монастирьскихъ и инимы трудностями, зъякихъ мѣръ просилъ насъ о листъ таковій, которимъ бы селъ ихъ монастирскихъ щитячися, свободнѣйшими были оттакихъ долегливостей, прето мы склонявшихся на его Отца Архимандрита прозбу слушне намъ занесенную, велѣлисмо видати нашъ унѣверсалъ, чрезъ который варуемъ и пилно приказуемъ, абы выежжыи полковіе невимагали грошей жаднимъ съпособомъ безъ вѣдома нашего Гетманскаго изъбытковъ жаднихъ над жителями тамошними чинити неважилися, козаки вселахъ монастирскихъ живучіи абы кгрунтовъ мона-

стирскихъ власнихъ купленихъ албо якимъ іинимъ правомъ слушнимъ набытихъ несмѣли себѣ заимовати, іними користоваты а тіе кгрунта, якіе неслушне позаймалисъ жебъ монастиреви зъповертали конечне, такъ же козаки втихъ же селахъ монастирскихъ живучіи, которіи нѣколи довойска неходятъ, абы помочними были людямъ тяглимъ вкормлено компанѣйцовъ и пѣхотного товариства, компанѣйское товариство и пѣхотное вселахъ монастирскихъ же станцію маючое уставою отнасъ поданою, абы доволствовалися нечинячи жадныхъ вимисловъ и зъбытковъ людямъ, шинкарѣ арендарскіе дебы горѣлокъ своихъ насилъствомъ на людей ненакидали, бо хто схочетъ і самъ себѣ купитъ, і своея доситъ учинитъ потребу а тутже докладаемъ итсе, абы сторожамъ полевимъ полку Нѣжинскаго за ихъ роковую працу зъ тихъ же монастирскихъ селъ давано, отлюдей посполитихъ по тому, по чому и прежде давано, безъ жадного нового прибавку кормовъ і напоевъ и без инихъ збытковъ, притомъ поручаемъ вашъ мостей всохраненіе Господу Богу данъ в Гадячимъ. Мая кѫ року ҂аѯчи.

п) Его Царскаго Пресвѣтлого Величества войска запорожного Гетманъ Іоанъ Мазепа.

Всѣмъ кому отомъ вѣдати налажитъ, а особливо пану полковникови Чернѣговскому старшинѣ полковой і всоему старшому і меншому полку того товариству, оз наймуемъ; ижъ высоце в Богу превелебній Отецъ Димитрій Савичъ Архимандритъ Елецкій Чернѣговсій прекладалъ намъ: же накгрунтахъ монастиря Пречистой Богородицы Елецкого Чернѣговского к тому мѣстцу святому прилеглихъ люде живучіи жадныхъ нетолко пахарнихъ але і огородныхъ поль для зъначного убожества немаютъ і просилъ насъ абыемо оныхъ от станцій компанейскихъ уволнили мы теды натую его прозбу съклонившися а іле, давши тому вѣру же тіи люде монастиреви прилегліи жадныхъ

немаючи а ны пахарвихъ полевихъ, а ны огородниихъ кгрунтовъ, взъначномъ зостаютъ недостатку, онихъ отстанцій товариства охотницкого симъ нашимъ унѣверсаломъ уволняемъ, за чимъ мѣты хочемъ ірейментарско приказуемъ; абы такъ панъ полковникъ Чернѣговскій, яко икшій околичній вѣдаючи о таковой волѣ нашой, утыхъ помеиниихъ монастира Елецкого людей, у которихъ теперь для нужды охотницкое товариство поставлено, товариства охотницкого впредъ для прокормленя сътавиты неважилися але іхъ при той от станціи недавной волности ненарушне заховаемъ; данъ в Батуринѣ Мая ла року ахчо.

р) Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска запорозного Гетманъ Іоанъ Мазепа.

Вамъ атаманамъ серединскому, іпадиновскому зо всѣмъ втихъ селахъ пандуючимся товариствомъ, и каждому кому отомъ вѣдати належитъ симъ нашимъ писанъемъ озънаймуемъ, ижъ доносилъ намъ гетманови высоце вбогу превелебный Господинъ отецъ Никонъ Архимандритъ Елецкій Чернѣговекій, что вменныхъ селахъ Серединцѣ і внадиновцы, многіе зъ поданнихъ монастирскихъ ухиляючися от кормленя компанейцовъ и іхнихъ подданскихъ тяжестей, попродавши свои хати поудавалися до дворовъ козацкихъ вподсусѣдки, где живучи кгрунтовъ своихъ заживаютъ свободно безотбыванія жаднихъ монастиревихъ належнихъ повинностей, і выстатченьи компанейцомъ обыклого па мѣсяцъ контепту, отчого всего козаки тамошіи заступаютъ опихъ подсусѣдковъ а осъставшіеся втяглости малою уже личбою громадніе люде, кормячи ихъ компанейцовъ ивистатчаючи имъ мѣсячное, немалое утягченіе, ізънищеніе въ худобахъ своихъ поносятъ; мы просто Гетманъ, потому его Отца Архимандрита донесеню, такое чрезъ сей же листъ нашъ о тихъ подсусѣдкахъ чинимъ постановленье, подсосѣды которыи свои

хати попродавши, вкозацкихъ живутъ, а свои кгрунта маютъ іонимы пожиткуютъ, теды такіе абы незаслоняючися козацкою обороною, компанейцовъ кормили івовшелякихъ поддаискихъ повинностяхъ з громадою конечно тягнули, а такіе тилко, которые вкозацкихъ хатахъ живучи жаднихъ своихъ кгрунтовъ немаютъ, а тилко науслузѣ господаровъ своихъ будучихъ, самимъ у людей заробкомъ живятся, от тихъ поддаискихъ тяжаровъ нехай будутъ волны, о якой волѣ нашой вѣдаючи, себы жаденъ зъ козаковъ тамошнихъ, такихъ подсусѣдковъ, которіи свои кгрунты меютъ, отгромадиихъ тяглостей заступати неважился; але жебы оны вкормленню войсковихъ людей громадѣ чинилы помочъ і вовсѣхъ поддаискихъ належитостяхъ зъ громадою тягнули, певно мѣти хочемъ і приказуемъ, атутъ же и тое докладаемъ, естъ либы такіе вселахъ вашихъ люде мѣли зъ найдоватися, которіи вкозацкомъ небудучи реестри, на жаднихъ войсковихъ услугахъ нигде не бывали и теперь онихъ неотбываютъ с тилко самимъ іменемъ козацкимъ сълывучи, волности заживаютъ, то ітакіи, абы во всѣхъ поддаискихъ повинностяхъ зъ громадою тягнули, а особно комъпанѣйцовъ кормили, що вже, абы такъ, якъ вамъ листѣ виражено, ане іначе было, по вторне пилно приказуемъ данъ вбатуринѣ 7 Февруарія ҂АѴА року.

т) Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великого Государя нашего Его Царского Пресвѣтлаго Величества войска запорожскаго Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Паномъ полковникомъ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величество Запорожского, Чернѣговскому, Нѣжинскому і Кіевскому, старшинѣ полковой, сотникамъ і всѣмъ обще якъ товариству войсковому такъ і посполитамъ людемъ симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, прекладемъ намъ высоце в богу превелебный его милость отецъ Ісаакій Васѣнке-

вичъ Архимандрита свято Елецкый Чернѣговскій, же многіе посполитіе люде въ селахъ до монастиря свято Елецкого належнихъ ухиляючись отпосполитой тяглости, одни до реестру козацкаго тиснуться, другіе зъ бунтовавшися цѣле нехотятъ слухати, а нѣжадною отбувати послушенства і повинности, і если о чемъ зъмонастиря дотихъ посполитихъ людей бываетъ когда посланній послушникъ чи то духовній, чили свѣтскій, бютъ и похваляются смертнымъ убыйствомъ, що яко неслушне дѣется, такъ мы Гетманамъ потому доношенью, разсказавши сей нашъ видати унѣверсалъ, пилно вашъ мостей, панове полковники жадаемъ, абысте вашъ мости всѣхъ тихъ бунтовщиковъ, которіе ухиляючися отпосполитой тяглости, тиснутся доволности войсковои непримуючи докомпуту войскового зъ пачне іпублѣчне карали постерѣглючи того, абы по прежнему в маетностехъ домонастиря свято Елецкого належачихъ мешкаючіе люде посполитіе отдавали безъжадного противенства, послушенство і повыность высоце в богу прелебному его милости Господину Отцу Архимандриту свято Елецкому Черниговскому і еслибы довелося тоеже посполитіе люде зъбунтовавшися і нехотячи в обыкломъ своемъ зоставати подданствѣ мѣли рубати на зълостъ монастирскіе гаи і лѣсы, яко отчасти вже намъ вѣдомо учинилось; тедытакихъ всѣхъ безъпощаденія, нетилко на субьстанціяхъ лечъ і на зъдоровью съкарати роскажемъ декляруемъ; данъ в Глуховѣ іануарія г ҂АѴѲ року.

у) Его Царского Пресвѣтлаго Величества войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Іоанъ Скоропадскій.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войскъ Запорожского паномъ полковникомъ Чернѣговскому Нѣжинскому і Кіевскому, старшинѣ полковой и кождому кому бы колвель отомъ вѣдати належало, а

особливе атаманомъ, маетностей монастиря Елецкого Черниговского, меновите селъ Мощонки, Онисова и Горбова в полку Чернѣговскомъ; Овдѣевки в полку Нѣжинскомъ, Серединки і Надиновки в полку Кіевскомъ будучихъ симъ нашимъ озънаймуемъ унѣверсаломъ ижъ прекладалъ намъ Гетману высоце в богу превелебній его милость Господинъ Отецъ Ісаакій Васинкевичъ Архимандритъ Елецкій Чернѣговскій, что в мененнихъ селахъ Мощонкѣ, Онисовѣ Горбовѣ, Овдѣевцѣ, Серединцѣ і Надиновцѣ многіе зъподданнихъ монастирскихъ ухиляются такъ отпосполитой подданской тяглости, яко і откоръмленя комъпанѣйцевъ и сердюковъ, а попродавши свои хати поудавалис для промешканя до дворовъ козацкихъ в подсусѣдки, где живучи, свободно своихъ заживаютъ къгрунтовъ, безъ отбыванія жаднихъ монастиревѣ належнихъ повинностей, і выстатченя на комъпанѣйцамъ и сердюкамъ обыклого мѣсячного датку, отчего всего козаки тамошніе онихъ подсусѣдковъ заступаютъ і уволняютъ: а оставшіися втяглости малимъ уже числомъ громадніе люде. кормъячи ихъ компанѣйцовъ и сердюковъ пвисточаючи имъ мѣсячное немаліе, тяжости, убытокъ и зънищеніе, вхудобахъ своихъ поносятъ, о которихъ подсусѣдкахъ его превелебность просилъ нашего себѣ Гетманского унѣверсалу, жде бы они подсусѣдки нещитячися протекціею козацкою попрежнему в тяглостяхъ подданскихъ найдовалися, а в кормленю Компанѣйцовъ и Сердюковъ і в вистатченю на онихъ мѣсячного датку громадѣ тамошней были помощъними і неотмовними; мы прето Гетманъ по его Отца Архимандрита прошенію, такое чрезъ сей нашъ листъ чинимъ постановленіе абы подсусѣдки которіи хати попродавши в казацкихъ мешкаютъ, а свои маютче кгрунта, і оними пожиткуютъ не заслоняючися обороною козацкою компанейцовъ і сердюковъ кормили, і во всякихъ подданскихъ повиностяхъ е зъ громадою конечно тягнули; ініе зась зъ сторони прихо-

жіе люде, если в козацкихъ живутъ хатахъ, а власнихъ своихъ неімѣютъ кгрунтовъ адотого науслузѣ господаровъ своихъ зостаючи, самимъ тилко улюдей заробкомъ живляются, теда такіе от подданскихъ повинностей, нехай будутъ волни, о якой волѣ нашей вѣдаючи, абы жаденъ з козаковъ тамошнихъ подсусѣдковъ тихъ, которіи свои кгрунта маютъ, отгромадскихъ тяглостей заступати неважился, ане жебы оніе в кормленю войсковихъ людей громадѣ чинили помочъ, і во всѣхъ подданскихъ належитостяхъ, з громадою тягнули, тилко мѣти хочемъ іприказуемъ, тотъже и тое докладаемъ, еслибы такіе вселахъ выше спецѣфѣкованнихъ люде мѣли зъпайдоватися, которіи в козацкомъ небудучи реестрѣ, і на жаднихъ войсковихъ услугахъ пенайдовалися и теперь опихъ неотбываютъ, а тилко самимъ іменемъ козацкимъ съливучи, волности заживаютъ; то и такія абы во всѣхъ подданскихъ повинностяхъ, згромадою тягнули, а особно компанѣйцовъ кормили; що все абы такъ якъ всемъ унѣверсалѣ нашемъ выражено, анеиначеи было, повагою сегожъ унѣверсалу нашего иповтере пилно приказуемъ; данъ в Глуховѣ Мая 7 року ҂АѴ.

ф) Великаго Государя Нашего Его Царского Пресвѣтлого Величества войскъ Запорожскихъ обоихъ, сторонъ Днепра, Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Обявляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, паномъ полковникомъ, Нѣжинскому, Чернѣговскому і Кіевскому зъстаршинами ихъ полковими і протчіими урядниками, такожъ комубы колвенъ отомъ вѣдати надлежало, ижъ прекладалъ намъ высоце вбогу превелебній его милость Отецъ Евстратій Сымборовичъ Архимандритъ Елецкій Чернѣговскій, что в маетностяхъ зъдавны домонастиря Елецкого належнихъ нѣкоторіи зъ п. п. старшины і сотниковъ мѣючи свои шинки, немалую в виданю монастирской горѣлки чинитъ перешкоду, чого рады его превелебности

отецъ Архимандритъ просилъ насъ отаковій респектъ ижъ бысмо повелѣли таковихъ самовольнихъ насилокъ горѣлки возбранити, такожъ і о опредѣленіе покуховного датку наихъже обытелъ Елецкую: претомы зъваживши, что неслушне тое дѣется, ижъ о ихъ монастирскихъ маетъностяхъ другій зъ стороны свою горѣлку шинкуютъ а дотого мѣючи взглядъ на туюжъ святую обытель Елецкую, же, нынѣшнимъ временемъ потребуетъ реставраціи, повелѣваемъ чрезъ сей нашъ унѣверсалъ, абы в маетности монастирскіе в полкахъ; Нѣжинскомъ Чернѣговскимъ і Кіевскимъ будучіи сътаршина тамошняя, сотники і нѣхто отнюдъ горѣлокъ своихъ, подзабраніемъ онихъ, пасилаты неважился; кромѣже козаки тамъ мешкаючіи, которіи могутъ свои горѣлки мѣты, волни сутъ оніе шинковати, тилкожче покуховную повиннъность не до скарбу уже войскового, але допомину той обытели Елецкой понинѣшномъ нашомъ опредѣленію на рестоврацію и протчіе оное потребы отдавати должни, о якой волѣ нашой вѣдаючи всякъ, абы жадной втомъ его превелебносты Отцу Архимадриту недерзалъ затѣвати трудности и препятія, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ; данъ в Глуховѣ Мая 2 року ҂АѴѲ.

х) Выпись с книгъ мѣскихъ права майдеборского ратуша Чернѣговскаго.

Року божого тысяча шестьсотъ семьдесятъ четвертаго мѣсяца мая пятаго дня.

Перед нами Иваномъ Тарасовичемъ бурмистромъ и натотъ часъ и намѣстникомъ войтовскимъ и райцами, лавниками, сего року вратушу Чернѣговскомъ засѣдаючими, ставши очевисто, Гордей Петровичъ, обыватель Чернѣговскій призналъ ижъ онъ маючи селище под мѣстомъ Чернѣговомъ па подоле за городомъ у третяку межою с одное стороны Ивана Москалца, з другое стороны отъ селища Пузыковскаго, тыномъ до огородовъ, воротами к улицы свое

власное никому нивчомъ, непенное и незаведенное зоставою вполдванадцата золотого Гришку Филиповичу Туленику стрелцу приказу Алексѣя Ѳедоровича головы стрелецкаго далъ под таковимъ обовязкомъ ижъ Гришку половица того селища теперь и огорода волно пахати, а другая половица при Гордѣю, и если бы Гордей отсего часу помененому Гришку пяти золотихъ и полъ осма шага в пришлій рокъ неотдалъ маетъ тотъ плацъ, селище и огородъ со всѣмъ цѣле вѣчними часи при Гришку Филипову заставати, котораго доброволное сознаніе до книгъ мѣскихъ ратушнихъ Чернѣговскихъ естъ записано, скоторихъ и сей выписъ подпечатю мѣскою ратушною Чернѣговскою есть виданъ, писанъ вратушу Чернѣговскомъ.

ц) Выпись с книгъ мѣскихъ права майдеборскаго ратуша Чернѣговского.

Року божого тысяча шесть сотъ девять десять осмого мѣсяца Мая шестого дня.

Науряде Его Царского пресвѣтлаго Величества мѣскомъ Чернѣговскомъ переднами Иесафомъ Иевлевичемъ войтомъ Чернѣговскимъ Федоромъ Якимовичемъ бурмистромъ и райцами в лавицы в ратушу засѣдаючими ставши очевисто честній отецъ Кирилъ Лукяновичъ священникъ беловескій Ляхова беловѣса явне ясне и доброполне до книгъ мѣснихъ ратушнихъ Чернѣговскихъ призналъ, ижъ онъ маючи дворъ на полъ плацу у другомъ валу Чернѣговскомъ межою з одное стороны пана Дмитра Донца товариша полку Чернѣговского, з другое сторони Сергея Слюсаря тыномъ до Яцка блудова, воротами к улицы свой власній никому ни в чомъ непенній и назаведеній навѣчность пану Лазару Ивановичу Панчусцѣ месчанину Чернѣговскому ему самому женѣ и потомкамъ его засто копъ грошей личбы литовское продалъ и гроши одобравши тутъ же на уряди квитовалъ, даючи моцъ и владзу пану

Лазару Ивановичу ему самому, жонѣ и потомкамъ его в томъ дому спокойне мешкати и отсебе кому хотячи дати продати даровати и записати, которого двора сознаваючій господинъ и госпожа и кревніе ихъ вѣчними часи боронитъ немаютъ и мочи небудутъ под закладомъ другое таковоежъ сумми копъ сто наурядъ належитій Чернѣговскій, а на далшое утверженіе тое продажи двора сознаваючій господинъ просилъ насъ уряду о придане пановъ радних пародане впоссесію того двора счо ми с повинности своей урядовой придалисмо с посродку себе двоихъ пановъ радних славетнихъ пана Аврама Максимовича и пана Филона Ивановича раицовъ и месчанъ Чернѣговскихъ и при нихъ опартного Ивана слугу урядоваго мѣского, а земля того двора саженъ семъ вширъ а вдолжъ саженъ десятъ на томъ пановѣ радніе реляцію свою до книгъ мѣснихъ сознали, счо все для памати до книгъ мѣснихъ ратушнихъ Чернѣговскихъ есть записано, с которыхъ и сей выписъ под печатю мѣскою Черниговскою естъ виданъ; писано вратушу Чернѣговскомъ.

ч) Выпись с книгъ мѣскихъ права майдеборгского ратуша Чернѣговсктго.

Року божого тысяча шесть сотъ семъдесятъ второго мѣсяца августа двадцать осмого дня.

Вратушу Его Царского Пресвѣтлаго Величества мѣскимъ Черниговскимъ переднами Павломъ Филиповичемъ Клевцовичомъ бормистромъ и на тотъ часъ намѣсникомъ войтовскимъ, райцами и лавниками всудѣ заселими ставши персоналитеръ панъ Іванъ Филиповичъ пасинекъ пана Василя Многогрѣшпаго именемъ своимъ і именемъ пани матки свое родное Зѣпи Ждановны Василевой Многогрѣшной явне ясне и доброволне безжадного примусу подоброй воли своей признали ижъ оны маючи домъ всамомъ мѣсту Чернѣговѣ на цѣломъ плацу з бу-

динкомъ опрочъ хатки малой к улицы стоячой за свои гроши у Левона Артюшевскаго козака за сто золотихъ полскихъ купленій, нѣкому нѣвчемъ непенній и незаведеній а ни жаднымъ долгомъ обтяжоній, межою зодною стороны отдвора Лейбинского Степана Михаиловича, обивателя Девицы Салтиковой, з другое стороны пана Яна Харитоновича, атамана городового Чернѣговского тыломъ презулицу допаркану воротами к улицы в певномъ обрубѣ лежачій правомъ вечистымъ и никгды напотомъ неотзовнымъ навѣчность тотъ домъ вышеменованій в певнихъ межахъ кгрунтомъ лежачій ясне вбодзе превелебному его милости господину отцу Иоаникію Кголятовскому архимандрите монастиря пресвятои Богородицы Елецкой Чернѣговскому и братіи того жъ монастира Чернѣговского дали даровали ивдалшую моцъ тотъ дворъ през славетнихъ пановъ райнихъ презъ пана Петра Прокоповича и презъ пана Федора Козмича Шакуленка речоніе сознаваючіе в реалную и спокойную вечистую поссесію подали, завели и право на тотъ дворъ маючое сами презъ себѣ доброволне за для упоминку вѣчными часи кассовали, даючи моцъ и владзу его милости отцу Архимандрите Чернѣговскому и братіи его монастиря тимъ дворомъ владѣли и от себѣ кому хотѣти на потребу обители святой дати продати, даровати и записати которого разу и датку на святую обитель монастиря вышъ менованого нихто затрикратнымъ валенемъ слуги урядового мѣского Свирида Ивановича того двора неборонитъ зжаднымъ правомъ о належность неотзывалсе и небылъ, на томъ свою реляцію до книгъ мѣскихъ сознали счо все для памети до книгъ есть записано, с которихъ и сей выписъ подпечатю урядовою мѣскою ратушною Чернѣговскою есть виданъ; писанъ вратушу Чернѣговскомъ.

ш) Выпись скнигъ мѣскихъ права майдеборскаго ратуша Чернѣговского.

Року тысяча шесть сотъ семъдесять шестого мѣсяца Сентября двадцатъ шестого дня.

Переднами Григоріемъ Івановичемъ Яхимовичомъ войтомъ Чернѣговскимъ, Павломъ Филиповичомъ Клевцевичомъ бурмистромъ и райцами вратушу Чернѣговскомъ, сего року засѣдаючи; ставшы очевисто Домна Гришковая московка, по зосталая вдова с притомностью Сенка Петровича стрелца приказу Алексѣя Федоровича подтопника, голови стрелецкого, з доброе волѣ своей признала ижъ она маючи селище с огородомъ, прозываемое гордѣевское, под мѣстомъ Чернѣговомъ у третяку межою з одной сторони Івана Москалца з другое стороны от селища пузиковскаго тиломъ до огородовъ воротами к улицы; свое власное никому ни в чомъ непѣнное и незаведенное, правомъ вечистымъ и никгди напотомъ неотзовнымъ за сорокоустъ, зошлое памяти мужа своего на монастиръ Пресвятой Богородицы Елецкой Чернѣговской, вечисте отдала, даючи моцъ и владзу ясне вбогу преосвященному его милости господину отцу Иоанникѣю Голятовскому Архимандриту Пресвятоѣ Богородицы Елецкой Чернѣговской, и братіи его того монастиря тымъ селищемъ и огородомъ Гордѣевскимъ владѣти в моцы своей примати, и от себе кому хотѣти дати, продати, даровати, и записати, и на свой пожитокъ ведлугъ воли и уподобаня своего обернути а на делшую моцъ того датку тое селище, и огородъ вреалную, испокойную вечистую поссесію подала, зреклась и вѣчными часи уступила, счо все для памети до книгъ мѣсныхъ естъ записано, съ которыхъ и сей выписъ подпечатю мѣскою ратушною Чернѣговскою естъ виданъ; писанъ вратушу Чернѣговскомъ.

щ) Выпись с книгъ мѣскихъ права майдеборского ратуша Чернѣговскаго.

Року божого тысяча шесть сотъ осимъдесятъ пятого мѣсяца Февраля семого дня.

На уряде Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества мѣскимъ Чернѣговскимъ перед нами Іоаномъ Григоріевичомъ на мѣсцѣ пана Івана Тарасовича на тотъ часъ бурмистромъ и райцами в ратушу Чернѣговскомъ заселими ставши очевисто панъ Костя Федоровичъ райца і мещанинъ Чернѣговскій явне ясне и доброволне до книгъ мѣскихъ Чернѣговскихъ признаалъ ижъ онъ маючи фолварокъ при селѣ Жовинце: поля, роли огороди з садовиною с околицами з гумномъ, межою с одное стороны Лаврена Руцаненка и з другое сторони в шляхъ тиломъ до дороги четвертою стороною отрѣчки ку дорозе винавши тилко часть третую всеножаты и скоплину с озимию на лѣто яко свое власное никому ни в чомъ непеное и незаведеное на вѣчность превелебному господину отцу Лаврентію Крищановичу ігумену святотроицкому Ілѣнскому и всей о Христѣ братіи того монастиря теперь и на потомные часи будучихъ за копъ сто совито рахуючи грошей личбы литовское и монеты доброй продалъ и гроши отобравши тутже пауряде квитовалъ даючи моцъ и владзу господину отцу Лаврентію Крищановичу и отцу Климентію намѣснику свято Троицкому Іллѣнскому и всей о Христѣ братіи того монастиря зостаючихъ тимъ фолваркомъ, полями, ролями, огородами, околицею, гумнищомъ, сеножатми дладѣти и ку лепшому пожитку до обителѣ святой привнашчати и от себе кому хотѣти дати продати, даровати и записати і на далъшую моцъ тое продажи сознаваючи, самъ Костя жона и потомки ихъ вѣчними часы боронить немаютъ и маты небудутъ подзакладомъ таковоежъ сумы и на далшое моцъ тое продажи тутже передъ урядомъ тое все до книгъ мѣскихъ ратушныхъ подалъ, зрекся и вѣчними часы уступилъ, що все для памяти до книгъ мѣскихъ ратушныхъ Чернѣговскихъ записано с которихъ и сей выписъ под печатю урядовою мѣскою ратушною Чернѣговекою есть виданъ; писанъ вратушу Чернѣговскомъ,

ъ) Выпись с книгъ мѣскихъ права майдеборскаго ратуша Чернѣговскаго.

Року божого тысяча шесть сотъ девять десятъ перваго мѣсяца іюня двадцать семого дня.

На уряде Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества мѣскимъ Чернѣговскимъ перед нами несифомъ Кевлевичомъ бурмистромъ на тотъ часъ намѣсникомъ войтовскимъ и райцами въ ратушу Чернѣговскомъ засѣдаючими ставши очевисто Татьяна Лукяновна Гусчиха месчанка Черниговская, сполне аедностайне з синами своими Петромъ и Давидомъ Игнатовичами Гусщенками явне, ясне и доброволне до книгъ мѣскихъ Черниговскихъ признали, нжъ они маючи кгрунтъ при селѣ Гусчинѣ з селисчемъ и огородами, садомъ, гаями здеревомъ бортнимъ и з дубьемъ и зсепожатми от отца Павла Домонтовича свесченика Свято-благовѣщенскаго Черниговского счо колъ векъ тилко на предка ихъ Игната Гусчу належало, свое власное никому ни вчомъ не нѣнное и не заведеное навѣчность в бозѣ превелебному его милости господину отцу Лаврентію Кресчановичу игумену Свято-Троицкому Илинскому и всей о Христѣ братіи того монастиря за сто и сорокъ золотихъ полскихъ продали и гроши отобравши тутже наурядe квитовали, даючи моцъ и владзу его милости господину отцу игумену и всей братіи того монастира теперь зостаючой и на потом будучой владѣти и пожитки мѣти и от себе кому хотѣти дати, продати, даровати и записати, которое продажи кгрунту речоною сознаваючіи сами и понихъ потомки ихъ вѣчними часи боронить немаютъ и мати небудутъ под закладомъ другое таковосжъ сумы золотыхъ сто и сорокъ золотихъ и падалшое тое продажи тотъ кгрунтъ в реалную и спокойную воистую посесію подали зреклися и вѣчними часи уступили, счо все для памяти до книгъ мѣскихъ ратушнихъ Чернѣговскихъ есть записано, с которихъ и

сей выписъ под печатью урядовою, мѣскою ратушною Чернѣговскою есть виданъ; писанъ вратушу Чернѣговскомъ.

ы) Выписъ скнигъ мѣскихъ права майдеборскаго ратуша Черниговскаго.

Року божого тысяча шесть сотъ осемъ десятъ четвертаго мѣсяца Апреля тринадцатаго дня.

«...., Всечестній господинъ отецъ Семенъ Григорьевичъ Кузченко священникъ смолинскій явне ясне и доброволне до книгъ мѣскихъ Черниговскихъ призналъ ижъ онъ маючи дворъ в самомъ мѣсте Чернѣговѣ межою з одное сторонѣ Овдѣя и Миколая месчанъ Черниговскихъ з другое стороны Миколая с Петрушина, тиломъ от паркапу к улицѣ воротами пред улицу напротивъ Сисоевъ, мѣрое удолжь и вширь вкругъ саженъ двадцать пять всей тоей земли здворомъ свой власній никому нивчомъ непеній и незаведеній навѣчномъ пану Якубови Федоровичу Злотникови Чернѣговскому ему самому жонѣ и потомкамъ его, за двѣстѣ золотихъ грошей личбы Литовское продалъ и гроши отобравши тутже наураде квитовалъ.....»

ь) Року АУКВ мѣсяца іюня дня 6.

Я Семенъ Онищенко житель Чернѣговскій вѣдомо чиню симъ моимъ писанемъ у каждаго суду и права кому бы того вѣдати потребно ижъ я мѣючи огородовъ два на Метьловцѣ и фолваркахъ Чернѣговскихъ найдуючихся до которихъ з едной стороны помѣжнихъ Василь Морозъ з другой Гарасимъ Пинчукъ, свой власній отцемъ моимъ през куплю набытій никому нивчомъ непеній и незаведеній навѣчность высоце вбогу превелебному его милости отцу Герману Кононовичу Архимандриту Свято-Троицкому Чернѣговскому зовсею о Христѣ братіею за одѣнадцать рублей продалъ.....»

ѣ) «Року ҂АУА мѣсяца Марта 10 дня.

Я Зѣнко Мартиновичъ обыватель Чернѣговскій ознаймую тимъ листомъ моимъ у каждого суду и права и каждому тому отомъ вѣдати належало будетъ ижъ маючи я хоту з огородомъ на лѣсковицѣ стоячую мой власній никому нивчомъ непеній и незаведеній взмежду Василеву стойчій теперь теды тую хату з огородами належитими до тоей хаты продалемъ на вѣчнось высоце в богу превелебному его милости господину отцу Лаврентію Крещановичу Архимандритѣ монастиря свято Троецкого Илѣнскаго Чернѣговскаго, ему самому и всей его братіи теперь зостоючой и напотомъ в томъ же монастирѣ будучимъ за суму личбы литовское талерей десять....»

э) «На воспоминаніе преставленныхъ родителей моихъ благороднаго Карпа Мокрѣевича Анны Кохановской и Іоаникія брата моего вхрамѣ Святой живоначалной тройцы тѣлесами лежащихъ хуторъ на лѣсковицѣ отродичовъ мнѣ сынови своему данный и мною долгое время владиный вѣчне до обители Святотроицкой Ілинской яко посессоръ власній отдаю ввѣчно и сеею моею картою властною рукою писаною стверждаю и дорукъ высоце вбогу превелебному его милости Отцу Варлаамови Василовичеви Архимандритѣ тоей же Святой обители спритиснепемъ печати ратуша Чернѣговского и подписомъ руки его милости пана Феодора Лопаты войта Чернѣговского вручаю вѣчне року ѦѴІ мѣсяца Февруарія дня Самуйло Мокрѣевичъ Феодоръ Романовичъ Лопато войтъ Чернѣговскій...»

ю) Выпись скнигъ мѣскихъ Чернѣговскихъ права Магдебурскою року тысяча семьсотъ одинадцотоого мѣсяца Апрѣля третего дня.

.....Федоръ Никифоровичъ Сувиденко, житель Чернѣговскій явне ясне и доброволне докнигъ мѣскихъ Чернѣговскихъ призналъ ижъ онъ мѣючи в фолваркахъ Чернѣговскихъ на урочищѣ прозиваемомъ

Лѣсковицѣ огородъ посмерти отца своего в части от брата опредѣленій помежъ з двохъ сторонъ от пана Іллѣ Строховича саду а с третое от города Івана Сувида подорогу до перевоза идучую лежачій, свой власній вичистій никому нѣвчомъ непенній а нѣ якимъ способомъ незаведеній, навѣчность высоце в богу превелебному Его милости Отцу Варлааму Василіевичу Архимандриту Свято Троецкому Іллѣнскому Чернѣговскому и всей братіи тоей Святой обителѣ засорокъ золотихъ монети срѣбной готовихъ грошей продалъ....»

я) «Рокубожого тисяча семь сотъ двадцать пятого мѣсяца Ноебрія 4.

Я Иванъ Капшукъ житель Чернѣговскій нанялъ лавки двѣ вгородѣ старомъ в Гавріила монаха обытели Свято Троицкой Чернѣговской маляра Куперштійха и Гриндера нагодовъ одинадцать за рублевъ тридцать пять сполтиною и заплатилъ троши всѣ ему Гавріилу напередъ такожъ и писмо от его Гавріила взялъ его власной руки и с подписаніемъ пана Федора Лопати на тотъ часъ войта Чернѣговского, чтобы мнѣ Ивану чрезъ тіе годи одинадцать волно вниxъ торговать или иному кому нанять, аякъ тіи годи одинадцать війдутъ по годъ тисача семь сотъ тридцать шестій за мои гроши наемній такъ буду изнова сизнова напематъ изнова чинить начумъ станется могоричъ впередъ ежели Богъ дасть дочекать а теперь для певной между нами правди и вѣдомостей впредъ даю сіе мое писмо сподписомъ моей руки святимъ крестомъ такожъ и па сей часъ будучихъ свидѣтели по обѣ сторони дѣялося року мѣсяца и число вышей писанною. К сему пѣсму по прошенію пана Ивана Капшука обытели троецкои монаху Гавріилу мы свидѣтели Иванъ Сидоровичъ Сиченко крестомъ святимъ руку подписую † такожъ и другій свидѣтель Андрей Лукяновичъ Коломіецъ

святимъ крестомъ подписуюсь руку к сему писму я Иванъ Капшукъ подписую руку святимъ крестомъ †.

† Крестъ пана Ивана Капшука.

Я іерамонахъ Иринархъ Бобушевичъ зознаю симъ писаніемъ моимъ же честній монахъ Гервасій а ему имя и прозваніе Бубликъ при смерти своей доровалъ на обитель святую троецку—иліинскую Чернѣговскую при инихъ своихъ крѣпостяхъ коморѣ двѣ в которихъ Иванъ Капшукъ гендлѣ свои отправляетъ до кресу своего ему назначенного.»

СВѢДѢНІЯ О НАЧАЛѢ УНІИ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ

ИЗЪ АКТОВЪ КІЕВСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО АРХИВА (1).

Свѣденія объ уніи, сохранившіяся въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго центральнаго архива, относятся ко второй половинѣ XVI вѣка. Въ это время исторія Православной Церкви въ Югозападной Россіи представляетъ два главныя направленія: съ одной стороны, усиліе Польскаго правительства ослабить Православіе и, распространяя католичество, вести народъ Русскій къ соединенію съ Римскимъ костеломъ; съ другой—стремленіе Русскаго народа сохранить свою народ-

(1) Предлагаемое нами изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ содержаніе перваго тома предпринятаго Кіевскою археографическою коммиссіею изданія историческихъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: *Архивъ Югозападной Россіи*. Въ составъ этого изданія войдутъ преимущественно историческіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива. Эти матеріалы, по ихъ содержанію, будутъ раздѣлены на слѣдующія части: 1) акты, относящіеся къ исторіи Православной Церкви въ Югозападной Россіи; 2) постановленія провинціальныхъ сеймовъ; 3) акты государственно-экономическіе; 4) акты объ устройствѣ городовъ и ихъ экономическомъ состояніи; 5) акты объ устройствѣ селеній, изображающіе сельскую администрацію, распредѣленіе поземельной собственности, организацію земледѣльческаго труда и отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ; 6) дѣла судебныя, куда относятся акты общинныхъ судовъ, помѣщичьихъ судовъ, городскихъ судовъ, рѣшавшихъ дѣла по праву Магдебургскому, и замѣчательные случаи судопроизводства, рѣшенные по Статуту Литовскому; 7) акты, изображающіе политическія событія въ Польшѣ и Югозападной Россіи, въ особенности войны козацкія; 8) матеріалы для исторіи знатнѣйшихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, имѣвшихъ вліяніе на историческую судьбу государства. Каждая изъ вышеозначенныхъ частей будетъ состоять изъ одного или нѣсколькихъ томовъ, смотря по количеству матеріаловъ.

ную вѣру, противодѣйствуя католической пропагандѣ. Эти два направленія выразились въ распоряженіяхъ Польскаго правительства, въ дѣйствіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, желавшихъ соединиться съ Римскимъ костеломъ, въ угнетеніяхъ православнаго народа Русскаго и въ окончательномъ принятіи и провозглашеніи уніи. Изъ актовъ, относящихся къ исторіи Православной Церкви въ Югозападной Россіи, можно видѣть цѣль уніи, средства, которыя употребляемы были для достиженія этой цѣли, наконецъ, вліяніе этого религіознаго переворота на государственный и гражданскій бытъ Польши и Югозападной Россіи.

Цѣль уніи была чисто политическая. Польское правительство полагало, во-первыхъ, что для внутренняго спокойствія въ государствѣ необходимо единство вѣроисповѣданія, особенно тамъ, гдѣ монархическая власть, по своему безсилію и ограниченности, не могла удерживать подданныхъ въ предѣлахъ закона и предупреждать борьбу религіозныхъ партій. Король Сигизмундъ III, приглашая своихъ подданныхъ къ принятію уніи, говоритъ: «наше величайшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы мы могли пребывать съ своими подданными въ единой Вселенской Церкви, подъ однимъ истиннымъ пастыремъ, чтобы славить Бога едиными усты и единымъ сердцемъ, чтобы, пребывая въ такомъ соединеніи, по долгу христіанства, водворять въ народахъ одной и нераздѣльной Рѣчи-Посполитой согласіе, единство и любовь— эти верховныя и общія блага, и чтобы тѣмъ сохранить и укрѣпить цѣлость государственнаго союза» (1).

Внутреннее спокойствіе, единство и согласіе подданныхъ, основанныя на единовѣріи, должны были имѣть слѣдствіемъ увеличеніе политической силы государства. Эта мысль выражается слѣдующими словами Сигизмунда III, который, обращаясь къ своимъ православнымъ подданнымъ, говоритъ: «Ясно для всѣхъ, что отъ единства и согласія даже малыя вещи возрастаютъ и дѣлаются великими, а отъ несогласія и величайшія вещи гибнутъ и упадаютъ. Эту истину под-

(1) Манифестъ 1595 Сентября 24 (книга земская Владимірская съ 1595 по 1596 годъ, листъ 104 на оборотѣ).

тверждаютъ примѣры, представляемые исторіею. Въ древнія времена, когда Церковь Восточная пребывала въ соединеніи съ Западною, государства достигали великой славы и непреодолимаго могущества. Поэтому, великіе императоры, короли и могущественные монархи всегда, съ великою ревностію, старались приводить въ соединеніе эти Церкви, неоднократно одна отъ другой отдѣлявшіяся. Слѣдуя этимъ примѣрамъ, и мы всею душою желаемъ быть въ единовѣріи съ нашими подданными, которыхъ всемогущій Богъ поручилъ намъ во власть и управленіе» (1). Увеличеніе политической силы Польскаго королевства особенно было необходимо для того, чтобы противодѣйствовать возраставшему могуществу Турецкой имперіи, угрожавшей не только Польшѣ, но и всей христіанской Европѣ. Въ этомъ отношеніи, унія, какъ средство къ укрѣпленію Польскаго королевства, имѣла важность для папскаго двора и для всѣхъ христіанскихъ государствъ Европы, считавшихъ Польшу оплотомъ противъ возраставшаго магометанизма. Польское правительство смотрѣло на раздѣленіе церквей, какъ на главную причину Турецкаго могущества и всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ христіанскими народами отъ магометанъ; это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ въ манифестѣ Сигизмунда III: «по отторженіи Церкви Греческой отъ Римскаго костела, весь гнѣвъ Божій излился на людей, христіанство терпитъ безчисленныя бѣдствія, государства подвергаются неоплаканной гибели, великія и славныя королевства впадаютъ въ нищету, знаменитые люди богатыхъ и славныхъ странъ терпятъ неволю во власти невѣрныхъ. Особенно въ настоящее время, жестокости и притѣсненія болѣе и болѣе возрастаютъ отъ несогласія между христіанами и отъ могущества непріятеля, который всѣми силами старается попрать хвалу Божію» (2). Сверхъ того, Польское правительство считало необходимымъ соединеніе Церквей для того, чтобы окончательно разорвать

(1) Манифестъ Сигизмунда III, 1596 Мая 29 (кн. гродская Луцкая съ 1593 по 1597, листъ 129 на оборотѣ).

(2) Тотъ же королевскій манифестъ.

моральную связь, соединявшую Югозападную Русь съ Московскимъ государствомъ (1).

Православные епископы, согласившіеся на унію, имѣли въ виду свою особую цѣль. Они надѣялись, что, подъ властію одного верховнаго пастыря, церковная іерархія будетъ находиться въ лучшемъ устройствѣ, что Церковь и духовенство, претерпѣвавшее жестокія преслѣдованія, будутъ пользоваться покровительствомъ и защитою высшаго Римско-католическаго духовенства. Эту цѣль ясно выражаютъ епископы Ипатій Потѣй и Кириллъ Терлецкій въ письмѣ своемъ, писанномъ изъ Рима къ епископу Львовскому Гедеону Болобану: «лучше,—говорятъ они,—находиться подъ однимъ наивысшимъ пастыремъ, нежели подъ пятью или шестью, пребывать въ мирѣ и любви съ духовными Римскими, отъ которыхъ милость и оборона святымъ церквамъ и лучшій порядокъ, дастъ Богъ, будетъ» (2).

Мы увидимъ, что всѣ эти планы имѣли слѣдствія, совершенно противныя намѣреніямъ папскаго двора и Польскаго правительства.

Двѣ главныя причины содѣйствовали къ распространенію уніи въ Югозападной Россіи: разстройство православной іерархіи и недостатокъ основательнаго народнаго образованія.

Въ эпоху, предшествовавшую уніи, короли Польскіе имѣли неограниченное право раздавать епископіи и монастыри, по своему произволу; въ этомъ отношеніи, они назывались «верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ.» Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были, большею частію, лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатыя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями Русскими, великими князьями Литовскими

(1) См. Rychcyckiego, Piotr Skarga i iego wiek. Kraków, 1850. T. I, p. 282, T. II, p. 17.

(2) См. письмо епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изъ Рима къ Львовскому епископу Гедеону Болобану, 1595 Декабря 29 (кн. грод. Владимірская 1596 года, листъ 106).

и другими лицами, для благоустройства церквей, для учрежденія школъ и богодѣленъ. Благочестивые фундаторы не предвидѣли, что ихъ благія намѣренія будутъ имѣть слѣдствіемъ великое зло для Православной Церкви. Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свою власть церковныя имѣнія, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги и получали право вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ они назывались нареченными епископами (1). Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія (2). Шляхтичь, получившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе (3). Иногда право на епископію король

---

(1) Представимъ нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ. Въ 1563 г. шляхтичь Иванъ Яцковичь Борзобогатый - Красенскій былъ нареченнымъ владыкою Владимірскимъ и Брестскимъ (кн. гр. Луц. 1563, листъ 30 на об.). Въ 1569 году Андрей Ивановичь Русинъ - Берестейскій, бывшій въ 1566 году подстаростою Луцкимъ, именовался нареченнымъ владыкою Пинскимъ и Туровскимъ. Въ 1569 году онъ хлопоталъ на Люблинскомъ сеймѣ о полученіи епископіи Луцкой, на что издержалъ 400 копъ грошей. Но старанія его не имѣли успѣха, и онъ умеръ въ 1579 г. въ санѣ нареченнаго епископа. Съ 1561 по 1567 годъ упоминается въ актахъ Марко Жоравницкій, нареченный владыка Луцкій и Острожскій; во все это время онъ управлялъ епархіею Луцкою, оставаясь въ свѣтскомъ званіи.

(2) Въ 1571 году Михаилъ Игнатовичъ Дчуса, земянинъ королевскій Кременецкаго повѣта, получилъ жалованную королевскую грамоту на игуменство Дерманскаго монастыря и управлялъ этимъ монастыремъ, не посвятившись въ духовный санъ. Его изгналъ изъ монастыря князь Константинъ Острожскій въ 1575 году. Черничицкимъ монастыремъ Св. Спаса долгое время управлялъ, на основаніи жалованной королевской грамоты, вельможный панъ Дорогостайскій, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ монастырь былъ отобранъ у Дорогостайскаго тѣмъ же княземъ Константиномъ Острожскимъ, въ 1574 году (кн. гр. Луцкая 1574, лис. 219 на об.).

(3) Это видно изъ записи, данной Станиславомъ Жолковскимъ, сурогаторомъ Белзскимъ, то есть, намѣстникомъ старосты Белзскаго, епископу Владимірскому Мелетію Хребтовичу, въ 1580 году Апрѣля 24. Въ этой записи Жолковскій объявляетъ, что, получивъ отъ короля Стефана жалованныя грамоты и листы на епископію Владимірскую и Брестскую, онъ уступилъ свое право отцу Мелетію Хребтовичу, который за эту уступку ему, Жолковскому, *досыть учинилъ* (кн. грод. Влад. 1580, лис. 167 на об.).

предоставлялъ двумъ лицамъ, въ одно и то же время. Въ такомъ случаѣ, споръ между епископами не ограничивался письменными жалобами и просьбами, но иногда обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и насильно овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе (¹). Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась въ то время большая часть Польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуправство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законы и пренебрегая королевскими повелѣніями. Такіе епископы не могутъ служить укоромъ для Православной Церкви, потому что не она воспитывала ихъ, и не она возводила ихъ въ высокій санъ іерарховъ.

Какъ только умиралъ епископъ, тотчасъ королевскіе сановники брали въ свое завѣдываніе церковное имущество, грабили церковную казну, забирали или уничтожали жалованныя грамоты и фундушовые листы, даже выскабливали фундушовыя записи, которыя, по тогдашнему обычаю, вписывались въ напрестольныя евангелія. Новый епископъ всегда находилъ свою епископію ограбленною и въ разстроенномъ состояніи. Короли Польскіе, по жалобамъ православнаго духовенства, старались прекратить разграбленіе церковныхъ имѣній, и для этого издавали повелѣнія, чтобы церковное имущество, по смерти епископовъ и другихъ духовныхъ властей, поступало въ распоряженіе соборнаго духовенства; но власть короля была безсильна, и его повелѣнія рѣдко были исполняемы.

Впрочемъ, между высшимъ Западнорусскимъ дворянствомъ, мы находимъ людей, которые, не смотря на всѣ усилія католической пропаганды, остались вѣрными Православію,

---

(3) Смотри ниже споръ между нареченнымъ епископомъ Иваномъ Борзобогатымъ-Красенскимъ и епископомъ Владимірскимъ Ѳеодосіемъ Лазовскимъ.

строили церкви и монастыри, учреждали при нихъ школы и богадельни, и надѣляли ихъ богатыми имѣніями. Князь Ѳедоръ Андреевичь Сангушко, староста Владимірскій, построилъ, въ своемъ имѣніи Мильцахъ, монастырь съ церковью, во имя Св. Николая. На содержаніе монастыря онъ назначилъ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и мельницъ, также пять селеній, съ крестьянами и со всѣми ихъ повинностями, записавъ свою дарственную запись въ напрестольное евангеліе ([1]). Его наслѣдники: князь Александръ Пронскій, кастелянъ Троцкій, его жена Ѳедора Романовна, урожденная княжна Сангушковна, князь Янутъ Заславскій, воевода Подляскій, и жена его Александра Романовна, урожденная княжна Сангушковна, раздѣляя наслѣдственное имѣніе, подтвердили фундушовую запись своего предка, объявивъ имѣнія монастыря Мелецкаго нераздѣльными и неприкосновенными, удержавъ за собою только право избирать архимандрита или игумена и обязавшись защищать монастырь отъ всякихъ обидъ ([2]). Василій Загоровскій, кастелянъ Брацлавскій, завѣщалъ устроить во Владимірѣ, при своей фамильной Ильинской церкви, богадельню, а въ селѣ Суходолахъ церковь, съ богадельнею для нищихъ и недужныхъ, назначивъ изъ своихъ имѣній доходы на содержаніе духовенства; при Ильинской церкви устроилъ школу, въ которой дьякъ обязанъ былъ обучать дѣтей и заниматься перепискою церковныхъ книгъ ([3]). Князь Богушъ Ѳедоровичь Корецкій, воевода земли Волынской, устроилъ въ своихъ имѣніяхъ три монастыря: Корецкій, Маренинскій и Городискій, для прославленія имени Божія и для поминовенія прародителей ([4]). Монастырь Пересопницкій, со всѣми его имѣніями, пожалованъ былъ королемъ Александромъ фамиліи князей Чорторый-

---

(1) См. фундушовую запись князя Ѳедора Андреевича Сангушка Мелецкому монастырю, 1542 Мая 23 (современн. копія въ Заславскомъ архивѣ князя Романа Сангушка).

(2) Инвентарь монастыря Мелецкаго 1593 Апрѣля 3, въ томъ же архивѣ.

(3) Духовное завѣщаніе Василія Загоровскаго, кастеляна Брацлавскаго, 1577 Іюля 2 (кн. гродская Владимірская 1579 года, листъ 287 на об.).

(4) Завѣщаніе князя Богуша Ѳедоровича Корецкаго, 1579 Іюня 21 (кн. грод. Луцкая 1576, листъ 367).

скихъ ([1]). Впослѣдствіи времени, князь Юрій Чорторыйскій отдалъ церковное имѣніе Пересопницу въ залогъ, и поэтому доходы, назначенные на содержаніе монастыря, прекратились; не стало ни игумена, ни братіи, для отправленія богослуженія. Сестра Юрія Чорторыйскаго, Елена Горностаева, выкупивъ Пересопницкое имѣніе, возстановила монастырь, назначивъ на его содержаніе село Пересопницу со всѣми доходами. Она дала монастырю уставъ, по законоположенію Василія Великаго и по правиламъ святыхъ богоносныхъ отцовъ Церкви, устроила при монастырѣ богадельню для убогихъ и недужныхъ, и школу для обученія дѣтей. Князь Юрій Чорторыйскій далъ обѣтъ, за себя и за потомковъ своихъ, быть покровителемъ и защитникомъ возобновленнаго Пересопницкаго монастыря ([2]).

Важнѣйшія епископіи въ Югозападной Россіи, по обширности и по богатству церковныхъ имѣній, были епископіи Владимірская и Луцкая. Епископіи Владимірской принадлежали: великая каменная церковь Успенія Пресвятой Богородицы, въ городѣ Владимірѣ, съ укрѣпленнымъ епископскимъ замкомъ и съ нѣсколькими дворами, мѣстечко Квасовъ, шестнадцать селеній въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ, и волость Купечовская, заключавшая въ себѣ мѣстечко Озераны, одиннадцать селеній и рыбныхъ ловель. Сверхъ того, епископіи принадлежалъ островъ Волославъ на рѣкѣ Лугѣ, на которомъ находился монастырь Св. Онуфрія ([3]). Еще важнѣе, по своему богатству и значенію, была епископія Луцкая и Острожская. Ей принадлежала соборная церковь Св. Іоанна Богослова въ замкѣ Луцкомъ, построенная великимъ княземъ Любартомъ; въ этой церкви находи-

---

(1) Жалованная грамота Сигизмунда I старостѣ Луцкому, князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому, на Пересопницкій монастырь, 1526 Февраля 18 (оригиналъ въ архивѣ князей Чорторыйскихъ, въ г. Клевани).

(2) Запись князя Юрія Чорторыйскаго Еленѣ Горностаевой на имѣніе Пересопницу, 1595 Декабря 5 (кн. гродская Луцкая съ 1595 по 1597 годъ, листъ 201). Фундушовый листъ Елены Горностаевой Пересопницкому монастырю, 1596 Мая 10 (кн. грод. Луцкая съ 1595 по 1597 годъ, листъ 185).

(3) См. опись церквей и имѣній епископіи Владимірской, составленная при передачѣ этой епископіи Ипатію Потѣю, 1593 Апрѣля 11 (кн. грод. Владимірская 1593 года, листъ 230 на оборотѣ).

лась гробница Любарта и гробы другихъ князей Русскихъ и Литовскихъ. Епископіи Луцкой принадлежали также соборная церковь въ Острогѣ и церковь Св. Владиміра въ городѣ Владимірѣ. Древніе князья Русскіе, великіе князья Литовскіе и другія лица надѣлили эту епископію богатыми имѣніями: ей принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ. Изъ нихъ мѣстечко Хорлупъ, пожалованное великимъ княземъ Свидригайломъ, и мѣстечко Жабче были защищены укрѣпленными замками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ (1).

Въ эпоху, предшествовавшую уніи, обѣ епископіи находились во власти недостойныхъ пастырей. Въ 1565 году, по смерти епископа Іосифа, явилось два соперника, желавшіе завладѣть епископіею Владимірскою и Брестскою: шляхтичь Иванъ Борзобогатый-Красенскій и епископъ Хелмскій Ѳеодосій Лазовскій. Первый изъ нихъ, получивъ королевскую грамоту на епископство и принявъ санъ нареченнаго владыки Владимірскаго и Брестскаго, завладѣлъ епископскимъ замкомъ, поручивъ его въ оборону сыну своему Василію Красенскому, секретарю королевскому. Но король Сигизмундъ Августъ, въ то же самое время, далъ свою жалованную грамоту на епископство Владимірское Ѳеодосію Лазовскому, епископу Хелмскому и Белзскому. Епископъ Ѳеодосій, отправляясь въ свою новую епархію и предвидя упорное сопротивленіе со стороны соперника своего, Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, собралъ значительное конное и пѣшее войско съ пушками и другимъ оружіемъ, намѣреваясь вооруженною рукою отнять у своего соперника столицу Владимірской епископіи. Въ 1565 году Сентября 12, владыка Хелмскій, въѣхавъ въ городъ Владиміръ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ сотъ конныхъ и трехъ сотъ пѣшихъ вооруженныхъ людей, требовалъ, чтобы Василій Красенскій

(1) Донесеніе коморника королевскаго о вводѣ епископа Кирилла Терлецкаго въ епископію Луцкую и Острожскую, 1583 Ноября 23 (кн. грод. Луц. 1591 года, листъ 314). Такое же донесеніе 1586 Марта 11 (кн. грод. Владимірская 1586 года, листъ 104).

добровольно уступилъ ему столицу епископіи Владимірской. Получивъ отказъ, Θеодосій рѣшился взять епископскій замокъ штурмомъ. Увеличивъ свой отрядъ до двухъ съ половиною тысячь вооруженныхъ людей и расположивъ пушки на городскихъ зданіяхъ, онъ открылъ пальбу по епископскому замку и соборной церкви, шесть разъ посылалъ свое войско на штурмъ и наконецъ, не видя успѣха, велѣлъ подложить огонь подъ стѣны епископскаго замка, чтобъ выгнать оттуда своего противника; при этомъ убито было немало людей, многія зданія и самая соборная церковь были повреждены выстрѣлами. Василій Красенскій цѣлый день выдерживалъ осаду, но принужденъ былъ бѣжать изъ замка, оставивъ свое и церковное имущество во власти побѣдителя (1). Король, по жалобѣ Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, потребовалъ епископа Θеодосія на судъ и для этого послалъ къ нему своего дворянина Ивана Богуфала. Посланецъ королевскій, взявъ съ собою нѣсколько слугъ Ивана Красенскаго, явился къ епископу Θеодосію въ соборную церковь Владимірскую и предъявилъ ему мандатъ королевскій. Θеодосій объявилъ, что на судъ короля не поѣдетъ, бросился съ посохомъ на слугъ Ивана Красенскаго, велѣлъ своимъ людямъ бить ихъ и топтать ногами въ соборной церкви, наконецъ выгналъ ихъ изъ замка, сказавъ: «если бы здѣсь былъ самъ Борзобогатый, то я велѣлъ бы изрубить его въ куски и бросить псамъ.» А посланцу королевкому сказалъ: «берегись, чтобъ и тебѣ чего-нибудь дивнаго не приключилось» (2).

Вступивъ въ управленіе епархіею, епископъ Θеодосій служилъ позоромъ для православнаго духовенства и соблазномъ для своей паствы. Съ толпою вооруженныхъ слугъ, онъ лично дѣлалъ наѣзды на имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, производя разбои и грабежи на большой дорогѣ (1).

---

(1) Донесеніе вижа урядоваго о томъ, какъ епископъ Θеодосій взялъ штурмомъ епископскій замокъ и соборную церковь въ г. Владимірѣ (кн. грод. Луцкая 1565 года, листъ 299).

(2) Смотри объ этомъ донесеніе дворянина королевскаго 1565 Октября 14 (кн. гродская Луцкая 1565, лис. 331 на об.).

(3) Въ 1569 году Апрѣля 26, Петръ Лысаковскій и Θедоръ и Семенъ Ста-

Доживъ до старости, онъ совершенно предался во власть зятя своего, Михаила Дубницкаго, войта Владимірскаго. Дубницкій расточалъ церковную казну, разорялъ церковныя имѣнія, расхищалъ жалованныя грамоты и выскабливалъ фундушовыя записи изъ напрестольнаго евангелія. Соборное духовенство рѣшилось объявить объ этомъ въ урядѣ, желая начать дѣло судебнымъ порядкомъ; но Ѳеодосій запретилъ имъ вести искъ о церковныхъ имѣніяхъ, при чемъ нѣкоторыхъ священниковъ избилъ своимъ посохомъ (1). Дѣла, подлежавшія суду духовному, онъ рѣшалъ пристрастно, нарушая гражданскіе законы и каноническія правила (2).

Доживъ до глубокой старости, епископъ Ѳеодосій просилъ короля Стефана Баторія, чтобы ему дозволено было передать управленіе Владимірскою епархіею архимандриту Кіевопечерскаго монастыря Мелетію Хребтовичу-Богуринскому. Король листомъ своимъ 1579 Декабря 23, признавая Мелетія Хребтовича человѣкомъ добродѣтельнымъ, ревностнымъ, благочестивымъ и искуснымъ въ дѣлахъ духовныхъ, повелѣлъ передать ему управленіе епископіею Владимірскою, оставивъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, и архимандритомъ Кіевопечерскаго монастыря (3). Но корыстолюбивый старикъ,

---

вецкіе жаловались, что епископъ Ѳеодосій, съ толпою слугъ своихъ, напалъ на нихъ, на большой дорогѣ, *разбойнымъ, рейтарскимъ* обычаемъ, ограбилъ ихъ и собственною рукою ранилъ Лысаковскаго (жалоба Петра Лысаковскаго и Ѳедора Ставецкаго на епископа Владимірскаго Ѳеодосія о разбоѣ и грабежѣ, 1569 Апр. 26; книга грод. Владимірская 1569, листъ 75). Въ 1573 году Іюня 10, Гулевичи жаловались, что епископъ Ѳеодосій лично сдѣлалъ наѣздъ на ихъ имѣніе съ толпою вооруженныхъ людей (кн. грод. Луц. 1573, лис 323 на обор.).

(1) Жалоба соборнаго духовенства Владимірскаго о расхищеніи церковныхъ имѣній, 1589 Апрѣля 30 (кн. грод. Владимірская 1589 года, листъ 208).

(2) Образецъ такого суда представляетъ дѣло о недѣйствительности втораго брака, заключеннаго при живой женѣ, 1583 Ноября 9 (книга грод. Владимірская 1583 года, листъ 339 на об.).

(3) Мелетій Хребтовичъ происходилъ отъ древней благородной фамиліи, которой родиною было имѣніе Богуринъ. При Сигизмундѣ Августѣ, онъ строилъ замки, водворялъ города и служилъ королю на войнѣ съ немалымъ отрядомъ. Онъ былъ избранъ въ санъ архимандрита Кіевопечерскаго монастыря монашествующею братіею и утвержденъ въ этомъ санѣ королемъ Генрихомъ. Стефанъ Баторій, по просьбѣ монаховъ Кіевопечерскаго монастыря и по ходатайству сенаторовъ и пословъ Кіевской земли на Торунскомъ сеймѣ, далъ

отказавшись отъ управленія епархіею, не хотѣлъ разстаться съ церковными имѣніями. Мелетій Хребтовичь, принимая отъ него епископію Владимірскую, долженъ былъ дать запись, что всѣ церковныя имѣнія этой епископіи онъ отдалъ епископу Ѳеодосію въ пожизненную аренду и что за всѣ годы получилъ отъ него сполна арендную плату (¹). На основаніи этой записи, Ѳеодосій до самой смерти пользовался доходами съ церковныхъ имѣній. Въ мятежной жизни этого епископа мы нашли одно только доброе дѣло. Не задолго до своей смерти, Ѳеодосій, съ согласія соборнаго духовенства и по совѣту князя Константина Острожскаго, выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній мѣстечко Озераны и одиннадцать селеній, назначивъ доходы съ этихъ имѣній на благоустройство соборной церкви Владимірской, на учрежденіе при ней богадельни и школы для обученія дѣтей. Часть доходовъ назначена была на содержаніе двухъ проповѣдниковъ, для поученія народа и проповѣданія слова Божія; для преподаванія наукъ въ школѣ положено имѣть двухъ бакаляровъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ учить Греческому, а другой Славянскому языкамъ (²). Епископъ Ѳеодосій умеръ въ 1588 году, и епархія Владимірская перешла въ полную власть и управленіе Мелетія Хребтовича-Богуринскаго.

Шляхтичь Иванъ Борзобогатый-Красенскій, лишенный епископомъ Ѳеодосіемъ епархіи Владимірской и Брестской, получилъ отъ короля епископію Луцкую и Острожскую, по смерти Марка Жоравницкаго, который съ 1561 по 1567 годъ управлялъ епархіею Луцкою, не посвящаясь въ духовный санъ. Принявъ названіе нареченнаго епископа Луцкаго

Мелетію подтвердительную грамоту 1576 Ноября 10. (См. жалованную грамоту короля Стефана Мелетію Хребтовичу-Богуринскому, въ кн. грод. Луцкой 1576 года, листъ 503 на об. Жалованная грамота короля Стефана Мелетію Хребтовичу на епископію Владимірскую и Брестскую 1579 Декабря 23 (кн. гр. Владимір. 1580, листъ 160).

(1) Запись Мелетія Хребтовича объ отдачѣ имѣній епископіи Владимірской епископу Ѳеодосію, 1580 Апрѣля 25 (кн. грод. Владимірская 1580 года, листъ 167).

(2) Листъ епископа Владимірскаго Ѳеодосія и всего соборнаго духовенства Владимірскаго, 1588 Іюля 23 (кн. грод. Владимірская 1588 года, листъ 489).

и Острожскаго, Иванъ Красенскій, подражая своему предшественнику, долго отказывался отъ посвященія, не смотря на неоднократное напоминаніе митрополита Кіевскаго Іоны. Въ 1570 году, митрополитъ послалъ Красенскому неблагословенную грамоту, упрекая его въ непослушаніи Церкви и высшей духовной власти, также въ незаконномъ пользованіи церковными имѣніями; вмѣстѣ съ тѣмъ, митрополитъ своимъ окружнымъ посланіемъ объявилъ объ этомъ всѣмъ обывателямъ земли Волынской и духовенству Луцкой и Острожской епархіи (1). Наконецъ, вслѣдствіе такихъ понудительныхъ мѣръ, Иванъ Борзобогатый-Красенскій въ 1571 году отправился къ митрополиту и былъ посвященъ въ санъ епископа, подъ именемъ Іоны.

Вступивъ въ управленіе епархіею Луцкою и Острожскою, епископъ Іона Красенскій, съ своими дѣтьми и родственниками, распоряжался церковными имѣніями, какъ своею собственностію. Церковное имѣніе Жабче съ укрѣпленнымъ замкомъ епископъ отдалъ въ приданое за своею дочерью зятю своему Александру Жоравницкому, старостѣ Луцкому. Сыновья его присвоили себѣ пушки и другое принадлежавшее этому замку оружіе; они ограбили и опустошили церковь въ селѣ Рожищахъ; въ монастырѣ Дубищскомъ ограбили церковь, разогнали монаховъ, разломали ихъ келіи и дерево употребили на залу, а изъ желѣзнаго монастырскаго клепала велѣли наковать топоровъ. Замокъ Хорлупъ, пожалованный епископіи Луцкой великимъ княземъ Свидригайломъ, былъ также ограбленъ. Сынъ Іоны Красенскаго, Василій, секретарь королевскій, присвоилъ себѣ принадлежавшія этому замку пушки, гаковницы и другое оружіе, и развезъ по своимъ имѣніямъ. Самое мѣстечко Хорлупъ съ селеніями, къ нему принадлежавшими, епископъ Іона промѣнялъ князьямъ Радзивиламъ на имѣніе Фалимичи, получивъ отъ нихъ полторы тысячи злотыхъ придачи въ свою пользу, между тѣмъ какъ Фалимичи не стоили и въ половину Хорлупскаго имѣнія (2). Не довольствуясь богатыми

(1) См. объявленіе объ этомъ посланца митрополита Кіевскаго Іоны, 1570 Октября 21 (кн. грод. Луцкая 1570, листъ 553).

(2) См. донесеніе коморника королевскаго 1585 Декабря 16 (кн. грод. Владимірская 1589, листъ 306 на оборотѣ).

доходами съ церковныхъ имѣній, епископъ Іона произвольно налагалъ подати на священниковъ Луцкихъ, и если священники не могли удовлетворить его требованіямъ, то запрещалъ имъ богослуженіе, запечатывая церкви. Такъ въ 1583 году, по приказанію епископа, запечатано было семь церквей въ городѣ Луцкѣ (1).

Получивъ въ свою власть богатый Жидичинскій монастырь, Іона Красенскій расточалъ монастырскую казну, разорялъ имѣнія и отчуждалъ ихъ мѣною и другими способами. Король Стефанъ Баторій приказалъ князю Константину Острожскому отобрать Жидичинскій монастырь отъ Іоны Красенскаго и отдать въ управленіе Ѳеофану Греку, епископу Меглинскому (2); но Іона съ сыномъ своимъ Василіемъ не давали покою епископу Ѳеофану, наносили ему обиды и оскорбленія и наконецъ, съ отрядомъ вооруженныхъ людей, завладѣли монастыремъ и снова поселились въ немъ. Князь Александръ Пронскій, по приказанію короля, послалъ отрядъ вооруженныхъ людей, чтобъ изгнать изъ монастыря Іону Красенскаго со всѣмъ его семействомъ; но епископъ съ своими слугами отразилъ нападеніе, встрѣтивъ отрядъ Пронскаго ружейными выстрѣлами. Тогда князь Пронскій, увеличивъ отрядъ до трехъ сотъ конныхъ и пѣшихъ людей, съ пушками и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, напалъ на епископа Іону, изгналъ его изъ монастыря, велѣлъ выкопать кости его невѣстки и сына и выбросить за монастырскія стѣны. Чтобъ предотвратить новое покушеніе со стороны Красенскихъ, Пронскій окопалъ монастырь рвомъ, укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ отрядъ вооруженныхъ людей для обороны (3). Король Стефанъ Баторій

---

(1) См. донесеніе вознаго объ осмотрѣ церквей Луцкихъ, запечатанныхъ по приказанію епископа Луцкаго Іоны Красенскаго, 1583 Апрѣля 25 (кн. грод. Луцкая 1583 года, листъ 499).

(2) Жалованная грамота короля Стефана епископу Меглинскому Ѳеофану Греку на Жидичинскій монастырь, 1580 Мая 28 (кн. грод. Луцкая 1580 года, листъ 215 на об.).

(3) См. жалобу епископа Луцкаго Іоны Красенскаго на князя Александра Пронскаго, 1583 Августа 31 (книга грод. Луцкая 1583 года, лис. 269). Жалоба того же епископа на князя Пронскаго 1584 Іюня 6 (кн. грод. Владимірская 1584 года, листъ 304).

объявилъ Іону Красенскаго, сына его и внука баннитами, за окровавленіе Жидичинскаго монастыря, за насильственное изгнаніе епископа Θеофана Грека и за раны, нанесенныя его слугамъ и пріятелямъ (1). Наконецъ, въ 1585 году, этотъ буйный шляхтичь, дерзнувшій надѣть на себя одежду православнаго святителя, умеръ баннитомъ, то есть, человѣкомъ, осужденнымъ на изгнаніе изъ отечества и лишеннымъ защиты законовъ.

Епископы, подобные Θеодосію Лазовскому и Іонѣ Борзобогатому-Красенскому, не могли пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ своей паствы, не могли быть опорою для Православія въ смутное время и не могли противодѣйствовать распространенію католичества.

По смерти Іоны Красенскаго, королевскою грамотою 1585 Мая 9, переведенъ былъ на епископію Луцкую и Острожскую Кириллъ Терлецкій, епископъ Пинскій и Туровскій. Этимъ епископомъ начинается рядъ іерарховъ, измѣнившихъ своей вѣрѣ, подчинившихъ себя папской власти и раздѣлившихъ православный Западнорусскій народъ на двѣ враждебныя партіи. По приказанію короля Стефана Баторія, прибылъ въ Луцкъ коморникъ королевскій Николай Рокицкій и ввелъ Кирилла Терлецкаго во владѣніе епископіею Луцкою и Острожскою, предоставивъ въ его власть церкви и монастыри, со всѣмъ епархіальнымъ духовенствомъ, съ церковными людьми и имѣніями (2).

Кириллъ Семеновичь Терлецкій, епископъ Луцкій и Острожскій, происходилъ изъ знатной Западнорусской дворянской фамиліи, которой принадлежали родовыя имѣнія: Тарло, Любоховъ, Свиная и Росохи въ Премышльскомъ повѣтѣ. Вступивъ въ управленіе епископіею Луцкою, Терлецкій жилъ по обычаю тогдашнихъ магнатовъ: имѣлъ собственныя пушки и другое оружіе въ замкѣ Луцкомъ, держалъ при себѣ отрядъ гайдуковъ и многочисленную толпу слугъ,

---

(1) Листъ короля Стефана 1585 Февраля 13 (книга гродская Владимірская 1585 года, листъ 81).

(2) Донесеніе коморника королевскаго о вводѣ епископа Луцкаго и Острожскаго Кирилла Терлецкаго въ епископію Луцкую, 1585 Ноября 25 (книга грод. Луцкая 1591 года, листъ 314).

между которыми находился молодой князь Флоріанъ Гедройть, потомокъ знаменитаго нѣкогда Литовскаго рода. Военный отрядъ епископа всегда было наготовѣ, для отраженія непріятелей въ тогдашнее смутное время, за что, какъ онъ говоритъ, обыватели воеводства Волынскаго были ему благодарны (1).

Кириллъ Терлецкій нашелъ свою новую епископію въ самомъ жалкомъ состояніи. Мы видѣли, какъ предшественникъ его, Іона Красенскій, съ своими сыновьями и родственниками, распоряжался церковнымъ имѣніемъ. По смерти этого епископа, невѣстка его съ своими сыновьями, завладѣвъ ризницею соборной церкви Луцкой, присвоила себѣ церковное сребро и епископскія облаченія, забрала жалованныя грамоты и фундушовыя записи князей Русскихъ, великихъ князей Литовскихъ и королей Польскихъ, присвоила себѣ крестъ золотой, великій, стоившій тысячу золотыхъ, вынула изъ образа Божіей Матери большой драгоцѣнный камень, стоившій шесть сотъ талеровъ, и отослала въ Данцигъ на продажу; она похитила также самыя драгоцѣнныя церковныя книги, между которыми особенно упоминается какое-то большое евангеліе, называемое Екатерининскимъ (2). Королевскій коморникъ, совершивъ вводъ Кирилла Терлецкаго въ епископію Луцкую, засвидѣтельствовалъ въ урядѣ, что онъ нашелъ церковныя имѣнія совершенно опустошенными: крестьянскіе домы погнили, люди разогнаны, а оставшіеся въ селеніяхъ находятся въ крайней нищетѣ (3).

Кириллъ Терлецкій, вступивъ въ управленіе епархіею Луцкою, принялъ рѣшительныя мѣры для ея благоустройства и для возвращенія церковныхъ имѣній, отчужденныхъ епископомъ Іоною Красенскимъ. Церковное мѣстечко Жабче,

---

(1) См. донесеніе возныхъ о судѣ старосты Луцкаго Александра Семашка надъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ, 1591 Іюня 9 (кн. грод. Владимірская 1591, листъ 109 на об.).

(2) См. донесеніе коморника о соборной церкви Луцкой, составленное при передачѣ этой церкви епископу Кириллу Терлецкому, 1585 Декабря 16 (кн. грод. Владимірская 1585 года, листъ 306 на об.).

(3) См. вводный листъ коморника королевскаго съ описаніемъ имѣній епископіи Луцкой, 1586 Марта 11 (кн. грод. Владимірская 1586 года, листъ 104).

съ селеніями Колодезями и Губинымъ, находилось во владѣніи Марка Жоравницкаго, старостича Луцкаго. Кириллъ Терлецкій, собравъ своихъ слугъ, бояръ, гайдуковъ, Татаръ, Венгерцевъ, Сербовъ, Волоховъ и крестьянъ, болѣе тысячи человѣкъ, съ пушками, гаковницами и другимъ оружіемъ, поручилъ этотъ отрядъ брату своему Ярошу Терлецкому, который, напавъ на имѣніе Жабче, осадилъ замокъ, взялъ его штурмомъ, изгналъ незаконныхъ владѣльцевъ и завладѣлъ замкомъ и мѣстечкомъ, со всѣми принадлежавшими къ нему имѣніями (1). Жоровницкіе два раза подавали жалобу въ урядъ гродскій Луцкій и записывали ее въ актовыя книги, но король Стефанъ Баторій принялъ епископа подъ свою защиту, оправдалъ его и самыя жалобы, записанныя на него въ актовыхъ книгахъ, велѣлъ уничтожить.

За тѣмъ, Кириллъ Терлецкій потребовалъ строгаго отчета отъ соборнаго духовенства Луцкаго, обвиняя соборныхъ священниковъ въ томъ, что они, вмѣстѣ съ бывшимъ епископомъ Іоною Красенскимъ, раздавали церковныя имѣнія свѣтскимъ лицамъ, отдавали въ аренду, мѣняли и закладывали, во вредъ церкви Божіей. Соборное духовенство, позванное въ судъ земскій и къ митрополиту Кіевскому, объявило, что покойный епископъ Іона никогда не совѣщался съ ними, заключая сдѣлки о церковныхъ имѣніяхъ, что они въ составленіи актовъ никакого участія не принимали и ни къ какимъ записямъ рукъ и печатей своихъ не прикладывали (2).

Въ одномъ изъ придѣловъ соборной церкви Луцкой нельзя было совершать богослуженія, такъ какъ въ немъ сложено было, по приказанію короля Стефана Баторія, сукно, для раздачи козакамъ. Кириллъ Терлецкій лично явился въ

---

(1) Жалоба Яна Жоравницкаго, войскаго Луцкаго, на епископа Кирилла Терлецкаго, 1586 Октября 27 (книга грод. Луцкая 1586 года, листъ 1093). Такая же жалоба Марка Жоравницкаго, старостича Луцкаго, 1586 Ноября 8 (кн. грод. Луцкая 1586 года, листъ 1129 на об).

(2) См. объявленіе священниковъ Луцкаго собора о несправедливомъ обвиненіи ихъ Кирилломъ Терлецкимъ въ растратѣ церковныхъ имѣній, 1586 Мая 13 (книга гродская Луцкая 1586 года, листъ 467 на оборотѣ).

каптуровый судъ воеводства Волынскаго и требовалъ, чтобы соборная церковь была очищена (1).

Наконецъ, желая обезпечить на будущее время неприкосновенность церковныхъ имѣній и права, предоставленныя православному духовенству, Кириллъ Терлецкій старался о томъ, чтобы жалованная Сигизмундомъ III-мъ грамота, 23 Апрѣля 1589 года, была внесена въ актовыя книги, для всеобщаго свѣденія. Этою грамотою король, по просьбѣ митрополита Кіевскаго Онисифора и всего православнаго духовенства, запретилъ свѣтскимъ сановникамъ вмѣшиваться въ управленіе церковными дѣлами, повелѣвъ, чтобы духовенство православное пользовалось правами наравнѣ съ духовенствомъ католическимъ, и чтобы, по смерти митрополитовъ и епископовъ, церковныя имѣнія переходили во власть и управленіе соборнаго духовенства, до назначенія новаго іерарха. Кириллъ Терлецкій лично являлся въ уряды Луцкіе, гродскій и земскій, также въ урядъ гродскій Владимірскій, и настоялъ на томъ, чтобъ означенная выше королевская грамота внесена была въ гродскія и земскія книги (2). Кириллъ Терлецкій обратился также къ князю Константину Острожскому съ просьбою о защитѣ православнаго духовенства отъ притѣсненій со стороны свѣтскихъ сановниковъ. Князь Острожскій, уваживъ просьбу Кирилла Терлецкаго, писалъ къ своимъ старостамъ, въ окружномъ листѣ 1590 года, Іюня 15: «Мы желаемъ непремѣнно, и это желаніе наше должно быть исполняемо всегда и во вѣки, чтобы съ этого времени никто изъ васъ не вступался въ чинъ іерейскій, чтобы не судили и не рядили духовныхъ особъ и не имѣли къ нимъ никакого дѣла. Протопопы, пресвитеры, архимандриты и игумены, дьяконы, калугеры, слуги церковные, просвирницы, слѣпые, хромые, недугующіе и вся нищая братія, также всѣ дѣла о расторженіи браковъ подлежатъ епископамъ, а не вамъ свѣтскимъ.

---

(1) См. объявленіе епископа Кирилла Терлецкаго въ судѣ каптуровомъ, 1587 Мая 27 (книга грод. Луцкая 1587 года, листъ 1129 на об.).

(2) См. актъ о внесеніи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ въ земскія Луцкія книги жалованной православному духовенству грамоты, 1589 Апрѣля 23 (кн. земская Луцкая 1590 года, листъ 334 на оборотѣ).

Поэтому, всѣ означенныя выше лица и духовныя дѣла мы поручили и отдали во власть и завѣдываніе епископу Луцкому и Острожскому, отцу Кириллу Терлецкому (1).»

При взглядѣ на такую дѣятельность Кирилла Терлецкаго для пользы церкви, и на уваженіе, которое оказывалъ ему знаменитый защитникъ Православія, князь Константинъ Острожскій, можно усомниться въ обвиненіяхъ, которыми заклеймили этого епископа историки, называя его убійцею и дѣлателемъ фальшивой монеты, разсказывая, что онъ давалъ у себя пристанище ворамъ, и что страхъ подвергнуться наказанію за эти преступленія заставилъ его отступить отъ Православной вѣры и сдѣлаться зачинщикомъ религіознаго переворота (2).

---

(1) Листъ князя Константина Острожскаго къ подвластнымъ ему старостамъ. 1590 Іюня 16.

(1) Такъ пишутъ Бантышъ-Каменскій въ исторіи объ уніи и митрополитъ Евгеній въ описаніи Кіевософійскаго собора; тоже самое, вслѣдъ за ними, повторяютъ и другіе историки. Замѣтимъ, что до 1594 года, то есть до того времени, когда Кириллъ Терлецкій публично объявилъ себя уніатомъ и сдѣлался слѣпымъ орудіемъ іезуитовъ, мы не нашли въ актовыхъ книгахъ ни жалобъ, ни доносовъ, которые уличали бы этого епископа въ уголовныхъ преступленіяхъ. При томъ разгарѣ страстей, которымъ сопровождалось введеніе уніи, защитники Православія почли бы долгомъ уличить своего врага въ преступныхъ дѣйствіяхъ, чтобъ лишить партію уніатовъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ. Въ актовыхъ книгахъ мы нашли слѣдующія жалобы на Кирилла Терлецкаго: въ 1588 году, Октября 22, шляхтичъ Вижовскій жаловался, что Кириллъ Терлецкій посадилъ въ тюрьму зятя его, отца Савву, священника Фалимицкаго, съ женою и дѣтьми, и приказалъ забрать его имѣніе (книг. грод. Владимірская 1588 года, листъ 803 на об.); но въ 1590 году, отецъ Савва подалъ въ урядъ ревокаціонную запись, въ которой объявилъ, что онъ, будучи епископскимъ урядникомъ въ церковномъ имѣніи Фалимичахъ, причинилъ отцу владыкѣ не малый вредъ и выпустилъ изъ-подъ ареста убійцу Ивана Малышка, который умертвилъ слугу епископскаго Морочка; что за эти проступки Кириллъ Терлецкій, посадилъ его, отца Савву, въ заключеніе, но потомъ простилъ, что затѣмъ всѣ жалобы, поданныя по этому дѣлу на епископа, не должны имѣть никакой силы (кн. грод. Владимірская 1590 года, листъ 215 на об.). Въ 1594 году, Февраля 2, шляхтичъ Циминскій жаловался, что Кириллъ Терлецкій напалъ на него, будучи въ пьяномъ видѣ, ограбилъ его и изнасиловалъ его служанку, дѣвицу Палажку; но епископъ, явившись лично въ урядъ, опровергъ доказательства истца и объявленъ былъ невиннымъ (дѣло объ изнасилованіи и грабежѣ въ книгѣ гродской Владимірской 1594 года, листъ 147, 148, 185, 247, 250 и 253). Въ 1594 году Іюля 28, шляхтянка Богданова Смыковская жаловалась, что Кириллъ Терлецкій, самъ особою своею,

Патріархъ Константинопольскій Іеремія, посѣтившій Юго-западную Россію въ 1589 году, на возвратномъ пути изъ Москвы въ Грецію, получивъ отъ Сигизмунда III дозволеніе заняться устройствомъ православной іерархіи въ Литвѣ и Польшѣ, обратилъ вниманіе на дѣятельность Кирилла Терлецкаго, возвелъ его грамотою 1589 года, Августа 6, въ санъ экзарха, предоставивъ ему обширную власть надъ православнымъ духовенствомъ. Въ этой грамотѣ патріархъ называетъ Кирилла Терлецкаго мужемъ разумнымъ, духовнымъ и искуснымъ, благословляетъ его «соборнѣ, яко намѣстника своего, съ духовенствомъ во всемъ совѣтовати, и чинъ церковный благолѣпно и всякими благими нравами украшати, а небрегущихъ студныхъ и безчинныхъ строителей упоминати и подкрѣпляти, и властію нашею запрещати, и изъ достоинства церковнаго и изъ чиновъ ихъ низлагати, ни въ чемъ не супротиву стояще церковному преданію и святыхъ отецъ правиламъ, невозбранно (1).»

Патріархъ Іеремія, занявшись устройствомъ Западнорусской іерархіи, постановилъ на Брестскомъ соборѣ 1589 года, чтобы высшее православное духовенство съѣзжалось на помѣстные соборы для разсужденія о духовныхъ дѣлахъ и церковномъ благоустройствѣ. Въ слѣдствіе этого постановленія, митрополитъ Кіевскій, Михаилъ Рагоза, созвалъ соборъ въ Брестѣ, въ Іюнѣ 1590 года. На этомъ соборѣ присутствовали: Михаилъ архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси; Мелетій Хребтовичъ Литаворовичь Богуринскій, прототроній, епископъ Владимірскій и Брестскій, архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря; Кириллъ Терлецкій, экзархъ, епископъ Луцкій и Острожскій; Леонтій Пелчицкій, епископъ Пинскій и Туровскій; Діонисій Сбируйскій,

---

напалъ на ея земли, съ отрядомъ пріятелей, слугъ, бояръ и другихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, съ гаковницами, полгаками, ручницами и другимъ оружіемъ, что онъ разоралъ межи, употребивъ для этого сто плуговъ, и завладѣлъ землями села Смыкова. О послѣдствіяхъ этой жалобы нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ актовыхъ книгахъ.

(1) Грамота Константинопольскаго патріарха Іеремія, подтвержденная грамотою Сигизмунда III, 1595 Февраля 5 (кн. грод. Луцкая съ 1595 по 1597, листъ 73 на об.).

епископъ Холмскій и Белзскій; Гедеонъ Болобанъ, епископъ Львовскій, Галицкій и Каменца Подольскаго (1). Соборъ занимался разборомъ и рѣшеніемъ частныхъ споровъ и тяжбъ между духовными лицами и разсуждалъ о средствахъ къ благосостоянію Православной Церкви. Митрополитъ и епископы, присутствовавшіе на соборѣ, постановили донести королю о притѣсненіяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ духовенствомъ и народомъ православнаго исповѣданія отъ сановниковъ Римскокатолическихъ, въ городахъ и селеніяхъ, и особенно упомянуть о томъ, что православному Русскому народу не дозволяютъ праздновать праздники по стародавнему Греческому закону и запрещаютъ работать въ праздники католическіе. Соборъ опредѣлилъ отъ имени всего духовенства просить короля и духовныхъ сенаторовъ Римскокатолическаго исповѣданія, чтобы права и привиллегіи Православной Церкви были сохраняемы неприкосновенно. Для представленія жалобъ и просьбъ королю и сенаторамъ, соборъ избралъ Кирилла Терлецкаго и отправилъ его къ королю, ввѣривъ ему четыре бланкета съ печатями и подписями соборовавшихъ іерарховъ (2).

Но Польское правительство, руководимое политическими видами іезуитовъ, неблагопріятно смотрѣло на распоряженія Брестскаго собора, имѣвшія цѣлію водворить порядокъ въ Православной Церкви, прекратить религіозныя преслѣдованія и дать новую силу древнимъ правамъ и привиллегіямъ Русскаго народа. Какъ бы въ отвѣтъ на просьбы и жалобы Брестскаго собора, начались жестокія, неслыханныя въ Югозападной Россіи преслѣдованія. И прежде Русскій народъ, особенно духовенство, терпѣли притѣсненія; но эти случаи встрѣчались рѣдко, и притомъ виновниками ихъ

---

(1) Эти имена перечисляются въ соборномъ постановленіи 1590 Іюня 28, внесенномъ въ гродскія Владимірскія книги. Постановленіе заключаетъ въ себѣ рѣшеніе тяжбы между епископомъ Львовскимъ Гедеономъ Болобаномъ и епископомъ Меглинскимъ, Ѳеофаномъ Грекомъ (кн. гродская Владимірская 1590 года, листъ 6 на об.).

(2) Протестъ епископа Львовскаго Гедеона Болобана противъ епископа Кирилла Терлецаго, 1595 Іюля 1 (книга гродская Владимірская 1595 года листъ 491).

были частныя лица, безъ всякаго участія со стороны королевскихъ сановниковъ (¹). Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Россіи, отличались большою вѣротерпимостью: они приглашали православныхъ священиковъ совершать церковные обряды, приносили къ нимъ своихъ дѣтей для крещенія, принимали отъ нихъ свя-

---

(1) Вотъ нѣкоторые, сюда относящіеся случаи, записанные въ актовыхъ книгахъ. Въ 1566 году, Апрѣля 1, урядникъ епископа Луцкаго Марка Жоравницкаго, панъ Немецкій, пріѣхавъ въ монастырь Красносельскій Св. Спаса и увидѣвъ нареченнаго игумена этого монастыря, Богдана Шашка, вышедшаго къ нему на встрѣчу изъ церкви, сказалъ ему. «зачѣмъ ты, непнотливый песъ, служишь вечерню, когда владыка не благословилъ тебя служить ни вечерни, ни обѣдни?» Затѣмъ панъ Немецкій ударилъ игумена въ лицо, жестоко избилъ его и, вынувъ саблю, хотѣлъ убить, но игуменъ скрылся въ церкви (кн. грод. Луцкая 1566, лис. 79 на об.). Въ 1574 году, Іюля 2, панъ Станиславъ Граевскій велѣлъ своему кучеру и слугамъ поймать Луцкаго Покровскаго священника, ѣхавшаго спокойно по улицѣ, въ городѣ Луцкѣ. Когда слуги привели отца Григорія, то панъ Граевскій, схвативъ его за волосы, началъ ножницами стричь ему плѣшь. Священникъ хотѣлъ вырваться изъ его рукъ, но былъ избитъ, при чемъ Граевскій, грозя ему кортикомъ, говорилъ: «я тебѣ, попе, и шею утну.» (кн. грод. Луц. 1574, листъ 177). Въ 1583 году, Марта 2, игуменъ Пречистенскаго Луцкаго монастыря, отецъ Матвѣй жаловался, что, въ его отсутствіи, арендаторъ, Луцкій Жидъ Шая, съ помощниками своими вошелъ силою въ монастырь, пробрался въ келію и кладовую игумена и забралъ всю его убогую маетность (кн. грод. Луцкая 1583, листъ 269 на об.). Въ 1590 году епископъ Владимірскій, архимандритъ Кіевопечерской Лавры, Мелетій Хребтовичъ Богуринскій совершалъ крестный ходъ въ городѣ Владимірѣ, со всѣмъ соборомъ и духовенствомъ Владимірскимъ. Когда процессія дошла до церкви Св. Николая, на Жидовской улицѣ, то два Жида бахурчика (то есть молодые Жидки) начали бросать камнями въ епископа и прочее духовенство. Находившійся въ то время во Владимірѣ и участвовавшій въ процессіи Ѳеофанъ Грекъ, епископъ Меглинскій, со всѣмъ духовенствомъ и прихожанами соборной церкви Владимірской, подалъ отъ имени епископа Мелетія и отъ себя жалобу въ урядъ гродскій Владимірскій. Призванные на судъ Жиды не признались въ проступкѣ и требовали, чтобъ имъ дозволено было доказать свою невинность присягою. Судъ согласился на ихъ требованіе, и Жиды были оправданы, присягнувъ въ своей жидовской божницѣ, что они на владыку и на духовенство камнями и ничѣмъ инымъ не бросали (книга гродская Владимирская 1590 года, листъ 236). Изъ актовъ не видно, чтобы народъ Русскій православнаго исповѣданія мстилъ, за униженіе своей вѣры, католическому духовенству. Въ актовыхъ книгахъ мы нашли одну только жалобу ксензовъ главнаго костела Луцкаго на мѣщанъ Луцкихъ, которые, въ 1584 году, собравшись у дверей главнаго костела Луцкаго, ругали ксензовъ безчестными словами, похваляясь ловить ихъ, убивать и дѣлать всякія непріятности (кн. грод. Луцкая 1584 года, листъ 7 на оборотѣ).

тое причастіе, приглашали ихъ совершать обрядъ вѣнчанія и погребать умершихъ. По жалобѣ католическаго духовенства, король Стефанъ Баторій, указомъ 1579 Декабря 15, вмѣнилъ въ обязанность епископамъ Луцкому и Владимірскому прекратить всякое вмѣшательство православнаго духовенства въ церковныя дѣла католиковъ, подъ штрафомъ въ 10,000 копъ грошей Литовскихъ (1). Послѣ Брестскаго собора, бывшаго въ 1590 году, преслѣдованія принимаютъ характеръ неслыханной жестокости и глубокаго презрѣнія къ святынѣ.

Въ 1590 году, Декабря 29, ротмистры королевскіе Яковъ Потоцкій и Андріянъ Добрынѣцкій, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей, напали на имѣніе князя Острожскаго, село Крупое. Прежде всего они бросились въ церковь, выбили церковныя двери, разграбили церковную утварь, посвященную службѣ Божіей, ограбили олтарь и, выбросивъ изъ чаши святое тѣло Христово на землю, топтали его ногами. Разграбивъ церковь и наругавшись надъ святыней, ротмистры королевскіе напали на жителей, ограбили ихъ и все пограбленное имущество отправили въ Луцкъ, подъ защиту тамошняго старосты Александра Семашка (3).

Имѣнія епископіи Луцкой подверглись также нападеніямъ королевскихъ сановниковъ. Дворянинъ и секретарь королевскій Мартынъ Броневскій напалъ, съ вооруженною толпою, на церковное имѣніе Фалимичи, вторгнулся въ укрѣпленный замокъ, избилъ управлявшаго Фалимичами Прокопа Терлецкаго и завладѣлъ церковнымъ и епископскимъ имуществомъ (3).

Староста Луцкій, кастелянъ Брацлавскій, Александръ

---

(1) Листъ короля Стефана къ епископамъ Луцкому и Владимірскому, чтобы православное духовенство не совершало обрядовъ надъ католиками, 1579 г. Декабря 15 (книга грод. Луцкая 1582 года, листъ 75 на оборотѣ).

(2) Жалоба князя Острожскаго о нападеніи на имѣніе его Крупое ротмистровъ королевскихъ Потоцкаго и Добрынинскаго, 1590, Декабря 29 (книга грод. Луцкая 1590 года, листъ 1081).

(3) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго и всего соборнаго духовенства Луцкаго на секретаря королевскаго Броневскаго 1590, Октября 4 (книга грод. Владимірская 1590 года, листъ 596).

Семашко, потомокъ дреняго Русскаго православнаго рода, принявшій католическую вѣру, началъ преслѣдовать епископа Кирилла Терлецкаго, со всею ревностію ренегата.

Соборная церковь Луцкая Св. Іоанна Богослова и принадлежавшій къ ней домъ епископскій находились въ верхнемъ замкѣ Луцкомъ. Александръ Семашко поставилъ, при входѣ въ замокъ, своего привратника съ отрядомъ гайдуковъ, приказавъ имъ брать мыто за входъ въ церковь съ духовенства и народа, по грошу и по два гроша съ человѣка (1).

Въ 1591 году, Апрѣля 20, въ Страстную Субботу, епископъ Кириллъ Терлецкій прибылъ въ Луцкъ, въ свою епископскую столицу, для отправленія богослуженія. Епископъ былъ впущенъ въ замокъ только съ однимъ слугою, безъ священниковъ и другаго духовенства; поэтому, въ Страстную Субботу и въ Свѣтлое Воскресенье не было въ соборной церкви богослуженія. Епископъ два дня сидѣлъ въ заключеніи, не пилъ и не ѣлъ. Въ Субботу Александръ Семашко, по окончаніи засѣданія въ судѣ, а также въ день Свѣтлаго Воскресенья, будучи навеселѣ, проводилъ время въ притворахъ соборной церкви, гдѣ, для своего удовольствія, заводилъ танцы и иныя игры, приказавъ гайдукамъ своимъ стрѣлять въ куполъ и крестъ соборной церкви. Гайдуки, стрѣляя изъ ружей, отбили отъ креста двѣ цѣпи, повредили куполъ и, на стѣнѣ церковной, образъ Св. Іоанна Богослова, во имя котораго былъ созданъ соборъ Луцкій.

По просьбѣ Кирилла Терлецкаго, явились въ замокъ Луцкій возные, для изслѣдованія дѣла. Возный Иванъ Покощевскій представилъ въ урядъ гродскій донесеніе слѣдующаго содержанія:

Въ 1591 году, Апрѣля 20 и 21, былъ я въ Луцкѣ, по дѣлу его милости, отца Кирилла Терлецкаго, епископа Луцкаго и Острожскаго, у калитки верхняго замка. Здѣсь я видѣлъ, что слуги епископа Кирилла Терлецкаго, а также съѣстные припасы и другія вещи, принадлежавшія епископу,

---

(1) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго на Александра Семашка, 1591 Апрѣля 13 (кн. грод. Владимірская 1591 года, листъ 373 на оборотѣ).

не были пропущены въ замокъ и въ дворъ епископскій, и всѣ люди, которые называли себя епископскими, были вытолканы изъ замка, между тѣмъ какъ всѣ другія лица: князья, паны, слуги, простой народъ и даже невѣрные Жиды, свободно входили въ замокъ. Духовенство, то есть священники, дьяконы и пономари съ ключами не были допущены въ замокъ, для богослуженія; поэтому въ Страстную Субботу нельзя было служить ни заутрени, ни вечерни, также и въ Свѣтлое Воскресенье ни заутрени, ни обѣдни не было. Когда священники и прочее духовенство спрашивали привратника и гайдуковъ, почему ихъ не пускаютъ въ церковь и въ дворъ епископскій, то привратникъ и гайдуки отвѣчали, что они дѣлаютъ это, исполняя волю старосты Александра Семашка, который приказалъ имъ, подъ смертною казнію, не пускать въ замокъ не только духовенства, но и самаго епископа. «Вчера, говорили гайдуки, за то, что мы пустили владыку въ замокъ, панъ староста жестоко избилъ двухъ гайдуковъ, изъ которыхъ одинъ едва ли останется въ живыхъ.» Въ тоже время, священики и все духовенство, также слуги епископскіе пошли было въ замокъ, но, въ моихъ глазахъ, они не были пущены, а которые осмѣлились войти, тѣ были избиты и вытолканы. Въ продолженіи двухъ дней, то есть въ Субботу и въ Воскресенье, все духовенство города Луцка и слуги епископскіе стояли у воротъ замка, но ни одинъ изъ нихъ не былъ пущенъ, ни въ церковь для отправленія богослуженія, ни къ епископу. Въ Воскресенье, ея милость, пани кастелянша Брацлавская, шла къ вечерни въ костелъ и, сжалившись надъ толпою, стоявшею у воротъ замка, велѣла пустить двухъ священниковъ вмѣстѣ съ возным. Когда вошелъ я—говоритъ возный—въ дворъ епископскій, то нашелъ отца епископа весьма печальнымъ, а при немъ былъ одинъ только мальчикъ. И объявилъ владыка мнѣ, возному, что онъ два дня хлѣба не ѣлъ, въ Субботу и въ Воскресенье, такъ какъ ни духовенство, ни слуги не были допущены къ нему, что онъ иззябъ отъ холода и отощалъ отъ жажды. Еще съ большею горестію объявилъ мнѣ епископъ, что панъ староста, держа его въ заключеніи, моря голодомъ и потѣшаясь надъ нимъ,

громко приказалъ стрѣльцамъ и гайдукамъ своимъ стрѣлять изъ своей комнаты въ золоченый крестъ на церкви Божіей. Когда его убѣждали не портить креста, то онъ приказалъ бить и стрѣлять въ куполъ и стѣны церковныя. И гайдуки били и стрѣляли въ церковь Божію. И я видѣлъ—продолжаетъ возный—подъ самымъ куполомъ весьма много свѣжихъ знаковъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ, отъ креста отбиты двѣ цѣпи, и образъ Св. Іоанна Богослова, нарисованный на церковной стѣнѣ, поврежденъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ружейными выстрѣлами. Епископъ объявилъ, что панъ староста, желая препятствовать всѣми способами богослуженію, постоянно сторожитъ у обѣихъ дверей церковныхъ: въ однѣхъ сидитъ самъ съ своими слугами, а другія двери загораживаетъ рекфалами, дудами и другими музыкальными инструментами. И я видѣлъ въ одномъ притворѣ три стула его милости, пана старосты, обитые черною кожею, и нѣсколько скамей, а другія двери церковныя заставлены многими столами, на которыхъ лежали музыкальные инструменты (1).»

Съ этихъ поръ староста Александръ Семашко не давалъ покоя епископу Кириллу Терлецкому: то онъ не пропускалъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ епископомъ для починки соборной церкви, въ которой стѣны и куполъ угрожали разрушеніемъ (2); то требовалъ епископа на судъ и присуждалъ къ денежному штрафу подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ, какъ нарушитель общественнаго спокойствія, входилъ въ замокъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, во время судебныхъ засѣданій (3). Староста даже вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа, принималъ жалобы отъ священниковъ, подвергнутыхъ Кирилломъ Тер-

---

(1) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго на старосту Луцкаго Александра Семашка: осмотръ и донесеніе вознаго, 1591 Апрѣля 24 (книга грод. Владимірская 1591 года, листъ 377).

(2) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго на Александра Семашка 1591, Мая 31 (книга грод. Владимірская 1591 года, листъ 459 на об.).

(3) Свидѣтельство возныхъ о несправедливомъ судѣ Александра Семашка надъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ, 1591, Іюня 9 (кн. грод. Владимірская 1591 года, листъ 509 на об.).

лецкимъ наказанію за порочную жизнь, и бралъ ихъ подъ свою защиту; требуя епископа къ себѣ на судъ, онъ обходился съ нимъ грубо, называлъ его адвоката презрѣннымъ псомъ Русиномъ и публично въ судѣ уличалъ его въ развратной жизни (1). Если епископъ Кириллъ Терлецкій, принадлежавшій къ богатой и знатной фамиліи, имѣвшій связи съ сильными магнатами, пользовавшійся, въ это время, покровительствомъ князя Константина Острожскаго, подвергался такому униженію, то что сказать о страданіяхъ низшаго православнаго духовенства (2)?

Чтобъ прекратить нападки Александра Семашка, Терлецкій подалъ жалобу въ Люблинскій трибунальскій судъ, доказывая, что онъ имѣетъ право жить въ замкѣ Луцкомъ, въ епископскомъ домѣ, и свободно отправлять въ соборной церкви богослуженіе, потому что всѣ его предшественники, епископы Луцкіе и Острожскіе, съ давнихъ вѣковъ, при той церкви жили и при ней жизнь скончали, спокойно отправляя богослуженіе; тѣмъ болѣе, что въ этой соборной

---

(1) Это случилось по поводу жалобы, поданной на Кирилла Терлецкаго священникомъ Лавровскимъ, котораго Семашко принялъ подъ свою защиту. Когда Кириллъ Терлецкій, отстаивая свое право юрисдикціи надъ подвластными ему священниками, уличалъ Лавровскаго въ порочной жизни, то староста замѣтилъ, что онъ знаетъ не-мало грѣховъ и за самимъ епископомъ; при этомъ онъ шепнулъ адвокату священника Лавровскаго: «скажи, что къ владыкѣ приводили развратную женщину (бѣлую голову вшетечницу) и что объ этомъ извѣстно священнику Лавровскому.» Староста велѣлъ это обвиненіе, имъ самимъ подсказанное, записать въ актовыя книги (донесеніе возныхъ объ обидахъ, нанесенныхъ епископу Кириллу Терлецкому Александромъ Семашкомъ, въ присутствіи суда, 1591, Іюня 12; кн. грод. Владимірская 1591 года, листъ 533).

(2) Вотъ одинъ случай, доказывающій, какимъ оскорбленіямъ подвергалось низшее духовенство. Въ 1594 году, Іюля 22, священникъ Суходольскій, отецъ Наумъ, явившись въ урядъ гродскій Владимірскій, горько и слезно жаловался на пановъ Оранскихъ. Оранскіе, съ толпою вооруженныхъ слугъ, сдѣлали наѣздъ на земли Суходольскія, принадлежавшія князю Юрію Чорторыйскому. Въ это время священникъ отецъ Наумъ, осмотрѣвъ свою пашню, возвращался съ поля домой. Оранскіе удержали его, прося прочитать отходную молитву надъ какимъ-то подстрѣленнымъ и умиравшимъ человѣкомъ. Когда отецъ Наумъ исполнилъ просьбу, то они схватили его, били, мучили, привели въ свое имѣніе Ораны и, посадивъ въ тюрьму, надѣли на него цѣпь и приковали къ трупу того самаго человѣка, надъ которымъ онъ читалъ отходную молитву (книга грод. Владимірская 1594 года, листъ 560).

церкви и тѣла христіанскихъ государей, великихъ князей Русскихъ, лежатъ и гробы ихъ находятся. Сверхъ того, Терлецкій просилъ судъ взыскать съ Семашка 10,000 злотыхъ, въ вознагражденіе за убытки и оскорбленія. Трибуналъ Люблинскій опредѣлилъ, что Кириллъ Терлецкій долженъ пользоваться епископскою властію и уваженіемъ, и что онъ имѣетъ право жить въ епископскомъ домѣ, въ замкѣ Луцкомъ, отправляя богослуженіе въ соборной церкви, по стародавнему обычаю. Что же касается до вознагражденія за убытки и оскорбленія, то трибуналъ Люблинскій рѣшилъ отослать дѣло въ гродскій Владимірскій судъ, для изслѣдованія, предписавъ тяжущимся сторонамъ явиться въ этотъ судъ, въ ближайшій судебный срокъ. Хотя судъ гродскій Владимірскій рѣшилъ дѣло въ пользу епископа, но адвокаты Семашка, объявивъ свое неудовольствіе, снова перенесли дѣло въ трибунальскій судъ, апелляціоннымъ порядкомъ (1).

Трудно предположить, чтобы неистовства королевскаго старосты Александра Семашка, главнаго мѣстнаго начальника, могли совершаться ненаказанно, безъ вѣдома и согласія Польскаго правительства. Король и управлявшіе имъ іезуиты хорошо понимали характеръ Терлецкаго. Они знали, что епископъ, воспитанный въ роскоши и любившій земныя блага, не имѣлъ тѣхъ твердыхъ убѣжденій, которыя даютъ человѣку въ несчастіи неодолимую силу. Чтобъ сдѣлать Кирилла Терлецкаго покорнымъ орудіемъ католичества, для этого нужно было предоставить ему на выборъ: или оставаться вѣрнымъ своей религіи и подвергаться вѣчнымъ преслѣдованіямъ, или сдѣлаться уніатомъ и наслаждаться спокойствіемъ, богатствомъ и почестями. Польское правительство не ошиблось въ своихъ расчетахъ: въ 1592 году Кириллъ Терлецкій заключилъ съ Семашкомъ мировую сдѣлку. Противники явились лично въ гродскій Владимірскій судъ и объявили, что, при посредствѣ пріятелей, они прекращаютъ и уничтожаютъ всѣ возникшія между ними тяжбы. Епископъ и духовенство собор-

---

(1) Судебное преніе по жалобѣ епископа Кирилла Терлецкаго на Александра Семашка, 1592 Мая 12 (кн. грод. Владимірская 1592 года, листъ 344 на об.).

ной церкви Луцкой отреклись, на вѣчныя времена, отъ обвиненія въ обидахъ и оскорбленіяхъ, причиненныхъ Семашкомъ духовенству и церкви; съ своей стороны, староста освободилъ епископа и соборное духовенство Луцкое отъ всѣхъ обвиненій и судебныхъ исковъ. Оставленъ въ своей силѣ только трибунальскій декретъ, на основаніи котораго Кириллу Терлецкому предоставлено право пользоваться епископскою властію и уваженіемъ, также отправлять богослуженіе въ соборѣ Луцкомъ, по стародавнему обычаю (1).

Съ этихъ поръ преслѣдованія прекращаются; но епископъ Терлецкій дѣлается ревностымъ поборникомъ уніи и покорнымъ орудіемъ іезуитской политики.

Но не одинъ Кириллъ Терлецкій терпѣлъ притѣсненія отъ старосты Луцкаго, Александра Семашка. Въ 1591 году, Мая 18, Семашко прислалъ въ монастырское село Жидичинъ, во время ярмарки, отрядъ вооруженныхъ людей, для собиранія въ свою пользу мыта, принадлежавшаго Жидичинскому монастырю. На другой день пріѣхалъ въ Жидичинъ, по приказанію Семашка, подстароста Луцкій съ вооруженнымъ отрядомъ слугъ и гайдуковъ, ворвался насильно въ Жидичинскій монастырь и, поселившись въ немъ, разослалъ своихъ слугъ и гайдуковъ собирать мыто и всѣ прочіе доходы, издавна принадлежавшіе монастырю Жидичинскому (2).

Подражая главному мѣстному начальнику, старостѣ Луцкому, и пользуясь ненаказанностію, другіе королевскіе сановники также притѣсняли епископа Кирилла Терлецкаго и дѣлали нападенія на монастыри. По окончаніи перваго Брестскаго собора, бывшаго въ 1590 году, Кириллъ Терлецкій отправился въ Сендоміръ, чтобы отдать королю отчетъ о соборныхъ совѣщаніяхъ и представить ему просьбы православнаго духовенства. Пользуясь отсутствіемъ епископа, войскій Луцкій Жданъ Боровицкій распустилъ слухъ о его смерти, завладѣлъ въ городѣ Острогѣ дворомъ епископскимъ, допытывался у слугъ владыки, гдѣ хранятся деньги и гро-

---

(1) Мировая сдѣлка епископа Кирилла Терлецкаго съ Александромъ Семашкомъ, 1592 Іюня 22 (книга грод. Владимірская 1592 года, листъ 500).

(2) Жалоба архимандрита Жидичинскаго монастыря на Александра Семашка, 1591 Мая 29 (кн. грод. Луцкая 1591 года, листъ 432 на об.).

зилъ жечь ихъ желѣзными шинами. По возвращеніи въ Острогъ, епископъ нашелъ, что двери въ его кладовыхъ были разломаны, печати оторваны, замки у сундуковъ отбиты, деньги, оружіе, серебряные сосуды и богатыя одежды похищены, пять боченковъ мальвазіи и бочка рейнскаго вина оказались пустыми (1).

Крыштофъ Лодзинскій, державца, или администраторъ Дорогобужскій, притѣснялъ Дорогобужскій монастырь, нападая на архимандрита и крестьянъ монастырскихъ. Этотъ монастырь, имѣвшій фундаторомъ своимъ князя Константина Острожскаго, пользовался особенными преимуществами. Онъ получалъ въ свою пользу *торговое*, пошлину, которая собиралась съ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Дорогобужъ на ярмарку; монастырю принадлежало также мыто, которое собиралось на греблѣ Ильинскаго пруда, и капщизна отъ варенья монастырскаго пива. Всѣ эти доходы Лодзинскій отнялъ у монастыря и присвоилъ себѣ. Въ 1593 году, Іюня 9, онъ наслалъ на монастырь толпу вооруженныхъ людей, которые ворвались въ келію архимандрита Ѳеофана и чуть не убили его, стрѣляя изъ ружей. Архимандритъ едва спасъ свою жизнь бѣгствомъ. Вооруженныя толпы слугъ Лодзинскаго нападали на монастырскія имѣнія, били монастырскихъ крестьянъ и грабили ихъ имущество (2).

Въ 1593 году, 13 Генваря, умеръ Мелетій Хребтовичъ Богуринскій, епископъ Владимірскій и Брестскій, архимандритъ Кіевопечерской лавры, одинъ изъ немногихъ іерарховъ, оставшихся, до самой смерти, вѣрными православію (3). Въ послѣднее время своей жизни Мелетій проживалъ въ мѣстечкѣ Кіево-печерской лавры Городкѣ, гдѣ онъ и скончался. Тотчасъ, по смерти епископа, Кириллъ Терлецкій поспѣшилъ въ Городокъ и занялся разборомъ бумагъ, принадлежавшихъ покойнику; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ

---

(1) Жалоба Кирилла Терлецкаго на Броневскаго, 1590 Октября 4 (книга грод. Владимірская 1590 года, листъ 596).

(2) Жалоба архимандрита Дорогобужскаго Ѳеофана на пана Лодзинскаго, 1593 Іюня 19 (кн. грод. Луцкая 1593 лис. 641).

(3) Въ описаніи Кіевопечерской лавры митрополита Евгенія смерть Мелетія Богуринскаго показана въ 1590 году.

онъ изорвалъ или сжегъ, а другія увезъ съ собою. Монастырское и церковное имущество, оставшееся по смерти епископа, было расхищено родственниками и другими приближенными лицами.

По смерти Мелетія Хребтовича остались не занятыми двѣ важныя іерархическія должности: архимандрія Кіевопечерской лавры и епископство Владимірское. Архимандритомъ Кіевопечерской лавры избранъ былъ Никифоръ Туръ. Для передачи монастыря новому архимандриту, былъ присланъ отъ короля коморникъ королевскій Сосницкій, который, составивъ опись всего движимаго и недвижимаго монастырскаго имущества, ввелъ Никифора Тура во владѣніе монастыремъ и всѣми принадлежавшими ему имѣніями (1).

Епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ, по смерти Мелетія Хребтовича, назначенъ былъ, королевскимъ повелѣніемъ 1593 года, Адамъ Потѣй, кастелянъ Брестскій, наименованный при посвященіи Ипатіемъ, усердный приверженецъ уніи, человѣкъ съ обширною ученостію, но гордый и властолюбивый (2). Королевскимъ приказомъ 1593 года, Марта 4, повелѣно было князю Константину Острожскому, старостѣ Владимірскому, передать всѣ имѣнія епископіи Вла-

---

(1) Въ описи, составленной коморникомъ королевскимъ, изчислены обширныя имѣнія Кіевопечерской лавры. Ей принадлежали: городъ Васильковъ съ замкомъ, мѣстечко Радомысль съ замкомъ, пятьдесятъ девять селеній въ повѣтахъ Кіевскомъ, Овручскомъ, Луцкомъ, Пинскомъ, Новоградвольынскомъ, Мозырскомъ и Оршанскомъ, рыбныя ловли на рѣкѣ Днѣпрѣ, рудокопный заводъ надъ рѣкою Мыкою, дани медовыя и другіе доходы съ пяти селеній на Полѣсьѣ, дань медовая съ королевскихъ селъ Бобруйской волости, приносившая 300 пудовъ меду ежегодно и нѣкоторые другіе доходы. См. опись имѣній Кіевопечерской лавры, 1593 Апрѣля 24. Рукопись доставлена въ Кіевскую Коммиссію для разбора древнихъ актовъ изъ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ.

(2) Слѣдующій случай, записанный, по жалобѣ Загоровской, въ книгѣ гродской Владимірской, даетъ понятіе о характерѣ епископа Ипатія: «отецъ владыка Владимірскій Ипатій, самъ особою своею, съ немалою толпою вооруженныхъ людей, вошелъ въ алтарь Ильинской церкви, ободралъ собственными руками престолъ, сбросивъ съ него всѣ священныя вещи, схватилъ неподвижный антиминсъ, на которомъ совершалась служба Божія, изодралъ его и уничтожилъ.» Жалоба Загоровской подтверждена слѣдствіемъ возныхъ. См. жалобу Загоровской, кастелянши Брацлавской, 1596 Августа 10 (книга грод. Владимірская 1596 года, листъ 274 на оборотѣ).

димірской и Брестской Адаму Потѣю, въ награду за его вѣрныя услуги королю и рѣчи посполитой ([1]).

Партія уніатовъ, пріобрѣвъ новаго члена въ лицѣ Ипатія Потѣя, начала дѣйствовать рѣшительнѣе, отдѣляться отъ строгихъ блюстителей Православія и открыто объявлять принятыя ею намѣренія. Чтобъ понять дальнѣйшій ходъ дѣла, мы представимъ какъ основныя положенія, которыми оправдывали свой образъ дѣйствій поборники уніи, такъ и тѣ причины, по которымъ православные считали долгомъ противодѣйствовать этому религіозному перевороту.

Приверженцы уніи принимали за основаніе своихъ убѣжденій и дѣйствій постановленія Флорентинскаго собора, бывшаго въ первой половинѣ пятнадцатаго вѣка. Они утверждали, что на этомъ соборѣ, съ согласія восточныхъ патріарховъ и Греческаго императора, восточная церковь навсегда соединилась съ Римскимъ костеломъ и признала верховную власть Римскаго папы, что здѣсь, въ слѣдствіе соборныхъ совѣщаній, соглашены были догматы, раздѣлявшіе оба вѣроисповѣданія, и что восточной церкви оставлены неприкосновенно ея церемоніи и обряды, по древнему обычаю. На этомъ основаніи король Сигизмундъ III увѣрялъ своихъ подданныхъ, что задуманное имъ соединеніе церквей не есть нововведеніе, но только возстановленіе и приведеніе въ дѣйствительность постановленій Флорентинскаго собора. Оправдывая такимъ образомъ свои дѣйствія, король представлялъ себя не реформаторомъ, измѣняющимъ самовольно вѣру своихъ подданныхъ, но возобновителемъ и покровителемъ древнихъ соборныхъ постановленій ([2]). Приверженцы уніи полагали, что для соединенія церквей, уже принятаго на Флорентинскомъ соборѣ, не нужно никакихъ новыхъ постановленій и никакихъ преній о догматахъ, раздѣлявшихъ оба вѣроисповѣданія.

Защитники Православія держались противнаго мнѣнія. Они утверждали, что постановленіе Флорентинскаго собора

---

(1) Листъ Сигизмунда III къ князю Константину Острожскому, 1593 Марта 4 кн. грод. Владимірская, 1593, листъ 235 на об.).

(2) Маниѳестъ Сигизмунда III о соединеніи церквей, 1595 Сентября 24 (кн. грод. Владимірская съ 1595 по 1596 годъ, листъ 104 на оборотѣ).

не можетъ служить основаніемъ для соединенія церквей, такъ какъ это постановленіе было вынуждено политическими обстоятельствами и насиліемъ, не было принято ни въ Греціи, ни въ Россіи, и имѣло слѣдствіемъ одни только религіозныя смуты (1). Поэтому для соединенія церквей они считали необходимымъ созвать новый соборъ, и при томъ не частный или помѣстный, составленный изъ духовенства одной только Югозападной Россіи, но вселенскій соборъ всей Восточной Церкви, потому что церковь Югозападной Россіи есть только членъ, или нераздѣльная часть Восточной Церкви и, какъ часть, безъ своего цѣлаго, никакихъ измѣненій въ церковныхъ догматахъ дѣлать не можетъ. Такой вселенскій соборъ не можетъ быть созванъ безъ согласія и участія восточныхъ патріарховъ, которымъ Русская Православная Церковь отдавала послушаніе болѣе шести сотъ лѣтъ, по древнему обычаю, установленному святыми вселенскими соборами и правилами апостольскими.

Для неразрывнаго соединенія церквей, по мнѣнію защитниковъ Православія, прежде всего нужно было созвать вселенскій соборъ и согласить различіе въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій, а такихъ догматовъ, говорили они, находится не мало, потому что Восточная Церковь имѣетъ много постановленій, несходныхъ съ ученіемъ и уставами Римскаго папы. Такъ, самое ученіе Римскаго костела о главенствѣ папы не согласно съ ученіемъ Восточной Церкви. «Римскій костелъ, говорили королю депутаты, отправленные Брестскимъ соборомъ, полагаетъ въ основаніе соединенія церквей послушаніе его милости, отцу папѣ, какъ единому, общему для всего свѣта пастырю, а мы никого не признаемъ верховнымъ общимъ для всѣхъ пастыремъ, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа, котораго Св. Петръ называетъ пастыремъ надъ всѣми пастырями».

Наконецъ, защитники Православія отличались въ своихъ мнѣніяхъ отъ уніатовъ еще тѣмъ, что для соединенія

---

(1) По этому поводу издано было сочиненіе подъ заглавіемъ: «Исторія о листрійскомъ, то есть о разбойническомъ, Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списанная.» Напечатано въ Острогѣ, 1598 года.

церквей *считали недостаточнымъ согласіе одного только духовенства, но требовали согласія и свѣтскихъ лицъ, какъ высшаго сословія, такъ и посполитаго народа*, чтобъ не дѣлать насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти.

На такихъ условіяхъ защитники Православія соглашались приступить къ уніи и объ этомъ открыто объявляли на сеймѣ, на Брестскомъ соборѣ, въ своихъ протестахъ и посланіяхъ къ королю (1).

Изъ приверженцевъ уніи первый Кириллъ Терлецкій началъ публично обнаруживать мысль о соединеніи Православной Церкви съ Римскимъ костеломъ. Въ 1594 году, Мая 21, онъ явился въ урядъ Луцкій, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, и представилъ, для внесенія въ актовыя книги, арендный листъ, данный Станиславу Кандыбѣ, на церковное имѣніе Водиради, заложенное, на сорокъ лѣтъ, въ двухъ тысячахъ злотыхъ польскихъ. Въ началѣ этого арендного листа епископъ торжественно объявилъ, что Восточная Православная Церковь соединилась съ Западною, признавъ надъ собою главенство папы, что для утвержденія этого соединенія и для изъявленія покорности папѣ, онъ, вмѣстѣ съ епископомъ Ипатіемъ Потѣемъ, отправляется въ Римъ, по приказанію короля, и что для издержекъ на это путешестіе отдано въ залогъ церковное имѣніе Водиради: «по волѣ и промышленію Бога, въ Троицѣ славимаго, и по усердному старанію и побужденію короля, его милости, пана нашего милостиваго Сигизмунда III, и ихъ милостей пановъ сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное соединеніе и возстановилась братская любовь между двумя церквами, Восточною и Западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы Римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣ-

---

(1) Эти мнѣнія защитниковъ Православія изложены въ слѣдующихъ актахъ: Протестъ Гедеона Болобана, епископа Львовскаго, противъ Кирилла Терлецкаго, 1595 Іюля 1 (книга грод. Владимірская 1595 года, лис. 491); Протестъ князя Константина Острожскаго противъ епископовъ, принявшихъ унію, 1596 Мая 5 (кн. грод. Владимірская 1596 года, лис. 489, на об.); Синодальный универсалъ Брестскаго собора 1596 Ноября 2, тамъ же; Инструкція, данная Брестскимъ православнымъ соборомъ депутатамъ, отправленнымъ къ королю, 1596 Октября 9 (книга гродская Луцкая 1629 года, листъ 614).

стникомъ апостольскимъ» ([1]). Изъ этого можно заключать, что принятіе уніи рѣшено было не вслѣдствіе соборныхъ совѣщаній, но путемъ административнымъ, то есть, по волѣ короля и сенаторовъ («за пильнымъ стараніемъ и поводомъ его королевское милости, пана нашого милостивого Жикгимонта третего, и пановъ радъ ихъ милостей духовныхъ и свецкихъ»); соборы созываемы были преимущественно для того, чтобы придать дѣлу благовидную форму.

Въ слѣдъ за тѣмъ, желая показать основаніе, на которомъ Польское правительство и приверженцы уніи предполагали утвердить соединеніе церквей, Кириллъ Терлецкій публиковалъ грамоту короля Владислава IV о соединеніи церквей на Флорентинскомъ соборѣ. Явившись лично въ урядъ гродскій, онъ предъявилъ, для записанія въ актовыя книги, выпись изъ Львовскихъ гродскихъ книгъ, въ которой заключалась грамота короля Александра 1504 года, Марта 15, данная Хелмскому епископу. Этою грамотою подтверждалась грамота короля Владислава IV 1443 года, Марта 22, данная православному духовенству. Владиславъ IV-й, объявивъ своимъ подданнымъ о соединеніи Восточной Церкви съ Западною на Флорентинскомъ соборѣ, предоставилъ православнымъ церквамъ и духовенству всѣ права и преимущества, которыми пользовались церкви и духовенство Римскокатолическаго исповѣданія; имъ обезпечено владѣніе церковными имуществами и запрещено свѣтскимъ сановникамъ вмѣшиваться въ духовные суды ([2]).

На основаніи вышеозначенныхъ актовъ, мы должны отвергнуть общепринятое мнѣніе, что постановленіе о принятіи уніи въ первый разъ состоялось на Брестскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1594 году, Декабря 2, и что здѣсь же постановлено было отправить двухъ епископовъ въ Римъ, для изъявленія покорности папѣ ([3]). Мы видѣли, что уже

---

(1) Арендный листъ епископа Кирилла Терлецкаго Станиславу Кандыбѣ, 1594 Мая 21 (книга грод. Владимірская 1594 года, листъ 506).

(2) Выписка изъ книгъ гродскихъ Львовскихъ, 1594 Августа 29 (книга грод. Луцкая съ 1591 по 1594 годъ, листъ 776 на об.).

(3) Такъ говоритъ митрополитъ Евгеній въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора, а въ слѣдъ за нимъ и другіе историки, основываясь на анналахъ Ба-

прежде этого времени, именно 21 Мая 1594 года, Кириллъ Терлецкій публично объявлялъ въ урядѣ, что Церковь Восточная соединилась съ Западною, по волѣ короля и сенаторовъ, и это объявленіе записалъ, для всеобщаго свѣдѣнія, въ актовыя книги. Изъ актовъ видно, что Брестскій соборъ 1594 года былъ не Декабря 2, какъ полагаетъ большая часть историковъ, а 24 Іюня, и притомъ не былъ признаваемъ законнымъ ни Польскимъ правительствомъ, ни православнымъ духовенствомъ, потому что, въ это время, король Сигизмундъ III-й находился въ Швеціи, а сеймовою конституціею 1593 года запрещены были, въ отсутствіе короля, всякіе съѣзды, сеймы или соборы. На этомъ основаніи, примасъ королевства, архіепископъ Гнѣзненскій, на-

---

ронія (Annales ecclesiastici, Veneciis, MDCCX. T. VII p. 626). Баронiй говоритъ, что Западнорусскіе епископы, на соборѣ, бывшемъ въ 1594 году Декабря 2 (sacris comitiis habitis), сдѣлали постановленіе о соединеніи съ Римскимъ костеломъ, и за тѣмъ представляетъ въ латинскомъ переводѣ грамоту, подписанную Кіевскимъ митрополитомъ и шестью православными епископами. Но эта грамота, сохранившаяся въ оригиналѣ на Западнорусскомъ языкѣ и напечатанная въ актахъ Археографической коммиссіи (Акты Ю. З. Р. томъ IV, стр. 77), не имѣетъ признаковъ соборнаго постановленія. Въ каждомъ соборномъ постановленіи означалось, что оно именно дано на соборѣ, съ показаніемъ мѣста, гдѣ соборъ имѣлъ свои совѣщанія (см. соборныя грамоты, напечатанныя въ Ак. Ю. Р. т. IV: соборная грамота 1590 Іюля 20, 1594 Іюля 24, 1596 Генваря 27, и всѣ грамоты Брестскаго собора, бывшаго въ Октябрѣ 1596 года). Но въ вышеозначенномъ постановленіи 1594 Декабря 2 не сказано, что оно дано на соборѣ, и не означено мѣсто, гдѣ происходили соборныя совѣщанія; самый актъ называется не соборною грамотою, а взаимнымъ обязательствомъ митрополита и шести епископовъ *(звязкомъ зобопольнымъ, письмомъ, даннымъ* не цѣлымъ соборомъ, а *межи собою)*. О мѣстѣ и времени собора, на которомъ принята была унія, и рѣшено было отправить пословъ къ папѣ, находимъ у историковъ большое разногласіе. Митрополитъ Евгеній и большая часть историковъ, какъ мы замѣтили выше, полагаютъ, что этотъ соборъ былъ въ Брестѣ, 1594 года, Декабря 2; Конисскій и Островскій также полагаютъ, что соборъ былъ въ Брестѣ, но не въ 1594, а въ 1595 году; Бантышъ-Каменскій говоритъ, что соборъ, былъ въ 1595 году, но не въ Брестѣ, а въ Кіевѣ; Вишневскій, въ своей исторіи Польской литературы, также полагаетъ, что соборъ былъ въ Кіевѣ, но не въ 1595, а въ 1594 году; наконецъ Зубрицкій утверждаетъ, что въ Декабрѣ 1594 года не было никакого собора, но въ что этомъ году былъ соборъ въ Брестѣ въ Іюнѣ и началѣ Іюля. См. О началѣ уніи, въ чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1847 № 3. Замѣтимъ, что въ офиціальныхъ актахъ никакихъ слѣдовъ собора 1594 Декабря 2 мы не находимъ.

помнилъ листомъ своимъ митрополиту Михаилу Рагозѣ, что созванный имъ соборъ никакой законной силы имѣть не можетъ. Поэтому митрополитъ принужденъ былъ, на этомъ соборѣ, ограничиться одними только судебными дѣлами (1). При томъ на этомъ соборѣ, кромѣ епархіальнаго епископа Ипатія, не было ни одного изъ православныхъ епископовъ.

Противъ Брестскаго собора, бывшаго въ 15 4 году, и его постановленій сильно возставали епископъ Львовскій Гедеонъ Болобанъ и Кириллъ Терлецкій. Гедеонъ Болобанъ подалъ въ гродскій Луцкій урядъ протестъ, доказывая, что этотъ соборъ созванъ былъ митрополитомъ противузаконно, и что всѣ рѣшенія, на немъ постановленныя, не могутъ имѣть никакой силы. Чтобъ придать своему протесту бо́льшую важность, Гедеонъ Болобанъ пригласилъ къ себѣ, въ Жидичинскій монастырь, Кирилла Терлецкаго, и здѣсь спрашивалъ его, въ присутствіи генеральнаго вознаго: «слышалъ ли ты, отче владыко, о соборѣ, бывшемъ въ Брестѣ 24 Іюня 1594 года, и былъ ли ты на этомъ соборѣ? я, будучи также епископомъ, ничего объ этомъ не вѣдалъ, а между тѣмъ говорятъ, будто въ Брестѣ былъ какой-то соборъ, и будто на немъ и ваша милость, отче владыко Луцкій, присутствовалъ.» Кириллъ Терлецкій отвѣчалъ на это: «Былъ я въ Брестѣ, но вовсе не для собора, а по своимъ собственнымъ дѣламъ и по дѣламъ своего брата Яроша Терлецкаго. Узнавъ тамъ отъ людей, что имѣетъ быть какой-то соборъ, я ходилъ къ отцу владыкѣ Владимірскому, желая узнать, что это за соборъ, или съѣздъ, и почему мнѣ, епископу, не дано объ этомъ никакого извѣстія? У епископа Владимірскаго я засталъ нѣсколько простыхъ поповъ, говорившихъ о предстоявшемъ соборѣ, но, зная навѣрное, что сеймовою конституціею запрещено имѣть какіе бы то ни было съѣзды, сеймы или соборы, въ отсутствіи короля, я объявилъ имъ объ этомъ и указалъ самую конституцію для прочтенія. Въ это самое время, въ моемъ присутствіи, принесенъ былъ упоминальный листъ архіепископа Гнѣзнен-

(1) Актъ этого собора помѣщенъ въ изданіи Археографической коммиссіи. А. З. Р. т. IV. 68.

скаго, который, какъ примасъ королевства, предлагалъ митрополиту отложить на другое время всякіе съѣзды и соборы, такъ какъ короля нѣтъ въ государствѣ, а въ его отсутствіи всякіе съѣзды опасны и подозрительны. Что же касается до меня, то я, будучи въ это время въ Брестѣ, не видѣлъ тамъ ни одного владыки, исключая мѣстнаго епископа Владимірскаго; не было тамъ ни собора, ни синода, также не было никакихъ судовъ. А если бы появились какіе нибудь листы или судебныя рѣшенія, постановленныя на этомъ соборѣ, то я напередъ объявляю, что къ этимъ соборнымъ листамъ ни своей руки, ни своей печати не прикладывалъ» (1).

Такое объявленіе о недѣйствительности собора епископы Гедеонъ Болобанъ и Кириллъ Терлецкій поручили генеральному возному записать въ гродскія Луцкія книги (2).

Признавая соборъ Брестскій незаконнымъ, епископы: Львовскій Гедеонъ Болобанъ, Луцкій Кириллъ Терлецкій, Премысльскій Михаилъ и Хелмскій Діонисій, недовольные распоряженіями митрополита, собрались въ городѣ Сокалѣ 27 Іюня 1594 года, для разсужденія о своихъ духовныхъ дѣлахъ. Здѣсь они разсуждали о средствахъ для прекращенія обидъ и несправедливыхъ поступковъ митрополита Михаила Рагозы, въ отношеніи къ нѣкоторымъ епископамъ и другимъ духовнымъ лицамъ. Особенно считалъ себя обиженнымъ епископъ Гедеонъ Болобанъ, котораго митрополитъ торжественно съ амвона провозгласилъ лишеннымъ епископскаго сана, за непослушеніе и по жалобамъ Львовскаго братства. Чтобъ склонить митрополита къ примиренію, епископы, съ общаго согласія, написали къ нему посланіе, прося у него благословенія, и поручили Кириллу Терлецкому представить это посланіе митрополиту. Сверхъ того, на этомъ съѣздѣ, положено было представить королю и сенаторамъ жалобы о многихъ притѣсненіяхъ и обидахъ,

---

(1) Дѣйствительно на соборной грамотѣ 1594 Іюня 24 подписи Кирилла Терлецкаго нѣтъ. А. З. Р. т. IV. 69.

(2) Объявленіе генеральнаго вознаго о недѣйствительности Брестскаго собора, бывшаго въ 1594,—Іюня 27, 1594 Декабря 19 (кн. грод. Луцкая 1594 года, листъ 1370).

претерпѣваемыхъ Православною Церковію. Кириллу Терлецкому поручено было отправиться къ королю и сенаторамъ, представить жалобы на притѣсненія и просить защиты. Съ этою цѣлію, епископы, бывшіе на Сокальскомъ съѣздѣ, вручили Кириллу Терлецкому четыре бланковыхъ листа, съ своими печатями и подписями.

Но Кириллъ Терлецкій не оправдалъ довѣрія епископовъ. Имѣя въ своихъ рукахъ бланковые листы, выданные ему на Сокальскомъ съѣздѣ, а также на первомъ Брестскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1590 году, Кириллъ Терлецкій рѣшился написать на нихъ посланія къ королю и высшему католическому духовенству, совершенно противныя мыслямъ и желаніямъ своихъ довѣрителей. Даже на одномъ изъ нихъ онъ написалъ постановленіе о соединеніи церквей, противное религіи, правамъ и привиллегіямъ православнаго народа Русскаго. Такъ какъ на этихъ бланкетахъ находилась подпись и печать Гедеона Болобана, то онъ явился, 1-го Іюля 1595 года, въ урядъ гродскій Владимірскій, для того, чтобы обнаружить преступныя дѣйствія Терлецкаго и торжественно протестовать противъ принятія уніи. Въ это время въ урядѣ Владимірскомъ находились нѣкоторые изъ знатныхъ обывателей земли Волынской: князь Константинъ Острожскій, Демьянъ Гулевичъ, депутатъ воеводства Волынскаго въ трибуналѣ Люблинскомъ, Бутовичъ, хорунжій Кіевскій, князь Дмитрій Курцевичъ Булыга, подстароста Бѣлоцерковскій, и нѣкоторые другіе. Въ присутствіи этихъ лицъ, Гедеонъ Болобанъ говорилъ слѣдующую рѣчь:

«Въ тысяча пятьсотъ девяностомъ году, Іюня двадцать четвертаго, мы созваны были отцомъ митрополитомъ Кіевскимъ въ Брестѣ, на главный соборъ, для разсужденія о дѣлахъ нашихъ духовныхъ и о церковномъ благоустройствѣ. На этомъ соборѣ нѣкоторыя значительныя лица напомнили объ оскорбленіяхъ и постоянныхъ обидахъ, претерпѣваемыхъ нами, въ противность правамъ и вольностямъ нашимъ; при чемъ присутствовали также епископы: Луцкій Кириллъ, Пинскій Леонтій и Хелмскій Діонисій. Всѣ мы, соблюдая порядокъ, установленный церковными правилами, опредѣлили донести королю, его милости, о тѣхъ оскорбле-

ніяхъ и обидахъ, которыя терпимъ мы сами и народъ православный отъ высшаго католическаго духовенства, въ городахъ и селеніяхъ, особенно о томъ, что намъ запрещаютъ праздновать праздники по древнему нашему обычаю и не дозволяютъ работать въ праздники католическіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постановили просить его королевскую милость, отъ имени всего духовенства, чтобъ намъ дозволено было безмятежно пользоваться правами и вольностями нашими. Объ этомъ же мы рѣшились обратиться къ духовнымъ лицамъ, сенаторамъ католической вѣры, прося защиты въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Для представленія жалобъ и просьбъ своихъ мы избрали отца Кирилла Терлецкаго, владыку Луцкаго и Острожскаго, вручивъ ему четыре бланковыхъ листа съ своими печатями и подписями, и послали его къ королю, пану нашему милостивому. Потомъ, въ тысяча пятьсотъ девяносто четвертомъ году, Іюня двадцать седмаго дня, мы, епископы, собрались на съѣздъ въ Сокалѣ: отецъ Кириллъ, епископъ Луцкій, Михаилъ, епископъ Премысльскій, и Діонисій, епископъ Хелмскій. Здѣсь мы разсуждали о дѣлахъ нашихъ духовныхъ и особенно о тѣхъ обидахъ, которыя терпимъ мы, епископы, отъ его милости отца Михаила, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси, по жалобамъ нѣкоторыхъ людей. Съ общаго согласія, мы, избравъ того же самаго отца епископа Луцкаго, отправили его съ своимъ посланіемъ къ отцу митрополиту, прося у него благословенія. И когда отецъ епископъ Луцкій принялъ на себя исполненіе нашего порученія, то мы опять дали ему и повѣрили четыре бланковыхъ листа, съ своими печатями и подписями. Эти бланковые листы мы вручили отцу епископу Луцкому не для иной цѣли, какъ только для того, чтобы написать на нихъ къ королю, а также къ духовнымъ и свѣтскимъ сенаторамъ, жалобы о многихъ несправедливостяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ нашею Православною Вѣрою и святыми церквами отъ разныхъ лицъ и сословій. Но теперь дошла до меня вѣсть, что отецъ владыка Луцкій написалъ на тѣхъ листахъ что-то иное, что онъ представлялъ какія-то иныя предложенія королю и духовнымъ лицамъ католической вѣры, и что онъ наконецъ

написалъ, какъ я слышу, какое-то постановленіе, противное нашей религіи, правамъ и вольностямъ нашимъ, чего я никогда не поручалъ ему, и на такое постановленіе не давалъ ему бланковыхъ листовъ. Противъ всего такого постановленія, написаннаго отцомъ владыкою Луцкимъ или другими лицами, я протестую, потому что оно составлено въ противность правиламъ и обычаямъ нашей Православной Вѣры, нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, *такъ и простыхъ людей православной религіи, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать и рѣшать не можемъ.*» Это объявленіе, со словъ Гедеона Болобана, было записано въ актовыя книги (1).

Оскорбленый этимъ протестомъ Кириллъ Терлецкій немедленно подалъ жалобу королю, обвиняя Гедеона Болобана въ клеветѣ, которая не только помрачала добрую славу епископа, но касалась особы самаго короля. Гедеонъ Болобанъ былъ потребованъ къ королю на судъ (3), но о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла мы не нашли въ актовыхъ книгахъ никакихъ свѣденій.

Въ концѣ Іюля 1595 года епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй готовились отправиться въ Римъ, чтобъ изъявить папѣ покорность отъ имени всего православнаго духовенства и народа. Деньги, полученныя Терлецкимъ въ 1594 году, за отданное въ аренду имѣніе Водиради, оказались недостаточными для покрытія путевыхъ издержекъ. Поэтому король позволилъ Кириллу Терлецкому отдать въ аренду всѣ имѣнія епископіи Луцкой на двадцать лѣтъ (3); сверхъ того король повелѣлъ, чтобы всѣ судебныя дѣла, касавшіяся Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, были прі-

---

(1) Протестъ Гедеона Болобана противъ Кирилла Терлецкаго, 1595 Іюля 1 (кн. грод. Владимірская 1595 года, лис. 491).

(2) Донесеніе вознаго о предъявленіи Гедеону Болобану позовнаго листа, 1595 Сентября 1 (кн. грод. Луцкая 1595 года, листъ 186).

(3) Листъ Сигизмунда III, 1595 Іюля 28 (кн. грод. Луцкая съ 1595 по 1597 годъ, листъ 130 на об.).

остановлены до ихъ возвращенія изъ Рима. Это повелѣніе объявлено было всѣмъ королевскимъ урядникамъ, земскимъ, гродскимъ и подкоморскимъ, всѣмъ судамъ и урядамъ, во всѣхъ воеводствахъ и повѣтахъ земель Волынской, Русской и Подольской (1).

Тотчасъ по отъѣздѣ епископовъ въ Римъ, Сигизмундъ III издалъ манифестъ о соединеніи церкви Восточной съ Западною (1595 Сентября 24). Стараясь успокоить народъ, король говоритъ въ этомъ манифестѣ, что для него величайшимъ будетъ утѣшеніемъ, если онъ со всѣми вѣрными и любезными подданными своими будетъ пребывать въ одной вселенской церкви, подъ властію одного пастыря, прославляя Бога едиными устами и единымъ сердцемъ; что онъ приглашаетъ подданныхъ къ этому соединенію, какъ отецъ дѣтей своихъ, для собственнаго ихъ счастія. Объявляя, что пастыри православной церкви, съ великимъ множествомъ свѣтскихъ людей, имъ ввѣренныхъ, возсоединились съ Римскимъ костеломъ, король выражаетъ свою радость и изъявляетъ желаніе, чтобы католики также тѣшились и благодарили Бога за возсоединеніе братій своихъ, и чтобы всѣ, отвергавшіе до сихъ поръ унію, послѣдовали за своими пастырями и тѣмъ сдѣлали радость короля совершенною. Въ заключеніе, король увѣрялъ своихъ подданныхъ, что епископы, отправленные въ Римъ послами, будутъ просить папу оставить всѣ древніе обряды православной церкви неприкосновенными, и что святѣйшій отецъ, безъ сомнѣнія, согласится на ихъ просьбу (2).

Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій, повидавшись съ королемъ въ Краковѣ и получивъ отъ него инструкцію, отправились въ путь и, послѣ семинедѣльнаго путешествія, прибыли въ Римъ 15 Ноября. На третій день они приняты были папою въ частной аудіенціи и вручили ему письма отъ короля и нѣкоторыхъ сенаторовъ. Свое пребываніе въ

---

(1) Листъ Сигизмунда III къ королевскимъ урядникамъ, 1595 Іюля 28 (кн. грод. Луцкая съ 1595 по 1597 годъ, листъ 128 на об.).

(2) Манифестъ Сигизмунда III о соединеніи церквей, 1595 Сентября 24 (книга земская Владимірская съ 1595 по 1596 годъ, листъ 104 на об.).

Римѣ епископы описали въ письмѣ къ Гедеону Болобану: «Папа, писали они, принялъ насъ, какъ ласковый отецъ дѣтокъ своихъ, съ несказанною любовію и милостію. Мы живемъ недалеко отъ замка его святости, во дворцѣ, искусно украшенномъ обоями и снабженномъ всѣмъ нужнымъ. Съѣстные припасы отпускаются намъ, по милости папы, въ изобиліи. Мы жили шесть недѣль въ Римѣ, но его святость все еще не хотѣлъ дать намъ торжественной авдіенціи, говоря: «отдохните хорошо послѣ дороги.» Наконецъ, въ слѣдствіе нашихъ настоятельныхъ просьбъ, намъ назначена была авдіенція 23 Декабря, въ большой залѣ, называемой Константиновою, въ которой папа принимаетъ наивысшихъ духовныхъ особъ. Здѣсь его святость изволилъ засѣдать во всемъ своемъ святительскомъ маестатѣ, а при немъ весь сенатъ, кардиналы, арцибискупы и бискупы. Особо сидѣли послы Французскаго короля и другихъ государей; по обѣимъ сторонамъ залы сидѣли высшіе сановники, сенаторы и великое множество пановъ духовныхъ, князей Римскихъ и шляхты. Когда мы введены были въ это собраніе, то, поцѣловавъ ноги его святости, отдали листы отъ вашихъ милостей. Эти листы прочиталъ довольно внятно ксензъ Евстафій Воловичъ, но никто не понималъ по-русски, исключая нашихъ пановъ Поляковъ и пановъ Литовскихъ, которыхъ здѣсь не мало. Мы имѣли наготовѣ переводъ на латинскомъ языкѣ, и какъ только панъ Воловичъ прочиталъ грамоту по-русски, тотчасъ она была прочитана по-латыни. А по прочтеніи, его святость, чрезъ одного подкоморія своего, говорилъ къ намъ рѣчь весьма чудную, изъявляя благодарность за возсоединеніе наше и за пріѣздъ и обѣщая намъ сохранить всѣ наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить ихъ на вѣки. Тамъ же мы, сами отъ себя, также отъ имени отца митрополита и всѣхъ вашихъ милостей, прочитали обѣщаніе: я, епископъ Владимірскій, читалъ по-латыни, а я, епископъ Луцкій, по-русски. Затѣмъ мы совершили присягу на святомъ евангеліи, отъ лица всѣхъ вашихъ милостей и сами отъ себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказалъ намъ подойти къ себѣ поближе, хотя мы и то близко къ нему стояли, и, наклонив-

шись къ намъ истинно по-отечески, сказалъ нѣсколько словъ, между которыми были слѣдующія: «не хочу, говоритъ, я господствовать надъ вами, но хочу немощи и слабости ваши на себѣ носить» и прочее. На другой день, то есть двадцать четвертаго Декабря, накануне Рождества Христова, его святость самъ служилъ вечерню въ новомъ костелѣ Св. Петра, съ великимъ множествомъ духовенства: кардиналовъ, арцибискуповъ и бискуповъ, которыхъ было весьма много. Здѣсь и мы, по благословенію его святости, были во всемъ облаченіи нашемъ. За такое соединеніе наше и за то, что намъ сохранено все вполнѣ: какъ служба Божія, такъ и всѣ церемоніи и обряды, да будетъ честь и хвала Господу Богу нашему (1).»

Это письмо адрессовано было на имя епископа Львовскаго Гедеона Болобана отъ 29 Декабря 1595 года, но доставлено было уже въ 1596 году, Марта 3, брату Львовскаго епископа Григорію Болобану, священникомъ Михаиломъ, который при Кириллѣ Терлецкомъ исполнялъ должность проповѣдника. Когда Григорій Болобанъ распечаталъ письмо и поднесъ къ свѣчѣ, чтобъ прочитать подпись, то вдругъ обдало его какимъ-то порохомъ, отъ котораго онъ мгновенно впалъ въ обморокъ и потомъ страдалъ тяжкою болѣзнію. Его спасъ отъ наглой смерти, какими-то лекарствами, братъ его Гедеонъ Болобанъ, который бывалъ прежде въ чужихъ краяхъ и зналъ, что тамъ подобные порошки посылаются въ письмахъ и даются иными способами. Ему помогъ также своими лекарствами князь Константинъ Острожскій, который, отправляясь въ Варшаву на сеймъ, заѣхалъ въ Жидичинскій монастырь на богомолье и нашелъ тамъ Григорія Болобана въ тяжкой болѣзни (2).

Въ 1596 году, Апрѣля 23, сдѣлано было новое покушеніе на жизнь Григорія Болобана. Въ то время, когда онъ сидѣлъ съ гостями въ своей свѣтлицѣ, въ монастырѣ Жи-

(1) Письмо епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изъ Рима къ Гедеону Болобану, 1595 Декабря 29 (кн. грод. Владимірская 1596 года, листъ 106).

(2) Жалоба Гедеона Болобана о полученіи письма съ отравительнымъ порошкомъ. 1596 Марта 17 (кн. гродская Владимірская 1596 года, листъ 106).

дичинскомъ, неожиданно явились слуги Кирилла Терлецкаго, ѣздившіе въ Римъ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ: портной Василій Коростель и пѣвчій Павелъ. Закричавъ громкимъ голосомъ: «вашей милости наша служба», слуги Терлецкаго подошли къ Григорію Болобану, чтобъ привѣтствовать его пожатіемъ рукъ. Григорій Болобанъ, подозрѣвая злой умыслъ, сказалъ имъ: «вы были въ Италіи и поэтому знаете итальянскіе обычаи: такъ поцѣлуйте жъ прежде свои руки, а потомъ уже я буду здороваться съ вами.» Слуги Терлецкаго, махнувъ руками мимо своихъ устъ, поздоровались съ Болобаномъ взаимнымъ пожатіемъ рукъ. Попросивъ сѣсть, Болобанъ поподчивалъ ихъ медомъ и, выпивъ самъ, утеръ губы рукою. «Тотчасъ, говоритъ Болобанъ въ своей жалобѣ, я обомлѣлъ и почувствовалъ слабость великую; ядъ и отрава изъ руки вошли въ уста и распространились во мнѣ; я измѣнялся въ лицѣ, сталъ блѣденъ, и по тѣлу явились жолтыя пятна.» Пораженные изумленіемъ гости вынесли Григорія Балобана полумертвымъ изъ свѣтлицы; слуги Кирилла Терлецкаго бѣжали. На другой день, Апрѣля 24, генеральный возный осматривалъ больнаго и донесъ уряду Луцкому, что онъ нашелъ Григорія Болобана чуть живымъ, что видѣлъ на его тѣлѣ жолтыя пятна величиною въ талеръ. Возный освидѣтельствовалъ также слюну больнаго и нашелъ, что она была густа и тянулась непрерывною нитью, длиннѣе человѣческаго роста (1)

Трудно рѣшить, кто былъ настояшимъ виновникомъ этихъ преступныхъ покушеній. Григорій Болобанъ обвинялъ епископа Луцкаго Кирилла Терлецкаго и подалъ на него двѣ жалобы въ урядъ гродскій Владимірскій, предоставивъ себѣ вести дѣло формальнымъ порядкомъ, по своемъ выздоровленіи. Въ 1599 году Кириллъ Терлецкій былъ потребованъ на судъ въ урядъ гродскій Луцкій, по просьбѣ Болобана, который жаловался, что ему подослапа была Кирилломъ

(1) Жалоба Григорія Болобана на слугъ Кирилла Терлецкаго объ отравленіи. Осмотръ и донесеніе вознаго 1596 Апрѣля 26 (кн. грод. Владимірская 1596 года, листъ 177).

Терлецкимъ отрава, въ письмѣ и въ рукахъ слугъ, приготовленная волошскимъ, то есть италіанскимъ обычаемъ, что онъ отъ этой отравы чуть не умеръ, долго болѣлъ и до сихъ поръ поправиться не можетъ. Истецъ явился лично въ урядъ Луцкій и представилъ свидѣтелей; но судъ, по предложенію адвоката, присланнаго Терлецкимъ, отказался приступить къ разспросу свидѣтелей, подъ тѣмъ предлогомъ, что истецъ и отвѣтчикъ, будучи лицами духовными, подлежатъ духовному, а не свѣтскому суду. Недовольный такимъ рѣшеніемъ Болобанъ подалъ аппелляцію въ главный Люблинскій трибуналъ. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ (1).

Не станемъ обвинять Кирилла Терлецкаго въ недоказанномъ преступленіи; не можемъ, однакожъ, не замѣтить, что смерть Гедеона и Григорія Болобановъ могла бы имѣть для уніатовъ, и особенно для Кирилла Терлецкаго, выгодныя послѣдствія. Съ тѣхъ поръ, какъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объявилъ себя отступникомъ отъ вѣры, епископъ Гедеонъ Болобанъ, какъ старшій изъ іерарховъ, сдѣлался главою православнаго духовенства и неумолимымъ противникомъ уніи. Мы видѣли, что онъ торжественно обличалъ Кирилла Терлецкаго въ подложномъ составленіи актовъ и объявилъ намѣреніе непоколебимо стоять за Православную Вѣру. Смерть его избавила бы уніатовъ отъ самаго сильнаго противника. Гедеонъ Болобанъ, управляя епископіею Львовскою, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архимандритомъ Жидичинскаго монастыря, находившагося въ епархіи Луцкой, въ предмѣстьи города Луцка. Управленіе этимъ монастыремъ онъ поручилъ, съ разрѣшенія короля, брату своему Григорію Болобану, который, постоянно живя въ монастырѣ, имѣлъ возможность наблюдать за всѣми дѣйствіями Луцкаго епископа и тѣмъ навлекалъ на себя его непримиримую вражду. Сверхъ того Кириллъ Терлецкій имѣлъ надежду, по смерти

---

(1) Судебное преніе по дѣлу о двукратномъ отравленіи Болобана 1599 Апрѣля 1 (кн. грод. Луцкая 1599 года, листъ 422). Протестъ Болобана противъ рѣшенія суда гродскаго Луцкаго по вышеозначенному дѣлу (книга грод. Луцкая 1599 года, листъ 266).

Григорія Болобана, получить въ свою власть монастырь Жидичинскій съ его богатыми имѣніями (1).

По возвращеніи Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изъ Рима, католическое духовенство служило въ костелахъ молебны, благодаря Бога за то, что епископы возвратились изъ Рима въ добромъ здоровьи съ утѣшительными новостями, счастливо исполнивъ возложенное на нихъ порученіе. Но въ народѣ Русскомъ вѣсть о совершившемся соединеніи церквей произвела всеобщій ропотъ и негодованіе. Народъ обвинялъ епископовъ въ томъ, что они самовольно, безъ согласія духовенства, дворянства и простаго народа, также безъ дозволенія Греческихъ патріарховъ, подчинили себя самихъ и весь Русскій народъ чужой власти, признавъ старшинство Римскаго папы. На соединеніе Православной Церкви съ Католическою смотрѣли какъ на расколъ, производившій важныя перемѣны въ древней Православной Церкви, противныя религіознымъ догматамъ, правамъ и привиллегіямъ Русскаго народа.

Наступало время генеральнаго сейма, который, по призыву короля, долженъ былъ собраться въ началѣ 1596 года. Православное дворянство, собиравшееся, для предварительныхъ совѣщаній, на провинціальныхъ сеймахъ, постановило отправить депутатовъ, поручивъ имъ представить королю просьбы на генеральномъ сеймѣ. Депутаты отправлены были отъ дворянства земли Краковской и отъ воеводствъ: Кіевскаго, Волынскаго, Полоцкаго, Новогродскаго, Троцкаго, Брацлавскаго, Минскаго и Витебскаго. Во главѣ этихъ

---

(1) Замѣтимъ, что въ XVI вѣкѣ искусство отравленія извѣстно было въ Польшѣ въ самомъ утонченномъ видѣ. Врачъ курфюрста Бранденбургскаго Турнейзеръ, посылая какое-то противуядіе, въ видѣ бальзама, писалъ, въ 1578 году, къ королю Стефану Баторію: «Въ настоящее время людская злость достигла до такой степени, что нужно быть осторожнымъ не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ одеждѣ, въ умываньи и въ прикосновеніи къ какимъ бы то ни было вещамъ: потому что гибельное средство можетъ таиться въ разной домашней утвари, въ столахъ и скамьяхъ. Отъ одного прикосновенія къ нимъ человѣкъ можетъ лишиться жизни. Иногда дѣйствіе отравы открывается по истеченіи пятнадцати и даже тридцати дней; ядъ, чрезъ мускулы, нервы и жилы, проникаетъ до сердца.» Panowanie Henryka Walezynsza i Stefana Batorego. Krakow, 1849.

лицъ, рѣшившихся подать на сеймѣ голосъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ, находились князь Константинъ Острожскій и князь Юрій Друцкій-Горскій, посолъ воеводства Кіевскаго (1).

Просьбы всѣхъ воеводствъ заключали въ себѣ двѣ главныя статьи. Депутаты должны были просить короля: 1, чтобы епископы, отступившіе отъ православной вѣры, были лишены духовнаго сана; 2, чтобы постановлены были епископами лица православнаго исповѣданія, согласно съ Варшавскою конфедераціею 1573 Генваря 28, и съ жалованными грамотами прежнихъ королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Такую же просьбу представлялъ королю, лично отъ себя, и князь Константинъ Острожскій. Но король, твердо рѣшившійся поддерживать унію, не обратилъ вниманія ни на представленія депутатовъ, ни на просьбы князя Острожскаго.

Между тѣмъ наступилъ послѣдній день, назначенный для окончанія сейма. Тогда депутаты и князь Острожскій, отчаявшись получить отвѣтъ короля на представленныя ими просьбы, торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народъ Русскій не будутъ признавать Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя своими епископами, не будутъ признавать ихъ власти въ своихъ имѣніяхъ и не будутъ подчиняться ихъ духовной юрисдикціи. Сверхъ того, депутаты написали протестъ, въ которомъ изложены были обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя православнымъ народомъ Русскимъ, и, въ послѣдній день сейма, поручили

---

(1) Изложеніе событій, совершившихся по возвращеніи епископовъ изъ Рима, и описаніе Брестскаго собора, бывшаго въ 1596 году, мы заимствовали изъ слѣдующихъ актовъ: Протестъ князя Константина Острожскаго противъ епископовъ, подчинившихъ Православную Церковь папской власти, 1596 Мая 5; такой же Протестъ князя Друцкаго-Горскаго, 1596 Мая 6; Синодальный универсалъ православнаго Брестскаго собора, 1596 Октября 9; Протестъ православнаго Брестскаго собора противъ уніи и обязательство противудѣйствовать ея распространенію, 1596 Октября 9. Всѣ эти акты выписаны изъ книгъ главнаго трибунала Новогродскаго и внесены въ книгу гродскую Владимірскую 1596 года, листъ 489 на об. Сюда относится также Инструкція, данная православнымъ Брестскимъ соборомъ депутатамъ, отправленнымъ къ королю, 1596 Октября 9 (книга грод. Луцкая 1629 года, листъ 614).

прочитать этотъ актъ, на сеймѣ, въ присутствіи короля, Мартыну Буховецкому, писарю воеводства Познанскаго, но сеймъ читать протестъ не позволилъ. Буховецкій, заглушенный неистовыми криками, принужденъ былъ удалиться, протестовавъ противъ такого насилія.

Князю Острожскому и депутатамъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ только обратиться къ цѣлому народу и представить ему просьбы, отвергнутыя королемъ и сеймомъ. Съ этою цѣлію, князь Острожскій записалъ въ актовыя книги Варшавскаго сейма протестъ, изложивъ преступныя дѣйствія епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, и объявивъ твердую рѣшимость противодѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Въ такомъ же смыслѣ, депутаты православнаго дворянства подали два протеста для внесенія въ книги гродскія Радзіевскія: одинъ протестъ они подали лично отъ себя, за общею подписью, а другой поручили вписать въ актовыя книги князю Юрію Друцкому Горскому, послу воеводства Кіевскаго. Изъ актовыхъ книгъ извлечены были засвидѣтельствованныя копіи протестовъ и разосланы по воеводствамъ.

Тогда король приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ торжественно объявилъ себя защитникомъ епископовъ, отступившихъ отъ Православія, выразилъ непреклонное намѣреніе привести въ унію всѣхъ своихъ православныхъ подданныхъ, и, для исполненія этого намѣренія, повелѣлъ митрополиту Михаилу Рагозѣ собрать немедленно соборъ въ Брестѣ.

Князь Константинъ Острожскій и православное дворянство, какъ мы видѣли выше, просили короля на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй были лишены духовнаго сана. Въ отвѣтъ на это, король, желая показать, что подобныя просьбы онъ считаетъ неуважительными, и что уніатскіе епископы всегда могутъ ожидать отъ него защиты и покровительства, далъ Кириллу Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископію Луцкую и Острожскую (1). Въ этой грамотѣ

(1) Подтвердительная грамота Сигизмунда III епископу Кириллу Терлецкому

король ручается, за себя и за своихъ преемниковъ, что Кириллъ Терлецкій будетъ епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, въ теченіи всей своей жизни, пока угодно будетъ Богу сохранять его на землѣ; сверхъ того, король утвердилъ за Кирилломъ Терлецкимъ всѣ имѣнія епископіи Луцкой и обѣщалъ защищать его противъ всѣхъ недоброжелателей, которые осмѣлились бы лишить его епископскаго сана или отнять у него церковныя имѣнія.

Въ слѣдъ за тѣмъ, 1596 г. Мая 29, король издалъ манифестъ (1), которымъ онъ увѣдомлялъ своихъ православныхъ подданныхъ о совершившемся соединеніи церквей, старался оправдать задуманный имъ религіозный переворотъ доказательствами историческими и политическими, и опровергалъ тѣ причины, по которымъ Русскій народъ считалъ недѣйствительнымъ соединеніе церквей, постановленное въ Римѣ. Народъ Русскій считалъ это соединеніе недѣйствительнымъ во первыхъ потому, что оно совершилось по предложенію двухъ епископовъ, дѣйствовавшихъ самовольно, *безъ согласія духовенства, дворянства и простаго народа*, а также безъ дозволенія Греческихъ патріарховъ. Стараясь опровергнуть такое мнѣніе, король, въ означенномъ выше манифестѣ, снимаетъ вину съ преступныхъ епископовъ и всю отвѣтственность принимаетъ на себя: «господствуя счастливо, говоритъ король, въ государствахъ нашихъ и размышляя о ихъ благоустройствѣ, мы, между прочимъ, возымѣли желаніе, чтобы подданные наши греческой вѣры приведены были въ первоначальное и древнее единство съ вселенскимъ католическимъ Римскимъ костеломъ, подъ послушаніе одного верховнаго пастыря.» Вслѣдствіе такого объявленія, противившіеся уніи дѣлались противниками верховной королевской власти. Вторая причина, по которой народъ Русскій отвергалъ унію, состояла въ томъ, что онъ видѣлъ въ ней расколъ, вводив-

---

на епископію Луцкую и Острожскую, 1596 Мая 21. Современная копія, доставленая Коммиссіи изъ Корецкаго архива.

(1) Манифестъ Сигизмунда III о назначеніи собора въ Брестѣ, 1596 г. Мая 29 (кн. грод. Луцкая съ 1595 по 1597 годъ, листъ 250).

шій въ Православную Церковь перемѣны, противныя ея древнимъ догматамъ. Въ отвѣтъ на это, король, въ своемъ манифестѣ, старается успокоить народъ, увѣряя, что епископы, возвратившіеся изъ Рима, не привезли оттуда никакихъ нововведеній: «епископы, говоритъ король, не привезли изъ Рима ничего новаго и спасенію вашему противнаго, никакихъ перемѣнъ въ вашихъ древнихъ церковныхъ обрядахъ, но всѣ догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно съ постановленіями святыхъ апостольскихъ соборовъ и съ древнимъ ученіемъ святыхъ отцовъ Греческихъ, которыхъ имена вы славите, и которымъ посвященные дни вы празднуете.»

Тѣмъ же самымъ манифестомъ король повелѣлъ митрополиту Кіевскому Михаилу Рагозѣ собрать соборъ въ Брестѣ, назначить срокъ и оповѣстить объ этомъ православныхъ пригласительными листами. На этомъ соборѣ епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй должны были подробно изложить результатъ своей поѣздки въ Римъ и объявить о совершившемся соединеніи церквей. Пріѣздъ на соборъ дозволенъ былъ всѣмъ подданнымъ православнаго исповѣданія; но каждый долженъ былъ пріѣзжать какъ можно скромнѣе, не приводя съ собою непотребной толпы (згран непотребное). Присутствовать на соборѣ дозволялось только католикамъ и православнымъ. Соборъ долженъ былъ ограничиться вопросомъ о соединеніи церквей, не примѣшивая къ нему ничего посторонняго. Прибывшимъ на соборъ вмѣнялось въ обязанность во всемъ оказывать должное уваженіе къ верховной власти короля, не нарушать общественнаго спокойствія и вести дѣла въ согласіи и любви, съ благословеніемъ Божіимъ, на радость королю и всей Рѣчи Посполитой. Въ заключеніе, король изъявлялъ твердую надежду, что его вѣрные подданные, обдумавъ дѣло основательно, не найдутъ для себя ничего полезнѣе, выгоднѣе и утѣшительнѣе, какъ святое соединеніе церквей, которое водворяетъ и помножаетъ между народами взаимную любовь и миръ, охраняетъ цѣлость государственнаго союза и доставляетъ иныя, какъ земныя, такъ и небесныя утѣхи.

Въ слѣдствіе оповѣстительныхъ листовъ, разосланныхъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, прибыло въ Брестъ множество духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Изъ духовныхъ особъ явились: епископъ Львовскій Гедеонъ Болобанъ, епископъ Премысльскій и Самборскій Михаилъ Копыстенскій, екзархъ митрополіи Кіевской Несторъ Козминичъ. Прибыли также архимандриты нѣкоторыхъ монастырей: архимандритъ Кіевопечерской лавры Никифоръ Туръ, архимандритъ Супрасльскаго монастыря Иларіонъ Масальскій, архимандритъ Пинскаго монастыря Елисей, игуменъ монастыря Св. Спаса въ Дубнѣ Василискъ, изъ Выдубитскаго монастыря старецъ Никонъ. Сверхъ того съѣхалось на соборъ множество протоіереевъ и священниковъ изъ отдаленныхъ городовъ и мѣстечекъ Югозападной Россіи. Во главѣ православнаго духовенства находился протосингелъ патріарха Константинопольскаго, грекъ Никифоръ, получившій власть занимать на соборѣ мѣсто патріарха.

Изъ свѣтскихъ сановниковъ явились на соборъ: князь Константинъ Острожскій, кастелянъ Новогродскій князь Александръ Полубенскій, чашникъ Волынскій Ѳедоръ Урсулъ, судья земскій Луцкій Чапличъ, городничій Луцкій Иванъ Волынецъ Черничицкій, судья гродскій Владимірскій Демьянъ Павловичъ, стольникъ земли Волынской Андрей Боговитинъ, хорунжій земли Кіевской Яцко Бутовичъ, войскій Луцкій Жданъ Боровицкій и многіе другіе. Сверхъ того прибыли депутаты, присланные дворянствомъ нѣкоторыхъ воеводствъ и повѣтовъ, послы отъ городовъ и отъ Виленскаго церковнаго братства. Отъ Великаго княжества Литовскаго прибылъ депутатомъ Шиманъ Цивинскій, отъ воеводства Русскаго—Григорій Болобанъ, отъ воеводства Брестскаго—Василій Адамовичъ Старовольскій, отъ повѣта Пинскаго—Денисъ Слободскій. Мѣщане Виленскіе прислали депутатами ратмана и городоваго писаря, Луцкъ и Львовъ прислали по два депутата, Виленское церковное братство прислало четырехъ депутатовъ (1).

---

(1) Здѣсь перечислены имена только тѣхъ лицъ, которыя подписались подъ актами православнаго Брестскаго собора.

Партія приверженцевъ уніи также была многочисленна. Здѣсь были: митрополитъ Кіевскій Михаилъ Рагоза, епископы: Владимірскій, Луцкій, Полоцкій, Хелмскій и Пинскій. Сверхъ того, какъ сказано въ королевскомъ манифестѣ 1596 г. Декабря 15, съ епископами были многіе архимандриты, игумены, протопопы, попы, чернецы, дьяконы и многія другія духовныя и свѣтскія лица, которыхъ имена остались неизвѣстными. Къ нимъ присоединились, въ званіи королевскихъ комиссаровъ: Суликовскій, арцыбискупъ Львовскій, Мацѣіовскій, бискупъ Луцкій, Гомолинскій, бискупъ Хелмскій, Христофоръ Радзивилъ, воевода Троцкій, канцлеръ Левъ Сапѣга, Дмитрій Халецкій, казначей Литовскій, и іезуитъ Петръ Скарга.

Православное дворянство разныхъ воеводствъ, отправляя депутатовъ на Брестскій соборъ, дало имъ инструкціи, совершенно противныя мыслямъ и намѣреніемъ короля. Такихъ инструкцій было нѣсколько десятковъ, и всѣ онѣ сходны были въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Епископы, самовольно свергшіе съ себя власть патріарховъ и подчинившіеся чужой папской власти, должны быть лишены духовнаго сана; 2) Брестскій соборъ, созванный митрополитомъ Кіевскимъ, есть соборъ помѣстный, не получившій всеобщей гласности, созванный безъ дозволенія патріарховъ и всей Восточной Церкви. По этому онъ не имѣетъ власти постановить рѣшеніе о соединеніи Православной Церкви съ Римскимъ костеломъ; тѣмъ болѣе, что для твердости такого соединенія необходимо, прежде всего, согласить различіе въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій. Еще менѣе можетъ быть установлено и утверждено соединеніе церквей на основаніи, положенномъ двумя епископами, желавшими, отступленіемъ отъ вѣры, загладить свои проступки и умножить свои доходы. Древнее христіанское вѣроисповѣданіе, полученное издревле Русскимъ народомъ отъ Восточной Греческой Церкви, утвержденное законами, привиллегіями, конфедераціями и присягами королевскими, должно быть сохраняемо и укрѣпляемо во всей цѣлости, безъ отмѣны древняго старшинства патріарховъ и безъ нарушенія церковныхъ обрядовъ. 3) Не принимать новаго календаря,

явно противнаго церковнымъ канонамъ, но стараться о сохраненіи стараго календаря, согласно съ указами короля Стефана и другими объ этомъ предметѣ постановленіями.— Нельзя было ожидать, чтобъ Брестскій соборъ мирно окончилъ совѣщанія и постановилъ согласное и единодушное рѣшеніе.

Православное духовенство и дворянство поспѣшили прибыть въ Брестъ раньше срока, назначеннаго для открытія собора, и тотчасъ вступили въ сношеніе съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою. Они отправили отъ себя пословъ къ митрополиту, чтобъ привѣтствовать его и условиться о мѣстѣ, времени, порядкѣ засѣданій и о другихъ предметахъ, касавшихся собора. Митрополитъ принялъ пословъ, но на нѣкоторые вопросы не далъ никакого отвѣта, а на другіе далъ отвѣты, ничего не выражавшіе, и отпустилъ пословъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

Наступило *шестое Октября*, день, назначенный для открытія собора. Православное духовенство и дворянство собрались въ одномъ частномъ домѣ, который, по своей обширности, казался имъ наиболѣе удобнымъ для засѣданій, и здѣсь до самаго вечера ожидали распоряженій митрополита. Но митрополитъ не являлся и не давалъ о себѣ никакого извѣстія. Тогда соборъ отправилъ депутатовъ къ Львовскому арцыбискупу, который прибылъ въ Брестъ, по приказанію короля, чтобъ содѣйствовать успѣшному окончанію дѣла. Депутаты объявили арцыбискупу, что соборъ готовъ приступить къ совѣщаніямъ, и жаловались, что митрополитъ, къ общему удивленію, не дѣлаетъ никакихъ распоряженій для открытія собора, между тѣмъ, какъ ему извѣстно, что на всѣхъ съѣздахъ засѣданія открываются въ первый день, назначенный универсаломъ. Отъ арцыбискупа Львовскаго депутаты отправились къ митрополиту, но нигдѣ не могли найти его, ни въ его квартирѣ, ни въ церкви, ни въ другихъ мѣстахъ. Желая однакожъ, чтобы требованіе собора дошло до свѣденія митрополита, и чтобъ онъ не отговаривался невѣденіемъ, депутаты объявили объ этомъ епископу Пинскому Іонѣ Гоголю, поручивъ ему отыскать митрополита и объясниться съ нимъ.

Отправивъ депутатовъ къ арцыбискупу Львовскому и ми-

трополиту, соборъ немедленно приступилъ къ устройству засѣданій. По образцу сеймовъ, члены собранія раздѣлены были на два отдѣленія, или кола: на коло духовное и коло свѣтское. Начальникомъ *кола* духовнаго избранъ экзархъ Кіевской митрополіи Несторъ Козминичъ, маршаломъ кола свѣтскаго—Демьянъ Гулевичъ. При этомъ постановлены были нѣкоторыя правила о порядкѣ засѣданій для того, чтобы соборныя совѣщанія могли продолжаться стройно, благочестиво и спокойно. Какъ только соборъ получилъ окончательное устройство, тотчасъ депутаты, присланные дворянствомъ изъ воеводствъ, объявили, что они желаютъ изложить собору инструкціи, данныя дворянствомъ; но соборъ отложилъ слушаніе инструкцій до слѣдующаго дня.

На другой день, 7 Октября, соборъ снова ожидалъ вѣсти отъ митрополита, но ничего дождаться не могъ. Тогда члены православнаго собора убѣдились, что митрополитъ Михаилъ Рагоза только притворялся вѣрнымъ пастыремъ и защитникомъ Православной Церкви, злоупотребляя довѣріемъ своей паствы; что онъ уже давно втайнѣ сдѣлался отступникомъ и что теперь только рѣшился сбросить съ себя маску, объявивъ публично свое отреченіе отъ вѣры, и что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ постоянно имѣлъ въ виду заманить весь православный народъ въ туже самую сѣть, въ которую самъ попалъ. Соборъ рѣшилъ въ третій разъ отправить депутатовъ къ митрополиту, чтобъ напомнить ему пренебреженіе его къ собору, его уклоненіе отъ совѣщаній, и укорить его въ самовольномъ признаніи папской власти, безъ согласія православнаго народа Русскаго. Депутаты должны были объявить митрополиту, отъ лица всего собора: «Мы желаемъ согласія и соединенія церквей и поэтому не уклоняемся отъ религіозныхъ совѣщаній съ католиками; но видя, что митрополитъ съ нѣкоторыми епископами явно присталъ къ католикамъ и соединился съ ними, мы полагаемъ, что для него не нужны уже никакія совѣщанія о соединеніи церквей. Отдѣлившись отъ насъ, онъ не можетъ быть представителемъ нашихъ религіозныхъ интересовъ. По этому мы не можемъ позволить митрополиту съ его запо-

дозрѣнными собщниками участвовать въ соборныхъ совѣщаніяхъ, а тѣмъ болѣе постановлять окончательное рѣшеніе о соединеніи церквей; не можемъ также подчиняться его юрисдикціи, которой онъ самъ лишилъ себя, признавъ чуждую намъ папскую власть.» Въ заключеніе, послы должны были увѣщевать митрополита, чтобъ онъ съ своими сообщниками воздержался отъ жалкихъ поступковъ, чтобъ заблаговременнымъ покаяніемъ въ прежнихъ грѣхахъ оправдалъ себя предъ Святою Церковію и тѣмъ избавилъ бы соборъ отъ необходимости принимать противъ него дальнѣйшія мѣры.

Депутаты приняты были митрополитомъ съ яростію («фуріею») и презрѣніемъ, и возвратились на соборъ съ вѣстію, что отвѣта на соборное посланіе не будетъ. Соборъ, выслушавъ донесеніе пословъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, приступилъ къ слушанію депутатскихъ инструкцій. Въ это время послы королевскіе увѣдомили соборъ, что они желаютъ исполнить возложенное на нихъ королемъ порученіе, и требовали, чтобъ соборъ прислалъ къ нимъ депутатовъ, для выслушанія королевскаго повелѣнія. Когда депутаты явились къ королевскимъ посламъ, то имъ было объявлено, что король желаетъ соединенія Православной Церкви съ Римскимъ костеломъ. Соборъ, получивъ объ этомъ донесеніе, отправилъ королевскимъ посламъ слѣдующій отвѣтъ:

«Мы принимаемъ съ большою признательностію и благодарностію отеческое попеченіе короля, его милости, о водвореніи непарушимаго согласія между его подданными, и готовы приступить къ соединенію съ Римскимъ костеломъ, какъ по христіанской обязанности, такъ и по желанію исполнить волю его королевской милости. Но мы видимъ изъ исторіи, что святое соединеніе церквей уже нѣсколько разъ было установляемо и столько же разъ было расторгаемо, и именно потому, что не было примиряемо различіе въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій. Поэтому мы, не желая воздвигать непрочнаго зданія, желаемъ, чтобы къ соединенію церквей приступлено было съ возможною осторожностью, чтобы для достиженія этой цѣли избраны были удобнѣйшіе пути и надежныя средства, такъ чтобы унія, созданная на проч-

номъ основаніи, могла существовать долго и, дай Боже, вѣчно. Но зная, какіе люди, въ настоящее время, подали поводъ къ переговорамъ о соединеніи церквей, зная, что это дѣлается безъ согласія всей Восточной Церкви и особенно патріарховъ, что переговоры поручены были епископамъ большею частію подозрительнымъ, и что на нынѣшнемъ соборѣ не могутъ быть примирены разности въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій, мы не видимъ основанія, на которомъ бы можно было утвердить неразрывное соединеніе церквей, и поэтому такое соединеніе рѣшительно отвергаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь, чтобы несогласіе наше на унію не было объяснено королевскими послами въ дурную сторону и не навлекло на насъ королевскаго гнѣва, мы объявляемъ, что охотно приступимъ къ соединенію съ Римскимъ костеломъ, когда согласится на это вся Восточная Церковь и особенно патріархи, когда для этого избраны будутъ законные пути и приняты приличныя мѣры, когда согласены будутъ въ самомъ основаніи всѣ разности въ церковныхъ догматахъ и обрядахъ обоихъ вѣроисповѣданій, и когда, такимъ образомъ, проложена будетъ дорога къ прочному и неразрывному соединенію церквей (1).»

Давъ такой отвѣтъ, соборъ продолжалъ свои совѣщанія. Единогласно приняты были слѣдующія соборныя постановленія:

1) Митрополитъ и епископы, отступившіе отъ Православія, хотя получили церковныя имѣнія отъ короля, однакожъ санъ духовный, старшинство и власть духовная даны имъ не свѣтскою властію, но духовными лицами. На этомъ основаніи высшее духовенство, присутствовавшее на Брестскомъ соборѣ, считаетъ себя въ правѣ, не безъ сердечной

(1) Этотъ отвѣтъ посламъ королевскимъ Скарга, въ описаніи Брестскаго собора, передаетъ въ слѣдующемъ видѣ: «соединеніе Греческой церкви съ Римскимъ костеломъ есть дѣло великое и глубокое, а у насъ головы мелкія, и потому мы ни во что входить не желаемъ. Пытались достигнуть этого соединенія великіе короли, но не могли привести дѣла къ концу; поэтому и мы этого дѣла рѣшать не будемъ.» Rychcickiego, Piotr Scarga i iego wiek. T. II. p. 139.

жалости, лишить заблуждшихъ, клятвопреступныхъ пастырей духовнаго сана, юрисдикціи и всей духовной власти, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать у нихъ и церковныя имѣнія, чтобъ предупредить дальнѣйшій упадокъ Святой Православной Церкви.

2) Вмѣнено въ обязанность свѣтскимъ лицамъ, присутствовавшимъ на соборѣ, отправить къ королю депутатовъ и униженно просить, чтобы его королевская милость, обративъ вниманіе на законность соборнаго постановленія о клятвопреступныхъ пастыряхъ, на права, привиллегіи и конфедераціи, подтвержденныя собственною его королевскою присягою, не дѣлалъ насилія народу Русскому въ исповѣданіи вѣры и въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, но отлучилъ бы преступныхъ пастырей отъ хлѣба духовнаго, уже не принадлежащаго имъ, и на мѣсто ихъ избралъ бы другихъ епископовъ и митрополита, исповѣдующихъ истинную Православную вѣру.

3) Соборъ постановилъ разослать листы на всѣ ближайшіе повѣтовые сеймы, прося православное дворянство ходатайствовать на Варшавскомъ генеральномъ сеймѣ объ исполненіи рѣшеній, постановленныхъ соборомъ. Если бы сеймъ не обратилъ вниманія на ихъ ходатайство, то положено было обратиться съ просьбами къ королю.

Въ заключеніе всѣ, присутствовавшіе на соборѣ, единогласно дали обѣтъ, за себя и за потомковъ своихъ, не подчиняться митрополиту и епископамъ, отступившимъ отъ Православія, не оказывать имъ ни въ чемъ послушанія и не признавать ихъ власти ни въ коронныхъ городахъ, ни въ своихъ имѣніяхъ. Они поклялись своею вѣрою, совѣстію и честію пребывать твердо въ святой христіанской вѣрѣ, принятой ими въ святомъ крещеніи, признавать только истинныхъ, православныхъ пастырей, и особенно патріарховъ, не отступать безъ ихъ дозволенія отъ стараго календаря, усердно оберегать покой между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, противодѣйствуя всякимъ насиліямъ и нововведеніямъ, нарушающимъ незыблемость вѣры и спокойное отправленіе церковныхъ обрядовъ по древнему обычаю.

Такой обѣтъ соборъ торжественно объявлялъ Богу и всему свѣту, и особенно братіи своей, православнымъ обывателямъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго.

Окончивъ совѣщанія, соборъ немедленно приступилъ къ исполненію своихъ постановленій: разослалъ листы повѣтовымъ сеймамъ, публиковалъ декретъ о низложеніи принявшихъ унію митрополита и епископовъ и отправилъ къ королю депутатовъ, давъ имъ подробную инструкцію. Наконецъ соборъ, въ особомъ универсалѣ, публиковалъ описаніе своихъ дѣйствій, на память потомкамъ и для предупрежденія превратныхъ толкованій (1).

Въ то самое время, когда православный соборъ Брестскій совѣщался о средствахъ къ защитѣ своей вѣры, митрополитъ Михаилъ Рагоза, въ продолженіи трехъ дней, имѣлъ засѣданія, съ своими сообщниками, въ церкви Св. Николая. Въ засѣданіи 9-го Октября торжественно принято было согласіе на унію, постановлено опредѣленіе о лишеніи духовнаго сана и проклятіи епископовъ и ихъ сообщниковъ, участвовавшихъ въ православномъ Брестскомъ соборѣ и отвергшихъ соединеніе съ Римскимъ костеломъ (2).

Брестскій соборъ, законченный проклятіями, имѣлъ гибельныя послѣдствія, совершенно противныя тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремились поборники уніи. Мы видѣли, что Польское правительство, распространяя унію, имѣло въ виду водворить единовѣріе и тѣмъ укрѣпить государственный организмъ, ослабленный внутреннимъ неустройствомъ. Но послѣдствія не оправдали ожиданій Польскаго правительства.

---

(1) Этотъ универсалъ представленъ былъ для внесенія въ гродскія Брестскія книги, но такъ какъ староста Брестскій Халецкій принять его не хотѣлъ, то онъ былъ вписанъ въ книги трибунала Новогродскаго, а выпись изъ этихъ книгъ внесена въ гродскія книги Владимірскія.

(2) Въ актовыхъ книгахъ мы не нашли никакихъ подробностей о совѣщаніяхъ уніатовъ на Брестскомъ соборѣ. Въ книгѣ гродской Луцкой 1595—1597 годъ записаны только два постановленія этого собора: Листъ митрополита Михаила Рагозы и уніатскихъ епископовъ, подвергающій епископа Гедеона Болобана проклятію, 1596 Октября 9, и такой же Листъ, лишающій духовнаго сана всѣхъ духовныхъ, не согласившихся на унію, 1596 Октября 10 (кн. грод. Луцкая, лис. 91 и 93). Оба акты напечатаны въ А. З. Р. т. IV, стр. 146 и 148.

Этотъ религіозный переворотъ, раздѣливъ народъ на два враждебные стана, поселилъ въ немъ нескончаемый раздоръ и тѣмъ еще болѣе содѣйствовалъ къ ослабленію государства. Чтобъ распространять католичество и приготовить народъ къ принятію уніи, Польское правительство предоставило іезуитамъ воспитаніе Западнорусскаго дворянства. Эти искусные педагоги направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы ослабить въ своихъ воспитанникахъ народные элементы и тѣмъ сдѣлать ихъ способнѣе къ принятію новыхъ началъ, выработанныхъ католическимъ Западомъ. Молодые дворяне, воспитанные іезуитами, легкомысленно отрекались отъ своей вѣры, забывали родной языкъ и смотрѣли съ неуваженіемъ на все, что только имѣло на себѣ печать Русской народности. Отъ этого разорвана была внутренняя моральная связь между аристократіею и народомъ, осталась одна внѣшняя юридическая связь, основанная на законѣ, подчинявшемъ простой народъ неограниченной власти аристократовъ; и когда народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, разорвало и эту послѣднюю связь, то ни одинъ вопль жалости не раздался въ народѣ въ защиту аристократіи, отрекшейся отъ своей вѣры и презрѣвшей свою народность.

Папа и другіе христіанскіе государи, считавшіе Польшу оплотомъ противъ возраставшаго магометанства, полагали, что унія, увеличивъ политическую силу Польскаго королевства, дастъ ему возможность противодѣйствовать могуществу Турецкой Имперіи; но не прошло и ста лѣтъ со введенія уніи, какъ султанъ Турецкій Магометъ IV, съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ, прошелъ Украину до самаго Львова и принудилъ Польшу къ позорному миру.

Наконецъ, Польскіе политики, видя возраставшее могущество Московскаго государства и религіозное сочувствіе къ нему Югозападной Руси, полагали, что унія уничтожитъ эту моральную связь между двумя единоплеменными и единовѣрными народами; но религіозный переворотъ, совершившійся насильственно, путемъ административнымъ, преслѣдованіе Православной Вѣры и презрѣніе, оказываемое Русской народности, обновивъ религіозное чувство и любовь

ко всему родному, побуждали Югозападную Русь разорвать противоестественную, насильственную связь съ Польшею, и искать спасенія въ возсоединеніи въ одно государство съ единовѣрною Восточною Русью. Окончательный результатъ изображеннаго нами религіознаго движенія состоялъ въ томъ, что унія, какъ зло, созданное недальновидною мудростію человѣческою, исчезла; осталось дѣло Божіе: возсоединенная Россія съ своимъ необъятно великимъ будущимъ.

Н. Иванишевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАФА РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО

И ЕГО СОТРУДНИКОВЪ:

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

1. Русская Исторія.

а) Западная Русь.

Вѣстникъ Западной Россіи за 1867 годъ.—Документы относящіеся къ исторіи Уніи.—Гедеонъ Балабанъ, Львовскій епископъ.—Супрасльскій монастырь.—Андрусовскій договоръ и Петръ Дорошенко.—Положеніе сѣверо-западнаго края съ 1813 по 1825 г. (записка Кукольника).—Пруссаки въ бывшихъ польскихъ областяхъ.

Приступая къ обозрѣнію журнальныхъ статей по русской исторіи, мы прежде всего остановимся на журналѣ *Вѣстникъ Западной Россіи*, котораго еще ни разу не имѣли случая касаться. Посвященный разработкѣ мѣстныхъ интересовъ, и преимущественно мѣстной исторіи западнаго края, этотъ журналъ имѣетъ особенно важное значеніе въ настоящее время, когда положеніе русской народности на западѣ Россіи составляетъ одинъ изъ самыхъ живыхъ государственныхъ вопросовъ. Труды, которыми *Вѣстникъ* за прошедшій годъ обогатилъ бѣдную ученою разработкой исторію западнаго края, состоятъ въ обнародованіи подлинныхъ историческихъ документовъ и затѣмъ въ историческихъ монографіяхъ.

Бо́льшая часть напечатанныхъ документовъ относится ко времени уніи. Извѣстно, какую важную роль играли при началѣ уніи православныя братства. Соединяя въ одно цѣлое ревнителей древней вѣры, братства поддерживали въ нихъ твердость убѣжденій и энергически боролись противъ насилій и хитростей нововводителей. *Вѣстникъ* сообщаетъ двѣ протестаціи Виленскаго братства противъ злоупотребленій представителей уніи. Первая въ 1608 году принесена Виленскимъ земскимъ судьямъ на уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя (кн. 8). Братство жалуется, что Поцѣй, лишенный святительскаго сана Константинопольскимъ патріархомъ, вопреки всѣмъ духовнымъ

Ж. М. Н. П. 1868 N 3

и свѣтскимъ правамъ и привилегіямъ православныхъ подданныхъ Польскаго короля, осмѣлился, по смерти Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы, подчинить Кіевскую митрополію Римскому папѣ. Пріѣхавъ въ Вильно, Поцѣй понуждаетъ народъ признать главенство папы, и чтобъ удобнѣе достигнуть своихъ цѣлей, учреждаетъ при церкви св. Троицы новое братство. Православное братство формально предупреждаетъ Поцѣя и всѣхъ его помощниковъ, что оно будетъ преслѣдовать судомъ духовнымъ и свѣтскимъ всякую попытку принудить православныхъ къ подчиненію папѣ, какъ противную всѣмъ правамъ, свободамъ и вольностямъ.

Случай къ преслѣдованію представился скоро. Въ Вильно явился ксендзъ Веньяминъ Рутскій, въ качествѣ намѣстника Поцѣя, мнимаго Кіевскаго митрополита, и началъ дѣлать притѣсненія православнымъ, преимущественно Виленскому братству. Въ декабрѣ 1608 года, Рутскій, „чинечы не малый разрухъ и взрушенье покою посполитого“, привлекъ къ суду братство на томъ мнимомъ основаніи, что будто бы члены братства напали на Троицкій монастырь, принадлежавшій уніатамъ, и насильственно овладѣли имъ. Ночью того же дня приверженцы Рутскаго ходили около зданій братства „съ великимъ гукомъ и стрѣляньемъ съ пулгаковъ“, произносили хулы на братскую церковь, и схвативъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и чернецовъ, потащили ихъ въ судъ. Выводя дѣйствія Рутскаго изъ желанія „зъ кгрунту вывернути вѣру старомытную и всѣ права, свободы и вольности народу Россійскаго“, братство протестовало (кн. 8) противъ Рутскаго и его пособниковъ, какъ противъ нарушителей общественнаго спокойствія, и просило Виленскаго намѣстника объявить Рутскому, что о поступкахъ его будетъ доведено до свѣдѣнія сейма и судебной власти.

Обѣ протестаціи проникнуты сознаніемъ силы и правоты защищаемаго дѣла. Братство не ищетъ милости, а преслѣдуетъ нарушителей его правъ. Чѣмъ же объяснить его смѣлую рѣчь противъ такихъ лицъ, которыя явно пользовались содѣйствіемъ польскаго правительства? На сторонѣ братства были сильные покровители, которые могли замолвить за него слово предъ слабымъ правительствомъ. Въ 8 кн. *Вѣстника* помѣщено письмо князя Константина Острожскаго ко Львовскому братству отъ 10-го августа 1604 года. Кіевскій воевода извѣщаетъ, что онъ довелъ до свѣдѣнія короля „объ утискахъ и трудностяхъ Львовянъ отъ ихъ преслѣдниковъ“, и получилъ предписаніе къ уніатскому митрополиту о прекращеніи насилій. Князь

не сомнѣвается, что эта мѣра подѣйствуетъ, и его „милымъ Львовянамъ“ станетъ легче.

Постоянныя распри уніатовъ съ православными вызвали, наконецъ, попытки со стороны польскаго правительства примирить враждующія стороны. На сеймѣ 1632 года, избравшемъ въ короли Владислава IV, было постановлено возвратить „не-унитамъ“ нѣкоторыя церкви и монастыри, захваченные уніатами. Это рѣшеніе прописано въ универсалѣ о возвращеніи православнымъ жителямъ города Бѣльска и мѣстечка Клешеля церквей, отнятыхъ уніатами (кн. 3), и въ грамотѣ, данной въ 1633 году Минскому Петропавловскому монастырю (кн. 4). Въ послѣднемъ документѣ заключается, между прочимъ, перечисленіе правъ, которыя были признаны Польскими королями за Виленскимъ братствомъ и распространены на Петропавловское Минское братство. Братства освобождались отъ подсудности мѣстнымъ судебнымъ установленіямъ („оддалены отъ всякихъ присудовъ трибунальскихъ, маршалковскихъ, земскихъ, гродскихъ и мѣстскихъ“) и подчинялись лишь юрисдикціи самаго короля; домы, принадлежащіе братству, и живущіе въ нихъ люди освобождались отъ всякихъ податей и повинностей; предоставлялось право заводить школы и типографіи, пріобрѣтать всякаго рода движимое и недвижимое имущество.

Однако примирительныя мѣры польскаго правительства не увѣнчались успѣхомъ. Обиды и насилія со стороны уніатовъ не прекратились, какъ это видно изъ нѣсколькихъ жалобъ на уніатовъ, напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ*. Въ 1633 году братство Бѣльской Богоявленской церкви съ мѣщанами того же города жаловалось на уніатскаго епископа Іосифа Мокосѣя Боковецкаго (кн. 2) за то, что послѣдній, въ бытность свою въ Бѣльскѣ, во всеуслышаніе объявилъ о своемъ намѣреніи искоренить въ Бѣльскѣ православіе и отнять на унію Богоявленскую церковь и вскорѣ за тѣмъ прислалъ своего намѣстника Симоновича, который, при содѣйствіи мѣстнаго уніатскаго духовенства, взбунтовалъ мѣщанъ и съ ихъ помощью ворвался въ церковь, завладѣлъ имуществомъ и выгналъ жившихъ при церкви. Въ 1636 году, какъ видно изъ жалобы намѣстника православныхъ церквей въ Бѣльскѣ съ прихожанами (кн. 2), Бѣльскій подстаростій съ нѣкоторыми лицами изъ уніатскаго духовенства, мѣщанами и 200 человѣкъ вооруженной пѣхоты, напалъ на Богоявленскую церковь, разломалъ замки, ворвался въ церковь, поднялъ страшный шумъ, „разныя дѣлалъ безобразія“, ругалъ и билъ до крови находившихся около церкви православныхъ. Покончивъ съ этою церковью, толпа отпра-

вилась къ храмамъ св. Николая и Воскресенія Христова, опечатала ихъ и насильно обратила въ унію, а самаго намѣстника, заковавъ въ кандалы, бросила въ темницу, рвала бороду „и разныя другія дѣлала насилія и всякія беззаконія". Въ 1643 году церкви св. Николая и Воскресенія снова подверглись нападенію со стороны духовныхъ лицъ изъ уніатовъ, сопровождаемыхъ вооруженными людьми, при чемъ находившіеся въ церкви православные были избиты и изранены, а самыя церкви отняты на унію. Въ этой же жалобѣ говорится, что уніаты запрещаютъ православнымъ свободное отправленіе Богослуженія; препятствуютъ священникамъ ходить съ дарами къ умирающимъ; арестуютъ тѣла умершихъ и требуютъ выкупа; запрещаютъ браки въ православныхъ церквахъ, а если кто совершитъ ихъ, забираютъ воловъ; вынудили отъ нѣкоторыхъ мѣщанъ Бѣльскихъ какую-то подписку, на основаніи которой всѣхъ жителей г. Бѣльска не-унитовъ насильно заставляютъ принимать унію; дѣлаютъ несправедливые протесты о дѣлахъ никогда небывалыхъ, и подъ предлогомъ религіи, причиняютъ православнымъ несносныя обиды, доводятъ ихъ до большихъ убытковъ (кн. 3). Споръ о принадлежности Бѣльскихъ церквей длился до 1668 года, когда наконецъ, рѣшеніемъ коммиссарскаго суда (кн. 3) были присуждены православнымъ три церкви: Воскресенія, Богоявленія и св. Николая, на томъ основаніи, что ни священники, ни прихожане этихъ церквей не приняли уніи,—а уніатамъ отданы двѣ церкви—Пречистенская и Троицкая. Тѣмъ же рѣшеніемъ установленъ штрафъ въ 30.000 польскихъ гривенъ за всякое нарушеніе общественнаго спокойствія и предписано обѣимъ сторонамъ „взаимное оказывать уваженіе и честь", въ особенности же съ почтеніемъ относиться къ католическимъ ксендзамъ.

Другія мѣстности были не счастливѣе Бѣльска. Въ 1636 году православные священники и мѣщане города Дрогичина принесли королю жалобу на старосту Дрогичскаго Лемшовольскаго въ томъ, что послѣдній причиняетъ имъ разныя притѣсненія и обиды. Король написалъ старостѣ увѣщательное письмо (помѣщ. во 2-й кн.), чтобъ онъ прекратилъ насилія.

Гоненія на православіе не прекратились и въ XVIII столѣтіи. Въ 1732 года Ошмянскій стольникъ Познякъ напалъ на Виленскій Святодуховскій монастырь во время Богослуженія, побилъ въ храмѣ окна, билъ монаховъ, рвалъ у нихъ бороды и волосы (См. реляцію Виленскаго вознаго, выписанную изъ гродскихъ книгъ воеводства Виленскаго, кн. I). Вскорѣ тотъ же стольникъ поймалъ на дорогѣ на-

стоятеля Святодуховскаго монастыря, стащилъ его съ телѣги, и „нанося жестокіе удары, завелъ въ курдыгардію (на обвахту)“, „потомъ вечеромъ лежачаго тащили за волосы и за бороду, повырывали волосы и въ куски порвали рясу“ (Выпись изъ гродскихъ книгъ, кн. 1). Къ 1747 году относятся три позыва въ Варшавскій трибуналъ (напечатаны въ 1-й и 2-й кн.) разныхъ лицъ изъ католическаго и уніатскаго духовенства по жалобамъ настоятеля Виленскаго Святодуховскаго монастыря о насильственномъ захватѣ церквей и разныхъ обидахъ православнымъ. Въ 1768 году жители с. Окниной доносили Переяславскому епископу Гервасію, что Поляки и уніаты причиняютъ имъ гоненіе, избили священника и нѣсколькихъ крестьянъ, явившихся къ нему на помощь, и грозятъ повѣсить всѣхъ оставшихся вѣрными православію (кн. 5).

Изъ числа остальныхъ документовъ болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе письменныя обязательства 12 приходскихъ обществъ Бѣлоцерковскаго староства, данныя въ Переяславской духовной консисторіи (1768 г.). Прихожане за себя и за своихъ потомковъ обязываются „цѣло и ненарушимо хранить православное грекороссійское исповѣданіе, не принимать инославія римскаго и уніатскаго, а во время гоненія на церковь Божію не щадить живота своего“.

Переходя къ историческимъ монографіямъ, помѣщеннымъ въ *Вѣстникѣ*, мы начнемъ съ тѣхъ, которыя имѣютъ связь съ временемъ уніи. Извѣстно, что унія составляетъ измышленіе двухъ лицъ, Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя. Но большинство уніатскихъ историковъ, а вслѣдъ за ними и нѣкоторые русскіе, желая придать болѣе благовидности дѣйствіямъ иниціаторовъ, приписываютъ участіе въ замыслахъ объ уніи нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ членовъ тогдашняго духовенства, между прочимъ, Гедеону Балабану, епископу Львовскому. Статья „Гедеонъ Балабанъ, Львовскій епископъ“, напечатанная во 2-й книжкѣ *Вѣстника*, заключаетъ въ себѣ основательныя доказательства несправедливости этого обвиненія. Говорятъ, что Гедеонъ имѣлъ причины пристать къ уніи; онъ велъ споры со Львовскимъ братствомъ и въ этихъ спорахъ не былъ поддержанъ восточными патріархами, которые поставили братство въ независимое положеніе отъ епископа. Авторъ доказываетъ, что Гедеонъ, хотя дѣйствительно имѣлъ несогласія съ братствомъ, но никогда не увлекался местью на столько, чтобъ изъ-за этого отступить отъ православія. Напротивъ, онъ помо-

галъ братству и искалъ случаевъ примириться съ нимъ чрезъ князя Константина Острожскаго. Что̀ касается до распоряженія патріарха относительно Львовскаго братства, то оно на самомъ дѣлѣ послѣдовало въ 1589 году; но вызванное крайнимъ положеніемъ дѣлъ и пользою братства, оно не могло оскорбить епископа. Притомъ многіе факты, приведенные въ статьѣ, показываютъ, что патріархи старались почти всегда поддерживать епископа, а самъ Гедеонъ не прерывалъ во все время іерархическихъ отношеній къ нимъ. Уніатскіе писатели указываютъ еще на личную дружбу съ Терлецкимъ, какъ на мотивъ для Гедеона къ сочувствію уніи. Въ опроверженіе авторъ приводитъ много фактовъ, доказывающихъ непріязненныя отношенія Терлецкаго и Гедеона; такъ, напримѣръ, Константинопольскій патріархъ Іеремія въ своей грамотѣ 1589 года прямо обвиняетъ Гедеона въ томъ, что онъ „глаголалъ о Терлецкомъ вещи неключимыя". Главнымъ основаніемъ для обвиненія Гедеона служитъ приписываемое ему участіе на частныхъ съѣздахъ и соборахъ, которые созывались Терлецкимъ и Поцѣемъ для совѣщаній объ уніи. Факты, собранные въ статьѣ, представляютъ участіе Гедеона въ съѣздахъ чистою выдумкою поборниковъ уніи. Что̀ же касается до соборовъ, то авторъ отвергаетъ самое ихъ существованіе. Онъ полагаетъ, что Терлецкій и Поцѣй вынуждены были держать въ тайнѣ свое намѣреніе, столь противное интересамъ и желаніямъ русскаго населенія, и дѣйствительно держали до самаго Брестскаго собора 1596 года, окончательно узаконившаго унію. Это видно, между прочимъ, изъ окружнаго посланія Константина Острожскаго, въ которомъ прямо говорится, что митрополитъ и епископы „потаемнѣ согласились между собою" на введеніе уніи. Авторъ подробно разбираетъ показанія уніатскихъ лѣтописцевъ о всѣхъ будто бы бывшихъ соборахъ и съ большимъ критическимъ остроуміемъ обличаетъ ихъ въ противорѣчіяхъ и лжи. Сопоставленіе приведенныхъ въ статьѣ доказательствъ съ послѣдующею дѣятельностію Гедеона на пользу православія вполнѣ снимаетъ со Львовскаго епископа наброшенную на него тѣнь и выставляетъ предъ нами въ должномъ свѣтѣ образъ этого ревнителя древней вѣры.

Обширная статья архимандрита Модеста: „Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь" (кн. 2, 3, 4, 5, 6 и 7), въ которой авторъ подробно, на основаніи новыхъ, большею частію не изданныхъ еще документовъ, излагаетъ исторію этой обители, знаменитой въ лѣтописяхъ уніи, вво-

дитъ читателя во внутреннюю жизнь уніатскихъ монастырей. Супрасльскій монастырь, находящійся на берегу рѣчки Супрасли (Гродненской губерніи въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ), основанъ въ концѣ XV столѣтія великимъ маршаломъ княжества Литовскаго, Александромъ Ходкевичемъ. Въ началѣ XVII столѣтія онъ принялъ унію. Съ этихъ поръ начинаются постоянныя несогласія между монастыремъ и его фундаторами. Потомки фундаторовъ считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ монастырское управленіе, и кромѣ того требовали необычайныхъ почестей. Такъ, въ 1630 году Ходкевичъ извѣстилъ монастырь, что „онъ ѣдетъ туда, и потому, какъ только въ монастырѣ заслышатъ звукъ трубы, должны звонить во всѣ колокола, а архимандритъ съ братіею должны встрѣтить его на монастырскомъ дворѣ". Монастырь отстаивалъ свою самостоятельность въ дѣлахъ церковныхъ. Споры были прекращены единственно вмѣщательствомъ Польскаго короля Сигизмунда III, который призналъ независимость монастыря отъ попечителей, предоставивъ однако послѣднимъ право представлять для посвященія митрополиту вновь избираемыхъ архимандритовъ.

Отстоявъ свои права отъ притязаній фундаторовъ, монастырь захотѣлъ стать въ болѣе независимое отношеніе и къ уніатскому митрополиту. Борьба съ митрополитами, продолжавшаяся въ теченіе всего XVIII столѣтія, объясняется самымъ устройствомъ монастыря. Монастырь принадлежалъ къ базиліанскому ордену, который имѣлъ право составлять свои капитулы. Съ правилами этихъ капитуловъ обязанъ былъ сообразоваться митрополитъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ папскаго отлученія. Поводомъ къ спору послужилъ вопросъ объ избраніи архимандритовъ: монастырь, на основаніи базиліанскихъ капитуловъ, оспаривалъ избирательное право митрополита, и оставлялъ за нимъ лишь утвержденіе и посвященіе представленныхъ кандидатовъ. Однако споръ кончился въ пользу митрополита.

Несогласія, невыгодно отозвавшіяся на дисциплинѣ и вліяніи монастыря, длились до самаго присоединенія Бѣлостокской области къ Пруссіи въ 1795 г. Первымъ дѣломъ прусскаго правительства было отобраніе богатыхъ монастырскихъ имѣній, съ выдачею скуднаго за нихъ вознагражденія. Обѣднѣвшаго монастыря не поправило и то обстоятельство, что съ 1798 года онъ составлялъ резиденцію вновь учрежденной Супрасльской епархіи. Авторъ подробно излагаетъ дѣла Супрасльской епархіи. Изъ нихъ мы не можемъ не обратить вниманія на нѣкоторыя мѣры, характеризующія прусскую политику относительно его новыхъ подданныхъ. Въ видахъ объединенія подданныхъ различ-

ныхъ вѣроисповѣданій, правительство старалось, сколько возможно, сблизить протестантовъ съ уніатами, а послѣднихъ съ латинянами. Отправляясь отъ того страннаго мнѣнія, что уніатское и протестантское вѣроисповѣданія близки между собой, оно предписало членамъ того и другаго совмѣстно отправлять Богослуженіе въ грекоунитскихъ церквахъ Бѣлостокской, Кнышинской и Тыкоцинской. Съ тою же цѣлію правительство думало уменьшить число уніатскихъ праздниковъ и ввести Грегоріанскій календарь. Тогдашній Супрасльскій епископъ Ѳеодосій Вислоцкій ревностно отстаивалъ свое исповѣданіе отъ правительственныхъ притязаній. Вскорѣ послѣ присоединенія Бѣлостокской области къ Россіи была учреждена Литовская митрополія, и въ Супрасльскомъ монастырѣ назначено жительство митрополичьяго суффрагана. Въ 1845 г. Благовѣщенскій монастырь возсоединенъ съ православною церковью.

Супрасльскій монастырь извѣстенъ древнею типографіей, которая была основана въ 1687 г. и существовала до 1844 г. Въ 1720 г. тамъ напечатаны богослужебныя книги для всѣхъ 10.000 уніатскихъ церквей; продажа книгъ доставила монастырю 618.000 польскихъ злотыхъ.

Насильственное введеніе уніи и послѣдовавшія за тѣмъ гоненія на православіе вызвали продолжительную борьбу между югозападною Русью и Польшею. Центромъ этой борьбы была Малороссія. Истощенная долговременными войнами, Малороссія въ 1654 году признала подданство единовѣрнаго Московскаго царя. Польша не хотѣла уступить, но перевѣсъ въ возгорѣвшейся по этому поводу войнѣ остался на сторонѣ Россіи; Виленскимъ договоромъ 1656 г. Польша вынуждена была признать за Россіей Малороссію и Бѣлоруссію. Едва Польша нѣсколько оправилась, снова началась война, которая на этотъ разъ была неудачна для Россіи и повлекла за собою отдачу Польшѣ всей западной Малороссіи по Андрусовскому договору. Хотя московскія войска потерпѣли нѣсколько пораженій, но Россія вовсе не была такъ истощена, чтобы невыгодный Андрусовскій договоръ былъ для нея дѣломъ необходимости. Какія причины склонили къ нему московское правительство, это объясняется въ статьѣ М. Александровича: „Андрусовскій договоръ и Петръ Дорошенко“, помѣщенной въ 3, 4 и 5 книжкахъ *Вѣстника*.

Уступка, сдѣланная Россіей, вытекаетъ, по мнѣнію автора, единственно изъ положенія дѣлъ въ самой западной Малороссіи. Вскорѣ

послѣ Переяславскаго договора, по которому Малороссія отдалась Московскому государю, въ ней начались неурядицы. Московское подданство не удовлетворило крайней демократической партіи (посполитства), потому что все управленіе перешло въ руки реестровыхъ казаковъ. Преемники Хмѣльницкаго, Выговскій и Тетеря, не въ силахъ были усмирить бунтующія массы. Въ Малороссіи явилось два гетмана, владѣнія которыхъ были раздѣлены Днѣпромъ. Въ восточной Малороссіи, подъ вліяніемъ Запорожцевъ, получилъ булаву предводитель ихъ Иванъ Бруховецкій, который вскорѣ призналъ полное господство Московскаго царя; въ то же время въ Чигиринѣ реестровые казаки избрали Петра Дорошенка. Вражда двухъ гетмановъ была естественнымъ послѣдствіемъ такого двоеначалія. Дорошенко питалъ замыслы объединить подъ своею властію всю Малороссію, и благодаря своей популярности, имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. Въ 1666 г. Дорошенко овладѣлъ почти всею восточною Малороссіей. Хотя обстоятельства вынудили его отступить за Днѣпръ; но его слава была такъ велика, что вся Малороссія готовилась поголовно возстать по его мановенію. Бруховецкій едва держался при помощи московскихъ ратныхъ людей.

„Теперь нетрудно догадаться, говоритъ авторъ, какія причины побуждали московскій дворъ къ отказу отъ всей западной Малороссіи.

1. „На дѣлѣ западная Малороссія почти десять лѣтъ не была уже подъ властью царя.

2. „Въ ней была сильная шляхетская партія, тянувшая къ Польшѣ и мечтавшая объ украинской республикѣ, въ федеративномъ союзѣ съ Рѣчью-Посполитою.

3. „Оставляя за собою одну восточную Малороссію, Московское государство пріобрѣтало на всегда страну, признавшую, по Московскому договору съ Бруховецкимъ, полное господство царя; западную же Малороссію только силою оружія можно было принудить къ согласію на такія условія; но для этого нужно было бы вести продолжительную войну, а исходъ ея былъ тѣмъ болѣе сомнителенъ, что казаки могли призвать Турокъ.

„А если бы московскій дворъ и привлекъ на свою сторону демократическую партію въ западной Малороссіи и такимъ образомъ соединилъ ее съ восточною, то для этого необходимо было уничтожить Московскій договоръ, вывести ратныхъ людей изъ Малороссіи, отказаться отъ налоговъ, а главное, соединить Малороссію подъ властью одного гетмана, которымъ сталъ бы, конечно, Дорошенко. Такой образъ дѣйствій со стороны Московскаго царя былъ бы крайне нераціональнымъ, потому что въ такомъ случаѣ стремленіе соединенной Малороссіи къ независимости еще болѣе усилилось бы, и царь долженъ былъ бы или довольствоваться одною тѣнью власти, или же готовиться къ подавленію возстанія въ Малороссіи, поддерживаемаго Татарами, Турками и въ особенности Поляками.

4. „Доселѣ московское правительство свято сохраняло условія съ казаками. Казаки всегда первые нарушали договоры. Клятвопреступленія и измѣны казацкихъ начальниковъ естественно вооружили противъ Малороссіи московское правительство и уничтожили въ немъ всякое довѣріе къ казацкой чести и присягѣ.

5. „Миръ Польши съ Московскимъ государствомъ и раздѣленіе между ними Малороссіи укрощало казаковъ, всегда готовыхъ къ неповиновенію; всякое волненіе въ Малороссіи можно было легко подавить общими силами союзныхъ государствъ. Слѣдовательно, и Польша, и Россія выигрывали отъ заключенія мира. Первая, до крайности истощенная долгою войною, получала надежду успокоиться и имѣть помощь отъ сосѣдки въ случаѣ войны съ Турками; вторая, расширивъ свои предѣлы, обезпечивала ихъ естественною границею — Днѣпромъ, и такимъ образомъ пріобрѣтала бо́льшую часть древнихъ русскихъ земель, которыми нѣкогда завладѣла Литва“.

Г. Александровичъ подробно описываетъ событія, послѣдовавшія за Андрусовскимъ миромъ. Дорошенко не хотѣлъ признать Андрусовскаго договора. Пользуясь ошибками Бруховецкаго и возстаніемъ противъ Московскаго царя, а между тѣмъ войдя въ сношенія съ Москвою, Дорошенко успѣлъ захватить Бруховецкаго и лишить его жизни, въ надеждѣ самому попасть въ гетманы. Но эта надежда не оправдалась. Противъ него составилась въ Запорожьи значительная партія, которая, усилившись въ восточной Малороссіи, испросила себѣ прощеніе и льготы у Московскаго царя. Глуховскій договоръ, заключенный съ Москвою Многогрѣшнымъ, предводителемъ враждебной Дорощенкѣ партіи, даровалъ восточной Малороссіи потерянное ею самоуправленіе и на дѣлѣ предохранилъ ее отъ всякихъ смутъ.

„Въ теченіе первыхъ сорока лѣтъ послѣ этого договора, говоритъ г. Александровичъ, восточная Малороссія находилась въ такомъ благосостояніи, какого ни прежде, ни послѣ не имѣла. Не говоря уже о казакахъ, свободныхъ отъ налоговъ, получавшихъ жалованье и стоявшихъ во главѣ управленія, даже поспольство находилось въ завидномъ положеніи. Освобожденное отъ прежде бывшаго панскаго самовластія, оно пользовалось рѣдкимъ въ то время правомъ личной свободы; никто не препятствовалъ крестьянамъ перемѣнять мѣсто жительства, лишь бы толпы ихъ не ходили вооруженными; обиліе никому не принадлежащей земли было причиною легкихъ и выгодныхъ заработковъ, а простота нравовъ, умѣнье обходиться въ жизни домашними произведеніями, дешевизна всѣхъ продуктовъ и ничтожная подать дали возможность поспольству достигнуть богатства и благосостоянія“.

Иная судьба постигла западную Малороссію. Упорство польской шляхты, фанатически приверженной къ крѣпостному праву и религіозной пропагандѣ, исключало всякую возможность примиренія съ ея владычествомъ. Дорошенко дѣлалъ попытки сойдтись съ Польшею на условіяхъ, сходныхъ съ Глуховскимъ договоромъ; но король не согла-

сился на важнѣйшіе пункты, касавшіеся отмѣны крѣпостнаго права и положенія православной вѣры и церкви, и явно хотѣлъ погубить гетмана, обвиняя его въ измѣнѣ. Отдаться подъ власть Москвы Дорошенко не хотѣлъ, да и не могъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Дорошенко сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который погубилъ его популярность, но который, по мнѣнію г. Александровича, былъ вызванъ крайностію и подавалъ надежду избавиться отъ Польши и утвердить автономію южно-русской украйны. Этотъ шагъ состоялъ въ принятіи турецкаго подданства. Султанъ охотно согласился на предложенія Дорошенка, который съ тѣхъ поръ сталъ именоваться гетманомъ найяснѣйшей Порты Оттоманской, украйно-малороссійскимъ и всего войска запорожскаго.

Въ статьѣ г. Александровича ярко обрисованы характеры главныхъ дѣятелей тогдашней Малороссіи. Героизмъ, аскетическое самоотверженіе, дикая отвага отличаютъ первыхъ Запорожцевъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ войны обогатили Малороссію добычею, нравственныя качества ея сыновъ во многомъ измѣнились; храбрость перешла въ буйство и соединилась съ корыстолюбіемъ и духомъ партій. Бруховецкій и Дорошенко, главные дѣятели описанной эпохи, относятся къ этому позднѣйшему періоду. Бруховецкаго авторъ сравниваетъ даже съ Маріемъ.

„Подобно римскому консулу кровожадный, преданный пьянству, всегда готовый на предательство, хладнокровно храбрый во время опасности и малодушно нерѣшительный предъ ея наступленіемъ, одаренный блестящими военными талантами, способный къ возбужденію черни и къ мелкой интригѣ, но лишенный политическаго такта, послѣдовательности въ поступкахъ и умѣньи пользоваться своими успѣхами, — онъ превосходилъ Марія корыстолюбіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ гражданской чести и убѣжденій.

„Что касается до характера Дорошенко, то онъ былъ типомъ украинца того времени, когда гражданскія войны деморализировали общество, и іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства, сдѣлалось всеобщимъ. Въ изысканіи средствъ, въ равнодушіи къ пролитію крови, въ нарушеніи клятвъ и обязательствъ, въ презрѣніи къ человѣческой личности, Дорошенко равнялся Бруховецкому, но далеко превосходилъ его умомъ, предпріимчивостью, умѣньемъ извернуться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, твердостію воли, послѣдовательностью въ поступкахъ, политическимъ тактомъ и пониманіемъ интересовъ края. Въ то время какъ Бруховецкій, жертвуя интересами страны, думалъ только объ удовлетвореніи своего узкаго эгоизма, кровожадности и корыстолюбія, Дорошенко, властолюбивый не менѣе его, отказывался отъ всѣхъ лично предлагаемыхъ ему выгодъ, если онѣ были невыгодны для Малороссіи“.

Живое и одушевленное изложеніе, а еще болѣе краснорѣчіе са-

мыхъ событій придаютъ большой интересъ статьѣ г. Александровича, тѣмъ болѣе, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія большею частію заимствованы изъ первоначальныхъ источниковъ.

Отъ событій, носящихъ на себѣ печать сѣдой старины, мы перейдемъ въ недавнему прошлому западно-русскаго края. „Историческія замѣтки о сѣверозападномъ краѣ Россіи“ П. Кукольника (1 кн. *Вѣстника*) переносятъ насъ къ 20-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, когда была во всемъ разгарѣ та подземная работа, которая произвела взрывъ 1830 года.

Замѣтки начинаются съ 1813 года. Послѣ счастливаго для Россіи окончанія войны, въ которой Поляки открыто были на сторонѣ враговъ нашего отечества, Польша ожидала мести. Но когда кроткій Императоръ обнародовалъ всеобщее прощеніе, умы успокоились. Въ 1813 и 1814 годахъ во всемъ краѣ царствовала тишина. Среднія и низшія сословія искренно торжествовали при каждомъ успѣхѣ русскаго оружія. По случаю Лейпцигской битвы въ Вильнѣ былъ всеобщій трехдневный праздникъ. Надежды агитаторовъ снова оживились въ 1815 году, когда Императоръ Александръ I возстановилъ Царство Польское и даровалъ ему конституцію. Но къ чести Западнаго края нужно сказать, что преступные замыслы образовались не въ его предѣлахъ. Источникомъ ихъ была Польша. Между тѣмъ какъ Поляки на словахъ изъявляли благодарность и полную преданность Александру, съ 1819 года стали появляться въ ихъ средѣ тайныя общества, обыкновенно подъ видомъ масонскихъ ложъ, терпимыхъ правительствомъ. Особенную силу эти общества пріобрѣли съ того времени, какъ вошли въ сношенія въ Чарторыйскими, которыя Кукольникъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Честолюбивая мать близкаго къ Императору Адама Чарторыйскаго, во что бы ни стало, хотѣла видѣть своего сына намѣстникомъ Польши, но не смотря на всѣ происки не достигла цѣли. Тогда она возненавидѣла все и рѣшилась употребить свои огромныя богатства и связи для содѣйствія цѣлямъ тайныхъ обществъ. Подкрѣпленный могущественнымъ вліяніемъ Чарторыйскихъ, Варшавскій центральный комитетъ въ 1822 году разослалъ въ разныя мѣста своихъ агентовъ, которые скоро образовали особые совѣты въ Вильнѣ и на Волыни, и къ концу 1822 года успѣли завербовать до 5.000 человѣкъ, преимущественно между помѣщиками.

Въ это же время въ Вильнѣ пріобрѣлъ большое значеніе извѣстный Іоахимъ Лелевель. Авторъ такъ описываетъ эту личность:

„Лелевель съ блѣдными впалыми щеками, всегда повисшей головой, тонкими стиснутыми губами, быстрымъ, но непріятнымъ взглядомъ, съ перваго раза возбуждалъ къ себѣ недовѣрчивость и даже родъ отвращенія. Угрюмый, молчаливый, казалось, онъ постоянно занятъ былъ какою-то мрачною мыслію, которая не давала ему покоя... Въ частной жизни онъ походилъ на нелюдима, рѣдко являлся въ обществѣ, не заводилъ близкихъ сношеній съ товарищами по службѣ, и на предлагаемые ему въ частныхъ бесѣдахъ вопросы отвѣчалъ коротко и какъ бы съ неудовольствіемъ. Одинъ только предметъ преображалъ совершенно Лелевеля, именно, когда рѣчь касалась какого-нибудь обстоятельства, относящагося къ польской исторіи и вообще къ судьбѣ Польши. Тогда невозможно было узнать прежняго угрюмаго и неприступнаго Лелевеля. Въ то время мертвое лицо его оживлялось, глаза загорались какъ бы поэтическимъ огнемъ, изъ устъ его лилась рѣка выводовъ, сравненій и изслѣдованій, объясненій, а наконецъ, и предсказаній, оживлявшихъ въ неопытныхъ слушателяхъ надежды на осуществленіе несбыточной идеи“.

Кукольникъ подробно описываетъ тайное общество, образовавшееся при Виленскомъ университетѣ. Въ 1819 году нѣкто Занъ составилъ изъ студентовъ кружокъ, принявшій имя „лучезарныхъ“. Прикрываясь стремленіемъ утвердить между членами правила нравственности, возбудить любовь къ наукѣ, оживить прилежаніе и умертвенную дѣятельность, помогать бѣднымъ товарищамъ, „лучезарные“ имѣли затаенныя политическія цѣли. Дѣятельность этого общества усилилась съ 1821 года, когда въ Виленскомъ университетѣ каѳедру исторіи занялъ Лелевель, а философіи — Голуховскій, которые поддерживали энтузіазмъ. О противозаконномъ направленіи „лучезарныхъ“ было своевременно донесено попечителю Виленскаго округа, которымъ былъ въ то время Чарторыйскій; но попечитель, желая прикрыть общество, поручилъ слѣдствіе профессору ветеринарнаго искусства Боянусу. Мало свѣдущій въ судебномъ изслѣдованіи, Боянусъ не замѣтилъ ничего и донесъ Чарторыйскому, что дѣло не заслуживаетъ вниманія. Случайнымъ образомъ слухи о существованіи въ Вильнѣ тайнаго общества дошли до графа Новосильцева, бывшаго императорскимъ резидентомъ въ Царствѣ Польскомъ и уже успѣвшаго открыть обширный заговоръ въ Варшавѣ. Увидѣвъ недостаточность слѣдствія Боянуса, Новосильцевъ самъ прибылъ въ Вильну. Вскорѣ онъ нашелъ въ квартирѣ одного студента списокъ членовъ общества и арестовалъ главныхъ виновниковъ. Занъ сначала запирался, но потомъ объяснилъ все дѣло. Окончивъ слѣдствіе, Новосильцевъ принялся за преобразованіе университета. Назначенный попечителемъ на мѣсто Чар-

торыйскаго, онъ уволилъ изъ университета профессоровъ Лелевеля, Голуховскаго, Даниловича и уніатскаго священника Бобровскаго, измѣнилъ университетскія правила, усилилъ полицію, обязалъ студентовъ прилежнѣе заниматься русскимъ языкомъ, въ которомъ прежде они дѣлали слишкомъ слабые успѣхи. Особенно важно было назначеніе ректоромъ университета Д. Пеликана, который, пользуясь своимъ ученымъ авторитетомъ и личнымъ вліяніемъ, сумѣлъ водворить въ университетѣ строгій порядокъ.

Такія же опасности, которымъ подвергалась Россія въ своихъ западныхъ областяхъ со стороны польскаго элемента, пришлось испытать и другимъ государствамъ, получившимъ по раздѣлу польскія владѣнія. Единственное средство оградить свою безопасность и спокойствіе Австрія и Пруссія справедливо видѣли въ возможно-полномъ сліяніи новопріобрѣтеннаго населенія съ господствующею національностью. Эту трудную задачу всего раньше поняла и всего успѣшнѣе разрѣшила Пруссія. Познань, которая въ 1782 году была населена почти исключительно Поляками, въ 1859 году считала уже 619.936 Нѣмцевъ на 783.692 Поляка. Изъ 1.650 имѣній въ Познани, 628 въ 1857 года уже принадлежали Нѣмцамъ. Изъ поколѣнія, отживающаго нынѣ свой вѣкъ въ Познани, найдется не одинъ, который родился Полякомъ и подданнымъ Рѣчи-Посполитой, а свою послѣднюю молитву выскажетъ на болѣе уже знакомомъ ему нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о средствахъ, какими Пруссія достигла столь благопріятныхъ результатовъ, представляетъ весьма важный практическій интересъ. Статья В. Ратча: „Пруссаки въ бывшихъ польскихъ областяхъ", помѣщенная въ 8, 9 и 10 кн. *Вѣстн. Зап. Рос.*, представляетъ попытку отвѣтить на этотъ вопросъ, и потому мы не можемъ не признать за нею права на вниманіе.

Пруссія нашла польскія области, перешедшія къ ней по раздѣлу 1772 года, въ самомъ жалкомъ положеніи. Скудное земледѣліе, основанное на крѣпостномъ трудѣ, отсутствіе фабричной промышленности, истощенныя поля, рѣдкое населеніе, безумная роскошь пановъ, изнуреніе рабочаго класса, — вотъ что представилось глазамъ прусскихъ чиновниковъ, когда они явились въ новопріобрѣтенный край. Фридрихъ Великій увидѣлъ необходимость немедленно приняться за коренное переустройство страны. Первыя заботы мудраго государя направились на экономическія улучшенія. Правительство установило

правильныя границы и произвело кадастръ поземельныхъ участковъ, соединило каналомъ Нетцу съ Вислою, поставивъ такимъ образомъ новую страну въ прямое сообщеніе съ центральными прусскими областями; осушило обширныя болотистыя пространства; съ большими расходами привело въ порядокъ хозяйственныя постройки въ значительныхъ староствахъ; роздало заброшенныя земли Нѣмцамъ-колонистамъ. Король думалъ уничтожить крѣпостное право; но опасаясь разстроить земледѣльческія хозяйства, державшіяся на несвободномъ трудѣ, онъ не рѣшился произвести реформу сразу и ограничился энергическою защитой крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ.

Важнѣйшими путями къ ослабленію полонизма Фридрихъ считалъ устройство нѣмецкихъ школъ и водвореніе нѣмецкаго замлевладѣнія. Въ 1776 году во вновь присоединенныхъ областяхъ заведено 187 училищъ, съ жалованьемъ отъ правительства, большею частію нѣмецкихъ; польскія школы были учреждены только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе исключительно состояло изъ жителей, говорящихъ по-польски; польскихъ школъ устроено на этомъ основаніи всего 83 на 104 нѣмецкихъ. Что касается до землевладѣнія, то правительство здѣсь дѣйствовало и косвенными, и прямыми мѣрами. Сначала былъ учрежденъ банкъ, выдававшій ссуды подъ залогъ поземельной собственности, безъ большихъ формальностей, но строгій во взысканіяхъ; паны брали деньги и расточали ихъ, а Нѣмцы покупали имѣнія, продаваемыя съ молотка, при чемъ получали ссуды отъ казны на весьма выгодныхъ условіяхъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе изъ владѣльцевъ староствъ отказались принести присягу, у многихъ изъ нихъ были отобраны въ казну имѣнія. Чтобы духовенство „не было развлекаемо хозяйственными заботами и отрываемо отъ обязанностей духовнаго его призванія“, церковныя имѣнія были переданы въ казенное управленіе, а духовенству уплачивалась изъ казначейства половина чистаго дохода, по разчету, сдѣланному первоначально самимъ духовенствомъ. Для помѣщиковъ право владѣнія землею сопряжено было съ невыносимыми для кармана и тщеславія непріятностями. Имѣнія были обложены налогомъ въ 25% съ чистаго дохода; арендаторамъ дворянскихъ участковъ дозволено бы вносить арендную плату помѣщикамъ не болѣе какъ за три мѣсяца впередъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы лишить владѣльцевъ средствъ проматывать деньги за границей. На всѣ мѣстныя власти была возложена обязанность неусыпно заботиться о переходѣ имѣній къ нѣмецкимъ владѣльцамъ.

Послѣ втораго раздѣла (1793), система управленія такъ-называе-

мою Южно-Прусскою провинціею измѣнилась. Министръ Фоссъ, которому въ 1793 году ввѣрена была эта провинція, не раздѣлялъ взглядовъ Фридриха Великаго на польское дѣло; онъ полагалъ, что лишь довѣріемъ къ польской національности и совершенною равноправностью прусскаго дворянства и польскаго шляхетства можно совершить сліяніе польскихъ областей съ коренными прусскими. Въ этихъ видахъ правительство возвратило духовенству и владѣтелямъ староствъ ихъ имѣнія и вообще не останавливалось передъ уступками при соглашеніи желаній представителей полонизма съ государственными требованіями Пруссіи. Однако послѣдствія показали, какъ мало можно было надѣяться на преданность шляхетства. Въ 1794 году, когда прусскія войска выступили въ Польшу, въ Южно-Прусской области вспыхнуло опасное возстаніе, вынудившее прусскія войска быстро возвратиться изъ-подъ Варшавы. Этотъ мятежъ выяснилъ предъ правительствомъ значеніе полонизма, и первымъ слѣдствіемъ усмиренія мятежа было возвращеніе къ системѣ Фридриха Великаго. Вмѣсто Фосса управленіе поручено было графу Гойму. Тяжкій опытъ показалъ, что для онѣмеченія страны недостаточно нѣмецкихъ чиновниковъ, нѣмецкихъ колонистовъ, нѣмецкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, нѣмецкихъ училищъ и учителей. Правительственныя мѣры подрывались силой ксендзовско-шляхетскаго вліятельнаго элемента землевладѣнія. Поэтому Пруссія не ограничилась введенною Фридрихомъ раздачею староствъ въ аренду нѣмцамъ, а приступила къ прочному водворенію прусскаго землевладѣнія и избрала для этого средствами частію продажу конфискованныхъ и церковныхъ имѣній Пруссакамъ за низкую цѣну, частію пожалованіе даромъ. Польская аристократія скоро увидѣла опасность своего положенія и пустила въ ходъ всѣ интриги, чтобъ избавиться отъ Гойма. Благодаря поддержкѣ изъ самихъ Пруссаковъ, Полякамъ удалось очернить графа Гойма. Авторъ подробно разбираетъ разныя обвиненія, печатно пущенныя въ ходъ противъ Гойма, и находитъ, что всѣ они—произведенія чистой клеветы и озлобленія. Польскія антипатіи нашли доступъ къ молодому Фридриху-Вильгельму III, лично предубѣжденному противъ графа Гойма. Вскорѣ по воцареніи, именно въ апрѣлѣ 1798 года, новый король удалилъ Гойма и въ преемники ему снова назначилъ любимаго Поляками Фосса. Фоссъ опять принялся за усердную службу польской партіи. Покровительствуя основаннымъ извѣстнымъ Ѳаддеемъ Чацкимъ историко-литературному и торговому обществамъ, онъ далъ средство приготовить, подъ сѣнью прусской вла-

сти, работниковъ для будущихъ мятежей. Слабость власти пробудила въ шляхетствѣ надежду возвратить прежнія имѣнія; для этого пущены были въ ходъ разныя уловки, какъ, напримѣръ, арендованіе имѣній на продолжительные сроки, съ наслѣдственнымъ правомъ. Впрочемъ вскорѣ послѣдовало запрещеніе утверждать договоры, въ которыхъ право аренды, подъ видомъ условленнаго числа годовъ, могло продолжаться долѣе жизни владѣльца.

Политика Фосса держалась до самаго 1831 года, когда Варшавскій мятежъ отразился и на Познани. Въ декабрѣ 1830 года въ Познань былъ назначенъ Флотвель, остававшійся въ этой должности до 1841 года. Ознакомясь съ дѣломъ, Флотвель остановился на томъ, что самое надежное средство къ предупрежденію мятежей есть возвращеніе къ прежней системѣ правительства и возможное усиленіе нѣмецкаго землевладѣнія. Подъ его вліяніемъ въ 1833 году послѣдовало королевское повелѣніе покупать въ казну продаваемыя Поляками имѣнія, если высокая цѣна не привлекала частныхъ покупщиковъ нѣмецкаго происхожденія. Пріобрѣтенныя имѣнія на весьма выгодныхъ условіяхъ уступались Нѣмцамъ или въ полномъ составѣ, или по частямъ.

При либеральномъ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV снова сдѣлана была попытка къ примиренію съ полонизмомъ, которая осталась такою же безплодною, какъ и предыдущія. Въ 1846 году въ Познани образовался обширный заговоръ, который однако во-время былъ открытъ правительствомъ. Въ 1848 году мятежъ снова вспыхнулъ въ самомъ Берлинѣ. Авторъ приписываетъ почти исключительно польскому вліянію всѣ событія 1848 года въ Пруссіи. Съ 1848 года Пруссаки окончательно убѣдились въ вѣрности политики Фридриха и Гойма и неуклонно слѣдуютъ ей. Оттого мятежъ 1863 года, усмиреніе котораго стоило Россіи такихъ усилій, почти не отразился въ Познани.

О ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВАХЪ,

ПРОТИВОБОРСТВОВАВШИХЪ УНІИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Соч. свящ. Іоанна Флерова. Спб. 1857 г.

«Юго-западная Россія была древнимъ достояніемъ потомковъ Св. Владиміра, и православныя ея чада были соединены кровными узами родства съ сынами Руси Восточной. Въ ихъ жилахъ текла родная кровь, въ устахъ звучала родная Русская рѣчь, въ памяти сохранялись одни и тѣ же дорогіе, минувшіе годы младенчества, а души получали жизнь и силу отъ одного и того же благодатнаго источника — святой Вѣры Православной, — словомъ, это были родные братья, связанные между собою и единствомъ происхожденія, и единствомъ святой Вѣры Православной, и единствомъ языка, и священными преданіями древности. Но, въ смутныя времена междоусобія князей, всѣ области Юго-западной Руси, одна за другою, были захвачены Литовскими князьями, а съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ (въ 1569 году) и вся Юго-западная Россія подпала владычеству Польскихъ королей. Съ тѣхъ поръ, подобно вѣтви, отдѣленной отъ роднаго дерева и насильно привитой къ чужому, она жила какою-то полужизнію или, лучше сказать, остатками прежней жизни, и должна была постепенно исчезать подъ игомъ чуждаго владычества».

Такимъ многозначительнымъ указаніемъ на живую связь исторіи Юго-западной Руси съ исторіею Руси Сѣверо-восточной начинаетъ свою книгу авторъ изслѣдованія о Православныхъ Юго-западныхъ Русскихъ «*братствахъ*». Нельзя не порадоваться, встрѣчая такую живую и вѣрную точку отправленія въ изслѣдованіи одного

Р. Ба. 58 №.

изъ важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Юго-западной Руси,—каковъ вопросъ о братствахъ. Чтобы объяснить для читателя важность такого взгляда, считаемъ нужнымъ замѣтить, что вниманіе къ исторіи Юго-западной Руси у насъ вообще дѣло довольно новое, а между тѣмъ весьма важное. Заслуга перваго взгляда въ эту сторону одному изъ первыхъ по времени, а по объему дѣла и рѣшительно первому, принадлежитъ извѣстному профессору Устрялову. Онъ первый, въ своихъ учебникахъ, провелъ непрерывную, хотя на первый разъ и внѣшнюю, параллель исторіи Юго-западной Руси съ исторіею Руси Сѣверо-восточной. За нимъ уже пошли другіе. А между тѣмъ изученіе исторіи Юго-западной Руси для насъ очень важно. Русская, по своему населенію, языку, правамъ, учрежденіямъ, — Юго-западная Русь стояла совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ Русь наша, Сѣверо-восточная. Вслѣдствіе этого Юго-западная Русь, представляя собою тѣ же черты народности, что и Русь Сѣверная, по своему, однако жъ, особенному положенію, выражала эти черты въ особенномъ, чѣмъ Сѣверная Русь, видѣ. Подверженная постояннымъ и всестороннимъ напорамъ чуждыхъ вліяній, Юго-западная Русь свои Русскія черты обозначала особенно рѣзко, развивала до гораздо большей полноты, чѣмъ Русь Восточная, и сближала ихъ съ чуждыми элементами или въ высшей степени благоразумнымъ и поучительнымъ образомъ, или уже совершенно трагическимъ. Вотъ почему многія историческія явленія въ Юго-западной Руси, будучи въ существѣ своемъ явленіями Обще-Русскими, поражаютъ часто своею оригинальностью Русскаго историка, привыкшаго наблюдать спокойную, а потому и какъ бы нѣсколько блѣдную картину Сѣверно-русской жизни. Читатели «Русской Бесѣды», безъ сомнѣнія, испытали сами то впечатлѣніе, о которомъ мы говоримъ, — когда читали въ высшей степени любопытную статью профессора Иванишева «Объ общинахъ Юго-западной Руси». Общинный колоритъ, такъ спокойно и какъ бы незамѣтно распускающійся по всѣмъ сторонамъ жизни Сѣверно-русской, — даже, вслѣдствіе этой распущенности и растяжимости, незамѣченный цѣлою школою Русскихъ историковъ, привыкшихъ, по Западно-европейскимъ образцамъ, искать въ Исторіи рѣзкихъ очертаній, — въ Юго-западной Руси выступаетъ въ такомъ яркомъ, сосредоточенномъ видѣ, что не назвать его общиннымъ уже рѣшительно невозможно. А между тѣмъ явленіе, которое, по памятникамъ, представилъ намъ г. Иванишевъ, есть чисто Русское: конное устройство

не выведете ни изъ какихъ не-Русскихъ стихій, ибо съ появленіемъ сихъ послѣднихъ въ Южно-русской исторіи и копное устройство умираетъ. Къ числу такихъ же многозначительныхъ явленій въ исторіи Юго-западной Руси принадлежатъ и Православныя Церковныя братства, о которыхъ отецъ Іоаннъ Флеровъ представилъ образованному Русскому обществу свое изслѣдованіе.

Въ изслѣдованіи своемъ авторъ ставитъ три главные вопроса, изъ разрѣшенія которыхъ читатель получаетъ довольно полное понятіе о Юго-западныхъ Русскихъ братствахъ. Эти вопросы слѣдующіе: какое было *устройство* братствъ? Какую они имѣли *цѣль* и *средства* къ достиженію оной? И, наконецъ, *что они сдѣлали* для блага Православной Церкви въ Юго-западной Россіи? Но, кромѣ того, авторъ предпосылаетъ своему труду довольно обширное вступленіе, въ которомъ онъ рѣшаетъ вопросъ *о происхожденіи братствъ*.

Весьма желали бы мы пройдти съ авторомъ всѣ стороны его труда, въ высшей степени любопытнаго по предмету, котораго этотъ трудъ касается. — Юго-западныя братства, будучи учрежденіемъ церковнымъ, охватывали, однако, такъ широко всѣ области жизни православнаго Южно-русскаго населенія, что необходимо становились явленіемъ политическимъ. Устрояясь при церквахъ, съ цѣлями поддержанія православнаго богослуженія и обычаевъ православныхъ, они явились впослѣдствіи въ Юго-западной Руси вообще охранителями Русской народности, какъ живой плоти Православія, и охранителями Православія, какъ животворящей души Русскаго бытія. Содержа въ числѣ своихъ членовъ лучшихъ людей того времени, проникнутыхъ живымъ чувствомъ православно-религіозныхъ интересовъ, или, говоря словами отца Флерова, извлеченными имъ изъ памятниковъ, содержа въ себѣ «старшихъ изъ народа Русскаго, обязанныхъ защищать права цѣлой націи» (стр. 165), братства представляли рѣдкій въ Исторіи примѣръ единодушнаго и крѣпкаго бытія церковнаго, даже въ то время, когда оффиціальные представители Церкви ей измѣняли. «Братства, по полномочію отъ патріарховъ, наблюдали за чистотою исповѣданія и жизни самихъ епископовъ, и въ случаѣ нарушенія ими церковныхъ законовъ, или соблазнительнаго ихъ поведенія и нетвердости въ Вѣрѣ Православной, не только имѣли право противодѣйствовать ихъ распоряженіемъ, но и должны были немедленно доносить объ этомъ Цареградскому патріарху» (стр. 180, 181). — Наконецъ, защищая Православіе отъ Католицизма, братства первыя ввели въ Россію науку,

справедливо желая видѣть въ ней умную и добросовѣстную союзницу религіи. Это были первые у насъ насадители науки, указавшіе ей высокую ея задачу въ Россіи, задачу — быть опорою Вѣры Православной. Словомъ — въ вопросѣ о братствахъ столько глубокой жизни, что мы душевно желали бы съ авторомъ разбираемаго нами сочиненія пройдти по всѣмъ частямъ его труда, — тѣмъ болѣе, что остановившись на внѣшнемъ описаніи избраннаго имъ явленія, — онъ не вездѣ имѣлъ время вдумываться въ духъ явленія. Въ этомъ, конечно, и обвинять его мы не беремся. «Надобно сознаться, пишетъ и самъ онъ, что недостатокъ источниковъ, новость и неразработанность предмета, не даютъ возможности изслѣдовать его съ совершенною полнотою и удовлетворительностію» (стр. 21). Но это же замѣчаніе показываетъ, что и нашъ трудъ превзошелъ бы предѣлы журнальнаго обзора. Вотъ почему, предоставляя себѣ на будущее время задачу высказать въ отдѣльной статьѣ все, что мы имѣемъ для вопроса о братствахъ, — ограничимся пока вопросомъ о происхожденіи братствъ, какъ потому, что это вопросъ самый значительный, ибо основный духъ учрежденія опредѣляетъ и всѣ частныя его черты, — такъ и потому, что объ этомъ вопросѣ мы имѣемъ свое мнѣніе, совершенно отличное отъ мнѣнія о. Іоанна Флерова и другихъ изслѣдователей.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія, касаясь вопроса о происхожденіи братствъ, во вступленіи своего труда (стр. 1 — 21), дѣлаетъ такія соображенія: 1) *Братства суть мѣстное Юго-западно-русское явленіе, вызванное уже во время Польскаго владычества необходимостію защищать Православіе отъ угнетеній Латинства.* Вотъ слова автора: «Тогда-то (т. е. во время Польскихъ гоненій) православные жители Юго-западной Россіи, ревнуя по Православной Греческой Вѣрѣ, и ненавидя все, что только носило на себѣ какой-либо отпечатокъ Латинства, для поддержанія Православія и для противодѣйствія Уніи, повсюду *начали* (sic) учреждать церковныя общества или братства» (стр. 12, и выше, начиная отъ 2-й стр.). 2) *Мысль объ учрежденіи братствъ подало Евангельское ученіе о любви и учрежденія любви, бывшія въ первенствующей Церкви.* Вотъ опять слова автора: «*За образецъ и основаніе при учрежденіи церковныхъ братствъ приняты были* (sic) примѣры христіанской жизни первыхъ временъ и многочисленныя заповѣди Спасителя и Апостоловъ о любви, какую должны

имѣть христіане другъ къ другу» (стр. 2). 3) *Возможность политическаго осуществленія этой христіанской мысли авторъ находитъ въ существованіи Магдебургскаго права въ тѣхъ городахъ, гдѣ учреждались «братства», и въ правѣ основанія цеховыхъ корпорацій, даваемаго упомянутымъ правомъ.* Вотъ опять подлинныя соображенія о. Флерова: «Какъ Польскіе короли и вообще Польское правительство могли допустить существованіе братствъ, когда они явно противодѣйствовали ихъ видамъ и политикѣ? То и другое приводитъ къ мысли, что братства должны были возникнуть изъ современнаго устройства общества, или, по крайней мѣрѣ, находить для себя опору въ гражданскихъ учрежденіяхъ того времени. Такъ дѣйствительно и было. Извѣстно, что многіе города Юго-западной Россіи издревле пользовались такъ называемымъ *Магдебургскимъ правомъ*, котораго сущность можно представить въ слѣдующемъ видѣ: мѣщане извѣстнаго города, на основаніи Магдебургскаго права, составляли общину, имѣвшую свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе.... Ремесленники каждаго значительнаго ремесла соединялись въ цехи.... Ремесленники одного цеха, впослѣдствіи, также назывались братствомъ. *Поставляя устройство ремесленныхъ цеховъ во взаимное соотношеніе съ устройствомъ Православныхъ Церковныхъ братствъ находимъ между ними немало сходства*» (стр. 14, 15, 16 и слѣд.). Таково мнѣніе отца Іоанна Флерова о происхожденіи Юго-западныхъ братствъ.

Здѣсь весьма кстати вспомнить, что въ нашей исторической литературѣ есть и другое мнѣніе касательно того же предмета, появившееся почти современно съ первымъ, — которое здѣсь и весьма прилично сопоставить съ мнѣніемъ отца Іоанна. Это другое мнѣніе о происхожденіи Юго-западныхъ братствъ принадлежатъ профессору Соловьеву. Въ небольшой своей статьѣ, помѣщенной въ смѣси 4-й книги «Русской Бесѣды» за 1856 годъ, подъ названіемъ: «Братчины», г. Соловьевъ имѣлъ прямою цѣлію объяснить происхожденіе Юго-западныхъ братствъ, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) «*Братчина Восточной Россіи* и *братство Западной, въ началѣ было одно и то же учрежденіе,* которое въ разныхъ мѣстахъ имѣло разныя степени развитія» (Рус. Бес. 1856 г. кн. IV. см. стр. 117). 2) «*Братство сохраняетъ общій характеръ братчины,* съ какимъ видимъ ее повсемѣстно въ Россіи,—*характеръ пира въ складчину;* хотя мы здѣсь и видимъ, что братство имѣетъ своею цѣлію

дѣла благочестія и милосердія, однако деньги, употребляемыя на церковное строеніе и милостыню, выручаются за мёдъ, выпиваемый на братскихъ пирахъ» (стр. 113. тамъ же).

Къ сожалѣнію, мы ни съ тѣмъ ни съ другимъ изъ этихъ мнѣній согласиться не можемъ. Постараемся, сколько можно, яснѣе изложить, какъ причины нашего несогласія, такъ и собственное наше мнѣніе о происхожденіи братствъ. Начнемъ съ соображеній о. Іоанна Флерова, объ этомъ предметѣ.

Во первыхъ, онъ думаетъ, что братства суть мѣстное явленіе Юго-западной Руси, возникшее вслѣдствіе Польскихъ притѣсненій Православію. Но братства были такъ многочисленны, почти повсемѣстны въ Юго-западной Руси, и такъ живучи, даже доселѣ (1), что не естественно представить ихъ явленіемъ новымъ, возникшимъ вдругъ въ минуту опасности. Для этого необходимо, чтобы духъ, создавшій такія учрежденія, существовалъ прежде. Кромѣ того всѣ Юго-западныя братства такъ однообразны, такъ согласны въ чертахъ безразличныхъ, неважныхъ, что этимъ самымъ указываютъ на что-то древнее, коренное, всѣмъ тогдашнимъ жителямъ Юго-западной Руси цѣнное и понятное. Сами короли Польскіе въ своихъ привиллегіяхъ называютъ ихъ *старыми*.

Далѣе, что касается мнѣнія о. Іоанна Флерова, будто христіанское ученіе о любви есть первоначальная мысль основанія братствъ,—и съ этимъ согласиться невозможно. Указанія на мысль о любви христіанской и объ учрежденіяхъ любви, бывшихъ въ первенствующей Церкви, встрѣчаются въ позднѣйшихъ грамотахъ, дававшихся патріархами Юго-западнымъ братствамъ уже въ то время, когда сіи братства достигли высшей степени своего развитія. Это болѣе указаніе со стороны патріарховъ на тѣ нравственныя качества, которыми должны отличаться братства, чѣмъ опредѣленіе первоначальныхъ побужденій къ ихъ осно-

---

(1) Вотъ напр. что пишетъ М. А. Максимовичъ о городѣ Степанѣ: «По стародавнему обычаю Южно-русскаго края, и *теперь еще*, при оставшихся трехъ Степаньскихъ церквахъ, *существуютъ братства*, пекущіяся о благосостояніи своихъ храмовъ. Между прочимъ они заботятся съ особеннымъ усердіемъ объ ихъ освѣщеніи: передъ мѣстными образами всегда находятся по четыре огромныя, трехпудовыя свѣчи, возобновляемыя въ страстную седмицу.» Кіевлянинъ, кн. III, стр. 50. Кромѣ того, въ Южно-русскихъ селахъ, по словамъ М. А. Максимовича, и донынѣ существуютъ, кромѣ братствъ, такъ называемыя тамъ, *сестрички*, пекущіяся о благолѣпіи своего приходскаго храма и созидающія для него то свѣчу, то шату, т. е. ризу для иконы и т. д.

ванію. Авторъ разбираемаго нами сочиненія здѣсь совершенно несправедливо слова, сказанныя, такъ сказать, по ассоціаціи идей, смѣшиваетъ съ существенными словами памятника (см. стр. 2, 3, 4).

Наконецъ, относительно мысли о сближеніи Юго-западныхъ братствъ съ цеховыми учрежденіями, допускаемыми Магдебургскимъ правомъ, — считаемъ достаточнымъ замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшей возможности доказать, чтобы всѣ тѣ города, а тѣмъ болѣе села (ибо и здѣсь были братства), въ которыхъ существовали братства, имѣли право Магдебургское. Это очень хорошо знаетъ и самъ о. Іоаннъ Флеровъ. Не говоримъ уже о томъ, какъ странно себѣ представить, что учрежденія, имѣвшія единственною и главнѣйшею своею задачею отстаивать права Русской народности и носившія въ себѣ всѣ стихіи этой защищаемой ими народности, организовались по законамъ и образцамъ не-національнымъ.

Вообще должны мы сказать, нисколько не думая этимъ указаніемъ на одну неудовлетворительную сторону труда отца Іоанна Флерова уронить достоинство цѣлаго, — что объясненіе происхожденія братствъ едва ли не самая слабая часть его сочиненія. Здѣсь особенно замѣтна слабость историческаго пера, — отсутствіе живаго, органическаго пониманія Исторіи.

Гораздо болѣе опытности въ обращеніи съ историческими явленіями встрѣчаемъ мы, какъ безъ сомнѣнія и слѣдовало ожидать, въ вышеуказанной небольшой статьѣ г. Соловьева. Взглядъ его гораздо глубже уже потому, что онъ чувствуетъ въ братствахъ присутствіе чисто-Русскаго начала, — что, замѣтимъ мимоходомъ, послѣ общаго взгляда на отношеніе Юго-западной Руси къ Сѣверо-восточной, высказаннаго отцемъ Флеровымъ въ началѣ его труда, — было бы весьма легко примѣтить и отцу Флерову. Какъ бы то ни было, но это указалъ г. Соловьевъ. Какъ профессоръ Русской Исторіи, г. Соловьевъ чувствуетъ, что историческое явленіе (т. е. братства), возникшее въ той части населенія Юго-западной Руси, которая осталась по преимуществу Русскою среди всѣхъ окружавшихъ ее анти-Русскихъ вліяній, *должно быть коренное Русское явленіе*. Вотъ почему мы совершенно сочувствуемъ г. Соловьеву, когда онъ ищетъ тѣхъ же братствъ, или чего-нибудь родственнаго имъ, и въ Сѣверо-восточной Руси, какія были и на Юго-западѣ, — сочувствуемъ не вслѣдствіе предзанятой мысли, а по живому чувству органическаго хода Исторіи, — и мнѣніе г. Соловьева о обще-Русскомъ характерѣ братствъ

поставляемъ на видъ читателей, какъ мысль живую и плодотворную.

Но, къ величайшему сожалѣнію, наше сочувствіе съ г. Соловьевымъ только и должно ограничиться этимъ первымъ шагомъ его мысли. Ставши вмѣстѣ съ нимъ на Сѣверно-русскую почву и оглядываясь на здѣшнія явленія, чтобы найдти въ нихъ нѣчто тожественное съ Юго-западными братствами, мы отнюдь не можемъ признать этого тожества въ *братчинахъ*, какъ это сдѣлалъ г. Соловьевъ.

Начать съ того, что добросовѣстные ученые, каковы гг. Поповъ и Срезневскій, спеціально обслѣдывавшіе вопросъ о братчинахъ, находятъ основаніе братчинъ *въ законныхъ обѣдахъ* языческой Руси, что совершенно согласно и съ указаніями памятниковъ, — въ братствахъ же Юго-западныхъ нѣтъ ни малѣйшей черты, связующей ихъ съ чѣмъ-нибудь языческимъ. На братчинахъ пиръ, пѣсни, попойки, скоморохи,—въ братствахъ этого нѣтъ. Правда, г. Соловьевъ весьма легко устранилъ смущающую насъ мысль о языческомъ происхожденіи братчинъ: не упомянувши ни о г. Поповѣ, ни о г. Срезневскомъ, онъ сказалъ коротко: «*легко было предположить* (?), что братчины ведутъ свое происхожденіе отъ временъ языческихъ, что ихъ можно разумѣть подъ языческими законными обѣдами; но *это только вѣроятность*» (Р. Б. 1856 г. кн. IV, см. стр. 108), — и тѣмъ отбросилъ затрудненіе. Но что касается до насъ, мы рѣшительно не сознаемъ за собою права на такіе смѣлые шаги въ историческихъ изысканіяхъ, — ибо очень хорошо помнимъ, что спеціальныя изслѣдованія частныхъ историческихъ вопросовъ для того и пишутся почтенными учеными, и снабжаются документами, чтобы историкъ, бросающій общіе взгляды, принималъ ихъ къ свѣденію, и если измѣнялъ или отвергалъ, то представя на это свои равносильныя доказательства. Да и самъ г. Соловьевъ, вѣроятно, запамятовалъ, что въ своей Исторіи Россіи онъ писалъ о братчинахъ слѣдующее: «У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о подобныхъ *законныхъ обѣдахъ*: думаемъ (?), что здѣсь должно искать начала *братчинъ* или *братовщинъ*» (См. Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергѣя Соловьева, т. I, пр. 144). Послѣ этихъ словъ мы, съ дозволенія самого г. Соловьева, имѣетъ право остаться касательно братчинъ при мнѣніи гг. Попова и Срезневскаго, т. е., признать ихъ явленіемъ языческимъ, а потому и не согласиться съ г. Соловьевымъ признать братства и братчины за одно и то же.

Во вторыхъ, братчины, какъ всякій можетъ видѣть, и по цѣли своей суть явленія весьма отличныя отъ братствъ. Братчина составляется ради веселья, по случаю извѣстнаго праздника. Цѣль братчины, какъ говоритъ и самъ г. Соловьевъ, пиръ въ складчину, — и только. Напротивъ, братства, не только въ позднѣйшее время, но и въ самомъ началѣ ихъ бытія, — имѣютъ цѣлью не пиръ въ складчину, а заботу о церкви въ довольно обширномъ, а впослѣдствіи и въ самомъ обширномъ, смыслѣ этого слова. Дѣйствительно, и въ братствахъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Соловьевъ, деньги выручаются за *медъ*, расшиваемый на братскихъ сходкахъ, — но въ братствахъ пиръ есть *средство* къ собранію денегъ на церковь и на нужды ея членовъ, — тогда какъ въ братчинахъ самое торжество Церкви — церковный праздникъ есть поводъ къ составленію пира, который такимъ образомъ и есть *цѣль* братчины.

И такъ, выйдя съ г. Соловьевымъ на поле Сѣверно-русской исторіи для того, чтобы отыскать здѣсь что нибудь тожественное съ Юго-западными братствами, мы принуждены оставить почтеннаго автора, задумавшагося надъ братчинами, и обратиться къ другимъ Сѣверно-русскимъ явленіямъ, болѣе, какъ намъ кажется, живо напоминающимъ Юго-западныя братства. Вотъ Сѣверно-русскія явленія, которыя мы считаемъ тожественными съ братствами Русскаго Юго-запада.

Въ первой половинѣ XII вѣка (именно въ 1134 или 1135 годахъ) Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичь построилъ въ Новгородѣ, на урочищѣ, называемомъ: Петрятино дворище, церковь во имя святаго Іоанна Предтечи. Князь отъ себя снабдилъ новопостроенный храмъ всею необходимою утварью и самъ выбралъ для него священниковъ и діаконовъ. Но необходимо было обезпечить на будущее время церковное зданіе и церковный причетъ средствами къ существованію. По этому князь Всеволодъ назначилъ, чтобы сборъ за вѣсъ воску въ Торжкѣ и Новгородѣ шелъ въ пользу новопостроенной имъ церкви, по-поламъ съ другою церковью Святаго Спаса. Какую долю изъ этого сбора долженъ получать кто изъ священно-и церковно-служителей — это все росписалъ самъ князь. Самъ же храмоздатель назначилъ и дни, къ какіе должна быть церковная служба въ устроенномъ имъ храмѣ. И такъ дѣло здѣсь началось по личному желанію и распоряженію храмоздателя. Но князь лице не вѣчное, — особенно въ Новгородѣ, — а между тѣмъ ему хотѣлось бы, чтобы устроенный имъ храмъ и заведенная имъ въ храмѣ семъ служба продолжались если не вѣчно, то

сколько можно долѣе и послѣ него. Поэтому Всеволодъ Мстиславичь даетъ своему учрежденію слѣдующую, въ высшей степени близкую къ Юго-западнымъ братствамъ, организацію, — организацію, замѣтимъ, по всей вѣроятности, не необыкновенную на Руси XII вѣка, и даже, какъ увидимъ, рѣшительно не необыкновенную. Изъ житыхъ людей, т. е., изъ почетныхъ жителей Новгорода, князь выбираетъ къ устроенному имъ храму трехъ *старостъ*; кромѣ того, изъ черныхъ людей выбираетъ тысяцкаго; сверхъ сего, изъ купцевъ Новгородскихъ, изъ сословія торговаго, присоединяетъ еще двухъ *старостъ*. Этимъ-то *старостамъ поручаются въ управленіе всѣ дѣла* при церкви Св. Іоанна Предтечи. Какія же это дѣла? Что будутъ дѣлать эти старосты? Чѣмъ они будутъ содержать храмъ, поддерживать его благолѣпіе, поддерживать существованіе причта и отправленіе службы церковной, когда не будетъ князя? А вотъ чѣмъ: при Ивановской церкви устроивается купечество, купеческая община, скажемъ рѣшительнѣе: *купеческое братство*. Выбранныя княземъ лица суть члены-основатели этой общины, этого братства, — они купцы ископные, пошлые. Но число членовъ Ивановской общины, Ивановскаго купеческаго братства, ими не ограничивается: въ купечество въ Ивановское можетъ вписаться (вложиться) всякій, кто хочетъ: онъ долженъ только дать пошлымъ, ископнымъ Ивановскимъ-купцамъ вкладу 50 гривенъ серебра, изъ коихъ половину они кладутъ въ пользу церкви. Эта Ивановская купеческая община, это, по переводу на языкъ юго-западныхъ актовъ, *купеческое братство при церкви Св. Іоанна Предтечи*, имѣетъ свои какъ бы цеховыя *привиллегіи*, хотя о Магдебургскомъ правѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи: имъ только принадлежитъ собственно имя купцевъ, какъ гражданъ почетныхъ; они составляютъ торговую гильдію, — они завѣдываютъ торговыми вѣсами, собираютъ пошлину съ пріѣзжихъ купцовъ. У нихъ и свое управленіе: ни Мирославъ посадникъ, ни другіе посадники, ни бояре Новгородскіе въ ихъ дѣла не вступаются. Въ чемъ же обязанности Ивановскихъ купцевъ, какъ членовъ церковнаго братства? Они обязаны *стоять за домъ Св. Ивана*, и за причетъ церковный. Въ *день Рождества Предтечи* они обязаны устроивать *праздникъ* и *всю церковную почесть*. Изъ *церковной казны*, образовавшейся изъ торговыхъ пошлинъ и вкладовъ, они берутъ *на праздникъ* 25 гривенъ серебра. Въ день Рождества Предтечи у нихъ служатъ архіепископъ и настоятели сосѣднихъ монастырей. Всѣ эти лица, равно какъ и княжіе: на-

мѣстникъ, дворецкій, тіунъ, получаютъ отъ Ивановскаго купеческаго братства опредѣленные подарки; но за эти подарки поименованныя лица и сами даютъ, каждый положенное число пудъ *меду на подсыту*, т. е., на вареніе меда, роспиваемаго на праздникѣ, — *по старинѣ*, какъ замѣчаетъ Всеволодова грамота въ XII вѣкѣ.

Изъ этого учрежденія князя Всеволода Мстиславича въ XII вѣкѣ,— учрежденія, которое мы съ намѣреніемъ изложили до всѣхъ подробностей, сохраненныхъ намъ двумя списками Всеволодовой грамоты, напечатанными въ Русскихъ Достопамятностяхъ и въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ, ясно видно, что на Руси еще въ XII вѣкѣ (и конечно не въ первый разъ и не въ одномъ Новгородѣ, что показываетъ и слово: *по старинѣ*) составлялись, вслѣдствіе общиннаго духа, — этого зиждительнаго духа древней Русской исторіи, — частныя общины съ опредѣленными какими-нибудь гражданскими цѣлями, и составлялись при церквахъ. Чрезъ это и гражданское учрежденіе получало отъ Церкви свою святость и неприкосновенность, и Церковь отъ гражданскаго учрежденія пріобрѣтала себѣ средства къ безбѣдному существованію. Не мелкая цѣль пира въ складчину, а высшая цѣль гражданскаго союза подъ защитой союза церковнаго, и обратно, лежала въ основаніи такихъ учрежденій.

Такія-то общинныя учрежденія, хотя мы доселѣ знаемъ ихъ по одной Всеволодовой грамотѣ, считаемъ мы общимъ явленіемъ, какъ на Сѣверо-востокѣ, такъ и на Юго-западѣ Руси. Такія-то церковно-гражданскія корпораціи, по нашему убѣжденію, существуя въ Юго-западной Руси еще въ то время, когда она была нераздѣльною частію всей Руси, удержались въ ней, какъ исконное Русское учрежденіе и тогда, когда она оторвалась отъ живаго единства обще-Русскаго. Основываясь всегда при церквахъ, — они при церквахъ и остались. Имѣя цѣлію попеченіе о церкви, — они о церкви и пеклись, только расширивъ кругъ своихъ попеченій. Какъ исконныхъ Русскихъ учрежденій ихъ немогло коснуться Польское правительство, — ибо это было бы слишкомъ явнымъ посягательствомъ на самобытность Русскаго населенія всей страны. Можно было только стѣснять и затруднять отдѣльныхъ членовъ такихъ братствъ, — что правительство Польское и дѣлало.

Высказывая нашу мысль о происхожденіи братствъ, мы не думаемъ, чтобы нужно было приводить слишкомъ много доказательствъ на то, что Новгородская купеческая община, основанная Всеволодомъ Мсти-

славичемъ въ XII вѣкѣ, дѣйствительно и безъ натяжекъ сближается съ Юго-западными Русскими братствами. Начиная отъ *старостъ* Новгородской купеческой общины и кончая *медомъ на подсыту* праздничнаго напитка, все напоминаетъ въ ней учрежденія братствъ Юго-западныхъ. Впрочемъ, читателямъ нашимъ мы рекомендуемъ сравнить 1 и 2 главы I-й части труда отца Іоанна Флерова съ грамотою князя Всеволода. Еще же лучше сравнить съ этою же грамотою первые уставы Юго-западныхъ братствъ, какъ они изложены въ просьбахъ братчиковъ къ Польскимъ королямъ о привиллегіяхъ на открытое существованіе братствъ. Эти уставы въ изобиліи встрѣчаются въ актахъ Виленскихъ и Минскихъ. Въ такихъ уставахъ весьма легко усмотрѣть, что Новгородское учрежденіе Всеволода въ XII вѣкѣ не разошлось еще съ Юго-западными братствами XVI вѣка, если напр. въ одной грамотѣ читаемъ: «а кто хочетъ въ купчество вложитися въ Ивановское, дастъ купцамъ пошлымъ людямъ 50 гривенъ серебра», — а въ другой: «или хтобы кольвекъ въ тое братство ихъ церковное вписатися и братомъ уписнымъ зостати хотѣлъ, тотъ маетъ дати уписного до скринки братское тое, што самъ похочетъ водлугъ воли и преможенья своего». Или въ Всеволодовой грамотѣ: «и попомъ пѣти у Св. Великаго Иванна вседневная служба, а у Св. Захаріи по недѣлямъ во вѣки, а діакону пѣти у Св. Иванна субота и недѣля изъ того оброку во вѣки»; а въ Южно-русской: «а съ тыхъ всѣхъ приходовъ служба Божая ранняя чрезъ попа и дьякона ихъ братского у олтаря ихъ братского въ каждомъ тыдню чотыры кратъ, именовито въ недѣлю въ середу въ пятницу и въ суботу отправована бываетъ». Или.... но мы долго бы не кончили тамъ, гдѣ, кажется, нѣтъ нужды продолжать.

Оканчивая здѣсь статью нашу, считаемъ долгомъ рекомендовать читателямъ книгу отца Іоанна Флерова. Для внѣшняго, описательнаго знакомства съ такимъ многозначительнымъ явленіемъ, каковы Православныя Юго-западныя братства, она совершенно достаточна.

Ил(ЯБ — въ.

Января 5 дня,
1858 года.

DK 508 .7 L48

Levitskii, Orest Ivanovich
Ocherki vnutrennei istorii Malorossii vo vtoroi polovinie XVIII vieka

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY